

ישראלית
10
במחנה

ישראלית
10
במחנה

ΔΥΧ Ι ΑΙΤΕΡΑ

EGYPTUS

EGYPT

יְהוּפְטָם

ХУДОЖНЬО-ПУБЛІЦИСТИЧНИЙ
АЛЬМАНАХ
ІНСТИТУТУ ЮДАЇКИ

10

КИЇВ 2002

УДК 892.45(059)
ББК 84.5Є Я5
Є31

РЕДКОЛЕГІЯ:
Г. Аронов (редактор), І. Клімова,
Г. Ліхтенштейн, С. Паніч, М. Петровський,
К. Сігов, Л. Фінберг

РЕДКОЛЕГІЯ СКЛАДАЄ ПОДЯКУ
АМЕРИКАНСЬКОМУ ЄВРЕЙСЬКОМУ ОБ'ЄДНАНОМУ
РОЗПОДІЛЬЧОМУ КОМІТЕТОВІ «ДЖОЙНТ»
ЗА ДОПОМОГУ У ВИДАННІ АЛЬМАНАХУ

Відповідальні за випуск: *К. Сігов та Л. Фінберг*

Художнє оформлення: *І. Клімова*
Комп'ютерний набір: *Г. Ліхтенштейн*
Комп'ютерна верстка: *Т. Жук та Г. Ліхтенштейн*
Коректор: *Н. Резнік*

ISBN 966-7273-22-9

© Інститут Юдаїки, 2002
© Дух і Літера, 2002

Шановний друже-читачу!

Ти тримаєш у руках десяте число альманаху «Єзупець». Сподіваємось, він тобі сподобається, і, може, у тебе виникне бажання якось відзначити цю подію: десять «Єзупців» на твоїй книжковій полиці дають підстави для роздумів. Адже у наш швидкоплинний час вихід у світ десяти томів альманаху просто вимагає від видавничого колективу (та й від читацького кола) зупинитися на мить і оглянути здоланий шлях.

«Єзупець» свого часу (1994 р.) виник як відгук на відчутну необхідність мати друкований орган, навколо якого згуртувалися б творчі сили, що тяжіли до Інституту юдаїки. З їхньою допомогою вже для першого числа альманаху вдалося знайти твори, що зацікавили читачів і наших потенційних авторів. Спільними зусиллями друге число «Єзупця» стало ще цікавішим і насиченішим. Поруч із художньою прозою та поезією з'явилися рубрики «Наші публікації», «Мемуари», «Єврейські долі. Століття ХХ», «Образотворче мистецтво»... А коло авторів значно розширилося за рахунок не лише місцевих літераторів, а й письменників Ізраїлю, США, Німеччини. І ця тенденція збереглася й у подальших числах альманаху.

Не можна оминати увагою і той факт, що нам почали пропонувати свої твори для періодруку відомі автори. Серед них Іцхак Мерас, Григорій Канович, Світлана Алексієвич, Володимир Дрозд... У кількох числах альманаху опубліковані твори чудової письменниці Інни Лесової, а також повісті київських авторів — Якова Лотовського, Селіма Ялкута та інших. Друкувалися у нас і першопереклади класиків єврейської літератури — Ісака Башевіса Зінгера, Бенціона Томера, Рахілі Баумволь...

Особливе місце у нашому альманасі посідають літературознавчі розвідки і дослідження, репрезентовані Шимоном Маркішем, Йохананом Петровським, Вадимом Скуратівським, Марком Соколянським, а також публікації давно забутих або й досі ненадрукованих творів Семена Ан-ського, нарисів І.Бабеля, віршів Дон-Амінадо та інших.

Значне і постійно зростаюче місце посідають мистецтвознавчі статті. Цей розділ альманаху живиться з програми Інституту юдаїки «Агада», яка опікується організацією художніх виставок у різних залах Києва.

Ми живемо надією, що найголовніше, найцікавіше, найкраще — ще попереду. Отож, читачу, наші вітання з приводу виходу десятого числа!

Юліан Тувім

МИ, ПОЛЬСЬКІ ЄВРЕЇ...

Розповідають, що якось темної варшавської ночі Юліана Тувіма, що повертався додому з кав'ярні, переслідував п'яний поляк-антисеміт з дуже немирними намірами. Спочатку Тувім спробував ухилитись від небажаної зустрічі та навіть втекти, але, переконавшись, що втекти не вдасться, зупинився, чекаючи нападника. Коли той наблизився, Тувім нібито сказав йому: «Пане, ваші справи кепські. Навіть якщо ви поб'єте мене, ваші діти все одно вивчатимуть польську по моїх книжках». Невідомо, чим закінчилась ця прикра пригода, проте сталося саме так, як сказав Юліан Тувім, найславетніший польський поет двадцятого століття.

До початку другої світової війни єврейські мотиви у творчості Юліана Тувіма майже відсутні. Чи не єдиний його вірш на єврейську тему — «Єврейський хлопчик («Żydek»), що вийшов друком 1925 року. Сучасники свідчать, що в довоєнні часи він не відчував себе євреєм. Тим пронизливіше звучить написана 1944 року стаття «Ми, польські євреї» — декларація національної гідності, бурхливий вірш у прозі, пронизливий реквієм або, краще, кадіш по загублених душах Голокосту.

У вересні 1939 року, рятуючись від фашистів, що вдерлися у Польщу, Тувім манівцями дістався до Франції. Наступного року він змушений був залишити Париж, знов-таки тікаючи від фашистів. Нарешті він опинився в Сполучених Штатах. Його мати залишилась в окупованій Польщі, де й загинула 1942 року. Статтю «Ми, польські євреї» Тувім супроводив зворушливою присвятою матері, ще не знаючи про її загибель. Статтю було написано 1944 року в Нью Йорку в зв'язку з першими роковинами повстання у варшавському гетто.

Того ж року стаття у скороченому вигляді надрукована польською мовою в Тель-Авіві (на правах рукопису). Першою повною публікацією вважається її поява на сторінках польського емігрантського журналу «Нова Польща» у Лондоні («Nowa Polska», серпень 1944, № 8). У Радянському Союзі стаття була надрукована — також польською мовою — в журналі «Нові горизонти», органі Спілки польських патріотів («Nowe Widnokręgi», березень 1945). Існують переклади цієї статті англійською, мовами ідиш та іврит.

У повоєнній Польщі стаття Тувіма була призабута. Її навіть не було включено до зібрання творів Тувіма 1964 року. Невідомо, чи існує її повний російський переклад. Українською мовою вона друкується вперше. Переклад виконано за виданням: Julian Tuwim. My, Żydzi Polscy... We, Polish jews... Opracował i wstępem opatrzył Chone Szmeruk. Fundacja SHALOM. Warszawa [1993].

Перекладач висловлює подяку пані Вікторії Мільман за надану допомогу.

*Моїй матері в Польщі
або найсвятішій її міні.*

I

Відразу ж чую питання: «Звідки це МИ?» Питання певною мірою обгрунтоване. Питають в мене євреї, яким я завжди пояснював, що я поляк, а тепер питатимуть поляки, для значної кількості яких я був та залишаюсь євреєм. Відповідаю одразу і тим, і тим.

Я поляк, бо це мені так до вподоби. Це моя цілком особиста справа, з якої нікому не повинен звітувати або з'ясовувати, пояснювати, виправдовуватись. Я не поділяю поляків на чистокровних та не чистокровних. Залишаю це чистокровним і нечистокровним расистам, чистокровним та нечистокровним гітлерівцям. Поділяю поляків, так само як і євреїв, і як інші нації, на розумних і дурних, порядних та злодіїв, інтелігентних та тупих, цікавих та занудливих, пригноблених та гнобителів, джентльменів та неджентльменів і таке інше. Поділяю також поляків на фашистів та антифашистів. Ці дві частини також не є однорідними, кожна з них має відтинки різного насичення. Але лінія поділу безумовно існує і невдовзі стане ще виразнішою. Відтинки залишаться відтинками, та колір самої лінії заяскравіє і поглибиться в найрішучіший спосіб.

Я міг би додати, що в політичній площині поляків слід поділяти на антисемітів та антифашистів. Бо фашизм — це завжди антисемітизм — це міжнародна мова фашистів.

II

Якщо ж, однак, мені довелося обгрунтовувати мою національність, чи то радше моє національне самовідчуття, то я — поляк з простих, навіть примітивних причин, частково раціональних, частково ірраціональних, але без будь-яких «містичних» додатків. Бути поляком — то ніякий не привілей чи почесне звання. Це — як дихання. Я ще досі не зустрічав людину, яка б пишалась тим, що вона дихає.

Я поляк тому, що в Польщі народився, виріс, виховувався, вивчився; тому, що у Польщі бував щасливим та нещасним; тому, що з вигнання прагну обов'язково повернутись до Польщі, навіть якщо б мені деінде обіцяли райське життя.

Я поляк, бо — можливо, що і через забобони, яких ні розумом, ні логікою розтлумачити не в змозі, — бажаю, щоб мене після моєї смерті прийняла та всотала польська земля, ніяка інша.

Я поляк тому, що мені так у батьківській хаті польською мовою сказано було; тому, що мене там від перших моїх років польською мовою годовано; тому, що мати вчила мене польських віршів та пісень; бо коли зазнав

першого поетичного поштовху, то вибух цей стався польськими словами; тому, що найголовніше в моєму житті — мою поетичну творчість — не можу уявити собі жодною іншою мовою, хоч би як досконало нею володів.

Я поляк, бо польською висповідався з непокою першого кохання, та польською бубонів щось про його щастя і негоди.

Я поляк ще й тому, що верба та береза мені ближчі, ніж пальма та кипарис, а Міцкевич і Шопен дорожчі від Шекспіра та Бетховена. Дорожчі на підставах, що їх знов-таки ніякий розум не здатен обгрунтувати.

Я поляк, бо перейняв від поляків певну кількість їх національних вад. Поляк, оскільки моя ненависть до *польських* фашистів більша, ніж до фашистів інших націй. І це я вважаю найважливішою ознакою моєї польськості.

Але перед усім — я поляк, тому що мені це до вподоби.

III

Знову чую голоси: «Гаразд. Проте, якщо поляк, то в такому разі чому — «Ми, євреї?»» Поспішаю відповісти: з приводу крові. — «Тоді расизм?» — Ні, зовсім не расизм. Абсолютно навпаки.

Кров буває двох видів: та, що в жилах, і та, що з жил. Перша належить до соків тіла, тому її вивчення — справа фізіологів. Хто тій крові приписує якісь інші, поза органічними, особливі властивості і таємничі сили, той, як бачимо, перетворює слідом за тим міста на згарища, вбиває мільйони людей і врешті, як то ще побачимо, накликає різанину на власний свій рід.

Інша кров — то власне та, яку вурдалак міжнародного фашизму виточує з людства, аби засвідчити перевагу своєї юшки над моєю юшкою, — кров мільйонів безневинно забитих людей, кров, не схована в артеріях, кров унаочнена. Такої повені мученицької крові ще не було з початку світу, а кров євреїв (не «єврейська кров») спливає найширшими і найглибшими ручаями. Зчорнілі її потоки зливаються вже в бурхливу, пінисту ріку — І В ЦЬОМУ НОВОМУ ЙОРДАНІ ПРИЙМАЮ Я ХРЕЩЕННЯ НАД ХРЕЩЕННЯМИ: КРИВАВЕ, ГАРЯЧЕ МУЧЕНИЦЬКЕ БРАТЕРСТВО З ЄВРЕЯМИ.

Прийміть мене, братове, до цього почесного братерства Безневинно Пролитої Крові. До цієї спільноти, до цієї церкви хочу відтепер належати.

Це ЗВАННЯ — звання єврея *Doloris Causa*, хай буде надано польському поетові народом, який його народив. Але не через якісь особливі заслуги, бо їх перед вами не маю. Вважатиму це авансом та найвищою нагородою за ті кілька польських віршів, які мене, можливо, переживуть, та пам'ять про які буде пов'язана з моїм ім'ям — ім'ям польського єврея.

IV

У гетто ви носили на рукавах зірку Давида. Я вірю в таку майбутню Польщу, де та зірка, та, з рукава, стане однією з найвищих нагород для найхоробріших польських солдатів та офіцерів. Будуть ті зірки з гордістю носити на грудях поруч із старовинною відзнакою «Virtuti Militari». Існуватиме і почесний Хрес: Гетто — назва глибоко символічна. Буде також орден Жовтої Лати, почесніший за деякі теперішні. І буде у Варшаві та в кожному іншому польському місті залишено і збережено якийсь фрагмент гетто в незмінному вигляді, такому, якого його побачимо в страхітті згари та знищення. Оточимо той пам'ятник ганьби наших ворогів та шани наших героїв ланцюгами, відлитими із захоплених нами гітлерівських гармат, та будемо щодня вплітати свіжі квіти у кільця тих ланцюгів, щоб навічно залишилась свіжою і невмиручою пам'ять прийдешніх поколінь про замордований народ — і на знак того, що завжди живий і свіжий наш біль.

До скарбниці народних пам'яток додамо ще одну. Будемо приводити до неї діток і розповідати їм про наймерзенніших у світі катів людства. До цього пам'ятника, трагічність якого підкреслюватимуть новітні, дай Боже, Скляні Будинки відродженого міста, палатиме ніколи не згасаючий вогонь. Перехожі зніматимуть перед ним капелюхи.

А християни — перехрестяться.

Завжди з гордістю, з печальною гордістю будемо носити те звання, всі інші будуть для нас нижчі за звання польського єврея, — для нас, що дивом або випадково залишились живими. З гордістю?

Чи не краще сказати — з жалем і пекучим соромом. Бо дісталась вона нам за ваші муки, за ваше героїство, визволителі! .

То може — не «Ми, польські євреї», а «Ми, примари і тіні помордованих братів наших, польських євреїв»...

V

Ми, польські євреї... Ми, вічно живі, ті, що загинули в гетто і таборах, і ми, примари — ті, хто з-за морей та океанів повернемося до країни і будемо серед руїн лякати своїми тілами і начебто вцілілими душами.

Ми, правда могил, і ми, ілюзія існування; ми, мільйони трупів і кілька, може кільканадцять тисяч не-трупів; ми, неосяжне братнє поховання; ми, нескінченний траур, якого ніхто не бачив досі і ніколи не побачить.

Ми, подушені в газовнях і перероблені на мило, яке не змиє ані плям крові, ані плям гріхів світу, скоєних проти нас.

Ми, мізок яких бризкав на мури наших вбогих домівок та на стіни, біля яких нас розстрілювали тільки за те, що ми — євреї.

Ми, Голгофа, на якій міг би повстати цілий ліс хрестів. Ми, ті, хто два тисячоліття тому подарували світові одного безвинно замордованого Римською імперією Сина Людського, і тієї смерті вистачило, щоб стати йому Богом. Яка ж релігія може виникнути з мільйонів смертей, тортур, принижень та рук, розкинутих хрестом в останньому відчаї?

Ми, Шлойми, Срулі, Мойші, пархаті, пейсаті, гнусаві — ми, чії імена та прізвиська стануть уславленими за гучні імена всіляких Ахіллесів, Хоробрих та Ричардів Левиче Серце.

Ми, знову в катакомбах, в «бункерах» під бруківкою Варшави тупцюємо в смороді каналізації, на позив наших співмешканців — шурів.

Ми, з рушницями на барикадах, серед руїн наших збомбардованих з повітря домівок; ми, солдати честі та свободи.

«Йойну, іди на війну!» Пішов, шановні панове, та загинув за Польщу.

Ми, для кого «фортецею був кожний поріг» падаючого на нас будинку.

Ми, здичавілі в лісах, що годують наших наляканих дітей корінцями та травою; ми, наполошені, плазуємо, з якоюсь дивом добутою або на грубі гроші придбаною старовинною мисливською рушницею.

«А чи знає шановний пан той анекдот про єврея з лісу? *Smixoma!* Єврей, юха, уявляєте, пане, стрелив і зі страху в штани наклав! Ха-ха!»

Ми, Йови, ми, Ніобеї, ми, на поминках по сотням тисяч наших єврейських Урсул...

Ми, глибоченні рови переламаних, потрошених кісток та мертвих тіл зі слідами неймовірних тортур.

Ми — крик болю! Крик настільки пронизливий, що й найдальші віки почують його. Ми — Плач, ми — Виття, ми — Хор, що ридеє могильне «*El mole rachamim*», ехо якого століття передаватимуть століттям.

Ми, найкраща у віках купа кривавого багна, котрим ми забагатили польську землю, щоб тим, хто після нас житиме, краще смакував хліб свободи.

Ми, резервація приречених, ми, останні могікани, недобитки різанини, що їх якийсь новий Барнум може возити по світу, сповіщаючи на пістряхвих афішах: «Небачене видовисько! The biggest sensation in the world! Польські євреї — живі та неушкоджені!» Ми, камера жахів, Schreckenskammer, Chambre des Tortures! «Нервових просимо вийти з приміщення!»

Ми, ті, що над ріками заморськими сидимо і плачемо, як колись над ріками вавилонськими. По всіх світах плаче Рахіль, шукаючи діток своїх, але їх нема! Над Гудзоном, над Єфратом, Нілом, Гангом та Йорданом. Вісло! Вісло! Вісло! Рідна мати! Сива Вісло, не від світанку рожева, а від крові!

Ми, котрі навіть могил дітей наших та матерів не віднайдемо — так вони по всій нашій вітчизні порозкидані, так тіла їх товстелезними верстами покладені в одну велетенську могилу. Не буде якогось певного місця, куди можна було б квіти покласти, а будемо їх, як сівац зерно, широким помахом руки розкидати. Може, випадково впадуть куди треба.

Ми, польські євреї... Ми, легенда, що стікає сльозами і кров'ю. Хто знає, чи не потрібно буде писати біблійними віршами: «Коли б рильцем залізним та оливом в скелі навіки вони були витесані!» (Книга Йова; 19, 24). Ми, апокаліптична стадія історії. Ми — Плач Єремії!

...«Лежать на землі на вулицях рядом юнак та старий. Попадали діви мої та мої паруси від меча, — Ти побив їх в день гніву Свого, порізав, не мав милосердя»... (Плач Єремії, 2, 21).

...«Життя моє в яму замкнули вони, і камінням кинули в мене. Пливають мені води на голову, я говорю: «Вже погублений я!»... Кликав я Тебе, Господи, Ймення твоє з найглибшої ями ... Ти бачиш, о Господи, кривду мою, — розсуди ж Ти мій суд! Заплати їм, о Господи, згідно з чином їхніх рук! Подай їм темноту на серце, прокляття Твоє нехай буде на них! Своїм гнівом жени їх, і вигуби їх з-під Господніх небес!» (Плач Єремії; 3, 53-55; 59, 64, 65, 66).

* * *

Стоїть над Європою жадливий і все зростаючий кістяк. У його порожніх очних ямках палає небезпечний вогонь гніву, а пальці його стискуються у кошавий кулак. І Він, наш Проводир і Диктатор, диктуватиме нам наші права і обов'язки.

<Нью-Йорк, серпень 1944 р.>

Переклад з польської Марка Шейнбаума (Берлін)

Ирина Хорошунова

ВТОРОЙ ГОД ВОЙНЫ

По просьбам читателей публикуем продолжение дневника И.А.Хорошуновой, начатого в предыдущем, 9-м номере «Егупец».

25 июня, четверг.

Мне хотелось бы на мгновение заглянуть в души, вернее, в мысли, немцев, особенно тех, которые носят гороховую форму генералкомиссариата и красную повязку с черной свастикой на руке. Неужели все они слепо верят и повинуются идее своего фюрера, которая сейчас все больше и больше превращается в символ уничтожения человечества? Неужели эта бредовая теория, которая признает только немцев достойными того, чтобы жить на земле, неужели эта идея способна завоевать абсолютное большинство в немецком народе? Нет, этого не может быть. Свидетельством тому являются немцы в кандалах, обнаженные в тридцатиградусный мороз, которых гнали их же соотечественники зимой за Киевом. Невозможно представить себе, что нет среди них коммунистов или просто обыкновенных людей, которых можно было бы назвать людьми. И неужели никто из них не понимает того, что понимает каждый по-настоящему советский человек, что не могут они победить наш народ. И пусть даже так получилось, что временно победа оказалась на стороне фашизма, пусть даже мы стали на своей же земле германскими рабами, и многие, многие уже не увидят окончания войны, все равно в глубине души живет, иногда только слабо теплится надежда на то, что поражение наше не окончательное.

Базары ломаются от продуктов, зелени и ягод. Но катастрофически нет денег. И неоткуда их брать. Вещей на базаре еще больше, чем продуктов. И их никто не покупает. Цены упали значительно. Муки очень много на базаре, возможно, в связи с приказом о сдаче хлеба. На обмен ходить в села теперь нельзя. Если раньше украинская полиция трясла мешочников, то теперь немцы расправляются своими методами с обменщиками. Останавливают идущих в село и из села. В первом случае на кострах сжигают вещи, которые несут на обмен. Во втором случае забирают все дочиста, все продукты, арестовывают, избивают людей, разбивают в щепки самодельные тачки. И наряду с кипучими базарами, которые только для спекулянтов, продовольственный вопрос все обостряется и обостряется.

Хуже всего дрова. Их нет. На базаре они стоят огромных денег. А без них нечем согреть даже воды для чая. Некоторые наши жильцы ломают

по ночам чужие сараи. А вообще, все тянут в авоськах или просто в руках поленца дров или щепки, откуда кто может.

30 июня 1942 г., вторник.

Дневник не пишется по несколько дней. Страшно писать. Нет сил писать.

Кто-то принес известие о том, что вчера по радио немцы передали специальное сообщение о новой большой победе их под Ленинградом. Газеты еще нет. Проверить пока нельзя, а говорят о трехстах тысячах пленных. И в то же время город полон самых разнообразных слухов о мире, которого просят (по одним слухам) немцы или (по другим) Советский Союз. Одни говорят об одном, другие о другом. А мы по-прежнему ровно ничего не знаем.

В пятницу на прошлой неделе слушала последние известия из Москвы. Нам упорно не везет — все попадаем на боевые эпизоды, а существенного — ничего. Но все равно. Родиной повеяло от этой, по существу мало говорящей о Союзе, передачи. Еще приятно узнать, что в Союзе известно все о нас. Там осведомлены о результатах пребывания рейхсминистра Розенберга на Украине. Из Москвы, точно так как известно здесь, передали, что Кох пожаловался Розенбергу, что немецкие комиссары и бургомистры не могут войти в какой-либо контакт с украинским населением. Последнее оказывает упорное противодействие всем немецким мероприятиям. Это радостно слышать.

Партизан все больше в лесах.

Интересны неофициальные броварские сведения.

Взрывы, которые часто бывали в Броварах, вызвали там целый ряд репрессий. И для охраны путей было привлечено броварское население. Теперь эту охрану снимают, и слухи, которые ходят там, говорят, что для охраны путей везут туда итальянцев.

В городе действительно появилось много итальянцев. Они все смуглые, с черными, как смоль, волосами, маленькис, веселые и жизнерадостные. Но те, кто видел их ближе и дольше, говорят, что вся их жизнерадостность исчезает и заменяется мрачной молчаливостью, когда машины с ними отправляют на фронт.

А каких только немцев не пособирали нынче в Киев! Кто пройдет по шоссе к Святошино, увидит их, кривоногих, хромых, полуслепых, худых, всяких, меньше всего похожих на вояк. Понятно, почему так тянут наших людей на тяжелые работы в «солнечную» Германию. Из Германии вести все хуже и хуже. Кто вырывается оттуда, рассказывает возмутительные вещи. «Russische Schwein!» именуются наши люди. Пренебрежение и предубеждение к нашим так велики, что наши люди не имеют права пользоваться там уборными и умываться в помещении. Во двор пожалуйте! А в виде особой, очевидно, привилегии моют ноги немецким хозяевам.

На бирже, говорят, все чаще сообщают об убитых бомбами на заводах в Германии. Англичане не перестают бомбить Гамбург, Бремен, Кельн и другие города. Немцы рассказывают о торпедах, которые они применяют. Сила их так велика, что двадцать домов на месте их попадания стираются с лица земли. Понятно, почему так много гражданского населения Германии едет сюда.

Поезда, уходящие с нашими людьми в Германию, все больше похожи на траурное шествие за гробом.

Что означает тишина в библиотеке по поводу отправки в Германию? Говорят, д-р Бенцинг все делает, чтобы спасти своих подчиненных от отсылки.

Библиотека по-прежнему переносится. Сейчас для рейхскомиссариата освобождают четырнадцатый номер по бульвару Шевченко. С пыльного, душного чердака сносят «Orientalia» в новое здание библиотеки. Снова конвейеры по утрам из распухших и похуделых людей. Они все хотят есть и ждут не дождутся перерыва. А время тянется невероятно медленно, и голодные разговоры не могут его поторопить. И кажется, вот-вот упадешь на эти книги, которые камнями давят на руки, на все.

С завтрашнего дня предполагается девальвация денег — замена советских денежных знаков немецкими марками.

К счастью, оказывается, что утренние информаторы переврали вчерашние особые сообщения. Взято не триста, а тридцать тысяч пленных в районе Волхова и Ильменя. Бои там длились несколько недель. Эти сведения в газетах. Следовательно, еще делаем скидку на преувеличение. Взят еще какой-то английский порт.

Была только что во Владимирском соборе. Там мне пришлось работать до моей болезни по приведению в порядок залежей старопечатных книг. В соборе теперь тепло. С утра ежедневно отворяются синие ворота собора и теплый воздух может проникнуть в здание. Весь собор завален грудями ведомственной литературы. Бесконечные стеллажи занимают все здание вместе с алтарем. И если смотреть сверху, то все это покрыто густым слоем пыли, которая лежит теперь нерушимо. На хорах с обеих сторон — старопечатные книги. Они занимают стеллажи и, кроме того, огромными бесформенными стосами лежат на полу, на перилах хоров, на окнах. Всю весну и всю прошлую осень протекала крыша. И изображения на стенах мокрыми пластами сползали и сыпались на старинные фолианты. Доктор Бенцинг — специалист и любитель старопечатных изданий. Он распорядился привести их в христианский вид. И вот две недели эти книжки-лилипуть и книги-гиганты *in folio* в толстых кожаных переплетах втискивала я с помощью уборщицы Буровой на полки. Втискивали без всякого порядка, вместе с пылью, сыростью и червяками, которые их разьедают, втискивали, чтобы только они не лежали на полу.

Очень странно и дико бродить среди этих книжных мумий, которые прожили в двадцать раз больше нас и которые так далеки сейчас от войны, от всего, что вокруг происходит. И не нужны они никому сейчас. Никакого почтения не вызывают сейчас эти латинские фолианты или огромные иудейские письма, библии всех времен и всех народов, евангелия западноевропейские и славянские.

И с предельной ясностью вспомнились слова о том, что ценность библиотеки заключается не в том, сколько в ней инкунабул, а сколько людей, сколько народа обслуживает она. И только сознание того, что все эти ценности еще будут служить народу после освобождения, заставляет бороться со всякими непозволительными мыслями и голодом.

Редко приходится поднимать голову. А между тем, вокруг такие замечательные произведения. В соборе росписи Врубеля, Васнецова, Нестерова. Много потускнело от времени, некоторые краски потемнели совсем. И только Нестеровские особенные лица по-прежнему яркие и потусторонни. Божья мать Васнецова сохранилась. И Врубелевская арка тоже.

Что будет с этими горами книг? Непонятно, почему немцы платят нам деньги за собирание книг. Вывезти их они не смогут, не хватит у них пороку. А почтенные фолианты, да простят меня те, кто понимает их ценность, не вызывают у меня сейчас все равно никакого почтения.

Хлеб мы сегодня получили, получили муки по килограмму и по одной трети кусочка мыла. Вот это дело! А то в такое время фолианты!.. Но сама знаю, что не права. Из всех работ — это самая лучшая. Все-таки это не прямая служба немцам.

3 июля 1942 г., пятница.

С первого июля введены новые деньги, и первым результатом было то, что все исчезло на базарах. Что будет дальше — неизвестно, а пока плохо.

Позавчера немцы объявили по радио об очередной своей победе. Ими взят Севастополь. Город, который героически оборонялся, не устоял. Немецкие сообщения говорят, что каждый метр города брали в упорном рукопашном бою. По тем же немецким сведениям, осада Севастополя длилась сорок девять дней. И еще сообщения о взятии Балаклавы и Малахова кургана, о боях в районе Волхова и Ильмена. Те же киевские газеты сообщают, что «три попытки Сталина прорвать фронт в направлении Харькова, Вязьмы и Волхова не осуществились». А что происходит в действительности, мы не знаем. Советское радио не удается слушать в эти дни.

В Киеве немцы говорят о себе, что они бьются из последних сил. И похоже, что это так, если на фронт пошли уже итальянцы, чехи, мадьяры и даже французы, то есть немцы стали на путь, которого они всячески избегали еще несколькими месяцами раньше. У них была все время уста-

новка такая — на фронте только немцы. От сообщений о победах немцев делается еще много тяжелее. Но если постараться на некоторое время абстрагироваться от нашего рабского положения, от судьбы отдельных людей, хотя они насчитываются миллионами, а стать на точку зрения государственной стратегии, то, возможно, наши стоят на правильном пути. Чем дальше в глубь страны растянутся немцы, тем вернее их поражение. Все приходит на память французское нашествие на Россию в 1812 году. Только почему не сказали всем нам уйти? Пусть бы застали немцы пустые села и города. А так, подумать только, какая ужасная трагедия получилась.

Вахханалия с деньгами продолжается, и у большинства прямо-таки нечего есть. Базаров нет, а если что-либо появляется, то по баснословным ценам. В газетах же ни слова о деньгах. Официально будто бы известно, что с 4-го числа прекращают хождение и советские, и немецкие деньги. Однако спекулянты берут только советские деньги и в огромных количествах... А вчера в учреждениях выдали получку наполовину советскими, наполовину украинскими деньгами. Попробуй разобраться.

Очевидно же одно — нечего есть.

4 июля 1942 г., суббота.

По-прежнему никто ничего не понимает. Деньги ходят советские и украинские. И за все вместе ничего нельзя купить. И никто не может объяснить причины полного исчезновения базаров. Из-за денег ли эта вахханалия или из-за того, что в город не пускают крестьян с продуктами в связи с постановлением об изъятии всех продуктов у села?

Сидим, как мыши в углах. И самое большое наше желание — чтобы никто нас не трогал. А то и не нужны мы никому, никому нет никакого дела до нашей судьбы. И в то же время нет нам покоя никогда и нигде. Как жаль, что не пришлось мне работать в мастерской. Там не чувствовалась эта ужасная немецкая атмосфера. В библиотеке же, несмотря на хорошее, как будто бы, отношение со стороны администрации и сотрудников, такое чувство словно живешь среди врагов. И гнетущее чувство постоянной настороженности не оставляет все время. И все время мне кажется, что во мне чувствуют оппозицию. Да я и не пытаюсь скрыть ее и подлаживаться под общий подобострастный тон.

Вчера был очередной академический концерт в консерватории. Играла и Галина среди девочек их класса. Играла лучше других. Уже несколько раз по пятницам были отчетные концерты учеников консерватории.

Героические усилия делают педагоги, стараясь удержать в невыслыханных условиях студентов, отстаивая их от отправки на работы в Германию. И светлым пятном на грустном фоне наших теперешних дней выступает консерватория. Внутри нее настроения не лучше, чем везде. Те же склоки, желание верхушки прислуживаться перед немцами, всякие личные

отношения, мешающие работать. Но это лишь в одной официально руководящей части. А есть в консерватории крепкое советское ядро. И вот оно-то помогает нам всем. Городу же показывают лишь результаты учебной работы, и они совсем не плохие. Есть талантливая молодежь, и приятно слушать многих из них. Был уже ряд открытых концертов силами преподавателей и студентов в пользу тех, кто в консерватории совсем голодает. Некоторые педагоги слабее своих учеников. Но все-таки концерты их — большое удовольствие. В прошлое воскресенье был платный концерт в пользу организации буфета в консерватории. Программа была составлена исключительно из немецкой классической музыки: Бах, Гендель, Гайдн, Моцарт и Бетховен. И исполняли самые серьезные вещи. Билеты продавались довольно вяло. Но перед самым концертом собралось много немцев, и зал больше, чем наполовину, был занят ими. Слушают они хорошо. Они сидят при этом ровные, как будто на спине у них линейки. И никто почти не ушел до конца концерта. Еще раз порадовались, что у немцев-стариков хорошая музыка. Теперь наш концертный зал в бывшем педагогическом институте. Начинаем уже привыкать к нему и к малому залу консерватории, который больше похож на зал для спортивных упражнений. Но по настоящему времени и это очень хорошо. Только бы не вздумали немцы закрыть консерваторию!

Нюся устает так сильно, что те, кто не видел ее в течение двух недель, говорят, что она тает на глазах. Плохо питается и вкладывает все силы на то, чтобы в консерватории теплилась какая-то нужная жизнь. Нужна ли она теперь только? Должность Нюси — зав. библиотекой, где она одна за все и за всех.

13 июля 1942 г., понедельник.

На работе боюсь теперь писать. Непокойно мне. Уже больше двух недель словно нависло что-то надо мной в библиотеке. Это ощущается больше всего в настроении Луизы Карловны. И я все думаю о том, как я могла показать свое истинное настроение? Правда, ничего не могу с собой поделаться, притворяться не умею. Тяжело работать здесь, словно только среди врагов. Лишь в подвале глубоко сидит единственный, кроме Елены Федоровны, достойный человек — столяр Болдырев. Он сказал сегодня, что не с кем ему поговорить, и спросил:

— Неужели большевики совсем погибли?

А на мой ответ: «Безусловно нет!» — заплакал и затрясся весь. Он ненавидит всех, кто пресмыкается сейчас, и не может спокойно говорить о том, что происходит. Это он рассказал мне, что за время, пока в библиотеке заправлял Полулях, немцы вывезли в Германию более пятидесяти ящиков книг из самых ценных собраний Украины. Но что с тех пор, как начальником назначен Бенцинг, вывоз книг полностью прекратился. Он-

то знает, потому что всю упаковку приходилось делать ему. У него семья, дочь, за которую он страшно боится. Слава богу, о его настроениях не знает никто, потому что могут выгнать или сделать что-либо хуже. Говорить с ним очень трудно. Он совершенно глухой. Приходится кричать в трубку, приставленную к уху. Надеюсь только на то, что в подвал никто не рискнет лезть в темноту и грязь.

16 июля 1942 г., четверг.

Не пишется дневник. На работе боязно писать, а домой прихожу в совершенно неприличном состоянии. Очевидно, играет роль наше пониженное питание. Ни читать, ни писать, ни даже самые необходимые вещи, вроде стирки, штопки, нет возможности сделать.

Усиленно продолжается компания отправки в Германию.

Уже берут жен-иждивенок от мужей. Надежда Васильевна и Надежда Казимировна не спят. Воробьева предупредила, что будут облавы ночью и что все, не прописанные в данной квартире, будут задержаны. Облавы на базарах. Хватают безобидных, несчастных жителей, а все спекулянты все равно благоденствуют. В связи с приказом о регистрации всех, не имеющих трудовых карточек, выясняется, что все спекулянты их имеют. Несомненно, за деньги.

Никаких связей с нашими. То, что началось налаживаться, заглохло. Те, кто приходил, давно не приходят. Разительным контрастом в то же время в тон нашим настроениям окружающая природа. Киев, Днепр, сады — все такое красивое! Все буйное, свежее и... абсолютно мертвое. В Царском дорожки покрылись мхом. В садах очень чинно стоят скамьи, оживают слегка от зимних морозов цветы. И нигде нет ни одной души. А каждое дерево, каждый поворот, дом, запахи цветов, цветущих лип, все без конца поднимает целые ворохи воспоминаний. И появляется чувство глубокой старости и безысходного отчаяния. Какое страшное время! И все-таки мы должны, должны его пережить и дожидаться своих.

10 часов вечера.

В 9 часов немцы передали особое сообщение о том, что после упорных боев пехотой занят Ворошиловград и что большая часть города горит.

24 июля 1942 г., пятница.

Снова много дней не пишется дневник. Света нет, а темнеет раньше. И работы много. Дома пишу афиши для многочисленных консерваторских концертов. Теперь в связи с окончанием учебного года они дают ряд концертов, платных, в пользу студентов, не могущих платить, и для организации столовой.

В библиотеке без конца носим книги, все собираем библиотеки по всему городу.

Липки заняты немцами, Еще более вылощенными стали наши, всегда в том районе чистые, улицы. Их занимают только немцы. Они же занимают и всю центральную часть Печерска. Уже нет даже старых названий улиц. Улица Кирова — Александровская, теперь «D-r Todt Straße», Банковая — «Bismark Str.», Розы Люксембург — Екатерининская — «Ghoten Str.», Дворцовая площадь — «Osbland Str.» и т. д. И даже людей наших совсем мало на тех улицах. Только немцы да немецкие машины перед особняками. У парадных и перед генералкомиссариатом стоят полосатые красные с черным будки, какие были у нас в николаевские времена. И неподвижные, как истуканы, немецкие солдаты охраняют покой своего начальства. Бывает, из подъехавшей блестящей машины выскакивает шеголеватый немец-военный в задранный вверх фуражке. Он быстро, словно заводной молот на пружинах, взбегает к парадному. И тогда горничная в буклях и белоснежном переднике впускает его. Совсем как в заграничных кинокартинах. И наше все, и ничего нет больше нашего у нас.

Мы забираем теперь книги из дома наркоматов, что на углу Садовой и Кирова. Огромное, чудесное здание, творение академика Фомина.

Из окон хорошо виден город и та его сторона, где обгорелыми громадами торчат остатки центра, шумевшего еще год назад. Теперь в развалинах поселились птицы. У стволов обгоревших, погибших деревьев выросли новые буйные побеги. Меж камней пробилась трава, а на земле, что была в мешках на улицах, на бывших баррикадах, вырос высокий бурьян. И тихо совсем в мертвых улицах. В них теперь живые только трава и птицы.

Две жизни все время бьются в Киеве вокруг нас. Одна — немецкая, сытая, довольная. При ней пристроились приживальщики, те, кому все равно какому богу служить. Вторая — наша, полуголодная, а у многих совсем голодная, которая тянется и бежит, и все большей безнадежностью охватывает своих участников.

Мы кланчим у немцев подачки. В генералкомиссариате в виде особой милости стали выдавать некоторым учреждениям ордера на рыбу третьего сорта (у немцев ее не ест даже прислуга), молочные отбросы, а теперь еще и овощи. Выдали кому-то раз, другой. Узнали об этом многие, все пошли просить. И блага окончились. Сказано: не приходить больше. Никто ничего не получит. Распределять остатки будет представитель управы при штадткомиссариате. У него я во вторник, проходя мимо случайно, достала овощи для сотрудников.

29 июля 1942 г.

Темно. Восемь часов, а уже ничего не видно. Пишу на ощупь. Днем нет времени, а вечером нет света и нет сил. Продолжаем катастрофичес-

ки худеть. Работаем исключительно на работе грузчиков. Грузим и возим без конца книги из дома наркоматов — Кирова, 23.

Никаких хороших новостей нет у нас. Никаких надежд на скорое окончание войны. Город полон слухов, самых невероятных. Говорят, что Сталин, Рузвельт и Черчилль заключили на конференции (на какой — нам неизвестно) союз для полного уничтожения немцев.

7 августа 1942 г., пятница.

В сегодняшней газете: взят Тихорецк. Я не успеваю за событиями. Мы все слишком обессилены жарой, которая с силой сорока градусов наверстывает потерянное время. Нет сил не только писать. Их не хватает на то, чтобы сохранить надежду на лучшее. И хотя мы ее не теряем, тем не менее, немецкие победы заставляют снова предполагать, что угодно. Они берут один за другим города Кубани. О других фронтах ни слова. Газеты пестрят крупными заголовками: «Кубань бежит!» Но нельзя не сказать о том, что если в прошлом году «триумфальное» шествие немцев приводило нас всех в отчаянье, то теперешние их победы вызывают больше недоумений, нежели опасений. А еще, когда сами немцы говорят, что «мы выигрываем города, а Англия с союзниками выигрывает войну», тогда где-то подсознательно зреет надежда, что перелом в войне должен быть. И что наши пойдут вперед.

Мы не стратеги и не пророки. Я уже писала об этом раньше. Но простая логика вещей говорит о том, что чем больше территория, занятая немцами, тем больше нужно сил, чтобы удерживать народ на ней в повиновении. Это становится для немцев все труднее и труднее. Урожай очень хороший в этом году. Немцы хотят его забрать себе. А крестьяне, у которых они забирают все, заявляют: «Если не нам, то — никому!» И хлеб зарывают в землю. А партизанское движение приобрело уже такие размеры, что немцы бессильны что-либо предпринять.

Теперь от духоты мы совсем как варенье, особенно на нашем книжном конвейере. Мы еще на прошлой неделе закончили работу на Кирова, 23. И теперь на руках переносим библиотеку Института литературы и фольклора с улицы Ленина, 15. Там душно и пыльно. И вот шестнадцать наших библиотечкарей выстраиваются в ряд, сначала от библиотеки до лестницы, потом на первых трех маршах, потом на вторых трех. И так в три приема спускаем мы тысячи три книг. А потом все вооружаются веревками, и публика на улицах с интересом смотрит на медленно плетущихся престарелых и полупрестарелых библиотечкарей, которые отдыхают на всех углах, прислоняя к стене висящие на плечах небольшие связки книг. И при этом разговоры о еде, без конца о еде, и все о ней. Рассказывают, что из Харькова приехал писатель Аркадий Любченко. С его слов, говорят о применении немцами в бою под Харьковом снарядов с газами.

9 часов вечера.

Таня принесла ужасную новость: арестована Шура Тристан, ее мать и сестры. Остался безногий старик-отец и малютка Игорь. Забрало их гестапо за помощь партизанам и за то, что они скрывались от Германии. Говорят, что выдала их управдом.

Татьяна плачет и спрашивает: кто следующий?

Не мы ли? Вот и получается: делать что либо толковое для наших мы не можем, а погибнуть теперь ничего не стоит. Так хоть бы с пользой погибать! Успели ли Шура и ее семья что-нибудь сделать, не знаем мы. Очень страшно жить.

Вторник, 18 августа 1942 г.

Как-то страшно теперь писать. Словно бумага тоже может продать, словно стены могут подсмотреть и подслушать мысли. Виселицы, гестапо, концлагеря — все это непрерывно висит над нами. В окрестностях Броваров в селах повесили немцы на прошлой неделе семьдесят пять человек. Были какие-то взрывы. И снова, как в прошлые разы, отвечало за них население. И никакого, выходит, сопротивления. Просто ужасно — до чего мы неорганизованны и беспомощны. Коммунисты, которые есть вокруг нас, все вроде Ильи Сидоровича. Он ушел в Макаров, а когда приходит, спрашивает у меня: «Победят ли наши», — потому что он такую надежду потерял. Наши связи мизерны.

А Воробьева, она действительно настоящий боец. Все силы она предлагает, чтобы спасти народ от Германии, но сама еженощно ждет, что ее заберет гестапо. Чувствует, что обречена, а уйти искать партизан или подполье не решается. Из всех, из всех она самая славная. И за то ей спасибо, что еще никого в нашем доме не выдала — ни в Германию, ни немцам. Об Р... никто ничего не сказал, и он жив.

Однако, хотя немецкая жизнь бьет ключом и резким контрастом выделяется на фоне нашей мертвой жизни, тем не менее, что-то изменилось в последнее время. Что именно, не могу пока определить. Это какие-то симптомы в настроениях нашего библиотечного шефа Бенцинга. Он стал мрачным и злым. А это немедленно передается его помощникам, а затем и всем работникам библиотеки. И сегодня в разговорах вокруг даже пронемецкие дамы сделали вывод, что его плохое настроение определяется малыми успехами немцев на фронте.

Среда, 26 августа 1942 г.

У немцев неважное настроение, хотя радио и газеты говорят все-таки об успехах. Занят еще какой-то город на Кубани. И на Эльбрусе будто бы развевается уже немецкий флаг.

Все эти дни не слышно никаких разговоров о войне. Мы только, как всегда, делаем выводы на основании поведения немцев. Они продолжают

все забирать. У крестьян не остается ни одного зерна ржи или пшеницы. Только ячмень получают они по десять килограмм в месяц. Мельницы все закрыты, смолоть нигде ничего нельзя. И остается им есть только ручным способом смолотый ячмень.

Неминуемый абсолютный голод ждет нас. А что будет с теми, кто теперь уже распух и едва живет. Степа Лиговская такая страшная, что на нее жутко смотреть. И помочь ей нечем. Да, все вокруг, хоть и едят иногда овощи и фрукты, все равно худеют без конца. К тому же и огороды горят.

Стоит замечательное лето. Вот уже недели полторы или две ни одно облако не появилось на небе. По утрам в воздухе стоит мгла, и солнце садится в туманную от жары пелену. Днепр, словно пруд. Он не обмелел в этом году. И тишина в природе необычайная. Ее не нарушают звуки города. Только на центральных улицах слышно радио и через небольшие промежутки шум машины. А над Днепром и на улицах, где нет немецких машин, тихо. И, как все время в этом году, громче всех птицы. Теперь и мухи помогают им шуметь. Даже вечера теперь теплые. Лето словно сжалось над промерзшими людьми, и сейчас, в самом конце августа, стоит июльская жара. Полнолуние. Луна яркая, ничто не накрывает ее. Как-то особенно красива она теперь, должно быть от контраста с действительностью.

Мы без конца вспоминаем прошлый год. Тогда мы были полны догадок и предположений. Сейчас мы только всеми силами стараемся сохранить надежду на лучшее будущее.

Консерватория проводит вступительные экзамены. Негласно дают у них отпуска. Теперь отпуск дается лишь на шесть дней за проработанный год. И то лишь в украинских организациях. А в немецких и этого нет.

Неприятная история с нашей Дунечкой. Она в субботу пошла за продуктами в Дымерский район, а вчера Павлуша получил записку, что ее забрали на торфоразработки. Просит выручить ее. Сегодня Павлуша пойдет ее спасать.

Суббота, 29 августа 1942 г.

С фронтов ничего не слышно. Газет не вижу. А здесь германская кампания вспыхнула с новой силой. Новая цифра, якобы, дать 80 тысяч по Киеву.

В связи с этой кампанией проводится в жизнь сокращение штатов по всем учреждениям от 25 до 50%. Позавчера в консерватории сократили 40 человек из ста двадцати имеющихся преподавателей и техработников. А вчера снова принесли списки еще на двадцать шесть человек. Нюсю отстояли, потому что она одна работает в библиотеке. Иначе библиотеку придется закрыть. Экзамены идут, прием учеников продолжается, а сокращение идет полным ходом.

Сокращение проходит уже во многих учреждениях. Прошло уже в Подольской управе. У нас в библиотеке о нем пока не говорят, но мы предполагаем, что так как начальство стало заводить дисциплинарные новшества, то не следует ли это понимать как предостережение. Тогда снова, не знаю, что делать. Нужно скорее учить немецкий язык и устраиваться на работу к немцам.

Вернулась вчера Дунечка из своих печальных походов. Была она в Дымере, купила в воскресенье на базаре продукты и вместе с другими сидела на дороге у базара, ждала машину. Теперь единственный транспорт — идущие порожняком машины, которые за плату подвозят мешочников. Вдруг появились две машины с полицейскими, во главе с двумя немцами. Базар был окружен, и было приказано сложить посредине все продукты. Кое-кто побежал, немцы начали стрелять. Убили двух женщин и ранили двух мужчин. Тех, кто пробовал защищаться, показывая документы или просто объясняясь, били нагайками. Одному мужчине рядом с Дунечкой рассекли голову. Потом, когда все продукты вместе с тарой и у покупающих и у продающих были отобраны, поставили всех в три ряда и погнали на торфоразработки, кто в чем стоял. Там их заставили работать совершенно голодными. Поесть дали два или три раза за несколько дней. Никто не посмотрел ни на возраст, ни на то, что большинство было старых и больных. Все они плакали, болели. И наконец, в четверг их отпустили по домам.

Теперь страшно идти даже по улице. Завтра надо идти на огород, и я совсем не знаю, как это осуществить.

В связи с приближением первого числа — новые хлебные порядки. Уже карточки выдает не управдом, а учреждение. Продукты собираются выдавать не в учреждениях, а в хлебных магазинах. А это значит, что большинство останется без них. Снова говорят о прибавке хлеба, но он такой ужасный, что это мало радует. В нем лишь одна пятая часть муки, а остальное — просо, неочищенное, и каштаны.

У немцев хороший хлеб. Нюсин ученик русского языка платит ей за уроки хлебом. Не очень-то приятно брать хлеб у немца. Но что поделаешь? Голод, говорят, не тетка.

Нюся, несмотря на усталость, взялась за этот урок, хотя последствия могут казаться трагическими. Собственно, это не уроки, а самая активная агитация за Советскую власть и против фашизма. Немец порядочный. Пока никому ничего не сообщает. А чем это кончится, не знаю. Говорить об этом с Нюсей бесполезно. Ее не переделаешь. Ничего она не боится. Немец принес Нюсе немецкую грамматику русского языка, выпущенную в Берлине в 1941 году. В предисловии к ней автор поет восторженные дифирамбы русскому языку и надеется способствовать распространению его среди немцев. Нам бы тоже набраться такой премудрости. Самое трудное — не знать языка врагов. В этом случае совсем беспомощен в борьбе

против них. Поэтому учим сейчас немецкий язык, чего не удосужились сделать раньше.

Четверг, 3 сентября 1942 г.

Вчера снова пришел Миша. Рассказывает неправдоподобные вещи о том, как ему удалось выбраться из гестапо. Но на этот раз по-настоящему перепуган и согласен идти через фронт. Мы, как и прежде, настаиваем на этом. Ищем возможность помочь ему добраться до прифронтовой полосы, а это совсем не просто. Пока же опять нависла угроза, что его могут узнать, что тем, у кого он скрывается, может тоже грозить гибель.

Четверг, 10 сентября 1942 г.

Сегодня ночью всех разбудила сильная зенитная стрельба. И неожиданно радость словно поднялась изнутри. В противовес вчерашним ужасным настроениям. Стреляли за Днепром или, вернее, над Днепром, а тем, кто живет в стороне вокзала, слышна была стрельба вдоль железнодорожного пути. Было это на рассвете, часа в четыре. Не ответ ли это на все большие репрессии немцев? Или репрессии — ответ на то, что дела немцев не так уж хороши?

Вчера появился зловеющий приказ о закрытии всех музыкальных школ и сокращении консерватории до минимума. Этот минимум определили в 25 человек педагогов вместе с обслуживающим персоналом в двести студентов. Это значит, что число студентов сокращается вдвое, число педагогов — в четыре раза. Известия ждали, но все равно оно ударило как обухом по голове. Ждали, что консерваторию прикрепят к опере. И вдруг такое решение.

17 сентября, четверг, 1942 г.

Без событий не обходится. Хотя ничего нового нет в том, что Бенцингу предложено, наряду с другими учреждениями генералкомиссариата и рехскомиссариата, произвести сокращение. Об этом он сообщил нам вчера во вступительной части своего доклада на библиотечные темы. Он сказал, что постарается сделать все возможное, чтобы избежать этого сокращения. Но сможет ли он сделать что-либо — неизвестно.

В Германию все забирают и забирают людей, не прекращаются ни сокращения на работах, ни облавы на базарах.

Немцы готовятся к празднованию годовщины захвата Киева. По этому поводу в опере ставят «Кармен», а по учреждениям и жилкоопам предложено всем жильцам запасти по ведру песка, а верхним этажам — воду. Причины не указаны. Все их и так знают. Ждут советских крылатых гостей. Они снова были у нас в прошлое воскресенье. По поводу этих посещений советских самолетов ходят различные слухи. Одни говорят, что они бомбили мосты, другие — что они лишь пролетели над Киевом, а

цель их — Западная Украина, куда немцы перенесли большую часть своей промышленности. Вчера появились слухи о том, что англичане заняли часть Франции. Говорят, что об этом было извещение в центральных немецких газетах, нам недоступных. Вообще, все время не утихают разговоры о втором фронте, но у нас нет никаких подтверждений по этому поводу. Только все мечтают о нем.

Фронтные сообщения весьма скудные. Известно, что бьются упорно у Сталинграда, что там немцами заняты предместья города. И кое-какие сообщения о боях на Кавказе.

Сегодня после ночного дождя потеплело. А эти дни было холодно, так, что казалось, морозом веет северный ветер. И природа против нас. Сейчас страстное наше желание — еще хоть немного тепла! Мы не согрелись за лето, несмотря на полтора месяца жары. Настроение все время ровное и неважное. В консерватории подали списки Брюкнеру, а результаты сокращения еще неизвестны. Галке инспектор склада сказал, что она остается на работе, хотя за время ее отпуска взяли на работу еще одну девушку.

С Нюсей вопрос не выяснен, как и со всей консерваторией.

21 сентября 1942 г., понедельник.

Триста шестьдесят семь дней оккупации! Два дня второго года.

Ну и настроение же у нас! Словно вся тоска со всего света переселилась в нас и гложет, как мириады червей. Ждали 20-го числа. Теперь ждем первого. Как ни борешься с собой, все равно кажется, что видишь все и всех в последний раз. А еще и погода, словно специально, холодная, серая. Совсем ноябрьская. а не такая, как должна быть в сентябре. Природа, как и люди, против нас. Словно в наказание за то, что мы здесь оказались. Будто мало мы и без того наказаны.

В библиотеке Бенцинг послал мотивированную записку в Ровно в генералкомиссариат с просьбой не производить у нас сокращения. Что ему ответить и когда? Но в библиотеке не волнуются. Наши сотрудники все так стары, что их Германия не страшит. До тридцатилетнего возраста только я.

Все копают уже картошку. Кое у кого она более приличная. У многих же, как у нас, совсем сгорела. И выкапывают мелкую, как горох. Мы в числе тех, кто не вернет даже того, что посадили. Хотим уже выкопать ее всю. Едим ее прямо в шелухе.

Вчера вечером были мы на Аскольдовой могиле. Рано выйти не удалось. Но мы решили пойти. Ни разу не были в той части Печерска.

Арсенал, очевидно, теперь не работает. Не видно в нем никакой жизни. Памятник восстания арсенальцев сняли, и даже надписи на постаменте не осталось. В большом военном доме № 3, где перед войной жила Татьяна, теперь немцы. Следов пожара не видно, а он горел в прошлом

году. Над воротами бывшей Никольской церкви крест, стоят благочестивые старушки, а рядом человек двадцать здоровых парней, лет по девятнадцати-двадцати пяти, азартно играют в карты. Подле них несколько нераспечатанных колод атласных карт. Они так увлечены, что никто из них не обращает внимания на проходящих. Кто они, эти парни?

Пустынные и безмолвные теперь улицы у ипподрома, у Лавры. В Аносовском парке редкие пары. Ни трамваев, ни людей. Ипподром мертв. А раньше, именно в это время года, был самый разгар бегов и скачек. Только немецкие машины изредка шумят на улицах.

Спуск Евгении Бош еще чище, чем был раньше. И склоны гор словно сильнее заросли теперь. Козы, возвращаясь домой, лениво и беспрепятственно общипывают кусты и траву.

На Аскольдовой могиле сотни немецких могил. Кресты их видны издали. Теперь нет решетки вокруг. Белые урны у входа так и остались стоять, но без цветов. Их выбелили, теперь и они кажутся очень белыми при свете выходящей луны. Как и прежде, клумбы, газоны с серыми, красными травами, с яркими каннами. Аллеи словно лучше утрамбованы, дорожки посыпаны белым песком. Немецкая аккуратность и здесь. И ровными рядами могилы немцев с совершенно одинаковыми полированными деревянными крестами. Нет отдельных могильных холмов. Одинаковые, прямые общие холмы тянутся от одного к другому краю площадок. Они обсажены газонными растениями — серой, красной и ярко-зеленой травой. На некоторых густые заросли душистого табака поднимаются выше крестов или сплошь засажены они темными, словно бархатными, петунией и львиным зевом. И сотни совершенно одинаковых крестов. Все они сделаны из одинакового дерева, на оборотной стороне их фашистский знак. Со стороны могилы черная надпись с именем и фамилией убитого и даты его рождения и смерти. И на всех крестах сверху одинаковая дата «1939». Что означает она? Начало ли войны в Германии или дату изготовления креста? Значит, верно говорят, что немцы возят всюду за собой кресты, гробы и заранее роют могилы. Какая предусмотрительность! Только от нее мурашки по коже пробегают. На одной из боковых террас — венгры. Там на таких же полированных крестах прибиты металлические изображения их герба: меч и щит. И одеты на кресты каски убитых. Словно головы, стоят рядами, неподвижно и молча. И снова немцы, немцы на всех террасах.

Редкие пары девушек с немцами бродят между могил или сидят на скамьях у дорожек. Или одинокие немецкие солдаты посидят, посмотрят на могилы и уходят. Кто знает, о чем они думают? Не о том ли, о чем думаем мы? Зачем немецкому народу убивать народ советский? А может быть, их мысли совсем другие? Просто, быть может, здесь похоронены их друзья, или неизвестность того, что ждет их впереди, приводит их на это русское кладбище с немецкими могилами?

Тихо и торжественно на этом кладбище. Смерть примиряет невольных врагов. И только очень обидно делается, глядя на это организованное кладбище, что могилы наших бойцов часто лишь едва присыпаны землей, а многие просто потеряны, исчезают, как исчезла могила девятнадцатилетнего красноармейца в Николаевском парке. Ее срыли. Должно быть, она портила настроение гуляющим немцам.

Когда мы возвращались назад, было почти темно. Луна подымалась все выше, и в свете ее издали, как позолоченные, отблескивали полированные кресты.

Ветер улегся совсем. По шоссе медленно ехали немногочисленные велосипедисты с картошкой и плелись домой козы.

На Никольской все так же парни играли в карты, хотя там, где они сидели, было уже совсем темно. Никто не мешал им играть, хотя им-то меньше всего можно было бы быть здесь. Но они оказались почему-то за пределами наших армий и вне внимания немцев. Вот же не боятся облавы, хватающей всех на Германию.

По Александровской все так же гуляли немцы. Мы зашли в Царский, там не было никого. Дворец показался старым и грязным. Рядом с ним слепыми окнами без стекол и без рам смотрел зал заседаний Верховного Совета. И над всем — луна, как всегда, бесстрастная и яркая, которая не тускнела даже тогда, когда тонкие облака затягивали ее.

Разрушенный Крещатик при свете луны кажется театральной декорацией к пьесе каких-нибудь классических, давних эпох. Висящие остатки стен, трубы, как колонны, груды камней. Снова на минуту показалось, что все, происходящее с нами, просто тяжелый сон, и мы должны лишь проснуться, все будет по-старому. Но это не так. И старой осталась только луна, которая мимо всего на земле всегда проходит одинаково равнодушно. Теперь вокруг нее появились длинные тонкие облака, похожие на полосы света от прожекторов.

Мы благополучно вернулись домой. Очевидно, вечером в воскресенье действительно не бывает облав.

23 сентября 1942 г., среда.

Упорно говорят, что на прошлой неделе немцы раскрыли большую большевистскую подпольную организацию. Подробности неизвестны. Говорят много: что организация имела свою типографию, всякие штампы и печати. Что именно удалось сделать подпольщикам, тоже никто не знает. Что гестапо забрало сорок человек, но что руководителя не нашли. Это было перед самой годовщиной захвата Киева.

Ничего не знаем, кроме слухов. Ясно для нас только одно: снова провал, снова гибель людей и усиление немецких репрессий. Но ясно еще и то, что наши не складывают оружия, что в Киеве большевистские организации есть. Только связи у нас с ними нет.

У нас в этом месяце, как никогда, много страшных годовщин: 18-е, 19-е, 24-е, 28 и 29-е! Последнее время совсем ничего не говорят о евреях. Только видел кто-то жену одного юриста, которая была жива до сих пор. А теперь ее забрали.

Татьяна наша поехала за продуктами. Шурка на попечении бабы Лели, которую она доводит до изнеможения своими вопросами. В минуту не сто тысяч, а миллион «почему?». На улице Леля должна сказать ей, как зовут каждого прохожего, всех собак, лошадей и все машины.

29 сентября 1942 г., вторник.

Страшная годовщина. А жизнь идет своим чередом. В газетах дважды появлялась маленькая заметка о том, что над Киевом были советские самолеты. Но бомбы, якобы, не были сброшены, потому что «немецкая зенитная артиллерия прекрасно защищала город».

Есть у нас и радостное известие: бодрая записка от Миши из Курска. Пишет, что он почти у цели.

Понедельник, 12 октября 1942 г.

Девятого числа отдали немцы очередной «исторический» приказ: все женщины города Киева в возрасте от 16 до 45 лет, не имеющие детей до 16-летнего возраста, обязаны явиться на пункт по набору рабочей силы на Некрасовской № 1, с вещами для отправки в Германию. Явке не подлежат до особого распоряжения студенты учебных заведений, дозволенных штаткомиссаром и генералкомиссаром, и женщины-фольксдойче. Все учреждения, немецкие и украинские, имевшие раньше броню, обязаны наново подать списки своих женщин данного возраста. Порядок явки по буквам: А-Б — в понедельник, 12 числа, последние — в субботу, 26 числа. Неявка будет расцениваться как саботаж и т.д. и т.п. Словом, как пишутся все немецкие приказы.

Этот приказ был помещен в газете 9-го числа, а 10-го появился на всех углах, на голубой бумаге, как приказ о евреях. А рядом еще приказ о наказании тех, кто будет давать повышенные требования на рабочую силу и скрывать людей, работающих менее положенного времени.

Что сделалось с людьми! Даже те, кому не нужно идти, и те, у кого никто не должен идти, ополоумели. На углах толпами читали приказ. В первый день никто не знал, во что это выльется. Будут ли какие-нибудь возможности у учреждений защитить своих сотрудников или так всех поголовно и заберут? Что будет с бездетными иждивенками? Ясно было из приказа, что никакой комиссии не будет. На каждые две буквы дан лишь один день. Появились слухи, что всех заберут, отправят во Львов, а там будут разбираться.

В библиотеке:

— Знаете ли вы вчерашний приказ? — спросила меня Луиза Карловна.

— Конечно, знаю, и хотела бы знать подробности.

— Кое-что могу вам сказать, — Луиза Карловна улыбалась при этом. Были еще сотрудницы из числа обреченных. Все хотели знать, известно ли что-нибудь. Луиза Карловна сказала ждать прихода доктора Бенцинга. Через час выяснились подробности. По всем нашим библиотекам должно идти двадцать три человека. Освободить могут восемь человек. И вот за счет тех библиотек освобождают наших людей, которых и так освободила бы комиссия. Это известие поразило меня много больше, чем приказ, потому что и я была в числе освобожденных. Может ли кто-нибудь, кого нет сейчас с нами, представить себе это состояние? Ехать невозможно, лучше смерть, а освобождение за счет других — ведь ужас. Вышла из кабинета с таким чувством, словно сейчас же сойду с ума или упаду здесь же. До чего же я дослужилась!

К 9 часам у нас, у пяти человек, взяли паспорта, чтобы отнести их в генералкомиссариат. Там должны поставить этот самый штамп освобождения.

В городе творится что-то невероятное. Учреждения, где шеф настроен менее патриотично, отстаивают большинство или даже всех своих сотрудниц. Полиция ставит штампы всем женам своих работников. Что будет с женами работников других учреждений, еще неизвестно. Люди освобождаются, как только могут. И больше всего говорят о том, что самое страшное — сидение здесь до отправки. Сидят на пунктах по неделе, в невероятной тесноте, без еды. Там ужасная вонь и масса паразитов. Когда отправляют, набивают людьми до отказа товарные вагоны, и в тесноте, грязи и голоде люди едут. На пункте бьют, это стараются полицейские под надзором немцев. Теперь выходит, что главный удар будет обращен на неработающих иждивенков. До сих пор их не трогали. Все это касается женщин. А есть уже люди, которые знают даже число, когда будет объявлена мобилизация мужчин. И для нас это не будет неожиданностью. Сегодня Лысенко идет с паспортами хлопотать о консерватории. Пока он не вернется, нет сил ни о чем думать.

В городе говорят только об отправке. Ни разгоняемые базары, ничто не волнует сейчас людей, когда такое поголовное избиение свалилось на город. Многие уезжают из города, т.к. этот приказ касается только Киева. Управдома вменено в обязанность проследить за своевременной явкой всех женщин данного возраста из их домов. Не явившихся в положенный день и не предупредивших управдома, что у них есть отметка в паспорте, на следующее утро полиция забирает силой.

Мы весело живем!

И тем не менее, жизнь идет своим чередом. У гестапо все эти дни пленные носят торф, подвезенный трамваем. Над ними стоят с плетками украинцы и немцы. Их бьют при каждом их движении, чтобы они скорее двигались. Они не ходят, а бегают, хотя они прозрачны как тени. И их все

равно все время бьют. На тротуарах стоят плачущие женщины. Они хотят дать им еды или денег. Но дать нельзя, потому что этой же плеткой разгоняют и их. И все равно не дают ничего передать. Количество калек-пленных на улицах все возрастает.

О фронте в эти дни не знаем ничего.

13 октября, вторник.

Отчаянное настроение в городе не прекращается. Бронируют многих, но, пожалуй, большее количество людей все-таки должны ехать. И вряд ли когда-либо был больший произвол и меньшее количество справедливости в выборе кандидатов на освобождение.

Я так переволновалась за Ньюсю, Галку и за Бодину, что и сейчас еще, как после тяжелой болезни.

Бенцинг превысил свои лимиты, но освободили всех, кроме двух человек. Принесли наши паспорта со штампами; однако предупредили, что если не наберут нужного количества людей, то все начнется сначала.

Если бы действительно был бог, мы молились бы, чтобы скорее пришли наши. А то не выдержим. Но звучит это смешно и глупо. И каждый здравомыслящий человек скажет: лучше делайте что-нибудь реальное в пользу своих. А мы только ноем, а сделать ничего не можем. Достоинно презрения. Это мы и сами знаем.

А между тем, ожесточенные бои в Сталинграде продолжаются. Немецкие газеты невыразительны. По радио вчера немцы сообщали о якобы советской катастрофе на Волге (у нас из советских источников совсем другие сведения). Боймся надеяться, и все же надеемся, что на Волге остановят немцев. Немцы пишут, что сдача ими Сталинграда, этой, как они говорят, «груды каменных развалин», не решает дела. А еще несколько месяцев назад они писали, что битва за Сталинград будет поворотным пунктом в войне. Нужно, очевидно, сделать вывод, что немецкие дела там плохи. Так говорит наша теория «выводов наоборот» из немецких сообщений.

В понедельник выступал Геббельс перед членами национал-социалистической партии. Он говорил, что вопрос выигрыша этой войны — вопрос жизни Германии и права ее на национальную историю. Проигрыш войны — потеря Германией всего, и условия мира в этот раз будут во много раз более унижительными и страшными, нежели Версальские. Такого разговора еще не было до сих пор. Опять-таки делаем выводы.

Газеты перестали совсем печатать статьи о евреях. И о них вообще последнее время ничего не говорят. Видела снова китайцев. Их везли на огромной грузовой машине, очевидно, на работы. Одеты они в легкую зеленую немецкую одежду с желтыми повязками на руках. В отличие от еврейских повязок на них написано «Deutsche Wehrmacht».

Они сидели замерзшие и синие, несмотря на желтизну их лиц. Теперь я уже определенно решила, что это пленные, взятые Японией. Выходит, что наших пленных могут направить на восточный фронт. Державы «оси», по всем признакам, действуют единым фронтом. Наши люди, попавшие в Германию, грустят и плачут. А каково-то китайцам, попавшим на другой конец Земного шара?

Понедельник, 2 ноября 1942 г.

С сегодняшнего дня часы во всей Европе переведены еще на час назад. Теперь у нас разница с советским временем два часа. Для чего это сделано, так мы и не знаем. Утром пока у нас будет лишний свободный час, зато вечером кончать работу будем на час позже. И светлого времени не останется совсем.

Осень в полном разгаре. Дни все уменьшаются. Но жаловаться нам не приходится — тепло. Сравнительно мало дождей. Только туманы и роса, а иногда изморозь по утрам. От них крыши мокрые, и часто Киев похож на Ленинград, когда ничего не видно в густом тумане. Листья совсем желтые и массами облетают с деревьев. У нас под окнами библиотеки березы с прозрачной золотой листвой. И солнце бывает. И на воздухе теплее, чем в нетопленных помещениях. Уже недели три мы мерзнем в нашей библиотеке, а Нюся — в консерватории. Наматываем на ноги газеты и с ужасом думаем о надвигающихся настоящих холодах.

Дома в моей комнате было довольно холодно. Но вчера я сложила себе кирпичную печку. Навозилась достаточно, покaleчила себе руки. Сегодня едва сижу от усталости. Но печка вчера уже топилась, и в комнате сразу потеплело. Пока складывала ее, слушала радио. В немецких сообщениях говорят о жестоких боях у Сталинграда. И все мысли были там, у Волги, где идет страшный бой. И так мучительно чувство, что продолжается эта кровавая бойня, а мы так далеки от нее и ничем не можем помочь.

Но я довольна тем, что сама сложила печь, потому что, кроме того, что нет денег, их все равно некому уплатить. Столяра, печники, стекольщики, как парикмахеры, нарасхват. Берут огромные деньги и не хотят идти. Единственный выход — переходить на натуральное хозяйство, все делать самим, что мы и делаем. Научиться бы еще сапожничать, тогда все было бы в порядке.

В консерватории работают теперь вечерние группы. Там купили керосиновые лампы и будут заниматься в послерабочее время. Сокращение в консерватории пока утихло. Собираются снова заняться организацией концертов, чтобы оттянуть немного публики из закрытой теперь для наших людей оперы. Но что-то теперь нет у них хороших исполнителей. В семье Нюси немного больше порядка. Приехала ее мать из села. Все же теперь они немного более сыты и немного досмотрены. Приходят домой — обед сварен, и можно согреться.

У нас дома все время очень напряженные отношения. Обед варится на дровах, которые достает Степан. Я этого не хочу, а Леля с этим не считается. Правда, взять дров мне негде.

Степану пилят и рубят дрова заключенные, это так называемые уголовные в нынешнем смысле этого слова: рабочие или служащие, провинившиеся на работе у немцев и отбывающие принудилровку в полиции. Степан получает для них разрешение на выход, и они боготворят его за это, особенно еврей, который один жив среди них. Он большой специалист, и это его спасает. Когда они приходят, Татьяна старается их подкормить. А они рады этому, потому что страшно голодают и живут только подачками.

5 ноября, четверг, 1942 г.

Годовщина Великой Октябрьской революции. Послезавтра в Союзе будут праздновать 25 лет Октября, а у нас четыреста пятнадцатый день оккупации. И очень грустные мысли не оставляют нас, и мало, совсем мало оптимизма в наших усталых до бесконечности душах. Очень хотелось бы понять, что происходит с нами. Все бесчисленные события, трагические и страшные, произвели на всех разное и в то же время одинаковое действие. Хорошее? Плохое ли? Это трудно сказать. Но что все мы изменились, очень изменились, в этом нет сомнений.

Внешние изменения играют наименьшую роль. Какое имеет значение, что все платья перешиты, а лица измучены? Какая-то сила инерции заставляет нас все время что-то делать, и не что-то, а самые тяжелые физические работы, которые раньше казались невыполнимыми. Мы проходим ежесубботно 20 км, а ежедневно — по десяти. Мы целые дни возим тяжелые тележки или носим тяжести в руках, без конца, изо дня в день, из часа в час. Мы рубим дрова, носим кирпичи, таскаем шкафы.

Мы делали «инвентаризацию» на первое мая. Она была вполне удовлетворительная. Все были целы и даже не в самом плохом состоянии. Послезавтра седьмое ноября, четверть века революции. С чем приходим мы к новой годовщине? Итоги наши много хуже. Уже многих нет. Ничего о маме. Никаких сведений о Шурс и ее семье. Ничего нельзя узнать о Ф.М. Никаких сведений о наших с той стороны. Нет света. Нет радио. Ничего не знаем.

Но мы!.. Многих наша жизнь сделала совсем родными, а многих раззнакомила совсем. Именно такие времена выясняют подлинность отношений. Как никогда, люди показывают себя.

Все имеют очень мало, только для себя. И, может быть, поэтому так жались люди и не спрашивают других, как им живется. Такие люди, как Нюся, исключение. В самых тяжелых обстоятельствах, сама всегда голодная, она, прежде всего, думает о других и отдает последнее. Ее наша жизнь не заставила очерстветь. И как жаль, что не могу сказать этого о

себе. У меня внутри словно дерево или камень. И теперь очень редко волнует меня то, что прежде существенно мешало жить.

И еще хочется сказать, что, несмотря на огромное, совершенно невероятное количество преступлений, чудовищных, непостижимых, творимых особями, носящими облик людей, все же нельзя не увидеть, что есть много тех, кто по праву может называться Человеком. И именно теперь, когда, казалось бы, от ужасов этой войны можно навсегда потерять веру в людей, вырастает именно теперь уверенность в том, что будет лучшее будущее, доживем мы до него или нет.

И как развоенные, в полной, казалось бы, потере интереса ко всему и в страстном желании окончания войны, и, как это ни парадоксально, в страстном интересе ко всему, что происходит, мы изо дня в день меняемся. И если страдаем от событий, которые часто не под силу нам, то многие считают, что мы умираем, а очень многие говорят, что живем.

Среда, 11 ноября 1942 г.

Но является ли свидетельством плохих дел немцев то, что Гитлер очень часто начал произносить речи? В сегодняшней газете снова его речь, которая, как сообщают по радио, «как никогда дышит уверенностью в силе, мощи и непобедимости Германии». А между тем, под Сталинградом дела их, очевидно, проиграны, потому что последние известия молчат о Сталинграде и как пример немецкой доблести приводят взятие Севастополя. Выходит, слишком мало новых побед, так о старых заговорили.

Где же теперь проходит фронт? Что нового у наших? Ничего мы не знаем, совершенно ничего. Снова, как в прошлом году, мороз без снега. Уже замерз Ирпень. И, наверное, снова будет лежать белой лентой Днепр среди серых берегов. Правда, говорят, что для озимых не страшны морозы до 10 градусов. А хлеб в этом году высокий и зеленел еще в начале октября.

Очень холодно уже. В библиотеке, консерватории, во всех квартирах с паровым отоплением температура уже от 6 до 10 градусов. Во многих квартирах уже температура 3°. В книгохранилище, где мы работаем, 6°.

Сегодня вместе с ветром летит первый снег, день серый, тоскливый. И все мы имеем вид нахохлившись ворон, облезлых и черных. Все влезли в зимнее пальто (они в большинстве черные), воротнички торчат, все согнулись. Зрелище комичное и жалкое. Должно быть, уже до весны не согреемся. Счастливы лишь те, у кого печное отопление и есть дрова. Я в большом восторге от своей печки.

Четверг, 12 ноября 1942 г.

Говорят, что только для самых недалеких и тех, кто не интересуется политикой, не видно, что немцы проигрывают войну.

Сейчас заставляет всех радоваться то, что упорно говорят люди обо все растущем партизанском движении. Оно, якобы, принимает совсем угрожающие для немцев размеры. Однако, по этим же рассказам, погибла целая раскрытая подпольная советская организация, погибла почти целиком, но руководителя обнаружить не удалось.

7-го ноября прожекторы непрерывно рыскали по небу. Сегодня мне сказали, что украинцам снова можно ходить в оперу. Отчего вдруг такая милость?

Среда, 18 ноября 1942 г.

Холод — причина того, что не пишется дневник. Здания все остывают, ТЭЦ не работает, а у нас в библиотеке и не будет работать. В книгохранилище 3 градуса. Снова, как и в прошлом году, вечером ничего немислимо делать, потому что начинает, как говорит Нюся, холод выходить. Залезаешь под одеяло, и больше ни на что на свете не способен.

У Нюси холодно в консерватории и так же холодно дома. Мама ее живет на кухне, вечером все сидят там же, а потом бегут в холодные постели. В комнате 3 и 2 тепла. В воскресенье Нюся ставила в кухне железную печку.

Эти железные и самодельные печи — новая эпоха в нашем существовании. О них только и говорят теперь, хотя были они и в прошлом году. И у всех все не слава богу.

Холод парализует нас, но, к сожалению, у нас здесь ничего не меняется. Только все больше и больше говорят о все увеличивающихся репрессиях. Каждый день приносит все новые слухи о жертвах, схваченных гестапо. Правда, в наше отупевшее сознание все же доносятся слухи о событиях извне, которые поворачиваются все-таки, кажется, в нашу пользу.

Последняя киевская новость, которая всех потрясла, — закрытие мединститута.

22 ноября 1942 г., воскресенье.

Газеты и радио сообщили, что немцы сдали Киринаику и Бенгази. А сегодня люди, связанные с немцами, говорят, что они отступают на центральном и северном фронтах. И совершенно невероятные по масштабам слухи о росте партизанского движения. Женщины, которые ездили на обмен по Житомирскому шоссе, рассказали, что в одном из сел партизаны убили двух немецких офицеров. Тогда в селе немцы расстреляли двести человек, сорок семейств подряд со стариками и детьми. Теперь же в это село боятся заглядывать немцы, потому что партизаны мстят им за гибель наших ни в чем не повинных людей. Всеобщее же мнение, что дела немцев плохи. Но сколько еще погибнет наших людей, пока приблизится окончание войны!

Вторник, 24 ноября 1942 г.

Теперь консерватория в таком же положении, как две недели тому назад был мединститут. Ликвидация ощущается во всем, и каждый пытается уже устроиться на работу, если не будет поставлен вопрос так, как в том же мединституте: снять всех с работы, всех работавших студентов, и отправить в Германию.

Элеонора Павловна хочет устроиться вместе с Нюсей, но у обеих нет пока никаких перспектив. Консерватории дали свет недели полторы тому назад. Это расценили как свидетельство того, что консерватория остается. А в действительности он был дан для того, чтобы отремонтировать отопление, очевидно, для будущих хозяев помещения. Еще раз немцы потребовали списки, и именно теперь вопрос существования консерватории разрешится. Судя по всеобщей ситуации, надежды на существование консерватории нет никакой. Немцы терпят поражение в Африке, отступают на советских фронтах. Откуда же может быть благоволение к нашим? Не помогут, скорее всего, и концерты, которые снова пробуют организовать.

Мне кажется, что нет надежды на существование консерватории. Но может быть, я ошибаюсь? Сегодня-завтра это выяснится. А касается нас это очень близко, не только Нюси, которая столько сил вложила на ее сохранение, но и многих других, а мне особенно близка она со всеми усилиями, приложенными для сохранения людей и вещей. Главное же тем близка, что есть в ней целая группа совершенно своих людей. Только там можно отвести душу и говорить обо всем. Маленький уголок Советского Союза.

Уже давно начались наши зимние терзания. Температура в помещении все падает. Уже в книгохранилище 2⁰С и мы промерзаем до костей, несмотря на всевозможное самоотопление. Уже на ноги наматывается, вместо двух, пять-шесть газет, но это теперь не спасает. Книгохранилище нынче называется «холодилище». Все ходят, как тени. И без конца спрашивают: «Который час?» И бегут греться в канцелярию. Там наша почерневшая от холода, копоты и плохого питания толпа облепляет печку и без конца спрашивает о том же: «Что нам дадут: мясо или кости?»

27 ноября 1942 г., среда.

Не выходят из головы студенты драматического отдела консерватории. Я встретила вчера их всех. Они шли вместе, тихие, совсем не такие веселые, как всегда. Вчера они все получили повестки на отправку в Германию. Получили восемьдесят процентов драматического отделения и четыре человека по музыкальному отделу. Администрация консерватории решила, что это начинается организация ликвидации консерватории.

О мединституте ничего не знаем, идет отправка их в Германию, а слух о том, что едет пока только первый курс, не оправдывается.

9 часов вечера.

С утра только зам. директора ходил в штадткомиссариат, а студенты ждали. Там ему сказали, что хотя распоряжения о закрытии консерватории нет, все равно студенты должны ехать, потому что сейчас для заселения рабочей силой оккупированной части Франции нужно сто тысяч человек. По Киеву ли, по Украине ли? Это все равно. Ясно, что немцы вывезут все мало-мальски трудоспособное население от нас во Францию, в Германию, в Африку, на Северный полюс, куда угодно. Оттуда рабсилу к нам. Лишь бы разобщить людей и тем предотвратить всякую возможность сопротивления им.

Нюся в ужасном настроении от сознания полной невозможности чем-либо помочь студентам.

В консерватории студенты, чувствуя в ней своего человека, спросили ее, что же им делать. И тогда, не зная, наверное, нет ли среди них провокатора, Нюся прямо сказала:

— Ищите наших партизан.

В консерватории тишина. Если вчера еще из всех классов доносились пение и музыка, то сегодня консерватория словно умерла. Нюся и Элеонора Павловна совсем осунулись. На лицах у них выражение горя, оттого что они ничем не могут помочь.

Да, настроение ужасное. И нет сил бороться с этим настроением. Сознание, что это начало немецкого конца, помогает, правда, не терять надежды на всеобщий благоприятный исход. Но как пережить это время? Поки солнце зійде, роса очі виїсть.

Пишу и боюсь писать. Рядом всегда стоит призрак гестапо. Записки держу в сарае под землей в железной коробке. А последние листки, которые пишутся, держу в книгах, чтобы не попали, не дай бог, в руки каким-либо врагам.

Мы живем, как животные, в грязи, в копоти, в холоде. Мы только работаем с трудом, спим и едим. Наши самодельные печи дымят и коптят. И люди, черные от недоедания, копоти и ужасного настроения. В библиотеке нестерпимо холодно. По книгохранилищу теперь совсем беспрепятственно гуляет ветер, который свистит и воет уже три дня. Холод пронизывает нас насквозь. И кажется совершенно бессмысленной работа, которую мы делаем. Мы устанавливаем, чего не хватает на полках после варварского расхищения фондов первыми немцами при Полуляхе. Но все же нас держат, платят нам деньги. И каждый день мы все же что-нибудь да несем домой из роскошных продуктов: голые окровавленные кости, или плохой мяяс, или мерзлую капусту. А сегодня мы даже получили по три коробки спичек. И часто ловлю на лице Бенцинга выражение жалости, смешанной с пренебрежением.

2 декабря 1942 г., среда.

На прошлой неделе передавали, что немцев отогнали на семьдесят километров от Сталинграда и обратно забрали Калач и еще одну станцию, названия которой я не могла разобрать. Очень забывают Москву, и слушать трудно. Это становится все опаснее, а свет был случайно. Немцы уже передают опровержение советских сообщений о том, что немцы потеряли под Сталинградом сто тысяч человек. В немецких сводках совсем пусто. Но значит, наши наступают?

В народе масса слухов, легенд о партизанах. Многие из них кажутся просто нереальными, многие носят следы народного фольклора. И, скорее всего, иначе как легенды их даже трудно воспринять. Но и это не важно. Два момента важны для нас: очевидно, есть действительно регулярные партизанские части и, второе, это стремление народа к тому, чтобы они действительно были. И пусть в этих рассказах о добрых красноармейцах (таких больше всего) сказывается, скорее всего, желание толпы утолить голод, наряду с более высокими стремлениями, отраднo то, что народ создает этим сказочные повести о возвращенных партизанами коровах или о накормленных голодных. И что все эти рассказы проникнуты симпатией к партизанам. И партизаны в них выступают всегда в образе красноармейцев.

Самое же главное событие последнего времени, донесшееся до нас, это вооруженный протест французов в оккупированной Франции. Они выступили против оккупантов, принуждавших их воевать на стороне немцев. А когда увидели, что силы их малы, затопили сами свой флот. По поведению немцев нельзя сказать, что дела их плохи. Так же идет их и наша жизнь. Они ремонтируют себе квартиры и скупают ковры. А нам пока без перебоев (хоть бы не сглазить!) регулярно выдают наши 267 грамм «бриллиантового» хлеба в день и четыре раза в месяц по 200 граммов мяса.

Упорно не везет нашей Дунечке. Она все ходит по селам за продуктами. На этих днях была в Обухове и Триполье. Там продала старые Павлушины галоши, кое-что купила, кое-что «родичі» дали. На обратном пути немец отобрал у нее половину сала из ее трехсот грамм. А в Киеве вчера решила она продать немного пшена, чтобы купить мыла. Так полицейские все у нее отобрали. Она плачет, потому что им очень тяжело, а я почти не могу им помочь. Старая она и больная. Павлушину же бригаду маляров в Затоне за неимением материалов отправили в столярный цех. А какие из них столяра. Так что работы нет, и есть нечего.

4 декабря 1942 г., пятница.

Лежу в постели, и очень мало из событий внешнего мира доносится до меня. Правда, и событий-то особых нет. Немецкие сводки совершенно пустые. Но из них только очень ясно видно, что наши все время жесто-

ченно наступают на всех фронтах. Эти глухие отголоски не дают возможности составить себе представление об истинном положении вещей.

Одно лишь отраднo, что отчетливо доносится до меня сквозь стены комнаты и дыма, — это плохое настроение немцев. Значит, действительно наши наступают? Скорее бы!

В консерватории ожидание конца перешло уже всякие границы. Все сидят в единственной теплой комнате — буфете. Нюся и Элеонора Павловна пекут там картошку и варят кашу Филимонову. Он уже месяца два лежит в больнице, повредил себе ногу. Ему сделали операцию, и он лежит там без всякой помощи. В больницах холод и не кормят. Педагоги собрали ему денег. Теперь эти деньги кончаются, и Нюся внесла предложение каждому принести что-нибудь лучшее из того, что он ест сам. Принести раз в двадцать дней. Теперь необходима взаимная помощь, особенно одиноким людям. В среднем не менее двух профессоров в месяц умирает от голода.

Появился слух, что консерваторию законсервируют, как раньше консервировали гимназии: сохранение помещения, инвентаря и педагогов с оплатой 75% зарплаты. А мединститут будто бы начинает заниматься. Ничего не разберешь!

Мои источники сведений — радио и редкие слухи, которые приносят приходящие. С фронтов — ничего. Советские армии наступают у Терека, под Сталинградом и к югу на Калинин — Торопец. Также много слухов о партизанах.

Жизнь словно застыла. Все так же стонут те, кто боится поражения немцев, и придумывают, куда бы бежать. Некоторые из них льстят себя надеждой, что немцы, убегая, возьмут их с собой, и те, которые собираются бежать навстречу нашим, и те, которые собираются спастись с немцами, призывают в пророки всех чудотворцев, чтобы сказали, что будет и что делать теперь.

Многие сохнут от этих дум, а придумать ничего не могут. А потом вдруг решат, что «все равно пропадать!» и положат в кашу больше сала... А немцы хоть и трещат уже понемногу по всем швам, тем не менее, политики своей вовсе не меняют. К примеру: наш дом во второй его части снова начинают выселять. В воскресенье будто бы должен прийти прораб посмотреть квартиры.

Трудно разобраться в том, что происходит. Немцы по-прежнему уничтожают людей. Но есть среди них и исключения. И, очевидно, следует все-таки отделить грешных от праведных, то есть фашистов от немецких людей. Таких фашисты не милуют. Уже несколько случаев знаем, когда действительно порядочные немцы попадают в опалу, на фронт или просто исчезают неизвестно куда. Так случилось с очень человеком, по словам сотрудников, шефом кинофабрики. Так убрали инспектора Вигерса — пастора и других.

Немцы не любят больных и панически боятся туберкулеза. Еще чего доброго и меня уволят, если узнают, что болезнь моя в легких. Надеюсь только, что это еще не начало открытого процесса. Пора собираться на работу.

Меня что-то развезло. Началось с небольшой простуды из-за нашего библиотечного холода. Но не падает температура, и вот валяюсь уже неделю. Лежать мучительно. Дым разъедает глаза. Но нам нельзя жаловаться. У нас есть свет. Краденый. Немцы не дают света даже самим немцам, живущим в украинских домах. А у нас оказался общий кабель с немецкой частью квартир. Пользуемся им тайком. И моя печка топится.

Отселенная половина большого дома темная совсем. Выехали все. Во дворе уже лежат песок и глина для ремонта немецкой половины дома. И новый дворник подметает улицу. Разоренное сорокалетнее гнездо.

Несмотря на свет, никто не приходит на посиделки. Надежда Васильевна больна. А у других нет сил, нет времени.

13 декабря 1942 г., воскресенье.

Из-за своей болезни я попала в ужасное положение. Температура не падает, а увеличивается. Уже точно известно, что это легкие. А они, как известно, требуют питания.

Таня плачет все время, потому что я ничего не хочу брать у них, то есть у Степана. Хотя он своими поступками уже доказал, что чем может помогает нашим людям, я все еще никак не могу смириться с его работой в полиции.

— Он там работает на наших, — все время повторяет Таня. И мне очень тяжело, что я не верю ей. И никак не могу себя переломить. А ведь я еще весной сказала Н., что Степан наш человек. Мне кажется, что я поверила бы, если бы уже сейчас знала, что же требуется от нас. И еще так тяжело мне, что среди тех, кто приходит к Степану, такие люди, как семья спекулянтов, трех сестер, торгующих кониной и самогонкой. Очевидно, я не права.

Сегодня снова приходили заключенные — еврей и русский. Тот русский, что приходил в прошлый раз, убежал. Он — москвич, участник футбольной команды. Куда убежал, не знают. А евреи не могут уйти, потому что у них нет ни одного документа. Вчера их вдруг не выпустили из камер на работу. Они решили, что уже конец. Всех русских перевели в концлагерь. Евреев если переведут, тогда им конец. Они готовы к тому, что, как только они будут подвергаться переводу в лагерь, они уйдут. Без документов, куда глаза глядят. Другого выхода нет. Степан должен их предупредить. И снова они говорили о том, как им хочется жить. Какое ужасное время.

17 декабря 1942 г., четверг.

Пять лет нет мамы. Господи! Жива ли она?

24 декабря 1942 г.

Сегодня передали по радио, что немцы «согласно ранее намеченному плану отошли на ранее приготовленные позиции». В колоне Дона. А на всех прочих фронтах отражены многочисленные атаки и ликвидированы прорывы, причиненные советскими войсками.

Наиболее же активные слухи — это о новогодних подарках, которые готовят немцам партизаны. Между прочим, до сего времени ни в одной газете не появилось слово «партизаны». Скорее всего, потому, что сведения о них много достовернее того, что пишут в газетах. Ведь никогда не знаем, какой процент правды в том, что сообщают эти украинско-немецкие газеты, единственный печатный источник наших сведений.

Еще 12 или 13 числа был в газетах приказ о том, что вся молодежь в возрасте от 18 до 25 лет обязана отбывать трудовую повинность по распоряжению генералкомиссара для оккупированных областей. Повинность отбывать должны в течение года, а кто добровольно согласится работать на ней двадцать лет (!!! — точно так написано в газете), тот потом на всю жизнь освобождается от работы и будет получать пожизненное содержание... Пишу эту нелепость и не понимаю, кто такую чушь мог опубликовать.

Немцы верны себе. Их уверенность в их «вечности» непоколебима!

23 декабря, среда, 1942 г.

Вчера сообщение немцев об отходе на заранее приготовленные позиции в колоне Дона было и в газетах. Вчера же по радио передали сообщение об окончании боев в районе Торопца. Там будто бы погибло 20 тысяч красноармейцев, убитыми и пленными, и какая-то есть цифра взятого вооружения. Но сообщалось об этом как-то вскользь, совсем не так торжественно, как это обычно сообщают немцы. Словно нужно что-нибудь сказать, а то подумают, что у немцев нет больше успехов.

Больше всех кричит Гитлер, называя всех поджигателями войны, словно не он является истинным поджигателем и виновником нынешней страшной бойни. Крики эти — гадость, но симптом, очевидно, хороший.

Если в прошлом году то, что говорил Гитлер, доносилось до нас очень слабо сквозь немые ужасы окружающего, то теперь он столько говорит, что невозможно не слышать. Его лающий крик проникает всюду. Он говорит, говорит все для подъема духа немецкой армии. А нам это кажется признаком их поражения. Без конца посещают друг друга Гитлер, Чиано, Дуче, немецкие, итальянские, японские послы, без конца посылают друг другу приветствия. И все это носит характер «чрезвычайной сердечности», как сообщает пресса.

Многие немцы начинают уже понимать чудовищную авантюру, в которую втянул их Гитлер, задуривший им головы блицкригами и убедивший их в том, что они заместники бога на земле. Но мы тому свидетели.

что многие из этих фрицев, гансов, эрихов в большинстве своем проклинают войну и собственного фюрера, умирая на наших землях. И все чаще и чаще можно услышать от рядовых немецких солдат горькие слова:

— Зачем мы пришли сюда? Зачем мы воюем с вами?

В эти последние дни настроение словно вырастает от известий о партизанах.

30 декабря 1942 г., среда.

Завтра канун нового года, 1943 год. И каждый спрашивает: что-то принесет он нам? Окончится ли война? И многие считают, что именно в 1943 году война должна закончиться.

Вчера Тане исполнилось двадцать четыре года. Так горько, что ничего радостного не принесла ей жизнь. И сейчас ей особенно тяжело, потому что она любит Степана. А он... Не так давно он сказал мне:

— Я встретил женщину. Стоящую. Нашу.

И часто не возвращается домой. Где он? С кем он? И Шурку он настоящему не любит. Дитя тянется к нему, а он очень холодно отстраняет ее. И больше всего дитя возле меня. Хоть и страшно это, потому что если действительно мой процесс открылся, то это очень опасно для ребенка. А меня температура не выпускает из своих лап. Все еще лежу.

Позавчера (под предлогом празднования дня рождения Степана) собрались у него гости, ему исполнилось 27 лет, были два товарища. Я говорила с ними. Знаю их уже давно. А подробнее не могу сказать. В день рождения Тани никого у нас не было, кроме Ньюси и Галины. Канун нового года неизбежно вызывает бурю мыслей. Второй новый год встречаем мы в оккупации! Подумать только! Сегодня четыреста шестьдесят восьмой день нашего бесправия, нашей беды.

Праздников много, но настроение не праздничное, хотя, пожалуй, у тех из нас, кто ждет наших, оно порою градусом выше настроения немцев. Они говорят:

— Если мы побегим в штанах, то и вам придется бежать с нами.

(Это значит, что нам будет плохо).

— Но если мы побегим без штанов, тогда мы вас оставим.

(Нам больше подходит второе).

А итог: в штанах или без них, но немцы собираются бежать и ни на что уже не надеются, хотя они все еще у Волги. Но, вероятно, они знают больше, чем говорят. Потому что еще несколько месяцев назад таких настроений не было. Последнее время все более бледные сообщения с немецких фронтов и все более расширяющееся партизанское движение. Но и все усиливающийся репрессии. С партизанами немцы борются полным уничтожением сел. Они сжигают их вместе с населением. Запирают в хатах и взрослых, и детей, обливают горячим, поджигают, а тех, кто пытается вырваться, штыками вбрасывают обратно. И земля не разверза-

ется от этих чудовишных злодеяний. А результаты получаются такие, как и следует ожидать: десять сел сожгли оккупанты, сто сел уходят в лес. Немцы срывают свою злобу на всех, где могут. Попавшие в гестапо — исчезают бесследно. Никто не возвращается. Нет Фурсы, нет всей Шуриной семьи, нет самой Шуры. И ничего абсолютно о Ф.М.

Немцы припуганы малость. Рейхсдойче, сестры милосердия да, очевидно, и другие немцы могут выходить из домов после семи часов только в случае особых надобностей. Во всех прочих случаях они уже до семи часов должны быть дома. На улицах настолько мало немцев, что это даже странно. А вечером их нет совсем. Вообще в городе сейчас намного уменьшилось количество немцев и увеличилось количество итальянцев и бельгийцев. Итальянцы по сравнению с немцами кажутся какими-то разболтанными в своих широких на меху шинелях, на тонких ногах в шерстяных чулках, в огромных ботинках. У многих из них торчащие перья на фетровых шляпах. Бельгийцы же в черных формах, как железнодорожники. И опрятны, как немцы. Их можно отличить по нашивкам на рукавах: на охристом фоне черный цветок или ветвь и сверху надпись: «Flandria». Язык у них звучный и красивый, но понять его не можем. Не знаю, на какой язык он похож.

2 января 1941 г., четверг.

Итак, 1943 год. Сегодня уже 2 января. Четыреста семьдесят первый день оккупации.

Зима все еще благоволит к нам. Температура все эти дни на ноле. До вчерашнего дня почти не было снега, а вчерашней ночью он выпал глубиной сантиметров в пятнадцать. И лежит, не тает. Только на тротуарах скользко, а приказ Форостиевского не выполняется: никто тротуаров не посыпает. Густой мокрый туман не осел сегодня на весь день. И из сада не было видно даже соседних гор. Мы с Сашкой катались в саду, протапывали санную дорожку. Она все не хотела уходить домой, но из-за тумана было тяжело и холодно.

Наш район вообще пустынный и тихий, кроме базарных дней — среды, субботы и воскресенья, когда Андреевский спуск становится главной трассой, сообщающей центр с толкучкой. Раньше толкучка была разрешена только в воскресенье. А теперь ее позволили и в остальные базарные дни только на Подоле.

3 января 1943 г., воскресенье.

Мы решили не встречать нового года. И от этого решения было еще тоскливее. Пожелали друг другу хорошего наступающего нового года и разошлись по домам. Нюся купила всем своим по маленькому подарку. Потом, когда Нюся ушла домой, и мне захотелось что-нибудь своим принести. Но купить теперь ничего нельзя. Поэтому принесла Шурке леде-

нец, а бабе Татьяне семечек. Даже это теперь лакомство, доступное лишь в праздник, и то не всегда. Немцы, правда, побеспокоились о том, чтобы к празднику мы были соответственно подготовлены. Во всяком случае, мы были в восторге от грандиозных пайков, полученных нами перед рождеством и перед новым годом. Перед рождеством (немецким) мы получили по 0,5 кг пшена, по 0,5 литра снятого молока, по 1 кг маляса, по 1 кг кислой и по 2 кг мороженой свежей капусты, по 5 кг соленых огурцов, по 0,5 кг костей и по 1.600 кг белых семечек. И, самое главное, по 0,5 стакана водки, которая, правда, более похожа на сивуху, нежели на человеческое питье. Вот-то торжествовали наши библиотекари, да и другое население, от таких обильных пайков! И питье, и закуска! А к новому году мы получили по 0,5 кг белой муки, по 100 грамм соли и по 50 грамм кофе!

На рождество, немецкое, по такому поводу, что все были свободны, собрались у Нюси ее консерваторские друзья. Общими усилиями был просто великолепно сервирован стол — были винегрет, рыба, борщ, от которого все отказывались по причине небывалого полного насыщения. И даже ячменная кутья была по всем правилам с медом и с маком. И узвар. И чай с коврижкой из маляса, которая хоть и села, все же была чрезвычайно вкусная. Компания была в основном непьющая, но, тем не менее, мои полстакана водки и четвертушка самогонки весьма пригодились, и, пожалуй, могли быть увеличены. Потом у пианино зажгли свечи, которые осветили стоявшую сверху елку, и Элеонора Павловна с Нюсей играли в четыре руки. Было приятно, уютно, как всегда, грустно. Весело нам теперь быть не может. Не хочется, чтобы были дни рождения и другие праздники. Это все вехи, всегда грустные. В них острее ощущается отсутствие близких людей. Так, особенно остро чувствуем, что нет мамы, нет тех, кто уехал.

Так и новый год решили не встречать оттого, что это снова веха. Дома застала взволнованных Лелю и Татьяну. Заболела Шурка. У нее было что-то с желудком и температура была сорок градусов. Это, правда, не помешало Татьяне и Степану уйти к знакомым встречать новый год. Остались мы втроем. После всяких положенных в таких случаях мер Шурка вдруг выздоровела, а Леля говорит мне:

— Пойди скажи Любовь Васильевне, что у меня есть бутылка водки.

Сказано — сделано. У Любви Васильевны и Надежды Васильевны оказались котлеты из конины и рыба, вытащили соленых огурцов, отварили картошки. И вчетвером по советскому времени встретили новый год. Посидели вместе, повспоминали, поговорили об отсутствующих и снова, в который раз, пожелали друг другу окончания войны. А потом закурили патефон и послушали Чайковского, Римского, Мусоргского — своих. Сидели молча, потому что это снова веха. И только около 12 часов разошлись по домам. Так мы мысленно присоединились к советской встрече нового года и представили себе бой часов на Кремлевской башне.

С первого числа перестала существовать консерватория. Теперь это уже решено и осуществлено. Прекращены занятия со студентами, а с 1-го января консерватория законсервирована. Для сохранения имущества, якобы, оставлено восемь или девять человек, среди них — Лысенко, еще не помню кто, и Нюся как зав. библиотекой. Из преподавателей двадцать два человека оставлено за консерваторией с сохранением 75% зарплаты, так, как некогда сделали в гимназиях. Выбирали педагогов по принципу невозможности их устройства на какой-либо работе или оставляли тех, кто, кроме консерватории, ни с каким другим учреждением связан не был. По драматическому отделу остался только один или два человека. Уволили тех, кто работает в опере, на радио, в варьете.

Из студентов 60 человек зачислены как студенты. Они все должны работать где-нибудь, но считаются они студентами. И это звание как будто бы должно защитить их от Германии. Остальные все приложили всеяческие усилия, каждый в отдельности и все вместе, и вот до сих пор никто еще из консерватории в Германию не поехал.

Хуже всего получилось с Элеонорой Павловной. Ее уволили из консерватории и зачислили в хореографическую школу (эта школа единственная пока осталась) руководителем хора для детей. Это дает ей мало часов. Но не это главное. Элеоноре Павловне очень тяжело расставаться с консерваторией вообще и с Нюсей, в частности. За время войны Нюся и Элеонора Павловна очень сдружились. В последнее время никто не надеялся на то, что консерватория будет существовать. И все равно этот конец очень грустен.

Консерватория была все время одним из немногих учреждений, где чувствовалась какая-то жизнь. Наличие ли молодежи — студентов определяло это, или героические усилия коллектива способствовали тому, чтобы не рассыпаться и не погибнуть в одиночку. Но она, эта жизнь, была. А теперь она умерла и в консерватории. И как в нашей, например, библиотеке, остались лишь вещи, которые напоминают о том, что жизнь была, а теперь нет. Так и в консерватории, осталось убогое, но дорогое нам, с таким трудом сохраненное, собранное гнездо. А жизнь ушла. У входа в консерваторию не встречают больше многоголосые звуки музыки из классов.

12 января 1943 г., вторник.

Очень много нужно писать, а я не могу заставить себя взяться за дневник. Не только потому, что все еще нездоровится. Но и потому, что уже несколько дней леденящий ужас парализует меня. В каждом шуме, доносящемся со двора, мне слышатся шаги гестапо. Мы ненавидим немцев, не всех, только гитлеровцев. Но именно это сейчас и есть государственное преступление. А ужас появляется всякий раз, когда рассказывают о расправах гестапо. И еще больше оттого, что нигде, наверное, не

гибнут так люди из-за предательства, как в Киеве. Приходил Н. Он не был в Киеве несколько месяцев. Он говорит, что никого нельзя найти. Люди гибнут и гибнут. И к моей квартире он шел с опасением. Говорит, что больше часа стоял в темноте двора и боялся войти. Не знал, есть ли я еще.

Мы все вместе еще раз благословили судьбу, что у нас управдом такой человек, как Воробьева. Она непрестанно рискует жизнью под постоянной угрозой ареста. Но все целы в нашем доме. Она всегда вовремя предупреждает об опасности. Спасибо ей!

В библиотеке уже знают откуда-то об аресте Ф.М. И уже даже говорят о том, что он расстрелян. Обо мне в связи с ним еще не говорят, но Антонович знает. Третьего дня рассказали о том, что прислал записку из лагеря заключенных на Сырце Павел, бывший заместитель директора «Ленинской кузницы». А уже говорили, что он расстрелян. Он просил помочь ему хоть картошкой. Но сделали ли это его друзья?

Не мудрено, что появляется этот панический животный страх. В гестапо нет ни суда, ни следствия. Никто не поможет, если туда попасть. Мой дневник спрятан под землей от крыс и от людей. Это состояние паники мешает возможности делать что-либо. Страшно писать. И многое забывается. И только, когда возьмешь себя в руки, делаются какие-то крохи.

И еще мы думаем, что живем последние дни, и до прихода наших не доживем, особенно я. И ледяной животный страх перед гестапо сменяется надеждой на скорое возвращение Советов, а потом снова надежда сменяется страхом. Так мы живем. Но у наших есть безусловные успехи. Они идут двумя крыльями. Одна сторона запирает немцев на Кавказе, другая — у Ленинграда. Красная армия идет на Ригу одним концом, на Дон другим. На глазах меняется ситуация и настроения. Теперь очень ясно ощущается, что перевес на советской стороне. Терпение, терпение нужно нам. А оно иссякает.

Впечатление, что немцы одеты хуже, чем в прошлом году. Итальянцы все в шинелях на меху. По городу ходят на распашку, и белый мех их шинелей всегда красуется снаружи. Они не хотят воевать. Рассказывают, что итальянцы снимаются просто с фронта, говорят: «Война окончена», — и уходят. Как далеко они уходят — неизвестно, но можно у них запросто купить на базаре оружие.

Описать настроение города последнего времени невозможно. Это все растущее чувство конца или начала, смотря по тому, кто чего ждет. Но в связи с ухудшением положения немцев, с усилением деятельности партизан, с движением и действиями регулярных даже войск в тылу у немцев, город шевелится все время. И те, кому нужно реабилитироваться перед Советской властью, начинают искать уже возможности перекрашиваться.

Все чаще спрашивают немцы у наших людей:

— Спрячешь меня, когда мы будем бежать?

Гитлер снова говорил со своим народом, призывая к войне до победного конца. Собственно, не говорил, а лаял, потому что выступление его считать человеческой речью нельзя. Выступает он нынче очень много. Говорят, что Гитлер просил уже мира, но что товарищ Сталин поставил очень жесткие условия. Одни говорят, что Сталин потребовал мира в старых границах и возвращения назад всех людей.

Но пока город взволнован снова слухами о том, что с 15-го января начинается новый, наиболее ожесточенный набор в Германию. Будто бы будут освобождены только женщины с детьми до 7 лет. И что нужно снова сорок тысяч человек.

Говорили мне, что немцы уже очень хорошо знают, что проигрывают войну, и что сейчас главная их задача — сохранить Германию. Мне кажется, что это возможно лишь заключив мир с СССР.

13 января 1943 г., среда.

Сколько дней нам еще считать до освобождения? Сегодня четыреста восемьдесят два дня оккупации. А город живет по-прежнему. Кто голодает, а кто гуляет без конца. Спекулянты, самогонщики, полиция, немцы гуляют, все потому, «что все равно пропадать!» Благо праздники один за другим. «Новый» новый год и «старый» новый год, два рождества, крещение и т.д., и т.п. Да отчего и не гулять? Деньги есть. За деньги можно достать все, что угодно. Научились гнать из маляса хороший самогон без запаха. Подол, Кожемяцкая, Гончарная, Олеговка, Мирная — какие немцы посмеют туда сунуться? Там современные капиталисты. У них деньги и покой. Полиция и немцы у них на откуп. И откупы немалые. Денег там много. Вот, к примеру: покупают в воскресенье корову или лошадь. Платят за нее 20 тысяч. Забьют, порежут на части, продадут за 50 тысяч, и еще и мяса себе хватит. На базаре мясо 200 р. килограмм. Вот и все. Сколько простым смертным нужно работать за 30 тысяч? Ровно три года, да и то не всем. Другим — лет шесть. А им? За день 30 тысяч. Отчего же не жить? «Город голодает? Глупости какие! Нам же нужно жить!» — говорят они. И разве такие люди не откупятся от любой власти? От любой полиции?

А рядом черные от голода, грязи и холода люди. У меня все время перед глазами толпа лиц научных работников и других людей, стоящих в очереди за бесплатным обедом в комитете взаимопомощи или в Доме ученых. Встречала Шишкина. Он просто страшный. Черный и высохший. И еще хочет по-прежнему шутить.

— Мы еще живем! — вскрикивает он. А лицо и оборванная худая фигура говорит:

— Мы уже мертвы.

Да, наши люди черные и мертвые рядом с розовыми, откормленными немцами. Они вообще здоровее нас, тех, кто на оккупированных землях. Говорят, что у них нет ни туберкулеза, ни венерических болезней.

Вчера ходила я в тубинститут на Отрадную улицу. Нужно принимать какие-то меры, а то действительно не доживу до освобождения. Такие путешествия трудны теперь. Трамваев словно и не было никогда. Мороз вчера был 18^о. Солнце и безоблачное небо. Губы и ресницы слипались, а снег под ногами трещал. И было больно смотреть на спящий снег. Слава богу, его уже выпало достаточно. А то погибли бы хлеба.

Народа теперь на улицах мало. И езды никакой. Как в селе, ни одной живой души. И тишина такая! Вспоминаются слова Жионо, что крик жаворонка кажется чудовищным. Так вот собственные шаги грохочут в этой звенящей тишине. Из-за отсутствия людей попала раньше всего в детское отделение. Жалкое зрелище. Выбитые окна, местами забитые диктом, а местами зияющие пустыми рамами. И никого вокруг. Внутри растерянные санитарки сказали мне, что я не туда попала. Потом я пошла дальше и набрела на немецкое отделение (значит, неправда, что у них нет туберкулеза!). И лишь в третий раз попала в сам институт. Вокруг тишина и снег, огромными космами висящий на ветках деревьев. И скамья под толстым слоем снега. Внутри института чистота и тишина. И тоже нигде никого вокруг. И от этой морозной тишины и снега, и от того, что не чувствуется жизни вокруг, как-то особенно ошутимо представились мне больные, умирающие от туберкулеза. Ужасная болезнь! Особенно теперь. Я ушла, ничего не добившись. Не оказалось начальства. И снова прошла одна среди безлюдных белых улиц. Мы живем теперь в мертвом городе.

Сегодня пасмурно и снова пошел снег. Может быть, потеплеет.

17 января 1943 г., воскресенье.

Вчера и сегодня уже несколько раз подряд передает немецкое радио заинтересовавшее всех сообщение: «Об изменениях в Советском Союзе». «Красная Армия переименовывается в Русскую армию. Командиры в офицеров. Будут у них золотые погоны и деншинки. К тому же возвращают в армию всех бывших офицеров царской армии, всех прежде репрессированных белогвардейцев, с присвоением им их прежних чинов. Офицеры выделяются в особую привилегированную касту».

Сообщение точно в таком виде, как я записала, мы слышали по немецкому радио на украинском языке своими собственными ушами. Сомневаться в том, что это говорилось, не приходится. Но есть над чем поломать голову. Публика не замедлила этим заняться.

Очень жаль, что не можем услышать советское радио. Нет света. Логические рассуждения, какая польза немцам от этого сообщения? Помоему, никакой. Среди нашего народа очень много сторонников России и всего русского. И это только вызовет желание более скорого прихода наших. А быть может, это очередной прием разжигания национальной ненависти украинцев к русским? Отказываемся понимать. И только очень хотим мы все дожить до прихода наших. Тогда-то все выяснится.

А многие уже не доживают. Вчера и сегодня подряд двое похорон. Вчера хоронили певца — профессора Филимонова, сегодня — Владимира Александровича Саблина.

Филимонов умер от ужасных условий, в которых сейчас люди в больницах. Он повредил себе ногу месяца четыре тому назад. Лежал он в университетской клинике. Сначала были у него средства, какая-то знакомая носила ему передачи. Потом средства иссякли. На помощь пришла консерватория. Первое время собирали деньги педагоги, и часть денег с концертов шла на покупку ему продуктов. Потом кончились и эти средства. Тогда Нюся предложила всем по очереди носить ему что-нибудь из еды, то, что себе варят. С месяц так носили ему еду. А когда закрыли консерваторию, только Элеонора Павловна и Нюся ходили, носили ему кое-какую еду и старались его не забыть. А ему было все хуже. Больницы теперь не отапливаются. Не кормят больных совсем. Недели три тому назад передали от Филимонова просьбу достать ему перевязочный материал, потому что нога гноилась, а из-за отсутствия перевязочных материалов ему не делают перевязку. И температура повысилась у него давно. И вот в среду он умер от того, что в пролежнях появились дифтеритные бактерии. Вчера его хоронили. Мороз вчера был немного меньше, чем позавчера: вместо 25^о было 22^о утром. Но был ветер. Катафалк, гроб, место оплачивала за свой счет управа. А священника и певчих пригласила консерватория. Дроги задержались. Некоторое количество провожающих появилось, и грелись они в канцелярии клиники. Распорядитель мертвецкой торопил. Оказывается, немцы выселяют клинику и выбрасывают всех без разбора — и живых, и мертвых. Внутри слышно было, как разбивали банки с анатомическими препаратами. Наконец, приехал катафалк с гробом. Вынесли Филимонова. Он так изменился, что его совсем нельзя было узнать. Венки были из плохих искусственных цветов. Никого близкого. Холод моральный такой же, как и физический, жег в этот день. Только у Нюси был какой-то растерянный вид. Все же остальные разговаривали друг с другом, вовсе не вспоминая Филимонова.

18 января 1943 г., понедельник.

Не могу разобраться в том, что происходит, ни записать всего. Так с каждым днем увеличивается быстрота событий. В сегодняшней газете такие сообщения: «На южном участке фронта отражены все ожесточенные атаки противника в частично подвижных оборонных боях».

Как это «в частично подвижных?» Оборонные бои ведь бывают на месте? А если движутся вперед, то это называется «наступательным движением»? Следовательно, мы можем сделать вывод, что «подвижные бои» — это движение назад? И еще: «Гарнизон Великих Лук согласно приказу пробился к частям, которые бьются против блокады». Итак, с опозданием пришлось сказать, что Великие Луки отданы нашим. Дальше слушали

Москву. Из Москвы сообщают, что взяты назад пять городов, включая Минеральные Воды, Пятигорск, Ессентуки на Кавказе. И что взят Витебск. А еще в немецких газетах каждый день пишут о налетах английской авиации на немецкие города и о жертвах среди населения.

Еще по радио из Москвы: смеются над рассказами немцев об отдаче англичанам Баку и Мурманска. О переименовании Красной Армии и о погонах не говорится ничего.

26 января 1943 г., вторник.

Нам в течение всей войны не приходилось жаловаться на нехватку событий или их медленный темп. И теперь они развиваются достаточно быстро, быстрее, чем я могу их записать. И «летопись» моя плетется все время в хвосте, если еще принять во внимание, что я в третий раз за два эти месяца должна была лечь в постель. И растеряла уже, конечно, и числа, и факты.

Несколько дней назад замечательно сформулировали объяснение своего бегства немцы: «Не вошли в контакт с советскими войсками...»

Потом «для сокращения фронта» оставили Кавказ. А армию оттуда перебросили на Кубань.

По советскому радио: в пятницу взят Армавир. О Харькове все упорнее говорят.

Вчера же немцы сообщили, что окруженные под Сталинградом немецкие и чехословацкие части бьются до последнего против преобладающих сил противника и «покрывают свои знамена неуязвимой славой». Мороз пробегает от сознания, что снова и снова бьются тысячи, десятки тысяч людей, наших — за нас, за нашу землю, немцев — неизвестно за что, во имя нелепой, чудовишной идеи господства фашизма над миром, вместо того, чтобы сдать и уйти с нашей земли давным-давно.

Итак, мы знаем наверняка: Ленинград освобожден, Кавказ отобран назад. Сталинград отбит. Воронеж отбит. Какой только ценой! И хотя освобожденная часть еще очень мала по сравнению с тем, что захвачено немцами, тем не менее успехи наших огромны.

Немцы ходят чернее тучи. В городе масса машин, многие из них окрашены белой краской. На Дарницком мосту часами нельзя проехать по причине постоянных пробок из машин. На вокзал идут эшелоны с ранеными. Несколько дней была оттепель, а потом лил проливной дождь. А вчера и сегодня снова сильнейший мороз с ветром. Погода помогает нашим. Даже для тех, кто упорно не верил в поражение немцев, оно очевидно из немецких же сообщений.

Победа наших приближается, только не знаем мы, как быстро пойдут наши вперед. Мы верили в это и знали еще прошлой, тяжелой и полной поражений зимой, что как только немцев остановят, как бы далеко они не зашли, их повернут назад и начнут побеждать наши.

Сегодня мне сказали, что из советских радиопередач известно действительно, что в Союзе есть действительно «Русская армия», наряду с Красной Армией, что есть офицеры и погоны. Проверить не могу. У нас радио снова нет.

Пишут в газетах «Нове українське слово» и «Последние новости», что «по указаниям Сталина в русской армии введен трехцветный флаг и предполагается раздача княжеских титулов: Ворошилов — князь Ленинградский, Тимошенко — Таврический, а Каганович — Кавказский».

События все разрастаются, а вместе с ними вырастает и наше напряжение.

Ожидание наших заставляет усиленно волноваться всех. Одних от нетерпения, других от страха. Во вчерашней газете кто-то, по многим признакам Штепа (он в большинстве случаев пишет передовые), в статье под названием «Наш обов'язок — відбудова батьківщини» пишет: «Вот, мол, многие бояться возвращения большевиков, а что те, кто боятся этого, сделали для борьбы против них?» И упрекает украинцев в бездействии. Как нельзя лучше статья эта, написанная фактически для одной этой фразы, отражает волнения тех, кто больше или меньше пристроился при немцах, и, рассчитывая на то, что большевики погибли окончательно, распинались всячески все это время. Все-таки прошло уже почти полтора года, как немцы здесь. Многие держались, держались, а потом все равно вынуждены были как-то устроиться. И, в конце концов, осталось очень немного людей, которые смогли не работать у немцев и так или иначе не быть связанными с ними. Все работающие, так или иначе, работают в пользу немцев. Потому что иных учреждений или предприятий немцы не держат и не разрешают открывать.

Имеет ли значение наша работа для войны сейчас? Все же, очевидно, меньше, чем работа в других местах. Но будем мы работать или не будем, немцы вывезут все, что успеют, как без нашего участия они свозят и вывозят все. И все равно все зависит от обстоятельств. А в нынешних условиях мы все прямо или косвенно, но работаем у них. И с этой точки зрения мы все одинаково виновны и невиновны.

28 января 1943 г., четверг.

Ну и панику подняли вчера! В магазинах перебои с хлебом, а на базаре он исчез совершенно. Поэтому вчера пуд ржаной муки стоил 2,5 тысячи, сало — 1700 руб., постное масло — 700-800 рублей литр. И все из-за него дрались и били друг друга бутылками. Прибежали перепуганные хозяйки. Что будем делать? Те хозяйки, которые живут базаром сегодняшнего дня. А у хозяек, которые вроде нас, покупают на базаре только морковку и лук, а остальное предполагается «дома», вдруг тоже все оказались на бобах (хотя на бобах было бы еще совсем неплохо, но бобы — фасоль, теперь недоступная роскошь), потому что как раз все должны были поку-

пать жиры. Жиры же покупаются не часто, раз в два или три месяца. Конечно, и разговоры соответствующие:

— Начинается!

А до начала еще пока далеко, потому что хоть и говорят, что в понедельник в четыре часа утра большевики взяли Харьков, тем не менее, настроение у немцев вовсе не отступательное. И боюсь, что еще придется нам ждать и ждать.

Пришла вчера Дунечка из Борисполя. Путешествие туда теперь очень сложно. Без конца в сторону фронта идут машины, войска, вооружение. Все выкрашенное уже в белый цвет. В Борисполе у крестьян забрали всех лошадей, впрягли их по четыре в подводы и на этих подводах перевозят какие-то, как говорит Дунечка, лодочки. Они настолько тяжелы, что лошади, по четыре вместе с трудом их везут.

Над Борисполем советские самолеты бросают листовки. В них советское обращение к народу, находящемуся на оккупированной земле, с просьбой помогать нашим тем, чтобы вредить немцам в тылу, подрывая немецкий транспорт.

Из Борисполя Дунечка приносит или привозит на санках вьюнков и лук. Продает на базаре здесь и зарабатывает рублей 500-600 за такую «прогулку». Так она кормит Павлушу и себя, подкармливая иногда и нашу Шурку. «Прогулка» же мучительная, особенно с ее больными ногами. Всякий раз думаешь: «Вернется ли?» Иногда, очень редко, подъезжают немного от Дарницы подводами. Машины теперь не берут совсем. А чаще идут пешком, не вши целый день, туда и обратно. В эту последнюю поездку Дунечка два с половиной часа не могла пересечь через мост. Все шли войска. А мост был посыпан песком, и сани тащить было очень трудно.

Сейчас Дунечка пришла со двора. Говорит, что с левой стороны Днепра слышна все время сильная непрерывная стрельба. Очевидно, советские самолеты сопровождают немецкие войска и по ним стреляют. На панически настроенную публику это действует весьма подкрепляюще.

29 января 1943 г., пятница.

Не помню, писала ли уж о тех беженцах, которые просят в районе Кузнечной. К Нюсе каждое воскресенье приходит девочка девяти лет, полураздетая и голодная. Она ходит по квартирам и собирает, что может, на всю семью. Их пять человек детей, она старшая, младшее — грудное. Они с матерью пришли из Воронежа.

Приходит женщина-беженка с двумя детьми. Приходят другие, и приходят без конца.

Смерть особенно гуляет среди интеллигенции. Иногда на лицах можно прочесть ее приближение. Отчего-то особенно часто встречаются мне профессор Артоболевский и его помощник Шишкин. Но особенно страш-

но смотреть на Шишкина. Еще месяца три назад, когда встречала его в университетском дворе, он, как и прежде, подымал вверх руку и очень весело и бодро кричал:

— А, здравствуйте! Как поживаете? Пока живем!

А потом он здоровался, но улыбался как-то пришибленно. Потом я видела, как он выходил из столовой Дома ученых, где членам Дома дают обед за один рубль. Он был совсем черный от голода, холода и сажи. Теперь все черные, хотя и моются. А недели две назад я встретила его. Он шел, не глядя по сторонам, не отвечая на приветствия. И шел медленно, едва передвигая ноги. Они у него распухли. А на лицо невозможно было смотреть. Глаза смотрят, не видя, на совсем черном лице. Ну как и чему можно помочь? Мы совершенно бессильны. Так и пропадут многие, кто мог бы еще жить, если бы им вовремя помогли.

И долго ли еще ждать наших? Ох, не выдержим!

30 января 1943 г., суббота.

Сегодня для немцев «знаменательный» день. Десять лет прихода к власти Гитлера. Поэтому еще вчера началось отвратительное и непрерывное восхваление национал-социализма.

В настоящее время не особенно приходится хвастаться немцам. Вчера по радио они рассказали о том, что отступили по всей линии фронта. Про окруженных в Сталинграде было сказано, что там положение безнадежное.

А в городе продолжается паника. Публика складывает «монатки» — на уход из Киева — одни от большевиков, другие — от боев, третьи — от немцев. Хлеб появился в магазинах, на базаре цены начинают немного колебаться в сторону понижения. Но самое интересное, что в городе нет ни одного рубля, ни одной троячки. Предприимчивая публика попрятала оставшиеся советские деньги. Хлеба теперь нельзя купить потому, что нет сдачи. Немецких никелевых денег слишком мало в обращении.

Все, кто имеет возможность, аккуратно слушают Москву. Теперь мы, наверное, знаем, что наши неуклонно идут вперед. Вот когда наступает испытание нашего терпения. Освобождение приближается, но, кажется, может не хватить сил дожить до него.

Атмосфера такая раскаленная, что нервы просто не выдерживают. Спокойно уже никто не говорит друг с другом. Все ломают голову — что делать? Продавать вещи или не продавать? И каждый по-своему трактует события. Одни верят в изменения в Союзе, другие не верят. Одни больше всего боятся НКВД, другие совсем не боятся. Одни собираются бежать, другие думают о том, как удержаться, чтобы не выгнали из Киева. И все вместе ничего не знают. И напряжение переходит всякие границы.

А у меня держится температура, и я должна сидеть дома. А это теперь невыносимо. Идти же на работу тоже невозможно, потому что там семь градусов мороза в помещении.

1 февраля 1943 г., понедельник.

Тридцатого числа немцы праздновали десятилетие фашистского режима Гитлера. Вчера, вместо последних известий, днем передали воззвание, или, вернее, обращение Гитлера к немецкому народу. При этом было сказано, что первый раз за десять лет Гитлер не может лично выступить перед народом, так как он лично руководит оборонными боями на восточном фронте. Значит, не очень-то просты дела у немцев. По советскому радио знаем, что наши идут вперед. Взяты Тихорецкая и Майкоп.

Четверо суток шли немецкие войска в сторону фронта. И от этого делалось совсем тошно. Сначала говорили — миллион человек, потом два, а вчера уже говорили, что четыре миллиона.

Бесчисленные войска, идущие на фронт, свидетельствуют о том, что легко сдаваться они не собираются. И сколько еще погибнет наших людей, и сколько еще нам ждать освобождения. Очень трудно сказать.

Пока что от управдома потребовали сведения о тех квартирах, где можно произвести уплотнение. Туда поселяют беженцев с Северного Кавказа, а кое-кто говорит о беженцах из Харькова и из Полтавы. Паника в городе понемногу утихает. Только спекулянты еще терроризируют население. Купить жиры невозможно. Хлеб, правда, в магазинах выдают регулярно.

Еще с утра по-немецки, а в шесть часов по-украински, передали по радио, что южная часть группы немцев в Сталинграде, которая была заперта в помещении НКВД, выпустив последний патрон, сдалась.

По всем признакам, немецкая общественность ждала, что последним патроном они убьют себя, но они предпочли сдаться.

Рассказывали мне сегодня, что слышно из Москвы. Там колхозники тыла отправляют всевозможные продукты для подкрепления оживающего Ленинграда. Москва живет полной жизнью. Вечерами передают концерты силами лауреатов. Играют Гилельс, Флиер, Зак, поет Козловский. Как это далеко от нас! И как невозможно постигнуть нам чудовишную разницу между той и этой стороной. Здесь бы все Гилельсы. Флиеры и Заки, в лучшем случае, как Мюнцер, чистили бы сапоги сердобольному итальянцу, а вернее всего, после мучительных издевательств их убили бы или недобитыми закопали. Знают ли они и поймут ли они когда-нибудь в полной мере, как нужно благодарить им Советскую власть за то, что именно она сделала их людьми. У нас здесь сейчас ничего не говорят о евреях. Их словно не было и нет совсем.

Тяжело слушать рассказы и думать о той стороне. Ничего мы не знаем. Отрывочные сведения, которые удается с величайшим трудом услышать по радио, позволяют судить лишь о том, что перелом в войне уже наступил. Но этого мало. Сколько еще ждать? Выдержим ли? Как всегда, время сглаживает воспоминания о худшем, стирает остроту личного горя, и больше всего остается в памяти хорошее. Так и мы теперь. Вспоминаем нашу преж-

ную жизнь, с тоской слушаем вести с той стороны. И мы знаем, наверное, что ничего лучше нашей Советской страны нет и не может быть. И очень многие пошли бы туда немедленно, несмотря ни на что.

3 февраля 1943 г., среда.

Сначала немцы сказали, что «выпустив последний патрон, южная группа защитников Сталинграда сдалась». А потом, хотя и говорят они о Сталинграде целые дни, но уже не упоминают о сдаче, а говорят: «Защитники Сталинграда после упорных боев против преобладающих сил противника побеждены». Сдались ли? Перебиты ли? Но факт остается фактом, и надежда в нас вырастает. Сталинградская эпопея закончена нашей победой. Сегодня принесли известие, еще не подтвержденное, о сдаче немцами Сталино-Юзовки. Бои сейчас идут за Краснодар. И что-то в немецких сообщениях говорили о Новороссийске.

Сегодня, против обыкновения, вместо всяких «увеселительных мюзик» целый день — настоящая музыка. С двух часов играли Бетховена и, кажется, Брукнера. А потом без четверти четыре из «Главной квартиры фюрера» передали следующее специальное сообщение: «Бои окруженных остатков шестой армии, двух румынских и одной хорватской дивизии окончены. Сражаясь плечом к плечу, генералы, офицеры и солдаты бились до последнего патрона и покрыли славой немецкие знамена. Бои за Сталинград войдут в историю». Так мы узнали о действительно исторической победе наших и поражении немцев. Да, действительно. Сталинградские события должны войти в историю, но только славы нашего народа, а не немецкого. До первой победы мы уже дожили, только не можем радоваться вслух.

В вечерних известиях — бои возле Новороссийска. и больше ничего. И еще, что немцы сокращают фронт.

По своим погибшим немцы устроили торжественные поминки. Обставили они это весьма внушительно, и, надо сказать, вызвали в нас очень двойственное чувство. С одной стороны, это у нас первая большая радость за все время войны. С другой стороны — гибель сотен тысяч людей, наших и немецких, не может не потрясать, потому что ничего нелепее не может быть этой чудовищной бойни. Зачем пришли немцы на нашу землю? Нам не приходится их жалеть. Но, с другой стороны, большая часть этих людей совершенно не хочет воевать, а идет на смерть только потому, что их убедили, что их война хороша и необходима. Какая нелепость! Вооруженные миллионы людей свободно могли бы освободиться от горсти безумных, которые толкают их на преступления. А вместо этого они идут на мирные народы, идут, превращаясь в зверей, убивая детей, стариков... Не стоит их жалеть!

Но такие вехи поднимают с новой силой все наболевшее. Снова и снова встает трагедия, которую мы пережили во время окружения наших

под Киевом. А Бабий Яр? Это не переболело, оно не может переболеть. И тем ощутимее первая наша большая победа. Немцы не говорят, что Сталинград сдали, «укорачивая фронт». Им там хорошо, по-видимому, досталось. И, может быть, именно теперь есть тот момент, когда немцев повернут назад, повернут навсегда и бесповоротно так, чтобы они уже не остановились. Господи! Скорее бы, а то не доживем!

Паника в городе поутихла. Потому что приехали люди из Харькова, он пока без изменений.

На фронт теперь идут итальянцы. Прошлой ночью они стучали в двери квартир на улицах возле Еврейского базара и просили пустить их переночевать. Паника улеглась в народе, но не на базарах. Спекулянты взвинтили цены и не спускают их.

К нашим постоянным «удовольствиям» — моему лежанию, недоеданию, волнениям, копоти и грязи, к отсутствию сил прибавилась еще болезнь Лели. Она очень сильно простудилась в наших неотопливаемых коридорах и на кухне.

7 февраля 1943 г., воскресенье.

Три дня немцы соблюдали траур. До сегодняшнего дня были запрещены всякие зрелища, спектакли, развлечения. По радио передавали главным образом хорошую музыку. А с сегодняшнего утра начали снова свои оперетки. Принесли сегодня советские сведения о потерях немцев под Сталинградом: 250 тысяч замерзших, 240 тысяч убитых, 600 тысяч пленных, 550 самолетов, 60 тысяч машин.

Дунечка пришла из Кагарлыка. Там арестовывают и расстреливают коммунистов. Партизаны напали на полицейский отряд, который сторожил арестованных. Часть арестованных скрылась с партизанами. Тогда немцы взяли семьи арестованных и на глазах у населения расстреляли стариков и детей. А женщины падали в обморок, их так немцы и засыпали живыми. Жители Кагарлыка ходят, как помешанные.

8 февраля 1943 г., понедельник.

Шурка скоропалительно учит на память все, что бы ей ни прочитали. В частности «Мойдодыр» Чуковского. Оттого и у меня в голове все торчит фраза, как нельзя более подходящая к нашему теперешнему настроению:

— Что случилось? Что случилось?

Отчего же все кругом

Завертелось, закружилось и помчалось кувырком?

Мы хоть и знаем «отчего», но остановить или, вернее, ускорить это бесконечно вертящееся нагромождение событий, разобраться в них или

хотя бы спокойно на них реагировать, мы не можем. Болезни, сокращения, выселения, дороговизна, страхи настоящие и будущие. Бывают дни, когда война словно где-то, а мы думаем только о всяких будничных мелочах, но чаще война присутствует у нас самолично.

Сегодня пошла я в библиотеку просить разрешения на соцстрах или отпуск до 1 апреля. А вместо этого в четверг иду на работу. Луиза Карлова сообщила мне при условии, что никому не скажу, что в связи со всеобщей мобилизацией в Германии, Бенцинга должны забрать на фронт, а перед тем он должен произвести большое сокращение. Чтобы не попасть под него, я должна выйти на работу.

Сегодня принесли слухи о беженцах из Чернигова. Говорят, Харьков окружен нашими. Третьего дня бои были под Лозовой. И немцы сдавали Старобельск. В эти дни на побережье нашими освобождены Азовск и Ейск, кроме них — Краматорск.

Но силы немцев еще велики и они в состоянии еще оказывать сильное сопротивление нашим. Поэтому никто из нас не может сказать, сколько времени мы будем еще в оккупированном городе. Не мог этого сказать и N, пришедший от наших.

Все ждут Советов. Немцы отступают, а в городе немцы располагаются словно навечно. К примеру — наше выселение. От него-то да от болезни голова идет кругом. Слава богу, у Лели не воспаление легких, а желтуха и бронхит. Тоже удовольствие немалое, но менее опасное.

9 февраля 1943 г., вторник.

Действительно, есть беженцы из Харькова. Бегут, говорят, от бомбежки. Говорят, что Харьков наводнен бегущими людьми и ни за какие деньги там нельзя достать хлеба. Слухи же в городе настолько многообразны, что правды в них не определишь. Одни говорят, что немцы перед отступлением выгоняют все население и гонят в сторону Германии. Другие говорят, что население уходит от наших, потому что в освобожденных городах людей, бывших в оккупации, без разбора расстреливает «тройка», которая ходит по квартирам. Нетрудно установить источник подобных слухов. Это активизировалась антисоветская украинско-фашистская агитация, которая без конца пугает народ рассказами о репрессиях НКВД. Мы уже знаем из советского радио и из других источников, что население с огромной радостью встречает наших, а бегут те, кто усердно служил немцам.

От слухов, которыми город полон до краев, растет паника. Вместе с нею растут цены на базарах и растерянность. Многие, все собирают советские деньги. И все собираются бежать: одни от наших, другие к нашим. Потом, когда при здравом размышлении выясняется, что бежать пока некуда, все лишаются аппетита и покоя. Это те, кто доказывал, что победа немцев навечно и кто устроился лучше.

Немцы повесили носы. Но по радио они веселятся. Сводки их пустые. Из них ясно только то, что наши наступают ожесточенно. Остальное нас интересует много меньше.

В городе много выбеленных машин. Идут они во все стороны. Подле Владимирского собора наши оборванные пленные под надзором полицейских роют какие-то рвы. Они голодными глазами смотрят на кошелки проходящих женщин и по-прежнему набрасываются на то, что им дает население.

Все-таки мы решаем сшить рюкзаки. Что если немцы в последнюю минуту в самом деле выгонят из города?

11 февраля 1943 г., четверг.

В библиотеке совсем не чувствуется паники. Наши библиотекари с самым серьезным видом говорят о всяких пустяках и по-прежнему все спрашивают, не дадут ли нам чего-нибудь.

Надо мною сжалились. Сижу теперь в канцелярии. Там 10⁰ С. Моя температура им неизвестна. И занимаюсь замечательной работой. Просматриваю, в числе других, советскую литературу — для того, чтобы составить рекомендательные списки. Эту литературу будут выдавать библиотеки «местному» населению. Условия жесткие. Все со сколько-нибудь советским содержанием изымается. Есть целые списки иностранной и русской литературы, которая уничтожается только потому, что авторы ее евреи. И вот есть распоряжение — выбрать из всей советской литературы 150-200 названий для «чтения» населения. Такие авторы, как Горький, Ромен Роллан, Маяковский, просто вычеркнуты отовсюду. Их произведения просмотру не подлежат. Мне лично полагается прочесть всего Леонова, Сергеева-Ценского и Хвылевого, который в советское время был изъят за национализм. Работают в библиотеке так, словно все нынешнее навсегда, и нет вовсе советского наступления.

Не выжется все это с паническим настроением, царящим в одних кругах города, и с нетерпеливым ожиданием большевиков в других. Слухи наши уподобляются «испорченному телефону». Если здесь говорят о сдаче немцами Харькова (а он, увы, еще у них) и повышают цены на базах, то в Фастове уже не ходят больше ни немецкие, ни украинские деньги. И население приготовилось к встрече советских войск. Пока же произойдут какие-либо действительные события, в газете есть сообщение о расстреле нескольких человек за слушание советского радио и за сообщение сведений населению. Будет плохо, испугается и наш... Так мы все-таки кое-что знали.

Странное явление в последние дни: по радио вчера и сегодня с комментариями играют русскую музыку. Вчера играли «Шахерезаду» Римского, сегодня Глинку и Чайковского. Это такая новость, что даже не верится. Все полтора года мы совсем не слышали по радио русской музыки.

Еще неделю назад немец-шеф по радио предложил солистам петь русские романсы по-украински. И вдруг русская музыка!

13 февраля 1943 г., суббота.

Сокращают немцы фронт. Сегодня Краснодар «сократили». Из Харькова все беженцы едут. От бомбежки. Фронт от Харькова еще далеко. И бомбят их наши здорово. Говорят, там Гитлер с Муссолини заседали, а через Полтаву ехали. Так это их большевики бомбами донять хотели.

По советскому радио — взят городок в получасе езды от Ростова. Так оно и выходит, что фронт сокращается, только все-таки нестерпимо медленно, немцы еще очень сильны. И сколько наших людей платят своей жизнью за это сокращение фронта! Мы обязаны об этом помнить и терпеливо ждать.

Наш барометр — сало — стоит сегодня 1400 рублей.

15 февраля 1943 г., понедельник.

По вчерашнему немецкому радио — они сдали Ростов и Ворошиловград. Якобы по приказу о сокращении фронта. Харьков весь немцами эвакуирован. Приехали сюда немецкие организации, переведенные туда прошлой весной. Приехал театр и театральные бригады, различные институты, отдельные харьковчане. Кто хотел и мог уехать из Харькова, уже здесь. Судя по нашим базарам, Харьков освобожден уже. Сало у нас вчера было от двух до трех тысяч рублей килограмм. Хлеб — 200 рублей, молоко — 110 рублей литр, стакан соли — 100 рублей. Немцы снова рассказывают, что итальянцы открыли фронт. Устроили братание. Шестьдесят тысяч якобы перешло на советскую сторону. Но (это снова наши «пантофельные» сведения) наши отказались взять итальянцев в плен, разоружили их и отправили домой. Немцы отказались от помощи им. Это объяснение тому, что итальянцы ходят по квартирам, прося ночлега и хлеба.

В Киеве в эти дни очень оживленно на улицах, где обычно движутся войска. Масса машин. Снова стоят немцы, регулирующие движение. Много немцев снова на улицах. Через мосты не пускают. Немцы строят еще новые деревянные мосты через Днепр. Из Дарницы перевели сюда в какое-то общежитие на Почаевский лагерь пленных. Последние здесь ожили. Там они умирали, потому что еда их заключалась в каше из гнилых овощей и нескольких грамм хлеба, а здесь им население носит еду.

Сегодня сказали мне, что не то у нас уже установлена, не то будет на днях снова военная власть.

И жутко и радостно. И голова не выдерживает. Но должна выдерживать, как угодно!

17 февраля 1943 г., среда.

Киев стал совсем прифронтовым городом. Вернее, он очень напоминает Киев дней отступления наших. Только тогда осень была, а теперь весна, такая буйная, торопится все распустить, словно боится, что прогонят, раз пришла раньше времени. Небо весеннее, светлое. У горизонта туманная дымка, как весной бывает. А птицы поют! И вода такая громкая, что все шумы покрывает.

Шумов много. На тех улицах, по которым мы негативы в библиотеку носим — бульвар Шевченко, Крещатик, Короленко. На всех площадях. Машины и машины. Во все стороны идут, вымазанные и немазанные. Иногда больше в сторону фронта, иногда оттуда. Сегодня со стороны Дарницы взяли какие-то легкие орудия, вроде зениток. Народа на улицах масса. И все, главным образом, военные. Немцев всех видов, оружия больше всего. Еще много итальянцев. Есть мадьяры, чехословаки. Немцы подтянутые и озабоченные. А итальянцы ходят вразвалку, смеются, и чем-то неопределенным, быть может, непосредственностью, напоминают наших. Шубы их распахнуты, вид неряшливый, а винтовки висят на спине, как нечто постороннее и ненужное. Я уже писала, как они продают их на базарах и просто на улицах по три марки за штуку.

Настроение чудесное. В воздухе висят надвигающиеся события. Немцам, надо отдать справедливость, паники не чувствуется, хотя говорят, что вчера уже действительно нашими взят Харьков.

Во вчерашней немецкой сводке уничтожены первые двадцать бронемашин, прорвавшихся в окрестности города. А сегодня сказали: ожесточенные бои на всем расстоянии от Ростова до Орла, в частности возле Харькова и в нем.

Мрачное оцепенение овладело определенной публикой. Кто побоязливсе — плачет. Кто поподлее — уже начинают вслух перестраиваться. А готовящиеся бежать — складывают вещи. Лучше всего на базарах. С утра сегодня, хоть и базарный день, не было ни сала, ни соли, ни спичек.

19 февраля 1943 г., пятница.

Вчера немцы сообщили, что сдали Харьков. И странное настроение теперь в городе — как будто близко наши, все уже, не скрываясь, говорят об этом. А по внешнему виду немцев никак этого не скажешь. Выдержат ли это или они еще на что-то рассчитывают?

В народе говорят, что Крым занят англичанами, а в Италии революция.

Панический ужас начинает проходить в городе. Один за другим все сообщают друг другу, что никуда не собираются уходить. Немцы, приехавшие из Харькова, поражены. Они предложили желающим выехать с ними, но все остались. Из работников одной фирмы из восьмидесяти че-

ловек выехало четыре человека. Люди не считают себя виновными перед Советской властью. Многие говорят: «Будь что будет!»

В глубине души не верится нам, что нас убьют.

Да, настроение у нас хорошее. Наша мечта о том, чтобы увидеть, как побегут отсюда голубые мундиры, как будто бы близка к осуществлению. Пока немцы, очевидно, не хотят портить отношения с населением и повесили объявления, что будут выдавать соль по хлебным карточкам. Хлеб есть пока без перебоев, начали даже давать крупу по новым карточкам.

Ходят слухи, что опера начинает играть и даже для гражданского населения. Из Харькова вернулись бригады, среди них студенты консерватории.

В библиотеке и консерватории тихо. Там Нюся торопится окончить филимоновские дела. А вообще, сидят себе по-семейному все в буфете или во втором классе, делают вид, что что-то делают. Денег им так и не платят. А мы сносим снова, как пчелы, с Ново-Левашовской сокровища бывших Лаврских музеев и продолжаем, ставшую теперь совсем нелепой, работу по составлению рекомендательных списков советской литературы.

21 февраля 1943 г., воскресенье.

Не могу писать, совсем больна. Температура 38°.

22 февраля 1943 г., понедельник.

Сегодня панические слухи в городе несколько утихли. Кто-то сказал, что большевиков отбили от Харькова на сто пятьдесят километров. А кто-то даже сказал, что немцы снова взяли Харьков. Радио этого не подтвердило, а только было сообщено, что в связи с оттепелью натиск большевиков ослабел и что в местных операциях немцам удалось отбить советские атаки в нескольких местах.

Бенцинг снова занялся ненужными библиотечными делами. Прекратилась начатая было эвакуация генералкомиссариата и других учреждений. В связи с такими симптомами как бы разрядилось напряжение. А позавчера оно выросло до предела. И вот, хотя отрицательные источники ничего утешительного для немцев не говорят, в городе стало тише.

27 февраля 1943 г., суббота.

23-го, во вторник, была годовщина Красной Армии. Пришли к нам, в мою комнату Степан и Татьяна, принесли самогонки. И выпили мы все за нашу победу, за Союз и Красную Армию. И вместе с Шуркой выпили за тост «Я советская, я за Сталина». Она все повторяет эту фразу, а я волнуюсь, зачем Таня ее научила. Ведь неизвестно, при ком она это скажет.

Потом говорили о совместной работе. Не могу писать о том, что товарищи Степана, теперь и мои товарищи, приходят не случайно. Это примирило меня со Степаном.

1 марта 1943 г., понедельник.

Три последние дня попадаем на советские передачи, в которых нет ничего с фронта. Говорили только о том, что репрессии немцев в оккупированных областях приобрели чудовишный характер. Мы можем это подтвердить.

Слишком страшно от того, что делают немцы целую неделю. Сначала только слухи были о том, что забирают партийцев на острове и в Дарнице. Потом видели, как вели их по Подолу с женами и грудными детьми. Забирают целыми семьями. А с начала прошлой недели начались аресты партийцев в городе. Первым из знакомых нам забрали пианиста Максимовича. Говорили, что арестовали его за слушание советского радио. Но он был кандидатом партии. В этом, очевидно, причина. В четверг забрали Лудина прямо с работы. Тогда началось ужасное ожидание ареста у Тершовских и Воробьевой. Шура еще мог бы уйти куда-нибудь. Но тогда забирают всех членов семьи. Их забирают и так, но в случае отсутствия подлежащего аресту, их забирают обязательно. На Наталию Ивановну, Нату и самого Шуру страшно смотреть. Степан ничем не может помочь. И все мы совершенно бессильны. Шура и Ната не ночуют дома. Несколько ночей они ночевали у нас. Степан предложил ночевать у него. Тайком, крадучись, пробираются они по вечерам из своей квартиры к нам и спят не раздеваясь. Вчера они ушли совсем из нашего дома. Ничего не могут решить, и, словно парализованные, ждут, что будет. Это настолько страшно, что нет слов. Вместо борьбы обреченная пассивность. Из гестапо не возвращаются. Никакого приговора, кроме расстрела. И забирают с детьми. А со вчерашнего дня мы потрясены все. Взяли Воробьеву. Она ждала этого. Уйти она не могла, взяли бы дочерей и мужа, которые работают все. Я разговаривала с нею в пятницу. Словно говоришь с заживо погребенным человеком. Два раза она решала покончить с собой, но потом решила, что тогда семья, наверное, погибнет.

— Пусть хоть дети останутся, — говорила она.

Она рассказала, как забирали одного партийца из 10-го номера. Полицейский ногами выбил дверь. Избил всех, всю семью и всех забрал вместе с маленькими детьми. Вчера утром пришла Татьяна с улицы. Она плакала и не могла говорить. Воробьеву забрали в Подольскую милицию, а муж и дочь прибежали к Степану. Пока Степан и Татьяна побежали на Короленко, 15, попытаться что-нибудь сделать, ее уже повели в гестапо на Короленко, 33. По дороге ее и встретила Татьяна.

Вот уже четыре или пять дней, падая от усталости, добываю квартиру. Об управе, где сотворяются квартирные дела, нет у меня сил писать. Все только для тех, кто платит. И даже при помощи Степана из кармана директора квартирного отдела получила я лишь адреса разрушенных квартир. И ходили мы с Нюсей по ним до испуга. Все они или над уборной или в уборную окнами выходят. Темные, сырые, разбитые, грязные.

9 часов вечера.

Только что Степан сказал, что для Воробьевой ничего сделать нельзя. А что тех партийцев, которых берут с семьями, сразу расстреливают. Мы собрались снова писать в защиту ее заявление с рекомендацией за подписями жильцов. Но это, говорят, бесполезно.

3 марта.

С утра снова районная управа. Исполнители, которые ничего не хотят исполнять. Вскрытие обещанной нам квартиры откладывается. Управдом что-то крутит. По уговору со Степаном, должна идти смотреть еще квартиры. Погода ужасная. Лепит мокрый снег. Холодно, сыро, безнадежно тоскливо. Звонила в полицию, не хотелось идти далеко. Ответил грубый немецкий голос:

— Сегодня звонить нельзя.

Странно как-то. Почему в полиции немцы? Пошла к полиции. Там дежурный сказал:

— Сегодня приема нет, — и вызвать Степана отказался.

Снова показалось странным. Но Степан говорил — ждали приезда шефа.

Домой близко, можно согреться. Дома Леля и Шурка. Татьяна с Аней ушли на базар. В комнате Татьяны тепло. Никуда не уходить бы и не выбираться. А Шурка подошла, взяла за руку и, как иногда, говорила ласково:

— Инечка, ты моя хорошенькая. Я тебя так люблю!

Не знала, что будет это мое последнее свидание с нею. Пальто просохло. Около часу ушла из дому. Татьяны не было. Леля сердилась, как всегда, что застряла по дороге. А я забыла жакет в комнате Татьяны. Но вспомнила, когда была далеко от дома. Холодно было.

Нюся хотела испечь малясный торт Татьяне по случаю годовщины их свадьбы. Условились идти к ним вместе. Нюся пошла печь. Я — на Ново-Левашовскую и Новый переулок еще смотреть квартиры. Там снова все разрушенное. Только управдом оказался симпатичным. Сказал прийти позже, будут квартиры.

Как никогда удачный торт вышел у Нюси. Из-за него задержались. В половине пятого вышли из дому. Настроение было хорошее. После усталости, безнадежности поисков, отошло все на время. Приятно было, что вспомнила Нюся о Татьяниной годовщине.

Ничего не предчувствовалось.

А у Десятинной церкви навстречу Ксения Ивановна и Ната Тершовская. Плачут. Остановили меня. Специально ждут. Говорят:

— Таню с Шурочкой и Ольгу Александровну гестаповцы забрали. Не идите домой.

Вот и все.

Повели они меня на Житомирскую. А потом мы решили идти на Андреевский, только к Любови Васильевне. Пришли. Они обрадовались, что меня увидели. Мария Ивановна и Любовь Васильевна стояли на подоконнике, в окно смотрели. В моей комнате кто-то электрическим фонариком стол освещал. Потом шторы спустили и свет зажгли. Потом то же в Татьянинных комнатах, в одной, другой. Полчаса прошло. Свет погас. Как оглушенные все. Даже говорить все боются.

Через полчаса еще Шляпниковы пришли. Тоже с тортом шли. Перепугались насмерть. Торт во дворе бросили, когда увидели разгромленную квартиру. По очереди выходить решили. Они раньше ушли. Мы потом вышли. На Житомирскую. Ушла Нюся. К Антонине Федоровне чужие люди все приходили по поводу починки водопровода разговаривать. А я, как помешанная. Слушаю, не понимаю. Антонина Федоровна гадать села. Мне какие-то разговоры неприятные гадают, удача дел мне. А им? И так словно вместо меня дерево какое-то. Ничего понять не могу.

Говорили только, что после, как увели наших, прибежала жена какого-то следователя. Говорила — ее мужа тоже арестовали. Понятным стал странный неприемный день в полиции. Татьяну через парадное вывели. Несла Шурку на руках. Плакала. А потом Леля через кухню шла. Чемоданчик несла. В платках обе ушли. Куда? Увели их немцы. Шурка плакала.

Не могу писать. Разрывается сердце. И почему только не была хоть Шурка в этот день у Дунички? Осталась бы она.

Страшная бесконечная ночь. В такие ночи не плачется. Только не понять ничего. И сумасшествие подбирается. В ящике стола ключ от сарая остался. А в книгах последняя тетрадь дневника. Весь дневник в сарае, а ключ в столе. Что, если найдут? И ночь без конца. С ужасной медленностью движется.

На Андреевском просила Лелины шкафы взломать. Пока в ее комнате не были, вещи вынести.

4 марта.

Утром в шесть часов Нюся пришла. Условилась вечером к Элеоноре Павловне свести меня. На работе должна сказать, что ничего обо мне не знает и волнуется, почему меня нет. Но пока ничего не говорить. Может быть, выяснится что-нибудь. Ушли на работу. Меня заперли. Соседи знать не должны, что я в квартире. За стенкой соседка костылями громыхает. Стук каждый — словно уже гестаповцы за мною идут. И мысли, как иглы раскаленные. Сердце немеет противно. Днем Аня пришла. Арестована вся семья Давыдовых. С детьми, работницами, гостями. Всех забрали. Только одна из них, Соня, продавала мясо во дворе, и как была, без документов, без одежды по горе убежала. Спаслась. Убеждают меня, что дело в спекуляции, которую Степан покрывал. Но не верю я. Знаю, он был связан. Писать не могу. В полиции арестовано девятнадцать следователей.

День, как ночь. Каждый стук — идут за мной. Александра Георгиевна рано пришла. Нюся должна была прямо на Андреевский идти. Там сарай должны взломать. Дневник вынуть. Прошу немедленно сжечь его. Шкафы взломать в Лелиной комнате. Квартира открыта. Попытаться войти должны. Так страшно, так страшно! А вдруг там есть кто? Лучше мне самой идти, а не им. Все равно мне жить уже невозможно. Прошу Александру Георгиевну пойти сказать, чтобы не ходили в квартиру. Ушла она, и нет ее. Шесть часов нет. Антонина Федоровна не обедает, ждет. Сердца больше нет. Совсем отнялось. Шесть с четвертью — нет. Половина седьмого. Семь. Четверть восьмого.

— Я пойду туда.

Антонина Федоровна не пускает:

— Если их забрали, зачем тебе туда?!

Без двадцати восемь приходят. Нет больше ни сердца, ничего. Ничего не сделали. Шифоньерку надломали, а открыть не могут. А, главное, сарай взломать нельзя. Крепкий. В квартиру Мария Ивановна с Дуничкой вошли. Открыта, нет никого. К книгам бросились. Забыли, какую сказала. От обиды заплакала Мария Ивановна. Подумать только, такой риск и ничего не сделали. Темно на улице. Черно совсем. Мне лучше так. Слово безопаснее. Мимо гестапо идем. Там они, а я как зверь, которого ловят. И ничем, ничем не могу помочь! Только звезды горят, как факелы. Они кажутся чудовишно яркими. И так нелепо, что на них обращаешь внимание, когда страшной такой вещью жизнь закончилась.

Орион крестом сияет. Его видят наши люди на той стороне, но нет силы, которая могла бы спасти их — Таню, Шурку, Лелю.

У Элеоноры Павловны не знает никто меня. Ночь снова. Элеонора Павловна, не колеблясь, меня приняла, свою комнату мне отдала. И сидит со мной. Снова бесконечная ночь. И вместо сердца затвердевшая, как камень, боль.

5 марта.

Утром Нюся в библиотеке сказала, Бенцинг не знает еще. Луиза Карловна и Гепленер советуют на работу выйти. Хорошо отнеслись. Потрясены. Не могу больше сидеть так. Идем вместе на Андреевский. Там позвонила в звонок. Звонит. А дверь открыта. Вошла, не думая. В коридоре картошка рассыпана. Комнаты Татьяны заперты на внутренний замок. Моя открыта. На столе пшено и махорка рассыпаны. Шкафы открыты. Но тетрадь, ключ от сарая на месте. Взяли и пошли. Моя вина свалилась с плеч. Тогда к дворнику. Говорит, сестра и Леля сказали, что квартирантка я, чужая им. Говорит, что напрасно скрылась. Фамилия другая. А ведь Лелину фамилию не спросили даже. С Дунечкой сложили какие-то вещи в узел и в чемодан. В шкафу с сахаром банка, в коридоре масла немного и сало наше осталось. Двигаюсь, словно заведенная, стараюсь не думать.

За час всё, что можно было, из комнаты вынесли. Книги остались. На кровати Лелино одеяло оставила. Чтобы комната жилой вид имела. Будильник завела. Радио включила. Квартирантка!

Пошла в жилкооп. Карточку контрольную получила. Андрухова, сестра Воробьевой, волнуется, не из-за подписей ли для них наших забрали. Заявление с нашими подписями на Воробьеву так в кармане у Степана и осталось. Но я-то знаю, что дело не в том. Семья Воробьевой пока на месте.

Вечер. Снова ночь скоро. Эту ночь у Шляпниковых.

Заснуть бы! А ночь, как раскаленная. И сердца вовсе нет. Ужасные видения пыток гестаповских. И стоят они все три перед глазами. Шурка, как руку мне целовала. Леля с грустными, усталыми глазами. А Татьяна в своем сером платье, танцующей на одной из их вечеринок.

О Степане не могу думать.

Ничего не известно. Ничего не могу понять. Стараюсь не допускать к себе сумасшедшие мысли. Знаю хорошо — только допустишь, все пропадет. И никому уже никогда не поможешь.

6 марта, суббота, год 1943.

С утра ничего. Я в библиотеке. Ничего не делаю. Мучительно борюсь с видениями и жду. Нюся и Элеонора Павловна приходят все время, чтобы одну не оставлять. После работы — на Андреевский. Там квартира стоит открытой. И снова в глаза та же картошка рассыпанная лезет. Валяется. Я ее и не убирала. Заперли парадную дверь. В Татьянину комнату дверь закрыта. Но и десяти минут нельзя быть дома. Там все осталось, как было, и вещи, и стены. А их нет. Скорее бежать отсюда! И снова мы идем к Элеоноре Павловне.

9 часов вечера.

Нюся уходит. Ей нельзя больше ждать. Элеонора Павловна лежит рядом со мною. Мне она достала снотворное. Но сна нет все равно. Ни сна, ни слез. Ничего нет, кроме судороги в сердце и безысходного отчаяния. Орион светит всю ночь прямо в глаза. Вот как опоздало для многих, а теперь и для моих наше освобождение! Боже мой, если бы я могла плакать! Но нет слез, только боль.

7 марта 1943 г., воскресенье.

Мы говорили о творчестве, о музыке. Элеонора Павловна говорит о себе. Я впервые чувствую, какой большой музыкант Элеонора Павловна. И как хороша жизнь! Жизнь и творчество! Стараюсь не думать о том, что для меня конец и жизни, и творчеству. Но я заставляю себя думать о других, не думать о себе. И знаю, что все равно, погибнем мы или нет, другие, многие еще будут жить и творить. Вернутся наши люди. И тогда не будет так страшно. Только бы не убили их там в гестапо.

9 часов утра.

Нюси нет. А она уже давно должна была быть. Наконец она приходит. У нее какой-то странный, словно растерянный вид.

— Степан бежал из гестапо, — говорит она.

— Откуда вы знаете?

— Он был у меня.

Теперь все погребло. Степан бежал. Татьяну, Шурку и Лелю расстреляют. Я не раз слышала, от того же Степана, что если бежит виновник, с точки зрения немцев, его семью расстреливают без разговоров. Теперь конец.

Нюся рассказывает, что в шесть часов утра страшно кто-то застучал в квартиру. Вышел брат, вернулся и сказал: «Это Степан». Нюся вышла к нему. Их было двое — Степан и еще кто-то незнакомый. На Степане пальто и сапоги. Второй в рубаше только. Оба с окровавленными спинами. Загнанные, как звери. Они хотят немного отдохнуть. Но в квартире Нюси нельзя оставаться. Она покормила их, одела на второго пальто брата. Дала денег, хлеба и сала. Степан сказал, что видел, как Таню с Шуркой ввели по лестнице в гестапо. Про тетю ничего не знает. Спрашивал, где я. Говорил, что в их камере было двенадцать человек мужчин. Десять увезли ночью на расстрел, а их двоих били, по триста плетей получили они и должны были сказать о подпольной организации. Потом их оставили в камере. А они увидели, что решетка на окне надломлена и последним усилием выломали ее, вылезли, спустились по какой-то обрушивающейся стене с пятого этажа. И теперь должны где-то скрыться, потому что их ищут.

Нюся говорит, а я не понимаю. И знаю, наверное, что жить больше нельзя. Нюся говорит, что условилась в половине пятого принести какие-нибудь документы Степану в проходной двор на Кузнечной. А я думаю, что он — подлец, потому что он бежал, чтобы спастись. А Татьяну и Шурку убьют. И я ничего не понимаю. Я даже не понимаю, что за ними могут следить, и что Нюсю тоже могут забрать. Не понимаю, что Нюся волнуется: она завернула хлеб Степану в газету, на которой крупными буквами написана моя фамилия. Я ее вчера принесла из библиотеки.

Нюся уходит. Ее мать в ужасном состоянии. Она ждет, что их всех заберут. Через полчаса после ухода Степана дворник принес им на подпись бумагу о том, что они у себя никого не скрывают. Дворнику объявлено, что из гестапо этой ночью бежали два следователя и их ищут.

Нюся ушла. А я мечусь по комнате с одной мыслью: «Их убьют!» Что делать? Как спасти их? Может быть, пойти умолять Бенцинга помочь? Я хочу идти в гестапо, в полицию, к Бенцингу. Умолять, стать перед ним на колени, или хочу убить его, каждого из немцев. Я не знаю, что я собираюсь делать, но я должна идти, а идти некуда и не к кому.

Полное бессилие и беспомощность. Ни оружия, ни связей. Ничего. А Элеонора Павловна не знает, что делать со мной. Она просит и приказывает, и от имени Нюси просит подождать только двадцать минут, пока она пойдет к Нюсе. И Нюся скажет, что делать мне. А я не хочу ждать. Тогда Элеонора Павловна просит именем Тани, и Шурки, и Нюси. Просит подождать, не выходить. Потом берет с меня слово, что я дождусь ее. Она бежит за Нюсей.

А я ждать не могу, но что я собираюсь делать — не знаю, совсем не знаю.

Минуты, как часы, как вечность. Перед глазами неотступно страшное видение из трех, идущих на расстрел. Страшно выражение их лиц, как у тех евреев, что шли в Бабий Яр.

И судорога в сердце совершенно нестерпимая.

Не двадцать минут прошло, а двадцать раскаленных часов, пока прибежали Нюся и Элеонора Павловна.

Нюся говорит:

— Что вы собираетесь делать? Куда идти? Все равно поздно, и Степан не виноват. Таню и Шурку вчера вывезли в Бабий Яр. Степан говорит, что они расстреляны. Только я не хотела говорить.

Элеонора Павловна идет на кладбище. Так я просила. Я тоже с нею. Это, чтобы ушло время до половины пятого. Тогда я понесу документы Степану. Нюся собралась сама идти с ними, но не могу я допустить, чтобы ее забрали. А мне ведь все равно уже больше не жить. В своем отчаянии я в первую минуту не подумала, что ведь и ей грозит смертельная опасность из-за всех нас. На кладбище холодно и тихо. Здесь мертвые спят давно и ничего не чувствуют. А в Бабьем Яру земля не остыла еще. А может быть, их зарыли полуживыми? Ведь на детей они не тратят пули! И мозги сводит судорога. И сердце сводит судорога. И шевелится земля и песок Бабьего Яра от полуживых, задыхающихся Татьяны, Шурки, Лели. И других. Безумие подбирается и давит сзади на мозг.

Полвина пятого. Я иду вниз по Кузнечной, по правой стороне к 24-му номеру. Нюся и Элеонора Павловна на другой стороне. Они следят за мною, чтобы знать, если меня заберут. Под рукой у Нюси пила для резки дров. Это она ушла из дому под предлогом необходимости отнести пилу. С матерью ее плохо. Она ждет гестапо, боится, что за Степаном следили.

Вхожу во двор 24-го номера. Первый двор, второй, третий. Степана нет. Из всех дверей чуждятся мне гестаповские глаза. Прошла раз — нет его. Вышла. Нюся и Элеонора Павловна ходят по другой стороне улицы. Еще раз прохожу три двора. Жду. Степана нет. Снова выхожу, снова вхожу. Нет его. Иду за угол. Нет. Уже Элеонора Павловна и Нюся на этой стороне. Уже мы вместе входим во двор. Прошел час, второй. Совсем темно. Мы ждем, ходим, стоим. Восемь часов вечера. Степана нет. Он не пришел.

Он хотел идти на Бабий Яр. Зачем? К Тане? К Шурке? Он сказал, что пойдет к верным людям. Кто они? Где? Что с того, что вокруг жизнь идет своим чередом? Что ночь и Орион? Шевелится Бабий Яр окровавленным песком, и лица их трех с глазами умерших. Это безумие. Оно сильнее меня. И надо ли мне с ним бороться?

8 марта 1943 г., понедельник.

Сегодня день работницы. Так странно, что я вспомнила и вспоминаю этот день работницы. В прошлом году мы его вместе вспоминали. А в этом году вместо дня работницы — Бабий Яр.

Я определенно схожу с ума. Другие, наверное, плакали бы, кричали. А я молчу, потому что слез нет, и вокруг люди. Нет, не потому вовсе. Никаких людей нет. Все мне просто кажется. Есть песок Бабьего Яра, которым их засыпали.

Одни смотрят на меня глазами побитых собак. Это те, кому жалко. А другие, собственно говоря, все вокруг, заняты своими делами. Они ничего не знают.

4 мая 1943 г., вторник.

У меня теперь новый счет параллельно со старым. Шестьдесят дней. Два месяца нет моих. Ожидание делается нестерпимым. Действительно, как говорит Болдырев, нужно обладать железной силой воли, чтобы выносить это ожидание. Мне удастся это только благодаря страшному нервному напряжению и какому-то безразличию ко всему одновременно. Состояние непонятное, временами страшное, но спасительное.

Вот сегодня я снова начала писать. Пишу на листочках, которые прячу на работе, чтобы не нашли в случае моего ареста. Мои друзья не послушали меня, не сожгли записки, а зарыли в сарае под большим домом. Я лежу в библиотеке в своей комнате под столом у двери. Так меня не видно из-за стекла, и все думают, что я вышла. О том, что вот так часами лежу на полу, знает только Нюся и, возможно, Елена Федоровна. Вот уже месяц, как я вернулась в библиотеку. Хроника несложная, но страшная. С 7 на 8 марта в нашей квартире была засада. Ждали Степана. Нюся меня не пустила туда, и я снова не попала в лапы гестаповцев. Квартиру 8-го вечером запечатали, а пришла я туда через полчаса после того, как гестаповцы ушли и спрашивали, где я. Я перестала быть «квартиранткой». На нашей парадной двери была прикреплена бумага с надписью чем-то красным: «Квартира конфискована гестапо. Комиссар гестапо». И украинская фамилия.

Потом меня хорошо скрывали в течение трех недель. В это время полицейские разыскивали меня в библиотеке. Говорят, Бенцинг их выгнал. Сказал, что ничего обо мне и моем местопребывании ему неизвестно. Что нечего им в библиотеку приходить. В эти же дни кто-то принес

сообщение, что Степана убили. Прошло три недели, и я вышла из своего убежища. За это время Нюся разыскивала N по оставленному им адресу, чтобы мне уйти из Киева к партизанам. Но он был на той стороне, а больше ни с кем он меня не связал. Потом посылали письмо Илье Сидоровичу. Рассчитывали, что он связан с нашими. Совсем меня собрали на уход из города. Но оказалось, что идти некуда. Илья Сидорович ничего не ответил. Идти же просто куда глаза глядят в состоянии почти помешательства, с температурой 38° не могла я. Так и решили ждать, что будет. Потом разыскивать меня перестали. В библиотеке, спасибо им, сказали, что я была в отпуску. И вот я работаю снова. Вернее, лежу на полу под столом и думаю свою тяжкую думу.

Очевидно, не судьба мне была погибнуть вместе со своей семьей. В последний раз, когда за мною в библиотеку явились полицейские, я должна была попробовать выйти на работу. Но все что-то задерживало нас. Я хотела скорее идти, а Элеонора Павловна настояла на том, чтобы я поела. Вышли с опозданием минут на 35-40. Нюся ждала нас на углу бульвара Шевченко и уже волновалась. Передала меня ей Элеонора Павловна (они меня ни на минуту не оставляли). Пошли в библиотеку. А там нас как увидела Луиза Карловна, замахала руками:

— Скорее уходите, за Хорошуновой только что приходили!

И так, в который раз, я опоздала на смерть.

Рукою Нюси и Элеоноры Павловны несколько раз увела меня судьба от смерти.

Потом была я несколько раз в нашей запечатанной гестаповцами квартире. На всех углах дома стояли мои друзья. А я открывала запечатанные двери и пыталась найти забитое Степаном под полом оружие. Не нашла его, хотя во многих местах срывала плитусы и доски пола. Не было ли его там или не нашла я, не знаю. Как я от абсолютной уверенности в смерти их перешла к надежде на то, что живы они, — не знаю.

Живу я у Нюси теперь. Она и Элеонора Павловна вот уже два месяца оставляют меня только на работе, но отводят меня туда и обратно. Нюся обязана тем, что мысль о самоубийстве все меньше занимает меня. Она права. Нужно погнать достойно с пользой для дела, которое для нас дороже всего. И идти нужно туда, где опаснее всего.

Ничего геройского нет в том, что я осталась жить. И часто настолько мне тяжело выносить мысль о погибших, что жалею о том, что я осталась. Быть может, и до победы нашей доживу. Хотя эта мысль сейчас живет где-то далеко, далеко от меня.

Но в этой страшной, непостижимой трагедии узнала я самое дорогое, что может быть у человека. Это — ценность человеческого отношения, ценность товарищества, силу дружбы, которая вырвала меня из смерти. Да, только благодаря совершенно самоотверженной помощи друзей моих, ставших мне самыми родными и близкими людьми, осталась я жить.

Не побоялись они смертельной опасности, которая угрожала им. Не оставили меня в такое страшное время. Кто знает, сколько придется мне еще прожить, удастся ли дописать до конца страшную летопись чудовишной войны-трагедии?

Но наряду со страстным желанием скорейшей победы нашего народа, наряду с нестерпимым желанием того, чтобы остались в живых мои Татьяна, Шурка, Леся, наряду с этим моим таким же страстным желанием стало теперь желание жизни и счастья Нюсе, Элеоноре Павловне, моим Андреевским друзьям и многим другим.

Но ужас в нашей семье — еще не весь ужас. Семью Воробьевой забрали, и судьба их также неизвестна, как и всех, кого забирает гестапо. И еще рассказали мне, как погиб муж Марии Ивановны. Мы знали, что он умер. Проводили его, но никто не знал, что, будучи крещеным евреем, он все время боялся доноса и медосмотра на работе. И вот они случайно услышали, как сосед по квартире сказал, что он сообщил об Юлии Ильиче на работе. И в ночь перед тем, как был назначен медосмотр, Мария Ивановна своими руками дала мужу яд.

Труднее всего в годовщины. Вчера — два месяца, как их нет, а три года Шурке. Послезавтра именины мамы. Потрясение так сильно, что все самое главное, общее как-то отодвинулось и подчас не доходит до сознания. Правда, что никаких сообщений о значительных событиях на фронте не было ни в газетах, ни по радио, последнее время совсем затишье.

Больше же всего говорят сейчас о партизанах. Немцы борются со всерастущим движением самыми ужасными средствами. Они стирают села с лица земли, сжигают их вместе с населением. Они бросают штыками в огонь пытающихся бежать. Сгорают все — дети, женщины, старики. Но чем больше жгут, тем больше партизан. Плохие вести из Макарова. Там сожгли соседние села Кодру и Забуянь. В Кодре сгорели больница и школа. Ничего не известно о Юре Столбунове. Удалось ли ему уйти? Не расстреляли ли его?

В субботу вывели приказ о мобилизации молодежи обоих полов 1922, 1923, 1924 и 1925 годов рождения.

Ждали приказа давно. Принимали меры. Некоторые добропорядочные шефы-немцы предупредили свою молодежь. Есть начальники, которые отпустили молодежь по домам. Сделано под видом прощания с родными, на деле же все знают, что никто не вернется. И еще сказали начальники, что защита в этот раз невозможна.

Не могу ни вспомнить, что было вообще за пределами моей трагедии, ни заинтересоваться чем-либо. Только каждую минуту жду, что должны прийти Леся, Татьяна и Шурка. И хотя все время страшная мысль о том, что они могут не вернуться, не оставляет меня ни на минуту, все равно жду их. И это теперь главная, ни на секунду не уходящая мысль.

13 мая 1943 г., четверг.

В последние дни город взволнован налетами самолетов и несколькими бомбами, брошенными на железнодорожные пути и в некоторых местах в городе. Были эти налеты 8-го и 10 числа, были убитые, только мы не знаем кто именно. Одна бомба восьмого числа упала на оперный театр, пробила купол, пролетела мимо люстры и шлепнулась в подвал в песок, не разорвавшись. Попали и 3 мадыарские казармы.

Слухов о налетах много. Кто прилетал? Кого бомбили? И количество жертв все росло, чем больше было слухов.

*17 мая 1943 г., понедельник,
11 часов вечера.*

Итак, неделя со времени налета. Сразу после налета появились слухи о листовках. Сдни говорили, что в листовках наши предупреждают население о налетах, которые состоятся 12-го и 15-го мая. В других — 13-го и 15-го. В третьих — что налеты лишь начнутся с субботы, т.е. с 15-го. В четвертых говорится будто бы о будущих налетах и говорится о том, что участники налетов заранее преклоняются перед будущими жертвами, но избежать их не могут, т.к. в борьбе за освобождение Украины жертвы неизбежны.

Пока же тихо, хотя на улице шумят ветер и машины. После вчерашней нестерпимой жары сегодня утром ледяной холод. Сейчас ветер разогнал тучи. Потеплело. Определенно, климат у нас теперь резко континентальный. О наших нет сейчас у меня никаких сведений. Где они? Немецкая газета сегодня совсем пустая. Бьются, судя по ней, на Кубани.

1 час ночи.

О весеннем наступлении поговорили, тем временем весна окончилась. Говорят много о газах. Говорят и о мире. Вообще все словно замерло. И только налеты служат пищей для разговоров и толков. Из газет ничего извлечь нельзя. Неофициальные сведения — что Харьков снова взят большевиками или накануне этого. Партизаны по-прежнему в силе. Села горят. Только в эти дни об этом меньше разговоров.

3 часа ночи.

Тихо. И сегодня налета нет.

24 мая 1943 г., понедельник.

Две недели с момента последнего налета. Больше налетов не было. Теперь уже люди перестали о них говорить. Только в разговорах и планах на будущее добавляют: если все будет благополучно.

Горит Иванков. Оттуда после трагического путешествия в прошлый понедельник пришла Дунечка. Она отправилась менять в одно из сел

возле Иванкова. В самом селе партизан нет. Но нет и немцев. Партизаны из соседних сел запретили крестьянам сносить молоко в сливные пункты. В город селяне не ходят. Боятся немцев и полицейских. И с нетерпением ждут к себе горожан «обменщиков». И обменяла Дунечка свои вещи блестяще, была очень довольна. Но вдруг базар окружили немцы на машинах с пулеметами, винтовками и украинскими полицейскими. При попытке разбежаться, убили трех человек, нескольких ранили. Потом на подводах и машинах несколько раз обозами свозили продукты в Иванков. «Обменщики» добрались домой ободранные как липки. Рыбы на базы рыбаки сверху не привозят. Только рассказы о партизанах вместо рыбы. Там у них и аэродром свой есть, говорят, и регулярное почтовое сообщение с Союзом. И снабжение оттуда боеприпасами и продуктами.

А мы слухами живем.

26 мая, среда, 1943 г.

Сегодня Дунечка идет в тюрьму с передачей. Потом придет сюда. Скорее всего, их там нет. Напрасно волнуешь сегодня. В полиции, куда я решила все-таки пойти, следователь сказал, что дело серьезное, чтобы я не делала никаких попыток искать, что и меня заберут. Взяли с меня подписку о невыезде из города. Но адреса моего не спросили. Но искать можно до известного предела. И если они в тюрьме?

Не верю ни во что хорошее и надежду теряю. В списках высланных в Германию их нет. На Сырце — раньше не было. Не дай бог, туда попадут. Там страшный лагерь. Бьют и убивают. Стерегут немцы с собаками-зверьми, а вокруг проволока в три ряда и ток через нее пропущен. О Шурке — ничего. Дом на Белицкой — управский с детьми школьного возраста. Снова никаких сведений о тюремном детдоме. В моей комнате на Андреевском свет яркий каждый вечер. Там столярная мастерская. Комнаты Татьяны забиты, хотя оттуда все уже вывезли. Разграбили. Кто-то видел женщину на улице в Татьянинном платье. Во дворе запустение. И пустой дом. Немцы теперь хозяева. Во флигеле, говорят, казино будет с выходом в сад. А под горой — бетонированное бомбоубежище должно быть.

Все проходит. И сломалось, должно быть, окончательно. Мне лучше. Там осталась бы — хуже было бы. И Днепр далеко теперь. А он красивый! Вчера такой серый и розовый, словно посеребренный был после дождей этих дней. И город умытый. Зелень буйная в этом году. Посмотришь издали на Днепр, на город, словно и не происходит ничего. По мосту поезда несутся. И дали розовые, мгlistые. Тянет к Днепру, да посмотришь — бежать только, чтобы не вспоминать. Вторая у нас весна немецкая. Ассимилировалась наша публика. Разговоры мимические почти совсем исчезли. Прощаемся. Работают четырехклассные школы. И даже собираются снова открыть если не консерваторию, то среднюю музшколу. Мои музыканты готовятся к этому событию и ругают составленные учебные пла-

ны. Нюся в белом халате, как врач или повар, приводит в христианский вид библиотеку. В нее привезли и свалили библиотеку хореографической школы. Элеонора Павловна работает с утра до вечера. Лекции, репетиции, бесчисленные разучивания, подготовка всевозможных концертов. Готовится опера Лысенко «Ноктюрн», вечер романсов Танеева (для избранных), русская музыка для показа интересующимся немцам, концерт из произведений Чайковского для горуправы. И еще, и еще. Всего даже не знаю. Пребывает теперь Элеонора Павловна на «общественном» питании. У них теперь в консерватории столовая с небезнадёжно плохими картофельными обедами.

Сейчас уже половина одиннадцатого. Дунечки все нет. Администрация ни о чем меня не спрашивает. Только неофициально интересуется, нет ли сведений. Многие понимают, что с каждым теперь может случиться подобное. Ничего не знаю о том, продолжают ли теперь аресты. Знаю, что в селах страшно. А здесь есть партийцы, которые живы. О тех, кого забрало гестапо, никаких известий. Семья Воробьевой исчезла бесследно, как Шура и ее семья, как Ф.М., как мои.

23 мая 1943 г., пятница.

Все возможности узнать что-либо сейчас разлетелись. Полицейский, что работал в лагере на Сырце, отослан на партизан и не вернулся. Это была единственная связь с Сырецким лагерем. Хорошо, что их там нет, потому что о лагере рассказывают ужасы. Два месяца назад их там не было. Сейчас — неизвестно.

Из тюрьмы Дунечка вернулась ни с чем. Там с передачами много народа. Все ищут своих. Впускают во двор. Немец с переводчицей проверяет списки. По спискам принимают передачи. А наших там нет. Еще раз подтвердили, что политических нет в тюрьме. Такая страшная судьба семьи.

Нигде никаких детских домов и яслей тюремных нет. Так развалились последние надежды на сведения. Остается ждать без всякой надежды. И все чаще говорят со слов тех, кто имеет отношение к гестапо, что их нет уже в живых.

Можно ли словами передать отчаяние и безысходность, которые определяют теперь мое существование?

Живу теперь далеко от Днепра, от Андреевского спуска. Получилось так, что управдом в доме, где живет Нюся, оказался хорошим человеком. Нюся ему прямо сказала о том, что произошло с моей семьей. И он поселил меня в пустую квартиру, которая находится на том же этаже, где и Нюся. Помогли мне перетащить вещи из Лелиной комнаты, старый диван и два кресла из моей. Не ночевать там одна не могу, потому что лишь закрою глаза, так немедленно подступают видения их, зарытых живыми, и сыплется, и сыплется окровавленный песок. И я начинаю кри-

чать. Потому Нюся не оставляет меня одну в квартире. Ночую у них. А у себя бываю только, когда у меня урок русского языка, которому учу немца.

Так сложно объяснять, как я от полной уверенности в том, что они убиты, перешла к подсознательной надежде, что они живы. Наверное, так устроен человек, что всегда на что-то надеется.

А о Логане я еще не писала. Случилось же это две недели назад. В библиотеке, когда я была в своей комнате. Вдруг пробежали и сказали:

— Вас спрашивает немецкий военный.

«Вот и конец мне», — подумала я. Но когда вышла в коридор... возле комнаты Бенцинга, увидела офицера с петлицами какой-то незнакомой мне части войск. Лицо его показалось мне интеллигентным. Оказалось, что его прислала ко мне Наталия Георгиевна, с которой я работала весной прошлого года в кукольной мастерской. Она еще в прошлом году уехала к родственникам в Ровно. Там она как-то познакомилась с Логаном и прислала его ко мне учить русский язык.

Первое мое побуждение было, конечно, отказать, тем более, что совсем почти не знаю немецкого языка. Но немец вдруг очень обрадовался этому. Говорит:

— Это же хорошо. Будете говорить по-русски, я скорее буду его учить.

Сразу не дала ему ответа. А вечером поговорили с Нюсей и Элеонорой Павловной и решили, что, быть может, это как-то отвлечет меня от моего теперешнего состояния. Так начались эти занятия, вместе с Нюсей.

В первый же урок Логан рассказал о себе. Он, Вольфганг Логан, сын немца, убежденного монархиста. Семья его отца эмигрировала из фашистской Германии в Америку. Брат Логана в концлагере в нынешней Германии. У него самого жена и трое детей, старшему из которых 6,5 лет. Сам Логан был мобилизован в гитлеровскую армию, но ничего не успел навоювать, так как во Франции был ранен: пуля пробила ему грудь в одном сантиметре от сердца. Лежал в госпитале в Париже, и с благоговением говорит о Франции и французах. Сейчас он служит в нестресовых частях.

Я решила его учить по одностомнику Александра Блока из малой «Библиотеки поэта». Читаем с ним «Скифов». Я готовлю перед уроком подстрочный перевод с помощью Нюси и словарей. Но пока у нас больше разговоров, как и с другими немцами, какой есть Советский Союз и что такое советские люди. А я пока все мучаюсь, как сказать Логану, что с моей семьей и какой, очевидно, для него риск иметь дело с нами. Правда, он почти сразу сказал, что ненавидит фашизм и фашистов, что Гитлер — это «идиотская голова», и что он ведет их нацию к гибели.

— Мы своею кровью заплатим за все, что сделали на вашей земле, — сказал Логан.

Вот такие дела.

2 июня 1943 г., вторник.

Завтра три месяца. Через двадцать дней — два года войны. Годовщины безысходные.

Дни наши пустые, безсобытные. Газеты — можно их не читать. И все говорят: готовится что-то. Советское радио сообщает о немецких укреплениях, т.к. линии Зигфрица по всему фронту. И больше ничего не удалось послушать.

Временами нестерпимо совсем. Дни такие длинные, словно их заколдовал кто-то. И тепла настоящего нет, все дожди, даже град. Под моим библиотечным окном огород и ребяташки. Все Шурку напоминает.

18 июня 1943 г., пятница.

Время идет медленно в днях, а вместе проходит очень быстро. Уже три с половиной месяца. И новости у меня есть, и нет их. Третьего числа, в трехмесячную дату встретила на улице следователя из полиции, у которого была в апреле в поисках своих. Он сам остановил меня на улице.

— Дело окончено, — сказал он. — И хотя никто из семьи не виноват, но немцы считают, что если кто-нибудь один виновен, то нужно изолировать остальных.

— Очень серьезное дело, — сказал он (это я и без него знаю). — Не искать, не пробовать узнавать что-либо. Это бесполезно. И трижды повторил: «Не рекомендую!» И так глупо мы устроены, что хотя готова к этому давно, все равно снова как обухом по голове. Нечего ждаль. И все мои поиски бессмысленны. Только отчаяние.

Третьего дня публиковались сообщения о том, сколько взято укрепленных сел, бункеров и вооружения. Называется это «борьбой с тыловыми бандами».

Села горят. А немцы боятся из села в село через пять километров перейти. Молодцы наши партизаны! Только они сейчас единственный источник нашего оптимизма. Ведь мы хоть и знаем, что все равно наши победят, а сами дожить не надеемся. Сколько раз ждали уже, и все напрасно. Только всякий раз, когда ждут наших, осторожность забудут, и конец. Гибнут так, как мои погибли.

А мы ждем. И, как всегда, ничего не знаем.

Януш Корчак

НА САМОТІ З БОГОМ Молитви тих, котрі не моляться

Російський поет ставив Януша Корчака у приклад — страшно сказати! — Богові: мовляв, добре було б, якби Бог був схожий на старого польського педагога. «Святим всіх церков» назвав його один з ієрархів польського костельно-лицейського життя Януша Корчака, вищий за національні або релігійно-конфесійні мури поміж людьми. Єврей Генрік Гольдсміт, відомий як Януш Корчак — польський письменник, лікар і педагог, — належить людству.

Проте цей святий всіх церков був людиною поза всіма церквами і навіть, здається, атеїстичної орієнтації. Спроби знайти себе, знайти своє в юдаїзмі або християнстві, закінчилися для нього твердою відмовою. Але він працював з дітьми, був керівником притулків для сиріт-безбаченків і добре розумів пекучу дитячу потребу в батьківському захисті. Потребу в зверненні до когось — старшого і могутнього. Потребу принести комусь свої жалі, страхи, сумніви і сподівання. Лікар і педагог, він добре розумів морально-виховний і терапевтичний сенс такого звертання. І у виховних закладах педагога-атеїста з'являється спеціальне приміщення — молитовня, де дитина може залишитись сам на сам з Богом. І розповісти йому про те, зізнатись у тому, про що нікому іншому ніколи не розповість і не визнається.

Утім, проблема ширша за побут дитячого притулку. Чи не кожна людина — потай або вочевидь, усвідомлено або несвідомо — звертається до уявного Батька, відчуючи біль світового сирітства, і найпалкіше моляться, мабуть, атеїсти — «ті, хто не молиться». Ось цей загадковий психологічний феномен унаочнює Януш Корчак у своєму творі, і з цього погляду його «На самоті з Богом» — художнє і наукове відкриття, в усякому разі — щось більше за «літературу».

Насправді, що це? Низка портретів, репрезентованих монологами? Своєрідний за формою трактат з етики? Чи витончена психологічна розвідка, шедевр перевтілення миття? Чи допоміжний засіб для читачевого самопізнання? Вкрай щира сповідь старого мрійника? Дослідження сумління? Трохи запізнілий пошук Бога? Так і ні одночасно. Просто: молитви тих, хто не молиться.

Невмирущої актуальності твір Януша Корчака українською мовою друкується вперше.

Таємничі нашепти душі, що вона їх сама собі повідає, нанизав я на сюжетні молитов. Знаю, що всяке творіння мусить собою до Бога й від Бога до себе увесь світ пронизати. Знаю. І від того маю я певність — Ти мені допоможеш, Боже.

МОЛИТВА МАТЕРІ

Схилилась я над тобою, дитино люба моя, як же ж ти мені дорога, моя крихітко! Знаю, подібна до багатьох, але вірю-вірю-вірю, що не бачачи тебе, впізнаю серед тисяч за голосом, а не чуючи голосу, відчую тебе по вустоньках, які доторкнуться до грудей моїх — моє ти єдине на світі.

Розуміємо одне одного без слів, без голосу ти здатна з найглибшого сну обудити мене — одним лише поглядом-покликом.

Дитя моє, ти щира правда життя мого і єдине для мене нагадування, тремтлива турбото моя, надіє і тривого.

Дитино, будь щасливою. Боже, вибач, що не до Тебе промовляю, а якщо й молюся, то швидше зі страху, що приревнувавши, можеш її скривдити. Навіть Тобі, Боже, боюсь я довіритися: бо можеш відняти дитя в матері й можеш відібрати матір у дитини. Скажи, навіщо так чиниш? Я не дорікаю, Боже, я тільки запитую.

Вибач, Боже, що люблю її більше, ніж Тебе, бо це я дала їй життя, але й Ти також, Боже: тож несемо спільну відповідальність, обоє ми винні, що воно живе і вже страждає. Тож мусимо пильнувати.

Страждає — плаче.

Боже, кохаючи це маля без пам'яті, я може й Тебе у ньому кохаю, бо Ти сутній-присутній-посутній у цьому Найменшому — Найбільшій Таїною — Ти, Боже.

Не вірю в існування гріха, бо якби гріх існував, моя любов була б гріховною, а чи може бути гріховною любов материнська?

Байдуже мені зараз до страждань, яких — я знаю — багато є у світі, байдуже мені до сліз, яких — також знаю — багато у світі є. Чи ж Тобі я брехати мушу? Лише твої сльози, дитя моє, лише твоя усмішка, турботонько моя сердешна.

Дитя моє — ти мій ланцюг ніжний, мої кайдани солодкі, ясинові й зоряні, квіте прощення, дрімото моя радісно-покутлива, віро моя сочячна, надіє лагідна, хмарко моя рожева, співе жайворонковий.

Дай їй щастя, о Боже, аби вона не жалкувала, що ми їй життя подарували, я не знаю, що то є щастя, але Ти, Боже, знаєш, Ти мусиш знати, не можеш не знати. Тож дай!

Схилилась я над тобою, дитино любя моя, і так наполегливо шукаю, так гаряче благаю — чи розумієш — чи зрозумієш? Скажи. Дай відповідь легеньким тремтінням повік, поворухни ледь-ледь вустами — подай знак, якого ніхто не зрозуміє окрім нас двох: Бога й мене, матері твоєї. Скажи, що не жалкуватимеш, живучи це життя, і що я — мати твоя, скажи це, стверди, молитво ти моя сердешна.

МОЛИТВА ХЛОПЧИНИ

Знаю я, що просити негарно. Але я не у Тебе прошу, Добрий Боже. Ти нічого мені не давай, тільки ось дядечко мені пообіцяв годинника, якщо я добре вчитимуся. Тож тільки допоможи мені, нагадай дядечкові про ту його обіцянку. Я ж бо старатимуся, та й нема великої різниці, чи він мені подарує годинника зараз, а чи пізніше. Я похвалився друзям, що матиму годинника, а вони не вірять, насміхатимуться з мене, думатимуть, що я збрехав, що я так перед ними виставляюся. Допоможи мені, Боже, це ж для Тебе неважко, бо Ти все, що забажаєш, зробити можеш. Поможи ж мені, мій Добрий, мій Золотий Боже.

Пробач мені гріхи мої. Я нагрішив багато. Виїв зі слоїка повидло, насміхався з горбаня, збрехав, що мені мама дозволяє іти спати, коли я схочу; цигарки я вже двічі палив, негарні слова говорив. Але ж Ти добрий, і Ти мені пробачиш, бо я сам про це жалкую і хочу виправитися.

Я хочу бути хорошим, але не можу. Як мене хтось часом розсердить чи підмовить, а я не хочу, щоб думали, ніби я боюся; або коли мені стає нудно, чи коли дуже чогось хочеться, а мені не дозволяють,

тоді я не можу стриматися, хоча потім і жалкую. Бо ж насправді я не поганий.

Не те щоб я хвалився, але ж Ти сам знаєш, бо Ти все знаєш, Добрий Боже, і знаєш, що є й гірші від мене. Я тільки часом збрешу, а вони брешуть що не слово. І крадуть. Два рази щезав у мене сніданок, вкрали в мене зошита, витягли з пенала олівць. Це вони мене навчили поганих слів. Та Ти про це й сам знаєш, Боже. Я не люблю жалітися, але ж Ти сам знаєш, що я не поганий, хоча й стільки поганого роблю.

Допоможи мені, Добрий Боже, щоб я не грішив, дай довге життя і здоров'я мамі й татусеві, і про того обіцяного годинника дядечкові нагадай.

Бо як щось комусь обіцяєш, то треба потім виконувати.

МОЛИТВА ЛЕГКОВАЖНОЇ ЖІНКИ

Коханий мій Боже, як давно я з Тобою не розмовляла. Може, тому я рідко молюся, що не люблю вклякати навколішках. Тож я згашу цигарку, але сидітиму на канапі й дивитимуся на квіти. Ти ж за це не образишся, бо Ти ж Добрий, Коханий наш Бог. Ніколи Ти мене не карав. А я ж стільки разів бувала поганою і неслухняною. Скільки гріхів я маю.

Поглянь лишень. Тільки почала я молитись, як мені думка гріховна прийшла до голови. І захотілось мені сказати:

— Сідай-но, Старенький, біля мене — ближче-ближче — не бійся, нічого я Тобі не зроблю, хіба сам чого захочеш.

Такий ось гріх, така нечиста думка.

Я сама собі часом дивуюся: ніколи й нікому я свідомо кривди не зробила, хіба несамохіть коли. І я одразу ж прошу вибачення, а коли не можу вибачитися, тоді я плачу, хоча і знаю, що в мене очі негарно почервоніють. Але нехай, нехай і очі червоніють, буду некрасивою, якщо я така погана... погана... погана...

Правда ж, я гарна? Правда ж, у цьому ж немає нічого поганого, коли про це казати широко? Ти ж сам сотворив мене такою, а воля Твоя є священною. Я інколи навіть жалкую, що не вродилася негарною; ну, не зовсім вже потворою, але трішки так незугарною. Напевно, я була б тоді мудрішою, розважливішою і добрішою. Хоча, добрішою — навряд чи. Скажи

мені, чи я добра? Як мені шкода, що я Тебе побачити не могу: я притулилася б до Тебе, зазирнула б у очі Твої запитально, а Ти б до мене усміхався, примовляючи: «Дурненька». Правда ж, Ти б саме так примовляв?

Нічого Ти мені не відповідаєш, а я так сильно хотіла довідатися, навіщо Ти створюєш некрасивих людей. Я б усіх зробила красивими; і жінок, і чоловіків, так, навіть їх. Але про чоловіків я з Тобою не розмовлятиму — сам знаєш, чому. Ти ж бачиш: я не ревнивиця. Коли б усі жінки були красивими, тоді кохали б тільки найрозумніших з них. Я ж взагалі до розумних не належу. А шкода.

Читаю тільки книжки про любов, та й то не уважно. Навіть віршів я не люблю. Окрім того, я не вірю, що з книжок можна розуму набратися. Розумним треба народитися.

Добрий мій, Коханий мій Боже, я так Тебе люблю. Часом хотіла б навіть якусь офіру Тобі принести. Я подаю жебракам, але це не те. Пам'ятаєш, я ходила відвідати хвору на тиф, щоб переконатися, що я таки вірую в Тебе; я так тоді страшенно боялась. Не смерті, ні, — але після тифу волосся випадає, і в гарячці тифозній можна часом наговорити багато недоречного.

Як Тобі, мабуть, ті люди допікають: кожне про щось Тебе просить, кожному щось від Тебе потрібно. Як Ти даєш собі ради з усім тим? Інколи мені навіть здається, що Ти не слухаєш усіх тих прохань, але ж це не так, правда? Нічого дивного немає у тім, що я так мало знаю: звідки ж я знань наберуся? Але здається мені, що й священники добре всього того не знають. Тож я собі постановила ніколи ні про що не просити. Бо це якось так негарно: ніби Тебе просто кохають, аж тут раптово якісь прохання, прагматичний інтерес. То може Ти, коли я не проситиму, а лише думати-му про щось, швидше виконаєш мої побажання.

Правда ж, і Тобі було б неприємно, якби я була негарною? Правда ж, я й Тобі подобаюся? Зрозуміло, інакше, ніж людям; але ж Ти теж відчуваєш задоволення, коли вдається Тобі створити щось прегарне? Ой, дурна я, хіба може Богові щось та й не вдатися? Все є таким, яким є, бо це Ти цього захотів.

Стільки квітів різноманітних ти витворив. А серед них є і квіти гріховні. Червона, вся така запахуша червона троянда — то квітка гріховна. А може, не Ти троянду сотворив, а сатана? Ні, це неможливо, бо тоді від Твоїєї сили квіти гріховні пов'яли б. Бідолашний Ти, мій Дідуню.

Мені часом так хочеться допомогти тобі, пособити, трішки тебе розвеселити. Бо ж нелегко, мабуть, увесь час думати про бідноту, про чесноту, про сиріт. Я ось ненавиджу пломбувати зуби, та все ж пішла до дантиста, щоб він мені здорового зуба заплумбував; я постраждати хотіла, а він, дурень, сміявся. Правда, потім я почала й собі сміятися, але спершу була страшенно лиха. Він, напевно, роздзвонив про це усім своїм знайомим. Ой, які ж вони пліткарі, ті чоловіки. Ненавиджу їх.

Я знаю: Ти велиш прощати. Я їх прощаю, але від того іще гірше. Брехуни вони невдячні, у сто, в тисячу разів гірші від нас.

О-о-о, дзвінок у двері... Це він... Вибач мені... Не сердься на мене, Боже... Врешті, це Ти сам керуєш усім... Па-па, Боже, дякую Тобі, так гарно було нам удвох.

МОЛИТВА СМУТКУ

Який смуток, Боже, Боже, смуток який.

Сірий смуток, Боже, Боже, смуток сірий.

Ані звуків, ані барв, Боже, ані барв, ані звуків.

Смуток, Боже, смуток.

Вийняв я серце з грудей, Боже, Боже, б'ється серце тихо.

Боже, тихо, тихо серце б'ється. Боже, Боже, з грудей я серце вийняв.

У сльозах, сумне своє серце, серце смутне, все у сльозах.

Птах чорний з крилами білими. Боже, білі крила має чорний птах.

Туман густий, птах чорний, крила білі, Боже, білі крила, чорний птах, густий туман, Боже.

Смуток, Боже, смуток.

Було сонце, було й нема, Боже, нема, нема, було сонце, Боже.

Тихо, сумно, сумно, тихо.

Тихо, сумтно, на хвилях чорних труна вихилитується. Чорну росу з чорних квітів чорні метелики п'ють. Ніколи вже людина не заспіває, дитина не усміхнеться, тріснув останній дзвін, усі годинники у світі зупинились, завалилася остання в світі вежа, і вчора уночі остання згасла зірка — вже не мала для кого світити.

Немає, немає, Боже, немає нічого.

Розплюшив я широко очі — дивлюся, дивлюся, дивлюся. Боже, нічого немає, нічого не бачу, вслухаюся — нічого не чую, ані шепоту, ані зітхання.

Сірий Володарю тихого світу, Боже, чуєш, навколо птахи чорні крилами білими майорять, чорні метелики з чорних бутонів чорну співають росу.

Який смуток, Боже, смуток який.

Ані барв, ані звуків, Боже, Боже, ані звуків, ані барв, ані сліз.

МОЛИТВА НЕМОЧІ

Ясний Вельможний Господи Боже. Смішно.

Наївно, смішно, наївно, недоречно, смішно, смішно.

Всеблагий Всемогутній Господи Боже. Смішно.

Неосвіченість є у цьому, простацтво неотесане, але не неміч, ні.

Ні, не неміч, ні.

Як Тебе називати, Всеблагий Всемогутній, як?

Як називати Тебе, як?

Кажу ж: наївно, недоречно, по-дитячому. Я і дитина, я і Ти. Дитина, яка мною буде, яка ще не ходить, ще не розмовляє.

Кажу ж: Ти. Як Тебе називати — Господом? Бога назвав я Господом, написав з великої літери, чи навіть винайшов іншу велику літеру, тільки для слова «Бог».

Кажу ж Тобі: Ти, Боже. А недоумок не сотворить молитви, бо ж людина від мавпи походить. Не промовить він молитви, бо вже он цигарку палить, і людина від мавпи походить. Так просто, так по-дитячому.

Боже, мені бракує слів, щоб означити неміч мою, нема в мене слів, щоб неміч назвати неміччю. Бо тільки неміч моя і є великою, і може дорівнятися до величі Твоєї, Всеблагий Всемогутній. Безпорадність, безсилля, неміч, нищість. Навіть не хробак, навіть не мураха. Навіть не ніщо, не ніщо. Великим є ніщо, а я навіть не безкінечно маленьке щось, бо й безкінечність великою є. А я просте собі щось.

Боже, Боже, Боже — і нічого більше. Ані скрути, ані покори, тільки Ти, Всеблагий Всемогутній Господи Боже. Зіщулене щось, покірне щось, скулене щось, яке скорчилося перед Престолом Твоїм. Смішне, смішне.

Я не назву Тебе Сильним, Великим, Безсмертним, бо за це можуть образитися люди, які вважають себе сильними, великими, безсмертними. Не забувай, Боже, що й люди бувають великими і безсмертними. Уважніше вдивляйся в Землю, ти мусиш добре її знати. Ти ж пам'ятаєш нашу Землю? Вона обертається навколо Сонця.

Мудра твориться молитва незрозумілою мовою.

Оле телі солт мін каюзо віт дарту, вак рубо, вак рісте. Кін бра — оле.

Оле телі солт, оле дарту мін вак. Аль віт дарту, аль ма васте, оле віт кін.

Вибрав я з усіх наріч найважливіші вирази, розсипав їх, поперекручував, поперемишував, та й створив незрозумілу молитву для людей, для себе.

Оле телі солт, оле віт, е дарту мін вак.

Це нічого не означає, але я вже не можу інакше, не можу, Всеблагий Всемогутній Господи Боже.

Не можу інакше, і не вибачаюсь за це. Не можу й не прошу мене простити. Не можу, й не жалкую з цього приводу. Не можу, й Ти на мене не розгніваєшся. Не можу, й Ти на мене не образишся. Не можу, й Ти мені не дорікнеш.

Прощають, гніваються і карають люди. А Ти не людина, Всеблагий Всемогутній Боже, хоча Тебе люди і Богом нарекли, і наївно кожен з них для себе вигадав різні свободи і розради.

Оле дарту, віт тел дарту, оле солт вак сірте бра ол.

Чому навіть вже й дитиною не можу стати.

Навіть, вже, й.

Я не можу інакше, Все і Благий Ти, не можу.

Абба, адда, абб...

МОЛИТВА НЕМОВЛЯТИ

Божечку, Зося обсікалася. Зося погана. Зося зробила калюжку. Матуся сердитись на Зося. Погана, погана дівчинка. Матуся бити Зося. Погана, погана матуся. Не бий. Не бий, матуся. Не бий Зося. Ручка болити. Бо-бо ручка буде, Бозю.

Зося бояти. Погана матуся, така погана матуся.

Зося любити матуся і татуся.

Де ця калюжка? Погана калюжка. Більше не буду, матуся.

Навіщо зробила, навіщо зробила?

По ніжках тепленьке — дивись, що це? Бе! Трусики — бе, панчішки — бе, черевички — бе. Матуся сердитись на Зося.

Погана матуся, і лялька погана, і песик поганий, поганий такий хороший песик. Бачиш, песику, ось тут є горщикоч нічний, туди робити треба.

Зося грішна. Не бий, матуся.

Божечку, мій Божечку, де животик? Зося бояти животик. Зося бояти лікаря.

Не бійся, Зося. Матуся не сердиться, матуся не битиме, матуся все тобі купить. Зося грішна, грішна, грішна.

Зося любить Божечка.

МОЛИТВА СКАРГИ

Залишив Ти мене, о Боже, чим же я перед Тобою завинив? Тепер ось я самотній, і дорога невідома мені.

Заблукав я в підступних сутінках, заблудився в понурій гушавині життя.

Лишив Ти мене, о Боже, чим же я Тебе засмутив?

Самотній блукаю в тузі.

Миготить десь попереду світло, та я не знаю, чи там хата, а чи зрадливий вогник, що мерехтить над трясовиною?

Бачу щось, та не втямлю, чи не міраж, чи не примара?

Запеклися уста мої, хоча й морок навкруг, що як сонце пече, а чи то морозить, може то вогонь в тілі моему, навстріч вогневі іззовні. Не втямлю.

Чим же я, Боже, завинив аж так, що саме зараз мені Тебе так бракує, коли стопи мої в багно вгрузли, а руки мої й серце моє кров'ю стікають?

Волаю до людей. Жодної відповіді. Гукаю: «Мамо». Ні слова. Останнім криком кричу «Боже». І що? Нічого — сам я, один.

Ангела смутку пошли мені. Не про радість прошу, не про зелені луги, не про сні блакитні, не про крилаті снопи проміння. Хочу смутку, бо ж так мені самотньо, бо сам-один-однісінький маю далі блукати, продира-тись і ранитись в мороці.

Самому собі скаржуся, душі своїй власній повіряю мій до Тебе жаль, мій до Тебе, Боже, жаль. Я не прошу, я лиш нагадую, Боже.

З Тобою вирушив я в дорогу, тож покинутий зараз, чи мушу я самотньо далі прямувати, якщо втомлений, змучений я, і в гушавині дороги не розпізнаю?

Чи Ти пам'ятаєш, Боже, як я вірив Тобі, чи ж Ти забув, Боже, мої з Тобою наївні перешепоти, таємні тихі зізнання, сльози моєї ширості?

Не жаль, а лиш подив, не сумнів, а лиш занепокоєння, не гнів, а лиш прохання були в мені, коли відчув я, що Ти мене полишаєш, віддаляєшся, зникаєш.

Без жодного слова.

Вини тепер в собі шукаю, але яка ж вина є такою великою, щоб Ти, не сказавши й не дорікнувши, цілковито й раптово покинув мене.

А якщо Ти зараз повернешся, і я почну промовляти до Тебе, що Ти мені відповіси?

Заблукав я в підступних сутінках, а Бог мій пішов собі від мене десь далеко, в самотині мене полишивши.

Скаргу свою нанизав я на сліз намисто і на грудях своїх почепив її. Твоя провина, Боже.

МОЛИТВА БУНТУ

Не злегковажиш мною, Всемогутній Боже, бо сам я легковажу життя мого легковажністю, й лише смерть, у панцир закута, може мене подолати, але я і її легковажу.

Чим я є — кількома пригорщами брудної води, поміями, вкритими шкірою. Таким створив Ти мене, Всемогутній, аби Себе повеселити.

Окрилив Ти думку; але життя щоденне крила ті утинає, й до крові гарячої гною чорного доливає. Гей-гей, крилами неба ладен би досягнути, але воно лише для люблячих Тебе, для вірних, для покійно відданих.

А у мені нема ані крихти ні покори, ні відданості, один лише бунт. Не задириста амбіція, а захисна впевнена гордість. Гордо випростаний, я ані ласки не прагну, ані карі не боюся.

Сам для себе є я світом, і в тому своєму світі я сам собі Господь і Бог. Я сам собі наказ і виконання, сам я для себе творець і нищитель. Маю в собі я власні сонця і власні свої блискавиці.

Що захочу, те й сотворю.

Захочу — кров до білого розжарю, дзвони на всіх дзвіницях в унісон розколихаю, зберу в єдину блискавицю всі грішні свої забаганки й навіть дрібні хотіння, отрутою думки насякну — та й запалю велику пожежу на вівтарі бунту свого супроти Тебе, та й сам у тому полум'ї згорю. Бо так мені забаглося.

Не прагну я старості затишної, згори поданої-дарованої, наче мило-стия, повільного вrostання в могилу, поступового конання.

Я ніби той раб збунтований, який має останню і єдину свободу свою, єдиний вираз опору: ні!

Не хочу, не буду — не послухаюсь — не підкорюся!

Частка Тебе є духом моїм, тож це Ти Сам збунтувався супроти Себе. Я, Бог, викликаю Тебе, Боже, як рівний рівного, на поєдинок. Всемогутньому Богові, який легковажить, я протиставляю Бога, котрий мстить: зневажаю, принижую, нищу Тебе у собі.

Тож випростайся, побори і покарай, і — дай-но, пригадаю — вкинь до геєнни вогненної.

Всемогутній Ти, а правдивість Твоя безсила супроти океану брехні, що розлитий довкола.

Справедливість засліпила очі Твої.

Все є підлістю і брехнею в людині роздвоєній, все, окрім пазурів хижих та ікол гострих.

Тож і гарчу я на Тебе, як пес, хижий, напружений перед стрибком, готовий зчепитися і впитися — поглядом безтямним, крові спраглим, зміряю відстань, що нас розділяє — і лечу в порожнечу.

Тому вірю, що створив Ти й цю відстань між нами — аби міг я до Тебе **таке** промовляти.

МОЛИТВА ЗАДУМИ

Отче наш, який же предивний цей Твій світ, яку дивну мелодію він витирликує на арфі душі моєї. Яке предивне все, що є на землі, в її гли-

бині й доокола. Скільки див, якби їх менше було, то було б легше, та було б і бідніше. І вода, і вогонь, і камінь, і птах, і квітка, і змія, і зірка. Як багато малих і великих творів. І людина також так схожа на все інше, що Ти сотворив.

Дивно, як можна довго вдивлятися у ліс, або в дерево серед лісу, або в того дерева одну гілку, або на тій гілці в один листок, або на тому листкові в одну прожилку — і так дивно тоді спливають години у душі.

Можна так довго-довго вдивлятися в море або в єдину крапельку роси — і тоді так дивно тоді пропливають століття у душі.

Так само і знання людське — вишукує, видивляється, щоб збагнути деяких з таємниць Твоїх таїну.

Нехай собі.

Я знаю, що в барвах, в руху, в пахошах, в шамотанні пташеняти і в молитві зірок криється оповідь Твоя щиросердна, всім зрозуміла казка, яку кожен почує по-своєму, і якої Ти не таїш, не приховуєш.

Дивлюсь я на непоказну кропиву — дивовижна рослина, пощо вона озброїла зелень свою отруйними колючками-стилетами — яку надію плекає, якої справедливості прагне, яку свою правду обстоює щодо мене, щодо землі й сонця?

Навіщо існує кропива, конвалія, малина, яблуня і дуб? Не тому, що одне пекуче, інше пахуче, трсте смачне, а четверте довговічне — байдуже, чи шкідливе воно, чи корисне. Ні — інше, чому ми, брати в житті цьому, не розуміємо одне одного?

Народжуємось на світ — я, конвалія і дуб, дихаємо, живимося, зростаємо, кохаємо, ми — я, конвалія і дуб. І помираємо.

Чому з тієї самої землі проростають: кропива, жасмин, малина, дуб, і птах, і гад — і я?

Навіщо існує лебідь і його білосніжний пух?

Навіщо пара, вода, крига і снігу кристалики, і солі кристалики?

Соловей уночі, а жайворонок в польоті звисають, ніби краплі сонця?

Он щось таке дивне-предивне, на довгих ногах пересуває своє закуте у панцир тіло, ще й вусами-вусищами ворухить — і навіщо мені знати, як те до смішного мале сотворіння називається? Воно живе — і я живу. Й ми з ним брати. Воно живе в цю мить, і я — в цю мить. Ми з ним сучасники. І як воно частину ніг своїх раптом втратить, то по-своєму заплаче. Брати ми і в болю. Воно й померти може. Брати ми і в смерті. Самець шука собі самиці. Брати ми і в полум'ї пристрастей, у вихорі, в чаді жаги.

А ондечки суне щось вже зовсім крихітне й зелене — мураха проти нього здається велетнем; і суне воно, поспішає, чимдуж утіка від небезпеки. Брати ми і в страху перед таємничістю загрози.

А може он той старий горіх закохався у березу, і там, під землею, він шука її дівочого доторку; а береза пучком розбуялого гілля пестить його і спокушає — а десь там, у глибині землі, уникає торкатися до нього корінням і зраджує, з іншим деревом сплітаючись.

Багато знає знання наше. Нехай собі.

Для мене правдою є те, що всі ці дива казки, Тобою створеної, Отче, вони не тільки навколо мене — вони і в мені також. Я сам у собі сам собі свою казку розповідаю, і вона від Твоєї відрізняється.

Я всьому суперечність. Нічого без мене не буде.

Маю собі вільну волю не дивитися взагалі, а дивлячись, не бачити, а бачачи, не зауважувати, тобто бачити так, як я хочу. Твою краплину роблю океаном. Ти затулив сонце хмарою, а для мене воно саме зараз світить найяскравіше. Я подарував людині крила. Я вплив нескінченність — нема вже її, не існує. Під стеблом трави я нап'яв намета, і в його затінку приліг спочити. З піщинки створив я келиха, повного столітнього вина. Гріюся на льодовику.

Ти собі, Отче, свою, а я собі з Твоєї казки власну казку зараз виплітаю.

Які дивні дива навколо, які дивовижі. І я за крихітну мить єдину переживаю цілі епохи.

Дякую Тобі, Отче наш, що живу я вічно, перебуваючи скрізь і маючи змогу все у світі цьому наповнювати своїм подихом. Дякую Тобі, Отче наш, за чарівну потаємність казки Твоєї.

МОЛИТВА ПОЄДНАННЯ

Знайшов я Тебе, мій Боже, і втішаюсь, як дитя заблукале, що побачило вдалині постать людську. Відшукав я Тебе, мій Боже, і тішуся, як дитина, що прокинулась від страшного сну, — ласкаво усміхнене обличчя матері вітає зустрічним усміхом. Знайшов я Тебе, мій Боже, як дитинча мале, що було віддане у недобру — чужу — опіку, втекло й по багатьох важких пригодах нарешті притуляється до рідних материнських грудей, вслухається у биття материнського серця.

Хто ж винен, що захопившись радісною забавою, я віддалився від Тебе, мій Боже, що крам з яскравими блискітками, гучна музика, мавпочка на ланцюжку, якрава метушня ярмаркова затягла мене, слабкого і піддатливого?

Хто винен, що біжучи по лісові ягоди, в надії, що ось, зараз, он за тими деревами страх аж скільки багато їх знайду, таких солодких, бо несподіваних, солодких, бо власними руками, власними трудами зібраних — збився зі шляху і в ліс темний зрадливий заглибився.

Хто винен, що своїм наївним поглядом я не в сумні відблиски, а в мерехтіння яскраве був задивлений, не в шепоти далекі й таємничі, а в наспіви танцювальні був заслуханий; до зрадливої радості прихиливши уста свої й серце?

Одна сльозина неспокою збігла по щоді, що сам-один я в тлумі опинився, — та вже й ні — Ти зі мною, мій Боже.

Ніч темна. А під заплушеними повіками сплячого стільки всього відбувається. Рояться страшні комети, кривляються якісь обличчя, палають пожежі, кров цібенить, вихор висе, потопельники спливають із темних глибин, — і сам я то пливу каламутними водами, то за хмари злітаю стрімко, то незнайома руда дівчина цілує мене, спокушаючи, а то вогник нічний, немов призабуте обличчя друга дитинства, манить у трясовини болотяні; хочеться закричати — та горло стискає холодна рука невидима — і раз по раз десь вдаряє чи то годинник, чи на вежі дзвін.

Один короткий стогін вирветься з вуст моїх, слабкий і безпорадний, — і вже Ти зі мною.

Хто винен, що в мозку зачаєна хвиля омани випустила із себе кажанячу зграю примар?..

А це вже найгірше:

Світлу, ясну Твою постать, о Боже, затуляють від мене тіні Твоїх, мій Боже, брехливих слуг-тлумачів.

Крізь їхню щільну і похмуру юрбу продиратись я змушений. У вухах моїх сичать-відлунюють їхні зрадливі нашіптування: «Просто впади і тремти, й віродишся, воскреснеш, і матимеш право». Їхні кадила чадять, вивергають дими і дзеленчать, їхні фальшиві чудеса, їхні ретельні погрози і їхні примарні гріхи, їхні високі мури і їхній їдучий попіл, їхні клятви й присяги, їхні кам'яні скрижалі, їхні повчання і гази отруйні. Заклики їхні: «До мене, до мене, один лиш мій Бог не продажний». Крізь тлум Твоїх помічників, асистентів, заступників і катів, які мене відпихали, затримували, морочили й затуляли мене від Тебе. Та все ж я до Тебе, мій Боже, прямував.

Ось тому так пізно — тому тільки зараз я прийшов.

Крізь життя спокуси, крізь пристрастей облудну куряву й імлу, крізь лави фальшивих пророків — до Тебе.

Тож і втішаюсь зараз, як дитина, і не називаю Тебе ані Великим, ані Добрим, ані Справедливим, а лиш кажу я до Тебе:

— Мій Боже.

Кажу до Тебе «мій» і вірю.

МОЛИТВА СТАРОГО

Господи мій Боже, Судіє Справедливий, шкода мені життя мого, а помирати пора. Мало вже моїх однолітків залишилося на землі — більшість цвинтарі вже заселила. Першими відійшли майстри і вчителі мої, потім до них приєдналися старші брати, а за ними і друзі. Одні зі стогоном гучним відходили, іншим потиху сон заплющував втомлені повіки. Про одних говорилося: «Така воля Божа», а про інших: «Пожив і досить». Знаю, що треба поступитися місцем тим, які народжуються, зростають, мужніють і прагнуть діяти. Нам, старим, належить тиша. А де ж тиша тихіша, як не в могилі? Я часто проваджу довгі розмови з ними — живий з померлими, про минулі часи пригадую. Чи добре було? Чи хотів би я розпочати мандрівку наново? Може, тільки від браку мужності?..

Господи Боже, Судіє Справедливий, шкода мені життя мого, того залишку пригасаючого, — тепла і радості шкода. Вже дрібними кроками ступаю по землі, вже довго їжу пережовую, вже тихо розмовляю, вже поволі кров струменить по тілу моєму — може, на довше вистачить? Адже так приємно споглядати зелень і сонце, таке ж усе навкруги глибоке й наповнене, важливе і мудре.

Сонце і зелень — хіба це розуміють молоді? Їм видається, що все це природно, що так і мусить бути, що бути не може інакше. Вони не розуміють, що це означає: **смерть косить**, вони не знають покори, не відають, що означає — **кінець**. Коли нічого вже не важать амбіції і прагнення, потуги й порохунки. Не знають, що означає: **смерть косить**, що означає — **кінець**.

Ми ближчі до Тебе, Справедливий Боже, — бо вони все поспішають, все не мають часу. Але й ми також не відаємо, доки Ти не відкриєш нам останньої життя таємниці у найпершу, болючу мить смерті; ми також діти нерозумні біля крихітної труни немовляти. Та я й не поспішаю це пізнати — саме воно до мене прийде — вже незабаром, вже невдовзі.

Я не боюся, лише жаль мені; так хотів би іще подивитися, почитати, побачити, дочекатися, таке воно все мені цікаве і нове, бо, можливо, останнє. Дякую Тобі, Судіє Справедливий, за мій вік, за літа мої сиві. Пізнав я прощальне сонця проміння, шебет птаства, пізнав любов старечу і надію. Знову все давнє для мене інше, бо інакше й нове. І Ти, Боже, — Ти теж інакший, бо інакші звістуєш радісні новини.

Боже, Судіє Справедливий, вже пора — я знаю — і хотілось би мені тільки подовжити якомога прощальні сердечні обійми — перед тією новою мандрівкою, незнаною, невідомою.

МОЛИТВА ДІВЧИНКИ

Всемогутній Боже, обіцяла я мамі, що більше капризувати не буду, обіцяла я мамі бути слухняною. Обіцяти легко, та як дотримати обіцяного? Я боюся. Я, звісно, старатимуся — дуже й дуже. Але чи завжди вдається досягти того, чого хочеться? Вже стільки разів казала я собі: «Від завтра я змінюся». А, може, зараз це й справді буде востаннє! Я дотримати даного слова дуже-дуже хочу. Але Ти мені допоможи, Боже Всемогутній.

Ти сотворив цей світ, який обертається навколо власної вісі й навколо Сонця. Створив Ти його полюси, паралелі й меридіани. Створив Ти

півострови, побережжя, затоки і протоки, а також гори, височини, плоскогір'я і низини. Створив Ти безліч тварин теплокровних, створив Ти рослини і скелі, граніти і кварци. За Твоїм наказом, за волею Твоею стоять ліси, звірями повні, за єдиним твоїм пожаданням розливаються ріки і королі розпочинають війни, або складають зброю. Нічого не стається у світі без Твого відома і без Твого дозволу.

Знаю я, що замалим є розум людський, аби збагнути Бога, що є він лиш краплею в морі. Ти один Всемогутній, не існує такої речі, якої Ти не вмів би чи не зміг би. Всі до Тебе звертаються, а Ти вже або погоджуєшся, або не дозволяєш.

Вірю всім своїм серцем маленьким у Твій Розум і в Доброту Твою, якщо не все розумію, то це лише тому, що я іще замала й недосить розумна. Вибач мені, Боже, моє блюзнірство, але я мушу бути широко й не мати таємниць перед Тобою, бо ж Ти й так знаєш всі думки мої. Тож, Боже Всемогутній, якщо Ти хочеш, щоб всі люди добрими були й справедливиими, то чом же Ти не створиш всіх добрими і справедливими? Навіщо дозволяєш їм грішити? Чому Ти не дав людям сильнішої волі, аби кожен що собі замислить, міг би здійснити. Я ж стараюся, я дуже стараюсь, але це не допомагає. І мама через це хвилюється, і я. Часом справа в чомусь дрібному, несуттєвому, а я не можу поступитися. Може, це тому, що і вдома, і у школі не все добре й справедливе. Багато неприсмоностей мала я не зі своєї вини, а через фальш і бруд, якими переповнений цей світ. Це правда, я відповідаю тільки за саму себе, але всенькі ті брехні, чутки, пересуди й неширість так псують людині життя.

Боже Всемогутній, я ж таки хочу не бути капризною, хочу робити те, що мені скажуть, — але ж дай мені волю й витримку, допоможи мені, поділися зі мною хоч би зернятком Твоєї Всемогутності.

За один лише день Ти сотворив цей світ! Тож зараз Ти тільки промов: «Нехай всі діти стануть слухняними». І нехай же це збудеться за словом Твоїм.

МОЛИТВА РАДОСТІ

Променистий Боже.

Підніс я руки догори, очі широко розплюшив, груди розправив свої, уста розтулив у посмішці, обличчя підвів до неба. Вдивляюся, чекаю, дослухаюся. В жилах моїх вже не кров струменить. А що? Радість!

Чого хочеш Ти, Боже Променистий, за твої прекрасні дари?

Не треба мені крил, не обтяжує мене земля. Нехай: наді мною хмари пливуть, навкруг тисячі рослин наївних і ширих, замислено-гідних. Струмок співуче дзюркотить.

П'ю повітря на повні груди. «За Твоє здоров'я, Боже!»

Стою перед Тобою в світлих шатах осяйних, у шовках сонячних, ніжною райдугою підперезаний, прагненням співу дихання моє переповнене.

Та я не співатиму — бо не знаю пісні, Тебе гідної.

Щасливий розум мій, бо знаю я, спокій розлився тілом моїм, бо володію я собою, почувуюся певно, бо почуттям своїм господар. Такий я сильний без вагань, і без сумнівів я добрий.

Таким я й перебуду...

А ти ще не щасливий? Ти іще, молодий пірнальцю, не вмієш у глибинах виловити Сонця свого — Сонця Божого відображення? Чи чуєш, юний лицарю, крики, і тупіт, і дзвін мечів битви Божої в тобі самому за тебе самого? Пребудеш!..

Ти мені Брат, Господи, Брат, а не Отець.

Вдивляюся, вслухаюся в радісну казку Твого життя.

Багато в світі доріг, кожна різна, кожна відмінна.

Вірую!

Народжується в мені безліч нових правд.

Правдою є те, що я бачу. Правдою є те, що в грудях моїх б'ється серце. Правдою є думка моя, і квіт весняний також є правдою. Правдою є стогін, і зойк є правдою.

Пожадливым пошептом я розтулені бутони прекрасних правд обціловую, ніби келихи пригублюю.

— Твоє Здоров'я, Правдо!

Чого Ти бажаєш, скажи-но, Боже, за предивні свої дари? За снігові кристали, за мильні бульбашки, за блакитну глибочінь вічності і небес?

Так, так! — б'ється серце моє, а в неторканій думками духа мого глибині одне за одним, одне за одним нові народжуються відчуття.

Радістю є для мене і зачаття, і смерть.

Щабель по щаблеві спинаюсь я до Тебе увись радісними зусиллями, тиха сестро сну, біла принцесо смерті.

— Віддаю себе в руки Твої.

Навкруги в'ються мільярди колібрі, квітів і метеликів, оточують, огортають всього мене. Я їх струшую, відмахуюся, в долоні плескаю, щоб розлякати, акуратно ловлю їх в повітрі, аби крилець їм не поламати, пір'їнок не пом'яти, пелюсток не повідгинати, не струсити й не стерти пилку-перги райдужної. Дзвіночки і лілії навколо літають, опадають, знов до землі приростають, прагненням наступних літань, як ароматом, сповнюють повітря.

Піднісши руки догори, з вустами, розтуленими в усміху, стою я перед Тобою.

— Чого волієш від нас, Господи Боже, за свої прекрасні дари?

МОЛИТВА СВАВОЛІ

Повір мені, Боже мій, що насправді прагну я бути поважною, розважливою, статечною і зосередженою. Може, це мені і вдасться з часом, але зараз — не могу. Смішить мене все поважне, я йому не вірю, не довіряю. Урочисті промови, служби, проповіді, навіть похорони — серйозні обличчя — Боже мій, прошу Тебе, зверни лише увагу на вирази їхніх облич, на ті набурмосені, нещирі й нерозумні пики. (Прости мені, що так негречно при Тобі висловлююся).

І в тім, що я молюся так рідко, також їхня вина. Їхні ж бо молитви — це або бездумне бурмотіння усталених текстів, або хитра павутина підлещування, обманювання Тебе, вижебрування чогось ціною фальшивих зітхань і червоних носів.

А я не вмю бути неширою. Тож зізнаюся: я Тебе не знаю, Боже. І видається мені, що допоки людина пізнає Тебе, Боже, вона мусить перед-

усім добре пізнати себе, себе відшукати. А я блуджу, не розумію і пробую розгадати себе, як шараду, як дуже важке рівняння алгебраїчне. Бо я насправді не така, якою мене сприймають і дорослі, й однолітки мої, це, звісно, дурниця, — передусім я не така, якою сама перед собою бути хотіла б.

Я весела, та водночас... Я капризна, та все ж... Недосвідчена, гм-м-м, наївна, і взагалі. На одну річ, яку знаю напевно, іше сто речей домислити здатна. Звідки я їх знаю? Коли б то вони хоч на соту частину нас так знали, було б нам ліпше, а може й гірше?

Добра я чи погана? І так, і ні. Напевно, що по-інакшому добра й по-інакшому погана, в чомусь іншому добра, у чомусь зовсім іншому, ніж усі вважають, і, здається, навіть ніж думаю я сама.

Мені видається, що та любов з боку рідних, з боку вітчизни, від ближнього й навіть від Тебе, всі ті знаки уваги й пошани — все те вигадали дорослі для себе, але ми маємо право на власні почуття й на власні переконання. В молитві молоді має бути сміх, танок, жарт, каприз, несподіванка, щось з поганських ритуалів і з диких культів. Бо ж Ти еси не лише у сльозі людській, але і в ароматі бузку, не тільки в небі, але і в пошлунку. Після кожного нападу безпідставної сваволі надходять смуток і туга. А в тузі, наче в тумані, й обличчя матері, і шепіт вітчизни, і співчуття ближнього, і навіть Велич Твоєї Таємниці.

Ну, ось бачиш, хочу бути з Тобою широко, але ж очевидно, що не скажу, не зумію розповісти всього, що хотіла б.

Дивлюся на зорі й кажу сама собі: мільярди зір, мільярди миль до них. Але відчуті цього я не здатна. Знаю, що Ти — Великий, Всесильний, Безсмертний і так далі, але тільки знаю, ото й усього. А я, буває, так люблю зорі, як ніхто, мабуть, не любить, хоч би як не намагався, не пнувся й не надимався. А чому я так люблю зорі, я й пояснити не можу; навіть сама собі не поясню.

Бачиш, така моя молитва... Чи розумна вона? Ні. Але чи можна назвати її нерозумною? Вона досить безладна, бо я й сама безладна. Маєш сам зі мною клопіт, Боже, то подумай, як то мені самій з собою нелегко.

А знаєш, що я хочу Тобі запропонувати?

Залиш мене покищо такою, якою я є. Зачекай. Ти сам собі, а я сама собі, ніби ми і не знайомі. Я намагатимусь нікому не завдавати прикрошів, не сміятися, не жартувати, навіть промовлятиму молитви, тільки не підко-

чуючи очі під лоба, не похиляючи голови, без зітхань і жалобної міни. Як довго це триватиме, я не знаю: доки знову не прийде до мене «статечність». Навіть не можу обіцяти, що забажаю прискорити ту хвилину. Бо навіщо? Вона сама настане.

Взагалі, я гадаю, що колись несподівано, раптово зустрінемося ми. Не знаю, де, як і коли раптово побачу Тебе, тоді зашаріюся, серце раптово застукотить, і я увірую. Увірую, що Ти інакший, що з ними Ти не на короткій нозі, що Ти з ними не братаєшся, і що їхні прохання Тобі нудні, що Ти ними нехтуєш, а мене розумієш, що Ти хочеш зі мною розмовляти, широко і поважно. Тоді скажеш мені: «Я знав, що це через них була в тебе нехоть до Мене, й саме тому ти не хотіла вірити, що вони вірять». Скажеш іще: «Я знаю, що вони Мене ошукують і дурять». Зізнаєшся, що й Ти також самотній, покинутий, ображений, як і я, повен туги, і вільний, вільний, наче сокіл.

Й тоді замиримося ми: Ти і я, і розсміємося радісно один одному назустріч, візьмемося за руки й побіжимо шодуху. Вони всі почнуть нас кликати, гукати, сердитися, що не по-їхньому вийшло. А ми на мить зупинимося, озирнемося до них, язика їм покажемо: я і Ти. І сміючись-заливаючись, зникнемо їм з очей. Та й почнемо їсти сніг пригорщами.

Любий, Найлюбіший Боже, адже ж Ти можеш Собі це дозволити, один-єдиний разочок лишень. О-о-ой, які ж вони нудні й фальшиві: то й належить їм за їхні паскудні грішки — кара.

МОЛИТВА ПРОСТОДУШНОГО

О Боже, наш Господи, я роблю, що можу. Небагато я можу, тож небагато і роблю. Але Ти знаєш, Боже, що все я роблю сумлінно. Не можуть всі бути наймудрішими. Кожен в міру своїх сил, і я також, Боже мій і Господи. Вважаю, що найважливіше робити все ретельно і старанно. Щоб тільки користь приносити, щоб нікого не скривдити. Я вважаю, що коли свої обов'язки ревно виконувати, то передусім Ти будеш задоволений, Боже наш, Господи. Знаю, що небагато можу досягти, але багато й не вимагаю. Часом трохи, буває, заздрю, але це триває недовго, я думаю: «А чи хотів би я помінятися? А чи знаєш ти, що діється в чужій душі?» І вважаю, що нема на світі людини, яка захотіла б з іншою людиною помінятися місцями. Кожен вже до себе звик. Часом я, буває, серджуся, коли щось іде не по-моєму. Ну й що з того? Прощаєш же Ти, мій Боже, і великим грішникам, тож і мені, мабуть, простиш.

Невеликі мої гріхи, та невеликі й чесноти. Часом про щось бува подумою не так, як треба. Та головне, щоб не було нікому ніякої кривди чи шкоди. Якби в людини було більше приємного в житті, а хвилювань і прикросів менше, то, певно, було б ліпше. Хоча — хто зна? Коли вже такою є Твоя Свята Воля, то так, напевно, краще для людей.

Не знаю, чи добре я молюся, але, здається мені, всеодно, що людина говорить, аби говорила, як думає, широко і правдиво.

Щоправда, я й не маю багато про що говорити. Бо що? Розповідати про всі свої дріб'язкові клопоти якось не випадає. Ти можеш подумати, ніби я нарікаю. Так само й просити про щось не завжди зручно, можна видатися набридливим. Та й що Тобі може людина розповісти, чого б Ти сам не знав, Боже наш, Господи.

Оце так і баю я сам до себе, аби з кимось порозмовляти. Кажуть же, що гора з горою не сходиться, а людина з людиною зустрічається. Але з якою людиною? Бо не з кожним варто розмовляти, не з кожним можна порозмовляти. Слід бути обережним, щоб не сказати чогось непотрібного, бо й таке трапляється, часом слова твої й перекрутити можуть. Люди це вміють. Але з Тобою, Боже мій, Господи, можна розмовляти ось так, по-простому. Я навіть думаю...

Чи, може, вже перестати? Що я Тобі там буду нудити, морочити. Певно, Тобі вже набридла ця моя балачка? Та й часу Ти, напевно, маєш обмаль...

Але це й справді так приємно, Господи, все тобі розповісти, поділитися...

МОЛИТВА ВЧЕНОГО

Йдемо ми шляхами історії — несемо наплечники запліюжені і своїх законів сувої. Напрямок: уперед; гасло наше: навіщо? Прагнемо — збагнути, мислимо — щось таємниче. Боже наш, Таємнице Таємниць.

Всі ми — добровольці!

Попереду сини полків наших знамено несуть. Їхне ім'я — заспівувачі, вони прекрасні й натхненні. Відчайдушні, безрозсудні, — часом, сказав би, зайві вони у поході. Розвідники наші жертовні — вони першими падають, нема ще гарту в цих юнаках — та сміються вони в обличчя смерті, і

з піснею її поцілунок вони приймають. Прагнуть вони угору, вже навіть у землю йдучи.

Ми любимо те їхнє зухвале молоде божевілля, завмираємо, коли вони, немов наполохане птаство, підхопляться і зів'ються десь там попереду. «Що вони там зауважили? Лихо його знає, чи й не сонце!» Кожен щось своє стверджує, якісь дива вигадує, по-інакшому все пояснюючи. «Ну та добре — дійдемо — побачимо! Вперед — за нами!..»

Йдемо до Тебе, наш Боже.

Онде йдуть рахувальники-обліковці. Числа стискають цей світ, облпуть людину. Для них одне сонце й одна піщинка, одна любов і один хліб. Вони виміряли безкінечність простору й часу, зважили землю й атома вагу визначили теж. Астроном, дослідник неба, та він зірок не бачить, він їх затис у цифри формул: «На — читай». І прочитує він зірку, ніколи не бачену з кабали цифр своїх, і цяткою її позначає на мапі. Хімік, який може зважити густину подиху, прорахувати аромат троянди і сморід гниття; фізик, який прислухається до світу цього пульсування і блискавку думки з-за хмар схрестив у смертельному змаганні з Тобою, о Боже.

Йдуть закіптюжені, знеможені сапери. В димних кратерах вулканів і в промерзлих кристалах скель гребуться вони, розкопуючи скам'яніле м'ясо земного мамонта, і в шлуночках його застиглого серця шукають витоків прожитих вже життів. У комасі, застиглий в краплі бурштиновій, у здіамантовілій вугільній пилюзі, на курганах коралових рифів, в густо-солоній крові світового океану намагаються вони відгадати майбутнє, провіщають майбутніх років мільйони, визначають сім'я життя у смерті і зауважують зі смерті проростання паростків життя. З печер і мочарів, з черепів і кістяків, з цвинтарних плит напівзатертих вичитують вони санскрит давно загиблих вже світів.

А за ними — чота за чотою, батальйон за батальйоном — з ніг до голови думками озброєна — основна рать, і стільки її, і такий інакший кожен воїн, і такі рідні брати вони всі разом.

Он той, тихий монах Грегор, що з зеленого горошку вивів грізний закон спадковості. А той, волоцюга, криком «Земля!» привітав нововідкриті обшири. Той, переможець буденності, в реченні своєму «Мислю, значить існую» затвердив себе навів. А ще той з розкопів прадавніх війняв Кодекса Хаммурапі. А той, бакаляр з глухого села, відібрав у заздрісної вержки яскраве королівство комаше. Інший, ламаний-переламаний від невдалих і вдалих спроб польоту, відняв у птахів силу крил і підкорив собі

повітря. Он той — король морських глибин. Той, пивовар, з охоплених заразою міст вивів жінок та дітей, ще й подолав клятого ворога — заразу. Отой розібрався у веремії речень різномовних і скував язика у єдину систему. А той підкорив світ зела, встановивши в ньому ієрархію. Той зірвав корону з короля творіння, і серед тварин лад новий запровадив. Той Сонце зрушив з місця на небосхилі. Інший божество ув'язнив у геометричній формулі. А той вирвав змії знання її отруйне жало. Той триумфально прокричав: «Omnis e cellula cellula!»*

І все це на славу Твою, о Боже.

А за вояками сунуть маркитани та мародери, правники, інженери, лікарі, агрономи, політичні фіскали, сіра дрібнота службова, шарлатани й гендлярі — і на далеких флангах наших перемог вони знаходять для людського мурашника вигоду, полегшення та зиск. Продають за копійки, фейерверками забавляють людність, дівок довірливих фокусами підманюють.

Ми не думаємо про них. Ми — лицарі Добра і Правди. Часом хтось із нас ковзне у їхній бік засмученим поглядом — ніби вітрильник душі людської явиться і зникне над обрієм морським — і посміхнеться поблажливо.

І коли ми так ідемо, заглиблені у Тебе, Священна наша Пратаємнице, чийсь наївні груди часом видихнуть: «Бідолашні солдатики». Бачать наші засмагли обличчя й похилені плечі, хочуть запросити нас натомлених до затишних хатин своїх — аби відпочили.

Ми бідолашні? Нам відпочивати? Та ми найщасливіші в ураганах битв з невідомим іще фіналом, у вільному польоті нашому — лицем до лица з ворожнечею-таємницею, наодинці з Богом самим. Ти нам усім і родина, і батьківщина, і затишна хатина. Ти наша заохота й винагорода. Ти — посередник на переговорах втаємничених. В очах наших засвічуються і розгоряються зорі правди — і нові, все нові й нові правди тієї таємниці кличуть уперед нас, а потім вже й спадкоємців наших, скарбу нашого наслідників, синів нашого Завтра.

МОЛИТВА МАТЕРІ

Прости мені, Боже, що я скаржилася.

Я казала: сина мого вбито. Вітчизна відібрала мого сина, поклав він задля неї своє життя.

* Все живе — з живого (букв. — усяка клітина з клітини; лат.)

Не розуміла я. Дякую Тобі, Боже, що мене врозумив.

Кажу: призвав Ти мого сина до Себе. Вітчизна всиновила дитя моє
любє, й дала йому — не відібрала — дала йому прекрасну смерть.

Плачу сльозами радості й гордості від самої думки, що постав перед
Тобою мій солдат найдорожчий, виструнчився і промовив:

— Наказуй, Господи.

Вітчизна прекрасну смерть йому дала.

Дякую Тобі, що мене врозумив.

МОЛИТВА МИТЦЯ

Дякую Тобі, як Творцеві, що замислив і сотворив шедевра дивовижного, того шедевра, яким я сам для себе є. Кручений-верчений всупереч будь-якій логіці, та все ж саме такий, як треба; та все ж, напевно, потрібний тобі в цьому світі, якщо я таки існую. Чим більше не бачу сенсу у цьому житті, тим вдячніший Тобі я — протест, протиставлення, сам над собою пан серед карного стада, я, прикус псячий, жарт першоквітневий, плід на дереві Всенезнання.

Молитва моя, Творче мій, не якась там, не та, що в інших, а тільки моя й тільки нинішня, у сю єдину мить, яка вже ніколи не повториться. Збагни: я твій грішний пророк — і Брат Твій! Я — та хіба ж я можу знати, ким я є насправді? Видно, не знаю я себе, — якщо слабо достойний, то й достойно слабкий — я, гордий і покірний, піддатливий і грізний, муркочу наче кіт, що підлашчується, всі таємниці виказую, торгую слізьми, гублю палички і ножики перочинні, чутливо реагую навіть на тїнь несвободи, шойно лиш вона з'являється, не зриваю, а палю кайдани — і лише в найслабшому шепоті бачу, вчуваю Тебе, Творче мій, і за се Тобі я вдячний безмежно. Ти не віриш, що мені хочеться молитися? Атож! Ти ж також усупереч перешкодам Богом еси — і я знаю, що це значить.

Дякую Тобі, Творче, що сотворив Ти свиню, слона з його довгим хоботом, що поформував листя на деревах і серця у грудях, подарував чорні мармизи неграм, а буряки зробив солодкими. Дякую Тобі і за солов'я, і за клопа, за те, що дівчина має груди, що риба задихається на повітрі; за те, що існують блискавиці і вишні, за те, що так предивно мусять люди

на світ народжуватися, й за те, що настільки людину Ти оглупив, аж вона почала вважати, що інакше бути не може; й за те, що навчив Ти мислити й камені, і море, і людей.

Думка, яка ближнім недоступна, але вже собі самому чоловік з неї дивні казки викучерявлює. Не небеса — саме думка має найпурпуровіші сходи й заходи — вона й орлиця, і гультьяка, і брехуха. Як же я її люблю.

Як подається вона десь шаландатися, — піди, дізнайся, куди її занесло; а повертається зморена, здорожена, до думки людської не подібна, але така натхненна, така щира та радісна, тоді клянеться-присягається виправитися — хіба дурень в ті її клятви повірив би — але вона знає наперед, що їй проститься.

Я все передчуваю, нічого конкретно не знаючи. Недоречною видається мені прісна правда життя — в ньому ті лише мають рацію, хто спромігся підглянути у шпаринку; але нічого до пуття не роздивившись, вони все одно помиляються; та так їм і треба. А я існую!

Нічого я не знаю, все лише вгадую. Ти ж знаєш, Творче, що то значить: все!

З голови до ніг з мене жодної користі, але я мушу, зуби зціпивши, бути найпершим; тож надію втрачаю лише на якихось п'ять хвилин, все найважливіше натхненно починаю вранці; розляжуся голічерева на сонечку й вигрівуюся; плачу над долею грушки, яка стоїть самотньо серед поля, старця в руку зморшену цілую. Серйозно плюю і ловлю, в повітрі козликів малюю і довіку мені буде шістнадцять років, і я бавитимусь у квача, свистатиму в два пальці, і програю всі до єдиного гудзики зі штанів своїх. З голови до ніг ні на що я непридатний, але яким бідним почувалося б людство без мене. Я навчаю людей любити гріхи і пожежі, і дихати, дихати, дихати на повні груди.

Над єдиним моїм запитанням сотня тупих професорів скнітиме цілі життя свої. В рожеві вухка я солодко шепочу: «Добраніч» — тисячам дівчаток і хлопчаків. Я мащу цілющою маззю виразки всім паршивим псам у світі. Майбутнє я хапаю за загрибок, витягаю на світ і являю. І з пістоleta в майбутнє я стріляю, як в туза чирвового. І сонце п'ю, очей не мружачи. Й так мені чомусь видається, що коли Ти цей наш світ створював, і вісь земну відчутно нахилив — чи не тому, що й сам був трішки хильнувши: митці не творять натверезо. А їхні, тих усіх, сні та марення святобліві — то наш хліб, себто закусь.

А коли я й не люблю кого, то лиш тих, котрі тверезі; якщо й боюся когось, то лише тих, котрі можуть і знають, чого хочуть.

Мої хвилини — всі вони підкидьки й діти позашлюбні — без опіки й без ладу — танцюють на лині, ковтаючи кроки свої.

Зірву я грушу в чужому саду; не сахаюсь, не лякаюсь, не втікаю стрімголов, а плавно відлітаю; завжди в погожому настрої, трішки п'яненський, прокидаюся серед калюжі, та й звідти чистеньким підводжуся, і Бог на мене за це не сердиться, поблажливо дивиться.

Все, все на світі я люблю божевільно — радісно — і безжурно.

Хоч і не раз я в житті обпікався, та залишаюся наївним, як дівча, що вірить обіцянкам. Сам до себе придивляюся з усміхом. Дрібнесенькі намістинки збираю, потім очі підведу до вуличного ліхтаря й кажу йому: «Який ти розумний і гарний». Щодня я щось нового зауважую в тому, на що вже цілими роками дивлюся — і приголомшено, як пес на власного хвоста, — онде трамвай сам їде, а берега має кору білу.

Біднесеньке ти, сонечко, божа ти корівко, очко тобі болить, бідолашним є кожне, кожне, кожне життя на землі.

Я народився, Творче, на п'ять століть запізнившись і років за п'ятсот передчасно. Тому я такий веселий і сумний: бо я живу, і вже життя своє закінчив, і ще жити не починав.

Ти і Я, — Творче, — і нікого більше. А Я — то Ми, Ми усі. Ми — Твого парламенту крайня опозиція, і Твого Престолу ревні охоронці. Ми — Твоя райдуга осінньої сірості, серед синів Твоїх помилка, чи то підміна — ми сніг липневий, ми — маки червоні на льодовиках, ми — вітрила, на вітрі розіп'яті. То нічого, що ми клубочком бабчиної бавовни бавимось з кошеням, — ми звалуємо трони деспотів, ми вежі самотності зводимо. Ми з душі заплаканої спроможні іскру усмішки викресати, ми під вальси шарманки похитуємось — гімнами прийдешнього ми вітаємо сьогоднішня, помираємо ми й воскресемо за своїм власним наказом, ми на цвинтарях всіх нездійсненностей стоїмо монументом здійснення на могилі всезагальної неспроможності.

За це, Творче, дякую Тобі трепетно, і з тремтінням внутрішнім ставлю на карту не що інше, як Буйну Розкіш Життя.

Va banque: Життя за Творчість.

ПРИСВЯТА НА СПОМИН

Матінко — Татусю. Ви мені всі ці молитви дуже швидко диктували, тож я мусив їх натужно з пам'яті — речення за реченням, літеру по літері — пригадувати й записувати. Часом чогось не дочув, часто чогось не збагнув, помилявся, пам'ять зраджувала, попропускав я багато чого. Зрідка ви мене поправляли — небагато — настільки лиш, аби було зрозуміліше мені й людям.

Не знаю, чи Вами мені розказане я можу назвати своїм для Вас надгробком. Дякую Вам за життя і за смерть Вашу, за моє життя і за смерть. Розійшлися ми лиш на мить, аби знову невдовзі зустрітися — вже назавжди.

Матінко — Татусю, з усіх скам'янілих клопотів і болів Ваших та моїх предків я прагну спорудити високу, гостру і самотню вежу для людей. А кількість тих, котрі вже у землі й чийм голосом за Вами услід слухняно промовляю, становить — лише за останніх років триста — вже аж тисячу, і двадцять, і ще чотири. І різні вони носили імена.

Тому на цьому маленькому надгробку не напишу я жодного імені. Дякую, що навчили мене дочувати шепіт мертвих і мову живих, дякую, що пізнаю таїну життя у прекрасну хвилину смерті.

Ваш син

Додаток 1

МОЛИТВА ВИХОВАТЕЛЯ

Я не возношу довгих молитов до Тебе, о Боже. Не посылаю Тобі зітхань безкінечних... Не б'ю низьких поклонів, і не маю пожертви багатої до учти Твоєї й хвали. Не прагну я вкрастися у довіру і ласку Твою, не вимагаю для себе гідних дарів.

Думки мої не мають крил, які б мою пісню несли в небеса.

Вислови мої не вельми барвисті й не променяються вони похвалами чи похвальбами. Я втомлений і невиспаний.

Зір мій затуманений, спина моя згорблена під вагою великого обов'язку.

Та все ж і я маю до Тебе прохання сердешне, о Боже. Та все ж і я володію скарбом, якого не хочу віддати братові своєму людського роду. Боюся, що рід людський цього не відчуче, не зрозуміє, злегковажить і висміє.

Хоча і покірний я у вірі своїй в Тебе, Господи, але в проханні моєму стаю проти Тебе, як стовп вогняний.

Хоча зазвичай тихо шепочу я, та прохання це вимовляю голосом, повним несхитної волі.

Поглядом своїм гордим ширяю я понад хмари.

Не благаю, а вимагаю, бо це вже не для себе.

Дай дітям доброї долі, підтримай їх у зусиллях їхніх ширих, працю їхню благослови.

Не провадь їх шляхами найлегшими, але найпрекраснішими проведи.

А в завдаток до мого прохання прийми тепер скарб мій єдиний: смуток.

Смуток і працю.

Додаток 2

НАВІЩО МОЛИТИСЯ

Коли зібралися всі хлопчики, які записалися на щоденну молитву, я запитав у них, навіщо вони моляться, для чого приходять на молитву. Було це досить давно, деталей я вже не пам'ятаю, зошит, в якому записував відповіді, загубився. Але відповіді були приблизно такі.

Перший сказав:

— А чом би я не мусив молитися. Я ж таки єврей.

Другий відповів:

— До сніданку нічого робити в спальні, а в молитовні тепло і світло.

Промовив третій:

— Я хочу мати пам'ятну листівку про 280 спільних молитов. Мені залишилось вже тільки 40.

Четвертий сказав так:

— Товариш у дворі сказав мені, що як хтось не молиться, то до нього вночі прийде привид, кине його до мішка, зав'яже й задушить. І тепер я боюся, що так може статись насправді.

— Мене мама просила молитися, — так пояснив п'ятий.

А шостий сказав таке:

— Коли я в суботу приходжу до рідні, дідусь завжди запитує, чи в сиротинці дітки набожні, й чи вони моляться. Якщо я відповім «ні», дідусь

севі буде прикро, а я не хочу його засмучувати. І до того ж мені брехати не хочеться.

Сьомий таке відказав:

— Як помер взимку мій батько, мені не хотілося рано вставати, щоб іти до молитви. Але одного разу вночі батько приснився мені й почав уві сні мене соромити: «Як я був живий і працював на тебе, я не вибирав погоди. В дощ і в мороз, часто і вночі, навіть уже захворівши, я все ж вставав з ліжка, коли знав, що можу заробити. А ти зараз не хочеш промовити за мене кадіш». Я прокинувся й присягнувся, що молитимуся.

Пан Хоїна багато років посліпль щодня приходив до молитви. Він мав набожного опікуна, який наказував йому молитися, а потім вже й сам звик до цього.

Пам'ятаю, як стояли поруч малий Хоїна і його високий опікун — і молилися з одного молитовника.

Дев'ятий сказав так:

— Щодня уранці я одягаюся, вмиваюся, їм свій сніданок, навчаюся у школі й бавлюся з друзями. Чом би я не мусив також і помолитися? Є люди, які кажуть, ніби Бога немає; але звідки вони знають, що вони знають правду? Хтось же мусив усе це створити? То це й був Бог.

Десятий відповів коротко:

— Поляки моляться і ходять до своїх костьолів, тож і євреї не мусять бути гіршими.

Одинадцятий сказав:

— Коли євреї не моляться, то цей його гріх лягає на всіх євреїв. Через те ми хворіємо на заразні хвороби, через те ми й бідні, і маємо всілякі інші клопоти, що багато євреїв не моляться. А я не хочу, щоб через мене інші потерпали.

Дванадцятий навів приклад з хедеру:

— Ребе навчав нас у *хедері*, що євреї багато страждали за свої молитви. Вбивали їх, палили їхні святині, відбирали в них *сидери* і вкидали у багнюку чи у вогонь, наказували їм ходити у свята до костьолів, не дозволяли їм працювати й ходити містом. Кожен євреї увечері в п'ятницю поспішав, часом мусив іти лісом, де були бандити і вовки. Ребе казав, що молились усі мої прадіди та прабабці, тож сором бути настільки лінивим, щоб не піти до молитовної кімнати, яка так близько, і ніщо мені не загрожує і не заважає.

Тринадцятий так пояснив:

— Коли я чимось занепокоєний, або посварюся з товаришем — тоді молюся, бо мені буває приємно розповісти Богові, як було насправді і що товариш не мав рації. Коли я так думаю під час молитви, тоді менше раниць мене несправедливість.

Чотирнадцятий розповів:

— Я зауважив, що коли ходжу до молитви, то мені легше старатися, легше бути поправним. Тоді у мене зовсім мало справ, і на мене ніхто не сердиться. І я тоді не роблю нічого поганого ні вдома, ні у школі. Молитва дуже допомагає.

П'ятнадцятий сказав:

— Коли я хворію, або щось мені болить, або вдома щось недобре трапиться — наприклад, мама чи брат захворіють, або немає грошей, а господар надокучає, або інші мешканці — тоді мені робиться прикро. Але як я помолюся й попрошу, то потім вже не хвилююся, і мені робиться добре.

Шістнадцятий сказав:

— Я й сам не знаю, навіщо приходжу до молитви. Молюся тому, що молюся. Взагалі, я й не замислювався, навіщо це роблю. Якщо я пригадаю, навіщо, то напишу вам про це і вкину листа до скриньки.

Сімнадцятий сказав:

— Коли я молюся, то пригадую наш дім, як там було колись. Завжди по суботах я з батьком ходив до божниці. Тут теж, у сиротинці буває вечерея, але тут все інакше. Ні, мені тут не погано, але як я був удома, то я більше любив, і мене більше любили. Ніхто не прозивався на мене мазунчиком чи лизуном. Тут, в сиротинці, теж часом дають цукерки, але вдома їх мені приносив татко, і дражнився зі мною, що не дасть їх мені, що віддасть мамі або з'їсть сам. І це було смішно, бо я знав, що він жартує. І ще вдома був *чулетт* щосуботи. Вдома взагалі все було інакше.

Коли він це сказав, тут нагадався попередній і додав:

— О, я вже знаю. У мене так само, як і в нього. Молитва, це так, неначе я повертаюсь до своєї родини. Як молюсь, то пригадую собі й одне, і друге, й третє — все, як воно було удома.

Тоді також до молитви ходило й багато дівчаток. Одна з них навіть звалась *ребіцин*. Її всі любили, тож не докучали, а вона й не сердилася.

Вона була старша за віком, і вже працювала — у майстерні, де робили чи рукавички, чи то парасольки, чи ще щось. Через це не могла прийти наступного дня, тож мусила прийти разом з хлопцями.

(А я сказав їм, що коли всі разом, то це вже буде забагато, тож нехай сьогодні хлопці, а дівчатка завтра). Вона й сказала:

— У нас через коридор мешкає польська сім'я. Вони добрі до євреїв, завжди позичають мамі, чого їй буває потрібно. Й вона сказала, що це негарний звичай у євреїв, те, що дівчатка можуть не молитися, бо їм молитва навіть потрібніша, через те, що вони більше сидять удома, більше перебувають з дітьми.

І Регінка так закінчила:

— Господь Бог же не зробив хлопчачу молитву важливішою. Це вигадали рабини, бо вони самі є хлопцями. У поляків всі моляться разом, а в євреїв скидається, ніби ми гірші для Господа Бога.

Коли Регінка закінчила свою мову, хлопці нічого не сказали.

Тож дівчатка і надалі приходили молитися.

Здається, що то саме Регінка сказала:

— Коли ти не маєш батька, приємно думати, що Бог є батьком для всіх, і для тебе також. Молитов розуміти не потрібно, я їх тільки відчуваю.

Я ще хотів запитати і в інших, навіщо вони моляться; але почалася школа, політика — і все змінилося.

З польської переклав Олександр ІРВАНЕЦЬ

Инна Лесовая

ЛИБРЕТТО

Это всего лишь идея. Если она тебя заинтересует, найдешь человека, который сочинит настоящее балетное либретто. А я помогала бы ему: отвечала бы на вопросы, которые у него могут возникать.

Действие первое. Конец шестидесятых. Мастерская художника-неудачника. Темный, неудобный подвал. По углам — подтеки сырости (это можно сделать очень красиво). Вдоль стен несколько труб пугающего вида... Ну и картины, конечно. Часть висит, часть стоит на полу. Холсты, пустые рамы. Двустворчатая дверь невиданных размеров. Два придавленных к потолку окошка. Плоскости облупленных подоконников точно совпадают с плоскостью тротуара. Мимо окон движутся ноги. Представляешь, в окошке — танцующие ноги. Маленькие сценки для ног! Посреди комнаты стоит низенький скульптурный станок, а на нем — статуя, гораздо выше человеческого роста. Не надо пугаться. Все это технически не так сложно. Станочек можно заказать в худфонде. Такой, чтобы совершенно свободно крутился. А статую за очень небольшие деньги вылепит из глины студент скульптурного факультета. Главное — найти мастера, который отольет ее из пенопласта. Она должна быть разборной и совершенно невесомой. Для безопасности. Это не просто реквизит, а одно из главных действующих лиц. С нею будут танцевать — не вокруг нее, а с ней. Ее будут раскручивать... Тут вообще полдела — вылепить удачную фигуру. Обнаженная женщина, идущая против ветра. Она должна быть сделана так, чтобы в разных поворотах выглядеть совершенно по-разному: то бурно наступающей, то удирающей в отчаянии. А в целом — нечто возвышенное и одновременно смешное... Лучше всего было бы комично воспроизвести ту статую, которую я имею в виду. Это статуя, сделанная когда-то моим учителем.

Мой учитель... Если в нем и было что-то смешное — так это его постоянное стремление преодолеть свой маленький рост. Каблуками. Духом. Интеллектом. Еще у него были совершенно немужские глаза — круглые. Ресницы темные, густые, что сверху, что снизу — глаза ребенка, который ждет, что его сейчас ударят, но не в состоянии хоть как-то себя защитить, даже сошуриться. А так — черты вполне мужественные, правильные. Его можно было бы назвать красавцем, если бы не лысина и не щетина, которая вырастала за полдня. Казалось, она лезет из него от чрезмерного вдохновения. От этой-то щетины и возникало ощущение некоторой запущенности и бездомности. Он был одним из тех людей,

которые относятся к своему телу, как к одолженной одежде или комнате в общежитии. К тому же у него вечно что-нибудь болело. Он это тщательно скрывал, только иногда кривился. Все это для нас, девочек романтического возраста, было даже привлекательным. Кстати, никогда он не был ни бездомным, ни запущенным. Аккуратен был невероятно, и мастерская у него была самая чистая из всех, какие мне доводилось видеть. Она находилась чуть наискосок от Совета Министров. Улицы там помпезные, хотя и узкие. Колонны, серый гранит... А он идет такой маленький, всему враждебный, пугливый, высокомерный... рыхленькая меховая шапка пирожком, серое двадцатилетней выдержки пальтишко... Но — наглаженное.

Да. Так вот он идет — еще издали, издали начинает готовить себя к работе, раскаляется... Ноздри прижаты, дергаются, губы стиснуты, кулаки распирают карманы... Приближаясь к своей мастерской, он весь накрывается от нетерпеливого вдохновения и броском сворачивает в пустой, холодный подъезд. Есть там такие грандиозные подъезды — настоящие туннели. Пики на воротах, полумертвые дворы, оплесневелые подвальные ступени... Он спускается в свою яму, глубокую и сырую, как только что высохший колодец, оберегая от ссадин ботинки и нетерпеливо звеня ключами — а там внизу какая-нибудь дохлая крыса... или еще что похуже.

Но это все не для сцены. Прежде всего, таких маленьких танцоров не бывает. И все эти небритости и дрожащие ноздри из зала не видны. Пусть наш герой — назовем его... Маэстро — будет тощим и сутулым, со смешной бородкой, с остатками негустых длинных волос, тесными интеллигентской лысиной. И, пожалуй, оставим ему круглые глаза, обведенные густыми ресницами.

Теперь наряд. Неуклюжие, широченные джинсы, мешковато присобранные ремнем на талии. Растянутый свитер крупной вязки, клетчатая ковбойка без пуговицы на рукаве. Из верхней одежды — серенький беретик и тяжеленное темно-синее пальто пятидесятых годов — с «плечами» и огромными пуговицами. Теперь о музыке. Тут, конечно, решать композитору. Лично я ввела бы несколько всем известных музыкальных тем — возможно, даже всю вещь составила бы из комических транскрипций. Для Маэстро настойчиво предлагаю использовать самую известную тему Вагнера — «Полет валькирий». Эта тема очень красива, величественна — причем, искажая ее, не чувствуешь себя святотатцем. Возможно, потому, что накал ее вдохновения почти чрезмерен, слишком близко подходит к грани, за которой начинается пародия. А это и есть суть Маэстро. К тому же эта тема легко меняет интонации и акцент, сливается с другими мелодиями и механическими шумами, ловко вытекает из них и всегда остается узнаваемой.

Итак, мастерская художника. Утро. Свет в комнату проникает сквозь мутные окошки. Сначала в одном, а потом в другом возникают валенки

дворника и его огромная коричневая метла. Дворник метет мусор прямо на стекла Маэстро. Солидный гражданин в очках и с авторучкой в кармане наклоняется. Недовольно сощурясь, изучает помещение и, не заинтересовавшись, проходит мимо.

Периодически что-то рычит в одной из труб. В другой — изредка что-то грохочет. Где-то с неумолимой монотонностью ударяет о жель тяжелая капля. Постепенно все эти звуки начинают объединяться в мелодию. Оркестр звучит негромко, слабо, как бы издали, напоминает о себе тема валькирий.

Неуклюжий грохоток за дверь. Звяканье ключей. Толчки боком в дверь. Вваливается Маэстро, застывает на пороге. Смотрит на статую, накрытую старыми простынями и разным менее приличным тряпьем. Не отрывая глаз от своего детища, снимает пальто и вешает его на крючок. Крючок вываливается из стены, пальто опускается на пол. Не замечая этого, Маэстро набрасывает на предполагаемый крючок и свой берет...

Начинается большой сольный танец: Маэстро срывает тряпки со статуи. Романтический полет дырявых грязных тканей. Далее изображается процесс работы. Маэстро то благоговейно отдалается от статуи, то судорожно бросается к ней и что-то поправляет огромным стеком. Он трудно дышит, как бы распаяя в себе вдохновение, а тема валькирий в оркестре разрастается до полного комизма. Маэстро танцует «па-де-де со статуей». То бережно, то резко поворачивает ее в разные стороны, повторяет ее позу, образует с нею всевозможные композиции.

Затем идут вставные номера. Появляются разные посетители, так или иначе мешающие «творческому процессу».

На лестнице раздается грозный топот. Вваливается пожарник. Ему не нравится, что в помещении слишком много бумаги (рисунки), сухого дерева (рамы), взрывоопасных веществ (разбавители). Напрасно Маэстро пытается ему что-то объяснить. Пожарник неумолим. Он, несомненно, закрыл бы мастерскую, не появившись вовремя Друг Маэстро — резонер, крепко стоящий на ногах, выручающий Маэстро в сложных ситуациях. Друг высоко ценит талант Маэстро и ведет себя с ним, как с бесполовым ребенком. С помощью бутылки он легко очаровывает пожарника, и тот, желая сделать хозяину приятное, на прощанье одобрительно хлопает статую по мощной ягодице, оскорбляя Маэстро в самых его возвышенных чувствах. Выпроводив пожарника, Друг сосредоточивает свое внимание на статуе. Он начинает с неумеренного восхищения, но под конец находит в статуе мелкий изъян. Маэстро расстроен. Он защищается, спорит. Но как только Друг уходит, принимает скоблить резцом указанное место — какой-нибудь локоть или голень... И в следующей картине этой голени уже не будет. Вместо нее останется чернеющий же-

лезный прутик каркаса. (Таких съемных деталей будет несколько, и отсутствие любой из них должно создавать комический эффект).

Следующий вводный номер — санинспекция. Легоньякая, как мотылек, девушка в белом халате порхает по мастерской Маэстро, возмущенно указуя на пятна сырости, на сомнительные трубы, прогнившие половицы, извлекает откуда-то огромный бледный гриб. От каждого ее эфирного прикосновения что-нибудь с тяжелым грохотом отваливается, и мастерская приобретает все более антисанитарный вид. Маэстро умоляет суровую защитницу его здоровья не опечатывать мастерскую. Но та непреклонна. Выручает Маэстро появление потревоженной крысы. Или, может, ввести даже танец крыс, изгоняющих санинспекторшу. Сшить их из серого плюща, укрепить на прозрачных шнурах, с помощью которых из-за кулис управлять ими в такт Вагнеру.

Все это — и сырость, и крысы, и грибы — были обычными атрибутами творчества. Только такие подвалы и доставались художникам. А если вдруг попадалась комната попримечнее, ее тут же отбивала какая-нибудь контора. Моего бедного учителя переселяли раз пять из подвала в подвал — каждый, разумеется, хуже предыдущего. Меня тоже переселяли дважды. А чаще всего людей просто выставляли на улицу.

Только, бывало, отскоблишь какое-нибудь подземелье — сразу невесть откуда возникает официальная рожа. Нагибается к окну, рука щитком... А ты стоишь и не понимаешь, как себя вести. Тебя как бы и нет. Потом они заявляются с дворником и техником-смотрителем. Ходят, оставляют на полу грязные следы, заглядывают в закутки, отодвигают твои вещи... Тебя не видят, не слышат... хоть голый стой... Это уж потом худфонд начал строить специальные мастерские. И то для самых заслуженных.

Наш учитель к таковым не принадлежал. Хотя вообще-то он был святейшим реалистом. Я, помню, просто испугалась, когда увидела его ранние работы. Некое безвоздушное пространство... Каменные лица такового... желтовато-телесного цвета... с коричневыми тенями... очень крепко и правильно нарисованные. Что-то там было от Моралеса. Я сейчас думаю: туда бы какую-нибудь детальку... перевернутую свечку... жучка на ниточке... Эти картины зажили бы и сошли за самый мрачный «сюр». Дама, которая училась с ним на последнем курсе, говорила, что даже отпетые соцреалисты считали его реализм чрезмерным. Оно бы, может, и сошло, если бы он, как и все вокруг, изображал каких-нибудь крестьян в процессе радостного труда. Рабочих перед мартенем. Или хотя бы заслуженную учительницу с кружевной манишкой. А он выискивал каких-то сомнительных интеллигентов, чахоточных недоучек. Где он только брал таких?!

Разумеется, он ничего не зарабатывал. Его содержала мать. Безграмотная. Из тех, что становятся старушками лет в тридцать. Где-то она трудилась при медицине, в какой-то привилегированной больнице. Это было очень кстати: наш учитель с самого детства болел. То ревматизм, то сердце, то почки. И мать имела возможность показывать его лучшим специалистам. Так он сблизился с профессором Эйдельбергом. Профессор вообще был человеком отзывчивым. А тут — способный мальчик, ровесник его собственных детей, болезненный, неудачник, отец погиб на фронте... Он ввел его в свой дом. Среди пациентов профессора было много людей известных, и некоторые из них согласились попозировать молодому дарованию. О том, чтобы явиться к народному артисту СССР с мольбертом и масляными красками, не могло быть и речи. Таким образом, он на время забросил свою мыльно-восковую живопись. Рисовал на больших листах подтонированной бумаги сангиной и углем. Эти черно-рыжие портреты — он их штук сто наплодил! — были идеально грамотны, передавали сходство безукоризненно, до испуга.

Эйдельберг организовал выставку его работ в Доме медиков и даже выбил ему мастерскую. Ту самую, куда мы ходили заниматься. У меня до сих пор замирает сердце, когда прохожу мимо.

Там в переулках страшные сквозняки... Помню, однажды зимой ветер вырвал из моих рук папку... ее гнало, раскрытую, по льду, и оттуда вылетали рисунки. Часть из них удалось поймать почти сразу, а другие понесло на площадь — и вверх. Они бились высоко, между колоннами, прилипали к гранитным плитам... Один портрет так и не нашелся, и он все мерещится мне в темноте, под порталом, белый лист... Я была страшно огорчена: мне казалось, что этот портрет моему учителю должен особенно понравиться. Господи! Что тогда значила для нас его похвала! Это щедрое: «Вы знаете — я бы так не сделал!» Или: «Эта Ваша совершенно особая техника!» Или совсем уж: «Хочу с Вами посоветоваться. Как Вы считаете...». Он великодушно внушал своим ученикам, что и сам у них чему-то учится. Отчасти это была правда: иногда, объясняя нам какую-нибудь простую вещь, он будто прорывался сквозь давно мешавшую ему преграду.

В ту смурную осень, когда мы познакомились с ним, он как раз вернулся к живописи. Картин было еще мало — пять-шесть натюрмортов, пугающе нелепых и по письму, и по цвету, но зато — как он говорил о цвете, о технике письма, об утрированной выразительности! Гибкая, изящная линия приводила его в бешенство, он заставлял нас превращать любой круг в многоугольник, и все повторял: «Больше характера, больше энергии! Без дамских штучек!» И мы буквально пропарывали бумагу карандашами. И тоже напрягали ноздри, сжимали губы — только что не лезла щетина.

Ученицы... Очень выигрышно для кордебалета. Молоденькие девочки, трогательно-вызывающие прически, шейные платочки и прочие претензии на богемность. Яркие картонные папки. Рисунки. По-моему, танец с большим белым листом — это необыкновенно красиво! Вот идет урок... Маэстро что-то объясняет ученицам, затем танцует адажио с каждой по очереди, с каждой по-особому. И листы, листы, трепещущее мельканье белых квадратов бумаги! Или такое: просмотр домашних работ. Девочки раскладывают рисунки на полу и танцуют между ними... Разные реакции на похвалу, на замечание. Ревность...

Он тоже уважает их. Он советуется с ними. Сбрасывает покровы со своей статуи, и ученицы приходят в благоговейный восторг. Они движутся, повторяя позу статуи. Их тема в оркестре — те же «валькирии», но наивно воспроизведенные скрипками и флейтами. Кульминация — танцует Маэстро, танцуют девочки, вертится статуя!

Вдруг Маэстро замечает нечто необыкновенное в форме ноги, или руки, или носа одной из учениц. Он внимательно изучает эту деталь. Затем отводит девочку на подиум, и она принимает позу статуи. Маэстро начинает переделывать эту самую ногу или шею. Естественно, в начале следующей сцены статуя окажется без вышеуказанной детали.

Следующая сцена... Снова утро. Снова пальто на полу. Маэстро не работается. У Маэстро болит поясница. Он пытается себя завести. С большим трудом преодолевает апатию. Музыка натужно набирает мощь. Стук в дверь. Маэстро идет открывать, не ожидая ничего хорошего. Но это Мать — сутуленькая, колченогая, в платочке и очках. Она принесла в миске картошку с котлетами.

Тема матери — надрывная песенка в духе еврейского местечкового фольклора.

Маэстро не до еды. Но так уж и быть — он продолжает свой вдохновенный танец с котлетой на вилке. Мать плачет, причитает: сын худой! неухоженный! денег нет! Она достает мелочь из всех карманов и выворачивает их, дабы показать, что это последнее. Она хочет качать внуков. Она не понимает, зачем ему такая большая статуя. И в придачу — голая! Маэстро объясняет с жаром и раздражением. Старуха пытается понять. Оркестр, как бы ее голосом, начинает воспроизводить «Валькирий», однако акцент у музыки явно народный, а интонация вопросительная. Мать танцует, ковыляя и семена, тоже пытаясь воспроизвести позу статуи. Уходит.

Снова радикулит на музыку Вагнера.

В форточку заглядывает Друг. Он привел важных посетителей. В окошке видны их богатые ноги. Знаменитый деятель и его жена. Вся в песках и бриллиантах. Деятель сурово изучает работы Маэстро. Неожиданно для

самого Деятеля работы ему нравятся. А за ним — и его жене. Маэстро теряет голову от счастья. Друг потирает руки, подмигивает из-за спины гостя.

Гость тщательно изучает картины. Выбирает одну и начинает неумеренно восхищаться ею. Лезет в карман. Достает деньги. «Деньги» слишком большие, размером с полотенце. Деятель с неодобрением рассматривает их и возвращает обратно в карман. Ищет в другом кармане — там оказывается купюра еще крупнее первой. В третьем кармане обнаруживается носовой платок — Деятель сморкается, в четвертом — расческа. Он причесывает свои классические седины. В пятом нет ничего. Деятель очень огорчен. И напрасно. Великодушному Маэстро совсем не нужны от него деньги. Маэстро дарит картину гостю. Тот смущенно отказывается — и принимает с благодарностью. Его расхоронившаяся жена выбирает еще одну картину — побольше. Маэстро дарит и эту, игнорируя гримасы и тайные знаки раздосадованного Друга. Друг почтительно провожает гостей. Слышно, как отъезжает машина. Друг возвращается. Он в бешенстве. Маэстро не разделяет его чувств: подумаешь, картинки. Статуя — вот дело его жизни!

В следующей сцене статуя, уже отлитая в гипсе и затонированная, стоит самым эффектным образом. Все детали на месте. Маэстро подметает. Пытается приставить к оголившейся дранке куски штукатурки. Стряхивает со стульев и дивана пыль, ногами отгребает в стороны бумажные горы... Вот-вот появится Художественный Совет.

Слышно, как за окном тяжело тормозит автобус. Зловещий топот на лестнице — необъяснимо громкий, необъяснимо долгий. Деятели культуры, не пугаясь беспорядка, уверенно занимают все свободное пространство. Музыка смолкает. Немая сцена. Все вдумчиво изучают статую. Кто — откинувшись назад, кто — искоса, кто — исподлобья... Некоторые устали в собственные туфли, кое-кто — в бумаги. Общее выражение лиц определению не поддается. Это как бы трамплин для чего угодно — от восторга до возмущения.

Председатель Художественного Совета — статная дама, полная, в строгом костюме, с лауреатским значком и недовольной гримасой. Она долго стоит в неподвижности, но, наконец, подает скупые признаки жизни. Легкий наклон головы... едва заметное подергивание плеч, губ... Вся публика повторяет ее движения, десятикратно их утрируя; при этом никак не становится понятно, понравилась ли ей — а, следовательно, и всем остальным — статуя. Мотив «валькирий» снова возникает, неуверенно разрастается, в нем звучит нечто вопросительное... пренебрежительное... и, наконец, возмущенное!

Начинаются «половецкие пляски» Художественного Совета. Деятели культуры по очереди танцуют со статуей, выражая свое остро-негативное

к ней отношение. Тощий скульптор со шкиперской бородой и сединами, напоминающими одуванчик, указывает на ошибки в пропорциях. Усатый парторг поводит опущенной головой, и кажется: он один видит нечто скрытое от других и тем особенно опасное. Некто драненький, с жидкими прядями длинных волос, не понимает, зачем вообще статуя сделана и что автор имел в виду. Музыка при этом идет по кругу, будто заело пластинку. Патлатая искусствоведка видит в статуе порнографию. Длинная, лишенная возраста секретарша со свалывшимся перманентом все записывает.

Царственная дама-классик оживает, изумленная столь неумеренными эмоциями. Она, оказывается, вовсе не считала статую такой уж плохой, тем более — вредной. Правда, над ней нужно еще работать и работать.

С вагнеровским топотом Совет покидает мастерскую. Кое-кто, на ходу остывая, задерживается, чтобы дать Маэстро ценный совет. Искусствоведка особенно добросердечна: она вытягивает из кучи хлама простыню и сооружает на статуе нечто вроде греческой туники. Довольная таким решением нравственной проблемы, удаляется.

Оставшись в одиночестве, Маэстро бросается на статую с кулаками, отыскивает молоток, замахивается...

Появляется Друг. Задумчиво ходит вокруг статуи. Идея с драпировкой не кажется ему такой уж абсурдной. Так даже больше экспрессии. Маэстро срывает со статуи тряпку и бросается на диван.

Ходит мать — с бутербродом и кружкой компота. Под мышкой у нее сверток. Маэстро переживает лицом к стене и есть отказывается. Мать что-то смущенно шепчет Другу. У нее тоже идея, как сделать статую более приличной. Мать вытаскивает из свертка сатиновые трусы невиданных размеров и веревочкой прикрепляет к статус. Затем извлекает из пакета огромную майку и теннисную ракетку. Пристыженный Друг быстро отцепляет трусы и весь этот инвентарь сует обратно в пакет.

Ей-богу, я тут почти не преувеличиваю. Примерно так и было с моим учителем. Конечно, дети в художественной школе рисовали обнаженную натуру. Но выставки тех лет «красоту человеческого тела» не пропагандировали. В крайнем случае — ноги гимнастки или грудь кормящей колхозницы. И вдруг на выставком привозят обнаженную женщину, вдобавок — махину под три метра! Там очень много всего наслоилося... Добро бы — какой-нибудь академик позволил себе. А тут — несчастный задохлик со своей больничной щетиной, со своими детскими ресницами и стиснутым ртом тайного гения. Его бы никто не знал, если бы он не готовил детей в институт. И готовил, надо сказать, неплохо. К тому же мало брал за уроки, особенно со знакомых. Иногда мог и вовсе отказаться от оплаты. А ведь у каждого подрастал талантливый сын или племянник, так что

относились к нему уважительно, даже несколько подобострастно — как к Учителю. Но не как к Художнику. И вдруг он выбрасывает такой фокус! Это ведь ко всему еще и очень дорого — каркас, прокладка, отливка! Ни с кем не согласована, никто не заказывал... Массивная баба-богатырь. И вид такой: будто ее в зал не пускали, а она всех раскидала и ворвалась! Называлась она — «Преодоление». Как ни странно, ее приняли на выставку — хотя и с большим скандалом. Бедный мой Учитель считал, что он победил, прорвался в высокое искусство...

Еще не кончилась хрущевская оттепель. Во всем чудились дерзновенные намеки. «Преодоление»... Чего? Ну, допустим, себя, жизненной рутины. Но все были так настроены на политику... Самое забавное, что он на то и намекал, рвался, так сказать, в ряды борцов за правду. Человек он был очень робкий, но всю жизнь ломал себя. Мне рассказывали, что он еще в художественной школе нажил себе первого врага. Их директор написал картину, которая сильно смахивала на «Осаду Бреды». И вот ему на каком-то экзамене по истории искусства педагог показывает репродукцию с Веласкеса и спрашивает, кто автор. А он возьми да и брякни: «Геннадий Савельевич Блинов!»

Представляю себе его отчаянную физиономию... «Преодоле!» Но зачем?! И шутка была всем известная, и не им придуманная. А тот старый козел мелко мстил ему всю жизнь...

Однажды я сама была свидетельницей такого его «героизма». Как-то мы случайно встретились в городе, и он прихватил меня на открытие большой выставки. Я еще училась в школе. И вот подходит ко мне здоровенный дядька, довольно известный скульптор, совершенно пьяный. Начинает по-хорошему: что у меня горошки на платье точно такого же цвета, как глаза, и что камыш я держу нарочно, чтобы всем хотелось меня рисовать... После чего спокойно вытаскивает этот камыш у меня из рук и вручает его одной из главных наших ваятельниц. Ты бы видел, с каким лицом мой учитель последовал за ним и потребовал у дамы мой камыш! А как он шел обратно! Я онемела от страха: думала, тот верзила его догонит и пришибет. Так бы оно и было, если бы дамы не удержали.

Да господи! Ты бы посмотрел самую обычную сцену: как этот человек выходил на улицу... Как он шурил глаза, как он решительным толчком открывал дверь парадного! Гладиатор, выходящий на арену...

Да, так вот эта статуя — «Преодоление»... Формально там не к чему было придраться: самый дотошный реализм, каждая косточка на месте. Кроме того, все понимали, что он влез в долги. Короче, ее взяли. Но так уж она была не ко двору...

Не знаю точно, как это произошло, но только она простояла всего пару дней. Вроде бы какие-то занавеси поправляли. Это просто мистика! Она была очень устойчива... Такой массивный кусок скалы под ногами! Конечно же, никто не сделал это нарочно.

Как бы для компенсации его тут же приняли в Союз художников. В то время это было все равно, что получить титул лорда. Но приняли в секцию живописи. То есть как бы: на, бери, только скульптурой больше не занимайся. Будешь считаться живописцем...

Именно после этого в его живописи произошел резкий перелом к лучшему. Не знаю, было это совпадение — или он почувствовал себя увереннее? Многие полагали, что от природы он не был одарен ни чувством цвета, ни артистизмом письма. Еще ему страшно мешала гениальная способность изобразить любой предмет в любом ракурсе с точностью фотоаппарата. Но он и тут преодолел свою натуру. Нашел для себя эффектную технику. Что-то добавлял в краски: не то тырсу, не то корпию. Получалось нечто еще более бугристое, чем у Моне, вдобавок очень яркое и контрастное. Каждая его картина — это было как бы решение задачи из трех ярких пятен. Он писал, будто выдавливая из себя всю энергию, как выдавливают из тюбика последнюю краску! И в какой-то момент у него стали получаться красивые и значительные вещи.

Чем лучше он писал, тем больше его ругали — пока совсем не перестали брать картины на выставки. Правда, появились неофициальные поклонники, которые пытались как-то ему помочь. Водили к нему известных людей — в надежде на то, что те купят картины. Иногда покупали, но чаще он их дарил. Сцена с дамой в мехах и бриллиантах списана с натуры. Только о деньгах они даже не заикались. Классик рассказал моему Учителю, что у него в гостиной висят картины, подаренные Гуттузо и Пикассо. Господи! Висеть рядом с Пикассо! Да мой учитель готов был еще и доплатить за такую честь! И не слишком он ценил свои картины... Он говорил, что это прелюдии и фуги. А вот статуя — симфония! Дело всей его жизни. Он уложил кучу денег на то, чтобы ее восстановить. Все улучшал и улучшал... Хуже она не становилась, но... Боюсь, что такая страсть убивает жизнь. Наверно, нельзя ставить перед собой такую цель: создать нечто, достойное занять место между «Венерой Милосской» и «Джокондой». Кстати, это тоже можно включить в балет...

Маэстро созерцает свою статую, лежа на диване. Грезит. На сцене, одна за другой, появляются «Джоконда», «Инфанта Маргарита», «Весна» Боттичелли, «Флора» Рембрандта, «Донна Велата» Рафаэля и прочие. Они танцуют вокруг статуи, по очереди становятся рядом с ней, предоставляя остальным решать, кто лучше. В какой-то момент готовы даже преклонить перед ней колени...

В оркестре слышится тема матери. Красавицы тут же исчезают. Мать входит со стаканом чая и куском хлеба. Снова выворачивает карманы: на этот раз денег нет совсем. Так и танцует — с вывернутыми карманами. Горестно раскачивается. Умоляет сына взяться за ум. Жениться. Завести детей. Выбросит дурацкий берет и купить шляпу.

Измученный Маэстро сдается. Тут же в комнате появляется стоявшая за дверью сваха, крупная и решительная дама. Не мешкая, она достает из сумки «картотеку» — большой рассыпающийся блокнот, выбирает подходящую невесту и исполняет короткий танец, восхваляющий ее прелести. При этом она использует как наглядное пособие то себя, то статую, то самого Маэстро.

Маэстро наряжают в костюм с галстуком. Чистят, прилизывают и выводят: мать тащит под руку, сваха подталкивает сзади. В оркестре еврейская песенка теснит упирающихся «Валькирий».

Следующая картина. Сцена изображает богатый еврейский дом. На стене — ковер с оленями, над ковром — два портрета: бабушка и дедушка в молодости. В углу фикус, на столе — огромная, как фонтан, хрустальная ваза.

Маэстро встречают с чрезвычайным радушием. Ни лысина, ни рост никого не смущают. У него есть самое важное для этой семьи достоинство: он — жених.

Мелодии в стиле еврейских свадебных песенок исполняются с симфоническим размахом. Ударные имитируют гром кастрюль и звон столовой посуды. Родственники невесты тащат Маэстро каждый в свою сторону. Мать открывает перед ним переполненный холодильник, отец включает телевизор, бабка толкует что-то про фикус. Наконец, открывается дверь: невеста входит.

Ее должен играть мужчина, как можно более крупный. Ему надо придать огромный бюст и зад; хорошо бы как-нибудь устроить толстые ноги. При этом личико должно быть вполне миловидным. У невесты пышные длинные кудри. На ней сильно приталенное бордовое платье с большим вырезом, на груди брошка, на спине — бантик, на руке — часы. На ногах чулки с черным швом и резинками, которые во время танцев будут часто видны. Все вместе — триумф сочной перезрелости. Она добродушна и скромна, глаза с накладными ресницами по большей части потуплены. За ее спиной хлопочет и волнуется младшая сестренка — уже не школьница, но еще с косичками.

Невеста здоровается с Маэстро за руку, ручка ее скрючена от смущения. Их усаживают на диване. Маэстро мается, невеста редко моргает.

Родственники возобновляют экономические пляски. Отец танцует с цигейковой шубой, мать с чернобурковой шапкой, бабка тащит шерстяную кофту, сваха волочит приемник «Спидола» — и так далее. Все это в конце концов начинают набрасывать на невесту или сваливать у ее ног. Невесты почти не видно. Сестренка хочет внести свою лепту: она старается заинтересовать жениха книгами. Вот собрание сочинений Ибсена. А это — Гоголя. Затем она приволакивает из другой комнаты старого пинчера, толстого, как свинья. Ищет, что бы еще показать. Ах, вот же: скрипка!

Невесту высвобождают из-под кофт и пальто. Она берет скрипочку и почти без ошибок, очень жалобно исполняет «Элегию» Массне.

Маэстро благодарит, целует ручку. Окрыленная невеста ненавязчиво втягивает его в танец. Обращается она с Маэстро очень нежно и осторожно. Поддерживает его, раскручивает, даже поднимает над головой. Растерянный Маэстро покорно исполняет изящные арабески.

Сваха хочет разбить тарелку, но тарелка из сервиза. Приносят тарелку попроще. Разбивают. Разливают по рюмкам наливку. Маэстро отказывается пить. Его заставляют. Отец невесты обнимает гостя за плечи, с чувством подливает еще и еще. В оркестре назревают «Валькирии» — в алкогольном варианте. Маэстро расходится. Он рассказывает о своей гениальной статуе. Сам принимает ее позу. Заставляет делать то же других. У сконфуженной невесты он не находит должного отклика. К тому же постепенно становится ясно, что она не очень его интересуется. Зато неожиданно обнаруживается полное взаимопонимание с младшей сестрой. Их романтический дуэт завершается скандалом. Скоропостижно влюбленных растаскивают в разные стороны. Девочка еще очень молода и пока что может рассчитывать на супруга без столь серьезных дефектов.

Расстроенная невеста согласна на любой исход. Она готова остаться старой девой, лишь бы все скорее помирились. Но отец непреклонен, а сестра, как внезапно выяснилось, дерзка и своенравна: она не собирается отказываться от своего счастья.

Следующая сцена — снова мастерская, но чудесно преображенная. Сияют вымытые стекла и белоснежные подоконники. Комната выглядит значительно светлее и даже просторнее. Нет больше пугающих завалов, наводящих на мысли о змеях и крысах. Вещи разобраны, разбавители и коробки с красками разложены на специальной полочке, а не на полу, не на стульях и не на диване. Исчезло обесцвеченное пылью тряпье. На мольберте — холст с начатым натюрмортом. Картины составлены аккуратными рядками, рисунки сложены стопками. Трубы живописно задрапированы цветастым ситчиком и напоминают о себе лишь грохотом сливаемой воды и падающего мусора. Ситчик заодно служит фоном для деревенского глечика, тыквы, сухого подсолнуха, составленных на деревянном столике. Рядом, на низком широком подиуме, в «ключевой» для этого балета позе, вдохновенно замерла юная жена Маэстро. Маэстро (все пуговицы теперь у него на месте, а рубаша и джинсы значительно посветлели) трудится над своим грандиозным детищем — наводит последний лоск. «Преодоление» выглядит как-то приятнее и легче (этого эффекта можно достичь с помощью особого освещения).

Юная супруга начинает свой танец на подиуме. Маэстро спускает ее на пол. Далее разворачивается «большой любовно-романтический дуэт». Причем Она не забывает на ходу то протереть что-нибудь тряпкой, то

подмахнуть венчиком. Несколько нарушает общую гармонию то, что Маэстро старается включить в танец свое творение. Статуя не вполне вписывается в новое положение вещей. Теперь в ее динамике мерещится нечто неуместное — что-то вроде агрессивного соперничества.

Один за другим появляются пожарник и санинспекторша. Прелестная хозяйка легко их очаровывает. Видно, как дворник метет тротуар, стараясь не пылить в окна. Гражданин в очках и с авторучкой в кармане наклоняется и одобрительно кивает, оглядывая подвал.

Знакомый рев автобуса... топот на лестнице. Появляется Художественный Совет. В центре всеобщего внимания — жена Маэстро, будто Совет собрался ради того, чтобы вынести оценку именно ей. Маэстро искренне поздравляют. Между прочим, великодушно одобряют и статую. Она принята на выставку.

Апофеоз счастья! Танцуют все, вместе и по очереди. Маэстро и его жена, Друг, Мать с огромным носовым платком. Дожила, дожила до такого дня! Статую оплетают ремнями и под нарастающего Вагнера (несколько искаженного еврейским трепетом за сохранность и вкраплениями «Дубинушки») начинают двигать в сторону двери, распахнутой на обе створки...

Следующая картина — мастерская без статуи. Молодожены и старуха-мать строят планы. Все вдруг заметили, что вещи на них и вокруг них — ветхие и старомодные.

Маэстро с отвращением толкает расшатанный старый мольберт. Супруга брезгливо приподнимает двумя пальцами рукав темно-синего пальто. Мать мечтает, как она будет ошиповывать и смолить вот такую курицу! Нет! Во-о-от такого индюка! И еще сыну нужна шляпа, а невестке — шуба. (Все эти предметы, спущенные на нитках, витают над сценой).

Появляются ученицы. У каждой в руке — газета. Каждая читает вслух отрывок из статьи, где говорится о Маэстро. При этом в оркестре повторяется одна и та же музыкальная фраза, исполняемая по очереди разными инструментами.

Начинается урок. Жена Маэстро позирует. Маэстро исправляет ошибки, подсказывает, хвалит учениц. Маэстро и ученицы попеременно восхищаются моделью. При этом некоторые из них, укрывшись за своими рюкзаками, плачут от ревности...

Жена учителя... Сразу скажу: лично я не ревновала. К моменту нашего знакомства мой учитель был уже женат. История этого брака описана мною верно, за исключением колорита и всех деталей. Семья была самая обыкновенная. Скорее бедная, чем богатая. Старшая сестра — ничем не примечательная инженерша. Не было никакой свахи. Была общая знакомая. Младшая дочь, действительно очень молоденькая, косичек уже не

носила. Она училась в каком-то техникуме... Воображение нашего учителя она поразила своим сходством с натурщицей Джорджоне. Это сходство — в сочетании с современной одеждой — скорее, портило ее. Что действительно заслуживало восхищения — так это ее героическая стойкость в борьбе с безденежьем. Она была хозяйкой-подвижницей и умудрялась кормить семью на зыбкие заработки мужа. Причем кормить гораздо лучше, чем это делали супруги других художников, заставлявшие мужей халтурить — так сказать, разменивать свой талант на отбивные котлеты.

Итак, мы гордились ею — но не любили, когда она приходила. Не любили ее замечания, хотя чаще всего она ограничивалась одобрительным или изумленным кивком. Надо сказать, что супруг, демонстрируя наши достижения, не оставлял простора ее индивидуальному восприятию. По выражению его лица сразу было видно, чего он от нее ждет: «Вот сейчас ты восхитишься, сейчас снисходительно поддержишь начинающего, сейчас подметишь ту самую Божью искру, которую это юное дарование еще не в состоянии оценить в себе — но мы-то с тобой понимаем...»

Ах, этот взгляд из глаз в глаза, полное взаимопонимание мужа и жены... И мы, ученики, оказывающиеся вдруг где-то на обочине, не при деле... Нет, не должны соприкасаться эти две «общности»! Некая совершенно особого рода влюбленность между учителем и учениками просто необходима. Иначе процесс обучения не будет полноценным. Ученики знают: в том, что касается творчества, они для учителя ближе, чем жена. Но и жена знает: ученики приходят и уходят. И самый лучший ученик, гордость учителя, по прошествии короткого времени становится куда менее важен и интересен, чем ученик нынешний, даже самый заурядный.

Все это еще больше усложняется, если ученики — хорошенькие девушки... Такое может кончиться и драмой. Вот и мы с нашим целомудренным учителем разошлись не по-хорошему. Больше нас всех ему нравилась моя подруга. Наш учитель говорил, что лицо ее выточено в мастерской Тутмеса. Несколько раз он пытался написать ее портрет, и все неудачно.

Нет! Сегодня мне уже не понять своего тогдашнего потрясения! Она прибежала ко мне с красными глазами... платочек смятый, совершенно мокрый. «Если папа узнает — он убьет его!» Как-то мне особенно жутко было от этого платочка. У меня даже озноб начался! Я не могла видеть ее плачущей... Как раз той ночью мне приснилось, что учитель сошел с ума. Люди окружили его и пытались поймать, а он бегал по кругу — совсем крошечный, как карлик! — скалил зубы и все норовил прорваться... (Эй, уж не подумал ли ты бог знает чего?).

Он писал очередной ее портрет. И снова не клеилось — как он ни сопел, как ни раздувал ноздри. И вдруг его осенило: «Можно, — говорит, — я вас поцелую? Мне кажется, это сдвинет работу с мертвой точки». (Что

делать — богема!). Она согласилась, полагая, что имеется в виду отеческий поцелуй в щечку или в лобик. Вместо этого наш распалившийся сатири облюбявил ей все лицо и даже растегнул воротничок ее блузки. «Боже мой! Если бы ты видела! Если бы ты видела!» Я прекрасно представляла себе, как он стоял над ней в неуклюжей позе дантиста — маленький, лысенкий, со своими детскими ресницами, торопливый, колючий... Больше всего ее поразило, что когда вскоре после этого вернулась его жена, он держался как ни в чем не бывало. Она говорила, что картина получилась удачной, и это ее особенно злило. Не знаю — не видела: больше мы к нему не ходили.

Мы вспомнили эту историю много лет спустя, когда я гостила у нее во Франции. Как мы хохотали! Она хотела тут же ему позвонить. Адреса у меня не было, я знала только, что теперь он живет в Нью-Йорке. Фамилии и имени для справочной оказалось недостаточно. Мы были очень разочарованы. Она ведь уехала, не попрощавшись с ним. А я... Пару раз после ее отъезда он сам зашел ко мне. Несколько раз зазвал в гости. Наши отношения слегка портила моя подозрительность. Все вертелось в голове: не затем ли он зовет меня, чтобы выведать что-нибудь о моей подруге?

Позднее я поняла, что ему просто нужны были зрители. Как раз тогда его окончательно перестали выставлять. Он, бедный, попытался даже принять участие в общем балагане: написал огромную голову Карла Маркса — анфас. А слева — отрешенно взирающий на друга профиль Энгельса, обрезанный по уху рамой. На мой взгляд, это бугристое серо-синее красное полотно производило довольно сильное впечатление. Хуже был черно-абрикосово-зеленый Ленин в дерзком ракурсе на фоне роденовского «Мыслителя». Обе картины выставком отклонил. Ему объявили, что неприемлема сама техника его письма. Помню, как он возмущался: «Изменить манеру? Отказаться от того, к чему я шел всю жизнь?!»

Эти картины он прятал в коридорчике за дверью и показал их только мне, зная мою способность найти что-нибудь хорошее в чем бы то ни было. Я посоветовала ему сохранить фактуру и цвет, но вместо Маркса и Энгельса изобразить кого-нибудь из своих друзей. Когда мы прощались перед его отъездом в Америку, он сказал, что послушался моего совета и написал архитектора Авдеева с женой...

Это было зимой... бесприютный такой ранний вечер... Четвертая или пятая по счету его мастерская. Совсем уж никуда не годная! Казалось, бедного учителя окончательно загнали в угол.

Впервые в жизни я видела такую длинную и крутую лестницу, да еще ведущую в подвал. Где-то на середине спуска у меня закружилась голова, и если бы я была одна, то несомненно скатилась бы вниз. Да одна я и не

решилась бы сунуться в эту тускло освещенную пещеру. Мы постучали в дверь, грубую, шелудивую, выкрашенную в невысказанно мрачный зеленый цвет. Над ней тлела ржавая лампочка. Я тогда подумала, что приду сюда, если надумаю иллюстрировать «Преступление и наказание». Потом мы шли по коридорам. Пахло строительным мусором и старой штукатуркой. Девочка, которая открыла нам дверь, объяснила, что организация, занимающая соседний подвал, расширяется и пробивает стены.

В мастерской горела огромная двухсотваттная лампа, но от статуи, занимавшей чуть ли не все пространство комнаты, было темно. За корявым, только что выбитым проемом горел свой собственный особый свет. Там, среди напирających из глубины конторских шкафов и столов, две девочки рисовали голову Вольтера. «Вот, — сказал, глядя на них с гордостью, мой учитель. — Не побоялись, остались со мной до конца». Сейчас это трудно понять, но они действительно проявили смелость, «до конца» оставаясь с эмигрантом, с «предателем Родины».

Бедный, он с такой бурной благодарностью встречал каждого нового посетителя! Особенно он обрадовался одному. Явно не ожидал, что этот человек придет. Видно было, как он боится за него и хочет, чтобы тот поскорее ушел. Тот пробыл всего несколько минут и на прощанье прочел две строки Бернса: «Забудь ли старую любовь и дружбу юных дней...» Мой учитель ничего не мог ответить. Девочки ниже склонились над рисунками, и на Вольтеров закапали слезы.

Та, что впустила нас, набросала на казенной штукатурке автопортрет, манерно вытянутый и очень красивый. Очевидно, даже такие устойчивые явления, как вкус моего учителя, претерпевают изменения. Портрет ему понравился. Он сердился только, зачем она рисовала на стене, а не на нормальном листе бумаги. «Ну да ладно! — махнул он бесшабашно рукой. — Пусть остается ИМ!»

Надо сказать, что «им» и без того оставалось достаточно. Развороченные кипы рисунков, картины старые и новые, пыльные головки из тонированного гипса и — главное — его статуя, его симфония, дело всей жизни. Из разговоров я поняла, что кто-то надеется пристроить ее в каком-то институте. Ждали известного певца, для которого были отложены два натюрморта. Остальное раздавали подряд на память. Горы работ не уменьшались, а даже как будто росли. «Преодолевающая» выглядела так, будто взбесилась от тесноты. Казалось, это она-то и пробила проем в стене. И яркий, ворованный у конторы свет в открывшейся пустоте, где рисовали девочки, где обсуждали проблемы выезда никому не известные гости в пальто — все походило на жутковатый сон.

Своих знакомых, приобретенных в коридорах ОВИРа, мой учитель слегка стеснялся. Боялся, что проблемы их покажут нам слишком низменными. Где достать фотоаппарат? пуховое одеяло? Что делать со старым «Беккером», который нельзя вывозить и невозможно продать? Как

оторвать от сердца бабушкину вазу, которая оказалась государственной ценностью? «Она купила эту вазу за тридцать рублей, когда у нас началась дружба с китайцами. По-нынешнему — трешка! Просто издеваются над людьми!»

— Это сушая правда, — горячился мой учитель. — Взять хоть мои работы. Мы отобрали несколько, самые любимые... Так они назначили пошлину, от которой мы дар речи потеряли! Господи! Вы же их на выставку не берете, не покупаете — за что же такие деньги?! А потом решили: черт с ними! Выкупим хоть эти две, — он посмотрел на стоящие в углу натюрморты, как на больных детей. — И что же? Нам отказали! «Они, — говорят, — будут компрометировать за рубежом советское искусство». Каково! Но эти-то пристроены. А остальное... Вы же знаете, как оно бывает: сначала вынесут в коридор, потом в подъезд. Через неделю мои работы будут торчать из мусорных ящиков... Я бы ни за что не уехал! Это все сын. Он такой обидчивый! Чуть не так скажут... Тут еще в художественную школу его не приняли... А я... — он понизил смущенно голос, — я привык... Я не хочу ничего другого. Жена у меня умеет вести хозяйство буквально на копейки! Да я теперь и зарабатываю неплохо...

Он поправил воротник синего свитера, того самого, что был на нем в день нашего знакомства. Набросил на плечи серое пальтишко, почищенное до желтоватых плешей.

— И, знаете, — продолжал он, когда мы вышли в пустой длинный коридор, — мне сначала было страшно. Заеду в Италию, а там — или сердце откажет, или почки... А потом думаю: Господи, Италия! Увидеть в подлиннике Тициана! И махнул рукой!

В полумраке пальтишко его возбужденно метнулось, будто крылья распутавшей силки птицы. Отчаянно блеснули круглые пугливые глаза...

Поднимаясь по несуразной лестнице, я несколько раз оглянулась. Он стоял и смотрел. Все это мне казалось похожим на похороны, где два покойника прощаются друг с другом.

Больше мне нечего рассказать о нем. Кстати, одна моя знакомая считает, что эта идея подходит скорее для мюзикла, чем для балета. Может быть, она права. Решай сам.

Итак, последнее действие. Все танцуют с газетами. Строят радужные планы на будущее... Рев грузовика за окном. Грохот на лестнице. Двое грузчиков вносят в комнату... ногу статуи. Исчезают. Возвращаются с подставкой и куском второй ноги. Затем следует голова с куском руки, отбитой по локоть... Мешок, в котором грохочут мелкие осколки. Горс. Он почти цел, на что грузчики обращают особое внимание Маэстро, как бы надеясь получить за это «магарыч». Не имея времени дожидаться, пока присутствующие выйдут из оцепенения, грузчики уходят.

Первой возвращается к жизни жена Маэстро. Начало ее танца — взрыв возмущения, затем отчаянные попытки поддержать мужа, помочь ему. Она поднимает с пола обломки статуи и прикладывает их друг к другу. Пытается привлечь к этому занятию Маэстро. Теперь ее тема в оркестре — те же «Валькирии», что и у мужа, но с несколько истеричным напором. Причем мелодия достаточно быстро и естественно преобразуется в позывные израильского радио. Зарождается новая тема — тема отъезда, пока что вызывающая у всех бурный протест.

Никак не сочетающийся со всем этим, в окне появляется респектабельный гражданин. Приложив ладонь козырьком к очкам, он разглядывает комнату.

В следующей картине — мастерская, по-прежнему ухоженная, но уже утратившая блеск возрождения. Статуя почти восстановлена, не хватает лишь головы и частично — рук. Эти детали лежат отдельно на подиуме. Беспорядочные белые линии незаделанных швов и отсутствие части деталей делают статую значительно интереснее. Маэстро как раз над этим и раздумывает.

Появляется мать. С чахлым завтраком в мисочке. У нее снова пустые карманы. В оркестре наряду с «еврейской безысходной» робко и вопросительно пробивается тема эмиграции — те же позывные Израиля. Вслед за старухой входит жена Маэстро с новорожденным младенцем на руках. Она по-прежнему юная, но уже несколько усталая и раздраженная. Это больше не восхищенное зеркало мужа и его великого творения. У нее своя тема. Весьма решительная, с резким израильским уклоном. В ее музыкальную тему органично вплетается воспроизводимый на каком-нибудь инструменте либо записанный на пленку рев младенца.

По реакции Маэстро ясно, что поведение жены его несколько озадачивает. Наконец, все разъясняется: жена вытаскивает из-под одеяльца, в которое замотан ребенок, пугающего вида конверт, а из конверта — много раз сложенную бумагу. В развернутом виде она оказывается размером с пленку. Крупными буквами на ней написано: «ВЫЗОВ».

Происхождение «вызова» быстро разъясняется: как бы издалека доносится жалобное соло на скрипке. Это «Элегия» Массне, которую когда-то исполняла Старшая Сестра, неудачливая невеста.

Старуха сильно испугана, Маэстро смущен, но быстро приходит в себя. Тема «Валькирий», разрастаясь, превращается в мелодию «Широка страна моя родная». Нет, он не оставит свою Родину, он не оставит свою статую. Он грудью защищает «Преодолевающую» от враждебных поползновений жены. Жена же безжалостно противопоставляет статуе себя и ребенка. Старуха робко переходит на сторону невестки. Сверх детского рева и неистового грома ударных и духовых прибавляется еще нечто, до поры до времени не привлекавшее к себе внимания, но постепенно выде-

ляющееся из общей воинственной гармонии... Становится ясно, что это стук молота и мощной электродрели. Таинственные трещины возникают на левой стене комнаты. Присутствующие замирают. Все звуки оркестра смолкают, даже рев младенца, будто и он прислушивается к стуку и скрежету. Трещины раздаются — и с последним грохотом вываливается прямоугольный кусок стены. В проеме стоит тот самый приятный мужчина в костюме. В руках у него большая «официальная» бумага с печатями. Он переступает через обломок стены, вручает бумагу Маэстро и тут же начинает давать указания возникшим в пробоине мрачным работягам. Действуют они с похвальной оперативностью: немедленно вносят в мастерскую конторский письменный стол. Выбитый в стене прямоугольник обшивают деревом. Старую дверь — тяжелую, резную — снимают с петель и, не мешкая, закладывают кирпичом нишу. Маэстро и его семья гостеприимно предлагают воспользоваться новым выходом — через открывшуюся взорам зрителей контору...

В следующей сцене вещи Маэстро с бульдозерной небрежностью сдвинуты направо. Маэстро и его жена отбирают любимые картины. Взвешивают их на безмене, подсчитывают килограммы. Возле дивана составляют то, что собираются взять с собой, под окном — то, что оставляют. К дивану — под музыку, выражающую надежду на будущее, к окну — безысходная печаль и вина. Иногда картины из-под окна переносят к дивану, и наоборот. Откладывают лишнее... отрывают от сердца. Периодически Маэстро отключается от этих дел... замирает... придирчиво шурится на свое покидаемое дитяще. Кстати, оно уже в полном порядке: голова на месте, швы заделаны.

Слышно, как на улице тормозит автомобиль. Появляется КОМИССИЯ. Эти трое или четверо людей должны наводить на зрителей жуть. Они как бы материализовались из другой реальности и похожи на Змея Горыныча, головы которого непрерывно и тихо переговариваются друг с другом. Все окружающее для них не существует. Лишь изредка, по необходимости, они реагируют на Маэстро — прокаженного, предателя, а пожалуй, что и шпиона — от которого обязаны защитить интересы Родины. Для защиты Родины у КОМИССИИ имеется огромная, как угол, печать. Как только Маэстро представляет очередное свое полотно, Ответственный Секретарь извлекает печать из черного окованного портфеля, члены КОМИССИИ по очереди кивают, после чего он ставит на задней стороне холста огромный разборчивый штамп: «Государственная ценность» и возвращает печать в портфель. Каждый такой цикл оркестр сопровождает куплетом Гимна СССР. Играет негромко, с перерывами и неумолимо. Маэстро, охваченный паникой, берет наугад картину из тех, что готов был оставить. Но и ей на спину шлепает зловещий штамп. Он снова пытается вытащить нечто из свалки под окном, но заметив, что в

ответ на его порыв уже раскрыт черный портфель, сдается. Комиссия с сухим торжеством удаляется.

Маэстро начинает танец, выражающий его глубокое отчаяние, но на отчаяние времени нет. Звуки оркестра постепенно перекрывает тиканье часов, оно становится все громче и быстрее. Комнату заполняют разные люди. Маэстро раздает им свои шедевры. Почти навязывает — еще! еще! Кто-то благодарен, кто-то недоумевает. Среди пришедших — тот самый заслуженный деятель с женой в мехах. Ему вручают лучшие работы, и он принимает их с усталым снисхождением. Растрепанные вороха рисунков прижимают к груди рыдающие ученицы. Бьет роковой час. Прощанье. Маэстро в последний раз танцует со своей статуей. В этом танце нет прежней гармонии. Теперь кажется, что «Преодолевающая» обиженно отбивается от своего создателя-изменника.

Жена пытается поддержать Маэстро. Она рисует ему светлое будущее, в котором он создаст множество разных статуй. Как бы вызванная ею, возникает и разрастается мелодия гимна Израиля, надрывающая душу трепетом радостной надежды. А в такт этой музыке, в золотом сиянии прожекторов, движутся спустившиеся на нитках с потолка небольшие скульптурки, очень похожие на «Преодолевающую». Растерянный, с пустыми руками, Маэстро покидает свое драгоценное прошлое.

Из конторы втаскивают еще один стол и пишущую машинку. Секретарша тут же начинает печатать. Хотят внести и шкаф, но поставить его некуда. В протяжном грохоте передвигаемой мебели потихоньку воскресает тема «Валькирий». Начальник приводит грузчиков. Они опутывают статую ремнями — и вдруг становится ясно, что вынести ее невозможно: новая дверь слишком маленькая, а старая заложена кирпичом. Разражается скандал. «Преодолевающая» стоит посреди комнаты, и кажется, что она сейчас все здесь разворотит.

За окном ноги дворника и метла. Дворник подметает разлетевшиеся по улице рисунки.

Занавес опускается. С разных концов галерки планируют в зал несколько самолетиков, свернутых из работ Маэстро.

Несколько набросков — раньше они висели на стенах мастерской — теперь, украшенные штампом «Государственная ценность», торчат из урн в фойе...

1997 год

Станіслав Єжи Лец

НЕЗАЧЕСАНІ ДУМКИ

Станіслав Єжи Лец — поет, дотепник, чи не найкращий майстер афористичного жанру в ХХ столітті.

Домосід, якого вітри історії кидали зі Львову у Відень, з Варшави до Єрусалима.

Поляк, єврей, в'язень концтабору, партизан, офіцер, дипломат, барон. Завідник кав'ярень. Європець. Нонконформіст.

Він народився 1909 року в родині спадкового барона Бенона де Туш Лец («Свободний барон де Туш Лец» — називатимуть його варшавські друзі у нессвободні шістдесяті роки).

Як і належить баронському синові (барони єврейського походження у Львові траплялись не часто!), він мав безтурботне дитинство, а доля обіцяла все, що може обіцяти доля блискучій молодій людині, що живе на одному з культурних перехресть у «золоті часи польської поезії», як історики польської літератури згодом назвуть міжвоєнні десятиліття. 1929 року Лец вперше опублікував свого вірша, а за чотири роки потому вийшла у Львові перша його поетична книжка «Квіти». Того ж 1933 року Лец одержав диплом про закінчення правничого факультету Львівського університету, проте відчуваючи тягю не до юриспруденції а до літератури, Лец почав співпрацювати з варшавськими ліворадикальними часописами. Тоді ж він уперше випробував себе як «афорист» — поет афористичного жанру.

Звертання Леца до цього жанру невипадкове у культурі, яка наполегливо розробляє «фрашку» — римовану дотепну «фразу». Кожен польський читач легко впізнає фрашку, яка починаючи мало не з XVI століття закорінена у польській літературі як один з найпопулярніших «низових» жанрів. Так само легко впізнавав її єврейський читач, хоч би тому, що в ній відкривався добре знайомий по висловлюванням хасидських цадиків «простір підтекста», де тверезий реалізм поєднувався із скорботним і поблажливим гумором. 1935 року в Варшаві вийшла друком перша збірка фрашок Станіслава Єжи Леца під назвою «Зоопарк».

Коли почалася війна, Лец був у Львові. В 1941 році, разом з багатьма львівськими євреями, він був депортований до сумнозвісного Янівського табору. Він двічі був засуджений до розстрілу, але обидва рази якимось дивом уникнув загибелі, а 1943 року йому вдалося втекти, і певний час Лец — знов-таки в дивний спосіб — ховався в окупованій Варшаві. Цей досвід «життя за чужим обличчям» проходить крізь усю повоєнну творчість Леца.

1943 року він приєднався до Армії Людової. Був у партизанах, допомагав у випуску нелегальних видань. Війну закінчив офіцером Війська Польського.

Після війни був акредитований як прес-аташе польської амбасад у Відні, улюбленому місті його дитинства. Там він невдовзі зближився з австрійським ПЕН-клубом. Його відразу визнали як «мислителя, дотепника, сучасного Петронія»... Лець перебував у Відні протягом чотирьох років, і 1950, майже напередодні повернення до Варшави, виїхав до Ізраїлю, що на той час теж було мало не дивом: у Польщі здіймалась хвиля «соціалістичного антисемітизму». Проте і в Ізраїлі він не знайшов собі місця — його тягло додому. Він навіть уподобав один з Єрусалимських пагорбів, «щоб на ньому сумувати за Польщею».

Він повернувся 1953 року і уповні відчув на собі всі властивості нового режиму. Не те, щоб його не друкували — 1956 року виїшов його «Єрусалимський рукопис» (за чотири роки до того він був надрукований в ізраїльській пресі), 1957 року в Кракові вийшли «Незачесані думки». Але вже наприкінці п'ятдесятих було вочевидь, що мудрий і безсторонній майстер афоризму є незручним для влади. Справа з виданням оригінальних творів ставала все скрутнішою — у відповідь він перекладав Гейне, Гете, німецьких романтиків. Найтяжче було те, що після кожного демаршу проти Леця «зверху», його залишали — чи то з огляду, чи то з політичних міркувань — друзі, на яких, здавалося, він міг поклатися. Незважаючи на всі обставини, пригадує письменниця Іоанна Кульмова, «Лець посміхався. Він посміхався тому, що виїшов вцілілим з німецького пекла і з советського «раю», з рабства, провокацій, холоду, голоду, битв на фронті і у партизанських лісах. Посміхався тому, що, коли захотів, поїхав до Ізраїлю, а коли захотів — повернувся. Не мусив писати гідоту або вигинатися під стосунами, як деякі його колишні друзі. Не мусив. Не тому, що йому дали волю, — ні, він сам собою був вільний. Парадоксально вільний. Такий собі *Freibaron de Tusch-Lec*».

В останні роки (Лець помер 1966 року) він співпрацював з варшавським тижневиком «*Świat*». На початку шістдесятих виїшло кілька його книжок — збірка «*Авель і Каїн*» (1961), «*Оголошення про розшук*» (1963), «*Поєми, що готові до стрибку*» (1964). Того ж 1964 року з'явилися «*Нові незачесані думки*», які негайно були перекладені всіма європейськими мовами (у Радянському Союзі вони розповсюджувалися майже виключно у «самвидаві»). До нього часто приїздили друзі з-за кордону, він охоче ходив з ними Варшавою — легко, вальяжно, «наче Кронос, що має в запасі вічність». Таким його запам'ятали сучасники — завжди усміхненим, життєлюбивим, енергійним, ледь іронічно відстороненим, як і належить «баронському синові», що став, за визнанням самого Леця, сатириком «лише тому, що казав правду».

*Що таке Хаос? Це той лад, котрий було знищено при Сотворінні Світу.

*Чи можна носити котурни з острогами? Можна. Але не варто ними дзеленчати.

*«З євнухами можна довго розмовляти», — розповідала мені одна пані з гарему.

*А, може, Бог нагледів собі мене на атеїста?

*Я гарний, я сильний, я мудрий, я добрий. І все це я сам відкрив!

*Я знаю звідки походить легенда про багатства євреїв. Вони розплачуються за все.

*Біда диктаторам, котрі повірили, що вони не диктатори!

*Коли запахли фіалки, лайно сказало: «Ну і що, зловживають дешевим контрастом!»

*Питаєш, прекрасна пані, як довго виношувалися мої думки? Шість тисяч років, о чарівна.

*Чи з ока Провидіння коли-небудь скотилася людська сльоза?

*З ким пошлюбити свободу, аби вона була плідною?

*Товстуні живуть менше. Зате їдять довше.

*Позавчора я отримав листа від читача: «Аби зрозуміти Ваші «Незачесані думки», треба бути начитаним». Я одразу телеграфував: «А треба, треба!»

*Навіть у його мовчанні були мовні огріхи.

*Не знаю, може, хто й керується вимогами права, а я вимагаю прав.

*Не відчиняй ніколи двері тим, котрі їх відчиняють і без твого дозволу.

*Не розповідайте свої сни. А що, як до влади прийдуть фрейдисти!

*В одних країнах вигнання є найдошкульнішою карою, а в інших за нього повинні боротися найгуманніші громадяни.

*Не рубай гілки, на якій сидиш, хіба що тебе на ній хочуть повісити.

*І мазохісти у всьому зізнаються під тортурами. Із вдячності.

*Хто має добру пам'ять, тому легше забути чимало речей.

*Букву закону треба включити до абетки.

*У пеклі диявол — постать позитивна.

*Найвідданіші прихильники мітів -- наймити.

*Троянда пахне професійно.

*Все належить присвятити людині. За винятком інших людей.

*Богу — Богове, кесарю — кесареве. А що людям?

*Не будь снобом. Ніколи не бреши, коли за правду краще платять.

*«З одного хреста можна зробити дві шибениці!»— сказав пихато фахівець.

*Аніж зустрічатися зі своїми убивцями на тому світі, краще вже жити з ними на цьому.

*Мені запропонували з провінції, аби за нижчі гонорари я писав для них дешевші думки.

*Маріонеток повісити найлегше. Мотузки вже є.

*Кожен вік має своє середньовіччя.

*Швидше! Швидше! Можна прожити життя за один день. Але що робити з рештою часу?

*Не повертатись спиною до сучасності? А хіба сучасність не оточує нас зусібіч? Ох!!

*Осики дрижать при кожному ладі. Але, чорт забирай! При кожному зеленіють.

*Пам'ятай, ніколи не зраджуй правді! Зраджуй правду!!

*На початку було Слово — а в кінці Гасло.

*Коли плітки старіють, вони стають мітами.

*Жити — дуже шкідливо. Всі, хто живе, — помирають.

*О, цей чоловік — справжня енциклопедія невігластва!

*Я хотів сказати світові лише одне слово. Але оскільки не зумів цього зробити, то став письменником.

*Чи нагі жінки бувають інтелігентними?

*Вони пригорнули одне одного настільки міцно, що вже не було мови про жодні почуття.

*«Стиль — це людина». Якою малозаселеною була б у такому випадку наша земля.

*Чи скептицизм — вигідний світогляд? Скептики дивляться на це скептично.

*Глупота не звільняє від думання.

*«Не дратувати лева!» «Чому?»— запитав я в охоронця. «Матиме розлад шлунку», — відказав той.

*За кожним рогом на нас чигає кілька нових напрямків.

*Оптимізм від песимізму відрізняються лише визначенням дати кінця світу.

*Подумати лишень, на тому вогні, який колись Прометей украв у богів, було спалено Джордано Бруно.

*Діалог двох напівінтелігентів дорівнює монологу й чвертьінтелігента.

*Якщо людожер їсть, користуючись виделкою й ножом, — це поступ?

*Обурення ніколи не повинно бути таким глибоким, щоб аж не могли вибухнути.

*Даю Вам гіркі пігулки у солодкій глазури. Пігулки ці нешкідливі, отрута в оболонці.

*Часом диявол спокушує мене, аби я повірив у Бога.

*Для мислення потрібен мозок, не кажучи вже про людину.

*Клієнтура смерті не вмирає.

*Коли Каїн убив Авеля, а останній залишився до цього байдужим, це створило перший прецедент: «Мертва жертва не заявляє протестів».

*З раю ж вигнали тільки Адама і Єву. А як звідтіля вибралися на волю леви, орли, мавпи, блохи тощо. Чи навіть яблука?

*З правдою найважче у часи, коли все може бути правдою.

*Завжди звертайтеся до чужих богів. Вони вас вислухають поза чергою.

*Дехто охоче носив би фригійський ковпак, якби він був шапкою-невидимкою.

*Ми й далі залишаємося становим суспільством — з перевагою нетверезого стану.

*Можна змінити віру, не міняючи Бога. І навпаки.

*Дно залишається дном, навіть коли воно перевернуто догори.

*Рани зарубцюються, але шрами ростимуть разом із нами.

*Чи зараховується проща, коли дорога приводить подорожнього до іншої мети?

*Один содоміт розпалював хіть, оглядаючи підручник зоології. Чи варто цю книгу зарахувати до порнографічних видань?

*Чи можете Ви собі уявити жінку, котра б дозволила своєму коханому 1001 ніч розповідати казочки?

*У що я вірю? В Бога, якщо Він є.

*Подружжя є інститутом. Але, чи не замалий штат?

*Обличчя ворога вражає мене тоді, коли я бачу наскільки воно подібне до мого.

*Хто в пеклі мав еполети, той і на небі носитиме аксельбанти.

*Є мале ніщо, і є Велике Ніщо.

*Мені наснилася реклама контрацептивних засобів: «Ненароджені благословлятимуть вас!»

*Чи риби, котрі проскакують крізь вічка сіті, потерпають від комплексу неповноцінності?

*Не посилайте дальтоніків за рожевими мріями. Вони можуть повернутися ні з чим.

*Ідеалісти прагнуть до матеріалізації духів.

*Вчинив злочин: убив людину! В собі.

*Усі наші окремі фікції складаються в одну спільну дійсність!

*Чим багатша у людини фантазія, тим убогішою вона себе відчуває.

*Поміж одним коханням і другим варто було б для пристойності відбути карантин з третім.

*Перспектива — солодка річ: вороги бачаться такими маленькими!

*Слабина сили — жадлива річ.

*Коли народ позбавлений голосу, це можна помітити навіть при співанні гімнів.

*Найбільше форм має абстракція.

*Час нерухомий. Це ми рухаємося у ньому в неправильному напрямі.

*Капітан сходить з корабля останнім. Тому адмірала так спокійно сплять під час бурі.

*Не кожен уміє танцювати під музику майбутнього.

*Передостанній з могікан нерідко вбиває останнього з могікан, аби ним стати.

*Життя забирає у людей надто багато часу.

*І на дорогах думки чатують розбійники. Ясна річ, вони також вважають себе інтелектуалами.

*Хто без вини — хай кине перший камінь. Пастка. Бо тоді він уже не буде без вини.

*Чому я пишу ці короткі фразки? Бо мені бракує слів.

*Скажи мені, з ким ти спиш, і я скажу, хто тобі сниться.

*Варшава, часи Гітлера. Ранній ранок. На мурі біля жандармської вартівні свіжою фарбою поспіхом викричано: «Хай живе свобода!»— «Звичайнісінька банальність»,— сказав, поспішаючи разом зі мною з нічліжки, відомий логік Х.

*Треба мати багато терпіння, аби його навчитися.

*Із мрій можна зробити конфітур. Треба лише додати фруктів і цукру.

*Я завше боявся карабінів без набоїв. Ними розбивають голови.

*Ми розучилися відрізнати надгробки від пам'ятників.

*Чим мізерніші громадяни, тим величнішою видається імперія.

*Терези Неправосуддя завше перебувають у надійних руках.

*Що з того, що життя минає, якщо воно таке дороге.

*Те, що навіть уявити неможливо, нерідко можна купити.

*І для того, щоб вагатися, треба прийняти рішення.

*Подумай, перш ніж думати!

*Моральність є категорією умовною, або негайно оплачуваною.

*Багато моїх приятелів стали моїми ворогами, багато ворогів заприятзнилися зі мною, але байдужі залишились вірними своєму покликанню.

*До мети? Але там треба виходити.

*Бридко підозрювати когось, коли існує абсолютна певність.

*Плоди перемоги? Груші на вербі.

*Коли міт стає реальністю, то чия це перемога — матеріалістів чи ідеалістів?

*Прислів'я суперечать одне одному. У цьому й полягає народна мудрість.

*Коли кричатимуть: «Хай живе поступ!» — завше питай: «Поступ чого?»

*Шкода, що до раю треба їхати катафалком.

*Скромно вважав себе графоманом, а насправді був стукачем.

*Чи я віруючий? Господь його знає.

*Не всім Авелям вистачає власних Каїнів. Тому вони змушені задовольняти свої потреби колективно.

*Люди, які не мають нічого спільного з мистецтвом, не повинні мати з ним нічого спільного. Хіба не просто?

*Треба завше бути самим собою. Кінь і без улана залишається конем. Улан без коня — просто людина.

*На кожній вершині ви опиняєтеся на краю безодні.

*О, що то була за мука! Навколо — самі лише голі жінки, одягнені по саму шию.

*Пуритани повинні носити два фігові листки на очах.

*Цікаво, чи є які звірі, котрі, дивлячись на нас, думають: «Ессе homo!»

*Зів'ялий знак оклику с'ає знаком запитання.

*«Не убий!» в десяти заповідях бринить як напучування, а це ж бо відкриття!

*Начуваймось! Зневажений нами неписьменний може поставити крапки над «і».

*Цінуй слова! Кожне з них може виявитися твоїм останнім словом!

*Вагомість проблеми визначається брутто. Разом з нами.

*Можна когось засудити на забуття, але вирок треба виконати на тих, хто має пам'ять.

*Це високий рівень, якщо на душу населення припадає принаймні пів голови.

*Думки, як завжди, поділилися — поміж сильними.

*Дороговкази самі нікуди не рухаються.

*«Краще завтра» не може забезпечити нас від «ще кращого післязавтра».

*Все — омана. І попереднє твердження також.

*Я зустрічав на своєму життєвому шляху людей, котрих звик зустрічати в інших місцях.

*Хто ж питає у тези й антитези, чи бажають вони стати синтезом.

*Любов до батьківщини не визнає чужих кордонів.

*Я волів би, щоб Давид убив Голіафа арфою.

*Демосфен вільно говорив з камінням у роті. Теж мені перешкода!

*Будь своїм власним міністром внутрішніх справ!

*Успіх Гайне! Стати відомим на цілий світ «незнаним поетом»!

*Звук ніколи не повертається до струни.

*Багато з тих, хто випередив свій час, мусили очікувати його у дуже непристосованих приміщеннях.

*Неписьменні змушені диктувати.

*Поет Х. завше ставить на доброго коня. Але ним ніколи не є Пегас.

*У деяких словниках бракує слова честі.

*«Я — дочка сонця!» — сказала мені веснянка на носі леді Х.

*Коли це мета зуміла досягнути мети?

*Згинь, сатано! У мене в гостях дияволиця.

*Одні хотіли б розуміти те, в що вірять, інші — повірити в те, що розуміють.

*Прицільний постріл: не влучити в людину.

*Заселити світ легко. Спустошити ще легше. Так в чому ж проблеми?

*Коли страх блідне, то потребує крові.

- *Носить власницю, але завжди вередує з приводу крою.
- *Мить пізнання своєї безталанності є зоряною для генія.
- *Розумово самодостатніми є лише генії та йолопи.
- *Сезаме, відчинися — я хочу вийти!
- *З лав нулів легко створити кайдани.
- *Годинник цокає. Всіх.
- *Світ без психопатів був би ненормальним.
- *Уникаймо кровопролить, ширше застосовуючи титул почесних героїв!
- *Пам'ятайте, що ціна, яку треба платити за свободу, меншає при зростанні попиту.
- *Французька Революція показала на прикладах, що програють ті, хто втрачає голову.
- *Риба стає злочинцем, коли ковтає гачок — це чужа власність.
- *Є глибоко віруючі люди, які тільки чекають на релігію.
- *Дві гільйотини стояли поруч. Кати змагалися. За те, у кого з них власна голова впаде пізніше.
- *Чи досягне колись людина такого ступеню моральності, аби створити рухомі в'язниці для кочівників.
- *«Думки вільні від митного збору?» Коли не переходять меж.
- *Реальність можна змінити, фікції треба вигадувати наново.
- *Як впізнають свободу ті, хто ніколи її не знав? Вони можуть запідозрити, що це лише нова маска тирана.
- *Треба ширити елітарність!
- *Мистецтво, вийшовши з чотирьох приватних стін, частенько потрапляє між чотири казенні мури каземату.
- *Тріумф знань про людину — акти таємної поліції.
- *Не кожна сіра маса має щось спільне із мозком.
- *Поліцейська палка теж є своєрідним дороговказом.
- *Світ Ігрекових драм був забитий сценічними дошками.
- *Найкривавіша та трагедія, під час якої кров обливає глядачів.
- *Експлуатація людини людиною? А отже людська.
- *Гамлет мав би уже стати Крезом. Хто тільки упродовж століть не вставляв свої п'ять копійок до його монологу!
- *Тільки вічний голод поетів може наситити літературу.
- *Плагиатори сплять спокійно. Муза — жінка, отож вона рідко признається, хто був у неї першим.
- *Скільки чудових трагедій один сплеск у долоні перетворив би на комедії!
- *У кожній країні питання Гамлета звучить по-інакшому.
- *Той, хто першим зрозумів дотеп, має ще доволі часу, аби вдавати, що він його не зрозумів.
- *Не треба розганяти нудьгу силами поліції!
- *У деяких театрах панує незвичайний натуралізм! Навіть чутно запах онуч зі сцени. От тільки люди виглядають штучно.

*Опера ще не цілком розкрила свої можливості, адже немає такої дурниці, якої не можна було б проспівати.

*Небіжчик сказав: «Я не був екзистенціалістом!»

*Існують письменники, яких неможливо перекласти іншими мовами. Отож їх можна сміливо пропагувати за кордоном.

*Будь реалістом — не говори правди.

*Людина у власному житті відіграє лише незначну епізодичну роль.

*Трагізм епохи чується у тому, як вона сміється.

*Інші усе осміяли, а я пожинаю лаври сатирика.

*Написали вже все, але, на щастя, не все продумали.

*Влада частіше переходила з рук до рук, аніж від голови до голови.

*Витримало випробування часом? Вкажіть, яким саме!

*Може, колись буде поставлена п'еса, де без слів, і навіть без жестів, самим лише поглядом буде розказано про національну драму.

*Як я зауважив, люди люблять такі думки, які не змушують думати.

*Розумні думки виходять з голови, як Атена Паллада, а гарні — з піни, як Афродита.

*Промовистим свідченням епохи є не ті слова, якими зловживають, а ті, яких не вживають взагалі.

*Мистецтво йде вперед, а позаду — вартові.

*На початку деяких пісень замість скрипкового ключа стоїть знак параграфу.

*Коли політичні байки оповідають про тварин, значить, на дворі нелюдська доба.

*Нових напрямів не існує, є лише один: від людини до людини.

*Ми любимо, аби наш внутрішній голос долинав до нас ззовні.

*Здається, що я майстер гумору безвихідних ситуацій.

*Як розпізнати історичну бурю? Після неї ще довго ламають кості.

*Коли аргументи розуму крихкі, твердішають позиції.

*Творить про себе міти, боги починали так само.

*Думання — суспільна функція чи функція мозку?

*Іноді перед твором постає дилема: стати твором певного автора чи твором мистецтва.

*Про нього із захватом говорили: «Він наздоганяє геніїв!» Я занепокоєно спитав: «А для чого?»

*По словах їхніх пізнаєте, про що вони хотіли промовчати.

*Найкраще самозапліднюється безстатеве мистецтво.

*Все вже відкрито, лише в околицях банальності залишилися заповідні куточки.

*Якщо всі люди — актори, то звідки для них репертуару набрати?

*І вічність була колись тривалішою.

*Там, де панують жорстокі закони, народ тужить за беззаконням.

*Кастрати духу також беруть найвищі ноти.

*Ви вважаєте, що цей автор малого досягнув? Він понизив загальний рівень!

*Його думка є чистою насолодою. Вона нікого не запліднює.

*Час уже відродив геніями. Сподіваймося, що буде хоча б кілька здібних.

*Там, де всі співають як по нотах, слова не мають жодного значення.

*Я тримав щастя за хвіст, воно вирвалось, залишивши у моїх руках перо. Ним я й пишу.

*Злочин — джерело натхнення проповідників та моралістів.

*Погана пам'ять поколінь зміцнює легенди.

*Мрія невільників: торговиця, де можна купувати собі панів.

*Хто ж вивчає відбитки пальців на щоці?

*Не вірте казкам! Все, що там написано, — правда.

*Я ніколи б не вчинив самогубства. Я вірю в людину — завше знайдеться послужливий убивця.

*І Юди уже навчилися носити хрестики.

*Перша людина не почувала себе самотньою, адже вона не вмiла рахувати.

*У небезпечні часи не замикайся в собі, там тебе найлегше знайти.

*Будьмо людьми хоча б так довго, поки наука не прийде до висновку, що ми є кимось іншим.

*Коли людина зможе подолати міжлюдський простір?

*Дуже мало людей у ХІХ столітті усвідомлювали, що після нього настане ХХ.

*Відсутні ніколи не бувають праві, але дуже часто залишаються в живих.

*Одвічна мрія ката: комплімент приреченого за якісну роботу.

*Аби бути собою, треба кимось бути.

*Буває, що дах над головою не дозволяє людям рости.

*«Кожен крок — ризикований!» — завше говорив один балетмейстер. «Він може народити новий танець».

*Ти — дитина свого часу. Але те, ким він тебе народить, залежить від тебе.

*Я люблю людей. Я б ніколи їх не створював.

*І пес у столиці бреше центральніше.

*Пам'ятай, коли твоя позиція беззахисна, ти легко зможеш її здобути.

*Не видзвонюй ключами від таємниць!

*Заніс Дурість до майстра: «Чи можна її переробити на Мудрість?» Майстер на це: «Можна, й ще дешиця залишиться».

*Бувають часи, коли філософ на смертному одрі може казати: «На щастя, мене не зрозуміли!»

*Коли ми докопаємося до глибших археологічних шарів, то, можливо, знайдемо сліди великої культури, яка існувала перед сотворінням людини.

*Техніка сягне такої досконалості, що людина зможе обійтися без себе самої.

*Правду тримають під ключем як найдорожчий скарб ті, хто її найменше цінує.

*Людське неуцтво не відстає від знань. Водночас із ними воно завойовує заповідні території генія.

*Розмови про погоду стануть цікавішими при перших ознаках кінця світу.

*Деяким думкам я надав у своїй голові політичного притулку і не піддаватиму їх екстрадиції.

*Брехня нічим не відрізняється від правди, окрім того, що нею не є.

*Він говорить настільки древні речі, що людство їх уже не пам'ятає.

*Щоб сягнути джерел, треба йти проти течії.

*Загальнолюдськими є ті вартості, яких не вигідно переправляти контрабандою із країни в країну.

*Пам'ятайте, у людини немає вибору, вона мусить залишатися людиною!

*Нація може мати єдину душу, єдине серце, єдині груди, які вона підставляє під удар, але лихо їй, коли в неї лише один мозок.

*Людство все ж зазнає поступу. Убивць судять шоразу гуманніше.

*Ми шоразу ближче підходимо до відкриття наукою Бога. В цьому випадку мені дуже боязно за Його долю.

*Навіть фізичний бруд бароко й рококо не сприяв чистоті звичаїв.

*Людина з металу. Тому іноді вона не відчуває кайдани, як щось чужорідне.

*Говоріть коротше, аби почути кінець речення ще в ту саму епоху.

*Ах, цей мені альтруїзм! Іноді так хочеться гепнути кулаком по столу, але в останній момент бачиш, що можеш влучити у чийсь десерт.

*Його розум був відкритий, на жаль, навиліт.

*Месії також з нетерпінням очікують на свій прихід.

*І батіг випускає пагони, коли потрапляє на добрий ґрунт.

*Бути блазнем на тризні — глибоко людське призначення.

*Сатира ніколи не здасть скараменів, у журі завжди сидять її об'єкти.

*Є люди, котрі полюбляють поразки, бо їх тоді запрошують на бенкети переможців.

*О, коли б доля людини була тільки предметом філософії!

*Іноді сатира змушена реконструювати те, що знищив пафос.

*Я не згодний з математикою. Я вважаю, що сума нулів загрозливо велика.

*У скелях ідей та вір виникають печери, де гніздяться люди.

*Важко сказати правду самому собі, особливо коли ти її знаєш.

*Люди народжуються на соціальне замовлення з приватної ініціативи.

*Правда завше виходить на поверхню. Тому вона одразу мусить пірнати знову.

*У нього було барвисте життя. Він міняв прапори.

*Лихо, коли голова героя овацій потрапить поміж рук аплодуючих.

*Страхітлива річ — пливати брудною рікою проти течії.

*Я цілий день не міг пригадати слова «гільйотина». Голова боронилася.

*Визнання «Світ прекрасний!» зазвичай вимагають від мене ті, хто його мені зогидив.

*Усім, напевне, хочеться після воскресіння підвищитися по службовій драбині принаймні на одну сходинку.

*Сліди багатьох злочинів ведуть у майбутнє.

*Апологетам Ночі Довгих Ножів ніколи не бракувало Довгих Виделок і Довгих Ложок.

*Спершу було Слово. А тільки потім запала Мовчанка.

*Донос: Ессе homo!

*Могло трапитися і гірше. Твій ворог міг стати твоїм приятелем.

*Я завше боюся тих, хто домагається влади над душами. А що вони робитимуть з тілами?

*Не убий! — сказав він, — якщо маєш кому доручити цю справу.

*Переселився із Содома в Гоморру.

*Прямолінійні, будьте особливо обережні на крутих поворотах!

*Про мене кажуть, начебто мене цікавить мораль політики. Мій Боже! Хіба я схожий на містика!

*Філософи, не шукайте філософського каменя, його вам одразу почеплять на шию.

*Людина — побічний продукт кохання.

*Черпаха мусить бути такою твердою, позаяк вона така м'яка.

*Правда зазвичай лежить посередині. І жодного тобі могильного насипу.

*Життя примушує людину чинити багато добровільних учинків.

*Впишися у впливові кола!

*Незважаючи на те, що їхні шляхи розійшлися, вони й далі крокували поруч, — уже як охоронець і в'язень на етапі.

*Гордо носили на грудях картки із ціною, за яку їх не можна купити.

*У тих країнах, де в'язні не почувуються безпечно у камерах, вони не почувуються безпечно і на волі.

*Мудрості мало би вистачити усім, бо хто ж нею користується?

*Що за підлабузники ті сатирики, які клипають з тих національних цнот, яких нація не має.

*Ну добре, пробив ти головою мур. І що ж ти робитимеш у сусідній камері?

*Що за добробут мав би панувати у державі, яка може собі дозволити з половини населення організувати поліцію, а другу половину утримувати на казенних харчах у в'язницях.

- *Історія вчить, як її фальшувати.
- *Громадська думка мала би стривожитися своєю відсутністю.
- *Обережно, масовий споживач може й справді зжерти мистецтво.
- *Глибина і в ісокий рівень — дві різні речі.
- *Навіть слогіків не треба сприймати дослівно!
- *Мова жаху має свої діалекти.
- *Не дайте з аснути вогневі, підкладайте усе нових еретиків!
- *Руїни — м.немотехнічний засіб історії.
- *Гамлет сьогодні: бути не будучи, чи будучи не бути?
- *Коли я втрачу почуття гумору, мене називатимуть філософом.
- *Він — візіонер! Посеред переповненого людьми світу йому вбачається

пустка.

- *Сила аргументів і аргумент сили — два дуже різні стилі.
- *Людина, Вінець Творіння — терновий.
- *Коли людині бракує слів, їх їй негайно нав'язує держава.
- *Ви прагнете свободи? Та Ви консерватор! Треба йти у ногу з поступом.
- *Зауважте: для деякого параметри ідеальної людини відповідають розмірам стандартної труни.
- *Контекстом слова є світ.
- *Творцем мусить хтось стати. Найкраще, аби він сам.
- *Анекдот викинули з п'єси, і він мусив повернутися у життя.
- *Процес витворення легенд перейшов з уст народу до рук влади.
- *Є великі слова, настільки порожні, що в них можна ув'язнювати цілі народи.
- *Конструкція світу міняється, більше я за неї не відповідаю.
- *Можна бути сповненим глибокої поваги до Бога, але водночас не вірити в Його існування.

З польської переклав Андриус Вишняускас

*За виданням: Stanislaw Jerzy Lec. Mysli nieuczესane.— Warszawa: Allegro
та non troppo, 1991.*

Микола Рябчук

МОРЕ-АМОРЕ

Я ввімкнула магнітофон, а там знову ці італійці:

Por favor amore mia, —

і шум моря на фонограмі — саме тобі море й аморе, хоч вовком вий, брат мій просто схибнувся на тих італійцях: позаписував, де тільки міг, і крутить від ранку до вечора — це ж двадцять чотири роки хлопцеві, жінка, дитина он скоро буде, сім'ю збудував, називається, — ні прописки у Львові, ані роботи путньої, ні хоч би тобі перспектив якихось, — ну, й як ти збираєшся жити? — кажу, а він сміється: та якось буде, — і добре йому сміятись, поки батьки підгодовують, гроші дають, бо там хазяйка йому у Львові зробила б «аморе», — вона їх із Люською навіть до кухні не підпускає, сидять на бутербродиках і консервах; Льодзю, кажу, плюнь ти на той Львів, тут батьки все одно самі, і робота під боком, — а чому ти сама не плюнеш? — у мене принаймні прописка львівська, я на черзі стою, — і простош до пенсії, каже він і сміється, — і простою! та тільки це моя особиста справа, а ти бездомних дітей народжуєш, жінку мордуєш, глава сім'ї називається! — ти б хоч коханця собі завела, каже він, — і заведу! — кричу я, а сама червонію — дурна-предурна звичка — та тільки, кажу, до батьків шосуботи не їздитиму підгодовуватись! — а я й не їжджу, каже він, просто у мене тут деякі справи, — і вмикає свою клятву музику.

Щось я зовсім розклеїлась — відпустку з хандри починаю, — а день такий сонячний, коники у траві сюрчать, птахи шебечуть, дітвора голопуза з гармидером мчить до річки, — таки треба себе взяти в руки, кажу, Мирославо, ну на кого ти схожа? — І швиденько згортаю коц, запихаю його разом з журналами в торбу, перевдягаю купальника і на мить зазираю в дзеркало: все на місці, і навіть на тридцять я зовсім не схожа, хіба що ці бісові зморшки біля очей — і беруться ж звідкись, — ну, та гаразд, біжу, сонце вже високо, літо минає, просто через город, між соняшників і брунатних маківок бреду до Дністра, де вже хлопочється дітлашня, перекидаючи серед річки одне на одного велетенську автомобільну камеру.

Вертоліт появлявся, як завше, перед обідом, і це був безумовний знак, що пора вже згортатися, пакувати в торбинку нечитану пачку «Kobiet», одягати старенький халат на плечі й іти додому. Інакше тут можна було і справді обвуглитись, і все-таки я лежала ще десять-п'ятнадцять хвилин на спині, не ворущачись, дрімотна і розімліла, і позирала крізь окуляри на зеленеве небо і зграбне, схоже на бабку, тільки вертолота. Над річкою не було нікого, лише дітлашня галасувала на другому березі, визируючи ожину, і запах її, майже нечутний, долинав до мене аж з того берега чи,

може, з-перед тих двадцяти літ, коли я й сама, така ж, перепливала на другий берег, — і, може, б я й тепер зважилась, коли б не були ці хлопчиська дітьми моїх шкільних подруг і коли б не позирали у мій бік так допитливо дві старші жінки, виполіскуючи неподалік білизну. Іноді річкою пропливав моторний човен, огортаючи все різким духом солярки і здіймаючи хвилі, які довго ще хлюпотіли об берег, нагадуючи шум моря, далекого і недосяжного.

Вертоліт не зникав — він летів поволі і неохоче, немовби тягнув його хтось за нитку, і коли я махнула рукою, він зупинився зовсім і почав знижуватись.

Серед городів я знову поглянула в небо — вертоліт висів зовсім низько, і в скляній кабіні можна навіть було розгледіти пілота в синьому, під колір неба, комбінезоні і кумедних навушниках, у яких він скидався на інопланетянина. Я зламала кілька коробочок маку і, висипаючи їх у рот, ще раз махнула йому рукою, недбало і лінкувато, майже непомітно, — і все-таки він спостеріг, і, запаливши фари під днищем, блимнув кілька разів у відповідь. З кушів саме в цю мить вискочив сусідський Мизьо і, мов заєць, промчав повз мене, лопочучи велетенськими трусами.

Біля Патикової загорожі він зупинився і, повагавшись, ступив кілька кроків назад до мене.

— Фабрика горить, — сказав задихано, — ходім подивимось!..

— Та ні, — відказала я втомлено, не помічаючи навіть, що руки мені опустились, і мак із коробочок, мов пісок, посилався на стежку.

— То я побіг, — сказав Мизьо і зник у бур'янах.

Над хутряною фабрикою справді здіймався дим, по вулиці в її бік бігли люди, фабрична сирена завилала раптом різко й пронизливо, і я, щоб не чути цього моторошного виття, побігла до хати й ввімкнула магнітофон і, накрившись подушкою, якусь мить і справді не чула нічого, аж поки виття не проникло й сюди, крізь стіни й качине пір'я, крізь плюскіт моря і солодкаво-нудотний спів сирен, крізь оглушливе гупання і двигіння у скронях моєї ошалілої крові.

У суботу приїхав Льодзьо — на цей раз не сам, а з Люською. Вона вже, здавалось, висохла геть на тріску — руки-ноги як пачки, лице прозоре, аж світиться, голос тоненький, нечутний, і тільки живіт випирає, як дирижабль, — мовби всі соки з бідолашної Люськи повисмокнував.

Цілу вечерю я просиділа, як на голках, — чекала ось-ось, що батько почне мене наставляти, та ще й при чужих, — заміж їм дуже кортить мене видати, онуків їм подавай, — мало їм цих двох паразитів: Люська хоч, слава богу, скромненька така — сидить, помовчує, очки вниз опустила і в'яма довгими кліп, кліп — ну справжня тобі мадонна, тільки хирлявіша, але Льодзьо — пацан пацаном, як півник — вистрибує, горойжиться, мало не кукурікає, а потім не втримався та до своєї музики — клац!..

Por favor amore mia...

Ну, я все-таки зціпила зуби і довечеряла з ними нормально. А тоді ми пішли до мене в кімнату — я, звісно, приборала там для таких гостей, одну ніч можу й у вітальні заночувати, — хай собі, думаю, — навіть букет на столі поставила — троянди, червоні й білі, біля того клятого магнітофона!.. А Льодзьо шось нишпорить біля столу — може, плівки шукає, може, сніг торішній, букет йому навіть не в голові. — Ти хоч бачиш, що тут змінилось? — кажу, а він якось так поглядом по столу перебіг, повернувся до мене, очі у нього, як у кота, блищать, зіниці звузились: «Ти шось вкрала?!..» — не то запитує, не то звинувачує. І тоді я не стрималась: «Очі б мої вас не бачили, — кажу, — та я краще в Антарктиці проведу цю відпустку, в пустелі Гобі, у чорта на маківці!..» — вони й оком моргнути не встигли, як я схопила торбинку — і на електричку. То ше шастя, що Анжела була вдома.

І ось я сиджу у неї в кімнаті, гортаю грубий кольоровий каталог західнонімецької фірми BMS і, поки Анжела готує на кухні каву, запитую шось — просто так, аби запитувати:

— І скільки це — 25 марок?

— Червінець. Дві години роботи.

— Н-да, — кажу.

— Може, тобі фен треба? — озивається Анжела. — По бундесліцензії. Тридцять один плюс п'ять. Я сама так дістаю. А взагалі вони йдуть по сорок.

— Мені пугівку треба — на море. І чимскоріше.

— Чимскоріше?! — Анжела навіть вибігла з кухні — аж поли халата розвіялись. — Тобі на Гаваї чи, може, на Марс?

— Мені б хоч найгіршу, щоб тільки зараз. Я ж уже у відпустці.

— На море не буває найгірших, — каже Анжела. — Та ше й чимскоріше!

— Ми домовилися з Сосо про Піцунду, — бубоню я, мовби це має якесь значення. — Але його відкликали у відрядження.

— Може, злякався? — перепитує Анжела. — Ну й ім'я в нього!

— Йосиф, — заперечую я стомлено. — Така в нього робота.

— Гарзд, — каже Анжела, — шось придумаємо. — І, прихопивши телефонного довідника, чимчикує на кухню. А я лишаюсь ув'язнена в цих м'яких фотелях, під голубими картинами на голубеньких стінах, і ніякі каталоги мені в голову вже не лізуть, і ніякі журнали з кольоровими фотознімками — різні там пляжі, роздягнені пари, засмаглі тіла, рекламні посмішки. — я блукаю бездумним поглядом по кімнаті — розкішній такій кімнаті — і наслухаю, що ж там Анжела для мене по телефону вибалакає.

А вона й не спішить: каву приносить і кавове начиння.

— Ох, які філіжаночки, — кажу, підобрюючись.

— Ет, — махає рукою Анжела, — один хлопчик зробив: дипломна робота. Я тобі музику поставлю.

«Та дзвони вже, дзвони! — думаю. — Маю тої твоєї музики аж досить».

— О! — кажу, обережно приймаючи від Анжели платівку в лискучій барвистій обгортці.

— Четвертак, — каже Анжела і забирає з моїх рук дорогоцінне диво. Вмикає «Вегу» — шумить море, лінкувато-недбалий голос наспівує:

Por favor amore mia...

— Слухай, Мірка, — каже вона. — Та пірнула б ти нарешті вже з головою в те море!

І вмостившись на килимі під кулястим акваріумом, серед кулястих світильників і каменюк, серед керамічних ваз і вазонів з небаченими рослинами, починає неквапно прокручувати телефонний диск.

Викрутила вона мені туристичний похід по Литві з тижневим відпочинком на узбережжі, і, мушу зізнатись, я ні на хвилю не жалкувала, що зважилась на цей виснажливий перехід з людьми, яких раніше не знала і з якими так і не встигла по-справжньому познайомитись. Ми брели по лісах і луках, вздовж річок і озер, ми збирали гриби серед маленьких дубків і сосен, і червону брусницю під цупким, мов з картону, листям, ми палили багаття і допізна сиділи круг нього, щось виспівуючи, перемовляючись, або й мовчки вдивляючись у яскраве полум'я і снопи палахкучих іскор на нічному, таємничому тлі.

Я не чула вже втоми в ногах, і рюкзак уже не вривався в плечі, я тільки дивилась, як просто на наших очах минає літо і найдрібніші осикові листки вже з'являються де-не-де під ногами.

На дванадцятий день ми побачили море — воно з'явилося просто між сосен, був вечір, сонце сідало за Клайпедською косою, поодинокі відпочивальники ще вигрівалися на піску, а ми, поскидавши заплічники, хто в чому був, побігли в море, в його лагідні й холоднуваті хвилі.

В той вечір ми вперше з мовчазної згоди інструктора порушили сухий закон — розігріли у казані сухе вино з цукром і врочисто розілляли його черпаком по алюмінієвих квартах. Почувались, як ніколи, весело й безтурботно — ми заслужили цей відпочинок на березі моря, цю веселість і безтурботність, — і в той вечір я вперше за весь похід дозволила Сашці Рум'янцеву обняти себе, тобто я просто не ухилилась і не відсунулась, коли він, як завжди, нахабно поклав свою руку мені на плечі. Я не хотіла йому в такий вечір псувати настрої, і це була, власне, єдина моя помилка, бо вже через кілька хвилин він поліз цілуватися, пропонуючи пошепки свій намет і свою любов, і всілякі дурниці, з якими не давав мені спокою всі ці дні. І тоді я відсунулась — може, занадто різко, бо він похитнувся і трохи не впав, і всі засміялись, а хтось із його друзів пропищав подивочому, придурюючись:

— О-ой! Нахаба!..

Я підвелась, але Рум'янець ухопив мене за руку:

— А хочеш, я скажу тобі, чого ти так випендрюєшся?

— Я не випендрююсь. Просто я вас не люблю, та й усе це не те, ви самі розумієте.

— Просто ти мало випила, — сказав Рум'янцев і відпустив мою руку. — Це раз. А по-друге, тебе непокоїть, що про тебе подумують. А по-третє, — він аж передихнув, прочуваючи задоволення від власних слів, — по-третє, ти ще взагалі не знала чоловіків, і тому боїшся.

— Ви помиляєтесь, — сказала я, але він тільки посміхався, і всі навколо посміхалися разом із ним, і тоді я відвернулась і, стараючись не побігти, попростувала у свій намет.

І поки я у наметі плакала, згорнувшись на вітах хвої, почався дощ — спершу залопотіло щось по брезенту, а потім почулося тихе, нудне шелестіння, — і я зрозуміла, що дощ цей надовго і що літо, на жаль, минуло.

До намету зайшла Марина, моя сусідка, і, вмощуючись на своїх соснових гілках, спитала:

— Ти плачеш?

— Ні.

— Тільки дощу нам не вистачало, — сказала Марина, але я нічого не відповіла, і тоді вона озвалася знову: «Дурак цей Рум'янцев. Але, по-моєму, він тебе справді любить».

— Н-да, — сказала я, — нам тільки дощу не вистачало.

Два довгих дні ми блукали по мокрому селищу і безлюдних пляжах, різались по наметах у карти і, насунувши каптури на очі, збирали хмиз, який все одно не розпалювався, аж нарешті на третій день інструктор оголосив перехід на човнах до Клайпеди, звідки ми вже спокійно могли роз'їхатись по домівках.

Море було спокійне, тільки сіре якесь і нудне, і все-таки інструктор примусив нас повдягати рятувальні пояси, кумедні і недоречні, як бутафорська зброя, і ми, спакувавши намети й заплічники, розбрелись по човнах. Марина пішла до дівчат, а до мене підсів Рум'янцев, та тільки було мені все це байдуже.

З-під каптура він позирав на мене насмішкувато і щось насвистував у свої тарганячі вуса. Але гріб добре, впевнено і, коли ми невдовзі відбилися далеченько від вервечки човнів, зупинився й сказав:

— Ну от. Зроблю тепер з тобою, що захочу.

— Не видурюйся, — сказала я, позираючи в бік човнів, що зникли попереду.

— Принаймні навчу тебе цілуватись. — І він підвівся й ступив крок до мене. Я вже не тямлю гаразд, що сталося — чи він похитнувся, чи я сахнулася і штовхнула його, — але ми перекинулись разом з човном у крижану воду.

Коли я оговталась трохи й відсапалась, то відразу ж спробувала роззирнутися навкруги і побачила того чортового Рум'янцева зовсім поруч, і зрозуміла по його вирячених очах і судомно розкритому ротіві, що плавати він не вміє і навряд чи вже вивчиться. Валка човнів зникала на обрії, берег ледь-ледь сірів у далині, з неба сів дрібний, майже нечутний дощ, і перекинтий човен похитувався неподалік на хвилях.

— Ах ти ж дурень! — прохрипіла я, відпльовуючись, та крик все одно не видобувався з горла — всі м'язи, здавалось, задеревіли, і тоді я спробувала розслабитись, покладаючись на рятувальний пояс і на господа бога, якому, однак, було байдуже і до мене, і до того дурня Рум'янцева. Ще я встигла подумати скільки протримають нас жилети, перш ніж ми задубіємо в цій воді, скільки вони взагалі нас протримають, перш ніж розповзуться по швах, — і відчула холод — той самий пронизливий холод, що оточував мене звідусіль, — всередині.

І вже зовсім мов крізь імлу пригадую, як підібрав нас інструктор, як вливав він у мене спирт і перевдягав у сухе, як я бігла, ступивши на берег, до лісу, а вони доганяли мене, і я знов виривалась, і бігла, і — сміялась.

Вдома я швидко оклигала на гарячих чаях і гірчичниках, але коли Льодзьо прийшов, я все ще бухикала, немилосердно роздираючи бронхи і висиджувала у фотелі, обв'язавши поперек маминою вовняною хусткою.

— Привіт, — сказав він. — Ти як бабуся — в таку спеку!..

— У мене радикуліт, — сказала я, хоч і не збиралась йому нічого пояснювати.

— Радикуліт, — він аж пирснув і вже не міг погамувати реготу. — Радикулі-і-і!..

— Це справді боляче, — сказала я. — І не смішно.

Льодзьо на якусь мить завмер, і посмішка його розгублено викривилась у гримасу.

— Ти зовсім як стара баба, — сказав знічено.

— Мені жити не хочеться.

Льодзьо глянув на мене збентежено, майже злякано, і мені стало жаль його, але зробити з собою я нічого вже не могла:

— Навіщо це все, — сказала, позираючи на вікно, — навіщо?!..

На роботу я зайшла, як завжди, через внутрішній двір, оминувши парадний вхід, де юрмилась туристи і яка-небудь Леся чи Люся занудливо оповідала про архітрави і бокові нефі. На подвір'ї нічого не змінилось: іржавіли у кутку металеві каркаси нових стелажів, буяв виноград, обплітаючи стіни і вікна старого монастиря, і росла посередині, просто серед камінних плит, сухорягла акація, скидаючи з себе перші жовті листки. Біля вікна я спинилась і зазирнула у відділ, але й тут не змінилось нічого: Анжела меланхолійно гортала «Иностранную литературу», Оксана

заповнювала інвентарні картки, а Лючка, як завше, випробувала на нігтях не свій лак. Олена Іванівна заварювала у кутку чай, а Ігор Ісакович — єдиний чоловік у відділі і, безумовно, джентльмен — писав свою легендарну і незабгненну для нас усіх дисертацію. Потім з'явилася й Леся — прийшла, видно, з екскурсії, бо указка ще парувала в її руках і сама Леся сміялась, оповідаючи щось кумедне про тих туристів. Олена Іванівна піднесла їй чашку чаю, і вони зашебетали удвох, підбиваючи однак до розмови й Ігоря Ісаковича.

О, так, скаже він, я провів чудесне дитинство в Одесі, біля найсвітнішого на світі моря, я був красенем-кавалером, невідпорним і незабутнім, я товаришував свого часу з проректором Білякевичем і тільки тепер я змушений дороблятися до пенсії у цьому музейчику, серед неандертальців і викопних мамонтів. *Sic transit gloria mundi*.

Я не чула ні слова, тільки дивилася на них з високого вікна, мов з театральної ложі, і знала все, що було, є і буде у цій кімнаті, і в цьому житті, і навіть опісля, — і коли задзвонив телефон, просто переді мною, на підвіконні, і Лючка, відсталяючи наманікюрені пальчики, підхопила трубку, я зустрілася з нею поглядом і розревілась. Я стояла, притулившись шокою до трьохсотлітнього муру, а сльози текли, і я, як остання істеричка, не намагалась їх навіть погамувати. А потім хтось узяв мене попід лікоть, хтось обійняв за плечі, і Лесин голос сказав:

— Ну, що ти, Миросю, ну, що ти...

— Я ж могла це все не побачити! — сказала я, і сльози здушили мене ще дужче, здушили так, що й не продихнути, як там, на морі, коли солоня вода затекла в легені.

— Ну, що ти, — сказала Леся, — ну, що ти, ну, заспокойся...

І вони удвох повели мене, наче хвору, до себе, де, я знала, чекав уже гарячий чай, і притишені голоси, і теплі погляди — все те звичне й буденне, що називається просто і всього-навсього — життям.

Дж.Г.Байрон

ЄВРЕЙСЬКІ МЕЛОДІЇ

I

1

Вона йшла сяюча, як ніч
Між хмар по зірочках-свічах,
Які палали ще ясніш
В запаморочливих тих очах,
І денне світло віч-на-віч
Соромилось таких свічад.

2

Тінь довшає, і день згаса.
Вражає врода, як стріла,
І личка осяйна краса,
І рвійних кучерів імла;
Які ж погідні небеса
Над місцем, де вона зросла!

3

Безхмарно світиться чоло,
Ніякові щирий сміх.
Промовиста краса — зело
Душі, якій незнаний гріх.
Душі, що не спіткало зло,
Недоторканної, як сніг!

II

1

Торкнувся арфи цар-співець,
Цар між людей, обранець Божий,
Такої музики творець,
Щоб серцем відчувать знеможеним
Акорди сліз, у струнах множені!
Залізо воском розтопить,
І камінь хай співзвуччя ронить —
Колосся кволе, розум спить —
Роз'ятрює вже ватру промінь —
Давиду ліра вища тронів.

2

Цареві-звитяжцю осанну співа,
І нашому Богові — тричі хвала!
І радо долини підхоплять слова,
І райдуги кедрів сахнеться імла,
Мелодія міцність небес колива!
Тепер, як замовкли акорди святі,
Присвяти Любові, небесній дочці,
Кортить нам душі наказати: «Лети!» —
Ловити, божественні звуки оці —
Та тільки у мріях нам сяють світи.

III

I

Як є найвищий вічний світ,
Що поза любим нашим світом,
Якщо там серце жде привіт,
І радо очі сяють звідти,
Гостинні сфери ті незвідані —
Тоді жадана смерті мить!
З юдолі зрину, мов сновида,
У край, де вічний день сурмить!

2

Так має бути: не для нас,
Тремтячих перед небуттям,
Де розриває пута час
І вабить прірва, і затягує
Прийдешнє — пусткою. Чи там
Озветься хто серцебиттям?
Душі — води живої стане?
Чи у безсмерті дух постане?

IV

I

З юдейських пагорбів газель,
Очей моїх зажди.
У життедайності озер —
І млеко, і меди.
Яка ж стрімка! А з-під повік —
Неупокореність повік.

2

Той стан легкий, той зір ясний,
І свідок сам Господь,
Що захват, наче дощ рясний,
Омиє дух і плоть.
Ліванських кедрів вітровій —
У маєві дівочих вій.

3

Та за кордони сподівань
Розвіяло наш рід.
І прадідівських поховань
Безсилий заповіт.
Земля — надгробків опертя.
Туди немає вороття.

4

Судивсь нам рок мандрівників —
Всі землі сполучить.
І поряд з прахом прабатьків
Не зможе мій спочить.
Наш храм — ридань розбитий схрон.
В неславі — Соломонів трон.

V

1

Я Вавилонських рік скорботу виграю,
Там храм в самотині, в омріянім краю.
Сльозина — арфі у чужинському вбранні,
Сльозина — Богові, що губить німб в борні.

2

О, де ж Ізраїль кров і порох змиє з ніг?
Коли б з пісень Сіону смуток зник!
Коли в мелодії юдейській хоч на мить
Сердечна радість Божим гласом защемить?

3

О роде ніг мандрівних, втоми душ,
Де спинишся, тікаючи чимдуж?
Гніздиться голуб, у норі лиса,
В народів — землі, в тебе — тільки небеса!

VI Хвилі Йордану

1

П'є з хвилі Йордану арабський верблюд,
В Сіонських міжгір'ях — чужі молитви.
Прибульці Ваалу там лестоші лють.
О Боже! Чому грім не вибухне Твій?

2

Це там — де Ти камінь скрижаллю палив,
Де пам'ять народу Твого осяйна.
Та слава у савані поміж олив.
Живих Ти не бачиш, а смерть — не мина.

3

О! В сяйві вогненнім яви їм можуть!
Загарбників списом несхибним врази!
Чи довго нам путь під'яремну тягнуть?
Чом досі не чути твоєї грози?

VII Йефаєва донька

1

Як край і Господь у часи заважкі
Домоглися у мене дочки,
Й непорушну обітницю Богу я дав,
Скільки серцем я перестраждав!

2

І здригається голос мій болем моїм.
Як гора, мое горе — кому розповім?!
Якщо люба рука із моїх опада,
Чи життєвої муки шкода?!

3

О, не побивайся так, батьку! Дарма —
Дитячої крові чистіше — нема!
І намарно ця жертва свята не мине —
Хай це втішить тебе і мене.

4

За дівоцтво ти сліз, Соломоне, не лий,
Будь мужнім героєм і мудрим, як змій.
Що для тебе я виграла битву, вважай.
Вільні батько і рідний мій край!

5

Щоб дівочої крові потік зазорів,
Стримай лементи, царю царів!
Хай залишиться гордою пам'ять моя,
Бо вмирала, всміхаючись, я!

VIII

1

Зірвали дивний першоцвіт,
Затис його могильний лід.
Але крізь прах — життя зроста,
Троянд розкриються уста.
Під сутінь кипарисних віт, —

2

Аби під сяєво зірок
Схилялась журно голова,
І уповільнювався крок,
І розгубилися слова, —
Їх мертва тиша сповива.

3

О, годі! Досить марних сліз!
Що смерті до сердечних драм!
Чи зглянеться вона колись
І чи поверне вмерлих нам?!
— Ти, що нараяв забуття,
Ти сам оплакуєш дитя.

IX

Мій дух згасає

1

Мій дух згасає — не барись, —
Хай струни арфи зронять звук.

Душі заболілої торкнись
Летючим рухом чуйних рук.
Хай серце, цвинтар безнадій,
Озветься пам'яттю розлук,
Нехай пропалить мозок мій
Сльоза, забута поміж вій.

2

Але й на мить не звеселись,
Здобудь з глибин зотлілий жар.
Я хочу плакати — без сліз
Розірве груди цей тягар.
Музико, журний маєш дар,
Втамуй же смутком — звичний шем,
Розвій, приспи смертельний згар.
Хай згину — тільки грай іще!

X

Я бачу твої сльози

1

Ти плачеш — адамант сльози
Затьмарює блакить,
Краплина росна від грози
В барвінку мерехтить.
Всміхнешся — спалахом сапфір
Сяйне з тремтливих вій.
Зустрівши твій промінний зір,
Притлумить небо свій.

2

Сховає сонце вовна хмар
В пухнастій глибині —
Чи допоможе хто тягар
Підважити мені?
Та пригадаю усміх твій
У найскрутнішу мить —
Крізь ніч, і біль, і буревій
В душі він променить.

ХІ Твої дні минають

1

Минув твій день, та не згасив,
Не стихив слави грім —
Тії, що краю краший син
Здобув мечем своїм;
Ланів, що кров'ю він зросив,
Звільнивши рідний дім.

2

Загинув ти, щоб щезла мла.
Ти смерть переборов.
І в чорну землю не пішла
Твоя шляхетна кров.
Вона вогню нам додала,
Щоб дух не охолов.

3

Твій подвиг в битву кличе нас.
Ти віру нам даси!
Звеличують твій смертний час
Дівочі голоси.
Плачем не множимо образ —
Оспіваний еси!

ХІІ Саул

1

Той, хто і смерть закласти зміг,
Явив нам німб своїх сивин.
«О Самуїле, — він прорік, —
Цар — не пророк, і смертний він».
Твердь розчахнулась, в хмарний шовк
Він, спалахнувши, увійшов.
Застигла смерть в скляних очах,
Зів'яли руки, жар процах,
Сухі кістки безсилим ніг
Він пересунути не міг;
І в рота пересохлий став,

Як в вікна, вітер залітав.
Саул, як блискавкою втятий дуб,
На землю впав, дух відлетів із губ.

2

«Це сон — майнув і зник.
Та хто це смерть прорік?
Це, Боже, ти? Промов!
Холоне в жилах кров:
Важка царева путь.
Так, певно, має быть.
Впродовж кількох годин
Загину я — чи син.
Та перш, ніж прийде жаж,
Замісим в глину, в прах
Невірних — до онуків!
В друзки потрощим луки!
Хай соколом зліта
Та воля пресвята:
Щоб у землі поснула
Царева віть Саула!»

XIII

Саулова пісня перед останньою битвою

1

О вояки мої непереможні!
Вестиму вас я за наказом Божим.
І не зважайте на царевий сан,
Хай кожен Бога в серці чує сам!

2

Хто став на битву цю, той любий Богу.
Солдат Саула вірить в перемогу.
Кривава путь — хто іншу обере?!
Хто на заваді стать посміє, той помре.

3

Пробачень, порятунку не проси!
О спадкоекці, діти мої всі!
В короні — перли, в колісниці — вісь!
Чи царство згине — битва відповідь!

XIV

«Все марнота», — каже пророк

1

Були і мудрість, і любов, і слава,
Здоров'я, міць — мов навіки,
Спалахував мій келих лалом,
Я гурій пестив залюбки.
Я серцем пив очей красу,
Я відчував, як дух мій визрів,
І всіх земель, життя ясу
Я брав царю належним призом.

2

Як я життя свое кроїв —
У пам'яті лиш відблиск шалу,
З яким з усіх земних країв
Життя манило й спонукало.
Не дні — троянди, насолод
Не тьмарили турботи.
Снага не знала перешкод
Облуди і гіркоти.

3

Змій, характерник, хитрий лис
Колишню міць розчавив.
Кільцем мені він серце стис.
О! Хто розвіє чари?
Мудрець легенд не оповість,
Не прийдуть оспівати.
І тільки дух мій має хист
Цей біль перетривати.

XV

Коли позаземна зима...

1

Коли позаземна зима
Стражденну глину замете,
Де суть моя — мене нема,
А де ж безсмертне те, святе?

Де, безтілесна, слід лишить,
У поросі планет яких?
Як їй, душі, в незмірнім жить
Для вічності очей зірких?

2

В незміннім, вічному шаблі
Невидимій, все споглядать
І в небесах, і на землі —
Все передбачити й згадать:
В минулім відгомін слабкий,
Крізь літ колишніх чорторій —
Душа смакує залюбки
Тим хлібом нездійснених мрій.

3

Як Бог з людьми був сам на сам —
Очима морок освітив,
Та, народивши небеса,
Зійшов, засяяв Дух Святий.
Що люд старанно руйнував,
Проливши безневинну кров,
Промінний схід потамував,
Щоб Вічне царювало знов.

4

Понад Любов, Надію, Жах
Жагою чистою зорить.
І плине час, і де межа —
Роки для Вічності, як мить.
Вперед, вперед — хоча без крил —
Крізь простір дух сяга глибин,
Він незбагненне підкорив,
Дарма, що мав померти він.

XVI

Валтасарове видіння

I

Бундючний цар на троні
У залі, повній див,
Де все, як на долоні,

У тисячах вогнів.
Із чаш золотобарвних,
Юдейських Божих мрій,
Безбожники нахабно
Поганський п'ють напій!

2

Той самий час і зала.
І раптом на стіні
Рука намалювала
Три вироки смутні.
Єдина та рука,
Несхибний Божий перст.
І стіну пропіка:
«Мене, текел, фарес».

3

Цар, ставши враз ніким,
Зіщуливсь, як ягня.
І голосом тремким
Він свято припиня.

«Знайдіть оту людину,
Премудру, наче змій!
Хто раювань годину
Царю ввірвать посмів!»

4

Халдейським чаклунам
Тут чаклувати зась!
Пекучим тим словам
Тлумачення хто дасть?
Шле Вавилон старців.
Мудрець — ще не товкмач.
Так, бачать знаки ці —
Піди їх розтлумач!

5

Між бранців і суцїг
Шукали товкмача.
Хтось правду слів оцих,
Жахаючись, вбачав.

У сяйві зусебіч
Чіткіш вони стократ.
Читає вирок ніч,
Чигає ранок страт.

6

О, Валтасарів жаж!
Він сам і царство — тлін.
На Божих терезах
Кавалок глини — він.
На саван царських шат
День шмаття шовку ронить:
Мідійці біля врат!
Перс на царевім троні!

XVII

Сонце безсонних

О сонце безсонних! Ти зірка жури.
Сухотний твій пломінь немов з-під кори.
Заплаканий погляд тріпоче здаля,
Одвічного мороку не позбавля.
З ним згадувать ліпше щасливі дива.
Їх відблиск безсилий вже не зігрива.
Скорботний твій промінь на смерть натяка.
Знадлива, зрадлива, ти зимна така!

XVIII

1

Знов одуреним серцем Тобі я скоривсь.
Я, втікач з Галілеї, з вигнанням змиривсь.
Я зневіривсь і зрікся, змалів на раба.
Ти прорік, що у цьому мого роду ганьба.

2

Але зло не змагає, поки з нами Бог!
Якщо рабство — це гріх, то звільни нас обох!
Як вигнанця земного відторгнеш і Ти,
То шануйся у славі — я мушу піти.

3

Я за віру віддав більш, ніж Ти дарував,
Якщо Бог попустив, що позбувся я прав.
В Твої руки я вклав поривання надій.
Без життя, без землі я. А Ти володій!

XIX

Іродові лементи до Маріам

1

О Маріам! У знавіснілім сні
Кривавиться стріла у грудях зліва,
І мститься аж до смерті на мені,
І каяття несе на зміну гніву.
О Маріам! Ти ж не чаклунка, ні?
Почуй, як виправдовуюсь, ридая!
Якби могла — пробачила б мені,
Хоч небо у зневазі відкидає.

2

Хіба ти вмерла? Але хто сягнув
Дослухатись моїх ревливих марень?!
Мій лютий вирок розпач мій збагнув,
Безладний меч всевладно день затьмарив.
Тебе, кохану, смертний лід змага,
Твоя душа пішла в небесні села.
І марно спалює мене жага,
Скидає душу в морок неспасенний.

3

Смарагд найкращий у короні згас.
Найліпше люба в землю поховала.
Юдейську райську квітку сам нараз
Пожбурич — хоч для мене квітувала.
Провина власна пеклом випіка
Самотнє серце невблаганним роком.
По злочину і кара — бо така
Гризота гризтиме, аж не зведе допоки.

XX

На день зруйнування Єрусалимського храму Титом

1

Ти востаннє осяяв мене неугасимо.
 О Сіоне! Те світло я нестиму Риму.
 Зір призахідний відблиск востаннє пропік,
 І востаннє мій погляд по стінах пробіг.

2

Я дивлюся, як сонцем храм і дім мій палає,
 Ніби рабські кайдани в цю мить позбуваю.
 Я дивлюсь, як палають дива осяйні,
 Та вже збройної помсти не здійняти мені.

3

Тут мої передні, тут моя пуповина.
 Сподівався, що тут, народившись, загину.
 Я на пагорб цей сходив, немов до небес —
 Храм здіймав від земного, у сяєві ввесь.

4

Але краще б не бачить мені цього дня!
 Що за полум'я сутінь із неба зганя?!
 І що то за вогненна вирує ріка?
 Хай скарає загарбника Божа рука!

5

Та ніколи поганським блюзнірським богам
 Не здолати Єгову, не знищити храм.
 Він з презирством зітре їх, народ свій звільнить.
 О Батьку! Я вірю: наблизилась мить!

XXI

Біля рік Вавилонських ми сиділи і плакали

1

Доливали сльозами ми води
 Вавилонські, молили за те,
 Як ворожий скривавлений подих
 Соломон і Всевишній змете,
 Аби доням не тьмарило вроди
 Вічних сліз дошовиння густе.

2

Біля рік Вавилонських зійшлися
Ми збезчещену волю згадать.
Вимагав дехто пісні, щоб йшлося
Не про славу, що виборов тать,
Щоб крило, мов правиця, знялося,
Щоби арфі нам зброєю стать.

3

На вербі Соломонова арфа.
Ліворуких струна не звільнить,
Бо відтоді, як слави забракло,
Тільки квилить, а не променить.
Досить докорів! Бувши оракулом,
Знов зійди нам, підваж нашу віть!

XXII

Розгром Сенахериба

1

Ассирійці бо вдерлись, як в кошару вовки.
Сяли злотом і пурпуром їхні полки.
Списи, ніби у морі рій зірок осяйних,
Що вихлюпують хвилі Галілеї до ніг.

2

Ніби листяна влітку зеленава імла,
Їх знаменами в небі захід сонця пала.
Та, як листя осінне з лісових верховіть,
Опаде їхня слава, сухозлотно злетить.

3

Ніби Янгола Смерті простерті крила,
Ворогам ув обличчя дихнула імла,
І в посклілих очах жах і холод застиг,
І серця їм змертвіли, і заціпило крик.

4

Полягли їхні коні, здичавівши в одне,
Але знов у погоню горда воля жене.
В закривавленій піні, у збілілім багні,
Збиті градом каміння, ще тріпочуть вони.

5

І заплутала вершників крижана мережа,
Кров на чолах рясніє, і на латах — іржа.
І нікого у шатрах при знаменах нема,
І не кличе знаменно вже до бою сурма.
Вдів Ашшура волання накриває, мов шквал,
І потрошеним ідолом зотліває Ваал.
Незборимий бо меч гартувавши на герць,
Сніжним відсвітом слави овіває Творець.

XXIII

**На мене Дух зійшов
(За Йовом)**

1

І Дух зійшов на мене, і відкрив
Лице безсмертне з-під завіси крил —
Глибокий сон склепив повіки всі, окрім моїх,
І він зійшов — і я від сяєва знеміг.
І захолола кров судин і мозок мій,
Волосся дибки, бо отак промовив Змій:

2

«Людина більша Бога? Чи святіш,
Хто каже Серафимові: облиш!?
Ти, грудко глини, порох з Божих ніг,
Ти менший молі! Як повстати міг?
Сліпе, скороминуше дитинча!
Намарно Бог пресвітлу Мудрість витрача!»

Переклад з англійської Валерії Богуславської

Рина Левинзон

* * *

Сосчитали жертвы — шесть миллионов,
и праведники — горстка храбрецов,
и огромное число убийц и палачей.

Но больше всего тех, кто — «ничего не знал».

* * *

Как вод высокое течение,
Как неба купол золотой —
Мое спасительное чтение,
Моя свобода, воздух мой.

Поэт великий, друг, посредник,
Святой посол небесных сфер,
О, мой сердечный собеседник —
То Дант, то Пушкин, то Гомер.

И все молитвы — звук единый,
Все времена — единый миг.
Не плачь, мой город голубиный,
Всегда, и в этот век повинный —
Для нас открыта Книга Книг.

* * *

В разгаре истории мрачной,
Где прошлое зло не ушло,
Земля моя стала прозрачной
И легкой, как птичье крыло.
Земля моя — птица ночная
Вспорхнет и исчезнет во мгле...
Над белым пространством Синая
К рассыпанной в небе золе.

* * *

Уходит солнце, мир слепя,
Вечерний гул затих,
И я молюсь не за себя,
А за своих родных.
Зачем ты шлешь ночную грусть,

Волшебник-ротозей?
И я не за себя молюсь,
А за своих друзей.
Прощай, печальница-судьба,
Тревог водоворот,
И я молюсь не за себя,
Молюсь за свой народ.

Марк Вейцман

* * *

*Мне голос был...**А. Ахматова*

«Твой путь к истокам нелогичен
и в высшей степени смешон,
«святой» язык тавтологичен
и рода среднего лишен.
Ах, эти крайности Востока,
пристрастие к радостям земли!
В твоих исканьях мало проку...»
— А ну, нечистый, отвали.
Пускай ты даже прав, однако,
сюда я прибыл неспроста,
быть может, выведет из мрака
меня моя неправота.
Не тем, что белую бумагу
мараю издавна, спасусь,
а тем, что в землю эту лягу
и в небо это вознесусь.

* * *

Господи Боже,
да разве же это еврейские лица?!
Это какие-то персы, индусы,
узбеки, арабы!
Разве мы можем
не то что в единое целое слиться,
но пусть процентов на пять
разобраться друг в друге хотя бы?
Что у нас общего?
Наши священные книги,
древний язык
да галутного рабства вериги?
Но согласись,
что ведь этого все-таки мало,
чтоб воедино связать
все концы и начала.
Может, неправ я,
тогда вразуми недоумка,

бренную душу которого
дьявол смущает,
чья под завязку набита
сердечная сумка
так, что почти уже
ничего не вмещает...

* * *

Привыкая к будничности чудес,
приникая к святым местам,
интерес обретаешь к тому, что — здесь,
и теряешь к тому, что — там,
где, кого любил,
и в помине нет,
а кого разлюбил —
забыл,
лишь поблекшие звезды
роняют свет
на надгробья родных могил.
Только ляжешь —
и желтой стеною рожь,
и зеленой —
морской прибой.
А проснешься —
не сразу и в толк возьмешь,
где ты, кто ты и что с тобой...

Йоханан Петровский-Штерн

РУССКИЙ «ДИБУК»:
ОБРАЗЫ И ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ
(предисловие к публикации)

Публикация русского текста драмы С. Ан-ского «Дибук» — «так никогда и не найденного и, похоже, раз и навсегда утраченного»¹ — событие, которого ждали восемьдесят лет.

Сочиненный всего за три недели летом и осенью 1913 года «Дибук» изначально был написан по-русски. С этим русским вариантом, отчеркивая на полях абзацы и требуя вставок и замен, работал Константин Станиславский (позже — Евгений Вахтангов), но до русской сцены «Дибук» так и не дошел². В 1915 году Ан-ский перевел «Дибук» с русского на идиш — в надежде, что рано или поздно с еврейского театра снимут цензурный запрет и пьеса появится на сцене. Но и этой мечте не суждено было осуществиться. В 1918 году, нехотя уступив просьбам актеров, игравших в одном из московских еврейских театров, Хаим-Нахман Бялик, крупнейший еврейский поэт первой половины XX в., перевел текст драмы с идиш на иврит, причем — небезынтересная в нашем разговоре деталь — переводя текст драмы, он заглядывал в русский оригинал чаще, чем в идиш-стский вариант. Однако при жизни Ан-ский так и не увидел ивритский «Дибук» на сцене. Между тем, октябрь 1917-го вынудил Ан-ского бежать из России в Вильно, некоронованную столицу языка и культуры идиш. Оставшись без архива и, разумеется, без «Дибука», Ан-ский был вынужден заново переводить «Дибук» с бяликовского перевода обратно на идиш, опять-таки в ожидании обещанной театральной постановки. Этот идиш-стский вариант подвергся некоторым переработкам и, наконец, впервые увидел свет (Вильно, 1919), став, как это ни курьезно, «оригиналом» драмы.

Именно этот многожды исправленный и переведенный «Дибук» (ивритский и идиш-стский) определил направление еврейского театрального искусства XX столетия. вывел на европейские подмостки московский

¹*Shmuel Werses. S. Anski's «Tsvishn tsvey velt'n («Der Dybbuk/ «Beyn shney olamot (Haddybuk)» «Between two worlds (The Dybbuk)»: A Textual History» //Studies in Yiddish Literature and Folklore/ Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 1986. P. 109.*

²О театральной судьбе драмы Ан-ского в России см.: *Иванов В. Русские театральные сезоны театра «Габима». — М.: «Артист. Режиссер.Театр», 1999. — С. 31-34, 83-113.*

Камерный еврейский театр «Габима», лег краеугольным камнем в основание современной израильской драматургии и сформировал фольклорно-этнографический репертуар американского еврейского театра. Кроме того, сделанный с идишистского «канона» английский перевод был включен в антологию шестнадцати лучших европейских драм³ (что с моей предвзятой точки зрения — преувеличение) и к концу XX столетия приобрел неслыханную, почти анекдотическую популярность. Впрочем, как бы там ни было с распределением мест в пантеоне мировой драматургии, «Дибук», бесспорно, превратился в «культовое» произведение еврейской литературы, не говоря уже о том, что с легкой руки Ан-ского понятие «дибук» (о нем позже), всегда находившееся где-то на маргиналиях еврейского языкового мышления, неожиданно вошло в разговорный обиход, стало обозначать писательскую «манию» или литературных «демонов», и приобрело новый психологический смысл: «дибук» стало попросту означать «головка у него бо-бо» или «с ним не все в порядке».

При огромной популярности «Дибука» на всех возможных языках еврейского рассеяния как-то даже странно говорить о его русском оригинале, но в нем-то все и дело: в конце 1910-х начале 1920-х годов русский текст «Дибука» бесследно исчез, как будто его никогда и не было. Кто только его не искал! Искусствовед и коллекционер А.С. Канцедикас, прекрасно знающий архивы вообще и архивы Ан-ского в частности⁴, последние двадцать пять лет тщетно искал русский оригинал — в РГАЛИ, где хранится «Дневник» Ан-ского; в питерском Этнографическом музее, куда после разгрома еврейского музея этнографии были переданы тысячи документов и предметов народного творчества, собранных Ан-ским во время его экспедиции по черте оседлости; в Вильно и Варшаве, где Ан-ский провел последние годы жизни; наконец — в киевской Национальной библиотеке им. В.И. Вернадского, где хранится переписка писателя... Никаких следов. Узнав, что первый русский вариант драмы Ан-ский послал на отзыв из Киева в Париж барону Владимиру Горациевичу Гинзбургу, профессор Института высших исследований по общественным наукам, французский специалист по восточно-европейскому фольклору Сильвия Анни Гольбер⁵ пыталась разыскать русский текст в архивах разбросанного по всему миру семейства Гинзбургов — наследников барона Владимира Го-

³Sixteen Famous European Plays. The Modern Library of the World's Best Books. Comp. by Cerf Bennett. N.Y.: Modern Library, 1947.

⁴См.: Канцедикас А., Сергеева И. Альбом еврейской художественной старины Семена Ан-ского. — М.: Мосты культуры, 2001.

⁵См. ее кн.: *Goldberg Sylvie Anne. Les deux rives du Yabbok: la maladie et la mort dans le judaisme ashkenaze*. Prague XVIe-XIXe siecle. Paris: Cerf, 1989.

раиевича — с тем же неутешительным результатом. Искал русский текст и такой блестящий знаток творчества Ан-ского, как В. Лукин⁶, ведущий программу микрофильмирования еврейских документов и рукописей в Институте исследования еврейской диаспоры в Иерусалиме и знающий практически все мыслимые и немыслимые ее архивные закоулки...

Как нередко бывает со случайными открытиями, русский оригинал «вычислили». Профессор Сэт Волиц, необыкновенно эрудированный литературовед из Техасского университета, автор книг на самые разнообразные темы — от Марселя Пруста и славянско-еврейских контактов в области живописи до поэзии антильских островов и истории еврейской кулинарии — проанализировал драму Ан-ского в контексте рубежвековой драматургии и пришел к выводу: Ан-ский не просто написал «Дибук» по-русски; он написал его с тайной и не лишеной амбициозности мыслью создать «классическую» еврейскую драму для МХАТовской сцены и для русского зрителя⁷. Догадка, казалось, лежит на поверхности, но Волиц сделал из нее несколько практических выводов: во-первых, решил он, поскольку речь идет о постановке еврейской драмы на русской сцене, совершенно естественно, что еще до того, как отдать пьесу Станиславскому, Ан-ский должен был провести ее через цензурный департамент, ведающий, кроме всего прочего, и театральным репертуаром. В архиве департамента, по всей видимости, мог оказаться авторский текст. Материалы этого департамента — а их множество — частично были переданы Театральной библиотеке Санкт-Петербурга. Судя по датам появления идишистского и ивритского вариантов драмы, искать следовало среди дел, датируемых не раньше 1914-го и не позже 1916-го... Во-вторых, Волиц обратился за помощью к Нине Варнке, специалисту по литературе идиш из того же университета, — Нина как раз работала в санкт-петербургских архивах, где собирала материалы для своей новой книги. В-третьих, когда «Дибук» — точнее, два совершенно разных русских варианта «Дибук» — был благополучно найден Ниной на полках Театральной библиотеки, Волиц предложил автору этих строк «войти в долю» и заняться подготовкой к печати «без вести пропавшего» русского оригинала. Так что отведенная мне роль «публикатора» значительно скромнее, чем роль «первооткрывателя», которому выражаю самую глубокую признательность.

⁶См. его фундаментальную статью «От народничества к народу (С.А. Анский — этнограф восточно-европейского еврейства)» // Труды по иудаике: история и этнография. Вып. 3. — СПб., 1993. — С. 125—161.

⁷*Wolitz Seth*. Inscripting Ansky's *Dybbuk* in Russian and Jewish letters. Доклад на конференции "Between Two Worlds: S. Ansky at the Turn of the century," An International Conference, March 17-19, 2001, Stanford University.

* * *

В «Дибук» пересеклись полувековые поиски Ан-ского. Ан-ский — *homo ludens*, человек играющий, но его игра особой стати. Его жизнь — ни на мгновение не останавливающийся поиск самого себя, непрерывная смена сред обитания, языков и костюмов. Он был ешиботником и расстригой, *маскилом* (еврейским просветителем) и русским народником, литовским переплетчиком и украинским сельским учителем, эсером-путчиком и немножко бундовцем, еврейским драматургом-сатириком и русским бытописателем-костюбристом, исследователем еврейской этнографии и фольклора и бойким литературным критиком, наконец — фронтовым корреспондентом. При всем разнообразии Ан-ских «лиц и масок» (как сказал бы К.И. Чуковский), в его жизни всегда присутствовала неизменная нравственная константа. Во-первых, Ан-ский всегда играл до конца; он верил своей роли и шел за ней. Во-вторых, его игру отличал подчеркнутый, последовательный демократизм, адресатом которого мог быть и русский крестьянин, и еврейский пекарь. В-третьих, его роли связывала воедино сквозная мессианская идея.

Примечателен в этом смысле один из эпизодов его биографии. Галиция, 1915-й год. На бывшей австрийской территории русские оккупационные войска громят еврейские местечки. Еврейскому населению — скопом — предъявлено обвинение в шпионаже (ведь евреи говорят на идиш — почти немецком!). За обвинениями следуют расстрелы и массовые депортации. Слухи о погромах доходят до Думы. Депутат Фридман требует безотлагательного расследования. Но кто беспристрастно опишет творящееся в Галиции — неужели оккупационные власти? Ан-ский добивается разрешения на поездку в прифронтовую зону и отправляется на западный фронт как служащий Красного Креста, сопровождающий поезд с медикаментами. Вот он в галицийском местечке. На нем черной кожи галифе и офицерского кроя кожаный френч. Казаки принимают Ан-ского за полковое начальство и по первому его требованию прекращают погром. А по галицийским местечкам, где побывал Ан-ский, расплзается слух, что к евреям (спасать их от погромов) пришел мессия — говорящий на идиш русский полковник...

Родившийся в деревне Чашники под Витебском Шлойме Занвл Раппопорт (1863—1920; псевдоним Ан-ский подсказан ему, по видимости, Глебом Успенским) должен был, как полагали его богобоязненные родители, окончить хедер, затем пересесть на скамью одного из литовских ешиботов, получить (или не получить) звание раввина, «смиху», или, не дай Бог, поступить в медицинское или коммерческое училище, но во всяком случае, без сомнения, лет в восемнадцать жениться, обзавестись семьей и заняться учительским трудом в одной из еврейских школ черты оседлости. Шлойме Раппопорт решил иначе. Сперва, начитавшись светских книг на иврите, написанных приверженцами *Хаскалы* (еврейского про-

светительского движения), он сбежал из ешибота и стал фанатичным маскилом, сторонником еврейской интеграции в большую европейскую культуру. Отныне для него еврейская традиция — обскурантизм, а светские дисциплины — залог спасения. Вместе с друзьями — своего рода ешиботниками-«расстригами» — он организует кружок пропагандистов еврейской аккумуляции. Все в том же сатиновом кафтане задрипанного ешиботника он отправляется в самую глушь черты оседлости — в хасидистские местечки Белоруссии, устраивается учительствовать, и, пока его не выгнали взащей, промывает мозги еврейских детей еретическими, с точки зрения их родителей, бреднями. Он толкуывает им, что подлинное знание не исчерпывается препирательствами между Абайе и Ровой, двумя знаменитыми спорщиками из Талмуда, что изучение русской грамоты не обязательно сопряжено со смертным грехом и что Пятикнижие написали и отредактировали обыкновенные евреи, а не Всевышний, да будет благословенно его имя.

Когда разгневанные обыватели с позором и угрозой отлучения изгнали его из очередного местечка, Шлойме Раппопорт решил, что жестоковидные евреи недостойны его бескорыстного энтузиазма и что все они — сборище мракобесов. Вот русский народ — совсем иное дело, ему не жалко посвятить свои силы и лучшие годы. Раппопорт окончательно порывает с еврейской средой, с поразительным упорством вгрызается в русскую грамматику и синтаксис, овладевает русским литературным языком, всерьез подумывает о крещении, пишет по-русски первые рассказы, получает снисходительное одобрение своего нового кумира — Глеба Успенского, и преображается из бывшего ешиботника Шлойме Занвля Раппопорта в русского народника Семена Акимыча Ан-ского. Именно в этом качестве он идет в народ — в свою, забегая вперед скажем, первую этнографическую экспедицию. Ан-ский едет в Донбасс, к местным крестьянам и шахтерам, которых он обучает их грамоте и которым читает вслух из русской литературы. В результате этого хождения на свет появилась книга, недооцененная и недопонятая ни современниками, ни историками. Ан-ский назвал ее «Народ и книга», как будто бы в продолжение размышлений еврейских просветителей о «народе книги» и самой «книге» — об иудеях и Библии. На самом деле Ан-ский смело перенес «народ и книгу» с еврейской почвы на русскую. «Мне нужна почва... Я остановился на русской деревне», — писал он в эти годы своему другу детства Хаиму Житловскому⁸. В «Народе и книге» Ан-ский рассказал о том, как реагирует на произведения русской литературы его донбасский слушатель — шахтер, крестьянин, черноработчий — как он воспринимает лубок, и как — классику, как он реагирует на книжные иллюстрации, как он комментирует по ходу чтения персонажей, сюжет, тему... В книге «Народ и книга» — ее еще предстоит по достоинству

⁸ *YIVO Bleter* 2 (1994), 288-289.

оценить — сам о том не помышляя, Ан-ский предвосхитил на сто лет семиотику чтения и рецептивную эстетику, заявил о себе чуть ли не как о первоклассном социологе культуры.

Затем последовали десять эмигрантских лет, проведенных в Париже в тени Петра Лаврова — Ан-ский у него секретарствовал. По видимости, только здесь, во Франции, к Ан-скому приходит разочарование в народничестве — слишком просветительно-пассивном, чтобы сладить с российскими недугами. В 1900 году, после смерти своего покровителя и работодателя, Ан-ский оказывается в Берне, среди основателей партии эсеров (скорее, как симпатизирующий, чем как активный партиец), и, парадоксальным образом, через русское революционное движение и свои «натуралистические» очерки о французских рабочих открывает для себя давно им покинутый еврейский народ. Он возникает перед Ан-ским в образе еврейских социал-революционеров и вожakov Бунда — Союза еврейских рабочих России, Литвы и Польши. Теперь для Ан-ского «народ» — это еврейский интеллигент, своеобразный пролетарский мессия, несущий спасительную революционную весть, эту новую Библию, еврейскому рабочему. Именно для него, для еврейского пролетария, вкалывающего без роздыху по восемнадцать часов на текстильных и табачных фабриках Лодзи и Белостока, Ан-ский переводит «Интернационал» на идиш и пишет «Ди Швус» — «Клятву» — стихотворение, которое сразу же становится гимном Бунда.

После 1905 года Ан-ский возвращается в Россию, где благодаря его недюжинным культуртрегерским усилиям — или с его подсказки — создаются Общество еврейской музыки, еврейское историко-этнографическое общество, многочисленные общества любителей еврейской словесности. Столичная русско-еврейская среда приняла своего блудного сына с распростертыми объятьями, обласкав его вниманием, доброжелательством и славой. К концу 1900-х гг. Ан-ский — автор пятитомного собрания русской прозы и драматургии, а также 15-томного собрания произведений на идиш, один из самых популярных русских еврейских литераторов. 25-летие его литературной деятельности отмечается с помпой, как событие общероссийского масштаба.

Но непоседе Ан-скому с этим «народом» неуютно: ассимилированный, с тоской и брезгливостью оглядывающийся на своих соотечественников в черте оседлости, столичный интеллигент слишком обрусел, чтобы претендовать на звание «народа». И Ан-ский оказывается перед новым жизненным поворотом, перед новым открытием: не интеллигенция, но когда-то навсегда им покинутое местечко черты еврейской оседлости, не политизированная петербургская среда, но столь ненавидистые его пылкому юношескому энтузиазму хасиды, обитатели Державин и Ружина, Славуты и Меджибожа, — вот что такое «народ». А его «книга» — это корневая хасидская духовная культура и взошедший на ней, как на дрож-

жах, еврейский фольклор, еще не записанный, не исследованный, мало кому интересный и ожидающий своего, как выразался впоследствии Ан-ский, «спасителя». Сказать об этом вслух в раскаленной атмосфере русско-еврейских политических дебатов 1900-х гг., казалось, было и несвоевременно, и нелепо. Ставки были слишком высоки: на повестке дня стояли вопросы о еврейском равноправии, о недавних погромах и еврейской самообороне, об эмиграции, о еврейских школах, о колонизации земель в Палестине, — кому нужен фольклор еврейского местечка? Что за безумие? Только после первой мировой и гражданской войн, раз и навсегда уничтоживших старый уклад и культуру штетла — тем более, после второй мировой, окончательно решившей вопрос о последних местечковых жителях, стало ясно, что Ан-ский был прав. Еще до того, как еврейская местечковая Атлантида канула в небытие, Ан-скому удалось спасти и сберечь, не побоимся патетики, уникальные памятники ее духовной и материальной культуры.

Ценой неимоверных усилий и психологического напряжения, преодолевая непонимание, безграмотность и высокомерие соотечественников, между 1911 и 1914 гг. Ан-скому удалось организовать и провести фольклорно-этнографическую экспедицию в черту оседлости. Похоже, в поездках по местечкам черты он впервые оказался самим собой — не случайно впоследствии экспедиция стала едва ли не лучшим, во всяком случае самым органичным из его «произведений». Восковые валики с записями хасидских напевов, резные деревянные украшения народных умельцев, лубочные рисунки к иудейским праздникам, каббалистические и хасидские рукописи XVII — XIX вв., рукописные книги еврейских традиционных братств и общин (*пінкасы*), уникальные документальные фотографии и народные костюмы — все это исчисляемое сотнями артефактов — вот далеко не полный перечень Ан-ских приобретений. Нам еще предстоит все это собрание толком осмыслить и оценить. Однако сам Ан-ский был недоволен, более того — он считал, что прижимистость барона Гинзбурга (к слову, самого щедрого из благодетелей), спесь московских нуворишей-обещалкиных и, разумеется, грянувшая мировая война скомкали его планы. Утешался он тем, что из экспедиции он вышел с новым, во многих отношениях неожиданным и для него самого произведением — драмой «Дибук».

* * *

До сих пор считалось, что «Дибук» написан Ан-ским под впечатлением от его поездок с этнографической экспедицией по черте оседлости, по свежим следам его «диалогов» с жителями местечек, а также на основании собранных им уникальных фольклорных документов. Нет сомнений, что экспедиция 1912—1914 гг. «имени барона Горация Евзелевича

Гинзбурга» — одно из важнейших событий в биографии Ан-ского и перво-степенный этнографический комментарий к «Дибук»: об этом говорят и записи Ан-ского экспедиционного «Дневника», и относящиеся к 1912—1914 гг. его переводы и наброски, и любопытные параллели между каббалистического содержания рукописями, собранными экспедицией, и мистическим подтекстом драмы «Дибук» в целом. Тем не менее, при всей безупречности фольклорно-этнографических реалий, «Дибук» — лиро-эпическая драма. Этот ее глубоко интимный, хотя и «подавленный» ха-сидской мистикой пласт самым неожиданным образом связывает «Дибук» с малоизвестными эпизодами биографии Ан-ского. В некотором смысле можно утверждать, что замысел «Дибука» восходит ко второй половине 1900-х гг.: исполненная высокой патетики и символизма драма возникает из самой прозаической мелодрамы, развернувшейся вокруг личной жизни Ан-ского.

Отношения Ан-ского с женщинами явно не складывались. В годы парижской эмиграции он вел довольно беспутную и веселую жизнь — о чем не без иронии вспоминал в переписке с другом детства, популярным еврейским социалистом Хаимом Житловским, — и даже пытался обзавестись семьей. Но первый брак постигла неудача: его французская жена, женщина вздорная, не приемлющая образ жизни Ан-ского, занятого с утра до вечера литературной поденщиной, закатывала ему истерики, требовала денег и внимания, так что о литературной работе — не говоря уже о существовании под одной крышей — не могло быть и речи. Ан-ский сперва скрипел и жаловался. А потом просто сбежал. Но мысль о доме, о собственном очаге его не оставляла. Это не тривиальное утверждение: Ан-ский, рано постаревший, весь в морщинах, с почерневшими зубами, с седой, как лунь, бородкой отставного русского народника, в пыльном дорожном костюме с лоснящимися и выдавшими виды брюками, без кола и двора, с портфельчиком, где помещалось все его имущество — рукописи и пара белья, с вечно меняющимся адресом, всегда легкий на подъем, не имеющий права жительство за пределами еврейской черты оседлости и всегда обремененный заботой о том, где бы переночевать, — Ан-ский мечтал о семье и тосковал о доме.

Эта тоска выплеснулась в его привязанности к Эде Глезерман, дочери владельца лампового магазина в Витебске, пианистке и натуре весьма романтической, на которой Ан-ский женился в 1906 году, сразу по возвращении в Россию. Эдя, со всей своей милой наивностью еврейской провинциальной барышни, но столь же наивно-претенциозно «эмансипированная» и не в меру избалованная, годилась Ан-скому в дочери. Разъезжая по городам и весям с лекциями по еврейской литературе и фольклору (и зарабатывая тем самым деньги для молодой семьи), Ан-ский писал Эде вдохновенно-восторженные письма — о любви, о «покойной домашней жизни» где-нибудь в Териоках, о том, как к ним, на «домашние» среды,

будут приходить друзья — послушать, как Ан-ский читает вслух новые вещи. Удивительно, что на своем знаменитом полотне «Ан-ский читает «Дибук» Леонид Осипович Пастернак запечатлел не столько Ан-ского, читающего новую пьесу, сколько самое Ан-скую мечту — уют гостиной, друзей-слушателей, чутко внимающих чтецу, низкую лампу, теплый полумрак все еще доброжелательной рубежвековой таинственности.

Развязка наступила внезапно. Во время одного из своих многочисленных лекционных туров по российским городам и весям Ан-ский узнал, что Эдя влюбилась по уши, что у нее — пылкий роман с неким А.И.П. (так этот человек обозначен в письмах Ан-ского), и что дело дошло до Лиговского госпиталя, где Эде сделали аборт. Ан-ский был взбешен. Он считал, что никак не заслужил такой оплеухи от милого ему человека. Он был готов к немедленному разрыву и формальному разводу. Но мудрость и опыт «ребе» — как в шутку называл Ан-ского Осип Мандельштам — взяли верх. Ан-ский отправил Эде сдержанное письмо с требованием разорвать «там» все отношения и покаяться. Эдя, похоже, вняла рассудку. Ан-ский и Эдя обменялись примирительными письмами: Эдя изъявила готовность вернуться («возьми мою жизнь и делай с ней что хочешь»), Ан-ский — доверить ей свою «чистую жизнь» и «чистое имя».

Правда, он просал не безусловно. Ан-ский искренне надеялся, что Эдя раскается и исправится. В своих письмах к Эде он пользовался словами, которые для них тогда значили больше, чем для нас сегодня. «Раскаяние» и «исправление» были созвучны двум ключевым понятиям еврейской этики, крепко спаянным в единый смысловой узел. Эти понятия — «тешува», означающая «ответ на запрос», «раскаяние» и «возвращение», и — «тикун», то есть капитальный «ремонт» заблудшей души, ее «обновление», «исправление». Забегая вперед заметим, что эти два понятия, возвращенные в лоно породившей их религиозной традиции, станут ключевыми в «Дибук»: «тикун» послужит исправлению затесавшейся в мир живых души покойника Хонона, а «тешува», раскаяние Сендера, окажется неременной предпосылкой другой «тешувы» — возвращения дибук в мир мертвых. В переписке с женой Ан-ский говорил о «раскаянии» и «исправлении» и верил, что ему удастся изгнать из жизни Эди призрак третьего человека, этот наглый *дибук*, бесцеремонно и безобразно вторгшийся в его выстраданное семейное счастье.

Вот тут и возникла драма. Первый ее вариант, 25-страничный, Ан-ский сочинил в жанре «еврейской драматической легенды» — вовсе не для постановки, но скорее как *текст для чтения*. Прошая Эдю, Ан-ский писал, что с нетерпением ждет, когда они вдвоем устроятся в своем «уютном гнездышке», и будут вместе читать только что написанную им пьесу. Весьма вероятно, что речь идет о первом варианте «Дибук». В этом первом варианте — Ан-ский считал его завершенным произведением и не предполагал его позднейших перерождений — возникает рамочный сю-

жет, напрочь отсутствующий в более поздних разработках драмы. В первой и последней сценах (в «прологе» и «эпilogе») появляется как бы «другое я» Ан-ского — сердитый, но милосердный старик, увещающий свою беспутную дочь, которая, едва ей исполнилось восемнадцать, влюбилась без памяти, бросила старика-отца (мать давно покойница), сбежала с предметом своей страсти и спустя пять лет явилась с повинной. Примирение между отцом и дочерью — дело непростое, особенно если учесть, что старик-отец не готов к прощению, относится к дочери более чем сдержанно, говорит с недоговорками, общается с ней как с зачумленной, и, когда дочь вызывает его на прямой разговор, вместо ответа на вопрос, знал ли он в молодости, что такое любовь и страсть, рассказывает дочери драматическую легенду о дибукe, «в четырех действиях»⁹.

То, что отношения между старым евреем и его дочерью во многом повторяют отношения Ан-ского и Эди, — уже само по себе знаменательно. Но еще более знаменательно то, что в этом варианте драмы рассказ о дибукe, мертвой душе, вселившейся в живого человека, оказывается своего рода вставной назидательной пьесой-новеллой, цель которой — заклеить пагубную, испепеляющую человеческое естество страсть, развенчать чувственно-плотскую любовь, вызвать глубокое раскаяние, вернуть дочь отцу и восстановить первоначальную «гармонию сердец».

На первом плане «первого» же «Дибукa» — этнографические картины традиционного местечкового еврейского мирка. Синагогальные старики рассказывают о резне времен гайдамачины, об убиенных во время свадьбы женихе и невесте и об особом обычае этого местечка — после венчания увеселять молодых, похороненных возле синагоги. В разговоре возникают характерные хасидские притчи о скрытых праведниках, обычно принимающих облик странствующих нищих. Разумеется, по логике вещей центральным персонажем в этих притчах оказывается Баал Шем Тов (сокращенно — Бешт, наст. имя — Исраэль бен Элиэзер, ок. 1700—1760), основатель восточно-европейского хасидизма, преображенный легендой в доброго волшебника и еврейского заступника. В одной из притч, рассказанных синагогальным стариком, Бешт карает, обрекая на слепоту, злого польского пана, колдуна, на чьей совести — смерть еврейских младенцев, задушенных черной кошкой-оборотнем в ночь перед обрезанием. За нищими стариками вступает хор нищих старух, ожидающих дармовой пирушки по случаю готовящейся свадьбы: расталкивая друг дружку, они требуют своего незыблемого права — потанцевать с невестой Лией, прикоснуться к ее девичеству и чистоте, возносящей и исцеляющей от старческих хворей. Окруженная старухами, на пороге взрослой жизни Лея задумывается о смерти и о душах безвременно умерших. Столь свойствен-

⁹ Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека. Отдел рукописей и редких книг. № 44248.

ная рубежвековой драматургии — от Хенрика Ибсена и Мориса Метерлинка до Леси Украинки и Леонида Андреева — сосредоточенность на мысли о неизлечимой болезни мира, на затухании и смерти мира, приобретает у Ан-ского не философски-декадентский, но ритуально-фольклорный смысл.

Мысль о душе умершего до времени, вернувшейся в мир живых — вот где начинается Ан-ский дибук. Лия отправляется на кладбище, зовет на свадьбу души родственников, и между прочим, чтоб не обидеть остальных, приглашает и некоего Хонона. Мы знаем о нем лишь то, что он умер «нехорошей смертью» и что он жил в доме отца Лии «как родной». Хонон, центральная фигура в более поздних вариантах «Дибука», — здесь даже не второстепенный персонаж: он назван по имени, но история его жизни и смерти, причина его превращения в дибук, его тайная любовь к Лии, его увлечение каббалой, — все это остается за скобками и домысливается нами ретроспективно, по прочтении «классических» вариантов драмы. Здесь же, в первом варианте, Ан-ский снова разворачивает перед зрителем-слушателем этнографические картины — раздачи угощения нищим, вручение свадебных подарков, приезд жениха. Только в самом финале, когда Лию ведут под венец, она вдруг вырывается, голос ее становится мужским, грубым, и неназванная по имени душа Хонона вещает устами Лии: «Вы меня похоронили. А я вернулся к моей суженой и не уйду от нее. Отступитесь от меня...»¹⁰ Присутствующий на свадьбе раввин произносит приговор, впервые упоминая слово, выведенное в название драмы: «В нее вошел дибук». За сим, в следующей сцене — эпилоге, старик-отец, он же — рассказчик, торжественно и печально произносит «благословен судья праведный» — формулу, которой иудейская традиция предписывает отвечать на известие о смерти ближнего.

* * *

Ан-скому не довелось читать «Дибук» с Эдей, в семейном дачном уединении. Когда Эдя вернулась из Давоса, куда она отправилась подлечить расшатанные нервы, Ан-скому стало известно, что она не прервала «там» отношений, наоборот — ее переписка и встречи с любовником продолжались, и что она даже обсуждала с ним скорую смерть Ан-ского, неизбежную из-за якобы открывшейся у него «грудной жабы». Эдю «спасть» было слишком поздно. Дибук, которого Ан-ский пытался изгнать, одержал верх. Эта мысль — об опоздавшем спасении — появится во второй редакции «Дибука». Увидев, что Лея и душа Хонона слились в последнем смертельном объятии, цадик в финале канонического «Дибука» говорит: «Слишком поздно [мы пришли]» (в нашем варианте — «опозда-

¹⁰ Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека. Отдел рукописей и редких книг. № 44248.

ли...»). Ан-ский раз и навсегда похоронил свою мечту о семейном счастье и душевном уюте, потребовал формального развода, и с samozабвением, граничащим с отчаянием, погрузился в экспедиционные хлопоты, на время забыв обо всем остальном — и о «Дибук» в том числе.

Но в самый разгар экспедиции он вновь вернулся к «Дибук». Публикуемый вариант драмы, впервые возникший в 1913 году, решительно отличался от первого¹¹. Здесь романтическая фабула отступает на второй план. Этнографические и фольклорные элементы (по сравнению с первой версией «Дибук») также становятся неким театральным задником, и наоборот, конфликт между отцом Хонона и отцом Лии, а также экзорцистские усилия цадика заполняют основное сценическое пространство. «Старик»-рассказчик из первого варианта вместе со всем прологом исчезает из последующих версий — Ан-ский вводит функции «старика» в повествование, резко усилив и психологически обострив роль цадика, который теперь, в финале, буквально воспроизводит слова и мысли старика. Теперь цадик, не старик, произносит над погибшей Лией сакральное благословение Всевышнему, краткую формулу иудейской теодицеи. Но самое главное, что Ан-ский в корне изменил свое понимание дибук: в первом варианте сама встреча с ним, казалось, чревата смертью, тогда как в «классическом» варианте драма Лии *начинается* с этой встречи. Хонон-дибук вместе со своими каббалистическими поисками и тайной страстью к Лие выдвигается на передний план, он занимает все первое действие, задающее тон драме. В классическом «Дибук» совершенно видоизменяется символика конфликта: из социально-психологического, к месту и не к месту поминаемого, он становится философско-символическим. Ан-ский сталкивает лоб в лоб каббалиста Хонона (и его душу) с каббалистом же цадиком. На авансцену выходят два оппонента, две формы иудейской мистики — хасидизм и саббатрианство, две идеологии, одна из которых определила духовно-философские и религиозные поиски ашкеназского еврейства, а другая вызвала глубочайший нравственный и социальный (если не религиозный) кризис как у ашкеназских, так и у сардских евреев.

Хасидизм у Ан-ского весьма далек от реального хасидизма, мощного мистико-философского учения, ставшего самостоятельным социальным движением во второй половине XVIII — начале XIX веков. Историкам рубежа веков хасидизм виделся народным движением, направленным против раввинистической аристократии, духовным (и «душевым») чувством, отвергающим черствую талмудическую доктрину. Эту мысль, многократно опровергнутую и новейшей историографией, и новооткрытыми архивными источниками, Ан-ский выразил в целом ряде своих ста-

¹¹ Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека. Отдел рукописей и редких книг. № 44212.

тей и заметок, где хасидизм представлен народническим революционным движением — неким фольклорного происхождения иудейским нищезанством, пылким, огненным, волевым. Именно хасидизм, по Анскому, с его мощным духовным потенциалом и фольклорной основой, способен противостоять анемичной культуре европейского декаданта¹². Этнографические поиски Анского, да и сама его экспедиционная затея, целиком и полностью обусловлены этой своего рода «утопией» хасидизма. Не случайно раби Шлоймеле Тартаковер, хасидский цадик из «Дибук», генеалогически возведен к самому раби Велвеле, ученику Бешта.

Исторический раби Велвеле (полное имя — Зеев Кицес) был ближайшим другом, сподвижником и учеником Баал Шем Това (Бешта, см. комментарии). Он, вероятно, жил в Меджибоже, на Подолии, еще до того, как там в 1740 году поселился Бешт. Похоже, он даже получал субсидию местного кагала — как «стипендиат» Бешта. Он надолго пережил и Бешта (ум. 1760), и магида (проповедника) из Межерича (ум. 1772), с именем которого связывается распространение хасидизма в Белоруссии, Польше, Литве и на Украине. В сборнике рассказов о Беште *Shivhei ha-Besht* (1815—1816), носящем агиографический характер, Кицес упоминается многократно; кроме всего прочего, о нем говорится — с оттенком предположения — как о *зятце* магида из Межерича¹³. По другим сведениям Кицес умер в 1789 году, он был женат вторично в зрелом возрасте и ему наследовал сын Нахман. Последняя деталь представляет особый интерес: совершенно ясно, что историю своего цадика Анский выдумывает. Раби Шлоймеле вспоминает своего отца — раби Ицеле (уменьшительное от Ицик, Исаак), деда, раби Меер Бера (не Нахмана!), наконец, прадеда, раби Велвеле, — но историческая достоверность распространяется только на последнего. Благодаря вымышленной генеалогии, Анский связывает цадика прямым родством с центральными фигурами хасидизма. Не только высокий сан — цадик, глава хасидской общины, — но само имя раби Шлоймеле внушает соответствующий трепет и придает особую духовную силу его действиям.

Парадоксально, что цадик у Анского, при всех своих замечательных предшественниках, не в силах изгнать дибук. Ритуал, в котором отработаны, канонизированы и многожды опробованы все подходы и приемы, ему не по силам. Раби Шлоймеле знает слова и заклинания, но они утратили силу и не действуют, как прежде. Удивительно точно это свойство подметил Владимир Горациевич Гинзбург, вероятно — один из первых читателей Анской драмы, в одном из своих писем к Анскому:

¹²См.: Архив института YIVO (Нью-Йорк), фонд Хаима Житловского 1882—1953, fol. 71, Анский — Житловскому, 6 сентября 1908 г.

¹³См. о нем: *Shivhei ha-Besht*, № 34, 123, 126, 152, 173.

«Еще могу сказать, что Вашему цадику я не верю. Ваше изложение не оставляет сомнения в том, что окружающие преисполнены веры в его сверхъестественное могущество, но ничто не указывает на [его] честность, искренность и веру. Я, с его стороны, вижу умение пользоваться состоянием умов паствы и желание, сохранив свой авторитет, уладить дело в интересах тех лиц, с которыми ему приходится быть в сношениях, для каковой цели он готов на несправедливость по отношению к пострадавшим, мертвым. Я не вижу, чтобы он был проникнут величием роли, чтобы он был в некоторой степени рабом своего высокого призвания»¹⁴.

Барон Гинзбург подметил важное свойство «Дибука», которое Анский впоследствии сюжетно обосновал, сделал более выпуклым и осязаемым. В «Дибуке» хасидистский мир угасает, в нем нет прежнего блеска. Патетика ничтожных синагогальных стариков, вспоминающих о былой славе великих цадиков — раби Дувидла из Тального, раби Исраэля из Ружина, раби Леви Ицхака из Бердичева — оттеняет немощь и бессилие цадиков нынешних. Да, вроде бы о Сендере, отце Лии, говорится как о настоящем хасиде — «с огнем, с порывом», но при всем при том хасидизм и мир, его породивший, убывает, вырождается, как в гностически-манихейской обратной прогрессии: «поколения мельче, грехи сильнее, цадика слабее». Если для Анского 1900-х хасидизм был синонимичен народничеству и революции — как читать столь своеобразно зашифрованное в мистические символы переосмысление его судьбы?

Ключ к ответу на этот вопрос — в руках у Хонона. Хонон оперирует теми же категориями, что и хасидизм. Для него, как и для раби Шлоймеле, практическая каббала (названная в драме «действенной») — основа той особой мистической чувственности, что придает горний смысл всякому, почти механически совершаемому действию, исполнению любой, даже самой незначительной заповеди (из заповеданных иудеям 613-ти), наконец, любому жизненному обстоятельству. Хонон зачитывается одной из популярных книг по практической каббале — анонимной книгой *Sefer Raziel ha-Malakh* (Амстердам, 1701), во многом восходящей к «профетической» каббале Авраама Абулафии (1240—1292). В одном из поздних изданий этой книги содержится глосса, характерным образом отсутствующая в других изданиях, между прочим упоминающая, что «тайное знание» практической каббалы, содержащееся в этой книге, некто «великий учитель Леви Ицхак» получил от некоего «великого учителя нашего Дов Бера». Речь идет, разумеется, о Дов Бера, магиде из Межерича, и Леви Ицхаке из Бердичева — знаменитейших хасидских проповедников¹⁵. Мысль Хонона о каббале, приоткрывающей чертог тайн и возносящей к чертогу

¹⁴Национальная Библиотека Украины им. В.И. Вернадского, отдел «Ориенталия». Ф. 339. Д. 312 (III, N 7625), Л. 1—2об.

¹⁵*Sefer Raziel ha-Malakh. Medzhibozh*, 1819. P. 29a.

красоты — эманациям творящего демиурга — разделили бы все хасидские цадикки, чьи имена упомянуты в «Дибук». Полагаю, что и требование Хонона «исправлять» мир, а не «созерцать» его — при всех марксистско-фейербаховских отзвуках этой мысли — восходит к лурианской каббале и к центральному ее концепту «тикун» («исправление», «усовершенствование» мира), принятыми хасидской этикой за основу. Так что Хонон со всем своим обостренным каббалистическим чутьем — двойник раби Шлоймеле. Двойник — и убежденнейший оппонент.

Все дело в том, что через сто лет после Исаака Лурии (основоположника лурианской каббалы) и почти за сто лет до Баал Шем Това, в 1660-е гг., каббала оказалась в центре внимания саббатрианства — мессианского движения, во главе которого стоял лже-мессия Шабтай Цви и его «пророк» Натан из Газы. Здесь не место спорить о том, была ли каббала саббатрианцев по-преимуществу лурианского толка (как считает Гершом Шолем) или же абулафиевского (как утверждает Моше Идель), была ли она «философией» или «практикой» возвращения евреев из изгнания и их духовного раскрепощения; для нас важно, что саббатрианская ересь оперирует теми же каббалистическими понятиями (разумеется, кардинально переосмысленными), что легли в основу хасидизма. Эта парадоксальная природа саббатрианства сделала его весьма привлекательной темой в литературе декаданса — от современной Ан-скому пьесы Шолом Аша «Шабтай Цви» — забавно, что Ан-ский считал эту пьесу «данью моде» — вплоть до романа Исаака Башевиса Зингера «Дьявол в местечке Горай» (в последнем, к слову, саббатрианская душа принимает образ дибук). Даже в утопическом еврейском царстве-государстве 1920-х гг., описанном у Теодора Гершля в его полузабытом романе *Altneuland* (1902), самое популярное театральное представление — опера «Шабтай Цви». Не удивительно, что Ан-ский не прошел мимо этой «моды» — удивительно только, что этого обстоятельства совершенно не заметила литературная критика.

Хонон в такой же степени каббалист, в какой он саббатрианец. Ему нужна не только тончайшая мистика — ему нужна Лия. Чтобы добиться ее руки, он готов использовать каббалистическое знание в своекорыстных целях. Да, он исправляет некую совершенную по отношению к нему несправедливость — но вопрос в том, имеет ли он право пользоваться каббалистическим знанием для того, чтобы восстановить столь эгоистично понятую справедливость. Вопреки предостережениям богобоязненных собеседников, с помощью практической каббалы Хонон готов сделать «все, что угодно» — уже само это его желание превращает каббалу в черную магию. Ослепительная каббала, с точки зрения хасидизма — очищающая и возносящая, отверзающая очи и позволяющая коснуться тайн, в случае Хонона — как и в случае саббатрианства — оказывается своей противоположностью, низвергающей Хонона в пропасть безрассудства и слепой страсти.

Хонон, как мы пытались пояснить в комментарии, подыскивает теургические ключи к имени возлюбленной и при этом балансирует на грани богохульства. Он, вослед лурианской каббале, готов признать, что все вещи и явления содержат искру божьей святости (*netsots*), и на нас, смертных, возложено распознать эти искры и возвратить их по адресу — чтобы восстановить гармонию мира, созданного первоизданым светом, совокупностью ныне рассыпанных искр. Для хасидизма отыскание этих искр (*netsotsot*) в обычных предметах или явлениях — способ приподнять мир над самим собой, преобразовать его, одухотворить обычное и рутинное. Ради этого цадик «нисходит» в мир, чтобы затем, вместе с полуграмотными простыми иудеями, никогда не помышлявшими о том, что в их душе таится искра божественности, совершить «восхождение» и приблизить их к Всевышнему.

Хонон занят поисками все тех же божественных искр, но при этом его больше всего интересует, как найти искру святости в грехе и грехопадении, как добыть эту искру из недр «ситро ахро», нечистой силы, и как поставить ее себе на службу. И ради этого он готов, как он сам говорит, «исправлять» грех, позволяя страсти и похоти поглотить его целиком. «Святость в грехе?» — изумляется его собеседник Ханох в идишистском варианте драмы. Да, именно так. Хонон начинает с практической каббалы, а заканчивает удивительным открытием: имя своей возлюбленной он дешифрует (в точном согласии с правилами грамматики древнееврейского) как аббревиатуру, означающую «не через Бога». Иными словами, мир сотворен, живет и дышит «не через Бога», а благодаря греху, падению, мраку. Не случайно году в 1666-ом Шабтай Цви, предтеча, если не метафорический наставник Хонона, решил принять ислам, ибо ислам — с его извращенной точки зрения — воплощение мировой мерзости, а он, Шабтай, обязан опуститься в его глубины, чтобы отыскать там, в глубинах, таящиеся искры святости и возвратить их Всевышнему, совершив «тикун», исправление ислама. Духовная смерть Шабтая и физическая смерть Хонона сродни друг другу: первая породила рассыпанные от Галлиполи до Галиции группы тайных поклонников Шабтая, развращающих правоверных иудеев мыслью о «святости греха», тогда как смерть Хонона порождает дибук, трагически влюбленный в Лию и разъедающий ее человеческое «я».

Именно в этом контексте следует понимать столкновение раби Шлоймеле и Хонона. В финале драмы не только губительная, вот уж воистину испепеляющая страсть Лии и дибука-Хонона одсрживает верх. Ан-ский свидетельствует победу дибука над цадиком, слепого безумия над сосредоточенной честностью, саббатянства над хасидизмом, лже-мессианства над народничеством. Так ли уж неправ был в 1913 году Ан-ский?

* * *

С появлением нескольких самостоятельных версий аватары «Дибук» не закончились: Ан-ский продолжал дорабатывать и видоизменять все три варианта драмы. В 1915—1917 гг. он читал «Дибук» в литературных и театральных салонах Одессы, Киева, Москвы и Петрограда. Среди его слушателей и критиков — Максим Винавер, Владимир Жаботинский, Шмуэль Нигер, Хаим Нахман Бялик, Семен Фруг, Менделе Мойхер-Сфорим. Ан-ский, судя по его аудитории, читал и русский текст, и версию на идиш. Реакция слушателей была по большей части критической: пьеса-де не пьеса, а драматизированные этнографические картины; за цитатами из еврейских первоисточников сюжета не видно; «Дибук» лежит за пределами художественной литературы — где-то в сфере фольклорных обработок. Ан-ский был подавлен, но слушал внимательно и по следам дискуссий вносил исправления в текст.

Замечания убедили его еще крепче связать Хонона с практической каббалой. В позднейших версиях Ан-ский даже предпослал драме эпиграф, подчеркивающий саббатинский характер хононовской ереси — в эпиграфе есть слова о «зернах спасения», скрытых в «грехопадении». Затем по просьбе Станиславского Ан-ский ввел в текст символическую фигуру «посланника» — вполне в духе загадочного метерлинковского *deus ex machina*, вестника «оттуда», посредника между горним и дольным мирами. Ан-ский переадресовал ему некоторые реплики цадика. Поразительно, как старик — *alter ego* Ан-ского из первого варианта драмы — трансформировался в старого цадика, а впоследствии — в посланника, пророка и мессию. Неожиданно для самого Ан-ского метаморфозы драмы привели к тому, что весьма второстепенный русско-еврейский писатель-народник вдруг заговорил голосом пророка. И в его голосе отчетливо прозвучало не осуждение, не безжалостный приговор, а жалость к раз и навсегда уничтоженному местечковому миру черты оседлости, где живут и дышат каббалой, где господствуют живые человеческие страсти и где разгуливают на воле души умерших, взыскующие справедливости, — дибукки.

Семен Ан-ский

МЕЖ ДВУХ МИРОВ (Дибук)

Еврейская драматическая легенда
в трех действиях

Лица:

Раби Шлоймеле Тартаковер — цадик, старик
 Михозль — его главный служка (габай)
 Раби Шамшон — раввин в Тартакове
 1-й | — духовные судьи (даяны)
 2-й |
 Сендер Гевирцман — купец, хасид в Бринице
 Лия — его дочь
 Фрада — ее старая няня, полуслепая
 Гитель — племянница Лии, приезжая
 Хонон |
 Энех | — ешиботники в Бринице
 Хаим |
 Меер — синагогальный служка в Бринице
 1-й |
 2-й | — синагогальные завсегдатаи, старики.
 3-й |
 Прохожий старик
 Старый хасид
 Пожилая еврейка
 Хасиды, ешиботники, прихожане, дети.

Первое действие происходит в Бринице в синагоге, второе и третье в Тартакове, в доме раби Шлоймеле.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Низенькая, очень старая деревянная синагога с почерневшими стенами с подпорками¹. С потолка спускаются два старинных медных канделябра. Посреди передней стены — кивот со свитками под завесой,

рядом с ним справа (от зрителей) амвон, на котором горит толстая восковая поминальная свеча². У стены длинные скамьи со спинками. Посреди синагоги алмемор³, покрытый темной скатертью. В стене справа, ближе к зрителям, невысокая дверь в отдельную молельню, над дверьми и во всю правую стену несколько небольших оконцев из женского отделения. Вдоль стены длинный деревянный некрашенный стол, заваленный старыми фолиантами. В двух подсвечниках горят сальные огарки. За столом в разных позах сидят ешиботники и тихо, тонким напевом читают Талмуд. Отдельно, у передней стены, неподалеку от амвона, за пюпитром сидит, облокотившись и углубившись в фолиант Энех. В левой стене, ближе к зрителям, большая дверь с улицы, у дверей — рукомойник и грубого полотна полотенце в кольце. За дверьми большая выбеленная печь, длинный деревянный простой стол, на нем тоже фолианты и бутылка с сальным огарком. У стола сидят 1-й, 2-й и 3-й синагогальные завсегдатаи в позах беседующих, на скамье у печи лежит Прохожий старик с туго набитым мешком в головах. За столом шкаф с книгами. Возле него стоит, держась рукою за верх шкафа и прислонившись к стене, в задумчивой позе Хонон. У раскрытого алмемора сидит на корточках Меер, раскладывая молитвенные облачения. В синагоге полумрак, тяжелые тени. На всем печать глубокой грусти⁴.
(Долгая пауза.)

1-Й СТАРИК

(Медленно, мечтательно, тоном легенды.) У Талнинского цадика, раби Довидл, блаженной памяти, был золотой трон, и на этом троне было начертано: «Давид, царь Иудейский, жив и вечен...»⁵ (Пауза.)

2-Й СТАРИК

(Таким же тоном.) Святой раби Исроэль Ружинский вел себя истинным монархом⁶. За его столом постоянно играла капелла из 24 музыкантов. Выезжал он не иначе как на шестерке лошадей цугом.

3-Й СТАРИК

(С умилением.) А о раби Шмуэль Каминкере рассказывают, что он ходил в золотых тупельках... в золотых тупельках...⁷

ПРОХОЖИЙ СТАРИК

(Приподымается, садится. Тоном протеста.) А Святой раби Зуся Анопольский⁸ всю жизнь был нищим, собирал милостыню, ходил в сермяге, опоясанный веревкой, а все-таки творил не меньше чудес, чем Талнинский или Ружинский цадики; даже, может быть, больше...

1-Й СТАРИК

(С неудовольствием.) Вы, извините, не понимаете, о чем говорят, и вмешиваетесь. Когда рассказывают о величии Талнинского или Ружин-

ского, разве имеют в виду их богатство? Мало ли богачей на свете! Надо же понимать, что и в золотом троне, и в капелле, и в шестерке лошадей, и в тувфельках скрывался глубокий таинственный смысл.

3-Й СТАРИК

Конечно, конечно!

1-Й СТАРИК

Кто имел очи, тот видел. Рассказывают: когда великий Аптский раввин⁹ встретился с Ружинским, он бросился целовать колеса его кареты, и когда его спросили, что это означает, он воскликнул: «Слепцы, вы не видите, что это Небесная Колесница?»

3-Й СТАРИК

(*В восторге.*) Ай, ай, ай!

1-Й СТАРИК

Вся суть в том, что золотой трон не был золотым треном, лошади не были лошадьми, капелла не была капеллой. Все это была одна видимость, отражение величия. И необходимо это было как материальная оболочка для их великой мощи.

3-Й СТАРИК

Их мощь! Их мощь! Она не имела границ!

1-Й СТАРИК

Шутка ли, их мощь! Вы слышали историю с плеткой Святого раби Шмельке Никельсбургского?¹⁰ Стоит послушать! Однажды бедняк пожаловался ему на первого богача в округе, который был близок к царю и перед которым все падали ниц. Раби Шмельке вызвал их на суд, разобрал дело и признал богача неправым. Богач рассердился и начал кричать, что не подчинится приговору. Тогда раби Шмельке говорит ему спокойно: «Ты подчинишься. Когда раввин велит, нельзя слушаться». Богач еще более раскипятился и начал кричать: «Я смею над вами и вашим судом!» Раби Шмельке поднялся во весь рост и воскликнул: «Сию минуту подчинись моему приговору! Иначе я возьму плетку!» Тут богач совсем разгневался, начал ругать и оскорблять раввина. Тогда раби Шмельке чуть-чуть приоткрыл ящик стола — и оттуда выскочил Первозданный Змей, окутался вокруг шеи богача и принялся его душить¹¹. Ну, ну! Можете себе представить, что он запел. Стал кричать, молить раввина, чтобы тот его простил, обещал покорно исполнять все его повеления. И сказал ему раввин Шмельке: «Ты и внукам, и правнукам закажешь, чтобы они боялись раввинской плетки».

3-Й СТАРИК

Ха-ха-ха! Хорошая «плетка», нечего сказать! (*Короткая пауза.*)

2-Й СТАРИК

(Первому старику.) Мне кажется, что вы, раби Волф, ошибаетесь. Дело было, вероятно, не с Первозданным Змием.

3-Й СТАРИК

Почему? Почему нет?

2-Й СТАРИК

Очень просто: раби Шмельке не стал бы пользоваться Первозданным Змием. Кто такой Первозданный Змий? — Ведь это оборотная сторона — Ситро Ахро¹². (Отплевывается.)

3-Й СТАРИК

Что же из этого? Раби Шмельке, конечно, знал, что он делает!

2-Й СТАРИК

Я уверен, что даже нет таких священных имен и каббалистических сочетаний, чтобы вызвать Ситро Ахро¹³. (Отплевывается.)

1-Й СТАРИК

Что ты говоришь! Я ведь рассказываю историю, которая случилась. Десятки людей видели это собственными глазами, а ты говоришь: этого не могло быть!

ПРОХОЖИЙ СТАРИК

(Уверенно.) Это могло быть! Действенной каббалой можно все сделать!¹⁴ Я это хорошо знаю. У нас в местечке был заклинатель, великий чудодей. Он, например, святым Именем вызывал пожар и сейчас же другим Именем тушил его; он видел, что творится за тысячи верст от него, умел цедить вино из стены, стать невидимкой. Он и разъяснил мне все эти дела. Он говорил, что действенной каббалой можно воскрешать мертвых, вызывать нечистую силу, даже самое Ситро Ахро. (Отплевывается.) Конечно, это очень опасно, но умеючи можно все сделать. Я это слышал из собственных уст заклинателя.

ХОНОН

(Прислушивавшийся внимательно к словам Прохожесего старика, делает шаг к столу. Глухим голосом.) Где он теперь?

ПРОХОЖИЙ СТАРИК

(С удивлением оглядывается в его сторону.) Кто?

ХОНОН

Заклинатель.

ПРОХОЖИЙ СТАРИК

Где ему быть? У нас в местечке, если он еще жив.

ХОНОН

Далеко отсюда?

ПРОХОЖИЙ СТАРИК

Местечко? Очень далеко. В глубине Полесья.

ХОНОН

Сколько ходьбы?

ПРОХОЖИЙ СТАРИК

Ходьбы? Недели три. Пожалуй, месяц... А ты зачем об этом спрашиваешь? Может быть, хочешь пойти к нему? (*Хонон молчит.*) Местечко называется Красное. Заклинателя зовут раби Элхонон.

ХОНОН

Элхонон? (*Про себя.*) Эл-Хонон... Эл Хонон: Бог Хонона... Странно¹⁵.

ПРОХОЖИЙ СТАРИК

Стоит его повидать, если он еще жив. Его чудеса прямо удивительны. Он однажды каббалистическими сочетаниями...

3-Й СТАРИК

Не надо говорить к ночи об этих вещах, да еще в синагоге!

2-Й СТАРИК

Вообще не следует громко говорить о каббалистических сочетаниях, можно нечаянно промолвиться словом, сочетанием и наделать бедствия. Бывали случаи! (*Хонон медленно выходит из синагоги.*)

ПРОХОЖИЙ СТАРИК

(*Глядит ему вслед.*) Какой странный юноша. Кто он такой?

1-Й СТАРИК

Ешиботник... Замечательный юноша! Тончайший сосуд!

2-Й СТАРИК

Гений! Знает почти весь Талмуд наизусть.

1-Й СТАРИК

Старые раввины обращались к нему за разрешением спорных вопросов.

ПРОХОЖИЙ СТАРИК

Откуда он?

МЕЕР

(*Подходит к столу.*) Он откуда-то из Литвы. Учился здесь несколько лет, считался украшением нашего ешибота, получил звание раввина. И вдруг куда-то исчез. Говорили, что он отправился «справлять изгнание».¹⁶ Недавно он вернулся. Станный какой-то стал. Постоянно сидит задумавшись, постится от субботы до субботы, часто ходит в бассейн окунаться и проводит там иногда целые часы. (*Тише.*) Ешиботники говорят, что он углубился в каббалу.

2-Й СТАРИК

Об этом говорят и в городе. Я знаю, что к нему уже приходили просить камни, но он не дал¹⁷.

3-Й СТАРИК

Кто знает, кто он! Может быть, из великих... Кто может знать? А подсматривать — опасно. (*Пауза.*)

1-Й СТАРИК

(*Зевает.*) А-а, надо лечь спать... (*Улыбается.*) Вот если б сюда явился закладнатель ваш, который умеет цедить вино из стены. А! Я бы теперь ожил от рюмочки! Целый день крошки во рту не имел.

2-Й СТАРИК

У меня сегодня тоже пост. Только утром гречаный коржик съел.

МЕЕР

(*Полутаинственно.*) Подождите, кажется, скоро будем иметь хорошую выпивку. Будет и водочка, и коржики, и пряники... Сендер поехал смотреть жениха для дочери. Он и сваты съехались в Климовке. Если состоится обручение — Сендер угостит на славу!

1-Й СТАРИК

А! Я уж не верю, чтобы он когда-нибудь обручил дочку. Три раза ездил смотреть женихов, и все возвращался ни с чем. То ему жених не нравится, то сваты оказывались недостаточно знатного рода, то не сходился насчет приданого. Нельзя так выбирать!

МЕЕР

Сендер может себе позволить быть разборчивым. Слава богу, не сглазить бы, богат, знатен, дочка — красавица.

3-Й СТАРИК

Люблю Сендера! Истинный хасид! Из Тартаковских хасидов: с огнем, с порывом!

2-Й СТАРИК

Хасид-то он хороший, это верно. Но единственную дочь свою он мог выдать замуж иначе...

3-Й СТАРИК

А что? А что?

2-Й СТАРИК

В былое время богатый и знатный еврей, когда ему нужен был жених для единственной дочери, — он не искал ни богатства, ни знатности, а отправлялся в какой-нибудь прославленный ешибот, приносил главе еши-

бота хороший подарок и выбирал себе в зятя самого лучшего, самого способного ешиботника...¹⁸ Сендер мог бы тоже взять для дочери жениха из ешибота.

1-Й СТАРИК

Ему и не надо было далеко ехать для этого. Что, Хонон не был бы подходящим женихом для его дочери?

2-Й СТАРИК

Да все и считали, что он возьмет его в зятя. Держал его год у себя в доме, кормил, поил... Домашние относились к нему как к родному.

1-Й СТАРИК

(Улыбнувшись.) Однажды зашел я к Сендеру. Хонон по обыкновению сидел в особой комнате и читал нараспев Талмуд, а в соседней комнате дочь Сендера, Лия, сидит, не двигаясь, затихшая, как зачарованная, и слушает. Я не удержался и говорю ей: «Что Лееле, хотела бы иметь жениха, который бы так сладко, так проникновенно учил Тору?» Она вся покраснела, потупилась и стыдливо прошептала: «Да». Хе-хе-хе!

2-Й СТАРИК

А Сендер, когда ему предложили жениха с 10.000 червонцев приданого, поехал договариваться со сватами. Тартаковский хасид не должен был так поступать.

3-Й СТАРИК

Ну, ну! Не надо осуждать, не надо. Не состоялось — значит: не суждено было. Сказано: «Сорок дней перед рождением ребенка глас небесный вызывает: «Дочь такого-то предназначена для сына такого-то»¹⁹. *(Вбегает пожилая еврейка, таща за руку двух детей.)*

ЕВРЕЙКА

(Кричит с плачем.) А-ай! Создатель! Помоги-и мне! *(Устремляется к кивоту).* Ай, деточки, деточки! Мы раскроем кивот, мы припадем к священным Свиткам. Мы не уйдем отсюда, пока не вымолим исцеления для вашей матери. *(Отдернув завесу, раскрывает кивот и припадает головой к Свиткам. Рыдающим, молитвенным речитативом.)* Бог Авраама, Исаака и Якова! Воззри на мое великое горе-е! Сжался над моей единственной дочерью! Воззри на горе ее бедных деточек! Священные Свитки Торы! Идите, предстательствуйте перед Господом Богом за мою доченьку! Святые патриархи, святые праматери, бегите, спешите к Господнему Престолу, просите, молитесь, чтобы молодое деревце не было вырвано с корнем, чтобы тихая овечка не была изгнана из стада, чтобы нежная голубка не была выброшена из гнезда!.. Я не уйду отсюда! Я лягу у подножия кивота! Я разбужу все святые души! Я нарушу покой всех миров, пока мне не возвратят мою красу и гордость!! *(Дети плачут.)*

МЕЕР

(Подходит. Осторожно трогает еврейку за руку.) Еврейка, не посадить ли десять человек читать Псалмы?

ЕВРЕЙКА

Ой, читайте, читайте! Только скорее, скорее! Каждый час дорог! Она тает, как свеча! Уж два дня, как лежит без языка и борется со смертью!

МЕЕР

(Торопливо.) Сию минуту! Соберу десять человек и сядем читать... *(Заискиваяще.)* Но ведь им надо что-нибудь дать... бедняки...

ЕВРЕЙКА

Как же! *(Дает ему монету.)* Вот вам золотый. Больше у меня нет.

МЕЕР

Маловато... По три гроша на человека...

ЕВРЕЙКА

(Не слушая его.) Пойдемте, дети, в другие синагоги! *(Уходят.)*

МЕЕР

(Возвращается к столу.) Вот и послал нам господь золотый. Почитаем Псалмы, выпьем по капелке, пожелаем болящей исцеления — и она, даст Бог, выздоровеет.

1-Й СТАРИК

Пойдемте читать в молельню. *(Громко ешиботникам.)* Юноши, кто будет читать Псалмы? По коржику получите! *(Подходят несколько ешиботников. Старики, Прохожий, ешиботники уходят в молельню. Скоро оттуда начинается громкое пение «Блажен муж» и т.д. Входит Хонон.)*

ХОНОН

(Идет медленно, устало, еле держась на ногах. Идет наугад, не думая куда. В некотором расстоянии замечает раскрытый кивот, останавливается пораженный.) Кивот раскрыт?... Кто отдернул полог... Кто раскрыл кивот?... Для кого он раскрывался в час ночной?... *(Подходит ближе.)* Свитки... Стоят, как живые, прижавшись друг к дружке, спокойные, безмолвные... А в них-то сокрыты все тайны, все тайны от сотворения миров до их исчезновения, до скончания веков! Все тайны, все намеки, все священные Имена, все сочетания! А как трудно от них добиться указания... как трудно!... *(Считает.)* Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять. Девять Свитков. Слово «истина» по малому буквенному счислению*²⁰. А в каждом из Свитков по четыре «Древа жизни»... Опять

* Еврейские буквы имеют численные значения. *(Примеч. С. Ан-ского)*

36... Не проходит дня, чтобы я не столкнулся с этим числом, а что оно означает — не знаю. Но я чувствую, что в этом числе — лежит все... 36 по буквенному счислению имя Лия²¹. Три раза 36 — Хонон. 36 произносится Лой. Лой означает «ему»²². Кому?.. А Лия? (*Вздрагивает.*) Опять эта мысль. Ло-на²³. Не Бог, не через Бога... Какая страшная мысль — и как она меня влечет!

ЭНЕХ

(*Поднимает голову и долго внимательно глядит на Хонона.*) Хонон, ты ходишь, как во сне.

ХОНОН

(*Оглядывается, замечает Энеха. Механически направляется к нему. Садится. Про себя.*) Намеки, намеки без конца, а прямого пути не видно...

ЭНЕХ

Что ты говоришь?

ХОНОН

(*Удивленно.*) Я? Ничего. Я думал... (Пауза.)

ЭНЕХ

(*Качает головой.*) Ты слишком увлекся каббалой. С тех пор как ты вернулся, ты книги не раскрыл.

ХОНОН

(*Силится понять.*) Книги не раскрыл? Какой книги?

ЭНЕХ

Как — какой? Талмуда, Постановлений.²⁴ Что ты спрашиваешь?

ХОНОН

Талмуда?.. Постановлений?.. Кажется, не раскрыл... Кажется... Талмуд холоден и сух. Постановления холодны и сухи... (*Как бы очнувшись. Говорит сперва медленно и задумчиво, затем более оживляется.*) Под землей находится точно такой же мир, как и над землей. Там имеются глубокие моря и бездонные пропасти, большие и грозные пустыни, густые непроходимые леса. И по морям тем носятся огромные корабли, и поднимаются страшные волны. По пустыням проносятся сильные ветры и ураганы. А в дремучих лесах царит грозное величие. Только одного там нет. Нет высокого неба, не видно ни яркого солнца, ни ослепительных молний, не слышно громов. Таков Талмуд. Он велик, он грозен, он беспределен. Но он приковывает к земле, не дает подниматься ввысь! А каббала! А каббала! Она раскрывает перед глазами врата небес! Она яркими молниями освещает тысячи миров! Она великими порывами устремляет душу к бесконечному! Она ведет в чертоги высших Таин, доводит до Пардеса²⁵,

* Небесный сад. (*Примеч. С. Ап-ского*)

приподнимает Великий Полог!.. (*Откидывается обессиленный.*) Тяжело говорить. Сердце замирает.

ЭНЕХ

(*Очень сосредоточенно.*) Все верно, но ты забываешь, что ввысь надо подыматься медленно и осторожно. И чем выше ты взлетишь одними порывами, тем труднее удержаться там, тем страшнее может быть падение в пропасть. Талмуд поднимает душу к бесконечному медленно, без порывов, но он защищает человека. Он плотно обхватывает его, как стальным панцирем, и не дает уклониться от прямого пути ни вправо, ни влево. Он бдит над человеком, как вечный страж, который не спит и не дремлет... А каббала?.. Ты помнишь, что сказано в Талмуде о тех, которые дерзнули приподнять Великий Полог? (*Талмудическим напевом.*) Четверо вошли в Пардес: Бен-Азай, Бен-Зоймо, Ахойр и раби Акива... Бен-Азай заглянул и был сражен; Бен-Зоймо заглянул и был задет в рассудке; Ахойр подрубил Насаждения, отрекся от Бога, и только раби Акива вошел с миром и вышел с миром²⁶.

ХОНОН

Не пугай меня ими. Мы не знаем, каким путем и зачем они шли в Пардес. Может быть, они были задеты только потому, что шли смотреть, а не исправлять. Ведь вот, последующие великаны от святого Ари, от святого Бешта шли и не были задеты²⁷.

ЭНЕХ

Ты сравниваешь себя с ними?

ХОНОН

Я не сравниваю, я иду своим путем.

ЭНЕХ

Каким?

ХОНОН

Ты меня не поймешь...

ЭНЕХ

Я тебя пойму. В моей душе тоже живет стремление к высшим ступеням.

ХОНОН

(*После некоторого колебания.*) Деяния цадигов, великанов поколений заключаются в том, что они исправляют души, срывают с них цепи греха и поднимают их к светлomu первоисточнику. Эта борьба очень тяжелая. Ибо «грех лежит у дверей»²⁸. Одержана победа над одним грешником, является другой человек с новыми грехами; одержана победа над одним поколением — и его сменяет другое, опять греховное. И приходится начинать все сначала. А поколения становятся мельче, а грехи становятся сильнее, а цадики слабее...²⁹

ЭНЕХ

Что же, по-твоему, делать?

ХОНОН

(Тихо, но очень определенно.) Надо не бороться с грехом, а исправлять его. Как золотоделатель очищает огнем золото от шлака, как земледелец отделяет полновесное зерно от пустого, так надо очистить грех от его скверны и оставить в нем только искру святости.

ЭНЕХ

(Удивленно.) Искру святости в грехе?

ХОНОН

Да. Нет такого греха, в котором бы не было искры святости. Все, что создано Богом, не может не иметь в себе святого начала³⁰.

ЭНЕХ

Что ты говоришь! Грех создан не Богом, а сатаной.

ХОНОН

(Спокойно.) А сатану кто создал? Тоже Бог! Значит, и в сатане есть святость.

ЭНЕХ

(Испуганно.) В сатане?... В Ситро Ахро? Святость?!

ХОНОН

Ситро Ахро есть оборотная сторона Божества. А раз оно сторона Божества, в нем должна быть святость.

ЭНЕХ

(Потрясенный.) Я не могу! Дай мне сообразить! *(Закрывает лицо руками, наклоняется к пюпитру и опирается на него головой. Остается все время в такой позе.)*

ХОНОН

(Трепетно.) Какой грех всего страшнее для человека и всего больше влечет его? Какой грех всего труднее победить? Грех стремления к женщине? Да?

ЭНЕХ

(Не поднимая головы.) Да.

ХОНОН

(С трепетной радостью.) А если это греховное стремление очищать в огне до тех пор, пока в нем останется одна лишь искра Божества — тогда величайшая скверна превратится в высшую святость, в «Песню Песней», в «Песню Песней» *(Выпрямляется, закрывает глаза и, откинув немного набок голову, тихо восторженно поет.)*

«Ты прекрасна, подруга моя, ты прекрасна. Глаза твои голубиные выглядывают из-под кудрей твоих; волосы твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской. Зубы твои, как стадо выстриженных овец, вышедших из умывальни, из которых у каждой пара ягнят, а бесплодной меж ними нет...»³¹

(Слабый стук. Дверь тихо открывается, входит нерешительно Лиля, ведя за руку Фраду и Гитель, останавливаются у дверей. Из молельни выходит Меер.)

МЕЕР

(Узнает пришедших. Удивлен. Подобострастно.) Смотри!.. Дочь раби Сендера?.. Лиля?

ЛИЛЯ

(Смущенно.) Помните, вы обещали показать мне старые-старые завесы кивота? *(При первых ее словах Хонон обрывает пение и широко раскрытыми глазами глядит на Лилю. Затем все время он то глядит на нее с молитвенным восторгом, то стоит с закрытыми глазами.)*

ФРАДА

(Мееру.) Покажи ей старые завесы, покажи! Лиеле дала обет к поминальному дню по матери вышить завесу для кивота. Вышьет она чистым золотом по нежному бархату святую завесу, как в старину вышивали, со львами, с орлами. Повесит над кивотом и будет радоваться сердце матери в раю... *(Лиля нерешительно оглядывает синагогу. Увидав Хонона, опускает глаза, отступает на шаг, остается все время с опущенными глазами, в трепетном напряжении.)*

МЕЕР

(Предупредительно.) Как же! Как же! Сейчас принесу из шкафа все самые старые, самые дорогие завесы. *(Отходит к шкафу.)*

ГИТЕЛЬ

(Хватает Лилю за руку.) Лиенка! Тебе не страшно ночью в синагоге?

ЛИЛЯ

Я никогда не была здесь ночью. Да и днем была всего один раз. Ведь девушки не ходят в синагогу... Как здесь печально, как печально...

ФРАДА

Детки мои, в синагоге не может быть иначе. В полночь приходят покойники молиться и оставляют здесь свою печаль...

ГИТЕЛЬ

Бабушка, не рассказывайте о покойниках, мне страшно...

ФРАДА

(Не слушая ее.) А когда на заре Господь плачет над разрушенным Храмом, Его слезы падают в синагоги. Поэтому в старых синагогах стены

заплаканные. И их нельзя белить. Если их белят — они сердятся и кидают камнями...

ЛИЯ

Какая она старенькая-старенькая! Снаружи я не замечала этого...

ФРАДА

Старенькая, очень старенькая. Никто, никто не помнит и не знает, когда ее строили. Говорят даже, что она была найдена под землей выстроенной... Сколько было пожаров, сколько раз весь город выгорал до тла — а она оставалась целой. Однажды только загорелась в ней крыша. И прилетели голуби, целые стаи голубей, стали кружиться над крышей, махать крылышками — и потушили огонь. (*К Гитель.*) А обгороженный холмик возле синагоги ты видела? Это святая могилка.

ЛИЯ

(*Вздыхнув.*) Могилка жениха и невесты...

ФРАДА

(*Жалостливо.*) Когда их венчали, Хамелюк³² напал и убил их под венцом. На том месте их и похоронили. И теперь, когда раввин венчает жениха и невесту возле синагоги, он слышит из могилки стоны... А после свадебного пира все идут туда и пляшут вокруг могилки, увеселяют жениха и невесту, которые там похоронены^{32а}.

ЛИЯ

(*Не слушая ее. Как бы про себя.*) Как здесь печально и как хорошо. Я не ушла бы из этой старенькой и бедненькой синагоги... Мне хотелось бы нежно ласкать ее, прижаться к ней, спросить ее, отчего она такая печальная и задумчивая, такая заплаканная и безмолвная... Хотелось бы... сама не знаю чего, но во мне сердце разрывается от жалости и нежной печали...

ФРАДА

(*Умльно.*) Когда ты так говоришь, Лиеле, мне кажется, что слышу голос твоей бабушки, праведницы Рохеле.

МЕЕР

(*Приносит завесы, развешивает.*) Вот самая старая. Ей более 200 лет. Мы навешиваем ее только в Пасху.

ГИТЕЛЬ

(*В восторге.*) Какая красота! Посмотри, Лиеле! Густым золотом вышито по плотному малиновому бархату. Два дерева, на них сидят голуби, а внизу два льва держат Щит Давидов. Теперь ни такого золота, ни такого бархата не найти...

ЛИЯ

Какая она нежная и тоже печальная... (*Целует завесу и ласково гладит ее.*)

МЕЕР

(Развернув другую завесу.) И вот жемчужная завеса. Наверху цветочки из алмазов. А все слова Богословения вышиты чистым жемчугом. Это мы навешиваем в Судный день. *(Лия и Гитель рассматривают завесы.)*

ФРАДА

(Мееру, указывая головой на Лию, пегромко.) Золотое дитя! Чистая голубка! А Бог наказал ее, послал на нее хворь. Похудела вся, ослабла, по ночам плачет. Я и посоветовала ей вышить завесу для кивота. Это помогает... *(Тише.)* Говорят, Хонке вернулся?

МЕЕР

Да, уж несколько недель. Он здесь. Хотите, я его позову?

ФРАДА

Нет. Если он сам не приходит к нам, значит, не надо... Ну, как он?

МЕЕР

Изменился сильно. Стал задумчив. Углубился в каббалу...

ФРАДА

Углубился?.. *(Вынимает из кармана горсть бобов.)* На, дай ему горстку бобов, пусть полакомится.

МЕЕР

Он не ест. Постит от субботы до субботы³³.

ФРАДА

От субботы до субботы?.. Хоть бы его посты помогли Лиеле, чтобы она выздоровела.

ГИТЕЛЬ

(Заметив Хонона, хватает Лию за руку, шепотом.) Лиеле, погляди! У амвона стоит юноша и глядит на тебя. Как странно он на тебя глядит!

ЛИЯ

(Не поднимая глаз.) Это ешиботник... Хонон. Он у нас получал стол...³⁴ И жил у нас... Его долго не было здесь...

ГИТЕЛЬ

Какими блестящими глазами он на тебя глядит!

ЛИЯ

Он всегда глядит на меня блестящими глазами. У него такие глаза... И когда он говорил со мною, у него захватывало дыхание... И у меня тоже... Ведь грех, когда чужие юноши и девушки разговаривают друг с другом...

ГИТЕЛЬ

Он точно зовет тебя глазами... Ему, верно, хотелось бы подойти к тебе, но непристойно.

ЛИЯ

Я хотела бы знать, отчего он так бледен... Он, верно, был болен.

ФРАДА

Меер, дай-ка нам поцеловать священные Свитки. Как же это, быть у Бога в гостях и не поцеловать Его Торы.

МЕЕР

Пойдемте. *(Идет вперед. Гитель ведет Фраду, за ними Лия. Меер раскрывает кивот, вынимает Свитки, подставляет Фраде и Гитель для поцелуя.)*

ЛИЯ

(Поровнявшись с Хононом, останавливается и, чуть подняв голову, глядит на него и снова опускает глаза.) Добрый вечер, Хонон... Вы опять приехали?

ХОНОН

(Шепотом.) Да...

ЛИЯ

Вы теперь к нам не приходите...

ХОНОН

(Еле выговаривая слова.) Я не могу приходить...

ЛИЯ

Ваша комната не занята. И все книги остались на местах, как раньше.

ХОНОН

Знаю. *(Хочет что-то сказать, но не может.)*

ЛИЯ

Только теперь у нас в доме тихо. Никто не читает Талмуда, никто так не поет молитв, как вы... Стало тихо...

ХОНОН

Я больше не читаю Талмуда... и не пою...

ФРАДА

Лиеле, иди сюда, поцелуй свитки! *(Лия подходит и, вся дрожа, припадает к свиткам долгим страстным поцелуем. Фрада тревожно.)* Ну, довольно, доченька, довольно. Тору нельзя много целовать. Она огненная. Она писана черным огнем по белому огню...³⁵ *(Начинает вдруг тревожно торопиться.)* Пойдемте, деточки, домой, пойдемте домой! Ай, как поздно! Ай, как поздно! *(Уходят поспешно. Меер, закрыв амвон, убирает занавесы и выходит. Хонон сидит неподвижно с закрытыми глазами. Долгая пауза. Хонон продолжает петь «Песни Песней» с того места, где он остановился: «Как лента алая, губы твои и уста твои прекрасны. Как пласт гранатового яблока виски твои под кудрями твоими...»³⁶.)*

ЭНЕХ

(Поднимает голову, слушает.) Что ты поешь? *(Хонон умолкает, открывает глаза, глядит неподвижно, ничего не видя.)* У тебя мокрые волосы! Ты вечером опять окунался?

ХОНОН

(Машинально.) Да.

ЭНЕХ

При окунании ты все время справляешь проникновение, совершаешь сочетание, произносишь Имена? По книге «Ангела Розиеля»?³⁷

ХОНОН

Да.

ЭНЕХ

И тебе не страшно?

ХОНОН

Нет.

ЭНЕХ

И ты постишь от субботы до субботы? Тебе это не трудно?

ХОНОН

Мне труднее в субботу есть, чем в будни постить. Я потерял охоту к еде. *(Пауза.)*

ЭНЕХ

Зачем ты все это делаешь, чего ты хочешь добиться?

ХОНОН

(Не сразу. Точно отвечая себе.) Хочу... Хочу добыть яркий алмаз, растопить его, превратить в светлые слезы и впитать в свою душу. Хочу привлечь к себе лучи из Третьего Чертога, из Чертога Красоты. *(Не может больше говорить от волнения. Вдруг очень беспокойно.)* Да! Еще одно! Хочу иметь два бочонка золотых червонцев... *(Шепотом.)* Для человека, душу которого можно привлечь только червонцами, золотыми червонцами...

ЭНЕХ

Вот что! *(Качает головой.)* Берегись, Хонон, таких вещей прямым путем не достигнешь...

ХОНОН

(Восторженно.) Я уже многого добился. Три раза! *(Шепотом.)* Слушай, я тебе открою: вчера я сотворил во сне Запрос — и во сне же получил ответ. Я теперь знаю, что делать. Мне только надо отгадать тайну одного слова, имеющего численное значение 36.

ЭНЕХ

Берегись, Хонон. Враг силен! (*Встает.*) Скоро полночь. Пойду в большую синагогу справлять полуночное бдение³⁸. (*Уходит. Приходит Меер. Из молельни выходит 1-й старик.*)

1-Й СТАРИК

(*Мееру.*) Прочли восемнадцать псалмов, и довольно³⁹. Не весь же Псалтырь прочесть за злотый. Но толкуй с ними. Они любят Псалмы петь. (*Входит Хаим.*)

ХАИМ

(*Возбужденно.*) Только что я видел Боруха, портного. Он вернулся из Климовки, куда Сендер ездил смотреть жениха. Говорит, что все расстроилось. Сендер требовал, кроме приданого, еще десять лет стола для молодых, а сват давал только пять, и разошлись. (*Уходит в молельню.*)

МЕЕР

Уже четвертый раз! Какая досада!

ХОНОН

(*Выпрямляясь. С восторженной радостью.*) Я снова добился своего! (*Падает на скамью в изнеможении, остается с застывшим выражением торжества на лице. Из молельни выходят Старики, ешиботники.*)

СТАРИКИ

(*Друг другу.*) Пошли, Господь, болящей исцеления!

2-Й СТАРИК

Теперь следовало бы выпить и закусить.

МЕЕР

Я уже приготовил и водку, и коржиков. (*Вынимает из бокового кармана бутылку и рюмочку.*) Пойдемте в притвор, там и выпьем. (*Шумно раскрывается дверь. Входит Сендер и несколько евреев.*)

СЕНДЕР

(*Останавливается, весело оглядывается. Громко.*) Вот тебе раз! Думал, они сидят за священными книгами или спят, а они совсем собираются устраивать выпивку! Поистине, Тартаковские хасиды. Ха-ха-ха!

ВСЕ

(*Устремляются ему навстречу. Радостно.*) А-а, раби Сендер! Во-от неожиданный гость! Выпете с нами!

СЕНДЕР

Дурни, сам поставлю угощение. Поздравьте меня. В добрый час обручил дочку. (*Хонон выпрямляется, глядит пораженный на Сендера.*)

ВСЕ

(*Радостно.*) Поздравляем, поздравляем!

МЕЕР

А нам только что сказали, что все расстроилось и вы едете ни с чем обратно. Мы были страшно огорчены.

СЕНДЕР

Сперва-таки было разошлись. Из-за стола для молодых^{39а}. А в последнюю минуту сват поддался, и мы совершили помолвку, в добрый час!

ХОНОН

(*Задыхаясь, шепотом.*) Помолвку? Помолвку?... Значит, все было напрасно... Не помогли ни посты, ни проникновения, ни окунания, ни сочетания. А?.. (*Восторженно.*) Теперь мне все ясно. Все! Теперь знаю, что означает число 36. Что означает имя Лия — Ло-ха. Не Бог, не через Бога. (*Задыхаясь от восторга.*) Победа!! Я... (*Слабый крик, падает на пол.*)

СЕНДЕР

(*Указывая на бутылку в руке Меера.*) Что это у вас за выпивка? (*Хаиму.*) Хаим, сбегай ко мне, скажи, что я велел дать бутылку хорошего спирта, пряников, редьку в меде, — и притащи сюда! Живо! (*Хаим выбегает.*)

1-Й СТАРИК

(*Мееру шепотом.*) Спрячь пока эту бутылочку. Пригодится на завтра. (*Меер прячет бутылку за пазуху.*)

СЕНДЕР

Меерка, отчего так темно? Ты бы свечи зажег! Веселее стало бы! (*Меер зажигает.*) Пока принесут угощение, расскажите что-нибудь о нашем цадике, о раби Шлоймеле. Кто знает что-нибудь новое из его деяний? Может быть, изречение его, притчу? Каждое его слово — жемчуг! (*Садятся у стола.*)

ПРОХОЖИЙ СТАРИК

Если хотите, я расскажу одну его притчу. Пришел однажды к нему богач. Раби Шлоймеле взглянул на него своими святыми очами и сейчас отгадал, что тот скуп. Вот он взял его за руку, подвел к окну и спрашивает: «Что ты видишь?» Богач посмотрел в окно на улицу и говорит: «Я вижу людей». Затем раби Шлоймеле позвал его к зеркалу и спрашивает: «А теперь что видишь?» Богач ответил: «Теперь я вижу себя». Тогда раби Шлоймеле ему и говорит: «Понимаешь ли, и то стекло, и это стекло. Но это немного посеребрено, и уже перестасшь видеть людей и начинаешь видеть только одного себя».

3-Й СТАРИК

А! А! А! Слаше меда!

2-Й СТАРИК

Божественные слова! (*Пауза.*) Спеть бы что-нибудь! Мендель, ведь ты знаешь песни Лейви-Ицхока Бердичевера?⁴⁰ Ну-ка, спой что-нибудь!

СЕНДЕР

А ну-ка, ну!

3-Й СТАРИК

Что же спеть? Разве его «Ты»? (*Поет.*)

Создатель вселенной, (bis)
 Я Тебе сыграю «Ты». (bis)
 Где Тебя нахожу
 И где Тебя не нахожу?
 Куда ни взглянешь – только Ты!
 И нет предмета без Тебя.
 Все Ты, лишь Ты, един Ты!
 Ты, Ты, Ты, Ты!
 Коль хорошо – значит Ты,
 А если нет – все же Ты!
 Но если Ты – то хорошо.
 Все – Ты, лишь – Ты, един – Ты,
 Ты, Ты, Ты, Ты!
 Север – Ты, Запад – Ты!
 Юг, Восток – снова Ты!
 В высях – Ты. Ты – в низах!
 Все – Ты, лишь – Ты, един – Ты.
 Ты, Ты, Ты, Ты!

2-Й СТАРИК

Святая песнь! Святая!

СЕНДЕР

А теперь поплясать! Что? Сендер выдает замуж единственную дочку и не поплясать?! Какие бы мы были Тартаковские хасиды?! (*Старики и Сендер делают круг. Кладут друг другу руки на плечи. Закинув головы набок, закатив глаза, начинают медленно кружиться, напевая однообразный, пелальный, мистический напев. Входит Хаим рastroенный, взволнованный.*)

МЕЕР

(*Подходит к Хаиму.*) Ну? Где же водка и закуска?

ХАИМ

(*Шепотом.*) Какая тебе водка и закуска! Там не до этого. Дочь Сендера лежит в обмороке, и не могут ее привести в чувства... Мне велели сказать Сендеру, чтобы он шел домой.

МЕЕР

Ну, ну! Нечего тебе к нему лезть! Он этого не любит. Еще пару пощечин получишь! Сам скоро пойдет домой.

СЕНДЕР

(Выйдя из круга.) Ну, а теперь веселую! Эй, юноши! Где вы? Куда запропастились? *(Подходят ешиботники, Хаим.)*

3-Й СТАРИК

Где еще? Где Энех? Где Хонон? Тащите и их!

СЕНДЕР

(Смущенно.) А! Хонон! Ведь мой Хононке здесь! Где он? Где он? Разыщите его! Достанется ему от меня!...

МЕЕР

(Увидев издали Хонона.) Он спит на полу.

СЕНДЕР

Разбудите его, разбойника! Разбудите! *(Несколько человек подходят к Хонону.)*

МЕЕР

(Испуганно.) Он не просыпается! *(Все подходят, суетятся вокруг него.)*

1-Й СТАРИК

(Вскакивает.) Он умер!

ПРОХОЖИЙ СТАРИК

(Поднимая с пола книжку, в ужасе.) У него в руке была книга «Ангела Розиеля»! Он — сражен... сражен!..

ЗАНАВЕС

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

В доме раби Шлоймеле Тартаковера. Большая комната, служащая домашней молельней. Слева дверь с улицы, за нею во всю левую стену стол, покрытый скатертью. Лежит горка ломтиков белого хлеба. С обеих сторон стола — скамьи. У почетного места — кресло. Посреди передней стены — небольшой кивот и амвон. С обеих сторон — окна. Правая часть комнаты имеет более характер жилого помещения. Диван, несколько стульев, стол. С правой стороны дверь во внутренние комнаты. У длинного стола, с краю стоят Михозль и старый хасид. Сумерки. Из внутренних комнат слабо доносится молитвенное пение.

СТАРЫЙ ХАСИД

(Пожимает плечами.) Такое несчастье! Такое несчастье! И с кем это должно случиться — с Сендером!

МИХОЭЛЬ

Не узнать его стало! Не тот человек совсем! Страшно смотреть на него!

СТАРЫЙ ХАСИД

Шутка сказать! Единственная дочь! Но как это случилось, каким образом?

МИХОЭЛЬ

Кто знает! Перед самым венцом...

СТАРЫЙ ХАСИД

Может быть, оставили ее одну?

МИХОЭЛЬ

Что вы говорите! Что они, маленькие дети, не знают, что опасно оставлять невесту перед венчанием одну? Все были при этом, и родители, и жених. Уж вели ее к венцу, как вдруг она падает, начинает кататься по земле и кричать не своим голосом: ругает сватов, жениха, раввина...

СТАРЫЙ ХАСИД

А! Волос дыбом становится!

МИХОЭЛЬ

Тотчас же поняли, что в нее воплотилась душа покойника, то есть Дибук. Кричала мужским голосом. Стали спрашивать Дибука, кто он? — не сказал. Только кричит, что он — жених дочери Сендера. Можете себе представить, что там творилось! Сендер не стал долго размышлять, взял лошадей и привез ее прямо сюда, к раби Шлоймеле. Приехал вчера вечером к самому заходу субботы. Не хотел заезжать на постоялый, чтобы не было лишнего шума в местечке, и заехал ко мне. И вот, имел я такую субботу, что вовеки не забуду ее. Целые сутки «он», не переставая, кричал из нее.

ХАСИД

Что же кричит он, что?

МИХОЭЛЬ

Что он кричит? Кричит: «Сжальтесь! Не ведите меня к цадику! Я боюсь его! Я знаю, что он очень силен и будет принуждать меня выйти. Но я не послушаюсь, не выйду!» Все в таком роде. А когда «он» отпускал ее, она говорила своим голосом, клала голову на колени старой няни и плакала. Сердце надрывалось...

СТАРЫЙ ХАСИД

Равви, конечно, не видал ее еще?

МИХОЭЛЬ

Когда же? Не станет же он нарушать субботний покой такими делами. *(Входят хасиды поодиночке и группами. Разговаривают друг с другом*

шепотом. Открывается дверь из внутренних комнат. Входит раби Шлоймеле — глубокий старик в белом жупане до пят, в высокой меховой шапке.) Ша-а! (Все сразу умолкают.)

РАБИ ШЛОЙМЕЛЕ

(Задумчив. Идет медленно к столу. Садится устало в кресло. Михоэль становится у его правой руки. Хасиды занимают места. Старики усаживаются на скамьях, молодые стоят за их спиной. Михоэль раздает присутствующим по ломтику булки. Шлоймеле поднимает голову, тяжело вздыхает и начинает тихим дрожащим напевом.)

«Сие есть пир царя Давида!»⁴¹

(Все повторяют. Полушепотом читают молитву. Пауза. Начинают петь, сперва тихо, затем все громче, песню без слов, очень грустную и торжественно-мистическую. Пауза. Раби Шлоймеле, подперев голову руками, сидит, углубившись в мыслях. Напряженная тишина. Поднимает голову и начинает говорить торжественно-медленно.) Рассказывают о святом Бал-Шеме, да защитит он нас. *(Коротенькая пауза.)* Однажды приехали в его город, Меджибож, фокусники, из тех, которые ломаются на улице, продельвают разные штуки. И протянули они веревку через реку, и один из них собирался идти по веревке. И побежал весь город к реке. И пошел Бал-Шем тоже к реке и стоял вместе со всеми. И тоже глядел, как фокусник ходил по веревке. И дивился народ, что святой Бал Шем шел смотреть такие вещи. И обратились к нему приближенные и спросили, что сие означает? И ответил он: «Я пошел смотреть, как человек умудряется ходить над пропастью. И глядел я и думал: если б этот человек столько работал над своей душой, сколько он работал над своим телом, через какие страшные пропасти она могла бы переходить по тонкой нити жизни»⁴². *(Шепот одобрения.)*

1-Й ХАСИД

А-а-а! Как высоко!

2-Й ХАСИД

Божественные слова! *(Снова поют песнь без слов. Пауза.)*

РАБИ ШЛОЙМЕЛЕ

(Как раньше.) Существует великий святой мир. В этом мире самое священное место — Страна Израиля. В Стране Израиля всего святее Иерусалим. В Иерусалиме святейшим местом был Храм, в Храме всего святее была Святая Святых. *(Короткая пауза.)* Существует в году 355 дней*. Среди

* По еврейскому летоисчислению, год — лунный — имеет 355 дней. К каждому третьему году прибавляется месяц. *(Примеч. С.Ан-ского)*

них наиболее святы праздники, среди праздников наиболее святы Субботы, среди Суббот всего святес Суббота Суббот — Йом-Кипур. (*Короткая пауза.*) Существует семьдесят племён. Среди них самое святое племя — еврейское. В еврейском племени самое святое колено — Левитово. В Левитовом колене святее других потомки Аарона, Койганы. Среди Койганов самым святым был первосвященник. (*Короткая пауза.*) Существует 70 наречий, среди них самое святое — язык еврейский. В еврейском языке всего святее — Библия. В Библии самое святое место — «Десять заповедей». В «Десяти Заповедях» самое святое слово — Имя Господне. (*Короткая пауза.*) И раз в году, в установленный час, сходились вместе все четыре высшие святыни вселенной. Это было, когда в день Йом-Кипура первосвященник входил в Святая Святых: и произносил тогда Имя Господне. И этот святейший час был самым грозным и самым опасным, как для первосвященника, так и для всего еврейского народа. Поэтому раньше, чем первосвященник проник в Святая Святых, народ заклинал его Именем Обитающего Храм подумать, не имеет ли он греховных мыслей. И он простирал руки. И плакал, что его заподозрили. И народ плакал, что заподозрил его. Ибо если б в тот миг, когда он входил в Святая Святых у него появилась греховная мысль — мир рухнул бы⁴³. (*Пауза.*) Каждое место, с которого человек поднял только взор к небу, — Святая Святых. Каждый миг жизни — Йом-Кипур, день суда. Каждый еврей — первосвященник. Каждое слово, произнесенное в святости, — Имя Господне. Поэтому падение еврейской души влечет за собой разрушение мира. (*Пауза. С дрожью в голосе.*) Еврейские души! Сквозь тяжёлые муки и страдания, через различные перевоплощения тянутся они, как дитя к сосцам матери, к Престолу Всевышнего. И когда они подходят совсем близко, случается иногда, что темная сила одерживает верх — и они падают. И чем выше было их воспарение, тем глубже их падение. И когда такая душа падает в пропасть — плачут все миры, все десять Сефирот...⁴⁴ (*Пауза. Точно очнувшись.*) Дети, сегодня мы сократим наши Проводы Королевы-Субботы⁴⁵. (*Все встают из-за стола.*)

МИХОЭЛЬ

Раби просит всех уйти. (*Все медленно расходятся. Р. Шлоймеле остается у стола, погруженный в мысли. Михоэль, нерешительно.*) Раби... (*Раби Шлоймеле глядит на него молча и скорбно.*) Приехал Сендер Бриницкий...

Р. ШЛОЙМЕЛЕ

(*Точно повторяя за ним.*) Приехал Сендер Бриницкий... Знаю...

МИХОЭЛЬ

У него случилось большое несчастье... В его дочери воплотился Дибук.

Р. ШЛОЙМЕЛЕ

Воплотился Дибук... Знаю...

МИХОЭЛЬ

Он привез ее к вам...

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Ко мне... ко мне... Как он мог привезти ее ко мне, когда нет этого «мне», когда нет моего «я»?⁴⁶

МИХОЭЛЬ

Раби, к вам идет целый свет.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Слепой свет... Слепые овцы устремляются к слепому пастырю. Если бы они не были слепы, они обращались бы не ко мне, а к Тому, Кто может сказать о Себе — Я, к единому великому Я мира...

МИХОЭЛЬ

Раби. Вы — Его посланец.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(Вдыхает.) Это говорят люди, а во мне нет уверенности... Уже 40 лет, как состою цадилом, и до сих пор не знаю, поистине ли я посланец Бога. Бывают времена, когда ощущаю в себе великую мощь, чувствую близость к Богу и сознаю свою власть в высших мирах. Тогда не сомневаюсь, не спрашиваю... Но бывают времена, когда чувствую себя слабым и беспомощным, как покинутый ребенок... И тогда мне хочется самому бежать к кому-нибудь, молить о помощи...

МИХОЭЛЬ

Я помню, раби...

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(Испуганно.) Что ты помнишь?

МИХОЭЛЬ

Однажды, в глухую ночь, вы пришли ко мне в дом, разбудили меня и со слезами стали просить, чтобы я читал с вами Псалмы...

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Да... Это было давно... Теперь бывает хуже... *(Жалобно.)* Чего хотят от меня? Я стар и немощен... Тело просит покоя... душа жаждет уединения. А ко мне тянутся со всех сторон нужды и муки всего мира. Предо мною обнажаются страшные язвы; от меня требуют исцеления, помощи, заступничества... Каждая записка, которую мне подают, вонзается в тело, как острая игла.⁴⁷ *(Всхлипывает.)* Не могу больше...

МИХОЭЛЬ

(Испуганно.) Раби! Раби!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Не могу больше, не могу!

МИХОЭЛЬ

Раби! Вы не должны забывать, что за вами стоит целый ряд великих предков... (Пауза.)

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(Приходит в себя. Сосредоточенно.) Предки... Отец раби Ицеле, блаженной памяти, три раза в день восходивший на небо; дядя, великий раби Меер-Бер, воскресавший мертвых... дедушка, святой раби Велвеле, ученик и друг Бал-Шема...⁴⁸ *(Поднимает голову.)* Знаешь, Михоэль, дедушка, раби Велвеле, изгонял Дибука без святых Имен и заклинаний, одним властным окриком, одним окриком! *(Твердо.)* В трудную минуту я всегда обращаюсь к нему, и он мне помогает. Он и теперь поддержит мою десницу... Позови Сендера! *(Михоэль выходит и возвращается с Сендером.)*

СЕНДЕР

(Делает шаг вперед, простирает руки с плачем.) Раби! Помогите! Спасите мою дочь!..

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Расскажи, как случилось несчастье.

СЕНДЕР

Случилось это, когда я вел дочь к венцу...

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(Перебивает его.) Я спрашиваю не об этом. Я хочу знать, как это могло случиться.

СЕНДЕР

Не знаю, раби...

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Червяк может проникнуть в плод только тогда, когда плод начинает портиться...

СЕНДЕР

Раби. Моя дочь – благочестивая дочь Израиля. Она всегда ходила с опущенными глазами и ни в чем не ослушалась родителей.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Дети бывают иногда наказаны за грехи отцов.

СЕНДЕР

Если бы я знал за собой грех вольный, я бы в нем раскаялся.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Спрашивали Дибук, кто он и почему вошел в твою дочь?

СЕНДЕР

Спрашивали. Не говорит... Но по голосу в нем узнали ешиботника, учившегося в нашем местечке, умершего неожиданно в синагоге...

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Ты его знал?

СЕНДЕР

Да... Он некоторое время получал у меня стол...

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(Пытливо.) Ты ничем не обидел его? Не провинился перед ним?

СЕНДЕР

Не знаю... не помню... *(В отчаянии.)* Раби, я не больше, как смертный! *(Пауза.)*

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(Решительно.) Введи сюда свою дочь. *(Сендер выходит. Р.Шлоймеле остается глубоко сосредоточенный. В дверях появляются Сендер и Фрада, ведущие за руки Лию. Она упирается у порога, не хочет войти.)*

СЕНДЕР

(Умоляющим голосом.) Доченька, доченька! Сжался! Сжался над отцом, войди!

ЛИЯ

(Плачущим тоном.) Отец! Я хочу войти, но не могу! «Он» не дает мне войти!

СЕНДЕР

Доченька, сделай над собой усилие!

ЛИЯ

(Голосом Дибук. Кричит.) Я не хочу войти! Я не хочу к равви! Не хочу, чтоб он меня изгонял!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(Тихо и повелительно.) Отроковица, повелеваю тебе войти в комнату. *(Лия послушно с опущенной головой входит.)* Садись! *(Она послушно садится на стул.)* Сендер и Михозль, держите ее. *(Берут ее за руки, Фрада стоит сбоку и гладит ее по спине.)*

ЛИЯ (ДИБУК)

(Рванувшись с места.) Пустите меня, не хочу!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Дибук! Тень человека, ушедшего из мира живых! Скажи нам, кто ты?

ЛИЯ (ДИБУК)

Не скажу. Тартаковский цадик, ты сам знаешь, кто я. А другим я не хочу открывать своего имени.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Почему ты вошел в эту отроковицу?

ЛИЯ (ДИБУК)

Я ее суженый.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

По закону нашей Святой Горы мертвый не должен находиться среди живых. Поэтому ты должен оставить тело отроковицы и уйти из мира живых.

ЛИЯ (ДИБУК)

Я не выйду!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(*Повышая голос.*) Я тебе вторично повелеваю!

ЛИЯ (ДИБУК)

(*Кричит.*) Тартаковский цадик! Я знаю, как ты велик и могуществен. Но со мной ты ничего не поделаешь. (*С отчаянием.*) Горе мне! Горе мне! Я проиграл оба мира! И некуда мне идти! Из мира живых меня гонят и земля меня не принимает. И со всех сторон окружает меня тьма дьяволов, шелкают зубами, ждут, пока выйду, чтобы растерзать меня. Не выйду! Не выйду!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Михоэль, позови десять евреев. (*Михоэль выходит и возвращается с десятью человеками.*)⁴⁹ Святая община еврейская! Даете ли вы мне разрешение действовать вашим именем и вашей властью?

ВСЕ 10 ЧЕЛОВЕК

Мы даем вам разрешение действовать нашим именем и нашей властью.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Именем святой еврейской общины, именем Великого Судилища в Иерусалиме, именем всех праведников и великанов духа во Израиле я, Шлойма бен Годес предупреждаю тебя и повелеваю тебе, Дибук, покинуть тело отроковицы Лии бас Хань⁵⁰ без вреда для нее и чтобы, уходя, ты не причинил вреда ни тем, кто здесь, ни тем, которых здесь нет. Если не послушаешься моего повеления, я выступлю против тебя с заклятия-

ми, отлучениями и проклятиями со всей мощью десницы моей. Если же послушаешься, я употреблю все силы, чтобы исправить и спасти твою душу молитвами и милостыней⁵¹. Вся община возьмет на себя, чтобы в течение года каждый день, кроме суббот и праздников, кто-нибудь постил для твоего спасения. Я буду читать по тебе поминальную молитву, дабы ты имел покой от дьяволов...⁵²

ЛИЯ (ДИБУК)

Я не верю вашим обещаниям! Нет такой силы, которая могла бы меня спасти от дьявола и дать мне покой. Мне не страшны никакие заклятия, проклятия, отлучения! Мне некуда идти! (*С рыданием.*) Для меня закрыты все пути и тропы, для меня замкнуты все миры! Я не могу подняться ввысь, и нет такого дна, которого я мог бы достигнуть, падая в пропасть. Существует небо, земля и преисподняя, существует бесконечное число миров. И во всех мирах, во всей вселенной нашлось только одно убежище, где моя истерзанная душа нашла свой покой. И вы хотите лишить меня и этого последнего убежища. Сжальтесь, не гоните, не закиньте меня!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Мы преисполнены жалости к тебе и обещаем спасти тебя от злых сил и найти тебе место покоя в царствии небесном.

ЛИЯ (ДИБУК)

(*С ожесточением.*) Не выйду! не выйду! не выйду!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Михоэль! Позови от моего имени раввина и двух духовных судей. Вели приготовить семь черных свечей, семь трубных рогов, отбери семь Свитков Торы⁵³. Мы прибегнем к последнему, самому грозному средству. (*Михоэль уходит.*) Пока выведете отроковицу и выйдете все отсюда.

СЕНДЕР

Равви, равви... (*Громко плачет.*) Равви... за что я так наказан!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Мой сын, принимай испытание с любовью и спокойствием. Господь праведен во всех Своих путях, но Он полон жалости и милосердия.

ЛИЯ

(*Как бы проснувшись.*) Отец! Я боюсь... Я вся охвачена страхом... Что хотят делать с ним?

СЕНДЕР

Ничего, ничего, дочь моя! Не бойся! Равви знает, что делает. Идем! (*Уводит ее. Все уходит. Р.Шлоймеле сидит в глубокой задумчивости. Входят раби Шамион, двое духовных судей и Михоэль.*)

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(Поднимается им навстречу.) Благословенны грядущие!

Р.ШАМШОН, СУДЬИ

Добрая неделя, равви!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Я беспокоил вас, просил придти ко мне. Надо спасти дочь Израиля, освободить ее от Дибук, который не хочет выйти по доброй воле. Приходится прибегнуть к грозным мерам. Я обращаюсь к вам, раби, как к духовному повелителю общины, чтобы вы дали мне разрешение выступить против Дибук с отлучением и заклтиями.

Р.ШАМШОН

(Вздыхнув.) Отлучение страшно для живого, тем более для мертвого. Но если нет другого средства, и такой божественный муж, как вы, находит нужным прибегать к этому, я даю свое согласие. Но раньше я должен открыть вам тайну, которая имеет отношение к этому делу.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Говорите, равви.

Р.ШАМШОН

Помните, равви, когда-то приезжал сюда к вам молодой человек Нисон Ривкес, очень набожный и ученый?

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Помню его хорошо. Он умер молодым.

Р.ШАМШОН

Да. И вот в эту ночь он явился ко мне трижды и сказал, что Дибук, вошедший в дочь Сендера, душа его сына, недавно умершего. И со слезами молил, чтобы я вызвал Сендера на суд с ним, так как он считает его виновником смерти сына.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

В чем обвиняет он Сендера?

Р.ШАМШОН

Он не говорит. Обещает на суде все рассказать... но еще раньше я что-то слышал, что Сендер, бывший его близким другом, чем-то обидел его, не выполнив какого-то обещания...

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Если еврей требует еврея на суд, раввин не имеет права отказать ему. Тем более покойнику. Но какова бы ни была вина Сендера, это к Дибuku не имеет отношения. Он должен сейчас же покинуть тело отроковицы. А завтра, если Господь позволит, мы разрешим ваш сон, и вы вызовете Сендера и покойника на суд.

Р.ШАМШОН

Хоть я и духовный властелин общины, и мы втроем духовные судьи, но мы просим вас, раби, вместе с нами разобрать это трудное дело и быть у нас верховным судьей.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Уступаю вашей просьбе... А теперь, Михоэль, вели ввести отроковицу. (*Сендер и Фрада вводят Лию и сажают на прежнее место.*) Тень человека! Именем духовного властелина общины и суда праведного, сидящего здесь, я, Шлойме бен Годес, в последний раз предупреждаю тебя и повелеваю покинуть тело отроковицы Лии бас Ханы. Если ты и на этот раз не окажешь нам должного повиновения, мы выступим против тебя с самыми грозными закланиями. Я подыму против тебя высших и низших. И тогда тебя ждет вечная гибель...

ЛИЯ (ДИБУК)

Я не выйду!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Пусть входят десять человек в белых кителях. (*Входят.*) Выньте Свитки. (*Вынимают.*) Зажгите черные свечи. (*Зажигают.*) Берите трубные рога! (*Берут рога. Громко, торжественно.*) Тень человека, ушедшего из мира живых, заклиная тебя, чтобы ты в сей же миг покинул тело отроковицы Лии бас Ханы! (*Выжидание. Решительно.*) Трубите Текио! (*Трубят.*)

ЛИЯ (ДИБУК)

(*Бьется в ужасе.*) Отпустите меня, не тащите меня! Не хочу выйти! Не могу!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Трубите Шворим! (*Трубят.*)

ЛИЯ (ДИБУК)

(*Изнемогая.*) Не могу, не могу...

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Трубите Теруо!⁵⁴ (*Трубят.*)

ЛИЯ (ДИБУК)

(*Слабо.*) Я изнемог... Горе мне! Я должен выйти. (*С мольбой.*) Раби, сжался, дай мне сроку хоть до завтра, чтобы вы молитвами успели очистить для меня путь от дьяволов.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(*Лодумав.*) Даем тебе двенадцать часов сроку. И если ты завтра по истечении этого времени не исполнишь обещания, мы извлечем тебя насильно Святыми Именами и трубными звуками.

ЛИЯ (ДИБУК)

Горе мне! Горе мне!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Спрячьте Свитки. Тушите свечи. (*Тушат. Сендеру.*) Сей же час пошли самых быстрых лошадей за сватами и женихом, чтоб они приехали сюда не позже как через двенадцать часов.

СЕНДЕР

Они, может быть, не захотят ехать?..

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Пусть им скажут, что я велел!

ЛИЯ

(*Очнувшись. Своим голосом.*) Не хочу... Не хочу... Не хочу...

ЗАНАВЕС

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Та же обстановка, что и во 2-м действии, только на месте длинного стола слева небольшой четырехугольный стол. За ним в кресле сидит раби Шлоймеле в молитвенном облачении (талесе) и филактериях. По обеим сторонам цадика сидят судьи. Перед ними стоит раби Шамшон. У дверей стоит Михоэль. Заканчивают обряд «пояснения сна»⁵⁵.

Р.ШАМШОН

Добрый сон я видел, добрый сон я видел, добрый сон я видел!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ И ОБА СУДЬИ

(*Вместе.*) Добрый сон ты видел, добрый сон ты видел, добрый сон ты видел!

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Раввин! Мы пояснили ваш сон к добру. Теперь сядьте с нами как судья. (*Усаживаются все четверо в ряд, оба судьи по краям.*) Михоэль, дай мне посох. (*Михоэль подает.*) Михоэль! Возьми мой посох и ступай на кладбище, и пойдя по кладбищу к востоку. И когда дойдешь до середины, закрой глаза и с закрытыми глазами иди дальше, и шарь посохом впереди себя. И на том месте, где посох задержится — остановись. И подойди к могиле, которая будет всего ближе к тебе и ударь по ней посохом три раза, и скажи такими словами: «Покойник праведный! Шлойме, сын великого Тартаковского цадика раби Ицеле, послал меня просить тебя, что-

бы ты ведомыми тебе путями и способами известил покойника Нисона бен Ривке, что суд праведный вызывает его на суд с Сендером бен Гени». Повторишь это три раза. Потом повернись лицом к западу и иди обратно. И не оборачивайся, не оглядывайся назад, какие крики, призывы и голоса ты бы ни слышал за собою. Иначе ты будешь в большой опасности. И ни на один миг не выпускай из рук моего посоха. Остерегайся и остерегайся! Ступай, и Господь тебя спасет, ибо посланцы по святому делу охраняются от бед. (*Михоэль хочет взять посох.*) Подожди, я сперва должен сделать отделяющий круг для покойника. (*Поднимается, подходит к левому углу и делает посохом слева направо большой круг и при этом что-то шепчет. Дает Михаэлю посох. Михаэль уходит.*) Теперь пусть сделают ограду для покойника. Только следует остерегаться не ступить в круг, который я сделал. (*Приносят простыню и привешивают ее за два края к потолку так, что, спускаясь до пола, она закрывает весь левый угол.*) Позовите Сендера. (*Входит Сендер.*) Ты послал подводу за сватами и женихом?

СЕНДЕР

Послал.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Их еще нет?

СЕНДЕР

Нет, но должно быть, скоро прибудут. Я послал самых быстрых лошадей.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Пошли гонца им навстречу, чтобы торопились.

СЕНДЕР

Пошлю.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(*Иным тоном.*) Раби Сендер, служка судейский известил тебя, что покойник Нисон бен Ривке вызывает тебя на суд...

СЕНДЕР

Да...

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Ты принимаешь наш суд?

СЕНДЕР

(*Дрожжащим голосом.*) Принимаю. (*Пауза.*)

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(*Судьям.*) Скоро среди нас появится бесплотный дух из мира праведного, и мы должны будем рассудить его тяжбу с человеком из мира призрачного. Такой суд свидетельствует, что хотя Тора на земле, ее законы

обязательны и для небес, и для бесплотных духов. (*Пауза.*) Такой суд грозен и страшен, ибо за ним следят во всех высших Чертогах, и при малейшем отклонении от закона, сами судьи могут быть вызваны к Верховному Судилищу. Мы должны быть стойки и непреклонны, ибо... ибо... (*Обрывает речь, оглядывается. Все оглядываются. Наступает жуткая тишина. Р.Шлоймеле устремляет взор на полог. Все за ним.*)

1-Й СУДЬЯ

(*Тихим шепотом, со страхом.*) Кажется, он здесь...

2-Й СУДЬЯ

(*Тожже.*) Он, кажется, здесь...

Р.ШАМШОН

Он здесь... (*Жуткая пауза.*)

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Покойник Нисон бен Ривке! Суд праведный повелевает тебе не выступать из круга, который для тебя обведен. (*Пауза.*) Покойник Нисон бен Ривке, суд праведный спрашивает тебя, что ты имеешь против Сендера бен Гени. (*Слышен шепот, неясные слова. Все трепетно прислушиваются. Жуткая тишина.*)

1-Й СУДЬЯ

(*Шепотом.*) Он отвечает...

2-Й СУДЬЯ

(*Тожже.*) Он отвечает.

Р.ШАМШОН

Сендер бен Гени. Покойник Нисон бен Ривке рассказывает, что в молодости ты с ним учился в одном ешиботе, и вы жили душа в душу. Когда вы оба женились, вы встретились на праздниках у старого Тартаковского цади-ка раби Ицеле и, чтобы сильнее закрепить свою дружбу, дали друг другу руку с клятвенным обещанием, что если у одного из вас родится сын, а у другого дочь — вы их будете считать женихом и невестой и потом ожените...

СЕНДЕР

(*Дрожащим голосом.*) Это... было... Мы поклялись...

Р.ШАМШОН

Сендер бен Гени. Покойник Нисон бен Ривке говорит, что вскоре после этого его жена родила сына, а через год сам он умер... (*Короткая пауза.*) В мире праведном он узнал, что сын его наделен высокой душой и быстро поднимается по ступеням совершенства. И радовалась, и веселилась душа его: и видел он, что, когда настало время жениться, — сын его, сам не зная того, стал искать свою суженую. И ходил он из города в город, пока пришел в тот город, где жил Сендер. И вошел он в дом Сендера и сел у

стола его. И устремилась душа юноши к нареченной его. Но Сендер был богат, а сын Нисона был нищ. И Сендер презрел его. И стал искать для дочери женихов с богатым приданым. И в душе сына Нисона зародилось отчаяние, и он стал искать новые пути. И душа Нисона печалилась и трепетала. И князь тьмы, увидав душевное смятение юноши, распростер перед ним силки и сети и изловил его. И сын Нисона ушел из мира живых раньше времени. И умер он страшной смертью, с хулою против Бога на устах. И душа его блуждала без пристанища, как отверженная, пока не превратилась в Дибук. *(Пауза.)* Нисон бен Ривке говорит, что он остался отрубленным от обоих миров, без потомства, без поминальщика. Свет его погас до скончания миров. И единственным виновником своего позора и вечной гибели своего рода он считает Сендера. И он молит суд праведный, чтобы Сендера судили по законам святой Торы за кровь его потомства до последнего поколения, которую Сендер пролил. *(Слышны рыдания. Пауза.)*

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(Сендеру.) Что ты можешь ответить?

СЕНДЕР

(Тонем кающегося.) Не могу раскрыть уст моих, и нет у меня слов, чтобы говорить. Я признаю свою великую вину и молю Нисона, чтобы он простил меня. Ибо не по жестокости сердечной и не по злой воле совершил я грех свой... После нашей встречи мы разъехались в разные стороны, в дальние края, и я ничего не слышал о моем друге и не знал, где он, и не знал, что у него родился сын и что сам он умер. И, видя, что он меня не разыскивает и не напоминает — я решил, что жена его не родила сына и наша клятва уничтожена.

Р.ШАМШОН

Почему ты не разыскивал Нисона?

СЕНДЕР

У меня была дочь — и я считал, что если б у него был сын, он бы меня искал. Ибо сторона жениха должна делать первый шаг.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Почему, когда сын Нисона пришел к тебе в дом и сел за твой стол, ты не спросил его, кто он и откуда?

СЕНДЕР

Не знаю, не помню... Но клянусь, что душа моя стремилась взять его в мужья для дочери... И когда мне предлагали самые выгодные партии — я нарочно ставил свои невыполнимые условия. Таким образом, три раза различные сваты уезжали ни с чем... Но родственники, друзья настаивали... *(Пауза.)*

Р. ШАМШОН

Покойник Нисон бен Ривке говорит, что это неправда... Ты уловил в сыне сходство с отцом и боялся спросить, кто был его отец. Ты гнался за червонцами, за сытым и долголетним столом для дочери — и по твоей жадности дерево его жизни подрублено под корень, и венец с головы его скатился в пропасть.

СЕНДЕР

Нисон, во имя нашей дружбы, прости меня! (*Пауза, жуткая тишина. Входит Михоэль и молча подает посох Р. Шлоймеле.*)

Р. ШЛОЙМЕЛЕ

(*Совещается с раввином и судьями. Берет посох.*) Мы, суд праведный, выслушали обе стороны и постановляем: так как неизвестно, были ли жены обоих тяжущихся беременны в тот час, когда было совершено клятвенное обещание, и так как по законам святой Торы всякая сделка считается действительной, если предмет сделки еще не создан, то суд праведный не может признать, что выполнение клятвы было обязательно для Сендера. Но, так как в небесах клятва была принята, и в душу юноши было заложено чувство, что отроковица — его суженая, то Сендер должен искупить совершившееся несчастье. Поэтому мы повелеваем, чтобы он до конца жизни читал по Нисону и его сыну поминальную молитву, как по родным, и чтобы он роздал половину своего имения бедным за упокой души безвременно погибшего юноши. И суд праведный просит покойника Нисона бен Ривке простить Сендера полным прощением. И за это Господь прольет на него и сына его Свое великое милосердие. Аминь!

СУДЬИ, РАБИ ШАМШОН, СЕНДЕР.

Аминь!

Р. ШЛОЙМЕЛЕ

Покойник праведный! Ты слышал, что мы постановили? Принимаешь ли наше постановление? (*Тишина. Еле слышны рыдания.*) Покойник Нисон бен Ривке. Суд праведный закончен. Теперь ты должен вернуться туда, откуда пришел. В пути своем не задень ни одного живого существа. (*Пауза.*) Михоэль, подай воды. (*Михоэль подносит кружку воды, таз, ставит на пол; все моют руки.*) Снимите полог. (*Снимают.*) Михоэль, подай мне посох. (*Р. Шлоймеле проводит посохом круг по тому же кругу, что и раньше, но обратно, справа налево. Сендеру.*) Сендер, ты слышал постановление суда праведного?

СЕНДЕР

Слышал.

Р. ШЛОЙМЕЛЕ

Ты его принимаешь?

СЕНДЕР

Принимаю.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Сендер! Скоро истекает время, данное нами Дибуку. Как только он выйдет из тела дочери твоей, необходимо в тот же миг повести ее под венец. Что будет совершено, то будет совершено. Пусть к тому времени все будет приготовлено. Пусть дочь твою нарядят в подвенечное платье! Если жених еще не приехал, пошли нового гонца.

СЕНДЕР

Сделаю все, как велите. (*Выходит вместе с Михозлем. Р.Шлоймеле снимает с себя облачение и филактерии и складывает.*)

Р.ШАМШОН

(*Шепотом судьям.*) Вы заметили, что покойник не простил Сендера?

СУДЬИ.

Заметили.

Р.ШАМШОН

Вы заметили, что он не сказал, что подчинился решению суда?

СУДЬИ

Заметили.

Р.ШАМШОН

Вы заметили, что на слова цадика он не ответил «Аминь»?

СУДЬИ

Заметили.

Р.ШАМШОН

Это очень дурное предзнаменование... Смотрите, как раби Шлоймеле расстроен. У него руки дрожат.

СУДЬИ

Да.

Р.ШАМШОН

(*Шепотом.*) Мы свое дело сделали. Мы можем уйти... (*Незаметно уходят.*)

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(*Сильно поглощенный мыслями. Поднимает руку к небу.*) Создатель вселенной! Что должно свершиться — пусть свершается! Твоих постановлений я не хочу ломать. (Пауза.) Михозль, вели ввести отроковицу. (*Сендер и Фрада вводят Лию в подвенечном платье, сажают на диван.*) Дибук! Ты помнишь свое обещание?

ЛИЯ (ДИБУК)

(*Бледным, замогильным голосом.*) По-мню.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

Ты его исполнишь?

ЛИЯ (ДИБУК)

(Так же.) Исполню...

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(Поднимает руки к небу. Молитвенно.) Создатель! Господь прощения, жалости и милосердия! Мы прибегаем к Тебе с молитвой: воззри на муки и страдания отверженной души человеческой и поступи с нею милосерднее закона,⁵⁶ не отринь от него надежды на спасение, ибо перед Тобою открыто и Тебе ведомо, что согрешила она хулой против Твоего Святого Имени не по дерзости своей, а по неведению. Пусть пред престолом Твоим предстанут ее добрые дела, заслуги ее предков и наши молитвы. И пусть все сие буде принято Тобою как благоухающее воскурение. Господь Израиля! Отстрани в Своем великом милосердии от сей души человеческой всех дьяволов с их князем тьмы, очисти для нее путь и дай ей в твоих бесконечных мирах место покоя, тишины и отдохновения. Аминь!

ВСЕ

Аминь!

ЛИЯ (ДИБУК)

(С отчаянием.) Скорее читайте поминальную молитву! Скорее! Час истекает!..

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(Читает.) Да возвеличится, да освятится Его великое Имя...

ЛИЯ (ДИБУК)

Ай! *(Разбивается стекло. Лия падает.)*

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(Поспешно.) Ведите невесту к венцу!

МИХОЭЛЬ

(Вбегает.) Только что вернулся гонец. Говорит, что у сватов сломалось колесо, и они идут пешком. Но их уже видно издали, они на пригорке, скоро придут.

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(Очень расстроенный.) Что должно совершиться — пусть совершается... С невестой останется старуха. А мы все пойдем встречать жениха. *(Делает посохом круг вокруг Лии. Все выходят. Остаются Лия и Фрада. Долгая пауза.)*

ЛИЯ

(Открывает глаза.) Кто здесь? Бабонька!.. Бабонька, мне тяжело!.. Помоги мне... Убаюкай меня...

ФРАДА

Пусть тебе не будет тяжело, доченька моя. Тяжело пусть будет злему татарину, черному коту. А тебе на сердечке пусть будет легко-легко, как пушок, как снежиночка, как тихое дыханьице... Сладкие сны пусть тебе снятся, чистые думушки пусть реют вокруг тебя; святые ангелы пусть обвевают тебя своими крылышками. (*Слышна музыка.*)

ЛИЯ

(*Вздрагивает.*) Идут плясать вокруг святой могилки, увеселять мертвых жениха и невесту...

ФРАДА

Не дрожи, доченька, не бойся. Вокруг тебя стоит большая стража, сильная стража. 60 могучих богатырей стоят с обнаженными мечами. Святые патриархи охраняют тебя от дурной встречи, Святые праматери охраняют тебя от дурного глаза. Скоро поведут тебя, доченька, к венцу. Мать твоя, праведница, в золоте и серебре наряженная, из рая выходит, из рая выходит. Идут ей навстречу два ангела, два ангела — и за руки берут, и за руки берут. Один справа, другой слева. «Ханеле моя, Ханеле краса, что ты разрядилась так, в злате-серебре, в злате-серебре?» И отвечает им Ханеле: «Как не наряжаться мне — радость велика: доченьку родимую под венец ведут». И отвечает им Ханеле: «Как мне не кручиниться — велика печаль. Под венец родимую чужие поведут». Вот ведут красавицу Лиеле к венцу. Тут же появляется сам пророк Илья. Поднимает высоко свой большой бокал. Мир благославляет он... праведных и злых... Голос его слышится... далеко вокруг... (*Засыпает, долгая пауза.*)

ЛИЯ

(*Тяжело стонет. Открывает глаза.*) Кто здесь так тяжело стонет?

ХОНОН

(*Появляется перед нею в саване.*) Я!

ЛИЯ

(*Глядит на него.*) Кто ты? Я тебя не узнаю...

ХОНОН

Тебя отделили от меня непроницаемой оградой, заклётым кругом.

ЛИЯ

Твой голос мне мил, как тихий плач скрипки в ночной тишине. Говори...

ХОНОН

Я весь истерзан...

ЛИЯ

Одежды твои белы и чисты.

ХОНОН

Земля меня не принимает.

ЛИЯ

Твое лицо и руки не покрыты ранами и язвами.

ХОНОН

Тело мое я убил раньше, чем дьяволы могли его коснуться. Но они терзают мою душу, обжигают ее своими взорами, обливают ядом, пронижают безнадежным мраком.

ЛИЯ

Расскажи мне, кто ты.

ХОНОН

Я забыл. Я помню только тебя.

ЛИЯ

Но ведь ты был слит со мною.

ХОНОН

С тех пор, как во мне проснулась первая мысль, я ощутил в себе странную печаль и тоску. И в грезах беспокойного сна, и в грезах талмудического напева звучал для меня голос, звавший меня, как глас Господен — отрока Самуила-пророка. И сердце мое, преисполненное трепетным восторгом, рвалось ввысь. И я убежал в лес, падал на землю, прижимался к ней и орошал слезами молитвы и восторга. И в тихую полночь я вскакивал с моего ложа, кидался к кивоту, прижимал пылающую голову к Священным Свиткам, бил себя в грудь, плакал и каялся в грехах не содеянных. Я искал пути к Богу — и припал жадными устами к источнику Торы. Но я не нашел покоя — и ушел «справлять изгнание». И бродил я с места на место, пока не пришел в твой город, пока не вошел в дом отца твоего. И я увидел тебя. *(Пауза.)*

ЛИЯ

(С закрытыми глазами.) Говори... Когда ты говоришь, я сквозь закрытые веки вижу яркое солнце, когда ты умолкаешь, вокруг меня становится темно и страшно.

ХОНОН

Я тебя увидел — и вся душа моя потянулась к тебе с трепетом восторга и молитвы. И я понял, что это я тебя видел в своих грезах и что раньше, чем встретил тебя, все мои ощущения были уже проникнуты тобою. Тебя я чувствовал в лучах солнца, в пении птичек, в дуновении ветерка и в прозябании травки. И каждая мысль моя была молитвой тебе, каждое дыхание — славословием тебе, каждый взгляд очей моих — благодарствен-

ной жертвой тебе. И я понял, что знал тебя с первого часа моего рождения — ибо ты моя суженая от Бога.

ЛИЯ

Припоминаю... и я тосковала тихой и нежной тоской по ком-то... И моя душа тянулась жадно к какому-то яркому светочу... Припоминаю: и я проливала сладкие слезы и в грезах ночных нежно, как мать, кого-то ласкала. Это был ты?

ХОНОН

Я...

ЛИЯ

Припоминаю: у тебя были мягкие, точно заплаканные волосы. У тебя были длинные ресницы и грустные, тихие глаза... У тебя были нежные руки с тонкими длинными пальцами. И голос твой был печальный и ласковый... Я дни и ночи думала только о тебе и не ощущала в этом греха — ибо ты мой суженый от Бога... *(Пауза.)* Почему ты ушел от меня?

ХОНОН

Я ушел убивать плоть, чтобы очистить и возвысить душу, дабы она была достойна воспринять тебя. Я видел, что силами земными я не могу обрести тебя — и пошел искать силы небесные, силы преисподние.

ЛИЯ.

И ты ушел из мира живых. И солнце мое погасло... и душа моя завяла... И повели меня, невесту-вдову, с веселым пением к венцу с чужим. Затем ты вернулся... И пошла я, с непокрытой головой к венцу с тобою. И в сердце моем зацвела мертвая жизнь и печальная радость.

ХОНОН

Теперь отняли у нас и эту печальную радость... Последнюю. *(Плачет.)*

ЛИЯ

(Нежно.) Не плачь, не плачь... Вернись ко мне, мой жених, мой муж. Я буду тебя, мертвого, носить на своей груди. И в ночных снах мы будем убаюкивать наших нерожденных детей. *(Плачет.)* Я буду им шить рубашечки, буду им петь песенки:

Баю, деточки мои,
 Не родившись, умерли,
 Мать — могила для отца,
 Овдовела без венца...

(С улицы доносится музыка, обычный мотив, каким ведут к венцу. Встрепенувшись.) Опять идут, чтобы вести меня к венцу с чужим... с чужим... Приди ко мне... приди...

ХОНОН

(*Рванувшись.*) Не могу переступить круг! Не могу!

ЛИЯ

(*Поднимается, протягивает к нему руки.*) Если ты не можешь придти ко мне, я иду к тебе. Мой вечный жених... мой муж! (*Кидается к нему. Падает мертвой. Хонон исчезает.*)

ГОЛОСА

(*За сценой.*) Дружки, идите вести невесту к венцу. (*Входит раби Шлой-меле с посохом. За ним мужчины, женщины.*)

Р.ШЛОЙМЕЛЕ

(*Увидев мертвую Лию, останавливается, опускает голову.*) Опоздали... (*Поднимает голову. Громко и торжественно.*) Благословен Судья праведный! Борух даян змет!

ЗАНАВЕС

*Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека.
Отдел рукописей и редких книг. № 44212*

Примечания

¹В своих воспоминаниях об Ан-ском С.Л.Цитрон указывает, что описанная в первом действии «Дибука» синагога в точности соответствует синагоге местечка Горлиц в Галиции. Другой мемуарист, М.Чуднер, считает, что давящий и мрачный первый акт воспроизводит атмосферу разрушенного австрийскими войсками г. Тарнов в Галиции, где Ан-ский был с миссией Красного Креста в 1915 г.

²*Поминальная свеча* — устанавливается на *йорцайт* (годовшину со дня смерти) и горит 24 часа.

³*Аллемор* (древнеевр.) — расположенное в центре синагоги возвышение, на верхней части которого разворачивают свиток Торы (Пятикнижия), а внутреннюю часть используют для хранения молитвенных облачений.

⁴*...грусти* — восходящая к Морису Метерлинку («Слепые»). Леониду Андрееву («Некто в сером») и Ицхаку-Лейбушу Перецу, характерная для всей рубежковой драматургии тема мировой скорби, увядания и умирания.

⁵*Талшинский цадик* — имеется в виду Давид бен Мордехай Тверский (1808-1882), представитель чернобыльской династии в хасидизме, прозванный «раби Дувид», глава еврейской общины местечка Тальное Киевской губернии. Упомянутая надпись «Царь Давид...», восходящая к Вавилонскому Талмуду, Трактат «Рош ха-Шана», 25а, ассоциируется с библейским царем Давидом. Народное воображение переадресовывает метафору «живого и вечного» царя Давида хасидскому цадиду, который, подобно царю Давиду, вызывает священный трепет, восторг и обожание.

⁶...*Ружинский* — имеется в виду Израэль бен Шолом Шахна Фридман (1797-1851), основатель ружинской (Ружин, Киевской губернии) и садигорской (Садигора, пригород г. Черновцы) хасидских династий, харизматический лидер галицийских и буковинских хасидов. По материнской линии его род восходит к дочери основателя хасидизма Баал Шем Това. Самый влиятельный из хасидских цадигов 1820-1850-х гг. По ложному обвинению — покровительство расправе с доносчиками — был арестован (так называемое «Ушицкое дело»), с 1838 по 1848 гг. провел в тюрьмах Киева и Каменец-Подольска, затем сбежал от властей и поселился в местечке Садигора, где и основал упомянутый Ан-ским «двор».

⁷*Каминкер* — имеется в виду, по-видимости, Шмуэль Каминкер-старший (?-1831), один из семи братьев, ставших последователями Бешта и распространявших его учение.

⁸*Анопольский* — иногда «Аннипольский»; Зуся бен Элизер Липпа (?-1800), ученик Дов Бера, магида из Межерича, близкий по духу к аскетическому (добештовскому) хасидизму. Практиковал мистическое скитальчество («изгнания», см. сноску 16). После смерти магида в 1772 г. поселился в местечке Аннополь Киевской губернии. Жил в крайней бедности и нужде. Прославился своими притчами и афоризмами, основанными на теологическом оптимизме и отрицании зла.

⁹*Антский раввин* — Авраам Иехошуа Хешель (1738-1825), прозванный в честь местечка Опатов (на идиш — Апт), где до 1800 года он возглавлял местную еврейскую общину. Затем раввинствовал в Яссах, а последние 12 лет жизни провел в Меджибоже. В народном воображении он возникает как народный заступник, «любящий народ свой», — по названию своей книги «Охев Израэль».

¹⁰Вернее — *Никольсбергского* — имеется в виду Шмуэль Шмельке Горовиц (1726-1778), ученик Дов Бера, магида (проповедника) из Межерича, исповедовал аскетический хасидизм, доктрину Бешта принял с оговорками, распространял хасидизм в Моравии.

¹¹*Змий* — аллюзия на многочисленные толкования Кн. Быт. 3:1 в мидрашах и еврейской мистике. Каббала отрицает онтологичность зла и полагает, что в телеологической перспективе зло с необходимостью должно послужить добру. Отличные «по знаку», зло и добро равны «по модулю». Библейской основой такого толкования, по мнению каббалистов, может служить числовое совпадение понятий «нахаш» (змея), «хошен» (нагрудник первосвященника), и «машнях» (мессия), выражающихся в одном и том же числе 358¹58¹58¹58¹58¹.

¹²*ситро ахро* (арам.) — нечистая сила, табуированное понятие в иудейской традиции. Обуздать ее может практическая каббала через «семиотическую» манипуляцию ее буквенными выражениями — аббревиатурами и именами, основанными на лингвистических тайнах Священного Писания.

¹³*нет... священных имен* — речь идет о практической каббале в ее понимании до Бешта и после него. С точки зрения восточно-европейской практической каббалы XVI-XVII веков, искусство «исправления» человеческой души и окружающего мира основано как на знании «шмот ха-кедуш» (имен святости), так и на понимании «шмот ха-тума» (имен нечистой силы, «мерзости»). Чтобы изгнать духов, отводить порчу, исцелять от недугов, представители практической каббалы, среди них — Йозель Баал Шем, Шимшон Остропольский, Хильель Баал Шем — пользовались и теми, и другими именами. Бешт, по всей видимости, первым отказался от использования «дурных» имен для теургических целей, и с осознан-

ной двусмысленностью нарекал «владельцем *доброто* имени» (буквальный смысл слов «баал шем тов», сокр. — Бешт).

¹⁴...*действенной каббалой* — имеется в виду практическая каббала, направление в иудейской мистике, восходящее к Аврааму Абулафии (1240 — ок.1292) и нацеленное на действенное участие индивида в физическом и метафизическом исправлении мира и его возвращении к первоначальной гармонии (теургия). В основе практической каббалы лежит восходящее к «Сефер ха-Зохар» (конец XIV в.) углубленное изучение скрытых смыслов Торы и их дальнейшее использование как инструментов для искоренения зла, приближения прихода мессии, самоусовершенствования. Стараниями бродячих целителей («баал шемов») и оседлых знатоков («мекубалим»), практическая каббала приобрела неслыханную популярность среди евреев Восточной Европы во второй половине XVII — первой половине XVIII веков, особенно после ухода саббатянской ереси «в подполье».

¹⁵*Бог Хонона* — игра слов, не до конца раскрытая Ан-ским: буквальное значение слова «Хонон» (корень *х.н.н.*) — любовь, милосердие. Таким образом Ан-ский противопоставляет Хонона, с его «чистой» любовью, в основе которой — человеческая страсть, и Эльханана, с его «божественной» любовью, сопрягающей горние и нижние измерения человеческого опыта. Но даже и недоговаривая, Хонон вполне точно усматривает метафорическую «безбожность» собственного имени.

¹⁶«...*изгнание*» — также «исправлять изгнание». Восходящая к Талмуду Вавилонскому, Трактат «Саннедрин». 37b, мысль «галут микаперет авон» (изгнание искупляет грех), определила две характерные парадигмы иудейской мистики. Во-первых, понимание бед и напастей еврейского народа как результата имманентной вины иудеев перед Всевышним. Во-вторых, представление об изгнании «шехины» — Божественного присутствия — наступившего после разрушения Иерусалимского Храма (70 г. н. э.) как об искупительном процессе, завершающемся в эсхатологической перспективе. Отсюда следовало, что хасид, уходящий в изгнание (как правило, на три года), искупает свои личные и общинные прегрешения и поступки, «подражает» ушедшей в изгнание «шехине», тем самым приближается к Всевышнему и приближает приход мессии. «Изгнание» как добровольную епитимью налагали на себя знаменитые хасидские деятели Зуся из Аннополя, Элимелех из Лиженска, и даже такой противник хасидского учения, как Элияху бен Залман, Виленский гаон.

¹⁷*камей* — зл.: амулеты; имеются в виду написанные на бумаге, пергаменте, кусочке дерева или камешке имена ангелов или другие сочетания «имен святости», призванные оградить от беды, болезни, слеза, бесплодия и пр. Надпись должна быть сделана человеком высочайших душевных качеств — цадиком или каббалистом — в противном случае камей будет бесполезной...

¹⁸...*самого способного ешиботника* — в восточно-европейской иудейской традиции новая семья создавалась по принципу «кест»: невеста приносила в новую семью знатность происхождения и/или достаток, жених — знание устной и письменной Торы. Поскольку и помолвки, и браки были ранними, а девушки получали только домашнее образование, отец невесты брал в дом лучшего из учеников порекомендованного ему ешибота и возлагал на себя обязанность материально обеспечить молодых в течение года или нескольких лет — пока молодой человек не завершит полагающегося ему курса обучения. После чего глава новой семьи либо содержал семью сам, либо поступал партнером в дело своего тестя.

¹⁹«Сказано: сорок дней...» — отсылка к обсуждению предопределенного человеку до рождения невесты места жительства и достатка в Вавилонском Талмуде.

²⁰*По малому буквенному счислению* — имеется в виду способ счисления, при котором в числовых соответствиях букв еврейского алфавита не считаются десятки и сотни. Так, «алеф» соответствует единице, «мем» — не сорока, а четырем; «тав» — не четыреста, а четырем. Отсюда — суммарное значение слова «истина» (девять), которое выводит Хонон.

²¹*Лия* — Лея, «ламед», «алеф», «хей» ($30 + 1 + 5 = 36$). Кроме всего прочего, 36 в традиционной иудейской мистике (ставшей фольклорным поверьем) означает неизменное число тайных праведников («цадиким нистарим»), на безупречной нравственности которых покоится мир. Символика «36 праведников» восходит к трактату «Саннедрин». Скрытые цадики — важная тема первого варианта «Дибукка».

²²«*Ему*» — пишется «ламед», «вав» ($30 + 6 = 36$).

²³...*Ло-ха* — Хонон разделяет имя Лея на две части и читает их как два разных слова: первое буквально означает отрицание («ло»), второе, состоящее из одной буквы «хей», в полном согласии с иудейской письменной традицией Хонон понимает как сокращенное «ха-шем» (имя с определенным артиклем, имя Бога).

²⁴...*постановлений* — имеются в виду «мишпатим» (или «халахот»), практические законы, сформулированные в «Шулхан Арухе» Иосефа Каро (XVI в.) и комментариях к нему.

²⁵...*Пардес* — букв.: сад, рай (ср. созвучное и восходящее к нему «парадиз»).

²⁶... *с миром* — Ан-ский цитирует трактат Вавилонского Талмуда «Хагига».

²⁷... *великаны* — имеются в виду «гедолей ха-дор», букв.: «великаны поколений», выдающиеся представители иудейской мудрости.

...*святого Ари* — имеется в виду Исаак бен Шломо Лурия (1534-1572), прозванный ха-Ари, «Лев», выдающийся каббалист, основатель «лурианской» каббалы, крупнейший представитель кружка еврейских мистиков из г. Цфат. Три его идеи — «кавана» (интенсивность и концентрация при исполнении заповедей), «тикун» (усовершенствование мира через самоусовершенствование) и «цимцум» (компрессия, «родовые муки» творящей субстанции) — оказали огромное влияние на хасидизм. Изложение луррианской доктрины дано его учеником Хаимом Виталем,

...*святого Бешта* — сокр., полное имя — Исраэль бен Элизер Баал Шем Тов (ок. 1700-1760), родоначальник восточно-европейского хасидизма, знахарь и целитель, знаток как «практической» каббалы, так и тончайшей мистической «лурианской» учености. С его именем связывается решительное обновление всех форм традиционной польско-еврейской культуры XVIII в.: литургии, философии, мировосприятия, поведенческого модуса и общинной структуры.

²⁸Быт. 4: 7.

²⁹...*поколения ...мельче, цадики слабее* — Хонон воспроизводит традиционную раввинскую жалобу на «оскудение времен», внезапно обнаруживает ее гностически-саббатнианский подтекст. Солидаризуясь с ним, Хонон обнаруживая гораздо большую приверженность саббатнианской ереси, чем традиционной каббале или ее преломлению в хасидизме.

³⁰*святого начала...* — Хонон пользуется известным каббалистическим изречением «эйн давар ше-эйн бо-нешоц» (нет в мире вещи, в которой не было бы [божественной] искры) и видоизменяет его в точном соответствии с еретической

доктриной Шаббата Цви (см. Предисловие), который оправдывал свои чудачества, проступки и откровенные грехи мыслью о том, что и в грехе есть искра святости.

³¹«...меж ними нет» — Песнь Песней, 4: 1-2.

³²Хамелюк, т.е. *Кармелюк* — Устим Кармалюк (или Кармелюк, 1787-1735), легендарный руководитель крестьянских бунтов на Украине. По его делу к уголовной ответственности привлекались евреи подольских местечек, оказывавшие ему помощь и укрывавшие его. В восточно-европейском еврейском сознании — безжалостный разбойник и злодей.

^{32a}... там похоронены — Ан-ский в точности воспроизводит легенду, записанную им во время этнографической экспедиции в черту оседлости в 1911-1914 годах.

³³...от субботы до субботы — речь идет о полном (сухом) посте, который практиковался последователями аскетического (до-бештовского) хасидизма. Практика таких постов была решительно отвергнута Бештом как отгораживающая правоверного иудея от общины и не способствующая радостному мировосприятию.

³⁴...получил стол — речь идет об уходящей к XII-XIII столетиям традиции «эссен тог» (день кормления), в соответствии с которой зажиточные семьи еврейской общины брали на себя заботу об учениках ешибота (редко превышавших 10-15 человек), предоставляя им раз в неделю на «ротационной» основе стол и ночлег. Эта традиция сохранилась до конца XIX столетия, но постепенно была заменена, а затем и вытеснена ешиботом, существующим независимо от финансово-экономических возможностей конкретной местной общины.

³⁵... по белому огню — цитируется классический комментарий Раши (Рабби Шломо Ицхаки, 1035-1104) на Вт. 33: 2.

³⁶... мудрмия твоими — Песнь Песней 4: 3.

³⁷«Ангела Разиеля» — имеется в виду «Сэфер Разиэль ха-Малах», анонимная компиляция нескольких текстов, относящихся к практической каббале XV-XVII веков. В предисловии к книге говорилось, что книга — впервые обнародованный мистический манускрипт, написанный царем Соломоном под диктовку ангела Разиэля (букв. значение его имени — «загадки Бога») и тайно передававшийся из поколения в поколение. Впервые изданная в Амстердаме в 1701 году, книга выдержала десятки переизданий. В меджибожское издание книги 1819 года включена глосса, упоминающая, что по этой книге учились такие выдающиеся представители хасидизма, как Дов Бер, магид из Межерича, и Леви Ицхак из Бердичева.

³⁸полуночное бдение — имеется в виду «тикун хацот», традиция, установленная кружком Цфатских каббалистов, заключающаяся в полуночном чтении Псалмов (79, 102, 137), покаянной молитвы («видуй»), «Тринадцати атрибутов» (Всевышнего, сформулированных Маймоидом в XII в.), а также двух дополнительных текстов, называемых «тикун Рахель» (в будние дни) и «тикун Лея» (в субботу). В силу особого значения имени Лея для Хонона, а также многозначности слова «тикун» (усовершенствование, исправление, исцеление), упоминание в драме этой литургии представляется особо важным.

³⁹18 псалмов — традиционное буквенное соответствие числа 18 — «хай» — означает «живь», и потому часто используется в литургических целях.

^{39a}...стола для молодых — имеется в виду период, во время которого отец невесты обязывается содержать молодую семью («кест»).

⁴⁰*Бердичевера* — имеется в виду Леви бен Меир из Бердичева (1740-1810), первый представитель хасидизма, избранный на пост главы раввинского суда и главного раввина города (Бердичева, в конце XVIII — нач. XIX века самого крупного и экономически развитого из городов Юго-Западного края). Прозванный «дербаремдигер» (идиш: милосердный), Леви Ицхак вошел в народное сознание как заступник еврейского народа перед Всевышним. Его песни «Гот фун Аврум» («Господь Авраама») и «Дуддел» («Ты», далее цитируемая в тексте драмы) представляли Бога доступным и задушевным собеседником и пользовались огромной популярностью.

⁴¹Кн. Пс. 23: 1.

⁴²«... *нити жизни*» — рассказ о Баал Шем Тове и акробатах взят из сборника «Ор ха-гануз» («Скрытый свет»).

⁴³*Мир рухнул бы* — Ан-ский весьма точно цитирует Талмуд Вавилонский, трактат «Йома», 18б, но затем переосмысляет фигуру первосвященника в хасидско-каббалистическом контексте и сравнивает его со скрытым цади́ком (этическая чистота которого — залог мирового равновесия).

⁴⁴*...все десять Сефирот* — то есть все десять эманаций творящего Божества: Ан-ский воспроизводит характерный для каббалистической традиции параллелизм между сотворенным микромиром и творящей субстанцией — макромикромом.

⁴⁵*...Королевы или царицы-субботы* — речь идет о «мелаве малка» (букв.: проводы царицы), дополнительной (четвертой) трапезе, совершаемой после исхода субботы.

⁴⁶*нет моего «я»* — в хасидском практике цади́к превращается как бы в мистический сосуд, через который благословения горнего мира «проливаются» в мир дольний. Превращение в такой сосуд требует от цади́ка «битуль ха-еш» (преодоления собственного ячества, своего рода практика метафизической скромности). Только из ячества, превращенного в ничто («айн»), может произрасти «еш» — подлинное бытие-в-Боге.

⁴⁷*...записка* — «питка» (арам.), краткие обращения к цади́ку с просьбой об исцелении от болезни или избавлении от напасти, содержащие имя больного с упоминанием имени его матери. Цади́к вкладывал «питка» в молитвенник и читал во время произнесения своей собственной молитвы как личные просьбы к Всевышнему.

⁴⁸*раби Велвеле...* — имеется в виду Вулф (уменьшительное — Велвеле) Киес (Коице), сторонник аскетического хасидизма, ставший последователем «нового» хасидизма Баал Шем Това. В рассказах о Беште он упоминается как зять магада из Межерича и как раввин, постоянно живущий в Меджибоже «при» Беште.

⁴⁹*Десять евреев* — «миньян», молитвенный кворум, обеспечивающий Божественное присутствие среди молящихся и необходимый для произнесения вслух важнейших частей молитвы («кадиш» и «кедуша»).

⁵⁰*бас Ханы* — то есть дочери Ханы (древнеевр. в ашкеназском произношении): упоминается имя матери, а не отца, поскольку Лея нуждается в исцелении (см. сноску 47).

⁵¹*исправить и спасти* — то есть осуществить «тикун» (см. сноски 27 и 38).

⁵²*покой от дьяволов* — согласно фольклорной традиции, когда сын, ближайший родственник или порученец читает поминальную молитву по усопшему, на время чтения прекращаются мучения души усопшего на том свете.

⁵³*семь трубных рогов... свитков Торы* — основные атрибуты совершения обряда полного отлучения и изгнания («херема»), тяжелейшего из наказаний.

⁵⁴*...Текио ... Шворим ...Теруо...* — трехкратный отрывистый, девятикратный краткий и однократный протяжный звуки «шофара» (рога), обязательный атрибут общинного покаяния и индивидуального раскаяния («тешува»).

⁵⁵*обряд «пояснения сна»* — точнее, исправления сна. Последующий ритуализованный диалог в фольклорной традиции — необходимое условие для успокоения души человека, который видел дурной сон либо полагает, что видел дурной сон. Ан-ский воспроизводит описание этой процедуры, данное в каноническом своде законов Шулхан Арух, 220.

⁵⁶*милосердие закона* — букв.: «лифним ми-шурат ха-дин», важный раввинистический принцип, многократно используемый в гражданском и уголовном праве и восходящий к Вавилонскому Талмуду.

Приложение: первоначальная версия пьесы С.Ан-ского

МЕЖ ДВУХ МИРОВ

(«Дибук»)

*Еврейская драматическая легенда
в 4-х действиях с прологом и эпилогом*

ЛИЦА

В прологе:

Старик

Дочь

В драме:

Раби Шлоймеле Тартаковер — цадик, старик

Михоэль — его главный служка (габай)

Раби Шамшон — раввин в Тартакове

1-й | — духовные судьи (даяны)

2-й |

Раввин в Бриннице

Сендер Гевирцман — купец, хасид в Бриннице

Лия — его дочь

Фрада — ее старая няня

Гитель | — племянницы Лии, приезжие

Бася |

Хонон

Энех — ешиботники в Бриннице

Хаим

Меер — синагогальный служка в Бриннице

1-й |

2-й | — синагогальные завсегдатаи, старики

3-й |

Прохожий старик
 Старый хасид
 Пожилая еврейка
 Маршалок (свадебный поэт)
 Алтер — сервировщик
 Бабка Хана — повитуха
 Кухарка
 Свадебный гость
 Горбун
 Нищий на костылях | — нищие
 Хромая
 Безрукая | — старухи нищие
 Полуслепая |
 Высокая, бледная женщина, нищая

Хасиды, ешиботники, прихожане, лавочники, лавочницы, свадебные гости, слуги, нищие, уличные прохожие, женщины, дети, водонос, 2-я кухарка.

Первое и второе действия происходят в Бринице в синагоге, третье и четвертое — в Тартакове. Между первым и вторым действиями — 3 месяца.

ПРОЛОГ

Большая, хорошо убранная комната. Посреди комнаты стол, заваленный старыми фолиантами. У стены — мягкий диван. У входных дверей — пожилой человек в темном пальто и котелке, собираясь уйти, крепко пожимает руку провожающего его с лампой в руке Старика и печально, с поникшей головой медленно уходит. Старик, подавшись вперед, точно желая его задержать, остается на месте. Потом проводит рукой по лбу; возвращается медленно к столу, ставит лампу, садится в кресло, раскрывает фолиант и углубляется в чтение. Пауза. Из внутренних комнат неслышно входит в белом ночном одеянии Дочь, бледная и хрупкая. Останавливается у дверей.

ДОЧЬ

(Нерешительно.) Папа...

СТАРИК

(Оборачиваясь к ней, тревожно.) Что ты, дочь моя?

ДОЧЬ

Не могу уснуть... Жутко... Тяжело дышать... Побуду немного с тобой.

СТАРИК

(Тревожно.) Доктор сказал, что тебе следует лежать.

ДОЧЬ

Ничего... Посижу здесь на диване. (Взбирается на диван, садится в углу.)

СТАРИК

Я принесу одеяло или платок закутать тебя.

ДОЧЬ

Не надо, папа, так мне легче... Ты читай себе, как раньше. Я буду сидеть молча, не буду тебе мешать. (Пауза.) В детстве я очень любила глядеть, как ты изучаешь твои фолианты. Я иногда целыми часами просиживала неподвижно на этом месте и следила за тобою, как ты, чуть-чуть раскачиваясь, тихо произносишь странным грустным напевом непонятные слова. Мне тогда казалось, что фолиант тоже живой и мудрый, что вы шепчетесь о чем-то очень важном и сообщаете друг другу тайны, которых никто не должен подслушать... (*Тише, подавленным голосом.*) Как давно это было...

СТАРИК

(*Поникнув головой.*) Давно... (Пауза.)

ДОЧЬ

Тогда мне казалось, что никто не в состоянии понять и не должен знать то, о чем ты шепотом беседуешь с фолиантом... А теперь мне хотелось бы знать, что там написано. О чем ты сейчас читал.

СТАРИК

(*Растерянно.*) Тебе трудно будет понять... (*Заглядывает в фолиант.*) Впрочем, как раз это место, где я остановился, тебе будет понятно. (*Глядя в книгу.*) «И сказал раби Иосаи: «Однажды, будучи в пути, я зашел в один из разрушенных домов Иерусалима, чтобы там помолиться. Когда вышел, я нашел у дверей Илью пророка, и он спросил меня: «Сын мой, какой глас слышал ты в сем пустынном доме?» И я ответил ему: «Я слышал глас голубиный, рыдающий и говорящий: «Горе мне. Я разрушил свой дом, сжег свой храм и обрек своих детей на скитание между чужими народами». И сказал мне Илья: «Клянись жизнью и головой твоей, что не только в сей час, но три раза в день раздастся этот плачущий глас Господен...»

ДОЧЬ

(*Поражена.*) Неужели все это так и сказано... Бог кается. Бог плачет. Как это неожиданно. Я всегда представляла себе еврейского Бога грозным и непреклонным. И вдруг оказывается, Ему присущи человеческие чувства, раскаяние, слезы...

СТАРИК

Господь любит кающихся.

ДОЧЬ

И прощает их.

СТАРИК

В Талмуде сказано: «Величайшим праведникам недоступны чертоги, уготовленные для раскаявшихся грешников».

ДОЧЬ

(*Вдруг совершенно иным тоном. Громко и сухо.*) Господь прощает. А ты... Ты не прощаешь.

СТАРИК

(*Растерявшись.*) Что ты говоришь?

ДОЧЬ

Я говорю, что ты не прощаешь. (*С отчаянием.*) Почему ты все время молчишь?

СТАРИК

Что ты, дочь моя, что ты. Успокойся, не волнуйся. Кто молчит?

ДОЧЬ

Вот уже месяц, как я вернулась к тебе, больная и надломленная. И ты мне еще ни одного слова не сказал.

СТАРИК

Что же я должен был тебе сказать? Что я мог сказать?

ДОЧЬ

Как? Дочь, единственная дочь, опозорила твои седины, бежала из-под венца с человеком, которого ты к себе на порог не пускал; пропала без вести целых пять лет... И вдруг неожиданно вернулась домой... И ты не нашел, что сказать ей.

СТАРИК

(*Сухо.*) Не нашел...

ДОЧЬ

Ты не выгнал, не проклял меня, не упрекнул. Ты окружил меня нежным уходом. Но ты поставил между собой и мною немую стену, которую ничем нельзя пробить. Ты отнял у меня всякую надежду на прощение...

СТАРИК

(*Подавленным голосом.*) Я тебя простил.

ДОЧЬ

Так не прощают... Так не прощают живых людей... Ты думаешь, я не понимаю, почему ты так осторожно относишься ко мне...

СТАРИК

(*Вскакивает, кричит.*) Молчи! Ты ничего не понимаешь. Ни ты не понимаешь, ни я не понимаю, ни доктор не понимает. Понимает лишь Один, Тот, Кто все знает.

ДОЧЬ

(*Притихнув.*) Да... Мы не понимаем. Поэтому, может быть, мы не умеем прощать... (*С горечью.*) Но почему ты не сделал попытки понять меня?

СТАРИК

(*С мольбой.*) Дочь моя, не будем говорить об этом. Я не могу тебя понять.

ДОЧЬ

Ты можешь, ты должен меня понять. Ты должен понять, что я полюбила этого человека беззаветно, безумно...

СТАРИК

Беззаветно... Безумно. Знала ты его всего несколько недель, может быть, несколько дней... И был еще человек, которого ты целых 18 лет любила и, казалось, тоже беззаветно, человек, у которого, кроме тебя, никого в мире не было. Почему же вторая любовь перевесила первую?

ДОЧЬ

Не перевесила... Я продолжала тебя любить, как раньше. Но та любовь была совершенно иная.

СТАРИК

(*Тихо.*) Иная... иная... Не понимаю.

ДОЧЬ

Отец. Ведь ты сам был когда-то молод. Неужели ты никогда не любил?

СТАРИК

(Печально.) Как не любил. Любил. Твою покойную мать я сильно любил. Любил всякого, кто был достоин любви...

ДОЧЬ

(В отчаянии.) Ах, не то, не то... *(Иным тоном.)* Отец, ты мне рассказывал, что в молодости учился в ешиботе. Там были сотни юношей. Неужели ни с кем из них не случилось ничего подобного. Чтобы кто-нибудь влюбился в женщину. Понимаешь, влюбился.

СТАРИК

Влюбился в женщину... Нет. Случались развратники. Но о них не стоит говорить... А о любви мы не слышали. У нас мысль была занята совершенно иным.

ДОЧЬ

(В сильном волнении.) Отец. Этого быть не может. Молодость всегда и везде одна. Подумай. Припомни...

СТАРИК

Ради Бога, не волнуйся. *(Торопливо.)* Ну, я припомнил, припомнил. Был такой случай... Но это было нечто совершенно другое.

ДОЧЬ

(Радостно.) Был случай. Был.

СТАРИК

Когда я был юношей, у нас в синагоге рассказывали историю про ешиботника. Но это было совершенно не то, что ты думаешь.

ДОЧЬ

(Жадно.) Расскажи, расскажи.

СТАРИК

История эта длинная и очень печальная. Там вмешались сверхъестественные силы. По вашим теперешним понятиям, ты, пожалуй, не поверишь, что все это могло случиться. Но я слышал историю от людей, которые собственными глазами все видели.

ДОЧЬ

Расскажи. Я поверю. Я всему поверю.

СТАРИК

(Закрывает фолиант, садится против дочери и начинает повествовательным тоном.) «У Таллиннского цадика, раби Довидл, блаженной памяти, был золотой трон, и на этом троне было начертано: «Давид, царь иудейский, жив и вечен». *(С первых его слов занавес начинает медленно опускаться.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ*

Площадь в Бриннице. Слева — высокая деревянная синагога, старая, почерневшая, с целой системой крыш, одна над другою, с дверьми в виде ворот в некотором углублении. Перед нею, у правого ее края, небольшой огороженный холмик со стоящей надгробной плитой с надписью по-древнееврейски. За синагогой переулок, а дальше ряд домиков, переходящих в декорацию. Справа — большой деревянный старинной архитектуры дом ребе Сендера. За ним — широкие ворота во двор, переулок, «Брама», ряд лавок под каменным сводом, тоже переходящих в декорацию. Далее на декорации корчма с высоким помелом, за нею парк и большой дворец помещика.

Широкая дорога, спускающаяся к реке. На противоположном обрывистом берегу, en-face, еврейское кладбище с множеством стоящих каменных плит разной величины. С левой стороны на декорации через реку перекинута широкая гать. Стоит ветряная мельница. За нею, ближе к сцене — баня с колодцем и журавлем. На фоне — густой сосновый лес.

Ворота у дома Сендера широко раскрыты. Во дворе расставлены длинные столы, уходящие вглубь двора и выдвигающиеся из ворот на площадь. Столы накрыты, и за ними на длинных скамьях тесно сидят нищие, калеки, старики, старухи, дети и жадно едят. Из дому слуги на больших подносах, которые держат высоко над головой, разносят хлеб и яства.

Перед домом, у крыльца, ближе к рампе — стол, уставленный бутылками с винами, различным печеньем. За столом сервировщик Алтер без сюртука с засученными рукавами расставляет на подносах вина и печенья. Дальше сидят на земле кухарка и помощница. Первая скубет индюка, вторая толчет что-то в ступке.

У лавок сидят на скамейках лавочницы, вяжут чулки, следят глазами за происходящим у дома Сендера. Через сцену проходят женщины с корзинами, мастерские, водонос с ведрами на коромысле: евреи с мешочками молитвенного облачения под мышкой выходят из синагоги, направляются к домам и лавкам. Со двора Сендера доносится музыка, обычный танец, слышен шум, неясные возгласы. Большое оживление. Полдень. На площади перед синагогой стоит приезжий гость, пожилой еврей, в длинном атласном сюртуке, опоясанный черным атласным поясом, в меховой шапке, белых чулках и туфлях. Рядом с ним 1-й и 2-й Старики, синагогальные завсегдатаи.

ГОСТЬ

(Заложив руки за пояс, оглядывает синагогу.) Хорошая у вас синагога, большая, красивая. Дух Божий почует на ней. Видно, очень старая.

1-Й СТАРИК

Очень старая. Старики говорят, что их деды не помнили, когда ее строили.

ГОСТЬ

(Заметив могилу.) А это что? *(Подходит, читает надпись: «Здесь похоронены святые, невинноубиенные жених и невеста, смертью своею прославившие Господа.»)*

* Так у С.Ан-ского. В рукописи пьеса состоит не из четырех действий, а из пролога, одного действия и эпилога. *(Ред.)*

1-Й СТАРИК

Это давняя могилка. Когда Хамелюк, храни нас Господь, напал на местечко и вырезал многих евреев, он убил жениха и невесту, которых как раз в это время вели к венцу. Обонх и похоронили, как святых, на этом же месте, где венчали, в одной могиле. Мы называем ее «святой могилкой».

2-Й СТАРИК

(Полутаинственно.) И теперь, когда раввин венчает молодых, он иногда слышит из могилки стоны. И у нас с давних пор установился обычай, что после венчания все пляшут вокруг могилки, увеселяют похороненных тут жениха и невесту.

ГОСТЬ

Хороший обычай. *(Со двора Сендера выходит Меер и подходит к беседеющим.)*

МЕЕР

(Возбужденно.) Ну и пир. Ну и пир. Во всю свою жизнь я такого пира для бедных не видал.

ГОСТЬ

Не удивительно. Сендер выдает единственную дочь. *(Медленно отходит. Останавливается то у одного, то у другого дома, осматривая их.)*

МЕЕР

По целому куску рыбы на человека, по тарелке жаркого. Затем еще сладкое. А перед обедом давали каждому мужчине по рюмке водки и всем по куску пряника.

1-Й СТАРИК

Сендер знает что делает. Если званому гостю не угодить — беда не велика. Самое большее, что обидится и будет дуться. А если нищий останется недовольным — можно большую беду нажать.

2-Й СТАРИК

В том-то и дело, что с нищим не знаешь, с кем имеешь дело. Обыкновенного еврея сразу узнаешь, кто он: раввин, арендатор, купец. А у нищего — иди-ка отгадай, кто там скрывается под лохмотьями. Может быть, обыкновенный нищий, а может быть, кто-нибудь из великих, какой-нибудь цадик, раньше, чем он открылся миру, праведник, справляющий «изгнание» или же один их тех 36 «сокрытых праведников», без которых рухнул бы мир.

1-Й СТАРИК

А то и сам Илья Пророк. Сокрытые праведники всегда являются в облике нищих или мужиков. Бешт, блаженной памяти, встречался с ними почти всегда на свадьбах и находил их в компании нищих. Рассказывают, однажды Бешт пришел на свадьбу, но был очень расстроен и кого-то искал среди гостей. Потом он закурил трубку и стал петь. И вот из компании нищих, прибывших на пир, вышел один в серяге с толстой палкой в руке, подошел к Бешту, хлопнул его по плечу, рассмеялся и говорит по-хохлацки: «Гарно спиваешь, за те и поспиваешь». И исчез. Никто ничего не понял. И только через много лет Бешт открыл своим ученикам, что это был сам святой Ари, блаженной памяти, и пришел известить Бешта, что своим пеннем он успел отстранить грозное бедствие, которое должно было обрушиться на евреев...

2-Й СТАРИК

(Вздыхает.) Что и говорить. Ведь и в Талмуде сказано: «Относись осторожно к нищим». *(Со двора выходят нищие, поодиночке, по несколько человек, сходятся в небольшие группы. 1-й, 2-й Старики и Меер отходят к столу, за которым стоит Алтер, обмениваются с Алтером шепотом несколькими словами. Он наливает им по рюмке. Пьют, закусывают пряником.)*

ХРОМАЯ СТАРУХА

Говорили, что дадут по тарелке супу, — и не дали.

ГОРБУН

Булки давали по небольшому ломтику.

НИЩИЙ НА КОСТЫЛЯХ

Такой богач. Не хвор был бы дать и по целой булке на человека.

ВЫСОКАЯ, БЛЕДНАЯ НИЩАЯ

Могли бы дать и по куску курицы. *(Указывает на сидящую на земле кухарку.)* Ничего, для богатых гостей готовят и кур, и индюков, и гусей.

ГОСТЬ

(Подходит к столу, с любопытством оглядывает его.) Зачем это ты так рано расставляешь угощения?

АЛТЕР

Это не для гостей. Эти подносы реб Сендер отнесет во двор, поздравительное нашему пану.

ГОСТЬ

А-а, во двор пану...

АЛТЕР

Тончайшие вина, самые дорогие яства.

МЕЕР

Посылали за этим нарочного, за пятьдесят миль в город.

ГОСТЬ

Видно, вы сильно боитесь вашего пана. Что он, очень грозный?

АЛТЕР

Как все паны. Может одним словом осчастливить человека и может в яме сгноить.

КУХАРКА

(Многозначительно.) Может и нечто худшее сделать...

ГОСТЬ

(Насторожившись.) А что?

КУХАРКА

Ничего... Не обо всем следует говорить...

МЕЕР

Вы, вероятно, слышали о деде нашего пана, о старом графе.

ГОСТЬ

Не припомню что-то. Ведь я издалека.

1-Й СТАРИК

(Удивленно.) Ничего не слышали о старом графе? Ведь вся округа гремела им. Шутка ли, что он вытворял. И рассказывать страшно. Он по ночам превращался в черную кошку и душил еврейских младенцев накануне обрезания. И ничем нельзя было спастись от него, пока сам Бешт не выступил и не поборол его.

МЕЕР

(2-му старику.) Раби Михоэль, ведь вы знаете эту историю. Расскажите. Пусть чужой еврей тоже услышит.

2-Й СТАРИК

(Вздыхает, садится. Садятся и другие, кроме Меера.) Однажды святой Бешт, блаженной памяти, велел своему вознице Алексе запрягать лошадь. Алекса запряг, и Бешт с учениками поехал. Как Бешт обыкновенно ездил — вы, конечно, знаете. Он сидит в кибитке и беседует с учениками. Алекса сидит на козлах спиной к лошади и спит. Лошадка сама едет, знает куда, идет тихо, еле переставляет ноги, а проезжают в полчаса тысячу миль, две тысячи миль. И это потому, что под лошадью земля скачет в обратную сторону. Едут они — вдруг лошадка останавливается возле корчмы. Остановилась — значит, так и надо. Вышел Бешт с учениками из кибитки, заходят в корчму — видят: корчма убрана по-праздничному, зажжено множество свечей, а сам хозяин сидит в углу сильно удрученный и даже голову не поднял, когда они вошли. Бешт подошел к нему и спрашивает, чем он так удручен. Корчмарь сперва не хотел с ним разговаривать, но, когда Бешт к нему пристал, — он рассказал о своем горе. «Семь раз жена моя рожала детей, мальчиков, — рассказал он. — Рождались они совершенно здоровыми, а в полночь, накануне обрезания, все умирали. Теперь жена родила восьмого мальчика, завтра должно быть обрезание — и я знаю, что ночью этот ребенок тоже умрет». Бешт выслушал его и говорит: «Твой ребенок будет жив. Ложись спокойно спать». Корчмарь послушался. Бешт поставил возле колыбели двух своих учеников, велел им бодрствовать и дал им пустой мешок. «Этот мешок, — сказал он, — держите наготове раскрытым у самой колыбели. И если появится какое-нибудь существо и бросится к колыбели, захватите его в мешок, завяжите крепко-накрепко и позовите меня». А сам ушел в другую комнату и углубился в божественных мыслях. Ученики сделали все, как Бешт велел. Когда настала полночь, стали тухнуть свечи, и в комнату вбежала огромная кошка и бросилась к колыбели. Ученики захватили ее в мешок, завязали и позвали Бешта. Он велел беспощадно бить палками по мешку и затем выбросить избитую кошку на улицу. Так и сделали. Утром ребенок оказался живым и здоровым. Устроили обрезание, пировали и веселились. После пира корчмарь, по обычаю, отнес пану поздравительное угощение.

МЕЕР

Этот пан и был старый граф, дед нашего пана. Понимаете?

2-Й СТАРИК

(Продолжает.) Когда корчмарь принес на двор угощение, слуги сказали ему, что пан болен. Но пан услышал, что пришел корчмарь, и велел его позвать к себе. Корчмарь нашел пана в постели всего покрытого пластырями. Пан спросил его: «Какой это еврей приехал к тебе вчера ночью?» Корчмарь говорит: «Я не знаю, кто он, но, видно, божественный человек. Он спас моего ребенка от смерти». И рассказал пану все, что случилось. Пан и говорит: «Скажи этому еврею, чтобы он

пришел ко мне». Корчмарь вернулся домой опечаленный, так как боялся, чтобы пан не причинил Бешту какое-нибудь зло. Бешт рассмеялся и говорит: «Не бойся». И пошел к пану. Как только он пришел, пан ему говорит: «Это не штука, что ты неожиданно захватил меня и избил. А вот, если хочешь сразиться со мною, выйдем оба в чистое поле на бой, и тогда увидишь, кто из нас сильнее». Бешт ему отвечает: «Я не думал бороться с тобою, а только хотел спасти ребенка. Но если ты меня вызываешь на бой, я не отказываюсь. Я соберу моих учеников, ты собери своих, и через месяц сойдемся на открытом месте». Ровно через месяц оба они сошлись на поле, как условились. Бешт сделал вокруг себя два круга и один вокруг учеников и велел ученикам пристально глядеть ему в лицо, и если заметят, что он изменился в лице, чтобы они усилили проникновение божественными мыслями. Пан тоже сделал вокруг себя и своих учеников круги и начал посылать из своего круга страшных зверей, которые с диким ревом кадились на Бешта. Но как только добежали до первого круга, они исчезали. Так продолжалось целый день. Наконец, пан выгнал против Бешта диких кабанов, которые выбрасывали из ноздрей огонь. Кабаны бросились со страшной яростью и прорвали первый круг. Бешт изменился в лице. Ученики, увидя это, усилили божественное проникновение, и кабаны у второго круга исчезли. Три раза посылал пан кабанов, и все они исчезали. Тогда он вышел из круга и говорит Бешту: «У меня уж больше нет сил бороться с тобой. Ты победил и можешь меня убить». Бешт ему ответил: «Если бы я хотел тебя убивать, я бы мог давно это сделать. Я только хотел показать тебе величие нашего Бога. Взгляни на небо». Пан поднял глаза к небу. Прилетели два ворона и выклевали ему глаза. Пан ослеп и не мог больше творить зла, так как вся колдовская сила была у него в глазах. Так да погибнут все враги твои, Господи. *(Пауза. Все поражены рассказом.)*

КУХАРКА

Старики еще помнят, как этот старый граф ходил слепой по местечку, и два гайдука водили его.

ГОСТЬ

Ну а теперешний пан? Разве он тоже замечен в этих делах?

КУХАРКА

В прошлом году умирали дети, как мухи... Перед Пасхой в одну неделю умерли три роженицы... Летом утонула среди бела дня дсвушка, невеста. Неспроста же это...

АЛТЕР

И подозревают... и дрожат... *(Выходит Сендер, одетый по-праздничному, в сопровождении нескольких слуг. Алтеру.)*

СЕНДЕР

Все приготовлено, как я велел?

АЛТЕР

Все, все реб Сендер, все. Можете положиться на меня. *(Подает слугам подносы.)* Смотрите, несите осторожно. *(Сендер в сопровождении слуг с подносами направляется к площадке и сворачивает в переулок направо. Все расступаются, провожают процессию глазами, шепчут друг другу: «Реб Сендер понес во двор поздравительные». Алтер убирает, уносит в дом стол вместе с остатками вин и печений. Одна за другой уходят и кухарки. 1-й, 2-й Старики и Меер возвращаются в синагогу; Гость, постояв на крыльце,*

заходит в дом. Во дворе, позади столов показывается Лия в подвенечном платье, кружась поочередно с нищими. К ней тянутся со всех сторон другие. Нищие поодиночке встают из-за стола, выходят на площадь.)

БЕЗРУКАЯ НИЩАЯ

Я плясала с невестою.

ХРОМАЯ СТАРУХА

Я тоже. Обняла ее и кружилась, хе-хе.

ГОРБУН

Почему это невеста пляшет только с женщинами. Я бы тоже хотел обнять ее и поплясать, хе-хе.

НИЩАЯ

Хе-хе-хе. (На крыльцо выходят Фрада, Гитель и Бася.)

ФРАДА

Горе мне. Лееле все еще пляшет с нищими. У нее головка закружится. Девочки, уведите ее скорее. (Садится на завалинку у крыльца. Гитель и Бася подходят к Лии, останавливают ее.)

ГИТЕЛЬ

Довольно, Лееле, танцевать. Пойдем.

ЛИЯ

(Глядя на нее бессознательно. Закрывает глаза.) Еще... еще...

БАСЯ

У тебя головка закружится. (Она и Гитель берут ее за руки, хотят увести. Нищие обступают Лию, удерживают ее, кричат жалобно, плаксиво.)

— Она еще со мною не плясала. Чем я хуже других.

— Я жду целый час.

— Пустите меня. Теперь моя очередь.

— С хромой Яной она долго кружилась, а со мной не хочет. Я во всем несчастнее других.

— Пусть она со мною хоть разок покружится. Хоть один разок. (Выходит Маршалок, становится на скамейку.)

МАРШАЛОК

(Громко, нараспев.)

Все под навес отправляйтесь скорей:

Там каждый получит по десять грошей.

(Уходит. Нищие гурьбой, толкая друг друга, кидаются во двор, выкрикивая возбужденно «По десять грошей. По десять грошей». На опустевшей сцене остаются Лия, Гитель, Бася и полуслепая старуха.)

СТАРУХА

(Цепляясь за Лию.) Хоть разок покружись со мною. Мне не надо грошей. Сорок лет уже, как я не плясала... Ой, как я плясала в молодости, как плясала. (Лия обнимает ее, кружится. Старуха, вцепившись в нее, повторяет.) Еще, еще. (Кружится. Старуха, задыхаясь, кричит.) Еще... еще... (Бася и Гитель насильно останавливают старуху. Бася отводит ее во двор, возвращается, Гитель подводит Лию к скамье, сажает ее. Слуги убирают столы, закрывают ворота.)

ФРАДА

На тебе лица нет, Лееле. Ты устала.

ЛИЯ

(Закрыв глаза, подняв голову. Полусознательно.) Они крепко обнимали меня, прижимались ко мне, впивались в меня холодными пальцами... Голова кружилась, замирало сердце, земля уплывала из-под ног. И какая-то неземная сила подхватила меня и унесла с собою далеко, далеко...

БАСЯ

Они измяли и испачкали твоё платье. Что ты теперь будешь делать?

ЛИЯ

(Продолжая как раньше.) Когда невесту оставляют одну в день венца, её подхватывают духи и уносят, и она сама превращается в дух... Зачем вы меня вернули...

ФРАДА

(Испуганно.) Какие страшные слова ты произносишь, Лееле. Про духов даже упоминать нельзя. Они лукавые. Они сидят, притаившись во всех уголках, во всех щелочках, все высматривают, ко всему прислушиваются и только ждут, когда про них упомянут, чтобы наброситься на человека. Тыфу, тыфу, тыфу.

ЛИЯ

(Открывает глаза.) Я их знаю и не боюсь их. Они не страшные.

ФРАДА

И хвалить их нельзя. Когда злого духа хвалят, он становится дерзким.

ЛИЯ

(Особенно убедительно.) Бабушка, ведь нас окружают не злые духи, а души людей, которые жили на земле раньше нас или вместе с нами и умерли. Это они присматриваются ко всему, что мы делаем, прислушиваются ко всему, что мы говорим. Они живут с нами.

ФРАДА

Что ты, что ты, Лееле. Души умерших взлетают на небо, покоятся в светлом раю. А грешные души...

ЛИЯ

(Перебивает её.) Нет, бабушка, нет. Они живут с нами... *(Иным тоном.)* Бабушка. Ведь человек рождается для целой большой жизни. А если он умирает раньше времени, куда же девается его недожитая жизнь, его радости и горести, мысли, которые он должен был думать, дела, которые он должен был сотворить, дети, которых он должен был родить. Куда, куда... *(Иным тоном.)* Жил юноша с высокою душою, с глубокими мыслями. И была перед ним целая жизнь. И вдруг, в один миг она оборвалась. И пришли чужие люди и отнесли его на кладбище, и похоронили в чужой земле. А куда же делась его недожитая жизнь, его недосказанные слова, его недопетые молитвы. Бабушка, ведь если свеча гаснет раньше, чем догорит, она не исчезает. И её можно вновь засветить, и она будет гореть, пока не догорит до конца. Как же может исчезнуть потухшая раньше времени человеческая жизнь? Как она может исчезнуть?

ФРАДА

(Качает головой.) Нельзя, Лееле, думать о таких вещах. Господь знает, что делает. А мы — слепые и ничего не знаем.

ЛИЯ

(Тихо.) Я знаю, бабушка, жизнь человеческая не исчезает. Души покойников возвращаются на землю, и бесплотными духами доживают свою жизнь, доверяют свои дела, переживают свои неиспытанные радости, допевают свои молитвы. Вы сами рассказали, как по ночам покойники собираются в синагогу на молитву. Мать моя умерла молодой и не испытала всех материнских радостей. Сегодня пойду к ней на кладбище и приглашу ее к себе на свадьбу. И она придет. И вместе с отцом поведет меня под венец и потом будет плясать со мною... И все другие души тоже живут с нами, радуются и печалются. Но мы их не видим, не понимаем. (*Шепотом.*) Бабушка, если сильно захотеть, можно их видеть, и слышать их голоса, и жить с ними, как с живыми. Я знаю... (*Пауза. Указывает на могилку.*) Вот святая могилка. (*Встает и медленно идет к могилке. Фрада, Гитель и Бася следуют за ней.*) Я знаю эту могилку с раннего детства, знаю покоящихся в ней жениха и невесту, видела их много раз во сне и наяву, и они мне близки, как родные. Шли они, молодые и радостные, к венцу, и была перед ними долгая жизнь. И вдруг — крики, смятение, налетели жестокие и кровожадные люди. Блеснул топор, и жених с невестой пали мертвыми. И их похоронили в одной могилке. И они стали неразлучными навеки, и души их сплелись вместе, видят и слышат друг друга. И при каждой свадьбе, когда пляшут вокруг их могилки, они выходят и берут у новобрачных частицу их радости и веселья, и справляют собственную свадьбу. (*К могилке.*) Вечные жених и невеста, прошу вас явиться ко мне на свадьбу. Приходите и станьте рядом со мною под венцом. (*Тут музыки. Лия вскрикивает и чуть не падает. Гитель и Бася поддерживают ее.*)

ГИТЕЛЬ

Чего ты испугалась? Это приехал жених, и его встречают у околицы с музыкой.

БАСЯ

(*Возбужденно.*) Я побегу, посмотрю на него.

ГИТЕЛЬ

Я тоже. Потом прибежим и скажем тебе, какой он. Хорошо?

ЛИЯ

(Тихо.) Не надо...

БАСЯ

Она стыдится. Не стыдись, глупенькая. Мы никому не расскажем. (*Поспешно уходят, Лия и Фрада возвращаются на прежнее место.*)

ФРАДА

Невеста всегда просит подружек, чтобы они поглядели и сказали ей, какой из себя жених, беленький или черненький. (*Подходит Сендер.*)

СЕНДЕР.

Что это ты сидишь здесь, дочь моя?

ФРАДА

Она увеселяла нищих, плясала с ними, у нее головка закружилась. Она и отдыхает.

СЕНДЕР

А-а, нищих увеселяла. Это хорошо... А я был у графа во дворе. Он остался доволен угощением и обещал прислать тебе дорогой подарок. (*Глядит на небо.*) Уже не рано. Сваты и жених приехали. Вы готовы?

ФРАДА

Мы должны еще пойти на кладбище...

СЕНДЕР

Иди, иди, дочь моя, в гости к матери. Пригласи ее на свадьбу, поплачь над ее могилкой... и скажи ей, что я тоже прошу ее придти, что я непременно хочу вместе с нею вести к венцу нашу единственную дочь. *(С волнением.)* Скажи ей, что я исполнил все, о чем она меня просила на смертном одре: все мои заботы я посвятил тебе, воспитывал тебя в страхе Божиим и теперь выдаю замуж за достойного, ученого юношу из лучшей семьи... *(Всхлипывает. Вытирает слезы и с пониженной головой уходит в дом. Пауза.)*

ЛИЯ

Бабушка, ведь можно и кроме матери кого-нибудь из покойников пригласить на свадьбу.

ФРАДА

Только самых близких родственников. Пригласишь дедушку Эфраима, тетку Миреле...

ЛИЯ

(Тихо.) Хочу пригласить одного... не родственника.

ФРАДА

Нельзя, дочь моя. Если пригласишь чужого, все другие покойники обидятся, что их не пригласили, и будут причинять зло...

ЛИЯ

Но это не чужой... Он был у нас в доме как родной.

ФРАДА

(Шепотом.) Кто?

ЛИЯ

(Чуть слышно.) Хонон...

ФРАДА

(Испуганно.) Ой, боюсь, дочь моя. Говорят, что он умер нехорошей смертью. *(Лия опускает голову и беззвучно плачет.)* Ну, не плачь, не плачь. Пригласи и его. На себя возьму грех. *(Спохватившись.)* Но ведь я не знаю, где его могила. А спрашивать непристойно.

ЛИЯ

Я знаю...

ФРАДА

Откуда ты знаешь?

ЛИЯ

Я ее видела во сне. *(Закрыв глаза, как бы про себя.)* И его самого видела... И он говорил со мною, и рассказывал, что с ним происходит на том свете, и просил, чтобы я позвала его к себе на свадьбу. *(Вбегают Гитель и Бася.)*

ГИТЕЛЬ И БАСЯ

(Вместе.) Мы его видели. Мы его видели.

ЛИЯ

(Отшатнувшись, вскрикивает.) Кого? Кого вы видели?

ГИТЕЛЬ

Жениха. Он черненький, черненький.

БАСЯ

Нет, беленький. Нет, беленький. *(Пауза.)*

ЛИЯ

(Встает.) Бабушка, пойдемте на кладбище.

ФРАДА

Постой, Лееле. Раньше ты еще должна отнести своей повитухе, бабке Хане, рубаху, которую ты для нее сшила.

БАСЯ

И она будет в ней плясать по базару, и петь, и угощать лавочников.

ФРАДА

Да. Это стародавний обычай и его надо исполнять. *(К Гителю и Басе.)* Пойдите, девочки, в дом и принесите рубаху и угощение на подносах. *(Гитель и Бася уходят в дом и выносят на двух подносах рубаху и угощение, мед и пряники. Передают поднос с рубахой Лие. Она идет вперед, за нею Гитель с другим подносом. Направляются к крайнему домику с левой стороны сцены. Сбегают дети, подростки.)*

ДЕТИ

(Весело подпрыгивая.) Несут рубаху бабке Хане, несут рубаху бабке Хане. *(Бегут за процессией. Лия и другие подходят к дому Ханы.)*

ЛИЯ

(Стучит в дверь.) Баба Хана, откройте. Внучка пришла, подарок принесла. *(Выходит старая бабка Хана.)*

БАБКА ХАНА

Внученька пришла. Бабку старую вспомнила.

ЛИЯ

(Подает ей поднос с рубахой.) Бабушка, рубаху эту я сама для вас шила и прошивала. *(Подает ей другой поднос.)* Печенье это я сама для вас пекла и выпекала. Как вы принимали меня, когда я родилась, так примите от меня подарок в день моей свадьбы. Живите до ста двадцати лет.

БАБКА ХАНА

Немного уже осталось до ста двадцати лет, хе-хе. *(Принимает второй поднос.)* Внучка моя золотая. Как ты одарила меня рубахой, так да одарит тебя Господь двенадцатью сыновьями, которые день и ночь сидели бы над Торою и прославили бы твое имя во всем мире. *(Целует ее. Кладет ей руки на голову.)* Да благословит тебя Господь Авраама, Исаака и Иакова. *(Берет рубаху, рассматривает ее.)* Ай-ай-ай, какая хорошая рубаха. Я оставлю ее себе на саван. Ну, пойду наряжаться. *(Уходит в дом. Лия, накинув на плечи черный платок, уходит вместе с Фрадой в боковой переулоч.)*

ГИТЕЛЬ

(Басе.) Лия и Фрада ушли на кладбище. *(Выходит Хана в рубахе, опоясанная белым шнурком.)*

БАБКА ХАНА

(Берет в руки поднос и подплясывая, направляется через базар к лавкам. Поет.)

Наплодила бабка Хана
Множество внучат.
Все в день свадьбы ей рубаху
Белую дарят.
Нарядилась бабка Хана
В белый свой убор
И выходит, как графиня,
На широкий двор.
Выплывает бабка Хана
Да на стар базар,
Выбегают ей навстречу
Все — и млад, и стар.
Внучку Лию бабка Хана
Замуж выдает.
И подносит всем соседям
Пряники и мед. *(Угощает лавочников.)*
Угощенье бабки Ханы
Сладко и пьяно,
Кто к губам подносит рюмку,
Тот кричит: «Еще!»

ГОЛОСА

Еще! Еще! *(Лавочники и лавочницы обступают ее, пьют мед, закусывают пряниками и кладут на поднос монеты.)*

БАБКА ХАНА

(Передает поднос.) А теперь пойду увеселять святых покойников, жениха и невесту. Зовите музыкантов. *(Все притихают. Среди общей тишины бабка Хана, подплясывая, направляется к могилке. Толпа обступает ее большим полукругом. Выходит музыкант и под сурдинку играет заунывную тихую мелодию. Под эту мелодию бабка Хана медленно пляшет вокруг могилки, обходя ее три раза. Толпа молча расходится. Бабка Хана возвращается к себе. Темнеет. Лавочники запирают лавки. В синагоге и в доме Сендера зажигаются огни. Выходят Сендер, Гость, Гитель и Бася, тревожно оглядываются.)*

СЕНДЕР

(Беспокойно.) Где Лия? Где Лия? Почему она так поздно не возвращается с кладбища?

ГОСТЬ

Не случилось ли чего с нею.

ГИТЕЛЬ И БАСЯ

Мы пойдем ей навстречу. *(Идут. Из переулка спешно выходят закутанные в черных платках Фрада и Лия.)*

ФРАДА

Скорее, доченька, скорее. Мы страшно запоздали. Ох, зачем я тебя послушалась. Я вся дрожу. Не случилось бы чего дурного, Боже упаси.

СЕНДЕР

Вот и она. (*Подходит.*) Отчего вы так запоздали? (*Выходят несколько женщин.*)

ЖЕНЩИНЫ

Ну вот и невеста. Ведите ее освящать свечи. (*Уводят Лию.*)

ФРАДА

(*К Гителе и Басе.*) Она упала в обморок. Еле привела ее в чувства. Я вся дрожу.

БАСЯ

Она весь день ничего не ела.

ГИТЕЛЬ

Вероятно, сильно плакала над могилой матери?

ФРАДА

Ой, лучше не спрашивай меня. (*Уходят в дом. Выносят полукладку, в которой месяц хлеб, ставят ее опрокинутую у крыльца, кладут подушку и покрывают простыней. Вывают Лию и сажают. Играет музыка. Из дома возле синагоги выходит группа празднично одетых евреев и евреек, среди них худенький юноша в длинном сюртуке и в меховой шапке. Идет робко, с опущенными глазами, держа перед собою покрывало. Подходит, накидывает Лие покрывало через голову на лицо. Отходит к своей группе, которая вместе с ним заходит в дом Сендера. Выступает Маршалок.*)

МАРШАЛОК

(*Громко, плачущим напевом.*)

Невеста, невеста, невеста, краса.

Сегодня день твоего великого суда.

Пред Богом на небе предстанут все твои дела,

И тайные и явные, и мысли и слова

От часа рождения до нынешнего дня...

И на всю твою жизнь, на долгие года

Решится сегодня твоя судьба — а-а. (*Музыка.*)

И в этот час не должна ты, невеста, забывать.

Что Бог судил сиротством тебя наказать.

Что в сырой земле лежит твоя бедная мать,

Не может она из холодной могилочки встать,

Чтобы вместе с отцом тебя под руки взять

И, благословляя, к венцу провожать.

(*Музыка, женщины плачут.*)

Поэтому должна ты, невеста, плакать и рыдать,

И строгим постом и молитвой себя очищать,

Чтобы перед судом Всемогушего Бога предстать

Невинной и чистою, как родила тебя мать.

И за это Всевышний тебе не откажет послать

Свою безграничную милость и свою благо-да-ать. (*Музыка.*)

ГОЛОСА

Ведите невесту к венцу. (*Возле синагоги ставят балдахин на 4-х шестах, который подростки придерживают. Из дома выходит Сендер и старуха тетка и берут Лию под руку. Выходят сваты с женихом, родные, гости со свечами в руках.*)

Образуется кортеж. Впереди выступают музыканты. Перед ними пляшут лицом к кортежу мужчина в вывернутом кожаном и женщина с большим плетеным калачом в руках. За музыкантами важно выступают раввин и кантор. За ними Меер несет на подносе графин вина и стакан. Дальше отец и мать ведут жениха. За ними Сендер и тетка ведут Лию, за ними Фрада, Гитель и Бася. Далее идут по два, по три человека родные, гости. Направляются к синагоге полукругом через всю сцену. Выходит навстречу водонос с полными ведрами. Все кидают в ведра монеты. Под балдахин подходят раввин с кантором и служкой. Подводят жениха и ставят в середине. Вводят Лию и семь раз обводят ее вокруг жениха. Меер передает жениху кольцо. Сендер берет руку Лии, подымает ее. Жених подымает руку с кольцом, чтобы надеть Лие на указательный палец.)

ЛИЯ

(Вырывает руку, отталкивает жениха. Кричит истерически.) Не ты мой жених. (Падает на землю. Сильное смятение. Все кидаются к Лие, подымают ее, суетятся вокруг нее.)

СЕНДЕР

(Потрясенный.) Дочь моя, дочь моя. Что с тобою?

ЛИЯ

(Снова вырывается. Подбегает к могилке, протирает руку.) Вечные жених и невеста, защитите меня. (Вскакивает. Совершенно иным, мужским голосом кричит.) Вы меня похоронили. А я вернулся к моей суженой и не уйду от нее. Отступитесь от меня. (Раввин подходит к ней. Она ему кричит.) Хамелюк... (Отшатываются от нее.)

ГОСТИ

(В ужасе.) В нее воплотилась чужая душа.

РАВВИ

В нее вошел Дибук. (Общее смятение.)

ЗАНАВЕС

ЭПИЛОГ

Та же декорация, что в Прологе. Старик и Дочь сидят в тех же позах. Дочь, подавшись вперед, глядит на Старика широко раскрытыми глазами, потрясенная только что выслушанным рассказом. Старик поднимает опущенную голову и медленно торжественно произносит:

— Борух Даян Эмет. Благословен Судия Праведный.

Марк Соколянский

ОБЩИЕ КОРНИ

ВЛАДИМИР ЖАБОТИНСКИЙ И ИСААК БАБЕЛЬ

Сопоставительный подход к личностям и творчеству этих двух писателей может показаться на первый взгляд совсем неожиданным, а то и просто экстравагантным. Начать с того, что обладатели вынесенных в подзаголовок имен принадлежали к разным поколениям: Бабель пребыл еще в отроческом возрасте, когда Жаботинский был уже самым видным публицистом юга России; спустя годы Бабель стал всемирно знаменитым писателем, а Жаботинский-литератор был почти напрочь забыт даже на его родине. По своему семейному происхождению эти авторы располагались на разных ярусах одесско-еврейской буржуазной среды. К тому же замечание об *одесском* детстве в полной мере может быть отнесено лишь к Жаботинскому, тогда как Бабель с младенческой поры и до одиннадцати лет прожил с родителями в Николаеве. С психологической точки зрения, казалось бы, трудно подыскать более резко отличавшиеся друг от друга типы: легко воспламенявшийся, не чуждый романтических порывов, человек открытой жизненной позиции Жаботинский и будто в русле ветхозаветной традиции «мудро хранивший своё знание» о жизни и человеке, пронизательный, но далеко не всегда откровенный Бабель.

Что касается их жизненных линий в зрелые годы, то они были, можно сказать, диаметрально противоположными. Воодушевлённый идеями сионизма, В.Жаботинский стал одним из его лидеров, возглавив впоследствии радикальное крыло в этом движении. Более четверти века отдал он, главным образом, делу создания независимого еврейского государства, прожив вторую половину своей жизни за пределами России, ставшей к тому времени советской. Об отношении Бабеля к сионистскому движению мало что известно, хотя есть скудные сведения о том, что в студенческие годы он как будто проявлял интерес к идеям сионизма¹; во всяком случае, этот интерес никак не отразился на главном содержании его жизни — литературном творчестве.

Трудно предположить, как могла бы сложиться жизнь Бабеля в молодости, если бы его не подхватил ветер бурных перемен, пронесшийся по бывшей Российской империи. Так, в 1917 г., ещё в ходе первой мировой войны, успел он побывать солдатом на румынском фронте, потом оказался в красном стане в годы Гражданской войны, работая в ЧК и Наркомпросе, воюя в Северной армии против Юденича, а с апреля по сентябрь 1920 г. служа в политотделе Первой Конной армии Будённого и публикуя в газете «Красный кавалерист» статьи под псевдонимом «К.Лю-

тов». Служба Бабеля в ЧК и причастность к идеологическому ведомству новой власти, числившей сионизм в списке заклятых неприятелей Советского государства и пытавшейся, в частности, скомпрометировать лично Жаботинского², — достаточно яркий пример того, насколько резко расходились пути двух литераторов, уроженцев Одессы. Да и по своему отношению к веяниям времени и общественной борьбе «К.Лютов» менее всего походил на «еврейского Гарибальди», как называли Жаботинского в годы первой мировой войны в английских газетах.

Личных контактов между Жаботинским и Бабелем в их родном городе не было, да и быть не могло. Детство автора «Конармии» прошло в Николаеве, а когда его семья вернулась в Одессу в 1905 г., Жаботинский уже не проживал постоянно в черноморском городе, бывал в нём лишь наездами, задерживаясь там иногда несколько дольше обычного, как, например, в 1911 г.; кстати, с того самого года Бабель уже жил и учился в Киеве. Не могли они по времени пересечься и в Санкт-Петербурге (Петрограде). Впрочем, одна-единственная встреча между ними всё же могла состояться, и более того — Бабель оставил о ней свидетельство, а выражаясь терминологически точно — *показание*.

Осенью 1939 г., будучи репрессированным, Бабель на очередном допросе сделал, среди прочих, и такое признание: «...Из антисоветских моих встреч в Париже я должен упомянуть о свидании с Жаботинским, руководителем фашистского крыла сионистской партии. Свидание это состоялось в квартире моего друга детства, известного сиониста Иосифа Фишера. В самом начале беседы Жаботинский поразил меня заявлением, что пролетарскую революцию в СССР он считает «явлением неинтересным», и перешёл к положению еврейских масс в СССР, очень интересовался процессом ассимиляции евреев, национальными школами, судами, театрами и советской еврейской литературой. Помню, я рассказал ему о быте евреев в СССР, ничем не отличающемся от условий жизни всех граждан СССР. Он презрительно фыркнул и ушёл, пробыв у Фишера недолго, около часу. Мне довелось увидеть его ещё один раз на трибуне публичного сионистского собрания, где Жаботинский делал доклад о том, что еврейский рабочий в Палестине не имеет права бастовать ни при каких условиях и что всякая попытка к забастовке должна быть подавлена оружием. Собрание это закончилось грандиозным побоищем с инакомыслящими. Было много раненых, полиция очистила помещение — больше я Жаботинского не видал...»³.

Трудно придти к твёрдому заключению, что соответствовало истине, а что было наговором в этом тексте, по стилю напоминающем скорее литературный очерк, чем показание арестанта. В Париже Бабель бывал несколько раз: в 1927-1928 годы, в 1933 г. и, наконец, в 1935 г., когда в составе делегации советских писателей он принимал участие в работе антифашистского международного Конгресса писателей в защиту культуры.

При сопоставлении этих дат с известными фактами жизнедеятельности Жаботинского в те годы, можно предположить, что, вероятнее всего, такая встреча могла состояться летом 1935 г. Виделся ли Бабель с «другом детства» Иосифом Фишером — действительно, видным сионистом? Вполне вероятно. Был ли тогда у Фишера Жаботинский⁴ и пошёл бы достаточно осторожный при всей своей любознательности автор «Конармии» на такую рискованную встречу?!

Для совершенно точного ответа на такой трудный вопрос одного процитированного выше «документа», вероятно, недостаточно. Тем более не так уж легко поверить, что член делегации советских писателей, вряд ли свободный от «ощущения слезки»⁵, действительно посетил в Париже «сионистское собрание». Да и краткое описание этого собрания не слишком убедительно: резкая дискуссия, безусловно, могла быть и, скорее всего, была на самом деле, но упоминание о «многих раненых» отдаёт чрезмерной драматизацией события.

С другой стороны, безудержно-пропагандистское определение возглавлявшегося Жаботинским ревизионистского крыла в сионизме как «фашистского»⁶ даёт основания предположить, что показания давались Бабелем под сильным давлением, если вообще не под диктовку следователя, а такая тенденция была, как известно, очень типичной для практики *трусеников* Лубянки. К тому же, когда создатель «Конармии» и «Одесских рассказов» был в Париже в последний раз, Жаботинский уже принял решение об окончательном разрыве с руководством Всемирной Сионистской Организации и был вплотную занят подготовкой к учредительному съезду т. н. Новой Сионистской Организации, состоявшемуся сразу после XIX Сионистского конгресса, в сентябре 1935 г. в Вене. Бабель же по возвращении в СССР вряд ли имел доступ к информации о результатах дебатов на Сионистском конгрессе в Люцерне (с 20 августа по 4 сентября 1935 г.) или сентябрьской попытке создания новой организации в Вене и уж тем более — не задумывался всерьез над размежеванием сил, проходящим в мировом сионистском движении. Словом, пока процитированное выше показание не получит вполне объективного подтверждения, ему как источнику, наверное, не следует придавать решающего значения; хотя повышенный интерес биографов Бабеля к этому эпизоду понятен и абсолютно закономерен.

В рамках литературоведческого рассуждения, пожалуй, более значительными представляются другие, пусть отдельные и не столь уж многочисленные факты сходства их писательских личностей и судеб. К примеру, оба автора отличались недюжинными способностями к языкам. В. Жаботинский был настоящим полиглотом, активно пользуясь в своей общественно-политической деятельности семью-восемью языками. Бабель, оперируя сызмальства языком идиш и, разумеется, русским, в детстве учил и древнееврейский, мог объясняться и читать по-украински и по-

немецки; французским же овладел настолько хорошо, что пятнадцати лет от роду начал писать рассказы на французском языке, а, бывая впоследствии во Франции, никогда не нуждался в переводчике.

Известно, какую важную роль сыграл в писательской судьбе Бабеля Максим Горький, впервые опубликовавший в журнале «Летопись» его ранние рассказы, отправивший молодого литератора «в люди», а позднее вступившийся за автора «Конармии», грубо обруганного С. Будённым в скандально известной заметке «Бабизм Бабеля из «Красной Нови», появившейся в 1924 г. в «Октябре». В 1930-е годы Бабель часто встречался с вернувшимся в Россию писателем, бывал у него дома в Москве. Жаботинскому не довелось лично встречаться с Горьким, однако известны в высшей степени комплиментарные отзывы последнего о поэзии Хаима-Нахмана Бялика, чьи стихи читал он в русских переводах В. Жаботинского, да и о самом переводчике знаменитый русский писатель отозвался однажды как об «удивительно интересной» личности в литературе⁷.

В свою очередь, Жаботинский разделял распространённое тогда увлечение ранним творчеством Горького. Будучи совсем молодым человеком, написал он в один из римских ежемесячных журналов «довольно большую» статью о т. н. «литературе настроения» в России, опираясь на факты творчества Чехова и Горького.⁸ Впрочем, в литературных пристрастиях обоих писателей-одесситов можно найти немало общих имён и названий. Вспомним хотя бы восторженное отношение Бабеля к поэзии Франсуа Вийона; своего друга Эдуарда Багрицкого он называл «Франсуа Виллон из Одессы»⁹. Жаботинский не только любил средневекового французского поэта, но и оставил интересный перевод его «Баллады состязания в Блуа».¹⁰

Главной же их общностью был, конечно, родной город — почва, на которой оба они выросли и сформировались как литераторы. В этом городе отыскиваются их общие — воспользуясь выражением Б. М. Эйхенбаума — «корни творчества». Одесса была для Бабеля, как и для Жаботинского, не только благодатной почвой, питательной средой, но и тем живительным источником, из которого черпались темы, сюжеты, человеческие типы. Сыновнего, нежного отношения к Одессе оба писателя никогда не скрывали.

В 1916 г. Бабель написал очерк «Одесса», где создал мозаичную картину своей *малой родины* — «единственного в России города, где может родиться так нужный нам, наш национальный Мопассан» (15). Любовью к городу пронизаны и его «Листки об Одессе», не говоря уж о новеллах и драматургии писателя. Будучи старше Бабеля на четырнадцать лет, В. Жаботинский объяснился в любви своему городу позднее — в 1930-е годы. В автобиографической «Повести моих дней» он назвал Одессу «одним из трёх факторов, которые наложили печать свободы» на его детство¹¹. Восторженный, хоть и глубоко личный панегирик родному городу находим

в последней главе («L'Envoi») романа Жаботинского «Пятеро» — позднего произведения писателя. «Я не к одной только России равнодушен, — признавался не имевший тогда постоянного места обитания автор, — вообще ни к одной стране по-настоящему не «привязан»; в Рим когда-то был влюблён, и долго, но и это прошло. Одесса — другое дело, не прошло и не пройдёт...»¹².

В литературном наследии Бабеля большое место занимают произведения, местом действия в которых является Одесса. Помимо цикла «Одесские рассказы», это ещё добрый десяток новелл, пьеса «Закат», киноповесть «Беня Крик», несколько автобиографических очерков. Что касается Жаботинского, то, оставив пока в стороне страничку из «Повести моих дней», ранние фельетоны и рассказы, нужно указать на главную его книгу, связанную с Одессой; это роман «Пятеро».

Несмотря на очень несхожий жизненный опыт и разные сферы бытования двух авторов в Одессе, иногда их внимание привлекают одни и те же достаточно конкретные, причём отнюдь не самые хрестоматийные объекты в родном городе. Такова, например, «Литературка» — Одесское Литературно-Артистическое общество, основанное в 1897 г., а с 1899 г. вплоть до закрытия в 1904 г. собиравшееся в бывшем доме князя Гагарина¹³, где в настоящее время располагается Одесский Литературный музей. На пороге XX века Владимир Жаботинский, более известный в Одессе как фельетонист «Одесских новостей» по его литературному псевдониму «Altalena», был активным участником диспутов в «Литературке», выступал на заседаниях общества с рефератами. Бабель принадлежал к иному поколению: ему было всего-то десять лет, когда «Литературка» прекратила своё яркое, но недолгое существование, и будущий писатель имел возможность узнать о ней лишь из рассказов старших собеседников-одесситов. При этом оба писателя в своей прозе не прошли мимо такого заметного явления в культурной жизни Одессы и всей Новороссии.

Свой первый «Листок об Одессе» Бабель начал с упоминания о Литературно-Артистическом обществе, рассказывая о нём в настоящем времени, хотя «Листок» датирован 1916 годом. Знавший «предмет» не понаслышке, В.Жаботинский вспомнил о «Литературке» в своей автобиографии «Повесть моих дней», а в романе «Пятеро» посвятил ей целую главу (третью), которую так и назвал — «В “Литературке”». И здесь есть абзацы, продиктованные ретроспективным взглядом на Одессу и своеобразное сообщество творческих людей города на пороге XX века. Совпадение интересов не совсем случайное: яркая точка на карте и в культурной истории любимого города притягивала к себе обоих писателей.

Кроме места действия, многие произведения Бабеля об Одессе и роман Жаботинского «Пятеро» роднит общее описываемое время. В широком смысле это начало двадцатого столетия, отмеченное такими событиями, как общественные волнения и подъём 1905 г., восстание на

броненосце «Потёмкин», еврейские погромы на юге Российской империи, создание еврейской самообороны, формирование своеобразного «сословия» налётчиков на одесской Молдаванке и пр. и пр. Лишь действие нескольких рассказов Бабеля об Одессе («Карл-Янкель», «Фроим Грач», «Ты проморгал, капитан!», «Конец богадельни») происходит в послереволюционные годы. Если говорить об исторической событийности у Бабеля, то можно вспомнить описание погромов в рассказах «История моей голубятни» и «Первая любовь»; хотя действие этих новелл происходит не в Одессе, а в Николаеве, но описанные в них погромы принадлежат к той же волне, начавшейся с Дубоссарских и Кишинёвских событий 1903 г., затем прокатившейся по всему Югу и включавшей одесский — самый страшный по своему размаху¹⁴ — погром 1905 г.

Кстати, одесский погром вспоминается и в «Одесских рассказах», в частности, в рассказе «Как это делалось в Одессе», а прозвище старшего Крика «Мендель Погром» (рассказ «Закат») красноречиво говорит об актуальном историческом опыте изображаемого круга персонажей. В романе «Пятеро» уже в силу более широких жанровых возможностей время действия очерчено подробнее: и восстанием на «Потёмкине», и погромными настроениями в Одессе, и созданием еврейской самообороны, и охранительными функциями «дворничьего сословия» в период, чреватый революционными выступлениями, и т. д.

Помимо общности места и времени действия, тематические сходения в книгах Бабеля и Жаботинского были predeterminedены и одесско-еврейским *milieu*, к изображению нравов которого тяготели оба писателя. Правда, круг общения популярного журналиста — повествователя в романе «Пятеро» — слабо соотносится с бабелевской Молдаванкой, и тем не менее отдельные точки пересечения, несомненно, имеются.

В романе Жаботинского «Пятеро» есть глава под названием «Мир делов», где содержатся лаконичные зарисовки нескольких состоятельных «хлебников»-негоциантов. Нельзя сказать, чтобы все они были на одно лицо, но буржуазная респектабельность (или стремление к таковой) роднит их всех. В рассказе Бабеля «В подвале» возникает фигура «последнего из одесских негоциантов» — сверхреспектабельного банкира Боргмана, предпочитавшего английский язык русскому, регулярно читавшего „Manchester Guardian“ и «завязывавшего интрижки» с примадоннами заезжих оперных трупп. Очевидно, Боргман (в описании Бабеля) принадлежал к более высокому уровню буржуазной Одессы, нежели Мильгром-старший или его родственники-хлебники, хотя, как описано в романе Жаботинского, в то время «хлебники ещё назывались негоциантами и, беседуя, мешали греческий язык с итальянским»¹⁵.

Правда, здесь, безусловно, важен ещё и взгляд, угол зрения повествователя; автобиографический рассказчик Бабеля, происходивший «из ни-

шей и бестолковой семьи» (147), смотрел на отца своего соученика совсем иначе, чем вполне взрослый популярный фельетонист — alter ego Жаботинского-Альталены — на своих знакомых («Пятеро»), которых он даже при поверхностном знакомстве оценивал отнюдь не по толщине их бумажников, а по правильности речи и начитанности. Если Игна Альбертович, говоривший по-русски не без акцента, и выделялся неплохим знанием немецкой поэзии, то братья Абрам Моисеевич и Борис Маврикович, несмотря на свою зажиточность, отдельными речевыми оборотами скорее похожи на колоритного, но не слишком грамотного бабелевского маклера Цудечкиса («Справедливость в скобках»). Выразительно и грамматическое оформление названия той главы, где мы знакомимся с братьями-хлебниками, — «Мир делов». Они, быть может, и не из одной компании с отцом Марка Боргмана, но порождены одним и тем же, общим milieu, где широко распространена известная шкала ценностей, которой придерживается в романе «Пятеро» Анна Михайловна Мильгром, рекомендующая популярному публицисту подумать о приобретении *настоящей профессии*.

Отмеченная польским исследователем Чеславом Андрушко «открытая еврейская тематизация одесского цикла и других связанных с ним рассказов»¹⁶ роднит прозу Бабеля с романом Жаботинского. Общее — в значительной степени — тематическое поле порождает и более частные содержательные параллели, в частности, сходные фигуры действующих лиц. Взять, к примеру, Мотю Банабака — еврея-простолюдина, друга Серёжи Мильгрима, из романа «Пятеро». «Банабак» — это, разумеется, прозвище, достаточно распространённое в Одессе и означающее: человек восточной внешности, чаще всего — кавказец¹⁷. В рассказе Бабеля «Фроим Грач» мадам Пескина обзывает своего мужа *Бонабаком* (Бабель пишет это слово с гласным «о» в первом слове). Но дело, разумеется, не только и не столько в прозвище. В судьбе простого, необразованного парня Моти своеобразно переплелись разные, далёкие друг от друга занятия: от участия в еврейской самообороне 1905 г. до «экспроприации» средств у состоятельных людей отнюдь не с самыми благородными целями; на одесском языке той поры такого рода «экспроприации» назывались *налётами*. На этих темах и судьбах героев снова «встречаются» два наблюдательных писателя.

Такой феномен, как *налёты* и *налётчики*, Жаботинским задет лишь по касательной; у Бабеля же это основная среда, в которой происходит действие и многих рассказов, «прописанных» в Одессе, и пьесы «Закат», и киноповести. Бенья Крик и другие налётчики с Молдаванки — специфического периферийного района Одессы, где родился и сам писатель¹⁸, — выписаны подробнее и живописнее, чем эпизодический персонаж Жаботинского Мотя Банабак. Заметим лишь, что Мотя двумя стадиями своей жизненной истории как будто объединяет две жизненные темы, затрону-

тые обоими писателями. Если одна из них — это стихия грабежа и налётов, то другая — погромы и возникшая в ту пору самооборона.

Погром как событие изображён у Бабеля обстоятельно в его «николаевских» рассказах «Первая любовь» и «История моей голубятни». Можно согласиться с Шимоном Маркишем, что трагедии, описанные в этих, «автобиографических» новеллах, носят «универсальный» характер и не замыкаются в узконациональных рамках¹⁹. Но универсальность, которую можно расценивать как результат художественного обобщения, не перечёркивает конкретики — исторической, географической, национальной. В «Одесских рассказах» о погроме говорится лишь походя. Так, в рассказе «Как это делалось в Одессе» Арье-Лейб вспоминает о Рувиме Тартаковском:

«...Однажды во время погрома его хоронили с певчими. Слободские громилы били тогда евреев на Большой Арнаутской. Тартаковский убежал от них и встретил похоронную процессию с певчими на Софийской. Он спросил:

— Кого это хоронят с певчими?

Прохожие ответили, что это хоронят Тартаковского. Процессия дошла до Слободского кладбища. Тогда наши вынули из гроба пулемёт и начали сыпать по слободским громилам...»(49).

Те, кого называет старый синагогальный служка «нашими», были и налётчиками (по роду занятий в *спокойное* время), и дружинниками стихийной самообороны (функционально) в дни погрома, хотя, строго говоря, их тактикой была уже не оборона в буквальном смысле слова, а её действенная разновидность — контраступление. Так что Мотя Банабак, приведший, по его собственным словам, в самооборону 1905 г. «целую дружину»²⁰, а в другое время совершавший грабежи, — фигура не надуманная и, несомненно, перекликающаяся с «нашими» из необычной истории, рассказанной Арье-Лейбом.

Общий интерес к такому явлению, как еврейская самооборона, у двух писателей основывается на совершенно разном жизненном опыте, причём опыт этот достаточно причудливо трансформировался в их творчестве. Бабель был подростком, когда погромы прошли по югу России, затронув и его родину — Одессу, и Николаев, где жила более десяти лет его семья. О самообороне он знал — если не принимать слишком всерьёз детских впечатлений — из рассказов старших, и потому эта тема не заняла особого места в его прозе. Но всё же свой детский взгляд на самооборону Бабель воссоздал в рассказе «Первая любовь»:

«...Я вообразил себя в еврейской самообороне, и вот, как и Мирон, я хожу в рваных башмаках, подвязанных верёвкой. На плече, на зелёном шнурке, у меня висит негодное ружьё, я стою на коленях у старого дощатого забора и отстреливаюсь от убийц...»²¹.

Разумеется, портрет Мирона, сына угольщика, написан не в героическом ключе, скорее — это портрет мало приспособленного к «ратному

делу», обречённого человека. Но во взгляде маленького гимназиста («учёного мальчишка») сквозит явное уважение к самой попытке таких людей, как Мирон, противостоять насилию черносотенцев и желание подражать «самооборонцам».

В.Жаботинскому было двадцать три года, когда случился погром в Кишинёве, приведший к значительному повороту в мировоззрении, жизненной позиции и судьбе молодого, вполне преуспевавшего журналиста. Он стал активным деятелем еврейской общественной жизни, с головой окунулся в сионистское движение, был одним из главных инициаторов создания самообороны в Одессе и других южных городах империи. Так что процесс формирования еврейской самообороны знал он, что называется, изнутри. Между тем, в романе «Пятеро», написанном почти тридцать лет спустя, отразился взгляд человека зрелого, много за прошедшие годы повидавшего, кое-что из ранних увлечений пересмотревшего и уже не столь наивно-романтического, как в прежние годы.

В «Повести моих дней» есть небольшая по объёму глава «Кишинёв», посвящённая участию Жаботинского в создании самообороны в Одессе. Здесь не содержится и тени сомнения в необходимости самообороны, напротив — осуждается «еврейская трусость, которая проявилась в Кишинёве»²². Есть и рассказ о первом собрании активистов одесской самообороны «в просторной и пустой комнате, похожей на торговую контору», на Молдаванке²³. Но за кратким рассказом о сборе денег и оружия, составлении и размещении листовок и т. п., следует сообщение о том, что помещение принадлежало некоему Генриху Шаевичу, агенту-зубатовцу, хотя точного представления о мотивах его соучастия в самообороне у Жаботинского не было: «Мне безразлично, был ли этот Шаевич честным и заблуждающимся человеком или шпионил и предавал сознательно: на мой взгляд, с того дня, когда он предоставил нам такое надёжное убежище, чтобы вооружить евреев, он искупил все свои грехи...»²⁴.

Эту непростую ситуацию Жаботинский изобразил и в романе, в главе «Арсенал на Молдаванке», где хозяина квартиры, в которой собираются и хранят оружие, тоже зовут Генрихом (правда, фамилия не указывается). Автор перенёс в роман и свою оценку действий зубатовца. Прочее общество, собирающееся в «арсенале на Молдаванке», весьма пестро: от «революционера» с классовым подходом к событию до абсолютно безразличного к любым социальным учениям фармацевта Козодоя, от скептически воспринимающего собравшихся фельетониста (повествователя) до недалёкого идеалиста Марко.

Что же касается самообороны как явления, то автор, как и повествователь, не сомневаясь в надобности и справедливости самого дела, довольно скептически воспринимает многих его энтузиастов. При сопоставлении подходов двух писателей к одному и тому же явлению даже поражает то, что один из главных создателей еврейской самообороны в Одессе

далёк от панегирической патетики, а подчас даже весьма ироничен в изображении собравшихся в «арсенале на Молдаванке», тогда как довольно далёкий от этого движения — и по возрасту, и характерологически — создатель «Одесских рассказов» уважительно пишет о людях, вроде сына угольщика, и устами служки Арье-Лейба не без восхищения повествует о «похоронах» Тартаковского.

Близкими темами и сходными человеческими типами не ограничиваются схождения между книгами двух очень разных писателей. Учитывая, что общей почвой для них был не только один город, его прошлое и настоящее, но и своеобразный одесский фольклор со своим речевым жаргоном, не следует удивляться встречающимся в их произведениях одним и тем же или схожим словам и фразеологическим оборотам. Ограничимся несколькими примерами.

Сохранились воспоминания, как зимой 1905 г. в Санкт-Петербурге во время одного из митингов протеста против погромов на юге империи вспыхнула резкая перебранка между марксистской и сионистской частями аудитории, а утихомирить разыгравшиеся страсти смог только Жаботинский, поднятый над толпой двумя рослыми и сильными студентами; одним из них был некто Виктор Кугель по прозвищу «полтора еврея»²⁵. Это прозвище, лишь несколько видоизменённое, встречается и в рассказе Бабеля «Как это делалось в Одессе»: «Тартаковского называли у нас «полтора жида» или «девять налётов» (48). Пусть в прозвище Тартаковского и вложена иная коннотация («ни один еврей не мог вместить в себе столько дерзости и денег, сколько было у Тартаковского»), но совпадение *определений* всё равно бросается в глаза, наводя на мысль о близости фразеологического источника.

В девятой главе романа «Пятеро» Анна Михайловна Мильгром говорит повествователю: «За кого Маруся пойдёт замуж, я давно знаю, и она знает; и вы бы знали, если бы дал вам Бог пенсне получше...»²⁶. Служка Арье-Лейб у Бабеля («Как это делалось в Одессе») — человек с более низкой социальной ступени, но и в его речи — в начале рассказа и в самом конце его — есть похожий образ:

«...Забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе осень...» (46);

«...Но что пользы, если на носу у вас по-прежнему очки, а в душе осень?...» (59).

О своей бабушке Бабель пишет в рассказе «Детство. У бабушки»: «По-русски, надо сказать, она говорила скверно, слова коверкала на свой, особенный, лад, смешивая русские с польскими и еврейскими. Грамотна по-русски, конечно, не была и книгу держала вниз головой...» (103). Мать Владимира Жаботинского была явно более образованна, знала древнееврейский, говорила по-немецки, даже читала немецких писателей в оригинале; правда, лишь после замужества стала учить русский, и о её владении этим языком писатель вспоминал в своих мемуарах: «...она производила

решительные разрушения в русской грамматике...»²⁷. Что же касается людей одного и того же социального уровня, как Мотя Банабак у Жаботинского и молдаванские налётчики у Бабеля, то в их речи встречаются и общие, *одесские*, словечки и обороты, есть и многие следы «решительных разрушений в русской грамматике».

Не раз справедливо подмечалось, что «слава Бабеля как писателя в значительной мере основывалась на его преобладающем внимании к проблемам стиля»²⁸. Об источниках стилистического своеобразия бабелевской прозы существует уже большая литература. Один из первых вдумчивых критиков И. Бабеля полагал, что стилистический колорит «Одесских рассказов» связан с творчеством Семёна Юшкевича²⁹. Мнение это не прижилось: стиль *орнаментальной* прозы Бабеля, поражающий и сегодня своей неповторимостью, трудно объяснить какой-либо одной традицией, тем более — не столь уж влиятельной. Если говорить об источниках этого стиля, то их обнаруживается множество — от Ветхого Завета до реальной Одессы начала XX века с её фольклором и своеобразным наречием. Из того же, одесского, источника в значительной степени черпал и автор романа «Пятеро», но при всех частных сходжениях нельзя упускать из виду существенную разницу между их подходом к близкому жизненному и словесному материалу.

Даже в воссоздании городского колорита Одессы оба писателя идут в чём-то сходными, но в чём-то и очень различными путями. Хотя цикл новелл Бабеля и назван «Одесские рассказы», однако в названиях отдельных произведений Одесса никак не присутствует. Париж заявлен в названии одного из рассказов («Улица Данте»), а главный топос, Одесса, — нет. У Жаботинского же Одесса довольно густо представлена даже в названиях глав романа «Пятеро»: «Вдоль по Дерибасовской», «Арсенал на Молдаванке», «Исповедальня на Ланжероне» и др. Может быть, сыграла свою роль ностальгия писателя, которому было ясно: «...уж никогда не видать мне Одессы...»³⁰. Не менее важным основанием указанного различия была значительно большая роль мифологизирующего начала в прозе Бабеля в сравнении с его старшим по возрасту писателем-земляком.

Это проявляется даже в оценках города в целом. «Потешный был город, — не без придиричivosti, однако с нежностью пишет Жаботинский в финале романа «Пятеро», — но и смех — тоже ласка»³¹. «Одесса — очень скверный город», — таким ироническим признанием открывается очерк Бабеля «Одесса». Впрочем, претензии писателя относятся исключительно к своеобразию русской речи в «этом значительном и очаровательнейшем городе в Российской Империи» (14).

Удивительно, что в менее красочном и достаточно рационалистичном описании Жаботинского часто встречаются городские пейзажи, а в орнаментальной прозе Бабеля они — редкость. К примеру, есть у него в «Листках об Одессе» страничка, посвящённая городскому театру. Пей-

зажная зарисовка здесь лишь одна; она не составляет даже одной целой фразы и выглядит едва ли не случайной: «В хорошую погоду, когда сияет наше солнце, пахнущее морем из Карантинной гавани и цветами с Екатерининской...» (25). Бабеля более всего интересуют не виды городских улиц, не красоты одесской природы, а типы, населяющие эти улицы и переулки: барышники, шансонетки, уличные мальчишки... Околотеатральный пейзаж представлен почти столь же лаконично в концовке рассказа «Ди Грассо», где герой-повествователь, мальчик «увидел уходящие ввысь колонны Думы, освещённую листву на бульваре, бронзовую голову Пушкина с неярким отблеском луны на ней, увидел в первый раз окружавшее меня таким, каким оно было на самом деле, — затихшим и невыразимо прекрасным» (199). Впрочем, такое, достаточно развёрнутое, описание в прозе Бабеля представляет собою скорее исключение, нежели правило.

В рассказе «Король» свадебное пиршество во дворе выписано в сочных деталях, с фламандской пышностью, тогда как реалии городской топографии (улицы Госпитальная, Костецкая и Софийская, Шестнадцатая станция Большого Фонтана) только упоминаются и фигурируют как сухие обозначения мест тех или иных событий. В рассказе «Отец» Прохоровская улица, где живёт герой произведения Фроим Грач, вообще не имеет никакого описания, а фиксируется лишь в качестве места, связанного с персонажами, как и местечко Тульчин, Привозная площадь, Дальницкая улица, русское кладбище. В пространном (по бабелевским меркам) рассказе «Конец богадельни» с мельчайшими подробностями выписаны живописные кладбищенские типы, а короткая пейзажная зарисовка встречается только однажды: «Каштаны были в цвету, деревья несли высокие белые цветы на растопыренных лапах...» (141). Да и эта словесная картинка обязана своим появлением в тексте разве только тому факту, что «каштановая аллея, светясь, уходила к мертвецкой».

Последователи биографического метода в литературоведении смогли бы поискать ответ на вопрос о причинах скудости городского пейзажа у Бабеля, обратившись к его рассказу «Пробуждение». Там четырнадцатилетнему (автобиографическому) герою, с детства питающему страсть к сочинительству, ставит диагноз старый добрый одессит, корректор Ефим Никитич Смолич: «...Тебе не хватает чувства природы. Твои пейзажи похожи на описание декораций...» (167). Всё, что известно подростку с Молдаванки об одесском городском пейзаже, — это то, что «Дерибасовская и Греческая обсажены акациями...» (168). Впрочем, мысль о «побеге» из привычной среды и в этом рассказе отодвигает на второй план возникший было в сознании мальчика, но недолговечный интерес к живой природе.

Автор романа «Пятеро», которого как профессионального журналиста также в первую очередь интересуют человеческие типы, значительно более внимателен к пейзажам родного города. Уже в третьей главе боль-

шой абзац посвящён восторженному описанию Думской площади и живописного уголка, примыкающего к месту собраний Литературно-Артистического общества. Вспомнив в начале шестой главы о том, что Мильгромы жили летом на Среднем Фонтане, автор посвящает этой части города целую страницу, открывающуюся словами: «Если бы мне было поручено написать монографию о десятой станции, я бы начал издавека, и с сюжета чрезвычайно поэтического...»³².

Глава десятая («Вдоль по Дерибасовской») открывается развёрнутым, образным описанием «этой королевы всех улиц мира сего» и примыкающих к ней одесских улиц — «фрейлин королевы»³³. Заслуживает внимания и словесная картина одесского берега в главе четырнадцатой, и пейзаж Ланжерона в пятнадцатой главе, и лаконичная зарисовка одесского порта в девятнадцатой главе, как и некоторые другие места, буквально дышащие искренней влюблённостью Жаботинского в город своего детства и юности.

Очень разное место видов города в прозе двух писателей позволяет заметить и некоторые, причём немаловажные, различия в их повествовательной манере. Диалог персонажей и авторская речь сочетаются и *сопругаются* в их книгах принципиально по-разному. Это видно даже по характеру использования «одессизмов» — специфически одесских слов и выражений. Страсть к образному одесскому слову проявилась у обоих писателей, однако далеко не одинаково. Для рассказчика в романе «Пятеро» это в какой-то мере *чужое слово*; оно выдёргивается из живого разговора, иногда «пробуется на зуб», смакуется и при этом продолжает восприниматься как мастерски вписанное в текст, но *чужое*. У Бабеля оно органичнее вписывается в текст, оно — своё, родное, и употребляется очень часто.

Среди героев Жаботинского не так уж много носителей «наречия Фонтанов, Ланжерона, Пересыпи и Дюковского сада», а некоторые персонажи (например, Серёжа) употребляют эти слова с целью эмфазиса или для юмористической окраски речи. Изредка вставляет такие словечки в свой рассказ и сам повествователь — образованный человек, «подлинной страстью» которого, по собственному его признанию, «всегда была лингвистика». Правда, он с таким же успехом может вставить в рассказ, как и в диалог персонажей, свои собственные неологизмы («кавалерственный», «словокачка» и пр.), не имеющие прямого отношения к одесскому жаргону, но выполняющие сходные функции, нарушая как бы заданное в первой главе стилевое однообразие.

В тех рассказах Бабеля об Одессе, где повествование ведётся от лица автора («Король», «Отец» и некоторые другие), есть довольно резкий контраст между авторским словом и речью персонажей, пересыпанной жаргонными словечками и оборотами, появившимися на свет в результате чрезмерно активной интерференции трёх, по крайней мере, языков — русского,

украинского и языка идиш. Если Жаботинский время от времени *цитировал* одесское слово, то Бабель, по выражению В.Б.Шкловского, «превращал в литературу устную традицию города»³⁴. Во многих произведениях писателя диалог явно превалирует над авторской речью не только и не столько в количественном отношении: автор как будто вспоминает, что он сродни своим героям хотя бы по мес у рождения, и его речь местами слегка уподобляется речи персонажей. Писатель и сам знал за собой особое пристрастие к диалогу; даже в тех рассказах, которые пятнадцатилетний Бабель писал по-французски, по его признанию, описания и размышления у него «выходили бесцветно», а удавался только диалог (10). Совсем не случайно некоторые новеллы писателя носят откровенно *сказовый* характер.

Для сказовых новелл потребовался и особый повествователь — более близкий, чем Бабель-Лютов, к кругу изображаемых героев. В рассказе «Как это делалось в Одессе» основным повествователем выступает синагогальный служака Арье-Лейб, в рассказе «Справедливость в скобках» — мелкий маклер («лапетут», как сказал бы Абрам Моисеевич из романа Жаботинского) и «наводчик» Цудечкис. Впрочем, и в рассказах, написанных от лица автора, с этой средой в какой-то мере генетически связанного, но уже достаточно дистанцировавшегося от неё, сказовое начало уверенно заявляет о себе, вытесняя нейтральное авторское слово на периферию. Чеслав Андрушко тонко подметил жанровую связь «Одесских рассказов» с устной традицией Агады³⁵, тогда как бытовая фактура выписана Бабелем с точным знанием реальной жизни одесской Молдаванки.

В романе Жаботинского соотношение авторского слова и диалога совсем иное. Здесь диалог не занимает так много места; нет, он не вытеснен совершенно повествованием, в некоторых главах диалогические фрагменты достаточно представительны, но всё же совершенно очевидно доминирует в книге точка зрения рассказчика — человека образованного, интеллигентного и очень далёкого как от «мира *делов*», так и от эпизодических персонажей, вроде Моти Банабака, с их речевым своеобразием. Популярнейший публицист юга России, он, конечно же, более рафинирован и профессионален, чем, например, фельетонист «Одесских известий» Саша Светлов из рассказа Бабеля «Карл-Янкель», и дистанция между ним и действующими лицами аккуратно соблюдается в романе, вне зависимости от «соучастия» рассказчика в фабульных событиях.

По своей жизненной позиции, по степени сопряжённости с цепью этих событий повествователь в романе «Пятеро» напоминает Хроникёра из «Бесов» Достоевского. Свидетель, а затем и летописец событий, внимательный, хотя подчас и не слишком проникательный, хроникёр у Жаботинского выполняет функцию посредника между героями и читателем, но также — между героями и писателем. Правда, дистанция, отделяющая рассказчика от самого романиста, иногда превращается в такой маленький зазор, который можно и не разглядеть.

В личностях автора романа и повествователя очень много биографических совпадений: место и время действия, профессия, круг общения, некоторые взгляды на искусство, даже стихотворные строчки «общего» сочинения. Всё это создаёт более определённо — в разных аспектах — выписанный облик рассказчика-хроникёра, чего никак не скажешь о не имеющем, в отличие от героя «Конармии», имени повествователе «Одесских рассказов», индивидуальность которого воссоздана сугубо стиливыми средствами. Хроникёр у Жаботинского своей манерой рассказывания демифологизирует изображаемый мир, анализируя и внимательно разглядывая его в деталях. Бабелевский безымянный повествователь более подходит на роль мифотворца, а точнее — на роль медиатора между автором-мифотворцем и воспроизведённой им действительностью.

* * *

Возвращаясь к вопросу о биографических параллелях, нельзя, по-видимому, пройти мимо ещё одного, совсем не весёлого совпадения: оба писателя ушли из жизни в одном и том же — 1940 году. Репрессированный органами НКВД Бабель был расстрелян в январе, а Жаботинский, находясь летом 1940 г. в Соединённых Штатах Америки и агитируя там за формирование еврейского воинского соединения, призванного сражаться в составе всемирной антифашистской коалиции, умер в начале августа от разрыва сердца. И ещё одно печальное совпадение: на их родине (выражаясь в современных понятиях — *на широком русскоязычном культурном пространстве*) имя и творчество каждого из них были в течение определённого времени табуированы. Бабель не издавался, не шёл на сцене и даже не упоминался около двадцати лет — со времени ареста в 1939 г. до выхода одноименника его произведений в 1957 г. О Жаботинском постарались «забыть» ещё раньше — в начале 1920-х годов, а вспомнили ещё позднее — в последнее десятилетие XX века.

Две разные писательские судьбы, и столько совпадений в восприятии их личностей и творчества на родине! И того, и другого ревнителю «самой передовой идеологии» фактически пытались вывести за скобки русской литературы прошлого столетия, и как будто неплохо преуспели в том, но... лишь на какой-то срок. Бабель, насильственно вырванный из контекста российской словесности, триумфально возвратился туда после двух десятилетий искусственно «организованного» забвения, и занял своё, никем не занятое, видное место. Осмысление места Жаботинского в русской литературе XX века крепко запоздало и, по сути, только начинается. Это место можно адекватно оценить, лишь прояснив те отношения — контактные и типологические — которые связывают его лучшие книги с творчеством писателей-современников, одним из которых и был Исаак Бабель.

Примечания

¹См., например: *Encyclopaedia Judaica* in 16 vols. Vol. 4. — N.Y.: The Macmillan Co. — 1971. — P. 21-22.

²В начале 1920-х годов органы ВЧК в своих служебных циркулярах, а позднее и советская пропаганда обвиняли Жаботинского в «сговоре» с Петлюрой. При этом умышленно извращались факты действительных переговоров В.Жаботинского с представителем УНР Максимом Славинским, прошедших в августе 1921 г. в Праге. Об этих переговорах см. подробнее: Shmuel Katz. *Lone Wolf. A Biography of Vladimir (Ze'ev) Jabotinsky*. In 2 vols. Vol. 1.— N.Y.: Barricade Books Inc., 1996. — Ch. 43.

³Цит. по: Поварцов С. Причина смерти — расстрел: хроника последних дней Исаака Бабеля. — М.: Терра, 1996. — С. 147.

⁴Знакомство Жаботинского с одесситом по происхождению, сионистом Иосифом Фишером, в эмиграции жившим в Париже, сомнений не вызывает. На Седьмой Всероссийской сионистской конференции в мае 1917 г. последний входил в небольшую группу делегатов, полемизировавших с подавляющим большинством и выразивших поддержку деятельности Жаботинского по созданию Еврейского легиона в составе Британской армии. Позднее, в 1919 г., Фишер опубликовал в газете «Еврейская мысль» статью «Кто был прав?», в которой высоко оценил усилия Жаботинского в годы первой мировой войны. (См.: Joseph B.Schechtman. *The Life and Time of Vladimir Jabotinsky*. In 2 vols. — Vol. 1. *Rebel and Statesman*. — Silver Spring, MD: Eshel Books, 1986. — P. 239-241).

⁵Выражение автора новейшей беллетристической повести о Бабеле (*Маркиш Д.* Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // *Октябрь*. 2001. № 1-2). Во второй части своей повести Д.Маркиш даже воспроизводит встречу двух одесситов в парижском доме третьего — их общего знакомого. Бабель фигурирует в повести как Иуда Гросман, Фишер — как Рувим Освишер, и только В.Е.Жаботинскому оставлено его собственное имя. О Жаботинском вспоминает главный герой и в конце повести, находясь под следствием на Лубянке.

⁶Огульные обвинения такого рода по адресу ревизионистского крыла выдвигали и некоторые левосионистские лидеры (включая главного оппонента Жаботинского — искущённейшего политика Давида Бен Гуриона), вызвав прямую и резкую отповедь со стороны лидера ревизионистов. См., напр.: *The Political and Social Philosophy of Ze'ev Jabotinsky*. — London; Portland: Valentin Mitchell, 1999. — P. 61-62, 65.

⁷Эта оценка содержится в письме Горького О.О.Грузенбергу от 20 сентября 1913 г. См.: *Грузенберг О.О.* Очерки и речи. — New York, 1944. — С. 229.

⁸Впоследствии Жаботинский вспоминал об этой статье в своей автобиографии. См.: *Владимир (Зеев) Жаботинский*. Повесть моих дней. — Иерусалим: Библиотека-Алия, 1989. С. 31-32.

⁹*Бабель И.* Одесские рассказы. Одесса: Optimum, 2001. — С. 205. (Дальнейшие ссылки на произведения Бабеля, кроме специально оговоренных случаев, даются по этому изданию в тексте статьи; страницы указываются в скобках).

- ¹⁰См.: Жаботинский В. Я — сын своей поры. (Стихотворения и переводы). — Одесса: Друк, 2001. — С. 18-19.
- ¹¹Владимир (Зеев) Жаботинский. Повесть моих дней, с. 11.
- ¹²*Жаботинский В.* Пятеро. — Одесса: Optimum, 2000. — С. 186.
- ¹³См. подробнее: Биск А. Одесская Литература (Одесское Литературно-Артистическое общество) // «Дом князя Гагарина...» Сб. статей и публикаций. Вып. 1. — Одесса: «Афина», 1997. — С. 134-161.
- ¹⁴«Наиболее серьёзным был погром в Одессе с более чем 300 убитых и тысячами раненых...» (Encyclopaedia Judaica, vol. 13, p. 697).
- ¹⁵*Жаботинский В.* Пятеро, с. 59.
- ¹⁶Czesław Andruszko. Жизнеописание Бабеля, Исаака Эммануиловича. — Poznań, 1993. — С. 83.
- ¹⁷В рассказе «бытописателя босяков и порта» (по определению Жаботинского) Лазаря Кармена «Под рождество» *банабаками* называет один из персонажей «грузин и имеретин». См.: *Кармен Л.О.* Рассказы. М.: Худож. лит., 1977. — С. 60.
- ¹⁸См. подробнее: Александров Р. Человек с Молдаванки // Исаак Бабель, цит. соч., с. 304-332.
- ¹⁹*Маркиш Ш.* Бабель и другие. — Киев: «Михаил Шиголь», 1996. — С. 22.
- ²⁰Владимир Жаботинский. Пятеро, с. 135.
- ²¹Исаак Бабель. Как это делалось в Одессе. — СПб: Кристалл, 2001. — С. 24-25.
- ²²Владимир (Зеев) Жаботинский. Повесть моих дней, с. 47.
- ²³Там же. С. 45.
- ²⁴Там же. С. 47.
- ²⁵Shmuel Katz, op. cit., p. 78.
- ²⁶Владимир Жаботинский. Пятеро. С. 58.
- ²⁷Владимир (Зеев) Жаботинский. Повесть моих дней, с. 6.
- ²⁸J. Van Baak. The Place of Space in Narration. Amsterdam: Rodopi, 1983. — P. 134.
- ²⁹*Лезнев А.* Литературные будни. — М., 1929. — С. 266.
- ³⁰Владимир Жаботинский. Пятеро, с. 186.
- ³¹Там же., С. 190
- ³²Там же. С. 33.
- ³³Там же, С. 59-60.
- ³⁴Шкловский В. Гамбургский счёт. — М.: Сов. писатель, 1990. — С. 474.
- ³⁵Czesław Andruszko, op. cit., s. 67-68.

Зоя Рожченко

НЕ ХОЧУ, ЩОБ ВІН ПОМИРАВ!

Авторка цієї статті Зоя Володимирівна Рожченко — асистент кафедри загального мовознавства та класичної філології Національного університету ім. Т.Г.Шевченка.

Дитячі спогади іноді виринають несподівано, але не випадково. Так і зараз. Сонячний промінь впав на дзеркало старої бабусиної шафи в глибині кімнати, висвітивши п'ятирічну істоту з пухирями брунатних колготок на гострих колінцях і скуйовдженим, коротко стриженим волоссям, що ніяк не вкладається по голові. Те створіння перед дзеркалом уже розуміє, що нічого дівчачого у його вигляді немає, тому старанно намотує на голову хустинку...

Пам'ятаю, що результатом я була дуже задоволена: легкий рожевий шовк низько насунутий на лоба, від нього, оминаючи вуха, спускаються кінці хустки, зав'язані під підборіддям. Не видно жодної волосини на голові, зате вуха стирчать вільно, і все можна добре почути. Так зав'язують хустки наші сусідки.

Але чому так зайшлася сміхом моя бабуся? Вона не може вимовити й слова, тільки махає руками. Нарешті видавлює крізь сміх: «Зніми. Ти ж не єврейка». Це слово я чую вперше. Що то значить? Бабуся веде далі: «Ти україночка. Ходімо на базар, я куплю тобі віночка». Віночок гарний — із червоних та рожевих квітів, з шовковими стрічками. Тепер я знаю, що є українці, і євреї, а ще цигани, росіяни і поляки, усі вони — наші сусіди, шоправда, я розвеселила всю вулицю, вимагаючи показати мені євреїв. Бабуся цитькає: «Так негарно». Чому?

Ми повертаємось додому. Перед парадним стоять наші сусідки, бабусині подруги. Вона схилиється до мене: «Послухай. Вони розмовляють по-єврейському». Я вже давно чула ту гучну мову, тільки тепер починаю пильно прислухатися. Одна із сусідок (бабуся моєї подружки Ірки) старенька, маленька, сухорлява. Від старості вона все забуває і погано розмовляє російською, але їдиш пам'ятає добре і дуже радіє, коли до неї приходять такі ж самі старенькі, що знають цю мову. Тоді Ірчина бабуся здається трошки вищою на зріст, її темні очі яснішають, а зморшки розгладжуються. Увесь наш двір заповнюють гучні, уривчасті, трохи гортанні звуки. Сусід Данило, проходячи двором, бурчить собі під носа: «Знов євреї гелгоцет по-своєму». Голосніше висловити своє незадоволення Данило не може: серед цієї колоритної групи стоїть старий Межирицький, син якого — наш дільничний лікар. Лікар хороший, і сваритися з ним просто невігідно.

Лише свого батька лікар вилікувати не може: у старого за давнина трахома, і йому доводиться приліплювати повіки пластиром до щок, щоб вони не загорталися всередину. Ця хвороба очей — давня хвороба бідних єврейських кварталів, з яких виходили потім гарні лікарі. Моя мама поважає старого Межирицького, який шосуботи ходить до синагоги. В Києві залишилося мало релігійних людей (байдуже, християн чи іудеїв), які відкрито визнають свою релігійність. Усі сусіди кажуть старому: «Ребе», — і українці, і росіяни кажуть з повагою. Діти шепочуться, що в газетному пакуночку він носить талес — ніхто не знає, що це таке, а його онук Дімка надимається від гордості і мовчить. А в дідовій кишені завжди повно цукерок та яблук, особливо на чудове свято, коли він роздає не лише цукерки, а навіть ювілейні металеві рублі — хануке гелт. Не гірше й свято, на яке роздають солодкі трикутні маківники, так звані хамене вуха або гоменташен.

Про єврейські свята у нашому дворі знають таке: найбільше свято — субота. До Ірчиних батьків приходять гості, яких не може вмістити їхня трикімнатна квартира на другому поверсі. На вулицю виносять стільці і лави, діти вдивляються у літнє небо, виглядаючи першу зірку. найгучніші співи й танці починаються, коли смеркнеться. Вже крізь сон я чую пісні на їдиш, що долинають із другого поверху, і мені так хочеться приєднатися до цих веселощів. Мама зітхає: колись у Києві був єврейський театр із чудовими акторами, куди можна було піти усім і послухати ті чарівливі пісні. Чого його тепер немає?

Наша сім'я не співуча. Я завжди заздрю людям, що гарно співають і грають на музичних інструментах. Батько водив мене до музичної школи, але я, як не старалася, своїм захриплим голосом не потрапила в жодну з нот легенької фортепіанної мелодії. Вчителька злегка зітнула плечима, і її обличчя скривилося. Що вона скаже, можна вже й не слухати. Тепер я знаю, яка я нездара, і десятою дорогою обмину музичну школу, намагаючись не почути звуків піаніно та скрипки, що долинають з її вікон. Щоб її не чути, треба затулити вуха. Моя мама бідкається нашому сусідові, Михайлові Ароновичу: «Хіба можна шестирічній дитині говорити, що вона ні на що не здатна?»

Михайло Аронович — музикант. У нього добре кругле обличчя, лагідні чорні очі і гарне сиве кучеряве волосся. Він усміхається і запрошує нас до себе. Він грає на акордеоні на подвір'ї, а вдома в нього піаніно. Він сідає за інструмент і починає... Грають не лише його руки, а й ноги, голова, кругле черевце, усе тіло. Він щось стиха підспівує. Я знов чую їдиш. Мелодії плавно перетікають одна в другу, і я ладна слухати їх цілий день. Мама радісно називає їх: це танок «Ножиці»; і Михайло Аронович киває головою: так, це шерале, а от фрейлахс, який чогось називають «Сім-сорок», а от хасидські наспіви. «Хочеш так грати?» — питає він мене. Авжеж, хочу. Він дає мені натиснути на прохолодні клавіші, показує, як це можна зробити уривчасто і плавно, сильно й голосно, ніжно й тихо, як з'єднати

звуки в акорд, як грати обома руками. «Хто сказав, що в тебе немає слуху? — каже він. — У тебе чудовий слух і чудові пальці!»

З того часу минуло багато років. Михайло Аронович навчав мене недовго: він скоро помер. Лише тепер я розумію, що він був чудовим імпровізатором-віртуозом старої клезмерської школи, якому задоволення приносила сама гра. Я вже ніде не чула того стилю і не могла вчитися в інших учителів, що усім їм здавалося примхою. Але тепер я влячна долі, що змалку знала мистецтво вищого гатунку і тому просто не приймала чогось якісно нижчого.

Завдяки Михайлові Ароновичу їдиш для мене назавжди пов'язаний із музикою, і цією музикою їдишу мені завжди відлунює київський міський жаргон. Неймовірно, як у ньому могли поєднатися мелодика української мови, інтонації єврейської із тембром російської. Але, поживши в Києві років із п'ять, цей неймовірний сплав засвоюють усі мешканці міста. Вчені-філологи, як україністи, так і русисти, марно воюють з тим, що надає неповторного забарвлення київському жаргону.

Справді, це можна назвати засміченням і спотворенням мови, суржиком, несмаком і ще якось інакше, правильно і по-науковому. Але що ж поробиш із тим, як любі нам люди говорили і продовжують говорити по-своєму, всупереч усім словникам і граматикам, разом узятим. Раптом я чую на вулиці: «Увесь цимес у тому, що він цього не розуміє», — і з одного слова впізнаю земляка.

Те, що він сказав, — неправильно з точки зору лінгвіста, яку б мову той не досліджував: цимес на їдиш — то овочева страва з картоплі чи моркви; в українських словниках взагалі такого слова не знайдеш. На жаргоні це означає добре, гарно; сенс, а в даному контексті — найголовніше. Звідки взялося це значення, адже в картопляному рагу немає нічого надзвичайно гарного? Мабуть, саме це значення все ж таки глибоко закорінене в єврейській фольклорній традиції. На Рош-га-Шана, на єврейський Новий рік, подавали солодкий цимес із моркви, нарізаної кружечками, що символізувало золоті монети й обіцяло багатий і щасливий рік. Саме цей символ стоїть за жаргонним словом.

«Не роби того, бо буде тобі великий цурес», — каже жіночка, що продає картоплю на базарі, своїй подрузі. Лінгвіст всередині мене обурюється: по-перше, слово цурес вимагає узгодження у формі множини, бо цоре — біда, а цорес — біди; по-друге, цурес — то діалектна вимова; по-третє, в українській літературній мові є вже слова біда, горе, нещастя, клопіт, халепа і навіть проблема. Але ця селянка використала слово з усіма забутого їдишу, і я розумію, чому: воно додає сказаному незлої, ба навіть доброзичливої іронії, яка відсутня в значенні всіх інших слів.

«Ходімо, купимо допінг у генделику», — каже мені друг. Ця фраза вжахне поборників чистоти української мови, що звинуватять його у непатріотизмі: допінгом він називає жувальну гумку, а генделиком — комерційний кіоск, що притулився біля автобусної зупинки. Половина слів

— чужомовні: допінг — із англійської, генделик — власний витвір Сашка із єврейського гендель. Проте моєму другові це байдуже, він не філолог, і його аргумент вагомий: «Кому не подобається — нехай не слухає».

Я дивлюся телепередачу про український правопис, в якій поважні науковці розповідають глядачам, що в наших українських словах мусимо писати літеру г і відповідно вимовляти: гешефт, гешефтмахер, ганок, гвалт, грати, фіглі-міглі, і в моєму мозку виринають гучні, чіткі й уривчасті фрази моїх старих сусідів, що говорили на їдиш. Адже усі ці слова запозичили в давні часи українці від євреїв: на це вказують і збіги приголосних, що не властиві українській мові, але так притаманні єврейській; і приголосний ф, досі непідвладний вимові багатьох українців, включаючи відомих політиків; і семантика слів, де бринить єврейська самоіронія, якої зачасту бракує українській ментальності.

Їдиш повсякчас непомітно присутній в українській мові. «Хазяйко, не поспішайте з обідом, ми ще годинку попрацюємо, і тоді вже пошабашимо», — так звикло каже старший муляр, навряд чи пов'язуючи свої слова з єврейським звичаєм святкувати суботу — шабат (або шабаш в українській та польській вимові).

Словник іншомовних слів вже не подає як запозичення з їдишу такі слова як цурес, бахур, ліhtar, трапитися. Мабуть, це правильно, бо українці вважають їх за свої, рідні, українські. Зачасту вони й утворені вже в українській мові, але — від іншомовних основ. Активне проникнення їдишизмів (таких як цурес, бахур) видається досить дивним, оскільки український та єврейський народи жили на одній території дещо осібно. Професор Вольф Москович, який започаткував вивчення україністики в Єрусалимському університеті, вважає, що подібними запозиченнями в українську мову ми завдячуємо українським бурсакам, яким необхідно було вивчати давньоєврейську як мову Старого Завіту. Щоправда, в сучасній українській лінгвістичній науці факт впливу мови їдиш на українську практично заперечується.

Мешканці України можуть помітити ще один цікавий факт: вплив їдишу на російську мову відчувається сильніше, ніж на українську, але в російській мові він відбувається на рівні жаргонів злочинців або ж у просторіччі. В українській мові це проникнення більш глибоке і всеосяжне, воно охоплює літературну норму.

Музика їдиш бринить і в українських піснях. Фольклористи підтверджать, що дуже часто один і той самий музичний мотив може належати водночас різним пісенним культурам. Зіставте лишень дві народні пісні, українську та єврейську, і ви відчуєте, що навіть ритмомелодика вірша в них спільна:

Їхав, їхав козак містом.
 Раз, два, козак містом.
 Під копитом камінь тріснув,
 Раз, два, три.

Ой, мір зайнен але брідер,
Ой, ой, але брідер,
Ун мір зінген фрейлех лідер,
Ой, ой, ой.

Дотепер остаточно не встановлений обсяг культурної спадщини, створеної мовою їдиш. Мова, що виникла на німецьких землях у Х-ХІІ століттях, аж до ХVІІІ століття залишалася розмовною, не маючи писемності. Проте масова асиміляція євреїв Західної Європи у ХІХ ст. поклала край розвиткові західного варіанту їдиш, що в оточенні німецької мови, з якою він був генетично пов'язаний, розглядався виключно як «жаргон» — приземлений і перекручений варіант розмовної мови.

Саме українські землі можна вважати колискою літературного їдиш. Цьому сприяло зародження і поширення хасидизму. Можна сказати, що й досі їдиш зберігся завдяки хасидам, які вважають, що розмовляти в побуті тією ж самою мовою, якою проголошуються молитви, — гріх.

Доктор Мордехай Юшковський, професор Єрусалимського університету, твердить, що найбільшого розквіту література на їдиш досягла в період між двома війнами, коли існувало три центри їдиш-культури: у Польщі (Варшава), Сполучених Штатах (Нью-Йорк) та в Радянському Союзі. На той час їдиш був рідною мовою для 11 мільйонів євреїв, і це справді була мова могутньої літератури.

Для багатьох народів колишнього Радянського Союзу література мовою їдиш стала відома завдяки просвітницькій та видавничій діяльності Максима Горького. Саме він, захопившись талантом Менделє Мойхер-Сфоріма, Шолом-Алейхема, Хаїма-Нахмана Бяліка, залучив до перекладу їхніх творів кращих літераторів Росії: Івана Буніна, В'ячеслава Іванова, Валерія Брюсова. З тих пор минуло майже століття, і навіть ця література практично не відома українському читачеві, а знання єврейської культури обмежується спогляданням пам'ятника Шолом-Алейхему на Бесарабії.

Першою спробою в незалежній Україні змінити цю ситуацію на краще став переклад українською мовою творів лауреата Нобелівської премії Іцхака Башевіса-Зінгера, здійснений Фаїною Браверман-Горбач. Значення цієї праці неможливо перебільшити. Адже в усьому світі з творчістю Башевіса-Зінгера знайомі в основному через переклади англійською мовою, здійснені іншим видатним американцем єврейського походження, також лауреатом Нобелівської премії, Солом Беллоу.

Практично нічого не відомо в Україні ще про одного лауреата Нобелівської премії, який писав на їдиш, — Шмуеля-Йосефа Агнона. Хоча саме в українців його творчість повинна викликати інтерес, адже він народився на Галичині, в Бучачі, хоча Ш.-Й.Агنون у 1907 році в дев'ятнадцятирічному віці переїхав до Палестини, але до свого від'їзду він встиг надрукувати близько 70 творів на їдиш. Найцікавіше те, що від того часу Ш.-Й.Агنون писав виключно на івриті; тим-то й привабливіші для нас твори його юності.

Дуже багато єврейських авторів писали різними мовами, а творчість кожного з них належить кільком різним літературам і навіть різним народам одночасно. Так, наприклад, автор біографічного довідника «Славетні євреї» Еммануїл Бройтман (Москва, 1992 р.) навіть творчість Башевіса-Зінгера, який писав виключно на їдиш, відносить до американської літератури. Творчість філософа Анрі Бергсона відзначена Нобелівською премією в галузі французької літератури. Ще один лауреат Нобелівської премії (премії миру), Елі Візель, що народився в румунському Сігеті, також пише в основному французькою мовою. Хаїм-Нахман Бялік писав і на їдиш, і на івриті. Видатний російський радянський поет Овсій Дріз одночасно відомий своєю творчістю на їдиш як Шике Дріз. Незважаючи на ці різкі відмінності, усіх цих людей єднає спільна їдиш-культура.

Професор Мордехай Юшковський відзначає, що величезні, нікому не відомі багатства їдиш-культури поховані на просторах колишнього Радянського Союзу. Найдивовижніше те, що саме в Радянському Союзі мова їдиш вперше одержала офіційне визнання. За даними М.Юшковського, на 1928 рік лише у Вінниці було 47 національних шкіл з викладанням усіх предметів на їдиш; єврейська секція у Спілці письменників СРСР нараховувала 1200 тисяч літераторів, що писали на їдиш; лише у Києві таких письменників було 239.

Саме ця література потребує зараз не лише уважного читача, але й наукового дослідження як з точки зору філолога, так і з точки зору історика. В сучасній Україні тепер кожен школяр знає про українських письменників, що зазнали сталінських репресій лише за те, що любили свій народ, рідну мову і не боялися відкрито висловлювати свої думки. Чи знає хтось із українців, що і серед єврейського народу були не менш мужні й чесні співці? Євреї України народилися на тих самих землях і жили тим самим життям, що й українці: ходили тими ж вулицями, навчалися в тих самих школах та інститутах і, нарешті, йшли до тих самих в'язниць. Українське єврейство є органічною часткою українського народу. Але українцям практично не відомі імена Іцिका Фефера, Давида Гофштейна, Лева Квітко. На мій погляд, в тому є величезна історична несправедливість, що люди, які народилися на Україні й любили її світлою пам'яттю дитинства, змальовували в своїх творах або ж навіки закарбували її в своєму літературному імені, як Лев Квітко, в Україні ж практично невідомі.

27 грудня 1942 року в газеті «Ейнікайт» було надруковано поему Іцика Фефера «Іх бін ЇД» («Я — єврей»), в якій він закликав до боротьби проти поневолювачів, звертаючись до історичної пам'яті свого народу й викликаючи героїчні образи далекого минулого. Вже ув'язненому, йому пред'явили звинувачення в тому, що поет в своєму житті рівнявся не на керівників комуністичної партії в радянській державі, а на заслужено забутих усіма вітхозавітних євреїв, та ще й подібними ідеями намагався отруїти маси. За гордо сказані слова «Я — єврей» Іцик Фефер заплатив

своїм життям. Ці слова і цю інтонацію має право повторити лише єврей, але, на жаль, зараз в Україні небагато знайдеться людей, хто міг би сказати це мовою Ішика Фефера, а отже, сказати це так само сильно, як сказав він.

Багато хто з людей старшого покоління знає київського письменника Григорія Полянкера, палкого поборника їдиш, який до останніх своїх днів писав рідною мовою, сподіваючись, що і в ХХІ столітті його твори знайдуть свого читача. Отже, автор хотів сказати нам щось таке, що неможливо донести будь-якою іншою мовою.

Особисто мене як філолога дивує, чому ми не просто проходимо повз такі скарби, а й топчемо їх ногами. Справді, українці могли зацікавитися, що єврейські автори на ті ж самі історичні явища та події можуть мати зовсім відмінні від наших погляди та оцінки. Насамперед це стосується періоду козацьких визвольних війн та історичної постаті Богдана Хмельницького. Відомі завдяки працям С.Дубнова хроніки Натана Ганновера показують цей час як трагедію українського єврейства, перший холокост єврейського народу на слов'янських землях. Проте цей факт не може бути раціонально осмислений українцями, оскільки національне почуття обов'язково візьме верх: нам байдужі переживання єврея-орендаря, що, виходячи із сутності майнових відносин, опинився по один бік із польським землевласником.

З іншого боку, людське страждання, виражене в художньому слові, розтоплює кригу в серці і руйнує всіляке упередження. Часи хмельниччини з величезною силою змальовані українцем Михайлом Старицьким, що не виключає осмислення тих самих подій з позиції поляка Генріка Сенкевича. Не менш цікавою може бути й третя позиція — єврея Шолома Аша. Його роман, присвячений цій темі, наскільки відомо, європейськими мовами не перекладений, і тим представляє особливий інтерес для вітчизняних перекладачів.

Останнім часом у незалежній Україні, як і на всьому пострадянському просторі, активізувалося єврейське національне життя. Важливим його компонентом стали зусилля представників старшого покоління, діячів єврейського національного відродження максимально зберегти культуру їдиш. Праця таких людей, як Фаїна Браверман-Горбач, Марк Дербаремдікер, Йосип Торчинський Йосип Шайкін неоціненна. А їхньому ентузіазму можуть позаздрити молоді. Пригадую палку мову Фаїни Браверман-Горбач, яка презентувала у недільній школі книжку своїх перекладів лауреата Нобелівської премії з літератури І.Башевіса-Зінгера: «За десять років, відколи дозволено в нашій країні займатися єврейськими студіями, їдиш можна було двічі вивчити, навіть починаючи з нуля. Аби лишень було бажання». Справді, десять років — це рівно стільки, скільки необхідно для отримання двох університетських освіт. Це гідна відповідь тим, хто вважає їдиш мертвою мовою. Тому дивно було зустріти слова «Їдиш вмер» у львівському часописі «Ї». І це тоді, коли живуть, активно працюють,

розмовляють і пишуть вірші на їдиш його носії, для кого ця мова була й лишається маме-лошн.

В університетах України, на філологічних факультетах зараз вивчають різні мови, мертві й живі, доволі екзотичні: давньогрецьку, латину, церковнослов'янську, китайську, японську, грузинську та ще багато інших. На жаль, там немає місця їдишу, хоча вивчення цієї мови в інтересах Української держави: адже інакше українські історики позбавляють себе можливості вивчати додаткові джерела; українські філологи обмежують свій кругозір, відтинаючи частку світової літератури; українські юристи навіть гадки не мають про існування давньої правової системи, що впливала на розвиток держави і права сучасної Європи та Америки не менше, ніж славнозвісне римське право.

За межами України це зрозуміли вже давно. В липні-серпні 2001 року у Вінницькій області відбувся вже дванадцятий щорічний семінар «Їдиш та їдишкайт», організований Національним інститутом культури їдиш (Ізраїль), інститутом Ш.А.Клурман (США) та «Джойнтом». На цьому семінарі, окрім представників єврейських громад із пострадянських країн, навчалися студенти з Київського університету, японець Міцу Хара з Осаки. Створюється враження, що культурну спадщину українських євреїв цінують в усьому світі, крім місць її колишнього розквіту. Історія з вивезенням фресок Бруно Шульца з Дрогобича стала показовою: в Україні ними ніхто не цікавився аж до тих пір, поки вони не були втрачені для держави. Ніхто не помічає, що те ж саме може статися з усією культурою їдиш в Україні. Здається, українці схаменуться лише тоді, коли втратять її остаточно. В даному разі хочеться наголосити: українці — громадяни Української держави, яким поки що не забороняється бути етнічними євреями, росіянами, поляками...

... Я глибоко переконана, що спогади ніколи не виринають випадково. Останнім часом я все частіше згадую людей, серед яких минуло моє дитинство, і знаю, що з ними пов'язані кращі хвилини мого життя. Вони нікого не визискували і нікого не обкрадали, не пригнічували і не принижували. Навпаки: добре навчали, лікували, шили одяг, допомагали по-сусідському у скрутні порадую, уважним ставленням, а то й просто куснем хліба. А ще — іноді хотіли жити своїм життям, співати своїх пісень і по-своєму молитися Богу. Мені жаль, що немає більше нікого, хто захистив би добру пам'ять про цих людей. Гадаю, що тим, хто думає інакше, просто не пощастило зустріти на своїй дорозі старого ребе, що простягнув солодкий маківник і приголубив сухорлявою рукою дитячу головку з неслухняним волоссям. Ці люди не чули чарівної музики суботніх пісень, так само як не відчують гострого смаку їдишу, яким приправлена їхня власна мова. Я не хочу, щоб вмирав їдиш на українській землі, а разом з ним — їдишкайт як частка моєї України.

Дэвид Харис

ИЗРАИЛЬ И АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ*

История Израиля — это чудесная реализация 3500-летней связи между землей, верой, языком, народом и провидением. Это вдохновляющая история упорства и решимости, мужества и обновления, торжества надежды над отчаянием.

*Дэвид А. Харис,
из книги «В траншеях» (2000 г.)*

Чем глубже еврейский народ осознает сущность и последствия случившейся 11 сентября трагедии, тем активнее его вовлеченность в военно-экономическое, политическое и духовное противостояние силам, совершившим это чудовищное злодеяние. В то же время внимание мирового сообщества все настойчивее приковывается к событиям, разворачивающимся на Ближнем Востоке. Взрывоопасная ситуация, сложившаяся в этом регионе, бурно обсуждается в средствах массовой информации, в университетских и академических аудиториях, а также в кругах широкой общественности.

К сожалению, многие участники дискуссий зачастую недостаточно знакомы с историческим материалом и не владеют правдивой информацией. Настоящее исследование, не претендуя на исчерпывающее изложение этой проблемы, поможет восполнить информационные пробелы и, таким образом, будет способствовать конструктивному ходу дискуссий по Ближнему Востоку.

Справедливость позиции Израиля сегодня особо очевидна.

Израиль уже 53 года ищет пути к длительному миру и безопасности.

Настоящая опасность для Израиля (государства размером не больше штата Нью-Джерси) таится во враждебном для него окружении.

Непоколебима приверженность Израиля демократии и демократическим ценностям.

У Израиля и США общий враг — экстремизм и фанатизм.

Израиль внес громадный вклад в развитие мировой цивилизации в таких областях, как наука, медицина, высокие технологии, сельское хозяйство, культура. Эти достижения представляются ещё более внушительными, если принять во внимание молодость страны и ту постоянную опасность, в которой живет и трудится ее народ.

* Текст получен от Американского Еврейского Комитета (АЖС). Русский перевод подготовлен Алеком Бруком-Красным, Перцем Гольдмахером и Нелли Горовской.

В истории каждой страны можно найти ошибки, и Израиль не является исключением. Однако, сравнивая историю Израиля с историей любого другого государства, с удовлетворением отмечаем его приверженность ценностям западной цивилизации. Народ Израиля и его друзья вправе гордиться страной, история которой уходит своими корнями в седую древность.

Связь евреев с землей Израиля неопровержима и неразрывна. Эта связь охватывает четыре тысячелетия. Доказательство этому содержится в первой книге из Пятикнижия — Книге Бытия. Она повествует о житии Авраама, его вере в единого Бога и его перемещении из Ура (современный Ирак) в Ханаан, область, лежащую примерно в границах современного Израиля. Другое доказательство — любая книга еврейских молитв, используемая в любой части света. В литургиях постоянно упоминаются Сион и Эрец Израэль.

Неразрывная связь между еврейским народом и Иерусалимом. История этой связи восходит к годам правления царя Давида, жившего приблизительно 3000 лет тому назад и основавшего Иерусалим как столицу Израиля. С тех пор Иерусалим — не только исконная территория еврейского народа, но также и духовно-религиозный центр нашей веры и самоопределения. Отношение евреев к Иерусалиму не знает аналогов в истории.

Этот священный город был местом постройки двух Храмов — первого, сооруженного царем Соломоном в X веке до н.э. и разрушенного вавилонянами в 586 году до н.э., и второго, возведенного менее, чем через сто лет, перестроенного царем Иродом в I веке до н.э. и уничтоженного римскими завоевателями в 70 году н.э.

Как написано в известном псалме: «Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука. Если я не вспомню о тебе в свой самый счастливый час, пусть мой язык присохнет к моему нёбу».

Даже находясь в изгнании в течение 1900 лет, евреи не забывали о Сионе и Иерусалиме. И это выражалось не только в молитвах. Небольшое количество евреев всегда проживало в Израиле, и особенно в Иерусалиме. Но уже начиная с XIX века они составляли большинство населения Иерусалима. Согласно статистическим данным, к 1892 году эта цифра достигла 61,9% от всего населения города.

Факт неразрывной исторической и религиозной связи еврейского народа с Иерусалимом особенно важен в свете постоянных попыток некоторых арабских фальсификаторов переписывать историю, называя евреев «иностранными оккупантами» и «колонизаторами», якобы лишенными корней на этой земле. Чрезвычайно неудобным для лжеисториков является и тот факт, что в то время, когда Иерусалим находился под властью мусульман, он представлял собою запущенное и полупустынное место.

Сионизм — источник национального самоопределения еврейского народа. Тоска по родной земле исчисляется не только тысячелетиями еврейской истории, но проявляется и в новейшее время.

Теодор Гершель — отец современного сионизма — был ассимилированным евреем и получил светское образование. В качестве журналиста одной из ведущих венских газет он присутствовал на процессе Дрейфуса в Париже и был потрясен разгулом антисемитизма в просвещенной Франции, стране, первой провозгласившей гражданское равноправие евреев. Он понял, что антисемитизм не исчез, а лишь принял новую форму (позднее историки назовут эту форму «расовым антисемитизмом»). Гершель приходит к выводу, что решение еврейского вопроса лежит не на путях эмансипации и ассимиляции, есть только один выход — создание еврейского «национального очага» в Палестине. Этот план он впервые изложил в своем произведении «Еврейское государство» (1896), а затем в утопическом романе «Старо-Новая Земля» (1902).

Точку зрения Гершля разделял и британский министр иностранных дел лорд Бальфур, издавший 2 ноября 1917 года документ, известный под названием «Декларации Бальфура». В нем, в частности, говорилось: «Правительство Его Величества покровительствует идее создания в Палестине еврейского государства и приложит все усилия для осуществления этой задачи, учитывая, безусловно, гражданские и религиозные права неевреев, живущих в Палестине, а также евреев, живущих за ее пределами».

В 1922 году Лига Наций, выдавая Британии мандат на Палестину, признала «историческую связь еврейского народа с Палестиной».

Победа фашизма в Германии, геноцид еврейского народа, безразличие европейских стран и их лидеров к судьбе евреев вызвало гжучую потребность в создании самостоятельного еврейского государства. (К слову сказать, Хадж Амин Эль-Хусейн, иерусалимский муфтий, был наиболее восторженным сторонником Гитлера и его методов «окончательного решения» еврейского вопроса).

Исторический опыт подтвердил, что только в условиях собственного государства евреи будут иметь возможность самостоятельно решать свою судьбу, получат надежное убежище, удовлетворят тоску по родной земле. Эти мысли разделяли многие евреи, в том числе и те, кто уже жил в Палестине в конце XIX — начале XX веков. Именно они и заложили основу современного государства Израиль.

Противники Израиля с целью подрыва его имиджа и изоляции от международного сообщества по-прежнему пытаются представить сионизм как демоническое учение.

Они пытались это сделать и в 1975 году, когда ООН под давлением арабских стран и юдофобствующего советского режима, несмотря на сильное противодействие демократических стран, приняла резолюцию, трактующую сионизм как одну из форм расизма. Решение было аннулирова-

но в 1991 году, но реанимацией его запахло в этом году в Дурбане (Южная Африка). Однако арабскому блоку не удалось добиться своей цели. На сей раз большинство наций осознало, что израильско-палестинский конфликт не носит расового характера.

В этой связи вспоминаются слова Мартина Лютера Kinga об антисионизме: «Что такое антисионизм? Это отрицание за евреями права иметь собственное государство, того права, которое мы признаем за народами Африки и всеми другими народами на Земле. Антисионизм — это дискриминация евреев потому что они евреи. Короче говоря — это антисемитизм... Я хотел бы, чтобы мои слова отозвались в ваших душах. Когда люди критикуют сионизм, они имеют в виду еврейский народ. Глубоко заблуждаются те, кто думает иначе».

Необходимо также подчеркнуть, что неевреи никогда не были исключены из процесса строительства государства Израиль. Более того, и сейчас одна пятая часть населения Израйля — это неевреи, включая миллион арабов, а арабский язык — один из официальных государственных языков.

Более того, еврейское население Израйля всегда отражало национальное, этническое, культурное и языковое многообразие, ставшее ещё более явным в 1980-х годах, когда Израиль спас десятки тысяч чернокожих евреев из охваченной засухой Эфиопии, мечтавших о переселении в Израиль. Вспоминается красноречивый комментарий Джулиуса Чемберса, главы Национального фонда по легальной защите и образованию цветного населения: «Если бы жертвы эфиопского голода были белыми, многие страны предложили бы им своё убежище. Но люди, ежедневно умиравшие от голода в Эфиопии и Судане, были черными, и в мире, где каждое цивилизованное государство юридически давно предало расизм анафеме, нашлось только одно-единственное правительство, открывшее страждущим свои двери и свои объятия. Тот гуманизм, который продемонстрировало государство Израиль, гораздо больше говорит об осуждении расизма, чем громадное количество речей и резолюций».

Арабо-израильский конфликт мог быть преодолён. Вскоре после своего основания в 1945 году, ООН решила принять участие в будущей судьбе Палестины, находящейся в то время под управлением британского правительства. Специальный комитет ООН по Палестине рекомендовал Генеральной ассамблее разделить Палестину между евреями и арабами. И хотя ни те, ни другие не получали в свое владение всё, что желали, каждой из сторон гарантировалось право на создание собственного государства.

29 ноября 1947 года Генеральная ассамблея ООН 33-ю голосами «за» при 13-ти голосах «против» и 10-ти воздержавшихся приняла резолюцию номер 181, известную как «План раздела».

Принятие этого плана означало создание двух государств. Но руководство арабских стран и местное арабское население неистово выступили

против этого решения. Еврейскому народу было отказано в праве на любую, даже самую малую часть Палестины. В качестве средства для достижения своих целей арабы избрали войну.

И все-таки 14 мая 1948 года произошло знаменательное событие — государство Израиль было официально провозглашено. В связи с этим Уинстон Черчилль сказал: «Возникновение еврейского государства — это событие в человеческой истории, к которому надо подходить не с точки зрения данного поколения или даже столетия, а с точки зрения тысячелетней или даже трехтысячелетней перспективы».

Годами позже президент Джон Ф. Кеннеди предложил свою точку зрения на возрождение государства Израиль: «Израиль не был создан, чтобы исчезнуть, — Израиль выживет и будет процветать. Это — дитя надежды и пристанище храбрецов. Это государство не может быть сломлено в результате бедственной ситуации, как и не может быть деморализовано «головокружением от успехов». Это государство несет щит демократии и меч свободы».

Декларация об Основании Государства Израиль включает следующие слова: «Мы протягиваем руку дружбы всем соседним странам и их гражданам в надежде на крепкий мир и добрососедские отношения и призываем их к созданию уз сотрудничества и взаимопомощи с еврейским народом, образовавшим суверенное государство на своей земле».

К сожалению, это предложение было проигнорировано арабской стороной.

15 мая 1948 года армии Египта, Ирака, Иордании, Ливана и Сирии напали на только что родившееся еврейское государство с целью его уничтожения.

В ходе этой войны, начатой арабской стороной, гражданское население понесло определенные потери. Споры о том, сколько местных арабов сбежали из Израиля под воздействием арабской пропаганды и угроз со стороны арабских лидеров и сколько — в результате войны как таковой, не утихают до сих пор. В связи с этим важно отметить, что сотни тысяч арабов остались в Израиле и стали полноправными его гражданами.

Следует еще раз подчеркнуть сущностную сторону конфликта: *арабские страны бросили вызов плану ООН об одновременном создании арабского и еврейского государств, спровоцировали эту войну, стремясь стереть 650 тыс. евреев с лица земли.*

В результате арабо-израильского конфликта возникли не одна, а две группы беженцев. В то время как внимание мирового сообщества было сфокусировано на палестинских беженцах, тяжелое положение евреев в арабских странах, сотни тысяч которых стали беженцами, в значительной степени игнорировалось. Многие эксперты полагают, что количество беженцев с каждой стороны вполне сопоставимо. Несопоставимым является отношение к ним со стороны обоих государств. В то время

как Израиль немедленно абсорбировал всех еврейских беженцев, палестинские — были помещены в специальные палаточные лагеря. «Ненормальность» их положения умело используется арабскими «политиканами» и сочувствующей им ООН в качестве инструмента давления на еврейское государство и для соответствующей обработки общественного мнения. В мировой истории нет прецедента, чтобы такая огромная группа беженцев использовалась бы так цинично.

До сих пор только одна арабская страна — Иордания — предложила предоставить гражданство палестинским беженцам. Остальные арабские страны, несмотря на свою обширную территорию, на этническую, религиозную и языковую общность с палестинцами, отказывают им в этом. Похоже на то, что арабских лидеров мало волнует судьба беженцев, живущих в течение двух-трех поколений в изолированных поселениях. Их цель — разжечь ненависть к Израилю, спекулируя на «беженской проблеме», дискредитируя Израиль в глазах мировой общественности.

В качестве примера того, как о палестинцах «заботится» арабский мир, хотелось бы вспомнить ситуацию с 300 тыс. палестинцами, работающими в Кувейте (которые так никогда и не получили кувейтских паспортов). Когда Ясир Арафат поддержал Ирак во время «Войны в Заливе», эти палестинцы воспринимались как потенциальная пятая колонна. Вся эта ситуация даже не рассматривалась арабскими лидерами, хотя речь идет об изгнании всей палестинской общины.

К сожалению, история еврейских беженцев в арабских странах обсуждается крайне редко. Упомянув об этой проблеме, арабская сторона часто ссылается на незнание предмета или утверждает, что под мусульманским правлением евреям жилось спокойно, добавляя, что арабы, являясь по определению семитами, не могут быть антисемитами.

Истинной правдой является то, что евреи редко, если вообще когда-либо, имели равные с мусульманами права в исламских странах. Гораздо чаще они рассматривались как второсортные граждане, для которых существовали «особые правила» поведения.

Иллюстрацией того, как жили евреи в арабских странах, является история жизни евреев в Ливии. Надо сказать, что евреи жили в Ливии со времен финикийцев, то есть за много столетий до того, как арабы прибыли туда с Аравийского полуострова, принеся ислам на север Африки и стремясь завоевать земли, уже населенные к тому времени другими народами, включая берберов.

Огромное количество евреев покинуло Ливию в период между 1948 и 1951 годами после погромов 1945 и 1948 годов. В 1951 году Ливия стала независимой. Несмотря на конституционные гарантии, евреи, оставшиеся в стране, были лишены избирательных прав и не получили ливийских паспортов, со всеми вытекающими отсюда последствиями. После третьего погрома в 1967 году оставшимся в Ливии евреям (всего 4000-м) было

разрешено уехать не более чем с одним чемоданом и с \$ 50 в кармане. В 1970 году Ливийское правительство опубликовало ряд законов, конфискующих активы высланных ливийских евреев, но предусматривающих компенсацию, выплачиваемую в течение пятнадцати лет. Минул 1985 год, никакой компенсации не последовало.

В то же самое время, чтобы стереть из анналов истории даже саму память о еврейском присутствии в стране, правительство разрушило еврейские кладбища, использовав надгробия в качестве строительного материала.

В год создания Израиля в арабских странах проживало 754 000 евреев. Сегодня там проживает 8000 евреев, большая часть которых живет в Марокко и Тунисе.

Где были симпатии арабов к палестинским беженцам в период с 1948 по 1967 год? В результате перемирия, завершившего Войну Независимости Израиля, сектор Газа оказался в руках Египта. Вместо того, чтобы рассмотреть вопрос о суверенитете местного арабского населения и палестинцев, египетские власти установили военное правление. В то время Западный Берег и восточная часть Иерусалима управлялись Иорданией, которая в свою очередь аннексировала эти территории. Этот шаг был признан только двумя странами в мире: Великобританией и Пакистаном.

Именно в это время, в 1964 году, и была создана Организация Освобождения Палестины (ООП), цель которой — не создание палестинского государства на областях, оккупированных Египтом и Иорданией, а стирание Израиля с лица земли и создание арабского палестинского государства на территории всей Палестины.

15 статья Устава ООП гласит: «Освобождение Палестины, с арабской точки зрения, означает отражение угрозы сионизма, отражение вторжения империализма и искоренение присутствия сионистов на территории Палестины».

В последующие годы международный терроризм, открыто поощряемый ООП, стал причиной громадных потерь среди израильтян, евреев и неевреев, свропейцев и американцев.

Как и когда Израиль вошел во владение Западным Берегом, Голанскими высотами, сектором Газа, Синайским полуостровом и восточной половиной Иерусалима, включая Старый город? В наши дни многие люди называют эти территории «захваченными территориями», при этом даже не задавая себе «простого» вопроса, а как они, собственно, попали в руки Израиля в 1967 году. И снова в арабском мире слышится хор голосов недобросовестных «комментаторов», пытающихся извратить историю, выставляя Израиль в роли захватчика и агрессора. Обратимся к истории событий войны 1967 года.

Вот их краткая хронология.

16 мая 1967 года Каирское радио заявило: «Израиль существует слишком долго. Начинается сражение, результатом которого станет исчезновение Израиля». В тот же самый день Египет потребовал вывода войск ООН, находившихся в секторе Газа и Шарм Эль Шейхе с 1957 года. Через три дня ООН объявила о своём согласии с требованиями Египта.

19 мая 1967 года по Каирскому радио было провозглашено: «Это наш шанс, шанс всех арабов, нанести смертельный уничтожающий удар по Израилю».

23 мая: президент Египта Гамаль Абдель Нассер объявил о своих намерениях блокировать Тиранский пролив для израильских судов, разрывая таким образом жизненно важные для Израиля торговые связи с Восточной Африкой и Азией. Израиль ответил, что в соответствии с международным правом, подобные действия означают не что иное, как сазиз, т.е. объявление войны.

27 мая: Нассер заявил: «Нашей основной целью является уничтожение Израиля».

30 мая: король Иордании Хусейн перевел иорданские вооруженные силы под египетский контроль. Египетские, Иорданские и Саудовские вооруженные силы заняли позиции на территории Иордании.

1 июня: Иракский лидер добавил свои соображения: «Мы полны решимости, объединившись, стереть Израиль с лица Земли».

3 июня Каирское радио приветствовало мусульманскую Святую войну.

5 июня: Израиль, окруженный готовыми напасть на него армиями арабских государств, нанес сильнейший упреждающий удар. В течение шести дней Израиль заставил капитулировать всех своих противников и в процессе военных действий занял часть территорий Египта, Иордании и Сирии.

Израиль, используя каналы ООН, пытался всеми силами убедить короля Хусейна не вступать в войну. В отличие от откровенно враждебной антиизраильской политики Египта и Сирии, Иордания в некоторых областях тайно сотрудничала с Израилем, разделяя его опасения в отношении агрессивных намерений палестинцев. Голами позже король Хусейн публично признал, что его решение вступить в войну в 1967 году, в результате которой он потерял контроль над Западным Берегом, было одной из самых крупных ошибок, которые он когда-либо совершал.

Еще одна потерянная возможность сохранить мир. Сразу после окончания шестидневной войны Израиль выразил желание заключить мир с арабскими странами. Израиль не мог оставить восточную часть Иерусалима, на территории которой находились священные места иудаизма и которая, несмотря на израильско-иорданское соглашение о перемирии, находилась вне досягаемости Израиля в течение почти 19 лет (в это время Иордания осквернила множество синагог в Старом городе). Но Израиль был готов следовать доктрине «территории в обмен на мир». Однако арабские страны

отказались от этого предложения. Из Хартума, столицы Судана, где собрались арабские лидеры, пришел ответ, содержащий три «нет»: «НЕТ» — миру, «НЕТ» — признанию Израиля, «НЕТ» — переговорам в любом виде.

В ноябре 1967 года Совет Безопасности ООН принял Резолюцию номер 242. Эта Резолюция, предполагающая урегулирование конфликта, не всегда интерпретируется с необходимой точностью. Резолюция подчеркивает недопустимость захвата территорий с помощью военных действий и обязанность каждого государства региона сотрудничать с другими государствами в достижении длительного мира. В результате этого *каждая* страна в регионе сможет жить в условиях безопасности.

Далее Резолюция призывает к выводу войск Израиля с захваченных территорий, но избегает употребления определенного артикля *the* перед словом «территории». По словам посла США в ООН Артура Гольдберга, это было сделано преднамеренно с тем, чтобы любое соглашение о мире учитывало бы интересы безопасности Израиля.

Резолюция далее призывает «перейти от конфронтации к взаимоважению территориальной целостности и независимости всех государств региона в их праве жить в мире в пределах безопасных и признанных границ».

Не менее важно, что, кроме вышесказанного, Резолюция 242 «подтверждает дальнейшую потребность:

а) гарантий свободного плавания по международным водным путям региона;

б) решения проблемы беженцев (не указывая, каких именно, что говорит о понимании ООН наличия больше чем одной группы беженцев) *(кол. автора)*;

в) гарантий территориальной неприкосновенности и политической независимости каждого государства региона, используя любые меры, вплоть до создания демилитаризованных зон».

22 октября 1973 года, во время войны Судного дня, Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 338, которая призывает к прекращению огня, полному претворению в жизнь Резолюции 242 и начале переговоров между враждующими сторонами. Резолюции 242 и 338 практически всегда цитируются в связи с любыми арабо-израильскими мирными переговорами.

Поселения всегда были поводом для разногласий. Как и всё в арабо-израильском конфликте, вопрос о поселениях гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

После победы в 1967 году, когда стало ясно, что арабы не заинтересованы в мирных переговорах, Израиль под руководством партии Авода начал строительство поселений, или новых общин, на занятых землях. Эта практика активизировалась во время правления Ликуда после 1977 года.

Нам важно понять, почему Израиль решил развивать их строительство:

а) Израиль заявил, что, поскольку и арабы, и израильтяне претендуют на эти земли и поскольку над ними нет суверенной власти — израильтяне имеют не меньше прав на эту землю, чем палестинцы;

б) еврейские общины существовали на Западном Берегу задолго до 1948 года, например, в Хевроне и Гуш Эцион, чьи общины подверглись погромам, в результате которых было убито большое количество евреев;

в) Западный Берег, согласно Библии, является колыбелью еврейской цивилизации, и евреи, руководствуясь верой отцов и исторической правдой, хотели бы восстановить эту связь;

г) Израильское правительство полагало, что строительство поселений сослужило бы хорошую службу достижению безопасности в регионе;

д) некоторые израильские должностные лица предполагали, что создание поселений как факт присутствия израильтян на этой земле приближает день, когда палестинцы сядут за стол переговоров.

Сегодня многие израильтяне считают, что любое мирное соглашение с палестинцами предполагает демонтаж многих, хотя и не всех, поселений. Опросы общественного мнения показывают, что большинство израильтян с пониманием относится к этой перспективе, но только в контексте реального процесса разрядки. Однако они боятся, что любые односторонние решения демонтировать поселения могут рассматриваться палестинцами и их арабскими сторонниками как признак слабости и могут поощрять дальнейшее насилие.

Например, выход из Южного Ливана в 1999 году может рассматриваться как проявление слабости. Надо заметить, что израильская армия пребывала там не с целью захвата территорий, а единственно для предотвращения террористических атак на города и деревни Северного Израиля.

Но периодические нападения Хезболлы на израильских солдат привели к тому, что премьер-министр Израиля Барак приказал войскам покинуть Южный Ливан. Хезболла поспешила объявить победу над Армией Оборона Израиля.

Это, возможно, подтолкнуло палестинцев на Западном Берегу и в секторе Газа к решению добиться того, что не удалось группе регулярных войск нескольких арабских государств с 1948 года, а именно — нанести поражение Армии Оборона Израиля.

Вероятность мира в регионе. В 1977 году занял свой пост Менахем Бегин, первый премьер-министр Израиля, представитель Ликуда. Перемена власти в Израиле не остановила президента Египта Анвара Садата в его решимости нанести исторический визит в Израиль и выступить в Кнессете. Начался экстраординарный процесс разрядки с его труднейшими переговорами, с его успехами и неудачами. В сентябре 1978 года были приняты Кэмп-Дэвидские соглашения, в которых содержался план осуществления всестороннего мира, включая предложение об *ограниченном самоуправлении для палестинцев* (это предложение было отклонено самими палестин-

цами). Шестью месяцами позже мирное соглашение было подписано, что положило конец 31-летнему состоянию войны между Израилем и Египтом.

Это был знаменательный момент в истории. Несмотря на то, что Садат был антисемитом, откровенно ненавидел Израиль, являлся одним из руководителей и инициаторов нападения на Израиль во время Войны Судного Дня 1973 года, он объединился с Бегинем, руководителем правого крыла власти, в стремлении открыть новую главу в истории отношений между арабами и Израилем. Это доказало, что при наличии доброй воли, мужества и дальновидности — всё возможно.

Но все арабские страны, за исключением Судана и Омана, разорвали дипломатические отношения с Каиром. В 1981 году Анвар Садат был убит членами египетского исламского Джихада, позже ставшего братом по оружию Осаму Бен Ладену и его «Аль-Кайеде».

По заключенному соглашению Израиль уступил обширное пространство Синая (приблизительно 23000 кв. миль), которое обеспечивало стратегическую буферную зону между ним и Египтом. Израиль отдал территорию, на которой были открыты им ценные месторождения нефти (большая жертва со стороны государства, практически не имеющего природных ресурсов), а также закрыл некоторые недавно построенные важные авиабазы и свои поселения в Синае.

Этими действиями Израиль ясно продемонстрировал свое стремление достичь мира, свое желание идти на громадный риск во имя добрососедских отношений, свою скрупулезную пунктуальность в выполнении условий мирных соглашений.

Израиль и Иордания достигли исторического мирного соглашения в 1994 году. Эти переговоры были намного легче переговоров с Египтом, поскольку Израиль и Иордания уже имели хорошие связи, основанные на взаимных национальных интересах. Израиль ещё раз продемонстрировал свою глубокую приверженность процессу мирного урегулирования и готовность предпринять все необходимые в этом направлении шаги, включая изменение границ и соглашение о взаимном использовании водных ресурсов, на котором настаивал Амман.

Очередная возможность достичь мира была отвергнута палестинцами в 2000-2001 годах. Когда Эхуд Барак занял пост премьер-министра в 1999 году, он объявил о своем чрезвычайно честолобивом плане. Израильский лидер заявил, что он попытается добиться мирного урегулирования с палестинцами в течение 13 месяцев, основываясь на базе, созданной его предшественниками в результате Мадридской конференции 1991 года и соглашений в Осло 1993 года. В своем стремлении идти на компромисс Барак пошел гораздо дальше, чем кто-либо в Израиле считал возможным.

При активной поддержке администрации Клинтона Барак двинул процесс достижения компромисса так далеко и с такой скоростью, что выс-

тавил в качестве компромисса даже вопрос о Иерусалиме. Арафат не был готов к подобному ходу переговоров и к тому, чтобы стать достойным партнером.

Вместо того, чтобы продвигаться вперед в направлении, которое могло привести к созданию первого в истории Палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме, он пытался убедить президента Клинтона, что не существует исторических связей между евреями и Иерусалимом, и предъявил заведомо неприемлемые требования — так называемого «прямого» возвращения палестинских беженцев и их потомков в Израиль, и тем самым сознательно положил конец переговорам. Правительство Израиля никогда не могло бы позволить миллионам палестинцев поселиться в Израиле, потому что это означало бы конец существования Израиля как еврейского государства.

К несчастью, Арафат продемонстрировал свою несостоятельность или нежелание, или то и другое вместе, стать достойным партнером за столом переговоров. Вместо переговоров он вернулся к тому, что ему более знакомо, — камуфляжные мирные переговоры при постоянном поощрении насилия.

Он прекрасно понимал, что впечатление от борьбы между тяжеловооруженными регулярными израильскими войсками и легковооруженными палестинцами и их детьми, цинично посланными на бойню лидерами-фанатиками, в глазах общественного мнения будут работать не в пользу Израиля. Израиль будет изображаться агрессором и угнетателем, а палестинцы — невинными жертвами.

Таким образом, не только арабский мир осудит Израиль, но и страны, занимающие нейтральную позицию. Европейцы потребуют гораздо больших уступок от Израиля в попытках умиротворить палестинцев, международные группы по защите прав человека обвинят Израиль в превышении пределов самообороны — и мир, страдающий короткой памятью, быстро забудет, что палестинский лидер только что отверг беспрецедентный шанс достичь мирного соглашения.

Кроме того, он, вероятно, рассчитывал, что Вашингтон в результате давления со стороны Египта и Саудовской Аравии изберет более жесткую линию в отношении Израиля. Арафат надеялся, что Израиль настолько устанет от войны, глубокой международной изоляции, ежедневных потерь среди военного и гражданского населения, что это приведет к подрыву экономики и обороноспособности страны, негативно отразится на состоянии национального духа и решимости народа противостоять врагу.

К сожалению, его расчет в некоторой степени оправдался. Израильтяне потерпели поражение в информационной войне. Руководители масс-медиа пошли на поводу у палестинцев и, как следствие, оказались проводниками необъективного и несбалансированного общественного мнения об израильско-палестинском конфликте. К ним присоединилось множе-

ство международных групп по защите прав человека, закрывающих глаза на нарушение этих прав в арабских странах, и особенно со стороны палестинской администрации. Кроме этого, страны Европейского Союза, за исключением Германии, оказались не всегда способными объективно оценить дилемму обеспечения безопасности Израиля. Конечно, об этой ситуации легко рассуждать, находясь в условиях комфорта и безопасности европейских столиц.

Что может предпринять Израиль для обеспечения безопасности своих границ? Что делали бы другие государства в подобной ситуации? Мы уже прекрасно знаем позицию Соединенных Штатов по отношению к Осаме бен Ладену, «Аль-Кайеде», Талибану и государствам, дающим приют и поддержку террористическим группам. Сегодня мы с удовлетворением констатируем, что слова «ограничение», «диалог», «компромисс» и «понимание» уже не являются частью вашингтонского дипломатического словаря в отношениях с теми, кто несет ответственность за события «кровавого вторника».

Вместе с тем Израиль пришел к пониманию, что он не имеет партнера в мирных переговорах, и его граждане являются объектом преследования со стороны фанатиков — камикадзе, свято верящих, что им предначертано стать мучениками и оказаться в раю, полном изобилия и сексуальных утех.

Несмотря на настойчивые требования со стороны Израиля, палестинская администрация не желает пресечь деятельность террористов, ответственных за смерть многих мирных израильтян.

Уже давно нарушены соглашения, заключенные в Осло. Агрессивные силы палестинской милиции нередко вступают в схватку с израильскими войсками. Требуется отметить, что некоторые из этих групп, включая такие, как Танзим и «Рогсе 17», находятся под прямым контролем Арафата.

Хамас и Исламский Джихад, находящиеся в американском списке террористических групп, имеющие связи с Бен Ладеном и Аль-Кайедой, действуют в условиях относительной безнаказанности в областях, управляемых палестинцами.

Соглашения о прекращении огня постоянно нарушаются палестинцами. Надо заметить, что во время конфликта с Иорданией Арафат 22 раза нарушал соглашения о перемирии до тех пор, пока не был выслан из страны 30 лет назад, В течение же гражданской войны в Ливане он нарушал соглашения более 70 (!) раз.

Идеологическая обработка населения в палестинской автономии противоречит духу толерантности и стремления к миру, который подготовил бы жизненно необходимую почву — фундамент для новой эры добрососедских отношений в этом многострадальном регионе. Наоборот, школы, средства массовой информации, мечети проповедают ненависть к ев-

реям, дискредитируют иудаизм, опровергают сам факт Холокоста, демонируют Израиль и призывают к насилию.

Возможно, события 11 сентября помогут миру понять, какой угрозе противостоит Израиль, и заложат основу для понимания мировым сообществом неизбежности решительного ответа Израйля.

Да, решительный, но и обдуманый. Израиль давно мог нанести сокрушительный удар, но выбрал путь дипломатических, политических и гуманитарных инициатив.

Ведь, даже имея громадное военное превосходство, Иерусалим понимает, что это не тот конфликт, который может быть выигран исключительно на поле военных действий. Ни одна из сторон не собирается исчезнуть. Этот конфликт может быть разрешен только за столом мирных переговоров и только тогда, когда палестинцы будут готовы строить государство рядом с Израилем, а не вместо него.

Израиль — страна демократическая и ведет себя как оплот демократии. И это не всегда легко делать в свете ситуации, перед которой он стоит. Но в то время, когда Израиль постоянно подвергается критике за превышение допустимых пределов обороны, ООП, несмотря на всю визгливую риторику, понимает лучше, чем кто-либо, что приверженность Израйля демократическим ценностям, демократическим методам управления является его ахиллесовой пятой. Палестинцы знают, хотя и не признают этого публично, что демократическая система сдерживает и ограничивает политический выбор Израйля.

Они знают, что Израиль имеет многопартийную политическую систему и что эти партии должны дифференцироваться друг от друга, если желают добиться успеха на выборах. Фактически спектр этих партий включает практически все возможные точки зрения — от крайне левой до крайне правой, от светской до религиозной, русско-еврейской до арабской. Арабское население Израйля в настоящий момент представлено в Кнессете приблизительно 10% мест (при этом несколько арабских парламентариев — членов Кнессета — ассоциируют себя врагами Израйля в текущем конфликте).

Они знают, что общественное мнение в Израиле значит очень многое и оказывает серьезное влияние на политику страны. Как пример можно привести события, связанные с решением правительства вывести войска из Южного Ливана.

Палестинцы знают, что пресса в Израиле свободна, независима и обладает всей информацией о происходящих событиях.

Они знают, что Израиль имеет независимую судебную власть, которая занимает важное место в национальной жизни.

Они знают, что Израиль имеет общество, где процветают гражданские свободы и деятельность многочисленных групп по правам человека основана на их объективности и беспристрастности.

Они знают, что Израиль защищает свободу веры для всех религиозных общин. И не желая нагнетать напряженность в отношениях с мусульманами, власти даже закрыли для евреев доступ на Храмовую Гору, одну из святынь иудаизма. Поскольку мусульмане построили там две мечети, после 6-дневной войны Израиль передал контроль над горой мусульманской религиозной администрации.

Палестинцы знают, что Израиль прислушивается к реакции мирового общественного мнения на его политику.

Они знают, что, основываясь на гуманистических принципах еврейской традиции, Израиль придает большое значение этическим и моральным стандартам поведения даже тогда, когда, время от времени, не имеет возможности им полностью следовать.

То есть, в конце концов, палестинцы понимают, что в поведении Израиля имеются добровольные ограничения, прежде всего потому, что Израиль — это демократическое государство и его правительство ответственно перед своими гражданами.

Если бы только Средний Восток походил на Средний Запад! Вы не думаете, что это помогло бы решению конфликта? Помните ли вы, когда в последний раз демократическая страна совершала военное нападение на другую демократическую страну? К сожалению, демократия на Среднем Востоке — вещь очень редкая.

Палестинцы помнят, как сирийский диктатор Хафез Ассад поступил с исламскими фундаменталистами, убив 10–20 тыс. человек в Хаме и сравняв город с землей, чтобы другим неповодно было.

Они знают, как иракский диктатор Саддам Хусейн обрабатывал курдов ядовитым газом, убивая их тысячами и уничтожая сотни их деревень.

Они знают, как Кувейт реагировал на желания своих собственных палестинцев помочь Саддаму Хусейну в войне в Заливе, попросту выбросив 300 тыс. палестинцев из страны.

Они знают как Саудовская Аравия отреагировала на поддержку Йеменом Саддама Хусейна в ходе той же войны. В течение 24 часов (!) из страны были высланы 600 тыс. йеменцев.

Они знают, как Египет поступил со своим собственным исламским радикализмом в 1990-х годах. Без фанфар, без отражения в средствах массовой информации в течение нескольких лет тысячи этих радикалов были либо убиты, либо оказались в тюрьме.

Палестинцы рассчитывают на то, что Израиль не будет следовать ни одному из этих примеров. Сила Израиля в демократии, но за нее приходится дорого платить. Палестинцы стремятся воспользоваться этой ситуацией. Но они сделали одну фундаментальную ошибку — они недооценили желание Израиля выжить.

Израильяне отчаянно желают мира. Но мир любой ценой — это не мир. Израильяне больше не хотят кровавых сюрпризов в виде бомб в автобу-

сах, торговых центрах, дискотеках и т. д. Они не хотят больше хоронить своих детей — жертв террора или военных действий. Короче говоря, они хотят нормально жить и демонстрируют эту готовность снова и снова, постоянно идя на компромиссы, даже на те из них, которые потенциально опасны для страны.

Израильтяне, однако, получали болезненные исторические уроки. Мир, построенный без учета интересов безопасности, равносителен национальному самоубийству. И кто знает лучше граждан Израиля, среди которых и жертвы Холокоста, и беженцы от коммунистического режима и арабского экстремизма, насколько опасна преждевременная потеря бдительности.

Как могут израильтяне игнорировать призывы Ирана и Ирака к уничтожению Израиля, жадный аппетит в Тегеране и Багдаде к приобретению оружия массового поражения, гостеприимство Сирии по отношению к террористическим группам, целью своей ставящим уничтожение Израиля, накопление Хезболлой ракет с малым радиусом действия, способных достичь северной трети Израиля, чудовищные призывы к самоубийцам-террористам нападать на Израиль, раздающиеся в секторе Газа и на Западном берегу.

Наш мир не слишком расположен к наивным, доверчивым или склонным к самообману. Гитлер точно знал, что он имел в виду, когда писал «Майн Кампф». Саддам Хуссейн точно знал, что он имел в виду, когда утверждал, что Кувейт является провинцией Ирака, и Осам Бен Ладен точно знал, что он имел в виду, когда призывал к убийству как можно большего количества американцев.

Израиль живет в окружении очень опасных и коварных врагов. Чтобы выжить в этих условиях, он должен проявить мужество как на поле битвы, так и за столом переговоров, проходя достойно через все испытания.

Израиль стоит перед неразрешенными проблемами в своем регионе и заслуживает всестороннего понимания и поддержки.

Нью-Йорк, октябрь-декабрь 2001

«БУБЛИКИ» ДЛЯ ПРОКУРОРА

Письмо Якова Ядова А.Я.Вышинскому

Яков Ядов — безвестный автор знаменитых песенок и среди них знаменитейшей — «Бублики»:

*Ночь надвигается,
Фонарь качается,
И свет врывается
В почную мглу...
А я, немтая,
Тряпьем покрытая,
Стою, забытая,
Здесь на углу...*

Песенка, поющая на разухабистый одесско-еврейский мотив, озвучила и пометила целую эпоху — эпоху НЭПа, 1920-е годы, и стала как бы ее музыкально-вокальным символом, ее звучащей визитной карточкой.

Необыкновенная популярность «Бубликов» (не угасшая до сих пор, спустя почти восемь десятков лет) существовала на фоне полной анонимности, словно песенка возникла сама собой, не имея у своих истоков родителей — автора текста и автора музыки, какого ни есть стихотворца и композитора (или хотя бы аранжировщика). Свято место, даже место «Бубликов», не бывает пусто. Анонимность, как беспокойную занозу, хотелось вытащить, и на роль автора, на строчку имени впереди текста, то выдвигались добротами, то самостоятельно претендовали разные персонажи. В воспоминаниях Ирины Одоевцевой «На берегах Невы», например, содержится несколько страниц о некоем петербургском графомане-стихотворце, якобы авторе «Бубликов», на самом деле мнимом. Непонятно, что двигало мемуаристкой — искреннее ли заблуждение, aberrация памяти или мистификаторский порыв.

В действительности песенка была написана Яковом Ядовым в 1926 году в Одессе для куплетиста Г.М.Красавина. В рассказе куплетиста, наговоренном на магнитофон (1956), эта история выглядит так:

«Приехав на гастроли в Одессу, я был поражен, что, пока я ехал с вокзала к Ядову на Сумскую улицу, всю дорогу меня сопровождали возгласы: «Купите бублики!» Мне захотелось иметь песенку с таким припевом. О своем желании я сказал Ядову и сыграл на скрипке, с которой обычно выступал, запавшую в память мелодию. Яков Петрович разразился обычным для него бурным смехом и сказал жене Ольге Петровне своим сильным голосом: «Ставь самовар для артиста. А я буду печь бублики...» Полчаса стучала в соседней комнате машинка. В тот же вечер я с листа исполнял «Бублики» в «Гамбри-

нусе. На следующий день Одесса запела «Бублики»...» (Москва с точки зрения: Эстрадная драматургия 20-х — 60-х годов. — М., Искусство, 1991. — С. 361. Публикация Г.М.Полячека).

Нет смысла рассказывать здесь биографию Якова Петровича Давыдова: публикуемое письмо как раз и представляет наиболее полную сводку сведений об авторе «Бубликов» и сотен других хлестко зарифмованных песенок, стихотворных фельетонов, сатирических сценок, эпиграмм, которые на протяжении трех десятилетий звучали со множества столичных и провинциальных эстрад, появлялись на страницах десятков газет (в том числе — киевских) под псевдонимами Аника Воин, Жгут, Мартын Задека и наиболее употребительным — Яков Ядов.

Стоит напомнить, пожалуй, об адресате письма — Андрее Януарьевиче (у Ядова — Януаровиче) Вышинском. Меньшевик, переметнувшийся к большевикам после их очевидной победы, он стал служить им с беспощадной яростью ренегата, пачками подводя своих бывших товарищей к расстрельной стенке. Предупредительная преданность Вышинского была замечена и отмечена: он сделал блестящую карьеру. В первой половине 1930-х годов он был уже заместителем генерального прокурора СССР. Именно его выбрал Сталин для инсценировки и режиссуры знаменитых процессов 1935-1938 годов, которые Вышинский провел уже в качестве генерального прокурора, с пафосом провозглашая все продиктованные Сталиным обвинения. Затем он стал министром иностранных дел и постоянным представителем СССР в ООН. Но в памяти современников он остался прежде всего как прокурор, исполнитель самых кровавых заказов Сталина. И вот к нему-то обращается с письмом о помощи Яков Ядов, исполнитель заказов массовой эстрады, и тон этого письма поневоле сбивается на «Бублики»:

*Берите бублики
Для всей республики,
Гоните рублики
Сюда скорей.
И в ночь ненастную
Меня, несчастную,
Торговку частную
Ты пожалей...*

Неизвестно, пожалел ли А.Я.Вышинский Ядова: в том же 1940 году, которым датировано письмо, Яков Петрович скончался.

Письмо Я.П.Ядова А.Я.Вышинскому публикуется по ксерокопии, любезно предоставленной Сергеем Дмитриевичем Бобровым (Пятигорск). Редакция «Егупца» выражает С.Д.Боброву самую искреннюю благодарность.

Глубокоуважаемый Андрей Януарович!

Меня зовут Яков Петрович Давыдов-Ядов. 55 лет. Писатель. Стаж — 28 лет.

Работал в качестве стихотворного фельетониста в советских газетах: «Одесские известия», «Станок», «Моряк» (Одесса), «Трудовой Батум», «Пролетарий», «Всеукраинский пролетарий», «Харьковский пролетарий» и «Коммунист» (Харьков), «Красное Знамя» (Владивосток).

В Москве живу с 30 года. Здесь изредка печатался в газетах «Труд» и «Вечерняя Москва».

До Октябр[ьской] революции печатал фельетоны в Николаеве, Одессе и Киеве.

Подобно многим представителям старой интеллигенции, испугался революции и попятился назад. Но жизнь научила меня уму-разуму. Эта наука дорого мне обошлась. И в итоге я нашел свое место в рядах честной советской интеллигенции. С 20 года на моей писательской репутации нет ни одного пятнышка.

Почти одновременно с газетой, я начал работать на эстраде. Хорошо знаю как старую, дореволюционную эстраду, так и современную, советскую. По исполняемости на эстраде занимаю одно из первых мест.

И вот, то обстоятельство, что я работаю исключительно для эстрады, знаю и люблю эстраду, и эстрада знает и любит меня, — служит источником непрерывной цепи горьких обид и незаслуженных оскорблений.

Дело в том, что эстрада до сих пор — запущенный участок советского искусства. И потому эстрадный драматург, по мнению наших литературных вельмож, человек второго сорта. Этот неписанный закон я до сих пор чувствую на себе.

При всем этом у меня очень скверный характер: я не умею подлаживаться и приспособливаться. Во времена владычества РАПП'а я не раз высказывался против рапповских установок в области эстрады. И меня решили ликвидировать. В 29 году в Ленинграде, где я тогда жил и работал, организовалось т.н. ОСЭ (общество советской эстрады).

Свою деятельность ОСЭ начало борьбой с «ядовщиной».

Видя, что силы неравны, что меня могут угробить, я уехал в Москву. В мое отсутствие, за неимением Ядова, ОСЭ ликвидировало эстраду вообще, а затем самоликвидировалось.

Но в Москве я не спасся. Рапповцы устроили мой «творческий вечер». на котором разгромили меня в пух и прах, причислив к лику классовых врагов. При этом один из ораторов с циничной откровенностью заявил: — Ядова надо ликвидировать, так как из-за таких, как он, нас (т.е. рапповцев) на эстраде не исполняют.

Этот «творческий вечер» стоил мне кровоизлияния в мозг, к счастью, легкого. Вызванный врач настаивал на немедленном помещении меня в

больницу. Но как не члена профсоюза (мне было отказано в приеме) меня ни одна больница не брала. Рапповский секретариат тогдашнего Всероскомдрама отказался мне в этом помочь. Гибель казалась неизбежной. Тогда жена обратилась с письмом к тов. Сталину с просьбой помочь ее мужу выздороветь. И немедленно из секретариата тов. Сталина последовало распоряжение о предоставлении мне всех видов лечения. Меня положили в больницу, и я был спасен.

Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 32 года разогнало рапповских бандитов. Но фирма Киршон и К^о уцелела, и киршоны и киршончики, орудовавшие на эстраде, не оставляли меня в покое. По профсоюзной линии меня вдруг решили перевести из группкома драматургов в какой-то другой группком: не то коммунальщиков, не то деревообделочников. Этот удар мне удалось отпарировать. Затем вдруг Литфонд известил меня, что меня исключают из Литфонда, так как моя литературная продукция не имеет художественной ценности. Но аккуратно взимать 2% с авторского гонорара, получаемого за «нехудожественную» продукцию, Литфонд продолжает до сих пор. Кстати сказать, — ни одной строчки из моих произведений ни один из литфондовских заправил не видел.

Пока я был относительно здоров и трудоспособен, я мало придавал значения этим булавочным уколам, твердо веря, что нынешние литературные вельможи — калифы на час.

Но когда от чрезмерной нагрузки большое сердце стало сдавать, я почувствовал весь ужас бездушного отношения ко мне со стороны братьев-писателей.

Еще в прошлом году я заболел от переутомления. Врачи настаивали на отдыхе. Но для отдыха нужны деньги. Обратился в Литфонд с просьбой о ссуде под гарантийное письмо Управления по охране авторских прав. Отказали. Причина — не член Литфонда. Подал заявление о принятии в члены Литфонда. Положили под сукно. Жена опять написала тов. Сталину. Подействовало, дали 2 тысячи. Ссуду я быстро погасил. Это было в апреле прошлого года. А 23 сентября я окончательно свалился. Диагноз: стенокардия с декомпенсацией сердца.

10 октября меня в почти безнадежном состоянии отвезли в Басманную больницу. И пока я на больничной койке боролся со смертью, моя жена боролась с человеческим бездушием. Никто из писательских организаций пальцем не шевельнул, чтоб мне помочь. Всюду жена натыкалась на ледяную стену равнодушия. Группком драматургов прислал ко мне в больницу товарища, который любезно осведомился, не нужно ли мне чего? Что я ответил, не помню. Но этим визитом помощью группкома была исчерпана. Касса взаимопомощи нашла возможным выдать мне 750 рублей, принимая во внимание, что за мной числится задолженность. О возврате этой ссуды касса уже мне напомнила с начислением пени. Жена обратилась опять в Литфонд, прося ссуду под гарантийное письмо УОАП'а.

Просила 2 тысячи, дали тысячу. Такая щедрость объясняется тем, что литфондовский врач, осмотревший меня, дал самую пессимистическую оценку моему здоровью, и заправили литфонда надеялись, что эта ссуда будет последней.

Но вопреки мрачному врачебному прогнозу, я выкарабкался из лап смерти, проболев больше полугода. Сейчас я на пути к выздоровлению, но мне необходим еще отдых и еще лечение. Но все ресурсы иссякли. На скупочных пунктах осталось все, вплоть до самовара.

И пришлось мне раньше срока усесться за письменный стол и выполнять эстрадные заказы.

Это сразу сказалось. Появились опять отеки ног, припадки удушья. Словом, надо начинать лечение сначала. Обратился в Литфонд с просьбой о ссуде 4 тысяч с погашением в течение года. И мне отказали по тем же мотивам: не член Литфонда. А мое заявление о принятии в Литфонд больше года маринуется под сукном. Но отчисления с моего авторского гонорара Литфонд до сих пор аккуратнo получает. Я дал уже Литфонду много тысяч рублей, а мне отказывают в небольшой ссуде в тот момент, когда поставлена на карту моя жизнь.

Единственный человек, который по настоящему, по-большевистски старается помочь больному товарищу, это тов. Хесин, директор Управления по охране авторских прав. Он делает все, что только возможно, и много мне помог. Но его возможности крайне ограничены. Он только директор учреждения, ведающего авторским гонораром. Он дал мне гарантийное письмо, он бомбардировал Литфонд телефонными звонками, прося дать мне ссуду, ручаясь за своевременное ее погашение. Но Литфонд глух и нем.

Больно и обидно. За всю свою жизнь я ни разу не просил о бесплатной помощи. Я просил только ссуду с погашением. Но мне отказали в то время, как другие товарищи, умеющие писать только заявления о ссуде и бесплатных путевках, получают и ссуды и путевки.

Андрей Януарович! Мне только 55 лет. Хочется еще жить и работать. Тяжело и больно сознавать, что Литфонд превращается в кормушку для многих бездельников, а мне, старому писателю, отказывают в праве на отдых и лечение. Я хочу только одного: восстановить свое здоровье и трудоспособность настолько, чтоб по мере сил быть полезным дорогой Родине. Помогите мне в этом, Андрей Януарович!

Я.Давыдов-Ядов

Все справки обо мне может дать тов. Хесин, директор Управления по охране авторских прав. Тел. В-1-35-87

Я.Давыдов-Ядов

Григорій Кочур

ЛИСТИ З ІНТИ

В історії культури трапляються періоди, коли — з різних обставин — головні літературні події та й сам літературний процес відбуваються не у так званій «оригінальній» творчості високопосадових письменників, а, здавалося б, на периферії — у невидкій роботі драгоманів-перекладачів. У російській літературі такий період можна спостерігати, наприклад, у XVIII столітті, у Петровську добу. В українській — у п'ятдесяти-сімдесяти роки століття двадцятого, коли головним зберігачем національних цінностей, перш за все — мови, виступала саме перекладна література, поезія і проза. Майбутній історик напевне зазначить, що головною постаттю культурного розвитку на той час був самовідданий перекладач, дарма що з офіційною репутацією «дургорядного», «допоміжного» літературного працівника. Українська культура висунула чималу когорту дивовижних майстрів художнього перекладу, що «на сторожі поставили слово» (за шевченковим виразом) — і самі стали на його сторожі. Такі майстри, справжні апостоли культури, як Микола Лукаш, Григорій Кочур, Євген Дроб'язко, Борис Тен дійсно врятували українське слово. По них залишилась величезна кількість перекладів світової літератури, причому перекладів найвищого — світового! — гатунку.

За наклепницьким звинуваченням Григорій Кочур у 1945-1953 роках перебував на ув'язненні в Інтинському таборі (республіка Комі). Після звільнення він зробив спробу повернутись до Києва, але швидко з'ясувалось, що годі сподіватись на існування у великому місті за допомогою мізерного літературного заробка, і колишній в'язень змушений був оселитись поблизу нещодавнього табірного ув'язнення. Його листування з другом і колегою Євгеном Дроб'язком, власне, з родиною Дроб'язок — пречудовий документ доби, свідoctво тієї доброї «змови», в яку вступили Кочур і Дроб'язки, задля дружби на користь рідної культури, проти її ворогів і культивованої ними вороженечі. Наслідком цієї «змови» були численні віршовані переклади, не лише ті, що Кочур наводив у своїх листах до Дроб'язок, пропонуючи їх на дружній суд. Згодом, в інші часи, ці переклади були надруковані, але було б безглуздя вилучати їх з листів при публікації: чи не в них сенс листування двох майстрів? Вважає протиріччя поміж напівжєбрацьким існуванням Григорія Кочура — і висотою його творчих поривань, поміж побутом і Буттям митця.

Мирон Петровський

I

13.X.1956

Дорогі Ліє Наумівна та Євгене Антоновичу!

Додому¹ приїхали вчора і це перший лист с милого севера в сторону южну. Дотримуватимусь хронологічної послідовності: до Білецького² я сходив. Гоцці³ в нього нема, але дізнавшись про чехів, він добув історію чеської літератури від кінця минулого століття до сьогоднішнього дня й віддав мені. Далі ми відправили книжки (30 кг) і поїхали самі. Проводжали нас 9 персон. У Москві залишили речі в знайомих, де бібліотека є ареною боротьби двох світоглядів. Мати на двох папірцях, що красуються в шафі, пише:

Не шарь по полке жадным взглядом, —
Здесь не даются книги на дом:
Лишь безнадежный идиот
Знакомым книги раздает.

А на другому:

Просящему книгу отруби руку,
Дающему книгу отруби обе руки.
(*Китайская мудрость*)

А хлопці на звороті пишуть:

Мы ведь люди, а не волки:
Забирай любую с полки.
Только скряги и сквалыги
Не дают знакомым книги.

І на другому:

Просящему книгу дай две.
(*Японская пословица*)

Ці речі повертаються до гостей то одним боком, то другим. Понеділок був присвячений знайомим, вівторок — білетам, книгарні й від'їзду. Моя книжкова здобич у знайомих зводиться до «Немецких поэтов» Эльснера, «Второй книги стихов» Заболоцкого⁴, дев'ятого № Знамени з віршами Пастернака, порції недрукованого Пастернака і того тома англійської літератури, де є стаття про Кітса⁵. Одвідування книгарень дало тільки

декількох чехів і поляків. В німецькому відділі я облизався тільки на 12-томового Т.Манна⁶, який проте тягне 280 карбованців. Я пожалів, що мені на від'їзд потрібно було 400, а не 680 карбованців, але вже пізно було.

Після тепла в Києві в Москві видалось холодненько. Провели нас уже не 9, а тільки 3 особи, щоправда одна з айстрами, які ми привезли аж сюди.

Ще в Москві добув «Жуков-дровосеков» і почув історію того, як Пастернаків роман друкуватиметься в Італії⁷.

Бачив іще збірник «День поезії». Його мені тільки обіцяли дістати, якщо пощастить. Він надзвичайно інтересний. Тут його продавали дійсно таки в день поезії й брали так, що на другий день жодного примірника не було. Правда, очевидно була готова тільки частина тиража.

Наближаючись до наших місць, ми побачили сніг. Лежить він і тут. Сперш було сумно, а головне, холодно. А сьогодні я вже дійшов до висновку що тут чудова інтинська погода, варто тільки акліматизуватись.

Розставив книжки в потрібному порядку й думаю, чекаючи Золя, розпочати чехів⁸.

А їхали ми даремно: Іру⁹ все одно звільнили, — оказується, що коли вона їхала, то там склалося враження, що вона їде на місяць, а тут нема два. Словом, сказали, що сталось непорозуміння. І обіцяли щось зробити. А як не зроблять, теж біда невелика. Вона вітає Вас (не біда, а Іра).

Оце і всі наші новини. У Вас їх напевно більш — чекаємо.
Передавайте привітання всім, хто ще не встиг нас забути.

Г.

¹ Коми АССР, Инта, Сельхоз. ул. Заречная — за цією адресою мешкав тоді Г.П. з дружиною після звільнення з інтинського ГУЛАГу.

² Білецький Олександр Іванович (1884-1961) — видатний український літературознавець, академік АН УРСР, віце-президент АН УССР, директор Інституту літератури ім. Т.Г.Шевченка.

³ Гоцці Карло (1720-1806) — італійський драматург, поклав початок новому жанру - казці для театру.

⁴ Стихотворения, М., 1948; Заболотький Микола Олексійович (1903-1958) - російський поет, перекладач.

⁵ История зарубежной литературы XIX в. Т. I. М., 1955. Джон Кітс (1795-1821) — англійський поет-романтик.

⁶ Gesammelte Werke. Bd 1-12. В., 1955; Томас Манн (1875-1955) — німецький прозаїк.

⁷ «... як Пастернаків роман друкуватиметься в Італії...» — Пастернак Борис Леонідович (1890-1960) — російський поет, прозаїк передав свій роман «Лікар Живаго» для друку в італійське видавництво, що було нечуйним порушенням

«радянської моралі». Роман вийшов у 1956 р., а в 1958 р. за нього Пастернаку було присуджено Нобелівську премію, від якої він був змушений відмовитись.

⁸«... розпочати чехів» — почати перекладати чеських поетів українською мовою.

⁹Ірина Михайлівна — дружина Г.Кочура.

II

9.XII.1956.

Друзі!

Це вже друга спроба перебороти Ваше мовчання, на цей раз більш ділова. Справа в тому, що можна вже робити якісь підсумки після повернення сюди, а підсумки не дуже втішні. Почуваю, що авантюра з романом Золя десь провалилась. Для мене Золя був тільки справою престижу, так що з погляду чисто робочого я навіть радий був би здихатися Золя, але ця невдача може бути початком усіх інших. Якщо взяти до уваги, що скоро, не зважаючи на відомі ускладнення в світі, наша справа таки дійде до кінця, то я просто боютимусь довірити свою долю видавничим примхам. От тепер я сиджу над чехами і десь у глибині душі сховане передчуття, що це все марне, що десь там у зв'язку з місячником чесько-радянської дружби нашвидку зладять чеську антологію за надісланим зразком (його ми бачили в Солонька¹), нароблять спішно підрядників², спечуть і випустять. І от мені здається, що Євген Антонович повинен би був викроїти з свого життя 10 хвилин і зробити мені стисло інформацію про ті видавничі справи — до кого ж мені вдатися, як не до Вас? Ліе Наумівна, вплиньте якимось на нього, щоб він це зробив, та й самі напишіть маленьку сторіночку.

Чехи, про яких я говорю, покишо два — Петр Безруч³ і Франтішек Гельнер⁴. Перший — постать своєрідна. Він досі живий, йому 89 років, а єдина класична його збірка «Сілезькі пісні» містить у собі 88 поезій. На мою думку, один вірш на рік життя — це якраз норма. Інакше поезії робляться дріб'язковими, одноманітними, і навіть значний поетичний талант не рятує від певної невправності. Так от, є в мене велика збірка Антоніна Сови⁵. Це один з найбільших їхніх символістів — в усякому разі його навіть у свій час ставили на друге місце (після Бжезіни⁶), а тепер ладні перенести на перше. Суша біда вибрати щось із нього для антології. Все однаково віртуозне і все однаково невправне. Натомість у Безруча кожен з 88 віршів — у більшості випадків становить якусь подію, і значними здаються навіть поезії на більш-менш звичайну тему. Він буде представлений у мене, очевидно, десятками двома поезій. Другий, Гельнер, у нас невідомий зовсім, він загинув у 1914 році на фронті десь там поблизу Швейка, маючи 33 роки. Поет химерний і, як прийнято в нашій критиці говорити, глибоко протирічливий. Є в нього мотиви богомні, не без дека-

дентського присмаку, і одночасно тема бунту — він один з учасників Нейманової групи⁷. В усякому разі, поет яскравий. Збілочка його видана в серії «Kvety ceske poesie» 10-12 його поезій теж варто було б дати.

Крім них, на черзі у мене Врхліцький⁸, Сова, Нейман, Волькер⁹, Гора¹⁰, Завада¹¹, Сейферт¹² і трошки Незвала¹³, а з словаків — Гвездослав¹⁴. Неруди¹⁵ тільки один вірш, із тих, що не ввійшли в українську збірку. Чеха¹⁶ не знаю чи виберу що. Решти поетів не маю. Найбільше мрію про Бжезіну. Добре було б, якби були в мене Томан¹⁷, Маха¹⁸, Махар¹⁹, Главачек²⁰, О.Фішер²¹, Бібл²². Може й дістану. «На съедение» шлю декілька перекладів, у тому числі один предовгий. Краше було б їх читати з оригіналами, та переписувати — то каторга. Робить зауваження так, виходячи з уявлення, що змістові особливості передані точно, а ритмічні й усякі інші властивості по змозі збережені.

А головне — хочу знати всю правду про видавництво.

Більш нема нічого нового. Книжок тут немає. Прислали Шевченка в польських перекладах. Ір.Мих. на роботу спізнилася і не працювала. Шила зимове пальто. Одержала з міністерства диплом. Учора приходили з тієї ж самої школи, щоб 15-го поверталась на роботу. Так кінчається її незалежність.

Чи Ви «День поезии» дістали? А Хафіза²³? А ще що?

Лія Наумівна, а де мій Пастернак?

Виявилось, що в Москві зберігалось декілька моїх книжок, в тому числі Сапфо²⁴ в оригіналі. Це якраз добре, бо дасть мені змогу виправити свої старі вправи. Передавайте привітання синові, а також усім, хто мене запам'ятав, приходячи до Вас. Іра вітає.

PS Заздалегідь шлем новорічні побажання.

Г

Петр Безруч

* * *

Я жив собі, наче кінь степовий,
 Шануючи тільки свободу.
 Вже й скрипку — місток до людей живий —
 Закинув давно я в воду.
 І як ту струну до серця сюди
 Уклали боги незичливі?
 Напів від горілки, напів від біди
 Сп'янілий, сплітав я співи —

Вінок із кропиви та будяків,
Герном і слізьми повитий:
Я ж був із Сілезії — сто чортів! —
Інакше не міг говорити.

Без мене й зі мною

Без мене, без мене весь цвіт народу,
Без мене натхнення — славить свободу,
Без мене личка дівочі вродливі,
Без мене гучних веселощів зливи.
Зі мною ж, зі мною нива нужденна,
Хліб чорний — убогих їжа шоденна,
У наймах дівча під дощем надворі,
Старий на вимінку* в кривді та горі.
Без мене цимбалів і гусел струни,
Без мене пам'ятники й трибуни,
Без мене голови мудрі, вінчані,
Без мене літописи й святкування.
Зі мною ж, зі мною весь жаль народу,
І юність, що канула наче в воду,
Сумної пісеньки слово несміле
Та ще на цвинтарі — предків могили.

Тільки раз

Не знаю, де й коли
Мені почути довелось переказ.
Десь є в північному краї
Закрита горами смутна долина:
Вона скорботна й темна,
Бо не спинялось там ніколи сонце.
Живе там люд похмурий

* Старий на вимінку — явище, характерне для Сілезії. Старий селянин, лишившись самотній, віддавав усе господарство синові, або дочці, які натомість повинні були його забезпечувати одягом і їжею. Очевидно, це давало привід до багатьох кривд і конфліктів. Я подумував, чи не зробити цей рядок нейтральним, позбавити чеської специфіки, але вирішив так залишити.

Серед снігів, у юртах, повних диму.
Чоловіки близ вогнищ —
У них від золота дорожче слово, —
Сумні жінки за ними,
А в кожушинах дітлахи — позаду.

Вже хто зна, як то сталось,
Чи, може, збилася земля з дороги,
Що там засяло сонце.
І люд метнувся одразу в чорні юрти,
Наляканий тим слявом.
Камінцями заваливши кожен вихід,
Упали всі на землю
І демона незнаного благали,
Щоб він життя лишив їм.
Навкруг тим часом
Проміння розтопило сніг одвічний,
І під устами сонця
Неплідний ґрунт зростав фіалок цвіт.
Та як узрів бог сонця
Ту мертву тишу, боязкі благання —
Пройшов долину
І більш ні разу вже в той бік не глянув.

Та страх минувся,
І люди зважились покинуть шатра,
І на землі вологій
Їх стріли квіти і пахоші незнані.
Побачили вони, що добрий бог
На них прихильним оком подивився.
І водночас відчули,
Що день той більш не вернеться ніколи.
І тут ще глибша туга
Смутних чоловіків схилила в'язи
І голови жінок,
І так жили — у тій подвійній тузі,
Бо знали, що проходив
Весь блиск життя по їх землі похмурій,
І зник він їх виною
І більше не поверне.

*

Повз мене тільки раз пройшла любов.
По пояс чорні коси,
Солодкий голос — він мені промовив:
«Ви, знаю, серцем добрі,
Щаслива буде з вами кожна жінка».
І погляд соромливий
Сказав ще більше, ніж слова ці любі, —
А так вони бриніли,
Як тільки в нас у Тешині говорять,
У ріднім краї.
Та я, що вже допив
Із келиха життя гіркий оденок
І білі сторінки усі вже вирвав
Із книги життєвої,
Відмовив гірко, голосом жорстким —
Говорить так в Оставі тлум шахтарський:
— Без міри буде той щасливий, панно,
Хто стане вашим мужем,
Та чи ж троянда всохлий куш оздобить?

А я ж кохав її, і от вона за іншим,
Загасла ватра, сутінки на серці,
І над життям моїм без краю смуток,
Коли згадаю часом,
Що йшла любов повз мене ніжним кроком,
І двері зачинив я перед нею
І більш вона не вернеться ніколи!

Фр. Гелльнер

З циклу «Спартаківі казання» (чи промови?)

Плечи звисли, мова стихла — так ви, друзі, сидите.
Зблідлі чола горем биті, сум шомить в очах росте.

Журитесь, що завтра в цирку, взявши згубний меч до рук,
Відасте життя за грубий рев юрби, за сміх і гук.

З тих, що мучать їх сьогодні болісні передчуття,
Скільки на піску арени ляже завтра без життя!
От що, друзі, й ви, для котрих завтра днів скінчиться біг:
Зброя наша, руки наші — в нас надія лиш на них.

Переповнений келих

Тримаю келих я в руці,
По вінця повний він і пінний.
Тримаю келих я в руці —
Чекає він лиш уст людини.
До всохлих борозен вино,
Здається, з нього переллється,
Зависне краплями воно
На мрійних квітах в іншій світі.
І під вагою крапель тих
Землі торкнуться мрійні квіти,
І сяйвом пахошів своїх
Той келих інший світ освітить.
Тримаю келих я в руці.
Чекає він лиш уст людини.
Тримаю келих я в руці —
То власне серце, повне й пінне.

Прогулянка

Бігли по небу білі хмари,
У листі чув я співи пташині,
Палило сонце у спину парко,
Як походжав в міському парку.
Лилось проміння крізь віт мережку
В візки дитячі, на жовту стежку,
А скрізь дівчатка, в ясне убрані,
Лавки обсіли — в руках романи.
Цей день весняний на мить коротку
Повив свідомість у млюсть солодку,
В душі замовкнув бентежний гомін —
Смутне сьогодні, про давнє спомин.
Я зводив очі до небосхилу,
Ловив у небі хмаринку білу, —

Плила хмаринка, мов білий човник,
Вдаль, вдаль по водах, блакиті повних.

* * *

Зрештою, всякий смуток —
Хвилі річної плин.
Справді, яюсь живеться,
Яюсь настане й скін.
Є в тім житті короткім
Радощі й болі — все.
Отже, мов гість бажаний,
Смерть нам спокій несе.
Вже мене пристрастна туга
Більше вперед не жене.
Більше життя не впоїть
Чаром своїм мене.
Навіть і чорні очі
Вже перестали мануть.
Тільки болісна пісня
Досі в душі бринить.

¹Солонько Леонід Тихонович (1924-1975), на той час — редактор Держлітвидаву УРСР.

²«...нароблять спішно підрядників...» — при розподілі творів між перекладачами перевага надавалась поетам-лауреатам різноманітних премій. Багато з цих постів, що з'являлись у 20-30 роках минулого століття, були талановиті «від Бога», але не мали певної освіти і не володіли іноземними мовами. Тому й робились підрядники для «іменитих», а залишки розподілялись між перекладачами-професіоналами.

³Петр Безруч (справжнє ім'я та прізвище Владимир Вашек, 1867-1958) — народний митець кол. ЧССР. автор усевітньо відомих «Сілезьких пісень».

⁴Франтішек Гелльнер (1881-1914). Чеською мовою прізвище Gellner, надалі Кочур писав Гелнер (див. «Чеська поезія. Антологія» за ред. Г.Кочура та М.Рильського. К., Держлітвидав УССР, 1964).

⁵Антонін Сова (1864-1928) — чеський поет. видатний майстер вірша.

⁶Бжезіна (Brezina) — Отокар Бржезіна (літ. псевд. Влацлава Єбавого, 1868-1929) представник символістського напрямку в чеській поезії (написання псевдоніму і прізвища прийнято за згаданою раніше антологією чеської поезії).

⁷«Найманова група». Молоді поети групувалися навкола журналів «Новий Культ» і «Червен». Засновником журналів був Станіслав Костка Нейман (1875-1947) — чеський поет, прозаїк, публіцист. Один з засновників чеської реалістичної літератури.

⁸Ярослав Врхліцький (справжнє ім'я та прізвище Еміль Фріда, 1853-1912). Поет лірик, епік, перекладач, автор багатьох драматичних і прозових творів. Дійсний член Чеської Академії наук та мистецтв і багатьох зарубіжних наукових установ.

⁹Іржі Волькер (1900-1924) — представник молодого покоління чеської революційної поезії початку 20-х років.

¹⁰Йозеф Гора (1891-1945) — поет, прозаїк, перекладач.

¹¹Вілем Завада (1905-?) — поет-лірик.

¹²Ярослав Сайферт (1901-1986) — поет, перекладач. Лауреат Нобелівської премії.

¹³Вітєслав Незвал (1900-1958) — поет, прозаїк, драматург. Лауреат Державних премій, народний митець кол. ЧССР.

¹⁴Гведослав (Павол Орсач, 1849-1921) — поет, перекладач. Збірка: Словацька поезія. Антологія. Вийшла в 1964 за редакцією Григорія Кочура, Леоніда Первомайського, Максима Рильського.

¹⁵Ян Неруда (1834-1891) — поет, прозаїк. Голова реалістичного напрямку в чеській літературі.

¹⁶Сватоплук Чех (1846-1908) — поет-епік, прозаїк.

¹⁷Карел Томан (Антонін Бернашек, 1877-1946) — чеський поет, представник так званої генерації дев'яностих років.

¹⁸Карел Гінек Маха (1810-1836) — основоположник і видатний представник чеського революційного романтизму.

¹⁹Йозеф Сватоплук Махар (1864-1942) — чеський поет, видатний представник покоління дев'яностих років.

²⁰Карел Главачек (1874-1898) — чеський поет-символіст.

²¹Отокар Фішер (1883-1938) — чеський поет, драматург, перекладач, літературний і театральний критик.

²²Константин Бібл (1898-1951) — чеський поет.

²³Хафіз (Шамсидін Мухамад, початок XIV ст.). Г.К. мав на увазі збірку Хафіза: Лирика. Перевод с фарси, М., 1958.

²⁴Сапфо — старогрецька поетеса 1-ї пол. VI ст. до н.е.

III

8.1.1957

Дорогая Лия Наумовна!

Мы получили остатки Вашей совести. Надеемся, что это не последнее, что и себе Вы оставили какие-то самые остаточные остатки, следовательно, будете писать еще.

За поздравления спасибо. Нам уж неприлично отвечать тем же, разве что к новому году по Старому Стилю.

Отвечаю на все пункты Вашего послания.

1. Особенной паники у меня не было, а тут еще Вы подбодрили, и я совсем ожил. Я всегда был такого мнения, что Вы из всех Дробязок самая добрая. Но некое недоверие к издательству все же остается, это, должно быть, в крови.

2. За Голсуорси¹ спасибо — будем ждать с нетерпением. Что Пастернака не принесли — жаль. У нас из стоящих книг не было решительно ничего. Вы перечисляете свои приобретения и спрашиваете предусмотрительно, что меня очень интересует. Я проглотил слюнки и аскетично отвечаю: в первую очередь Манн, во вторую — Пратолини². Больше, ей-богу, ничего, нельзя же быть бессовестным.

3. А почему все-таки Вы не пишете о Гафизе? Достали? Это, должно быть, маленькая книжонка вроде О.Хайяма. А «День поэзии»? А книга Вентуры³ об импрессионистах?

4. Полтава молчит⁴, но поскольку ее регламент еще не исчерпан (я приблизительно представляю обычные сроки прохождения этих дел по инстанциям), то мы еще и не начинаем волноваться.

5. Спрашиваете, где обещанные стихи. Которые можно было бы послать — их еще нет. Сейчас меня всего ведь поглотили чехи. Даже к Рождеству я переводил рождественские чешские стихи. Одно из них перепису. Автор — Йозеф Гора. Он был когда-то в числе зачинателей пролетарской поэзии. Его стих, написанный весьма суровым верлибром, относится к тем баснословным годам. Когда-то для нас с Евгением Антоновичем это была «сучасна поезія», а теперь это уже история. Вот какие мы, оказывается, старые. Это Рождество называется

Робітнича Мадонна

Коли б ти був там, стіни вогкі знайшов би,
Льоху сірість брудну,
Ліжко й у ньому жінку,
Що народила від людини.
Де ж фіміам? Самий тільки чад від печі,
Убогої страви нужденний запах,
Купки дітей, що тобі заспівали б колядки
Побачив би ти на соломинку.
Мадонно! Яка ти зрубіла! Яка відквітла!
На руці посинілих жил сплетіння,
Висохлі губи, затяте зречення на чолі,
А слова кохання давно вже
Поглинула гортань убозтва.
А три волхви! Відстіпились від цього дому,
Не вистачило в них дарів для тебе, мати з немовлям,

І зірка божа дозволила їм заблудити.
 Розсипали золото своє, своє миро, ласкавий свій усміх
 По теплих покоях, по м'яких почивальнях —
 Самі багаті, пішли між свої.
 А Віфлеєм
 Повен бідних, обідраних, босих,
 Сліпих, німічних, заблуканих —
 Ти важко дихаєш тут, врода з тебе опала,
 Хлопець-привид п'є гірке молоко твоїх жил.
 Але вір:
 Як дійде він тридцятьох років —
 У місто в'їде з євангелієм повстання на устах,
 На площі виголосить прихід справедливості,
 Юрби озброїть, метал і мрію вкладе їм у руки,
 І дасть себе на розп'яття.

Бо його молитвою буде дія.

Вот какими вещами мы занимаемся. Вторым рождественским стихом было о елочке Библа, того самого, которого несколько стихотворений Мартынов и Слуцкий перевели в II номере Иностранной литературы. (Кстати — у вас там известно, что помышляют об украинском журнале типа Иностранной литературы?) Но о елочке пришлю тогда, когда выругаете за это. (Между прочим, порцию ругательств Вы таки мне должны, а наипаче Евгений Антонович, за предыдущих чехов.) А настоящие стихи будут уже после елочки.

Г

PS Лія Наумовна, будьте еще лучше, чем вы на самом деле — пишите.

¹ Джон Голсуорсі (1867-1933) — англійський письменник. Лауреат Нобелівської премії. Мається на увазі його книга: *Драми і комедии*. М., 1956.

²Васко Пратолини. *Повість о бедных влюбленных*. М., 1956.

³Вентури Д. *От Мане до Лотрека*. М., 1958.

⁴«Полтава молчит...» — справа про реабілітацію Г.П. розглядалась у Полтаві, тобто там, де його було засуджено.

IV

30.V.1958

Дорогі Лія Наумівна і Євгене Антоновичу.

Я хотів Вам писати після того, як одержу резонанс на Тувімівську бомбу¹.

А тим часом прийшов лист Лії Наумівни, і мені захотілось похвалитись який я пунктуальний — відповісти їй на цього листа. Отже, щоб відповідь не була порожня, я вибрав двох найбожевільніших Тувівів, переписав їх і надсилаю. Краще однаково, мабуть, не перекладу, хоча «Циганська біблія» є ще в анапестичному варіанті.

Справді, не стільки кривди буде. А то там у Вас і Ван Кліберн², і Орманді³, і (сподіваюсь) Стоковський⁴, нехай же в мене буде хоч Тувім (А я в попа обідала...)

В.Кліберна ми по радіо чули декілька разів, а от Орманді вчора передавали концерт по другій програмі, і я не зумів піймати. Влітку в нас взагалі радіо працює погано, не те, що взимку. Одержав посланіє від Солонька. Пише, що в першу чергу піде Франс⁵, а в другу Ондрейов⁶ (у лютому було навпаки). Отже, таким чином відповідаю на ваше питання: Що я тут роблю?! Переглядатиму Франса, дождатиму, коли пришлють договір (пише, що цими днями), дождатиму, поки Максим Тадейович дасть у видавництво проспект чеської антології і вони зволють вислати мені, а я може тим часом у метушні урву собі ще пару приємних чеських віршів для перекладу. Ну, і тим часом морочитимусь із тими перекладами з Тувіма, що вже є чи напів-є, а може й які нові ще зробимо.

Коли доведеться їхати — не знаю.

Іра Лію Наумівну цілує, а відносно Євгена Антоновича — утримується, каже, що досить з нього привітання буде.

Г

Ю.Тувім

Меланхолія тих, що стоять коло муру

Місто має й смуток, і думки похмурі:
Є там дивні люди, що стоять при мурі.

Голови схилили, тихі, нерухомі,
Може снуть про чудо, може з перевтоми.

Сірі, наче сірість простору міського,
Так, немов не бачать навкруги нікого,

Втуплені безтямно погляди їх склисті.
Ви їх не займайте: це святі у місті,

Так, святі з очима, повними відчаю.
Їм це невідомо, тільки я це знаю.

Збірка «Чекання на бога»

Лист

Сніг сипле... Сипле беззвучно...
Глянь сніг...
На душу твою дівочу,
Як саван, ліг...

Біленько. Тихо. Щасливо.
Сніг — бач?..
Беззвучно в душі озветься
Сердечний плач...

А потім заграєш смутно
«Valse triste»...
Сніг сипле... Сипле... Кінчаю
Чудний свій лист.

Збірка «Сьома осінь»

Слава

Мов цегла, цементом поєднана в будову,
Застигли в віршеві укладені слова, —
Але не радість, ні, — журба, мій друже, знову
В журбі початий твір як тінь оповива.

Бо чого ж бо тоді гірка й несправедлива
Вся ця хвала гучна, вся слава ця пуста!
Крикливий розголос людських захоплень злива
Гнівів ти лиш погляд мій і кам'януть уста.

Інакшої собі шодня благаю слави:
Хай порятують світ ці віршики малі,
Хай від тернів горить на скронях слід кривавий,
Хай мучеництвом лавр мій стане на чолі!

Збірка «Циганська біблія»

Між іншим, коли вже стати на позиції чистого раціоналізму, то чи не раціональніше було б Лукашеві поговорити з Макс<имом>. Тад<ейовичем>. — що він саме переказав, або що збирається переказати з Тувіма. Тоді, якщо в мене ці речі ще не переказані, але входять у мій культур-

но-просвітний план, — я не став би й запалу тратити на них — однаково ж я краще не перекладу. Правда, це такі мої провінціальні міркування.

Вірш «Циганська біблія» — один з найулюбленіших моїх віршів в усій Тувімовій спадщині, отже прикро особливо, що перекласти його добре не пошастило, — деякі деталі з перекладу безнадійно вислизнули. Ритм поезії місяцями легко наворачтається на хореїчну схему, місяцями ще легше — на анапест, часом з домішкою паузника. В трьох місяцях рядки довші (третій рядок четвертої й п'ятої строфи, а також останній рядок). Мені в хореїчному варіанті якось не випадало здожувати, хотілось тільки останній рядок зробити довший, щоб природніше звучав. Між іншим, він двозначний:

Щось як ніби: мучеництво поетове...
 ... що щось врятувати має...
 і книга розпливається.

І оце трохи незграбне «щось», повторене в двох рядках, і ця двозначність, очевидно, входили в намір поета.

Можна розуміти так: мучеництво поета, що [який] має щось рятувати. А можна розуміти «щось», як таємниче «воно», що має рятувати поета самого.

Ніщо не заперече й такому тлумаченню. Отже, останні рядки, мабуть, повинні все-таки звучати:

Так немов: поет приймає муки...
 ... щось рятує... й розплилася книга.

або

... щось врятовує... і розплилася книга.

Слова «поміш» в розумінні «мішанина» не існує, мабуть. Але, може, його варто ввести на цей раз. У Тувіма в цій поезії є несміливі спроби словотворчості, ніяк не відбиті в моєму перекладі (там купальський місяць випав): *Naświetliła luna świętojańska*.

А рима буде трохи точніша. Тувім, великий прихильник екстравагантностей у римуванні, тут якраз обходиться без них.

У примітці треба, очевидно, пояснити грімницю — свячену свічку, яку запалюють під час грози, чи коли хто помер, а часом навіть намагаються вмирушому встромити в руку. Погляньте, доречі, як виглядає це слово в I томі Укр. рос. словника. Сказано: *редк.*, а прикладу жодного. В останній строфі миготять і вібрують не рядки, а версети, оті самі позна-

чені цифрами речення біблії. Я не насмілюся написати «стихи», думаю, що тут вистачить і нейтральних «рядків».

Слово «чарує» треба, ясно, сприймати не в сучасному «очаровательном смысле», а в розумінні таки прямому, — чари, як «колдовские манипуляции». Але думаю, що хто схоче додуматись, той зможе.

А баби тут цілком уже кондиційні — «старухи». А можна й їх принести в жертву Купалі.

Між іншим, ці обидва вірші можна надрукувати тільки разом з іншими, які приступні радянському — не читачеві, звичайно, а критикові. У російських перекладах їх нема (шість попередніх — є), хоча перший вірш підійшов би Кірсанову, а другий — Мартинову. Перший я в двадцять сьомому році читав у варшавському виданні російських перекладів Хорманського, другого не бачив ніде.

Отже в нас прийнято робити так: говорять, що путь поета X, чи там Y, чи Z до справжньої поезії, до осяйного $2x^2=4$, був дуже складний і поплутаний, що на ньому відбилося багато паршивих впливів. Уся поезія заперечується, навіть вірш «До простої людини» — там не досить класово свідомий Тувім радить кинути на брук рушницю, і в голову йому не стукне, що робітникові рушниця придасться для боротьби з експлуататорами. І нарешті виходить, що поки поет дійшов плутаним шляхом до осяйних вершин, то кількість його безперечних віршів = 0, зате на руїнах його поезії монументом височить критик, тримаючи високо табличку з отим самим осяйним $2x^2=4$.

Отже, згодом таки конче потрібна буде стаття, де показана була б особлива увага Тувіма до слова, до «дрімучого» фольклору, до джерел народної поезії. Тут би знайшла пояснення й виправдання і словесна еквілібристика і «ворожбитські» мотиви. Отакі мої міркування, глибоко, як бачите, провінціальні. А як там міркують по столицях — Вам видніше. Може там думають, що читачеві потрібен не творчий шлях, а тільки прикінцева зупинка.

¹«... резонанс на Тувімівську бомбу...» — за радянських часів видатний польський поет Юліан Тувім (1894-1953) подавався як трибун, що оспівував нове життя, дружбу з СРСР. Підбірка перекладів Г.К.Маха «підірвала» стереотипне уявлення про творчість Тувіма. Переклади Г.Кочура з Тувіма див.: Тувім Ю. Вибрані поезії. К., 1963.

²Ван Кліберн (Харві Лаван Клайберн, 1934) — американський піаніст. В 1958 одержав I-у премію на Міжнародному конкурсі піаністів і скрипалів ім. Чайковського в Москві.

³Юджин Орманді (1899-?) — американський диригент.

⁴Леопольд Стоковський (1882-1977) — американський диригент, у 1958 р. гастрював у Києві.

³Анатоль Франс (Жак-Анатоль Тібо, 1844-1924) — французький письменник, лауреат Нобелівської премії (1921).

⁴Людो Ондрейов (1901-1962) — словацький прозаїк.

V

27.VIII.1958

Дорогая Лия Наумовна!

В отличие от Вас отвечаю немедленно. Как и Ваше, мое письмо будет сугубо деловое, — буду с Вами обсуждать, что и как я должен делать. Я и сам не думал, что мое пребывание тут так затянется, но ведь первоначально все выглядело в гораздо более розовом свете. Я возлагал очень большие надежды на словацкую и чешскую антологии. Ведь еще прошлым летом Максим Фаддеевич сказал, что в октябре он уже займется чехами, а теперь уже октябрь следующего года, а нет даже проспекта еще, потому что неудачный мольнарковский¹ отвергнут, а тот который на днях должен был появиться в марте (по словам Солонька), не появился еще до сих пор (очевидно). И вот я продолжаю понемногу переводить впрок и наугад. И даже словацкая антология, «майже готова», не двигается, потому что «именитые» не удосужились перевести той части, которая им досталась «по распреду». Итак, антологии стоят, словацкая проза, которую Солонько предполагал издавать раньше Франса, отодвинут на 60-й год, сам Франс ходит по мытарствам, и у меня до сих пор ни лаврового листочка, ни копейки. А ведь я не думал, что придется «граться в такой довгої лози». Я думал, что все это пойдет быстрее, что у меня будет какая-то отправная точка, по крайней мере финансовая, будет возможность от чего-то отталкиваться для дальнейшего движения. Не тут-то было! Петровскому² хорошо, — в Ирпене он жил в писательском убежище и арестован он был в Киеве, так что на комнату в Киеве он мог претендовать. А я? Приезжаю как типичный «никто». Прописаться? — Иди, умоляй Лию Наумовну, пусть просит Максима Фаддеевича оказать содействие. Нанять? Это значит, что надо платить самое меньшее 200 р. в месяц. Откуда? Иди, умоляй Максима Фаддеевича, чтоб «вне очереди» просмотрел и принял переводы для чешской антологии. Так на каждом шагу придется морочить добрым людям голову, успешно создавать себе репутацию нахала и литературного попрошайки. А ведь если придется просить, напр., не Рылского, а Первомайского, чтоб он пустил что-либо вне очереди, то тут можно и «сором набратись», и ничего не достигнуть, как вышло тогда, когда Солонько хотел обязательно заплатить мне за словацкие переводы и всячески понуждал меня просить Первомайского, чтоб тот просмотрел и принял их, а он ответил, что «тим часом нам розмовляти нема про що». Итак, необходимо унизиться для того, чтобы поселиться в тесноте, тратить на одну только квартиру 2400 рублей в год, в то время, когда тут квартира обходится в 60 р. в год + картошка (правда,

мороз ее уже прихватил — ночью вдруг вернулась зима). Да кроме того, надо куда-то везти свои книги, а их уже достаточно много, это груз, хотелось бы почему-то, чтобы они сохранились, да и хочется один раз уже их куда-то поместить, а не таскать много раз, складывая так, что и пользоваться ими нельзя. Конечно, зря Вы думаете, что я с таким восторгом занимаюсь интинским хозяйством, я понимаю все неудобства пребывания здесь: на расстоянии трудно поддерживать связь, я действительно, как Вы заметили, имею скучный вид, потому что ничего не знаю, — пишу статью о Тувиме, преодолевая острые приступы бездарности, дней через пять уже собираюсь высылать, а может поздно? Полтора года отдаю чешские переводы в издательство, а может, когда будет проспект и начнут «раскидывать» по писательской братии, то мои переводы эти затеряются и не попадут к Максиму Фаддеевичу. И прочее, и прочее. Неудобств масса. Но иного выхода пока не вижу. Если бы я, вместо того, чтобы сидеть здесь, мгновенно очутился в Киеве, что бы изменилось? Проник бы к Александру Ивановичу³, отвел бы душу, отнял бы у него час времени (а так ограничился только запоздалыми поздравлениями), может форсировал бы преграду в виде Мамиконяна⁴, попал бы к Максиму Фаддеевичу, поговорил бы, получил бы много удовольствия, бывал бы у Вас. Не имел бы условий, чтоб работать. Так, как теперь Ира, так бы я два месяца ожидал, пока заключат договор на Франса и заплатят по 600 р., як початківцю. И хотя в прошлый приезд мы условились с Солоньком, что я буду переводить один из Чапковских романов (оригинал «Войны с саламандрами» у меня есть), я, как теперь Ира, услышал бы в ответ на это неопределенное мычание. Ну, что ж? Может быть, вспомнил бы позапрошлогодною беседу с Максимом Фаддеевичем, который предложил мне держать с ним связь через Дробязка, — в случае чего тот пусть ему сообщает, а он будет поддерживать меня всей тяжестью своего авторитета. А вернее всего, не захотел бы путать во все эти дразги еще и Максима Фаддеевича, подумал бы себе: а ну вас! — одолжил бы денег на дорогу (возможно, у Вас же, который раз!) и уехал бы в Инту. А для солидного, не легкомысленного переезда «насовсем» пока нет ни денег, ни оснований. Пора бы, но нельзя. Когда будет можно, не знаю. Я все оставляю *laisser passer*⁵, а что нужно сделать, чтобы произошли какие-то сдвиги, ума не приложу. Сам я карабкаюсь очень медленно, а кто и как захочет и сможет помочь — не могу представить. Вы полагаете, что мне надо быть здесь, на глазах. Ну, вертелся бы, урвал бы какие-нибудь кусочки, насколько удавалось бы. А мне хотелось бы, наоборот, сидеть и работать спокойно. Вот, хотел бы покончить с чешскими поэтами. Но ведь надоест возиться впотьмах. Сижу над Тувимом. Десятка два есть (не все удовлетворительно пока сделаны). Столько же собираюсь сделать. Но для спокойствия душевного нужно одно из двух: или уверенность, что это все не будет напечатано, либо противополож-

ное. Самому мне никак не издать. Вот я и мечтаю: хорошо было бы, если бы хоть некоторые переводы М.Ф. согласился присоединить к тому, что он собирается издавать, — есть же такие стихи, которых он не будет сам переводить. Хорошо, если бы он протянул руку и вытащил меня. Но сам я об этом писать не отважусь, а условленный контакт через Дробязка — дело затяжное: Евг. Ант. только собирается показать переводы, да еще может и не успеет. Что касается прозы, очень заманчив Чапек, но мычание в ответ, конечно, расхолаживает. Поэтому у меня и вид скучный. Ну, хватит исповеди. Первый раз такая длинная и скучная, — кое что даже самому себе янес стало после того, как Вам изложил.

Начинается веселый разговор — о холстре в Одессе. Евг. Ант. много работает. А что? Я слышал о Бенёвском⁶. Это хороший люди. Я как раз перечитывал не особенно давно, после того, как мне прислали полного Словацкого. Почему о новых книгах не пишете ничего? Р.Дарио⁷ достали? А критические статьи М.Щеглова⁸?

Что касается Вашего замечания о Лукаше⁹, мне кажется, что он быстро «прибран к рукам официальным вкусом» (Маяковский о Тувиме), — сам он празднует и По¹⁰ и Верлена¹¹. Жаль, если чиновничья стихия захлестнет его. Передайте Евгению Антоновичу, что единственный том Лорки¹², которого у меня еще нет, это восьмой, в котором «Дом Бернарды Альбы».

Итак, — вывод: в Киев все таки хоть умирать, а перееду. Пока меня утешает только одно, — что есть люди, которые этим озабочены, — в первую очередь, конечно, Вы.

Привет Евг. Ант. и Лёве. Ну и ругающему меня Петровскому. Не смейте болеть — хватит. Лучше напишите мне хоть немножко.

Г

PS Написал письмо, и только после этого сообразил, что ведь пока оно дойдет, так юбилей Евгения Антоновича не то что настанет, а окончится¹³.

Поэтому наспех прибавляю пожелание юбиляру: еще шестьдесят! А если ему мало, не возражаю, чтобы и больше. Мысленно таскаю его за уши. Пускай он спросит у М.Ф., как тот отнесся к симферопольскому предложению¹⁴ — написать вступительную статью к одномомнику Волошина? Ну, раз уже есть свободное место, переписываю еще одного Тувима. Опять некондиционный.

Г

PPS.

Лия Наумовна, спасибо вам за всевітню протекцію¹⁵. Я вообще склонен думать, что если чего-нибудь достигну «в смысле организационном», то в первую очередь благодаря Вашему содействию.

Г

Ю. ТУВИМ

Просто так

Просто так: ліс, хвилина рання, —
 Літ дванадцять тому було це.
 З-за кушів схиялось світання
 Наді мною, тодішнім хлопцем.

Свіжо як! Після кави, як завше,
 В ліс мерщій, що тремтів сльозами,
 І — в траву, геометрію взявши,
 Бо на завтра мав бути екзамен.

Скільки щастя було, скільки суму!
 Птах виводив тихенькі рулади.
 «Школа... ліс... птах... вона...» — так я думав
 Не засмучений і не радий.

І здавалось, замисливсь на хвилику,
 Просто так, — про що довелось.
 Стільки літ, та й усього стільки, —
 Я ж якось не домислив і досі.

¹«...неудачный мольнаровский...» — невдалий проект книги перекладів Ференца Молнара (1878-1952) — угорського драматурга.

²Петровський Віктор Леонтіївич (1904-1979) — перекладач, редактор видавництва (Харків, Київ), був двічі незаконно репресований у 1938 р. і у 1950 р. Після повернення із заслання Петровський тимчасово жив у Будинку творчості письменників.

³О.І. Білецький.

⁴Мамікоян (правильно: Мамікоянц) Ваган Олександрович — секретар М.Т. Рильського по Верховній Раді, практично «права рука» М.Т. в усіх громадських і побутових справах.

⁵... laissez passer... (франц.) — хай буде як буде.

⁶Поема «Беньовський» польського поета Юліуша Словацького (1809-1849) увійшла до двотомника перекладів українською мовою вибраних творів письменника («Держвидав», К., 1959). За переклади Микола Бажан і Євген Дроб'язко отримали польські винагороди — пам'ятні медалі Юліуша Словацького.

⁷Рубен Даріо (спр. ім'я і прізвище — Фелікс Рубен Гарсія Сарм'єнто. 1867-1916) — нікарагуанський поет. Під час проживання у Європі був журналістом, дипломатом. В російському перекладі вірші Даріо вийшли у 1958 р.

⁸Щеглов Марк Александрович (1925-1956) — російський критик, літературознавець. У 1953 р. закінчив МДУ і його дипломна робота в тому ж році частково була опублікована в журналі «Новый мир». У листі йдеться про проблемно-теоретичні статті «Верность деталей» (1957) та «Очерк и его особенности» (1958).

⁹Лукаш Микола Олексійович (1919-1988) — один з найкращих перекладачів світової літератури. «Жаль, если чиновничья стихия захлестнет его»: у 1958-60 роках. М.Лукаш займав посаду зав. відділом поезії в журналі «Всесвіт».

¹⁰Едгар-Аллан По (1809-1849) — американський прозаїк і поет, один із зачинателів детективної літератури.

¹¹Поль Верлен (1844-1896) — французький поет. Один з основоположників символізму.

¹²Фредеріко Гарсія Лорка (1898-1936) — іспанський поет, драматург, есеїст, фольклорист.

¹³Шістдесятиріччя Є.А.Дроб'язка — 1.ІХ.1958.

¹⁴М.Т.Рильский

¹⁵Мається на увазі «протекція» в журналі «Всесвіт», який поновив вихід у 1958 р.

Балада повороту¹

Ночами виміряв: омити
 Дошем тополі. Вітровій
 Шугне по стежці хитро витій
 І змовкне боязко в траві.
 Минаю ниви неозорі:
 В душі не зиму і не дві
 Виношував я ці простори —

Єдине, чим думки живі.

Вся спрага літ злилась в цій миті:
 Оселя в тиші ранковій,
 Там вікна вітами прикриті,
 Мов очі лагідні з-під вій,
 Там друг у ніжності суворій
 На мене зводить погляд свій
 Прихильний в щасті, вірний в горі —

Єдине, чим думки живі.

Там, ніби витканий з блакиті,
 Прославсь прозорих днів сувій,
 Там болі тануть пережиті,

Неначе тіні хвильові...
Я стерплю все в німій покорі,
Лиш вийти б в радості новій
На тихі води, ясні зорі —

Єдине, чим думки живі.

Мій друже, є ти де на світі,
Чи сам створив я привид твій?
Тобі ці сни, жалем повиті, —

Єдине, чим думки живі.

30.IX.1951

¹ Автор — Григорій Кочур; додаток до листа 1951 року. Сам лист, як можливий компромат, було знищено, оскільки, на той час, Г.Кочур сидів в інтинському таборі, Є.Дроб'язко був «сыном врага народа», а дружина Дроб'язко — сестрою політв'язня.

Публікація та примітки Лева Дроб'язка

Рабин Девід Кахане

СЕРЕД НЕЗНАЙОМИХ ЛЮДЕЙ: ПЕРЕХОВУВАННЯ У РЕЗИДЕНЦІЇ МИТРОПОЛИТА ШЕПТИЦЬКОГО

Шановний читачу, в цьому числі альманаху ми друкуємо заключну главу книги Девіда Кахане «Щоденник Львівського гетто». Вся книга — вражаючий документ про божевілля років Катастрофи. Проте в ряду аналогічних текстів книга рабина Д. Кахане відрізняється масштабами осмислення подій, цупкою пам'яттю автора, що зафіксувала події, обставини, імена, і делікатністю, яка дає читачеві можливість трохи відсторонитися від жахів, але і пам'ятати про них. Автор фіксує хроніку жахливих подій — етапів знищення нацистами європейського єврейства, розповідає і про життя гетто й табору, про намагання вижити, про людську гідність (а коли й подлість), про відчайдушне стремління до людяності в умовах, що майже не залишали такої можливості.*

Д. Кахане залишив нам з вами, пацадкам свідоцтво з пекла — це, мабуть, одне з найстрашніших та найпереконливіших попереджень людству. В книзі багато розповідей про жорстокість катів, про аморальність та дикунство юрби — ми не повинні це забувати. Але в спогадах Кахане є те, що міг зафіксувати тільки він, учасник подій — імена і вчинки тих, хто не підкорився долі, боровся за своє життя та життя близьких; імена і вчинки тих, хто попри все не зраджував вірі та людяності.

Девід Кахане розповів про незнаний досвід — вперше в єврейській історії та, мабуть, і в історії людства — вирішення таких моральних проблеми і в таких обставинах, яких світ доти не знав. У спогадах зафіксовано унікальні підтвердження високості юдаїзму та християнства у вчинках тих, хто не зрадив вірі. На багатьох сторінках книги наведено діалоги з Б-гом рабінів, процитовано тексти християн, які рятували євреїв, подано знамениті послання Андрія Шептицького. Завдяки цьому досвідові, записаному ледь не кров'ю, теологи і філософи змушені були переосмислити догмати віри — для світу після Голокосту.

В уривку, що друкуємо в «Єзупці», зафіксовано хроніку перебувань автора в монастирях греко-католицької церкви, завдяки мужності ієрархів та вірних цієї церкви було врятовано життя десятків, а то й сотень євреїв, особливо дітей, якими опікувалися спеціально. Міра ризику як для рятувальників (але вони це робили добровільно!), так і для тих, кого переховували, була величезною. Ціною помилки було життя. Але ціною перемоги було врятоване життя та велич духу людини. Ми мусимо пам'ятати про це, розповідати своїм дітям

* Повністю книга вийде у видавництві «Дух і літера», серія «Бібліотека Інституту юдаїки», спільний проєкт з Центром єврейської освіти, м. Київ.

і онукам — адже цей досвід жертовності кращих з людей є надією на людяність світу.

Я сподіваюсь, що з часом ми зберемо в одній книжці спогади всіх учасників цих подій— і юдеїв, і християн — такий досвід людство повинно знати. Бо немає нічого вищого в цьому світі за людську солідарність, за спротив божевілля навіть ціною власного життя.

Леонід Фінберг

23 травня 1943 року, того дня, коли німці вирішили ліквідувати табір, я працював у нічну зміну. Робітників табору звичайно привозили ранком. Цим ранком, коли ніхто з робітників не прибув, ми зрозуміли: щось трапилось. Через кілька годин ми дізналися, що табір оточений і там почалася страшна «вистава». Німці ліквідують шість чи сім тисяч в'язнів, щоб звільнити місце для здорових жителів гетто, які повинні прибути до табору через декілька днів після ліквідації.

Десять за годину керуючий майстернями VIB по телефону отримав інструкції надіслати всю нічну зміну до табору. Ми добре розуміли, що це означає. Кожний вирішив спробувати врятуватись, як зможе. Ніхто не намагався якось захиститися або організувати втечу.

Я весь день ховався в пивниці. Після сьомої вечора, у сутінках, я вирішив йти до митрополита просити захисту.

Я зірвав жовту табірну нашивку, зняв брудний одяг і надягнув чийсь штани та піджак, які приготував заздалегідь. Потім переліз через паркан, вийшов з території фабрики та впевненим кроком рушив вулицями міста, начебто я не був євреєм і ніхто не міг мене впізнати. Я прямував до площі Юра.

Площа Юра розташована поруч з Єзуїтським садом, який потрібно було перетнути, щоб опинитися біля брами палацу митрополита. Але для цього я повинен був пройти повз гестапівських охоронців, що ходили взад-вперед, патрулюючи площу. Помітивши їх ще здалеку, я уповільнив крок і, коли вони минули мене, прослизнув у темряву вулиці (вулиці не освітлювалися) і почав підніматися схилом, поки не дістався брами. Я потягнув за ручку дзвоника і став чекати, коли відчинять хвіртку. Мабуть, я чекав не більше трьох-чотирьох хвилин, але вони мені здалися вічністю. Притиснувшись до брами, щоб бути якомога менше помітним, я зі страхом прислухався до важких кроків гестапівців вниз.

Нарешті у хвіртці відчинилося віконце і я почув голос ченця:

— Хто ви? Що вам потрібно? — говорив він українською.

— Я рабин Кахане, — відповів я. — Скажіть, будь ласка, митрополиту Шептицькому, що я хочу його бачити.

— Зараз, уночі? Це небезпечно.

З цими словами він затулив віконце. Я лишився назовні. Минуло ще п'ять, може, десять хвилин... Я чув важкі кроки гестапівців, які ходили

взад-вперед, і моє серце вискакувало з грудей. Раптом хвіртка в брамі відчинилася, і чернець швидко втягнув мене всередину. Я був майже неприємний. Зачинивши хвіртку, він повів мене до палацу митрополита.

Я був брудний і вошивий. Мій одяг давно перетворився на дрантя. Піджак і штани, дані мені кимось у гетто, здавалися мені цілком пристойним вбранням, але за виразом очей ченця я зрозумів, що мій вигляд його налякав. Він повів мене до пивниці, де я зміг вимитися, опісля чого дав мені чисту білизну і верхній одяг. Мої брудні вошиві ганчірки відразу були спалені. На одинадцятую годину я був уже готовий.

Митрополит чекав мене, незважаючи на пізню годину, і привітав з великою теплотою. Його добрі, мудрі очі нітрохи не змінилися. «Ти можеш залишатися тут, — здавалося, говорили вони, — тут про тебе подбають».

«Розкажіть мені, будь ласка, — почав митрополит, — чого вам довелося зазнати з моменту нашої останньої зустрічі минулого літа. Ви, звичайно, знаєте, що протягом вашого перебування в таборі нам передали багато дітей. Я можу назвати вам імена священників, які взяли їх під свій захист. Діти знаходяться в добрих руках і одержують гарне виховання. А зараз я готовий допомогти вам».

Я розповів йому про табір, про жорстокості і звірства, про вбивства, про те, що відбувалося під час перекликів. Я розповів йому також про ті дні, коли заподіяли смерть шести чи семи тисячам євреїв, і про майбутню ліквідацію гетто. Коли я змальовував йому гетто і табір, те, в яких страшних умовах жили євреї, я бачив, як по його обличчю котилися сльози. Наша розмова тривала три чверті години.

Після цього він доручив мене турботам свого брата, ігумена Климентія Шептицького, котрого він запросив до себе наприкінці нашої розмови. Ігумен відвів мене в просторе помешкання, де була бібліотека. На час мого перебування в палаці на горі Юра це місце стане моїм укриттям.

Особиста бібліотека митрополита налічувала понад 1000 томів. В одному з її закутків для мене була влаштована схованка, де я міг перебувати деякий час. Це місце з усіх боків оточене полицями з книгами, і людина, яка увійде до бібліотеки, не зможе помітити, що хтось ховається серед них. Замість ліжка мені дали шезлонг, на якому я міг спати або просто відпочивати вдень.

Насамперед мені хотілося б сказати декілька слів про кафедральний собор, названий на честь Святого Юрія, з'єднаний з палацом архієпископа Шептицького. Саме в соборі Святого Юра митрополит Шептицький відправляв службу Божу. Це була велична споруда в стилі рококо, побудована архітектором Бернардом Мердерером, що жив у Львові в середині вісімнадцятого сторіччя і лишив цьому місту в спадщину багато прекрасних будинків.

Що за людина був митрополит Шептицький, який надав мені свій захист? Той, хто з такою добротою ставився до євреїв, хто виявив до них стільки співчуття і хто ховав у своїх монастирях стільки єврейських дітей?

Його родовід сягає тринадцятого сторіччя. В давні часи Шептицькі були дідами (руськими аристократами), що згадуються в хроніці життя і діянь князя Лева, засновника міста Львова. Дідич на прізвище Шептицький, перший з предків митрополита Шептицького, про якого збереглися письмові згадки, належав до оточення князя Лева. Якимось митрополит сказав мені: «За походженням я належу до стародавнього роду, який можна порівняти з родом Габсбургів». Рід Шептицьких проживав у своєму родовому маєтку Прилбичі, неподалік Яворова. Серед предків нинішнього митрополита було багато славетних українських єпископів ще до об'єднання української церкви з Ватиканом. До них належав митрополит Львова й Галича, відомий як митрополит Галицький.

Згодом Шептицькі асимілювалися в польській культурі, подібно до багатьох українських аристократів Східної Галичини. Нинішній митрополит народився 29 липня 1865 року в родовому маєтку Шептицьких Прилбичі, в родині графа Шептицького, що уже встигла стати цілком польською. Його мати Софія була дочкою графа Олександра Фредро, відомого польського поета і драматурга, тоді як батько, незважаючи на асиміляцію в польській культурі, пишався своїм аристократичним українським походженням. Батьки були глибоко релігійними людьми і виховували юного Романа (його перше ім'я) у релігійному дусі.

З раннього дитинства Романа приваблювала робота священнослужителя і, як розповідають, він часто казав, що хоче стати священником. На той час українська церква належала до уніатської церкви (назва, яку вона одержала в результаті об'єднання української церкви з Ватиканом). За ритуалами богослужіння це була грецька ортодоксальна церква.

Його схильність до служіння Богу супроводжувалася симпатією до українського національного руху. Він хотів повернутися до своїх національних витоків — до українського народу. Батько Романа, граф Іван Шептицький, і мати Софія, уроджена Фредро, не схвалювали його посвячення в духовний сан, так і навернення до українського націоналізму і відмову від полонізованого культурного оточення. Вони всіляко намагалися відмовити Романа від його вибору, коли той був ще гімназистом. Після закінчення гімназії його відправили до Німеччини, де він вивчав право і після блискучого закінчення курсу одержав ступінь доктора юридичних наук.

Погляди і симпатії Романа цілком поділяв його брат Казимир, майбутній ігумен Климентій Шептицький. Третій брат, Станіслав, відмовився стати українцем і до останніх днів свого життя залишався поляком.

Після одержання ступеня Роман Шептицький прийняв рішення вирушити до Італії, щоб нанести візит папі Левові ХХІІІ і поставити йому запитання щодо свого майбутнього. Після свого візиту до папи, що відбувся в 1886 році, Роман вирішив відмовитися від римської католицької церкви і приєднатися до грецької католицької церкви. Крім того, він вирішив вступити до богословської семінарії і стати священником.

Обговорюючи з папою становище греко-католицької церкви в Східній Галичині, Шептицький зробив йому досить зухвалу пропозицію: він повідомив про свої плани очолити греко-католицьку церкву в Україні і посилити її співробітництво з Ватиканом. Папа благословив цей проект і пообіцяв свою підтримку.

Повернувшись додому, Роман повідомив своїм батькам, що збирається піти в монастир, вивчати богослов'я і стати священником. Як не противилися батьки його планам, але після довгих суперечок вони поступилися і дали свою згоду.

Для здійснення ідеї, що стала змістом усього його життя, — об'єднати українську східну православну церкву з уніатською — він вступив до ордену Василіан.

Маючи три докторських ступеня — з філології, богослов'я і юриспруденції — він розпочав своє служіння в ролі священника і став швидко просуватися по службі. Його першим високим саном був сан архієпископа міста Станіслава, після чого його призначено митрополитом Львова.

Вчорашній Роман Шептицький, а нині Андрей Шептицький, митрополит греко-католицької церкви, нащадок давнього аристократичного роду, чий предки посідали архієпископський трон міста Львова, був з ентузіазмом прийнятий українцями і всім населенням України, також євреями, які розуміли, що цій людині призначено відіграти вирішальну роль як у житті народу Східної Галичини, так і у греко-католицькій церкві.

Однією з його перших дій було створення в 1907 році ордену Студитів. Студитами називали об'єднання ченців, що повністю присвятили себе служінню Богу і допоміжності людям, де б вони не були — вдома чи на роботі. Жили вони у своїх монастирях, але більшість з них працювала поза монастирськими стінами. До ордену входили також миряни — робітники, селяни і представники найрізноманітніших професій, що вирішили відмовитися від мирського життя і присвятити себе допомозі іншим людям. Своє життя студитський чернець проводив у праці і молитві.

До моменту заснування монастиря 40-річний брат митрополита, граф Казимир Шептицький, був юристом, який користувався широкою популярністю, членом Віденського парламенту. Андрей переконав брата відмовитися від своєї світської професії, закінчити духовну семінарію, стати священником й очолити студитський орден. Казимир, що одержав ім'я Климентій, став керувати всіма студитськими монастирями, які потім відіграли важливу роль у порятунку євреїв.

Серед монастирів, що взяли участь у порятунку євреїв і, зокрема, в переховуванні єврейських дітей, був і монастир на вулиці Петра Скарги, відомий своєю знаменитою бібліотекою візантійських рукописів («Студіон»), що нараховувала тисячі томів. Студити мали кілька монастирів: монастир Кушевича під Львовом, у Скнилові, в Уневі біля Перемишлян був центральний студитський монастир, а також скит в селі Підлюте, парохіальний дім у селі Коростов, осередки у Дорі (Гуцульщина). Були й жіночі монастирі: Личаківський монастир на вулиці Убоча — його ігуменя Йозефа (на прізвище Вітер) очолювала всі жіночі студитські монастирі: в Якторові, що був приєднаний до Унева, і у Бруховичах, разом з його дитячим будинком. Жіночі студитські монастирі відкривали дитячі будинки — сиротинці, організовували дитячі садки — захоронки також поза монастирями.

У Львові митрополит Андрей Шептицький енергійно включився в культурне життя українців, у коло яких він повернувся зі своєї полонізованої сім'ї. Він самовіддано боровся проти політики полонізації, за що піддавався переслідуванням з боку галицьких поляків, а згодом і польського уряду. Митрополит виступав проти дискримінації українців, всіляко сприяв відродженню їхньої культури і моральних стандартів і по-дружньому ставився до євреїв.

У його архівах я знайшов лист на адресу представників Львівської єврейської громади. Він ніколи не забував надати бідним євреям матеріальну допомогу перед святом **Песах**, щоб вони могли купити собі мацу. Це було пасхальним пожертвуванням. До чека він завжди докладав записку зі словами дружби на адресу єврейського народу. Один лист був написаний ним особисто на піднесеному біблійному івриті. Його вчителем івриту був усім відомий у Львові антиквар і збирач книг Нафталі Зигель.

У той час, коли Андрей Шептицький був призначений митрополитом і до початку війни я не мешкав у Львові. Проте мені хотілося б відзначити, що в перший період Другої світової війни греко-католицькій церкві, а також йому та його оточенню прийшлося дуже скрутно. Він часто розповідав мені про переслідування з боку радянської влади, що почалися 1939 року та тривали аж до початку війни між Німеччиною і Радянським Союзом. У всякому разі, період, що нас цікавить, почався 22 червня 1941 року.

Українське населення Львова раділо приходіві німців і готувалося гучно привітати нових правителів. Люди бачили в них рятівників від радянської окупації і вірили, що німці гарантують їм повну незалежність і дозволять створити незалежну Україну. Проте їх чекало гірке розчарування.

30 червня 1941 року ОУН (Організація українських націоналістів) проголосила створення українського уряду на чолі з Ярославом Стецьком.

Лідером цієї організації, заснованої у 1929 році, був Коновалець. У 1938 році його було вбито і вже під час війни на роль голови ОУН було висунуто Андрія Мельника. У 1940 році організація розкололася на дві незалежних частини: власне ОУН очолив Мельник, а крайню революційну організацію — Степан Бандера.

Проголошення української незалежності німцям зовсім не сподобалося. Через кілька днів Бандера і все українське керівництво було схоплено і відправлено до концентраційного табору.

Особливий інтерес для євреїв має Пасторське послання митрополита Шептицького, написане 1 липня 1941 року, незабаром після того, як Україна проголосила свою незалежність. У своєму посланні митрополит закликає український народ до слухняності, дисципліни й виконання вказівок нового уряду. Він чекає від нового уряду, і навіть просить його про це, розпоряджень і законів, заснованих на справедливості, що будуть гарантувати добробут і достаток усього населення, незалежно від віросповідання, національної приналежності та соціального стану.

Саме цей уривок із послання митрополита, такий важливий для євреїв, говорить нам багато чого про його автора. В ті божевільні дні привселюдні заяви про обов'язок або толерантність відносно прихильників інших релігій, під якими митрополит, не приховуючи цього, розумів у першу чергу євреїв, потребували чималої мужності і непохитності моральних підвалин. Не зайве нагадати, що в той час українці, на жаль, теж брали участь у лобитті євреїв.

Подібні заклики були вкрай непопулярними, і той, хто їх проголошував, наражався на чималий ризик. Дійсно, наслідки не примусили себе очікувати. Гімлер наказав заарештувати митрополита. Він миттєво надіслав наказ коменданту Львова Ляшу і, якщо я вірно пам'ятаю, начальнику львівського гестапо негайно заарештувати митрополита. У відповідь Ляш подав докладний звіт про ситуацію, що склалася. Він підкреслив, що арешт митрополита викличе сильну ворожість з боку українського населення, на підтримку якого німці повинні розраховувати на даний час. Місцеві українці, говорив він, єдині, хто підтримує німців та їхні воєнні операції у Східній Галичині на східних українських територіях. Митрополит користується надзвичайною популярністю і його арешт становить небезпеку для всієї німецької армії в регіоні. Гімлер скасував арешт, але наказав уважно стежити за митрополитом і всіма його діями.

Якщо вірити представникам українського духовництва, позиція німців стосовно митрополита й оголошення незалежності України значно зменшила симпатії українського населення і викликала ворожість стосовно німецької армії. У тих самих колах були незгодні з тим, що німці нібито зазнали поразки на території України тільки тому, що вони

змогли захопити лише невеличку частину Росії. Поразка німців в Україні багатьма пояснюється ворожим ставленням частини українського населення до них. Такої точки зору дотримувалися українці в палаці митрополита та його архієпископстві.

Гітлер розділив Україну на дві частини. Східну Галичину, тобто Західну Україну, було включено до генерал-губернаторства, тоді як іншу її частину було передано рейхскомісару Коху, який робив усе можливе, щоб заслужити симпатії українців, переслідуючи всі інші національності, що жили на цій території.

Злочини, скоєні рейхскомісаром Кохом і нацистськими правителями на Україні, добре відомі. Але й багато українців брали активну участь у переслідуваннях і знищенні євреїв.

Проте повернімося до моєї розповіді: я одержав притулок у бібліотеці митрополита. Чернець, що прислужував митрополитові, тричі на день приносив мені їжу. Моя їжа складалася, головним чином, із хліба та овочів, а іноді я одержував варене яйце або стакан молока. Все це приносили не з кухні, тому що моє перебування в палаці трималося в таємниці. Про нього, крім митрополита, знали лише дві особи: цей чернець і секретар митрополита, священник Жолдак. Останній, розумна і добра людина, був дуже прихильний до мене, дуже тепло ставився до євреїв і широко їм співчував.

На другий день свого перебування в палаці я удостоївся візиту ігумена Климентія Шептицького. Він кілька годин провів у відгородженому для мене закутку бібліотеки, розраджуючи мене і розповідаючи про мою дружину й дочку. З огляду на необхідність дотримання безпеки він відмовився назвати місце, де вони ховаються. У ці часи важких іспитів, сказав він, ніхто не знає, що принесе наступний день. Хтось із нас може потрапити до рук гестапівців і під катуваннями розповісти їм про укриття. Зараз мені достатньо знати, що вони здорові й перебувають у безпеці. Мою дружину забезпечили надійними українськими документами, і вона працює в місті, а дитину влаштували у дитячий будинок. Його м'яка, втішлива промова суперечила суворому, аскетичному вигляду його обличчя. Я бачив, що він глибоко розуміє невимовну трагедію мою і мого народу і широко нам співчуває, сприймаючи наші муки, як свої власні. Якимось чином він мені пообіцяв, від свого імені й від імені митрополита, зробити все можливе, щоб врятувати єврейських дітей. «Але я повинен сказати, — додав він, — що це дуже важке завдання. Не кожен здатен піднятися до того, щоб ризикувати своїм життям заради порятунку єврея. Не кожний готовий до такого вчинку. Дівчаток рятувати легше, ніж хлопчиків. Митрополит розіслав інструкції деяким священникам у повітових містах, як рятувати дітей і куди їх приводити, але я не можу назвати імена цих людей, знов-таки, з міркувань безпеки».

Монастир

Бібліотека в палаці митрополита на горі Юра лишалася моєю схованкою до 1 червня 1943 року. Ввечері 2 червня Грицай повідомив мені, що цієї ночі я повинен покинути палац і перебратися до студитського монастиря на вул. Петра Скарги. Залишатися на горі Юра стало для мене небезпечно. Занадто багато людей, у тому числі й німців, заходили у справах до палацу, який був центром греко-католицької церкви. Мені буде спокійніше в мирних стінах студитського монастиря, де рідко бувають сторонні. Почуваючи себе в безпеці, я легше переживу часи важких іспитів, усі ці страхиття воєнного часу.

Пізно ввечері в бібліотеці з'явився Грицай разом з ченцем середнього віку, якого відрекомендував мені в такий спосіб: «Це брат Теодозій, чернець студитського монастиря. Він буде вашим супровідним, компаньйоном і посередником у ваших контактах із зовнішнім світом». У темряві я не міг бачити обличчя ченця, але я чув його спокійний, приязний голос і відчував дотик огрубілої від роботи руки. «Мене звуть Теодозій, і надіслав мене його високопреосвященство митрополит. Відтепер я буду піклуватися про вас».

Він дав мені довгу рясу з великим каптуром, яку носили студитські ченці, і, після того як я вбрavsя в неї, взяв мене за руку та повів з палацу. Перед виходом за браму він зупинився і сказав: «Може трапитися, що дорогою нас зупинять і будуть перевіряти. Це небезпечний час. Запам'ятайте: ваше ім'я отець Матеуш. Всі ваші папери знаходяться у настоятеля монастиря. Якщо вони запитають вас, відкіля ви йдете, ви скажете, що відносили митрополиту книги з монастирської бібліотеки, а зараз повертаєтеся до монастиря. Але переважно буду говорити я. Ваша українська недостатньо бігла і буде краще, щоб я говорив за нас обох. Якщо це буде можливо, спробуйте утриматись від розмов».

З цими словами він вивів мене за хвіртку. Ми відразу опинилися на вузькій вуличці, що вела з гори Юра прямо на вулицю Петра Скарги. Незабаром ми підійшли до довгого будинку, який тягнувся вздовж усього невеличкого провулка. Праву його частину займала сучасна лікарня, заснована митрополитом для українського населення, яка носила ім'я митрополита. Монастир розташовувався у лівій. За вулицею починалась гора Юра, там були кафедральний собор, духовна семінарія і палац митрополита. Вікна монастиря й лікарні виходили на Юрієву гору.

Ми зупинилися біля хвіртки. Отець Теодозій, як було умовлено, подзвонив тричі, і двері відчинив сам ігумен, який вже чекав мене. Це була висока худа людина з обличчям аскета, одягнена у чорну чернечу рясу. Він одразу відвів мене до невеличкої кімнати на третьому поверсі,

що знаходилася в самому кінці коридору, поруч зі сходами, які вели на горище. Звернувся він до мене на моє нове ім'я.

«Отець Матеуш, ви будете жити в цій келії. Брат Теодозій буде забезпечувати вас усім необхідним. Крім мене, брата Теодозія і ще одного молодого брата Бена, учня духовної семінарії, ніхто не знає, що ви тут». Після цього вони замкнули мене в келії і пішли. Келія освітлювалася електричною лампочкою, в ній були топчан, невеличкий стіл і стілець. У кутку стояв глечик з водою та олов'яний кухоль.

Я ліг на топчан і замислився. Перший раз із моменту втечі з табору я намагався оцінити те нове дивне становище, в якому я опинився. До того, як я потрапив у цю келію, я жив як уві сні. Хоча я усвідомлював усі свої вчинки та їхні наслідки, мій розум просто не в змозі був осмислити, наскільки радикально змінилося моє становище. Різниця між цими двома світами — Янівським табором з його страхіттями, звірствами та вбивствами, з одного боку, і спокоєм, що царював у закритому, ізольованому від світу монастирі, з іншого боку, — була занадто різною. Що зараз роблять євреї в гетто? Що там відбувається? Що трапилося з моїми друзями в таборі? Мені було ясно, що там щось не так. Мене опанували докори сумління. Чи мав я право втікати, рятуючи себе? Лячна тиша замкненої келії віддавалася в моїй голові. Я не міг ні розслабитися, ні заснути.

Перед моїми очима пропливали дикі сцени табірної життя, які, немов у калейдоскопі, заступали одна одну. Я пригадав записку, яку моя дружина передала мені з незнайомим в'язнем. Там повідомлялося, що в резиденції Шептицького на мене чекає порятунок, і тому я можу сміло втікати з табору. Для мене було підготовано схованку. Записка означала життя, тоді як шоденне перебування в таборі обіцяло смерть. А нам усім так хотілося жити, жити за будь-яку ціну, жити, як живуть вільні люди, і побачити поразку Гітлера.

Навряд чи мені пощастить знайти слова, щоб описати ту страшну внутрішню боротьбу, яка охопила мене тим холодним зимовим ранком під час переклику. Я гадаю, той, кому не довелося пройти через табір примусової праці, просто неспроможний зрозуміти цю боротьбу, яку веде сама з собою людина, обираючи життя або смерть. Мені здавалося, що я стискаю рукою не записку від дружини, а шматок розпеченого заліза. І я вирішив відмовитися від цієї нагоди. Я навіть не розповів про неї своїм друзям, бо надто добре знав, що за кожного втікача на наступному переклику будуть розстріляні чотири чи п'ять євреїв. Саме це міркування виявилася для мене вирішальним. Втеча за таких обставин суперечила єврейській моралі та єврейським законам. Тому я залишився в таборі. «Чому ти вважаєш, що твоя кров червоніша за кров інших людей і що твоє життя цінніше за життя інших людей? Можливо, істиною є протилежне?» (Трактат Sanhedrin, арк. 74, с.2).

Але як все трапилося цього разу? Об 11 ранку, після нічної зміни, я дізнався від поляка, що управляв фабрикою VIB на вулиці Замарстинівській, про криваву розправу в таборі. Чи повинен я був залишитися і сам повернутися до табору? Кому б я цим допоміг? Що доброго було б у моєму вчинку? Я вирішив тікати.

Це так дивно, схоже на сон, і проте, це — правда. Менше за все я міг припустити, що одного прекрасного дня я буду шукати захисту в українському монастирі. Моє серце шалено билосся, кров стугоніла у скронях. Я намагався осмислити своє становище, становище людини, яка змушена, подібно переслідуваній тварині, шукати рятунку, а також страшне становище мого народу. Мої губи шепотіли слова великого плачу Єремії:

«Уставай, голоси вночі на початку сторожі!

Виливай своє серце, мов воду, напроти обличчя Господнього!

Підійми ти до Нього долоні свої за душу своїх немовлят,
що від голоду мліють на розі всіх вулиць!..

Споглянь, Господи, і подивися, кому Ти зробив отаке?» (Плач Іеремії (2:19-20).

Навколо запала повна тиша, монастир занурився у сон. Мені ж заснути так і не вдалося. Коли почало розвиднятися і перші промені нового дня пробралися крізь невеличке віконце моєї келії, я почув вдалині рипіння дверей і відлуння кроків.

У досвітньому напівморозі до мене долинули звуки дерев'яного клепала: хтось з ченців будив інших на ранкову молитву. Він обійшов увесь коридор, ударяючи своїм клепалом і мугикаючи щось монотонне. Спочатку я не міг розібрати слів, та коли він наблизився до моєї келії, я розпізнав слова одного з Псалмів (Псалом 134):

«Поблагословіть оце Господа, всі раби Господні,
що по ночах у домі Господньому ви стоїте!

Ваші руки здійміть до святині і Господа благословіть!»

Я впізнав стару церковнослов'янську мову, яку колись вивчав у Віденському університеті. Тоді мене зацікавила ця мова, і я став брати уроки у професора Трубецького, російського князя, вченого, який утік з Росії під час революції і був запрошений на кафедру славістики Віденського університету.

Нараз увесь будинок сповнився шуму. Ченці вмивалися й готувалися до ранкової молитви, яка відбувалася у великій капелі, розташованій у просторому залі на першому поверсі. Незабаром шум стих, і монастир знову поринув у тишу. Раз у раз до мене доходили звуки хоралу — ченці молилися.

Вже зовсім розвиднілося — народився новий день. Я підвівся з ліжка та обмив водою з кухля свої руки і палаюче обличчя. Поруч з моїм ліжком лежала моя схудла торба, у якій знаходилося все моє майно. Я став шукати

таліт і *тфіліт*, що були зі мною в таборі. Я ніколи не розлучався з ними, навіть у найважчі і найнебезпечніші хвилини. Проте цього разу я не знайшов їх у своїй торбині. Наступного дня, коли я трохи звик до свого нового оточення, я набрався хоробрості і запитав брата Теодозія про малеснький мішечок з моїми релігійними приналежностями. Теодозій повідомив мені, що він запитував ігумена, що робити з моїм мішечком і чи можна повернути його мені. Вони поставилися до цього питання дуже серйозно і дійшли висновку, що краще забрати мішечок з торби і сховати.

«Це надто небезпечні часи, — пояснив він. — Ми ніколи не застраховані від обшуку. Якщо гестапо знайде вузлика з єврейським молитовним покривалом і *філактеріями*, життя всього монастиря, не кажучи вже про ваше власне, наразиться на велику небезпеку. Якщо, із Божою поміччю, ми зможемо врятувати вас і пережити війну, ми повернемо вам ваші молитовні приналежності».

Я прийняв це пояснення і більше не наполягав.

Два дні я провів у келії. 4 червня, пізно ввечері, двері тихенько відчинилися, і на порозі з'явився настоятель разом із братом Теодозієм та молодим семінаристом Беном. Після того, як вони присіли на моєму топчані, я почув таке:

«Зараз у місті дуже напружене становище. Ходять чутки про наближення страшної *акції*. Точаться розмови про остаточну ліквідацію табору та гетто. «Арійських» жителів попереджають, що переховування євреїв карається смертю. Німці обшукують житлові будинки, приватні та громадські, і навіть монастирі. Ми не впевнені, що вони не придуть до нас. Тому, порадившись з митрополитом, ми вирішили влаштувати для вас безпечніше сховище на горищі. Його спорудив досвідчений тесля з Личаківського монастиря. Сам митрополит розкрив йому нашу таємницю і попросив підготувати на горищі таємну схованку для вас. Ми втрюх допомагали йому і ніхто, крім нас, не знає про це укриття. А зараз прийшов час вам туди переселитися».

Я зрозумів, що моє становище погіршилося. Я швидко зібрав свого вузлика і був готовий іти, куди б мене не повели. У такі моменти не запитують: доводитьесь робити те, що треба.

Теодозій виїняв свого ліхтаря, обережно відчинив двері та першим вийшов у коридор. Хвилин через п'ять ми почули рипіння дверей, що ведуть на горище. Ми вирушили з келії та обережно, намагаючись не шуміти, почали підніматися услід за ним. Залізні двері горища були відчинені.

Брат Теодозій освітлював нам шлях маленьким електричним ліхтариком. Велике просторе горище було поділене дерев'яними перегородками на окремі секції. Теодозій зупинився біля однієї з них і обережно зрушив убік декілька дощок, показавши вхід до мого сховища. Зігнувшись, я протиснувся всередину. Там я побачив ліжку з залізною сіткою без матраца. На ліжку лежало кілька селянських кожухів.

— Спати ви будете тут, — сказав він. — З міркувань безпеки ми не принесли матрац та білизну. Поки вам доведеться задовольнитися тим, що тут є.

Побажавши мені добраніч, вони пішли. Я залишився сам на сам у темнім сховищі, охоплений своїми думками. Поступово мої очі звикали до пітьми, і я почав розглядатися навколо.

Сховище було розміром з середню кімнату і мало два невеличких віконця. Було дуже холодно і мене почало трусити. Я ліг на ліжку, загорнувшись в кожухи. Не відчуваючи жорсткої дротяної сітки, я швидко поринув у глибокий сон.

Коли я прокинувся, моє сховище заливало світло. Я встав з ліжка, розправив онімилі кінцівки та підійшов до вікна. Відхиливши раму, я підставив тіло теплим сонячним променям. Був ясний, прозорий червневий ранок. Перед моїми очима здіймалася освітлена яскравим ранковим сонцем зелена Юрієва гора. Розміри вікна дозволяли бачити цю гору і невеличку частину вулиці Токаревського. Місто поступово пробуджувалося від сну і готувалося до робочого дня.

Від східного вікна я перейшов до того, що виходило на захід і через яке виднілися брудні старі будівлі вулиці Шумлянської.

З обох вікон свого горища я бачив людей, що виходили з будинків. Люди пересувалися повільно, начебто не встигли ще прокинутися. Вони прямували на роботу, кріпити міць німецької армії. Життя не збиралося зупинятися через знищення сотень тисяч євреїв. Місто продовжувало жити своїм повсякденним ритмом.

Усе літо, з 4 червня і до вересня 1943 року, я провів у цьому сховку. Перший тиждень був важким, можливо, найважчим за весь цей час. На початку червня німці розпочали ліквідацію гетто. Цілий тиждень доносилися до мене голоси, стрілянина. Ці червневі ночі глибоко закарбувалися в моїй пам'яті. Ночами часто чув я розпачливі зойки знайдених у бункері євреїв, яких витягали з їхніх укриттів. Моє серце переповнювалося боєм переслідуваних і свідомістю власного безсилля. Не можна передати словами ці душевні муки.

Впродовж усього червня брат Теодозій, іноді щодня, іноді через день, прокрадався до мене, приносив мені їжу, воду, а також український часопис «Українські вісті». Те, що відбувалося в гетто, змушувало його глибоко страждати — його бліде обличчя відбивало страх і біль, якими він проймався.

Від нього я дізнався про перші подробиці ліквідації Львівського гетто. Кожного єврея, що намагався чинити опір, розстрілювали на місці. Особливо жахливі були облави на дітей. Мертвих і живих, заляканих до смерті і забитих на смерть, із розчавленими черепами — звозили на підводах на станцію Клепарів і до Янівського табору.

В самому таборі теж провадився відбір. Молодих і сильних залишили поки що живими. Всіх літніх і старих відправили до Белзеца.

Теодозій розповів мені також про спробу збройного повстання в гетто. У місті люди із задоволенням переказували історію про те, як на вулиці Локетка євреї протягом декількох днів утримували бункер, і німці не могли з ними впоратися. Супроти них німці залучили українських поліцаїв, і це пояснювало, як ці новини дісталися до мене.

За тиждень я знайшов згадку про це. У газеті «Львівські вісті», що вийшла в середині червня, я побачив повідомлення про смерть українського поліцаєва, що загинув у бою з «єврейськими бандитами» у Львівському гетто. Про нього писали як про «загиблого від кулі єврейського вбивці». Само собою зрозуміло, що поліцаєві влаштували пишний похорон, і труну з його тілом несли представники різних установ та спілок. Похорон організували німці, і їх представники були серед ораторів. Словом, поліцаю була віддана остання шана з великою пишністю. Якими лицемірними, необгрунтованими і безглуздими були виступи представників «арійського» християнського світу проти «мстивих, кровожерливих» євреїв, проти «їхнього караючого Бога». Траурні оголошення в українській газеті зривали маску облуди.

Українська газета була бальзамом для мого зболілого серця. Я довідався, що євреї захищалися і що в боротьбі з ними був убитий поліцай. Євреї Львівського гетто наважилися підняти зброю проти своїх гнобителів, наважилися опиратися й помститися.

Минув червень. Львів був оголошений «Judenrein». Руїни гетто стояли як пам'ятник останньої, вирішальної битви. А я, як і раніше, знаходився у своєму сховищі.

Мій притулок на горіші був розташований під дахом, критим листовою бляхою. У сонячні дні бляха розжарювалася, і я майже непритомнів від спеки. Ночі ж були холодними, бляха швидко втрачала накопичене за день тепло, і я тремтів від холоду. «Вдень мене палила спека, а холод діймав уночі». Ніколи так уповні я не розумів змісту цього вірша, як у дні свого переховування на горіші студитського монастиря.

Єдиним моїм читанням були вже згадана українська газета, Біблія і Новий Завіт у латинському перекладі Длітша.

Їжу мені приносив Теодозій або студент-теолог Бен. Обидва довго не затримувалися і від розмов утримувалися. «Арійські» мешканці перебували в постійному страху, особливо ті, хто переховував у своїх будинках євреїв. Виявивши схованку, німці знищували євреїв разом з тими, хто їх ховав.

Дні та ночі в моєму сховищі. Довгі, гарячі дні, без новин із зовнішнього світу, без духовної поживи для розуму. Я годинами стояв біля вікна й дивився на Божий світ. З одного — Юрієва гора, що купається в соковитій зелені, з іншого боку — вулиця й будинки, повні чоловіків, жінок та дітей. З глибини моєї душі лилися слова гарячої молитви: «Боже! Владико небесний! Чому? Чому всім цим людям Ти дозволяєш вільно ходити, тоді як я знемагаю в цій камері?» І думалося, немає у світі людини, спроможної

описати, або зрозуміти стан єврея, що стоїть біля вікна і споглядає на світ Божий. Не раз, коли я думав, ніби, я єдиний єврей, який залишився на землі, і мені здавалося, що я божеволію. В такі хвилини я знаходив розраду в молитвах і в Книзі Псалмів, псалмів, що уже тисячі років розраджують євреїв в нестерпному становищі. Звертаючись до великого, милосердного й усюж незбагненного Бога, мої губи шепотіли гіркі скарги. Тільки звільнивши своє серце від гіркоти і виливши свої муки перед Творцем, я міг не надовго заспокоїтися.

Вулиця, з її шумом, перехожими, з упорядкованим побутом, зводила мене з розуму. Варто було мені підійти до вікна, як я починав втрачати розум: жінки штовхали перед собою візочки з дітьми, люди літнього віку, зручно влаштувавшись на лавах, про щось жваво розмовляли, повільно прогулювалися молоді пари, група дітей щось співала, їхні невинні обличчя випромінювали радість життя. О Творець! Як це можливо? Хіба вони не знають, що коїться за парканом? Хіба їм не відомо, що там, як вода, летіть кров і людей закопують живими?

Я був цілком бездіяльний. Те, що я щодня спостерігав з вікна горища, породжувало зневіру д людей. Страждань євреїв ніхто не помічав. Прірва між ними й іншим світом здавалася занадто великою, щоб її коли-небудь можна було подолати. «І зненавидів Ісав Якова». Як стверджують наші мудреці, це було визначено *Галахою*. Ця страшна ненависть тяжіє над нами жорстоким вердиктом, безжалісним законом. Здавалося, навіть ріки єврейської крові не здатні вгамувати цю ненависть.

Я згадую випадок на горі Юра в середині серпня, побачений зі свого сховища. Це було у неділю, після полудня. На траві між деревами розташувалося багато людей, що прийшли сюди з сусідніх вулиць відпочити після тижня важкої праці. Деякі, поклавши на землю ковдри, влаштували в парку щось схоже на пікнік. Раптом я побачив дванадцяти, може, чотирнадцятирічного хлопчика, що стрімкими кроками прямував по парку. Він часто зупинявся, оглядався навколо, очевидно, шукав собі місця. Потім він швидко піднявся схилом гори та влаштувався під низьким крислим деревом на досить великій відстані від інших відпочиваючих. Хлопчик з першої миті привернув мою увагу. Мені не сподобалася його розгониста нервова хода, а також те, що він обрав таке відлюдне місце. У мене виникла підозра, що він єврей. Зі свого вікна я бачив лише обриси його обличчя. Але одне я бачив дуже добре: швидкі, нервові погляди, які він кидав через плече. Я не міг бачити кольору його очей, але я бачив його занепокоєння, моторошний страх, що був мені самому добре знайомий. Я відчував невидимий зв'язок із цим хлопчиком. Стояв біля вікна і дивився на нього, мов загіпнотизований. Хлопчик прихилив голову до дерева. Може, він спав, а може, просто відпочивав, спостерігаючи за тим, що відбувається навколо? Хто може знати, що коїлося у душі переслідуваного єврейського хлопчика?

Я простояв біля вікна більше години. Була шоста, може, сьома година вечора: літні сутінки не поспішали опускатися на землю. Раптом на горі з'явилася галаслива дитяча компанія. Діти швидко розсипалися по всьому схилу. Все було так, як і повинно бути: вигуки щасливих дітей, ігри. У цьому не було нічого незвичного.

Біжучи наввипередки, двоє з них опинилися поруч із деревом, під яким відпочивав хлопчик. Зупинилися і стали дивитися на нього. Я не міг чути, про що вони говорили. Але я бачив, як один із них стрілою метнувся назад до інших дітей і став збуджено показувати на хлопчика і свого товариша. Незабаром уся компанія рушила до дерева й оточила хлопчика. Хвилин п'ять вони жваво сперечалися, кидаючи на хлопчика швидкі погляди. Їхні збуджені голоси привернули увагу дорослих. Деякі з них поїднілися з трави та підійшли до дітей. Діти розбіглися, а дорослі почали допитувати хлопчика — вони говорили усі разом і розмахували руками. Раптом всі, хто був на горі захвилювалися, збудження охопило кожного. Напруження посилювалося з приходом українського поліцая. Мені невідомо, чи хтось покликав поліцая, чи він з'явився там випадково. Він підійшов до хлопчика. Юрба відступила. Обстеження, яке провів поліцей, було коротким. За кілька хвилин, ведучи хлопчика за руку, він прямував у бік вулиці Грудешької.

Я шосили напружував очі, намагаючись побачити обличчя хлопчини: можливо, воно могло б розповісти мені, що коїлося в його душі. Я не бачив його рис, але спостерігав невпевненість і знервованість, які опанували дитину. Він тихо йшов поруч з поліцаєм. І тут я збагнув: то була покора, безпомилкова ознака покори. Всі євреї, переступивши поріг страху і занепокоєння, виглядали так. Покірні, навіть байдужі, вони йшли на смерть.

Хлопчика повели. Настав вечір. Люди почали повільно розходитися. Я залишився на самоті зі своїми думками. Я побачив себе п'ятишестирічним хлопчиком під час занять у *хедері* свого рідного містечка Гримайліва. Ми вивчали розділ про принесення у жертву Ісаака. Я був глибоко зворушений цією простою, але хвилюючою історією. Наш ребе знав, як правильно подати її: Авраам, наш батько, веде свого єдиного сина, щоб принести його в жертву. Дивіться, вони вже досягли вершини гори Морія. Дивіться, Авраам зв'язує маленького Ісаака, кладе його на вівтар і здимає ножа, щоб убити свого єдиного сина.

Мої нерви не витримали напруги і я розридався. Ребе Давид Хансис нахилився наді мною, ласкаво погладив мене своєю ніжною рукою і сказав: «Заспокойся, мій хлопчику, заспокойся, не треба плакати: це лише випробування. Ангел Божий зійшов з небес і врятував Ісаака». О Великий Боже! Де той ангел, що врятує наших дітей і не дасть принести їх у жертву?

Наступного ранку до мене прийшов брат Теодозій. Він нечутно причинив за собою двері та сів на ліжко. Ми обидва довго мовчали. Я

перший порушив мовчання і запитав, чи не відомо йому, що вчора сталося на горі. І він відповів:

«Те, що трапилось вчора, приголомшило нас. Юрба видала єврейського хлопчика поліції. Хлопчик, мабуть, втік від гестапівців, які викрили сховище його родини. — Теодозій на мить зупинився, потім продовжував: — Не всі поводять себе так, як ті, кого ви бачили вчора на горі. Я не повинен був би нічого говорити, але бачу, яких страждань заподіює вам те, що відбувається. Я хочу вам щось розповісти. Ми з другом, братом Лазарем, працюємо шевцями на фабриці «Солід». У пивниці фабрики ми спорудили бункер, де переховуємо єврейську родину на прізвище Функ. Я молю Бога, щоб він допоміг нам врятувати цих людей. Гадаєте, легко ховати вас у цьому монастирі? Через кілька тижнів після того, як вас сюди перевели, обшуки посилюються. Настоятель, отець Никанор, скликав усіх братів і розкрив їм таємницю вашого перебування тут. Якщо німці прийдуть з обшуком і знайдуть вас, ми повинні зробити все, щоб зняти підозру з монастиря і попередити можливість колективної відповідальності за цей вчинок. Тільки так можна вберегти монастир від знищення, а ченців — від смерті. Отже, один із ченців повинен добровільно взяти відповідальність на себе. Настоятель запитав: «Хто готовий взяти на себе відповідальність?» Усі, як один, зробили крок вперед. Кожний був готовий ризикувати. І вам належить знати, що не тільки ми, ті, хто знаходиться під особистим впливом митрополита Шептицького, але й багато священників у повітових містах беруть участь у рятуванні євреїв, особливо, дітей. Серед них Котів, Іванюк, Марко Стек, Тит Пронюк, Грищай, Мартинюк, Купріян, ігумена жіночого студитського монастиря Йозефа, Герман Будзинський та інші».

Добрий Теодозій, шляхетна душа, розумів, яких страждань я зазнав внаслідок учорашнього випадку, і всіляко намагався розрадити мене. Він довго просидів у мене в головах, розповів мені про своє життя. Коли він пішов, у моєму помешканні вже стемніло.

І знову я залишився зі своїми думками. Як важко поєднати два світи в українському народові. З одного боку — національні герої — Хмельницький, Наливайко, Гонта і, останній (за переліком, але не за жорстокістю) Петлюра, а українські поліцаї, що допомагають німцям у знищенні єврейського народу. І будь-що, національний рух, чи повстання, завжди супроводжувалися ріками єврейської крові. Українці завжди виливали свій гнів на євреїв. З другого боку — шляхетні постаті митрополита, його брата ігумена, священників Тита, Грищая, Стека, Мартинюка та інших. Як це можливо? Чи можна поєднати подібні протиріччя?

Закінчувався серпень, наставав вересень. Ночі стали холоднішими, наближалась осінь. Теодозій приносив новини із зовнішнього світу: то в гетто виявили сховок з євреями; то селяни захопили кілька десятків євреїв,

що ховалися у лісах, і передали в гестапо. Була лише одна добра новина: на всіх фронтах німці зазнавали поразок, були всі ознаки того, що наближається час, коли німецька армія буде розбита.

Якось у середині вересня я почув серед ночі підозрілий шум у коридорах монастиря. Радше я його відчув. Вічно напружені нерви загострили мій слух. Потім я почув характерний звук важких кроків на сходах, що ведуть на горище. Рипнув замок, і залізні двері відчинилися. Тепер я чітко чув розмову, між настоятелем монастиря Никанором і його німецькими «гостями». Обшук! Не мало значення, що або кого вони шукали. Якщо вони виявлять мою схованку, я пропав. Я дрижав, серце вискакувало з грудей. Очі шукали укриття в темному кутку. Але де я міг сховатися? Я чув кроки і гучні голоси. Вони щось шукали, у цьому не було сумніву. Потім я почув їх поруч свого сховища. Зараз вони розсунуть дошки, і моя доля наперед вирішена.

Проте Провидіння вирішило інакше. Обшук горища тривав хвилин десять, але мені цей час видався вічністю. Який тягар звалився з мого серця, коли я почув рипіння дверей, які зачинилися за «гостями»! Я був врятований. Сховище надійне. Хвала Тобі, Всесильний Боже!

Я з нетерпінням чекав ранку. Теодозій, напевно, розповість мені, що трапилось і чому відбувся обшук. Але Теодозій не з'явився. Я чекав даремно. З настанням вечора моє нетерпіння і занепокоєння посилились.

Повернення до палацу митрополита

Близько одинадцятої вечора мені знову довелося пережити хвилини страху. Я почув, як відчиняються залізні двері, потім на горищі почулися кроки: хтось наближався до мого сховку. Але коли людина відсунула дошки, я побачив, що це Бен. Він був збуджений і наляканий. Від нього я дізнався, що, очевидно, хтось доніс на мене німцям і минулої ночі вони зробили ретельний обшук усіх помешкань. Вони все перевернули догори дном: чернечі келії, бібліотеку, велику трапезну, секретаріат, шукали навіть у капелі. Нарешті вони зажадали ключів від горища, але, на щастя, нічого не виявили. Все скінчилось добре. Проте митрополит вирішив забрати мене назад до свого палацу. Він боявся гестапо і не довіряв йому. Тому сьогодні вночі Теодозій знову відведе мене на гору Юра.

Я цілком спокійно зустрів новину. Я був уже готовий до переїзду, до будь-яких нових труднощів, готовий був пристосовуватися до будь-якого нового становища. Цього вечора я не лягав спати і чекав, коли Теодозій прийде за мною. Він прийшов опівночі і приніс мені деяку одяжину. Він розповів, який має бути наш шлях, і, найголовніше, забезпечив мене виданими монастирем документами, у яких я значився як отець Матвій. Він ще раз нагадав мені: якщо нас будуть перевіряти,

то я — чернець і звать мене Матвій, і нагадав про всі перестороги, яких ми дотримували на початку літа, коли перебиралися з палацу на вулицю Петра Скарги.

За кілька хвилин ми вже були за ворітьми. Я дихав на повні груди свіжим, прохолодним нічним повітрям, що після тривалого ув'язнення на горищі мене буквально п'янило. Теодозій ішов швидко, я ледве встигав за ним. Цього літа я не мав можливості рухатися і майже розучився ходити. На шляху до палацу ніхто нас не зупинив. Хвіртка відразу відчинилася, як тільки ми подзвонили: чернець уже очікував на нас — Теодозій передбачив усе.

Не минуло й кількох хвилин, як я знову опинився в тихому закутку бібліотеки, де переховувався на початку літа. Я сів на вже знайомий мені шезлонг і поринув у свої думки. Я змушений поневірятися, думав я, як Вічний Жид. Але це не прокльон, посланий на мене, не гнів Божий. На мене полюють люті, злочинні люди. Я ховаюсь як лісовий звір, який намагається врятуватися від кулі мисливця. Сталось так, що я знайшов захист і допомогу в палаці християнського архієпископа, по суті, в резиденції українського архієпископа, люди якого, ставши поплічниками німецьких хазяїв, брали участь у знищенні євреїв. Те, що з усіх можливих місць я знайшов сховок саме тут, здавалося жартом, який зіграла зі мною доля.

Уранці зайшов провідати мене священник Котів. Він приніс коротеньку цидулку від моєї дружини. Вона і дівчинка почувають себе добре і сподіваються незабаром опинитися на свободі. Я дотепер не знав, де вони знаходяться, але вже ця інформація мене заспокоїла. Мене провідали також ігумен Климентій, Грицай і Теодозій. Ігумен розплакався. Він мене урочисто запевнив, що всі дорослі й діти, які є під його захистом, живі та здорові, добре заховані і з ними не може трапитися нічого поганого. Коли ми розлучалися, він повідомив, що ввечері на мене чекає зустріч із митрополитом.

О дев'ятій вечора до моєї схованки завітав Грицай. Гадаю, він був особистим секретарем митрополита. Він супроводив мене на цокольний поверх та швидко ввів до робочої кімнати митрополита. Напівпаралізований Шептицький сидів у своєму кріслі. На ньому була довга темна мантия, підперезана шкіряним ременем. Його пишна довга біла борода, подібно вдалому мазку художника, підкреслювала витончені риси його обличчя, що випромінювало духовність і людяність. Він подав мені руку, привітав мене словом «Шалом» і попросив сісти поруч із ним. Слух цієї людини, якій вже минуло за вісімдесят, встиг послабшати. Грицай вийшов, і ми залишилися сам на сам. Ніхто не починав говорити. Я відчував, що йому нелегко розпочати розмову на тему, яку він збирається обговорювати. Нарешті, він попросив мене дати правдивий опис Янівського табору. Він має у своєму розпорядженні надійну інформацію про становище у

Львівському гетто, а також у гетто міст і містечок області. Але вісті, що надходять до нього з табору, заплутані і лякливі. Митрополит висловив бажання дізнатися про все від свідка.

Я виконав його бажання. До пізньої ночі переказував йому криваву історію Янівського табору. Я змалював пекло, що панувало там, і вчинки вбивць, дотепер не знаних в історії людства: Вільхауза, Еплера, Гебауера, Блюма, Хейніша, Гржимека та інших.

Митрополит не міг здержатися: він постійно утирав сльозу, що раз у раз стікала по його щокці. Він був глибоко схвилюваний. У відповідь я одержав від митрополита повний текст листа, якого він надіслав Гімmlеру, і Пасторське послання, опубліковане в «Львівських архієпархіальних відомостях» (№11 за листопад 1942 року, том 50, с.177-183), під назвою «Не убий». З цими двома документами в руках я повернувся до свого укриття.

Читати їх я почав наступного ранку. Про існування цих документів я вже знав, тому що митрополит повідомив мене про їх написання під час нашої першої зустрічі. Але цього разу все було інакше. За цей час було ліквідоване Львівське гетто, всепроникне полум'я продовжувало буяти, євреїв знищували так запопадливо, що, здавалося, жоден єврей не переживе катастрофи, і євреїв не стане на землі. На цьому тлі Пасторське послання митрополита Шептицького набувало особливого сенсу. Крім того, воно було сповнене надзвичайної людяності і виявляло високі моральні якості автора.

Обидва листи справили на мене сильне враження. У листі до Гімmlера митрополит закликав його не залучати українських поліцаїв до операцій, пов'язаних зі знищенням євреїв. Багато українців досить неосвічені і те що, вони чинять зараз із євреями, потім чинитимуть зі своїми співвітчизниками, зі своїми братами. Вони звикнуть до убивств, і потім їх буде важко відучити від цього.

Читаючи Пасторське послання, я зрозумів, яким глибоко гуманістичним був світогляд його автора. Я був збентежений. Я бачив ненависть українського народу, зривста, що чинилися українськими поліцаями, співробітництво української інтелігенції з німцями. А зараз я читаю шляхетний, безкомпромісний документ, складений українським митрополитом та його помічниками. Знову і знову я намагався досягнути два несумісних аспекти поведіння того самого народу. Я був самотній, нікого не було поруч зі мною, з ким я міг би поспілкуватися, обмінятися своїми думками, поглядами, нікому було заспокоїти мої нерви. Я мусив мовчати і з усім впоратися сам.

Через декілька днів священник Грицай приніс мені низку книг з описом подорожей на Землю Ізраїлю, головним чином, спогади або щоденники прочан, які відвідали цю Землю за різних часів. У деяких із них, наприклад, у книзі єпископа Сліпого, я виявив опис сіоністських організацій і

єврейських поселень на Землі Ізраїлю. Але разом з тим мушу зазначити, що в жодній із цих книг я не зустрів симпатії до євреїв, передусім — до нової громади на Землі Ізраїлю.

Грицай особливо рекомендував мені одну книгу, де змальовувалося паломництво митрополита, яке той здійснив у 1903 році на чолі великої групи священиків і юристів. Книга називалася «Коли русини пішли слідами Данила» і була написана за вказівкою митрополита одним із священиків, що брав участь у цій подорожі. Данило, слов'янин, який жив на початку середніх віків, був одним із тих, від кого веде свій родовід український народ. Він здійснив паломництво на Святу Землю. Зберігся опис його паломництва, написаний старослов'янською мовою. Автор же цієї книги змальовував яскравими фарбами святі місця, які відвідав митрополит у супроводі інших прочан. Ціла глава була присвячена історії Храму і Західної Стіни. Зокрема, дуже глибоке враження на нього справила велика група євреїв, що палко молилися біля Стіни, оплакуючи руйнацію Храму. Він писав: «Як разюче відрізняються ці євреї, що плачуть біля древньої стіни, від єврейських торговців, що ведуть торгівлю у великих і малих містах Східної Галичини». Симпатія автора явно була на боці мальовничої групи євреїв, які плакали біля Західної Стіни, або, як він її називає, «Стіни Плачу». Цей розділ він закінчує такими словами: «Мое серце з вами, євреї, що плачуть, ви завжди будете плакати, не перестаючи, і стіни ніколи не будуть відновлені. Тому що так призначено небом».

Всі книги, принесені мені Грицаєм, були написані в такому тоні. Звичайно, священик хотів розрадити мене розповідями про Землю Ізраїлю, знаючи наскільки близька вона моему серцю. Він не міг припустити, що ці описи завдають мені болю і ще посилюють мої муки. Цілком зрозуміло, що я не міг обговорювати це питання з Грицаєм. Але для мене міркування українського священика, який стояв перед Західною Стіною, стали нем-ов би квінтесенцією завзятої суперечки між юдаїзмом і християнством, що триває два тисячоліття. І щоб ще більше все заплутати, я жив у твердині християн, які врятували мене і моїх близьких від смерті. Як я міг сперечатися з ними?

Через кілька днів мені видалася ще одна нагода відвідати митрополита в його робочій кімнаті. Вигляд шанованої літньої людини та її добрих очей повернув мені мужність, і я наважився запитати його про те, що хотів сказати прочанин у своїй книзі. Чи означають міркування українського священика, що християнська церква не вірить у незалежність єврейської громади на Землі Ізраїлю і відмовляється її визнати?

Митрополит на хвилину замислився, а потім сказав: «Мені хотілося б відповісти на ваше запитання у світлі теперішнього становища народу Ізраїлю. Ви повинні знати, що церква виражає людяне, дружнє ставлення до єврейського народу. Офіційна церква різко і рішуче засуджує нападки на євреїв. Ми проти звірств, учинених нацистами, і зробимо все можливе.

щоб обвинуватити їх у нелюдськості і святотатстві. Пасторське послання німецького кардинала Фаулхабера, як і моє власне Пасторське послання в листопаді 1942 року, є незаперечним доказом позиції церкви стосовно нацизму і його ставлення до єврейського питання. Публікація мого Пасторського послання була пов'язана з рядом труднощів, воно кілька разів піддавалося цензурі. Нещодавно мене відвідала офіційна делегація міністерства закордонних справ Німеччини. Я відкрито засудив їхні дії і заявив протест проти жорстокого, звірського ставлення до євреїв. Ми, як людські створіння, зобов'язані заявити свій протест і найсуворішим чином засудити переслідування євреїв та всі види расової дискримінації. Я знаю, що християнський світ упродовж сторічч вчиняв гріх проти євреїв. Мене це гнітить, глибоко гнітить, і я роблю все можливе, щоб протистояти смертельному гріху переслідування євреїв. Саме на цьому я наголошував у своєму листі до Гімmlера. Що ж стосується книги про паломництво, то існує ряд теологічних постулатів догматичного характеру, які змушують нас відмовлятися від прагнень сіоністськи налаштованих політиків до незалежної єврейської держави в Палестині».

Трохи помовчавши, митрополит продовжував: «Чи замислювалися ви коли-небудь, чи ставили перед собою питання, у чому корені ненависті й жорстокого переслідування євреїв як у давні часи, так і тепер? Що є їхнім джерелом?» — Він вказав на книжкову полицю, попросив мене знайти Новий Завіт у перекладі на іврит і показав мені вірш 25 глави 27 Євангелія від Матвія: «Тут сказано: «А весь народ відповів і сказав: «На нас його кров і на наших дітях!». В інших місцях Ісус недвозначно каже, що жодного каменя не залишиться від Храму і від слави Єрусалима. Якщо ви замислитеся над цим і візьмете до уваги відповідні глави з Нового Завіту, вам легше буде зрозуміти коментар автора книги про пілігримів».

Пілком зрозуміло, що я з ним не сперечався. Як я міг сперечатися з ним про причини ненависті до євреїв та їхнього завзятого переслідування, я, єврей, що тікав із Янівського табору, переслідуваний, як дика тварина знайшов притулок у палаці князя церкви?»

Він обливши це питання і почав розповідати про те, як щороку напередодні свята Песах він посилає значну пожертву бідним з різних громад Східної Галичини, щоб вони могли купити борошно для маці. Багато грошей одержували громади Львова та Підгайців. Рабин Підгайців, ребе Лілієнфельд, приятелював із родиною Шептицьких. Він також розповів мені, що його вчителем іврити та сучасної літератури на івриті був відомий продавець книжок і вчитель Сігель. Митрополит почав вивчати іврит ще в духовній семінарії. Він писав свої послання єврейським громадам івритом і надавав особливого значення тому, що пожертвування бідним на Песах є давнім єврейським звичаєм у землях діаспори.

Ранком наступного дня священик Грицай сказав мені, що ввечері митрополит хоче мене бачити знову. З метою безпеки митрополит звичайно зустрічався зі мною пізнього вечора, після того як ішли всі гості і ділові відвідувачі.

О дев'ятій вечора Грицай провів мене до робочої кімнати митрополита і знову залишив нас наодинці. Я мав намір розмовляти з ним стоячи, але митрополит жестом своєї напівпаралізованої руки запросив мене підійти й сісти на стілець поруч із ним. «Наша вчорашня розмова не давала мені заснути, — сказав він. — Я широ каюся і дуже шкодую про те, якого спрямування вона набула. Я не повинен був цього казати. При випробуваннях, що випали на вашу долю, коли єврейський народ стікає кров'ю і гинуть тисячі ні в чому не винних людей, я не повинен був торкатися цієї теми. Я знаю, що наша розмова дуже схвилювала вас, і прошу у вас вибачення. Зрештою, я всього лише смертний і на мить дозволив собі забути про реальний стан речей».

Він дотягся до моєї руки й міцно її потиснув. Його обличчя та очі були красномовніші за будь-які слова. Якщо в мене ще й залишалися якісь сумніви щодо мети, яку він переслідував, рятуючи мене, то його ширі, від самого серця слова остаточно їх розвіяли. Саме таких незвичайних, глибоко людяних людей мали на увазі наші мудреці, коли писали: «Успадкують праведні землю, і повік будуть жити на ній».

Тим часом вересень закінчувався. Наближався кінець кривавого 1942-43 року. Суботнього вересневого вечора 1943 року євреї вільного світу, мабуть, готувалися до читання *Сліхот* (покаянних молитов, що читаються на єврейській Новий рік). Перший день Нового року припав на четвер, 30 вересня, а *Йом-кіпур* — на 9 жовтня. Завдяки тому, що я уважно додержувався всіх свят, я мав нагоду подумки спілкуватися з громадою Ізраїлю. Жодного святого місця, жодної привселюдної молитви, жодної молитовної книги і жодного єврея. Я був один, як вигнанець, вдалині від усіх. Я відзначив Дні Благоговіння в самому серці греко-католицької церкви. «З глибин я волаю до тебе, о Господи». З цими словами я вилив свою душу перед Вічним Богом.

Наприкінці жовтня 1943 року, холодним дощовим днем, Грицай повідомив мені, що я знову повинен покинути палац і повернутися до монастиря на вулиці Петра Скарги. Лінія фронту швидко пересувалася на захід, усіх довкола охопив страх, і забагато німців приходило до приймальні митрополита. За таких обставин мені буде безпечніше в студитському монастирі. Отже, знову мушу збиратися в дорогу. Переді мною стало лише одне питання: коли я повинен бути готовий до переїзду?

Тасмним проводирем для мене і цього разу був брат Теодозій, той самий дорогий друг Теодозій. Знову він ризикував своїм життям, щоб перевести мене до монастиря. Вечір був темний і дощовий. Теодозій

відсунув дошки, що закривали вхід до моєї схованки на горищі. Я нахилився і ввійшов усередину.

І от я знову замкнений у своїй схованці. Минали похмурі та холодні дні і ночі. Дощ тарабанив по залізному даху і його краплі падали, як сльози печалі, у мою душу, викликаючи відчуття глибокої зневіри. Кістки нили від вогкості. Я постійно тремтів від холоду, раптом виник жар, з'явився кашель. Я застудився, але запрошувати лікаря було смертельно небезпечно.

Теодозій перемістив мене на третій поверх, у келію поруч зі сходами на горище, яка обігрівалася залізною грубкою. Я лежав у чистому, теплому ліжку. Як багато часу минуло відтоді, як я востаннє бачив ліжку. Я приймав аспірин і пив гарячий чай. Теодозій, як звичайно, забезпечував усі мої потреби. За кілька днів я вже був здоровий.

У монастирській бібліотеці

На початку листопада 1943 року до мого укриття завітав настоятель студитського монастиря, отець Никанор. Дуже тепло зі мною привітавшись, він передав мені привітання від дружини й дочки. Він повідомив мені, що через декілька днів мене переселять до приміщення бібліотеки, яка називалася «Студіон». У мене буде спальне місце в закутку бібліотеки, і я буду працювати з ченцем Титом Протюком над упорядкуванням каталогу бібліотеки. Бібліотека «Студіон» межувала з монастирем і була його невід'ємною частиною. Ця величезна богословська бібліотека займала два поверхи і налічувала тисячі томів. Спеціалізувалася вона на вивченні Візантії: саме від візантійського християнства відокремилася греко-католицька церква. Крім того, тут була широко представлена українська література, а також література з історії та філософії. Окремий куток займали праці з юдаїки: єврейська історія, біблійні дослідження, література івритом: Талмуд і правила Галахи, Мідраші, молитовні книги тощо. Можна було також знайти в оригіналі книги таких єврейських письменників, як Шолом-Алейхем, Менделе, Перец та інші. З будинком монастиря бібліотеку з'єднував довгий коридор, двері наприкінці якого з міркувань безпеки завжди були замкнені.

Як звичайно, до бібліотеки мене відвів мій старий друг брат Теодозій. Я влаштувався в закритому кутку бібліотеки, де стояли ліжка, стіл, стілець і електрична плитка. Але найціннішим тут був бункер, вхід до якого приховували товсті томи візантійської бібліотеки. У разі небезпеки мені досить лише зняти з полиці декілька товстих книжок, щоб заповзти у вузьке, але цілком комфортабельне і добре приховане сховище. Ченці забезпечили мене системою сигналізації у вигляді електричного дзвоника. Почувши п'ять дзвоників, я мав негайно ховатися у бункері.

У моєму закутку знаходилося два спальних місця. Друге, як виявилося, призначалося для Натана Левіна, молодшого сина ребе Йехезкеля Левіна, що переховувався під ім'ям Богдана Левицького. Хлопчика переводили з місця на місце, поки митрополит не вирішив нарешті довірити його моєму піклуванню.

Через кілька днів Теодозій привів до бібліотеки одинадцятирічного хлопчика з блакитними переляканими очима. Він виявився чарівною, доброю, терплячою, кмітливою дитиною, яка прекрасно розуміла, що коїться навколо нього. Хлопчик став великою розрадою для мене в ці похмурі дні.

Другою людиною, з якою мені було призначено провести зиму в монастирській бібліотеці, був чернець Тит Протюк. Це був чоловік середнього віку, дуже високий, з великою чорною бородою і пронизливими чорними очима. Він, як і всі студитські ченці, носив просту чорну рясу з великим гостроверхим каптуром. Тит був серйозною, ґрунтовною і дружньою людиною, завжди готовою прийти на допомогу. Він глибоко співчував людським стражданням, не були винятком і ті, що випали на долю євреїв. Разом з тим, він був священиком, випускником богословської семінарії, мав університетську освіту і присвятив себе науці; особливо його цікавили біблійні дослідження.

Наша перша зустріч була дуже приязною. Він сказав: «Працюючи в бібліотеці, я більше за все хочу бути корисним для вас, допомагати вам у вашому скрутному становищі та зробити ваше вимушене ув'язнення якомога більше стерпним. Ми маємо на меті підготувати каталог бібліотеки. Я впевнений, що ця праця допоможе вам зберегти самовладання і заспокоїть ваші напружені нерви». Розмовляв він зі мною українською, але на той час я вже добре володів українською мовою і, навіть, навчився швидко читати.

Так розпочалася нова сторінка мого життя в ув'язненні — в бібліотеці, в компанії Тита. Згодом я почав навчати його івриту. Він виявився старанним учнем і вже незабаром навчився читати і перекладати прості уривки з Біблії.

Праця в бібліотеці, серед книг, діяла на мене чудово. Вона заспокоювала нерви, давала силу жити і сподіватися на краще. За цей час я встиг дуже багато прочитати. Щовечора я проводив декілька годин у кутку з книгами з юдаїки, вивчаючи главу Талмуда з тосефот. Крім того, я читав книги з історії єврейського народу, або, коли бути більш точним, я взявся за вивчення єврейської мартирології, теми, що на той час була мені найближчою. Одночасно ми з Титом почали перекладати Книгу Псалмів сучасною українською мовою. На це ми витратили багато годин. Тит планував опублікувати український переклад, до якого і я зробив чималий внесок.

У середині листопада 1943 року в монастирі з'явився новий мешканець, Курт Левін, старший син ребе Йехезкеля Левіна. В середині літа 1942 року

він прийшов до митрополита з проханням захистити його і його брата. Це відбулося незабаром після того, як я наніс візит митрополиту разом із ребе Хамейдесом. Варто нагадати, що цей наш візит, під час якого ми розповіли митрополитові про становище єврейського населення, став вихідним пунктом дуже ризикованої операції, розпочатої митрополитом. Курта і його молодшого брата з розкритими обіймами прийняв священик Котів і з того часу не обминав їх своєю турботою. Курт, який встиг витримати чимало важких випробувань перш ніж потрапити до Львова, жив під ім'ям Романа Митька, як зазначалося в його «арійських» документах. Священик Рафаїл, настоятель одного з монастирів, де Курт сподівався знайти притулок, наказав йому забиратися, не приховуючи причини: він не хотів ховати євреїв. Те, що випало на долю євреїв, сказав він, засвідчує, що Бог хоче знищення євреїв і Бог його підтримує. Всякий, хто допомагає євреям, йде проти Божої волі. Слід зазначити, що Рафаїл був одним із найбільш розумних священиків. Добре освічений, начитаний, він до того ж був талановитим художником. Отже, схоже, митрополит та його оточення не змогли поширити свого впливу і влади на всіх священиків. Зрештою Курт знайшов укриття в Карпатських горах, у маленькому віддаленому Лозькому монастирі. Там жили сім ченців-затворників: настоятель Никон і шість братів. Наприкінці листопада Курт прибув до Львова. Тепер ми втрьох працювали в бібліотеці — Тит, Курт і я.

На початку грудня нам довелося пережити першу тривогу. О восьмій вечора електричний дзвоник продзвонив п'ять разів — умовний сигнал. Виходило, наближається обшук. Ми з Натаном негайно сховалися до бункера за книжковими полицями. Курту, що мав відповідні документи і був одягнений в чернечу рясу, боятися було нічого. Через кілька хвилин ми почули, як до бібліотеки ввійшли німці у супроводі настоятеля Никанора.

Перевірка бібліотеки тривала півгодини. Німці відчиняли всі шафи, перевіряли всі папери і каталоги. Вони пройшли повз наше сховище, але ніщо не викликало їхньої підозри: маскування було досконалим. Усього протягом зими 1943-1944 рр. ми пережили шість обшуків. Шість разів ми чули умовний сигнал. Шість разів ми відчували смертельний жах — жах, що охоплює євреїв, які ховаються від німців. Але німці жодного разу нічого не запідозрили.

Наприкінці грудня 1943 року я одержав несподіваний подарунок. Ігуменя Йозефа, що очолювала всі жіночі студитські монастирі, привела до бібліотеки мою маленьку донечку, яка жила під ім'ям Ромця. Мені важко знайти слова, щоб змалювати нашу зустріч. Я притиснув її до грудей і довго не міг вимовити ані слова. Очевидно було, що дівчинка теж глибоко зворушена. Вона мовчки, оцінюючи, розглядала мене з усією серйозністю чотирирічної дитини. Але її погляд був поглядом дорослої людини. У всіх дітей гетто був такий самий вираз очей: те, що вони не могли зрозуміти,

вони інтуїтивно уловлювали своїми почуттями. Після довгого мовчання, протягом якого я мав змогу слухати голос її серця, вона нарешті притиснулася до мене, і я не зміг утриматися від небезпечного питання, що могло коштувати мені життя: «Ти знаєш, хто я такий, Ромцю? » Вона відповіла українською, тихо і несміливо: «Ти мій тато». Я ледь чув її голос. Я знову міцно притиснув її до грудей, і нам обом більше нічого не потрібно було говорити — наші серця без слів говорили одне з одним.

Весь цей час ми були в бібліотеці наодинці. Коли ігуменя забрала дівчинку, я відчув себе цілком приголомшеним. Рана, що злегка затяглася, знову розкрилася. Мої нерви, трохи заспокоєні роботою в бібліотеці, знову були напружені. Мене знову вибило з колії. Мені знадобився тиждень, щоб повернутися до старого стану.

Минула зима, із усіма її печалями та переживаннями. Вдень я працював у бібліотеці, а ніч проводив з Натаном у нашій схованці, поруч із замаскованим книжками бункером. Цілими днями ми разом із Титом і Куртом розставляли книжки і впорядковували каталог величезного візантійського зібрання. Вечорами я багато читав, книжки, які я брав у кутку юдаїки, мене заспокоювали. Пам'ятаю один вечір у середині лютого 1944 року, коли я був віднесений далеко від мого світу, від монастиря, від схованки, геть від усього, що мене оточувало. Продивляючись книжки з юдаїки, я натрапив на розповідь у Гемарі Тааніт (22), де оповідалося, що в часи небезпеки євреї мали право зняти свій національний одяг й вбратися в одяг іноверців, щоб ніхто не міг їх упізнати. Викладення подібної історії я знайшов у Мідраші Раба. Наші «арійські» документи, нееврейське вбрання, весь цей маскарад призначений для того, щоб врятувати наші життя. Хоча теперішня катастрофа не має собі рівних за всю історію єврейського народу, запобіжні заходи, необхідні євреям для порятунку їхнього життя, анітрохи не змінилися.

Час від часу до мене заходив настоятель монастиря ігумен Никанор. Це була дуже приємна людина, уважна і турботлива. Він завжди знаходив слова, що вселяли надію. Лінія фронту весь час наближається, казав він, німецьку армію незабаром буде розбито. І дійсно, десь з напрямку Тернополя вже було чітко чути канонаду. Навіть звідси можна було бачити заграви. Нам треба триматися, покластися на Бога і сподіватися на швидке звільнення.

Вісті із зовнішнього світу я одержував через Курта, що зі своїми документами, одягнений у чернечу рясу, міг насолоджуватися вільним пересуванням. Крім того, до мене часто приходив добрий брат Теодозій з новинами, які особливо цікавили мене, а саме все те, що стосувалося євреїв. Більшість із них були доведені до повної зневіри. Окупанти виявляли бомбосховища, де ховалися євреї, і всіх, хто там був, розстрілювали. У декількох місцях разом із євреями, яких вони переховували, були розстріляні сім'ї християн. Від нього я також дізнався, що Янівський

табір продовжує працювати, і керує ним зараз новий комендант — Варзог. Звірства в таборі не зменшилось; навпаки, знущання ставали ще більш досконалими. Тепер туди привозять для знищення євреїв з усієї Східної Галичини. Замість того щоб згаснути, пекельне полум'я розпалюється все сильніше.

На кінець квітня ставали все більш відчутними ознаки того, що німецька армія відступає і що поразка німців уже недалеко. Радянська Армія почала бомбувати Львів. І раптом якось ранком Тит повідомив мене, що в неділю я зможу побачити свою дружину. Очевидно, на горі Юра вирішили, що настав час для зустрічі. Дотепер я одержував лише скупі звістки про неї: ті, хто передавав інформацію, боялися повідомляти мені більше. У неділю, близько 10 ранку, моя дружина прийшла в монастир у супроводі матері Йозефи. Нарешті я міг почути її історію.

Вона покинула гетто в 1943 році, після Йом Кіпура. Не відрізняючись добрим здоров'ям, вона мусила віч-на-віч зустрітися з жорстоким світом. Перше своє укриття вона знайшла в Личаківському жіночому монастирі, що на вулиці Убоча, в резиденції ігумені Йозефи (Олени Вітер), яка очолювала всі жіночі студитські монастирі. Це була інтелігентна жінка років сорока, тонких почуттів, енергійна, але водночас дуже нервова. Володіючи глибокими знаннями, вона твердою рукою спрямовувала думки і дух усіх тих, хто перебував у підвладних їй монастирях, де вона спромоглася встановити порядок і сувору дисципліну.

Студитський орден устиг створити розгалужену мережу чоловічих і жіночих монастирів, добродійних установ і дитячих будинків. У цьому з студитами міг конкурувати хіба лише більш старий і витривалий орден василіян. Вони користувалися повною підтримкою з боку митрополита, незважаючи на те, що в минулому він сам був василіянським ченцем.

Мудре керівництво ігумені Йозефи добре відчувалося в усіх керованих нею закладах. Після того, як моя дружина покинула гетто, ігуменя відправила її до жіночого монастиря в Брюховичах, де вона вивчила українську і познайомилася з новим оточенням, у якому тепер мала жити — з людьми, звичаями і можливою небезпекою. Її забезпечили справжніми, надійними «арійськими» документами. З часом вона звикла до життя неєврейського світу, до вулиць, навіть наважувалася виходити одна, без супроводу.

Як я вже згадував, священик Котів, виконуючи вказівки митрополита, збирав єврейських дітей по містах і селах і за допомогою ігумені Йозефи переправляв їх до монастирів і різних добродійних закладів студитського ордену. Ігуменя брала особисту участь у порятунку дітей, забезпечуючи їхню безпеку і розподіляючи їх між монастирями. Всі,

хто в тому брав участь, піддавалися неймовірному ризику, але Йозефа діяла дуже рішуче, пояснюючи, що це обов'язок кожного християнина.

Багато єврейських дітей стали вихованцями дитячого будинку при Брюховицькому монастирі. Моя дружина часто відвідувала Брюховичі, довідувалася імена дітей, доручаючи їх своїй пам'яті. Це були тяжкі часи. Львівським гетто управляв кровожерливий Гржимек, а Янівським табором — Вільгауз. Вона знала, що її чоловік опинився в таборі, а сестра — в єврейських бараках на львівській залізничній станції. Ці бараки являли собою окремих табір примусової праці для євреїв, які жили тут у нестерпних умовах. Залишаючи Брюховичі, моя дружина звичайно походжала поблизу табору, маючи надію передати мені цидулку, для чого потрібна була чимала мужність. Нарешті це їй пощастило зробити. Але найважчі часи настали для неї в середині січня 1943 року, під час «січневої акції».

У січні 1943 року Львівське гетто, усічене та територіально обмежене, стало ареною однієї з найкривавіших *акцій* з усіх, що будь-коли коїлися проти львівських євреїв. Перед тим, як завантажити свої жертви до потяга на Белзець, німці роздягали їх практично догола. На початку січня, у Різдвяний вечір (візантійська церква святкує Різдво на два тижні пізніше католиків), моя дружина і ще кілька черниць зайшли після церкви до брюховицького священика Лещинського. Його будинок був неподалік залізниць, що веде з Львова до Белзця. Вечір був дуже холодний, мела заметіль. Десь о 10, коли черниці зібралися в зворотну путь, вони почули стукіт у вікно і лемент: «Відчиніть, будь ласка, пожалійте нас, дозвольте увійти!»

Під вікнами стояла група євреїв, голих або майже голих, тих, кому вдалося вистрибнути з поїзда, що віз їх до Белзця. Вони благали впустити їх у будинок. Священик Лещинський сплотнів від страху. Він відчинив двері, але нікого не впустив усередину. Замість цього він приніс утікачам одяг, взуття і дещо поїсти. Він був дуже наляканий, щоб дозволити їм увійти до помешкання. Хто зможе описати, що відбувалося в душі єврейки, яка стала свідком цієї сцени?

Наступного ранку християни Брюховичів, прямуючи до церкви на святкування Різдва, могли бачити по обидва боки від залізничного полотна численні плями крові та замерзлі тіла, припорошені снігом. Дивлячись на трупи своїх братів, майже втрачаючи розум від нестерпного болю, єврейська жінка повинна була ледь стримувати себе, щоб не розділити з ними їхню долю.

У березні 1943 року моя дружина покинула Брюховичі. Занадто довге перебування на тому самому місці було ризикованим. Повернувшись до Львова, вона деякий час жила в монастирі на вулиці Убоча, потім почала працювати в центрі догляду за дітьми на вул. Островського. Перед

війною тут був інститут, яким керував професор Грер, відомий львівський педіатр. Зараз інститут Грера перетворився на дитячу лікарню. Дружина працювала там медсестрою. Правда, слово «працювала» не дуже відповідає даному випадку. Доводилося докладати величезних зусиль, вдаватися до маси пересторог і хитрощів, щоб ніхто нічого не запідозрив, виконувати будь-яку другорядну роботу, аби викликати до себе якнайменший інтерес. Вона завжди була насторожі, завжди боялася, що необережний жест або слово її видадуть. Нелегко бути єврейкою з «арійськими» документами.

Весь цей час моя дружина підтримувала тісний контакт із ігуменею Йозефою, часто з нею бачилася та одержувала через неї відомості про свою дочку й чоловіка. Вона знала, що я живий і перебуваю в надійному місці, але не знала, де саме.

Узимку 1944 року, під час відвідин ігумені в монастирі на вул. Убоча, вона побачила там двох дівчаток, одній було років п'ять, другій не більше десяти. У меншій над коліном зяяла глибока рана. Обидві дівчинки були брудні та вошиві. Ігуменя опікувалася ними сама, роблячи все власними руками. Вона очистила рану від гною, вимила дівчаткам волосся, продезінфікувала його гасом і викупала їх у власній ванній. Ці дві маленькі єврейські дівчинки вистрибнули з поїзда, що віз їх до Белзеця. В молодшу вистрілив есесівець, який охороняв потяг. Старша залишилася неушкодженою. Вона дотягла поранену дівчинку до найближчого села, де, на щастя, вони потрапили до рук добрих людей, що привезли їх у львівський монастир. Коли моя дружина звернулася до ігумені з проханням дозволити їй вимити дівчаток, та відповіла: «Я виконую свій обов'язок і роблю це тому, що дала обітницю. Я хочу виконати цю обітницю сама, без сторонньої допомоги». Дівчинки залишилися живі і були відправлені до одного з жіночих монастирів Східної Галичини.

Те, що відбулося з дівчатками, було як промінь світла серед понурого, темного, похмурого дня. Але, на жаль, такі промені занадто рідко пробивалися крізь хмари. Повітря було просочене ненавистю, ворожістю і презирством. «Якими б нестерпними не були німецькі окупанти, вони зробили принаймні одну добру річ: тепер ми надовго позбулися євреїв, і вже за одне це Гітлер заслуговує на пам'ятник...»

Повільно, у напруженому чеканні, минули травень і червень 1944 року. Львів бомбували майже щодня. Всі, в тому числі й німці, бачили, що кінець близько. Поразка Гітлера була неминучою. Але ненависть до євреїв не вщухала ні на хвилину.

На початку травня Теодозій розповів мені про єврейську схованку, виявлену на цвинтарі, у глибині фамільного склепу. Знайдені там двадцять вісім євреїв були негайно розстріляні. Хто їх видав? Хто міг розповісти про євреїв, що ховаються на цвинтарі, коли режим Гітлера доживав свої останні дні. Якою ж глибокою була ненависть. Адже сказано «І зненавидів Ісав Якова».

Червень і липень 1944 року. Фронт наблизився до самого міста. Бомбардування з кожним днем ставало усе нещаднішими. Мені було заборонено спускатися в бомбосховище: під час бомбардувань туди приходило багато мешканців із сусідніх будинків. Я залишався в бібліотеці. Я тремтів від страху, але в моєму серці жила надія і почуття подяки до моїх рятівників.

27 липня 1944 року Львів був звільнений — у місто ввійшла Червона Армія. Нарешті я був вільний, як і будь-яка інша людина.

Ирина Климова

ЛУЧИК СВЕТА У КРАЯ БЕЗДНЫ

Ужас и безысходность охватывают, когда смотришь на детские рисунки, дошедшие до нас из концлагеря. Может, и легче живётся тем, кто не хочет ни знать, ни помнить о том, что происходило в 40-е годы XX века в нацистских лагерях, с их бесконечным множеством средств подавления и уничтожения. Ещё живы узники этих лагерей, есть свидетельства и показания. Фотографии и документальные фильмы помогают восстановить чудовищную картину тогдашней действительности. Искусство — одна из возможностей рассказать о трагедии людей, живших в условиях нечеловеческих, у порога гибели.

В ноябре 2001 года в Киевском дворце детей и юношества в галерее «Дім Миколи» Посольством Чехии в Украине и Институтом иудаики была организована выставка рисунков маленьких узников гетто в Терезине. На афише выставки — одна из представленных в экспозиции работ: малыш в дурацком колпачке беспомощными ручками

ловит последние опадающие с дерева листья. Этот ранящий образ дополняют слова «... А бабочки я тут не видел». Каждый детский рисунок на выставке кричит о катастрофе. Необходимо понять, в каком аду создавались эти рисунки. Выжили работы, но далеко не все их авторы.

Утверждать, что выживание в условиях нацистских концлагерей — некая форма самореализации можно, если ничего или почти ничего не знать о том, что там происходило. Нестерпимые условия перечёркивали любые решения «остаться человеком», сохранить надежду, просто выжить, пусть даже любой ценой. Как мало зависело от жертвы, брошенной в бездну лагерной жизни! После такой попытки осмысления версия о возможности выжить, сохранить человеческое достоинство — не может остаться прежней.

Транзитный лагерь в Терезине был преддверием ада, но и там просто жить уже значило сопротивляться. Выживать вопреки голоду, холоду, почти полному отсутствию санитарных условий, инфекциям, нехватке необходимых лекарств. Люди жили в переполненных огромных казармах,

временно приспособленных для этой цели. Если перед войной тут было размещено около 3000 военных, то заключённых помешалось 60 000.

Город Терезин — бывшая военная крепость в 60-ти километрах на север от Праги, в конце 1941 года был превращён нацистами в концентрационный лагерь, куда свозили депортированных евреев из Германии, Австрии, Нидерландов, Дании и других оккупированных территорий перед отправкой в другие лагеря на восток. Терезин планировался как «модельное гетто», на примере которого можно было бы доказать снисходительное отношение к «менее ценной расе». Назначение Терезина как перевалочного пункта к смерти скрывалось. До мая 1945 года через лагерь прошло 140 000 узников. Большинство из них, особенно дети, были уничтожены.

И тем не менее, благодаря пропагандистскому назначению, условия жизни в Терезине были несколько более терпимыми по сравнению с другими гетто на восточной оккупированной территории. 28 декабря 1941 года, фактически через несколько месяцев после создания лагеря, там начали работать первые просветительские программы, которые стали основой Терезинского открытого университета, в котором не было аудиторий и кафедр, а лекции читались в казармах, на почте, после её закрытия — в библиотеках и на чердаках. Лекторы приходили в детские дома, больницы, дома инвалидов и слепых, проводились так называемые «товарищеские встречи», а по сути дела, лекции, которые читались под открытым небом просто во дворах. На них собиралось до 400 слушателей. Лекционная деятельность в лагере была неизмеримо более важна, чем в нормальных условиях, так как молодёжь была лишена возможности получать даже минимальное образование на протяжении многих лет. Поскольку издательская деятельность была под запретом, учебный процесс был возможен только в виде докладов и лекций. Зафиксировано более 1600 лекций, прочитанных более чем 400 лекторами. Среди них Лео Бек, чьим именем названа сеть институтов по еврейской истории, философ и психолог Виктор Франки, лидер сионизма Desider Friedmann (его именем названа улица в Вене) и многие, многие другие. Одни из лекторов были известны ещё до войны, другие стали известны после (те, кто выжил), но трудно назвать число имён, исчезнувших и незаслуженно забытых. Очевидно, есть сведения о жизни в Терезине времён Второй мировой, которые безвозвратно утеряны или просто недоступны.

Особенно популярные лекции читались в разных помещениях из-за невозможности поместиться всем желающим. Вот одно из воспоминаний: «В помещении, где давались представления, было темно и сыро. Билетов уже не было. Манос предложил мне заказать билет на другой день. Записал в список моё имя». Ян Фишер, театральный режиссёр, заведовал библиотекой для юношества и организовал там курсы лекций по общей истории, истории искусства, музыке и театру: «Каждый вечер в библиотеке

ке или музыкальное представление, или лекция, или показывают слайды». (Герберт Майер. Журнал «Vedem»).

В Терезине сами дети издавали несколько детских журналов. «Vedem» был наиболее известным. Выходил этот еженедельник на протяжении полутора лет, и за это время было издано почти 800 страниц. Издавались журналы для девочек, например, «Vo — Na — Co», журналы для мальчиков « Rim — Rim — Rim», журнал «Noviny» и другие.

Иногда программы для детей работали прямо в детских домах, больницах, бараках. Подавляющее большинство руководителей этих программ, руководителей молодежи — погибли. Они брали на себя риск и ответственность создать запрещенную в лагере систему образования, столь необходимую молодежи, годами лишенной возможности учиться в школе. Регулярное образование еврейских детей после исключения из школы было строго запрещено, но на первых порах удалось добиться разрешения на занятия ручным трудом, рисованием и пением, а нелегально проводились занятия по литературе, истории, основам точных наук, языкам.

В Открытом университете Терезина были представлены все классические научные направления: естественные, точные и гуманитарные науки. Читались лекции по философии, социологии, истории, искусствоведению, педагогике, экономике, медицине и праву. Наибольшее число лекций было прочитано на еврейские темы. Поскольку узниками терезинского гетто стали евреи из разных стран, проблема национальной самоидентификации возникла перед каждым обитателем лагеря. Лекции еврейского факультета делились на три категории: общая еврейская история, иудаизм, сионизм. Общим для всех трех был интерес к Палестине и к языку иврит.

Создание еврейского факультета в еврейском университете было делом огромной важности, так как и взрослые, и дети с самого начала оккупации сталкивались с жесточайшими преследованиями по расово-дискриминационным законам. Благодаря существованию сильной сионистской организации, в гетто детям и молодежи прививалось позитивное понимание принадлежности к еврейству, между тем как до столкновения с фашистским режимом вопрос о еврействе у многих просто не возникал. Главой совета старейшин в Терезине был руководитель еврейской общины в Праге Якуб Эдельштайн. Он прилагал огромные усилия для создания непрерывной системы обучения детей. В условиях страшной реальности необходимо было максимально заполнить время занятиями, отвлекающими от состояния безнадежности и депрессии. Вся созданная в гетто система образования была направлена на воспитание в детях и молодежи уважения к этическим, эстетическим и интеллектуальным ценностям. Для работы с детьми были выбраны лучшие педагоги.

В системе юношеского образования много внимания уделялось изобразительному искусству. И, прежде всего, это происходило благодаря де-

ятельности известной венской художницы, выпускницы Веймарского Баухауза Фридл Гиккер-Брайндессовой. Она родилась в Австрии, но в 1934 году после нацистского путча в Вене эмигрировала в Чехословакию. В терезинское гетто она попала в конце 1942 года, а 6 октября 1944 года погибла в Освенциме. В 40-м году Фридл могла эмигрировать в Палестину, куда уехали из Европы гонимые фашизмом многие художники-евреи: Марсель Янко, Мордыхай Ардон, Якою Штейнхард, Моше Костель и многие, многие другие. Фридл не уехала в силу разных причин, но, возможно, уже предчувствовала, что ее ждут дети Терезина. Там, работая с маленькими арестантами, она разработала систему реабилитации детской психики в экстремальных условиях посредством занятий изобразительным искусством. Она была замечательным художником, дизайнером, педагогом. Многие ее работы хранятся в Пражском еврейском музее. Некоторые находятся в частных коллекциях. Одна из музейных работ «Натюрморт с хризантемами» написана Фридл в Терезине. Цветы ей подарили девочки в день рождения, пронеся их под блузками, так как цветы в концлагере были строго запрещены.

Из 15 тысяч детей, прошедших терезинское гетто, в живых осталось сто. Детские рисунки подписаны: имя, фамилия, даты рождения и смерти. И, как правило, дата рождения — 1930, 1931, 1932 годы; дата смерти — 1943, 1944.

В Риге в конце 1989 года вышел третий номер журнала «ВЕК» (Вестник Еврейской Культуры). В этом номере опубликовані несколько писем и рисунков детей Терезина. Опубликована листовка, подписанная «Аноним».

«... Поглядим вокруг. Никого, кроме старых голодных бабушек и дедушек. Из кухни выносят отбросы и мусор на свалку. Старики копаются в этом гнилье, набрасываются на картофельные очистки и заплесневелые корки, которые остальным уже ни к чему. Такие они голодные!»

В блоке — холод и смерть. Помещения не проветриваются... Иногда ночью кто-то из стариков осмелится проникнуть в подвал и взять горстку угля, чтобы хоть чуть-чуть отопить помещение. В мороз дедушки падают на скользком льду, возвращаются в блок ушибленными и окровавленными. Часто они совершенно забывают, где находятся, часами блуждают по Терезину. Многим не на чем спать. У них есть только узелки с бельем, а больше ничего нет.

Ребята! Постараемся уменьшить страдания этих людей, не будем отвращать их жизнь, она и без того невыносима.»

В журнале опубликованы фотография, письмо и рисунок Иржи Блейера, мальчика, который родился в апреле 1931 года, а в феврале 43-го погиб в концлагере, рисунок и письма других детей. Вот письмо мальчика по имени Томаш Елинек. Есть его фото. Он родился 30 октября 1928 года, погиб 18 апреля 42-го.

«Милый дядя! Прежде всего Вам сердечное спасибо за посылку. Мы все спокойно отдаемся своей судьбе, Мы терпели весь этот мрак вот уже больше года...»

Тысяча поцелуев. Я здоров и молод, у меня впереди будущее».

Соня Валдштейнов, ученица Фридл, ставшая после войны известной художницей, написала в журнале «Бонако», который выходил в Терезине:

«...Скажите, люди добрые, разве это не душераздирающая картинка? Белоснежная бумага так соблазнительно взывает, нетронутые краски дразнят; тут и кисти с карандашами, резинка, линейка, тушь и стаканчик для воды; и в придачу эта таинственная коробочка. И думаюется мне: «Все это, наверно, где-то там, в небе или в раю, или, скорее всего, на свободе...»

«Когда бы это была не я, наклеившая сюда этот натюрморт, сказала бы: «Неприлично дразнить детей этой картинкой!».» Вообразите, как мы рыдаем над этим благополучием».

Рисунки детей Терезина похожи на рисунки детей всего мира и одновременно разительно отличаются от обычных детских работ. Они преисполнены желанием показать, что вопреки всему жизнь продолжается: цветут цветы, летают бабочки, кошки, собаки и ослики тоже существуют, стоят домики, а над ними сияет солнце с длинными лучами, и даже есть здание школы. Конечно же, мир не рухнул, если дети лепят снежную бабу и катаются на санках. Но трудно поверить в устойчивость мира, если ребенок рисует виселицу, повешенного с шестиконечной звездой на груди, зарешеченные окна барака, нары, бредущих по улице людей, у которых на одежде все та же звезда. Многие терезинские рисунки наивны и милы, многие поражают недетским пониманием цвета, тона, знанием композиции. Но на всех произведениях юных мастеров лежит печать общей трагедии, о которой зритель забывать не имеет права.

Выставка детских рисунков из Терезина длилась всего 10 дней, и маловероятно, чтобы в ближайшие годы была показана вновь. Многие побывали в галерее, кто-то не успел увидеть выставку, а у кого-то и желания не возникло возвращаться в прошлое.

Короткий рассказ о терезинском гетто можно закончить стихами Мадины Мюльштейновой, которая родилась в марте 1932 года, а в октябре 1944-го ее уже не стало. После чтения ее стихов продолжать что-либо говорить уже невозможно:

*Хотите посчитать?
раз — нары,
два — одеяло,
три — фуфайка,
четыре — миска,
пять — ложка,
вот и весь мой свет...*

*Сколько транспортных? Сколько?
Три? Два? Один? Не знаю.
Пришел наш черед, мама уже собирает вещи...*

* * *

В статье использованы материалы, собранные Еленой Макаровой вместе с А.Лельчуком, С.Макаровым, Л.Шапитом и магистром Мизхайлой Гайковой, куратором выставки.

Михаил Сидур

ВРЕМЯ И ЕГО ХУДОЖНИК

Творческая биография Вадима Сидура

Вадим Абрамович Сидур (1924, Днепропетровск 1986, Москва) — крупнейший российский художник и скульптор, «советский Генри Мур», как его еще в 70-е годы называли западные журналисты. Неофициальный художник, он подвергался притеснениям со стороны советских властей, ибо его работы — как по форме, так и по содержанию — резко контрастировали с канонами социалистического реализма. За тридцать лет творческой жизни он создал более пятисот скульптурных и тысячи графических работ. Наиболее известны скульптуры В.А.Сидура из цикла «Памятники», исполненные протеста против войны и насилия во всех его проявлениях. Предельно лаконичные по форме, они доведены до знака, формулы, символа. Почти все они были установлены еще при жизни художника в монументальном размере на улицах и площадях городов Европы, а после его смерти — и в России. Многогранный талант В.А. Сидура ярко проявился также в литературе, поэзии и кинематографе. Его самое значительное прозаическое произведение «Памятник современному состоянию (Миф)», а также несколько циклов верлибров были опубликованы лишь после смерти автора.

Еще при жизни многочисленные выставки и публикации в самых разных странах: от Австралии до ФРГ и США — принесли В.А.Сидуру поистине мировую славу. Западные средства массовой информации причисляли его к классикам современного искусства. На родине же выставлять произведения художника и даже упоминать его имя в печати было строжайше запрещено. После смерти В.А.Сидура, совпавшей с началом перестройки, отечественный зритель смог впервые познакомиться с его искусством, а творческое наследие мастера было публично признано национальным достоянием страны. Сегодня работы скульптора находятся в крупнейших музеях России, в том числе в Русском музее в Петербурге и в постоянной экспозиции Третьяковской галереи в Москве. Дать уважения таланту выдающегося художника стало создание Московского государственного музея Вадима Сидура, начавшего работать в 1987 году.

Самая страшная эпоха в истории человечества, с которой неразрывно связаны и жизнь, и искусство Сидура, компактно уложилась в XX век. Начало столетия символизируют для нас рождение и уход в небытие «железного времени» вождей, фюреров, генеральных секретарей, страшных тоталитарных режимов и развязанных ими кровавых войн. В конце века эпоха получила свое логическое завершение: рухнул Советский Союз — последняя на Земле империя. Сегодня мир, мучительно нашу-

пывая новые пути развития, только начинает приспосабливаться к только что возникшей реальности, и нам пока не дано знать, каков будет ее облик.

Вадим Сидур был человеком той, ушедшей эпохи. Родившийся в 1924 году, когда советская власть, а вместе с ней и железная поступь века только набирали силу, он навсегда сохранил в памяти кошмар так называемой «мирной» жизни 20-30-х годов, пережил самую страшную войну XX века, достиг мировой известности как скульптор в затылкий, но смертельно опасный для него «период застоя», и умер в 1986-м, всего за несколько лет до окончательного падения коммунистического режима.

После едва не ставшего смертельным ранения на фронте, Сидур пережил второе рождение, при котором был наречен еще одним — библейским — именем: ИОВ. Для краткости в казенных бумагах так называли инвалидов Отечественной войны. Вся жизнь и творческое развитие художника прошли в трудно вообразимых сегодня условиях полной изоляции от внешнего мира. Его судьба заставляет вспомнить о другом персонаже Библии — Ионе, оказавшемся во чреве кита. Этим левиафаном стала для ИОВа Сидура его страна, пределов которой он не покидал ни разу, страна, намертво скованная идеологическими цепями и отгороженная от остального человечества непроницаемым «железным занавесом».

В начале столетия Велимир Хлебников, провозгласивший создание всемирного правительства «научно построенного человечества» и мечтавший о войне «изобретателей» против «приобретателей», объявил себя Председателем Земного шара. Многим тогда казалось, что какая-либо социальная теория, например, о братстве всех людей труда на планете, вот-вот станет универсальным средством взаимопонимания для раздробленного и разобщенного человечества. Все последующие десятилетия с ужасающей наглядностью показали: идея «выплавки» в горниле революций и классовых войн унифицированного счастья для всех людей, мгновенного скачка в объединенное «светлое будущее» потерпела сокрушительный крах. С ветхозаветной жестокостью была разрушена надежда на то, что именно здесь, в сфере социальной мысли, можно вновь обрести утраченный «празык», позволивший всем народам сплотиться для строительства Вавилонской башни.

Действительно, путь к единению оказался несравнимо длиннее и тернистее, чем представлялось идеалистам начала века. Но мифический «празык», казавшийся безвозвратно утраченным, был, есть и будет всегда. У всех народов и племен нашей планеты, говорящих на бесчисленных наречиях и диалектах, мыслящих столь различно, что подчас они почти не понимают друг друга, есть общее средство коммуникации. Это — искусство, позволяющее говорить о всех людях — ныне живущих, давно умерших и даже еще не родившихся — как о едином феномене — человечестве. Живопись неизвестных художников эпохи неолита порой близка и понятна нам так же, как и работы наших великих современников, на

которые с не меньшим восхищением будут смотреть наши далекие потомки. Гуманистический пафос, сочувствие к Человеку Страдающему, заложенные в лучших образцах мирового искусства — будь то романы Толстого и Достоевского, картины Пикассо или скульптуры Вадима Сидура — не только вселяют в нас надежду, но и пусть неявно, намеком, похожим на слабый свет карманного фонарика, освещающего узкую, извилистую и почти невидимую тропинку, указывают нам путь к спасению от продолжающего процветать в нашем мире насилия.

Сегодня, на заре нового столетия, Вадим Сидур может быть назван Художником Земного шара. Его творчество глубоко созвучно новаторским поискам Г. Мура, О. Цадкина, А. Джакометти, Ж. Липшица и других великих современников из самых разных стран мира. Уже в конце жизни В. Сидур заметил: «Чувствую себя одним из последних в ряду вымирающих классиков нашего уходящего тысячелетия»¹.

Вадим Сидур прошел мимо поворота, уведшего художников к полному отрицанию пластических искусств, их законов, отринувших не только профессионализм, но даже само понятие «изобразительное искусство», довольно точно замененное на «визуальное». Все его творчество: изобретенный им на основе твердого знания и умелого использования классических традиций свой собственный, уникальный формальный язык, темы его произведений — накрепко впаяны в трагический двадцатый век. При этом вполне возможно, что ряд произведений мастера озарен неясным отблеском еще не родившегося нового искусства только что наступившего тысячелетия, до которого сам он так и не дождался.

Рассказать о газовых камерах и ужасающих последствиях применения на практике открытий в области ядерной физики спокойно-повествовательным языком Родена было невозможно. Пережившее такой опыт человечество, живущее к тому же в безумную эпоху реактивных самолетов, уничтоживших все прежние представления о пространстве и времени, и невиданного доселе информационного шквала, обрушивающегося с экранов телевизоров и из радиоприемников, могло услышать лишь истошный вопль, бесконечный крик. Уже в самом начале своего творческого пути Сидур начинает понимать, что — по его собственному выражению — «должен говорить на языке своего времени». Однако, каков этот язык, которым уже давно пользуются художники во всем мире, он не имеет ни малейшего представления: сквозь непроницаемый «железный занавес» информация о современном искусстве до него не доходит. Находясь в полной изоляции, Сидур приступает к мучительным поискам адекватного формального решения волновавших его проблем, которые ему приходится вести на ощупь, полагаясь лишь на собственные силы и опыт. За точку отсчета он берет хорошо известную ему греческую архаику, ассиро-вавилонскую скульптуру и искусство Древнего Египта.

За десять с небольшим лет, прошедших после окончания им Московского высшего художественно-промышленного училища (бывш. Строгановского), где он учился на факультете монументальной скульптуры, Сидур сделал для себя огромное количество поистине революционных формальных открытий. Его пластический язык уже к середине 60-х оказывается полностью сформированным. Работы Сидура того времени — произведения зрелого и самобытного мастера, разительно отличающиеся от того, что известный искусствовед Ю.Герчук охарактеризовал как «...отчаянные, но пока неглубокие эксперименты начинающих авангардистов...»². Оказавшись в уникальной «вакуумной» ситуации, художник чутко уловил нечто неосоздаемое, общее для всего искусства двадцатого века, некий «дух времени», витавший в воздухе и свободно пересекавший границы государств и континентов. Можно смело сказать, что это обостренное восприятие, а также общие истоки в виде древнего искусства постепенно привели к тому, что творчество Сидура органически вписалось в современное мировое искусство, в итоге став его частью. Выйдя далеко за рамки чисто национального искусства, причем ухитрившись сделать это фантастически невероятным путем, Сидур сумел соединить в своем творчестве лучшие традиции мирового и, в частности, западного искусства, со столь присущей искусству русскому надрывной, срывающейся на крик эмоциональностью.

Мы не будем здесь даже пытаться рассказать об особенностях творчества Вадима Сидура и уж тем более дать его анализ. Оно представляет собой единый, сложный и многообразный рукотворный мир, описать который в этом сравнительно небольшом тексте невозможно. Да, пожалуй, в данном случае это и не нужно: «Егупец» — не искусствоведческое издание, а, как указано в подзаголовке, «художественно-публицистический альманах». Будем придерживаться «законов жанра» и рассмотрим некоторые события чисто «публичной» стороны жизни художника. Мы увидим, как на протяжении многих лет внешние обстоятельства способствовали возникновению удивительного феномена в отечественной и мировой культуре — мира искусства Вадима Сидура. Иногда напрямую, а порой и косвенно они влияли на развитие этой вселенной, создание и совершенствование которой постепенно стало главной задачей жизни скульптора. Перманентный творческий процесс шел на своеобразном «шумовом фоне», в который превращались для художника события внешней жизни и который он безостановочно перерабатывал в осязаемые произведения искусства. Любые *факты* своей биографии: радостные, печальные и даже трагические — он удивительным образом ухитрялся превращать в «*артефакты*», т.е. во все новые скульптуры, используя их как строительный материал для возведения собственного «прекрасного нового мира».

Чудом оставшись в живых после тяжелейшего лицевого ранения, полученного им в боях за освобождение родного Днепропетровска, бывший гвардии младший лейтенант, а ныне инвалид войны Вадим Сидур в 1945 году приезжает в Москву для дальнейшего лечения. Здесь он поступает в МВХПУ — Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское), на факультет монументальной скульптуры, которое и заканчивает в 1953-м, в год смерти Сталина. Начинаясь потихоньку в стране новая жизнь постепенно перерастает в бурную хрущевскую оттепель. Новая жизнь начинается и для Вадима Сидура.

Первыми скульптурами начинающего художника стало множество небольших, выполненных в керамике реалистических жанровых работ: влюбленных, матерей с детьми, выполненных с большой нежностью обнаженных женских фигурок, в которых почти физически ощущается тот шок, который испытал молодой фронтовик при столкновении с незнакомой ему мирной действительностью. Хроническое, доходящее до обмороков недоедание в детстве — печально известный голод на Украине, кошмары эвакуации, пережитые им в подростковом возрасте, почти не отличавшаяся от лагерной жизнь в пулеметном училище в Кушке, фронт, ранение, бесконечная череда госпиталей — все это воспринималось им как норма человеческого существования. По его собственному признанию, в послевоенной Москве он ощущал себя пришельцем с другой планеты, пристально глядявающимся в новый, неизвестный ему мир. В этот мир он влюбился с первого взгляда и навсегда: ведь там, откуда он прибыл, царили только страдание, смерть и разрушение. Сидур сделал для себя невероятное открытие: жизнь — это прекрасное чудо, почти волшебство. Свое восхищение им он неустанно воплощал в многочисленных скульптурных и живописных сериях до конца жизни.

Ранние «жизнерадостные» сидуровские серии были лишь одним из проявлений переполнявшей молодого ветерана эйфории от мирной столичной жизни. Вплоть до ставшего для него роковым 1961 года эта радость бытия проявлялась буквально во всем. Забывая о подорванном на фронте здоровье, он иступленно предавался каторжной работе над скульптурой, доставлявшей ему огромное удовольствие. Труд перемежался ежедневными «пьянками-гулянками», как их называл сам Сидур и о которых позднее он вспоминать очень не любил; для поднятия жизненного тонуса он доводил себя до изнеможения каждодневным плаванием в бассейне, о чем впоследствии вспоминал с содроганием. В общем-то, Сидур вел тогда обычный божемный образ жизни, как все художники до и после него, однако во всем, что он делал, проявлялась какая-то ненасытность, словно он изо всех сил старался наверстать то, чего был лишен в юности.

С наступлением «оттепели», казалось, открывались невиданные ранее перспективы. С высоких партийных трибун говорилось такое, о чем раньше нельзя было заикнуться даже в кругу друзей. Со страниц журналов обрушился шквал новой или старой, но запрещенной до этого литературы. С открытием в 1957 году Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве появились первые, притом многочисленные иностранцы. Вслед за ними прошли первые выставки «достижений капиталистического хозяйства» и современного американского искусства. Советский Союз приоткрыл узенькую щель в «железном занавесе», но тогда она казалось широко распахнутой дверью. Сама страна стала внутренне раскрепощаться, стало легче жить и дышать. Ощущение было такое, что еще чуть-чуть — и наступит настоящая свобода, в том числе — и творческая. Закостенелые каноны соцреализма пошатнулись и грозили вот-вот рухнуть.

Невзирая на массу оговорок и необходимость идеологических ревансов, появилась возможность не только создавать, но и выставлять свои произведения. На многочисленных «всесоюзных», «молодежных» и прочих выставках, в которых тогда постоянно принимал участие и Вадим Сидур, демонстрировались свежие и искренние работы молодых художников, отражавшие разнообразие творческих поисков. Новое поколение встретило яростное сопротивление со стороны «мастеров» сталинской школы, не желавших делиться своей монополией на выставочные залы и государственные заказы и неприступным бастионом которых была Академия художеств. Молодежь, среди которой было много таких же, как и Сидур, фронтовиков, бесстрашных, задористых и воодушевленных общей атмосферой, все больше теснила «академистов», успешно отвоевывая себе место под солнцем. Сидур с головой окунулся в борьбу, отстаивая свою позицию — вместе с «товарищами по цеху» — на заседаниях худсоветов, обсуждениях выставок и страницах центральных газет.

Борьба шла как за общие интересы, «за идею», так и за свое собственное право на официальное признание. Она протекала тяжело и с переменным успехом. В ответ на зрительский успех и множество положительных рецензий в прессе раздавались отдельные, адресованные В. Сидуру упреки в «мелкотемье». Заказы, как и разрешения на показ работ на выставках, приходилось пробивать буквально с боем. Приведем лишь два примера. В 1957 г. состоялся судебный процесс против Министерства культуры, которое подписало договор о закупке повтора в увеличенном размере работы В. Сидура «Влюбленные на пляже», но затем, формально сославшись на письмо некоей учительницы, писавшей, что девушка «похотливо» положила свою ногу на ногу юноши, от закупки отказалось. По решению суда министерство оплатило расходы, связанные с увеличением керамической модели, но закупка так и не состоялась. В следующем году худсоветом была отвергнута реалистическая работа В. Сидура «Мать и

дита», представленная на выставку «40 лет ВЛКСМ». Решающим был аргумент Народного художника СССР А. Дейнеки, который в прошлом сам был неоднократно бит за «формализм»: «У этой бабы толстые ноги. Я бы с ней спать не лег».

И все же, несмотря ни на что, Сидур все больше становится не только известным, но и официально признанным, правда и считавшимся «левым» скульптором. Жизнь его напоминала набирающий скорость локомотив. Впереди — прямой и ясный путь к успеху, признанию и всем сопутствующим им житейским радостям. Много лет спустя, когда искусство Сидура уже было полностью запрещено в СССР, его бывший сокурсник Н. Хмель сказал при случайной встрече: «Вот уж не думал я, Дима, что именно ты пойдешь по такому пути!»

Путь к успеху просматривался еще в Строгановке, где Сидур, как бывший фронтовик и член партии, занимал различные начальственные должности по профсоюзной и комсомольской линии, «дослужившись» в итоге до секретаря профкома всего училища. Искренне верящий в коммунистическую идею и правоту «товарища Сталина», он вдохновенно громил на собраниях «чуждые влияния» на советскую молодежь, какими считались тогда, например, западные танцы. Считавший впоследствии классический рок самым сильным музыкальным выражением XX столетия, Сидур с отстраненным изумлением вспоминал эпизоды своей юности. Однако в то время общественная активность молодого скульптора создала ему прочную репутацию начинающего карьериста: многим также не нравились приобретенные им на фронте командирские привычки. По долгу службы Сидур проводил «политико-воспитательную работу» с проштрафившимися и отстающими студентами. Этот подзабытый ныне штамп подразумевал формальную проработку виновных с последующим детальным рапортом начальству; нелишне было докладывать и о настроениях учащихся с обязательным упоминанием фамилий, что становилось важным фактором успешного продвижения после окончания вуза. Сидур, однако, относился к этой «общественной нагрузке» по-своему; волю или неволью не замечая подтекста, он воспринимал вышеприведенное выражение лишь в его прямом значении. Даже в узком кругу он мог темпераментно, переходя на крик, доказывать правильность «генеральной линии», но «стучать» на кого бы то ни было не мог органически. Со своей группой, плохо успевавшей по марксистским предметам, он, отличник, оставался после занятий, часами помогая разобраться в хитросплетениях «учения Ленина-Сталина». Тем, кто имел неприятности из-за своего «общественно-морального облика», старался помочь выработать линию поведения, позволявшую не «подставляться» перед начальством. За своих подопечных он неоднократно и небезуспешно заступался перед преподавателями. Так, особой строгостью к учащимся отличался Г.И.Мотовилов, желавший отчислить

всех тех, кого он считал «бездарью», и от которого Сидур в итоге получил следующую реплику: «Вот вы их защищаете, а потом все они станут начальниками и вас же будут давить». К сожалению, он оказался более чем прав.

Торопясь взять от жизни все, художник не замечал грозные признаки стремительно приближающегося крушения. На сигналы, которые посылал ему организм: внезапные приступы резкой за грудиной боли — он не обращал внимания, списывая их на «невралгию» или «прострел». В 1961 году эту бурную и даже безумную (как сам он ее оценивал позже) жизнь резко обрывает тяжелейший инфаркт, ставший для 37-летнего скульптора до конца дней тяжелым «довеском» к полученной на фронте инвалидности. Точной метафорой того, чем он стал тогда для Сидура, выглядит созданная им через несколько лет бронзовая скульптура «Павший на бегу».

Болезнь стала переломом для Сидура и как для человека, и как для художника, поворотом в его судьбе, приведшим к успеху совсем иного рода, более глубокому и значительному. О чем он думал в течение долгого месяца, неподвижно лежа на спине на больничной койке (такова была в то время методика лечения инфаркта)? О бренности существования, о том, что жизнь коротка, а искусство — вечно? Эти банальные истины он прочувствовал глубоко и до конца. Сильное потрясение заставляет художника вспомнить, казалось бы, навсегда забытую, специально спрятанную поглубже в подсознание истину: кроме бренного бытия есть еще смерть. Вероятно, именно тогда он осознал для себя значение своей миссии в искусстве. Ее выполнению отныне подчиняется вся его дальнейшая жизнь. Курение, выпивка, веселые компании, коллективная борьба за общие цели, стремление к официальному признанию и зарабатыванию денег — на всей этой суете отныне и навсегда ставится крест.

Подобное решение постепенно привело к разрыву отношений с товарищами по работе В. Лемпортом и Н. Силисом. Три скульптора составляли единый коллектив примерно с 1954 г.; по аналогии с Кукрыниксами, свои работы они выставляли под псевдонимом ЛеСС, в частности, на их первой персональной выставке, открывшейся 22 августа 1956 г. в Академии художеств. Дружеские связи начали рушиться уже в больнице; окончательный разрыв наступает в 1963 году, но еще пять лет продолжается мучительное сосуществование под одной крышей, напоминающее жизнь в коммунальной квартире. В 1968 году бывшие соратники получили новую мастерскую, а в подвале на Комсомольском проспекте Вадим Сидур — наконец-то! — остался один.

После разрыва с Лемпортом и Силисом Сидур постарался полностью вычеркнуть этот важный период своей биографии. Любые воспоминания о совместном существовании были для него неприятны, он никогда не упоминал об этом этапе ни в интервью, ни в своих дневниковых записях. Редким исключением стал его ответ на прямой вопрос критика И. Шел-

ковского: «Я сам очень редко упоминаю об этом отрезке моей жизни, потому что, на мой взгляд, он представляет интерес, скорее, не для исследователя моей работы, а для биографа, если таковой когда-нибудь появится...». «Расформирование» союза привело к краху оставшихся от юности иллюзий, к коренному пересмотру ряда жизненных принципов, а также взглядов на природу творческого процесса. Можно сказать, что этот факт биографии Сидура вкупе с другими событиями его тогдашней жизни стал для него переломом, завершающим переход от юности к зрелости, в том числе, и творческий.

Оценивая из сегодняшнего далека сложившийся образ Вадима Сидура как художника-отшельника, прокладывавшего в одиночку свою дорогу в искусстве XX века, почти невозможно представить его тогдашние попытки «раствориться» в коллективе. Они оказались глубоко чуждыми его творческой личности, не укладывающейся ни в какие искусственные рамки. В этом стремлении мы видим рецидив его прежней искренней веры в советские идеалы, базовым принципом которых была жизнь в коммуне, а также одно из проявлений его собственного характера: быть творцом во всем и всегда. Не только свой «мир искусства», но и собственную жизнь, а порой, и жизнь окружающих его людей Сидур зачастую пытался выстроить по придуманным им самим моделям.

Как известно, даже неудавшийся эксперимент, которым для Сидура стала работа в коллективе, дает положительный результат, ибо наглядно показывает, что правильный путь решения проблемы лежит в другом направлении. Главный вывод, который сделал художник из поставленного им самим на себе опыта, был следующим: с этого момента, как пишет Сидур, «процесс творчества (я постоянно избегаю этого выражения, заменяя его словами «работа», «то, что я сделал» и т.п.) для меня сугубо интимен; если хочешь говорить правду и ничего, кроме правды, приходится обнажать свою душу и даже выворачивать ее наизнанку. Я действительно уверен, что такое можно производить только в одиночку. Может быть, это произошло после того, как я осознал что *искусство* (в том смысле, как я его понимаю), можно создавать только одному, что это — именно та область человеческой деятельности, где коллективное творчество невозможно, ибо это противоречит самой сути искусства».

Перенесенный инфаркт навсегда меняет темп жизни художника: ходить теперь можно только медленно, тяжести поднимать — ограниченно (для перестановки скульптур Сидуром впоследствии был придуман особый способ: использование многочисленных подставок разной высоты позволяло их не поднимать, а как бы перекаптовывать, уменьшая тем самым нагрузку до минимума), работа в камне исключается вовсе; для тяжелых работ привлекаются добровольные помощники из числа друзей. Все приходится делать дозированно, поскольку даже нервное (не говоря уж о физическом) напряжение может привести к сердечному приступу.

Отныне его стол всегда заставлен бесчисленными пузырьками с лекарствами, отечественными и импортными; последние становятся для него лучшим подарком от иностранных друзей. Лекарства сопровождают его везде: даже выходя ненадолго из дома, он берет с собой несколько самых важных препаратов. Начиная с этого времени вся жизнь Сидура подчинена строгой самодисциплине. Но — все это позже, а после выписки он еще целый год не в состоянии приступить к занятиям скульптурой.

Болезнь дает Сидуру ясное понимание того, что на выполнение добровольно возложенной им на себя миссии в искусстве — времени «может не хватить, что, побывав два раза (первый — тяжелое ранение на фронте) за гранью бытия, в третий раз можно оттуда не вернуться». С этого момента он начинает новый отсчет времени: «Если расчленить то, что сделал по проблемным критериям, — пишет художник, — то я бы выделил два этапа: первый — до 1961 года, т.е. до инфаркта, второй — после, когда проблема жизни и смерти обозначилась и проступила контрастно и четко, когда преобладающими сделались темы страдания живых и предсмертная мука... Общей темой и целью своей работы я считаю отражение жизни во всех ее проявлениях. Таким образом, смерть органически становится одним из проявлений жизни».

Инфаркт стал для художника «тем толчком, который помог (мне) осознать серьезность появления этих (выполненных в новой манере и завершающих четвертый, «доинфарктный» период. — *М.С.*) скульптур и вызвал лавину, не иссякающую до самого последнего времени». С 1961 года Сидур исчисляет пятый и последний (по его собственной хронологии) период своего творчества, по его мнению, самый важный и плодотворный. На этом этапе появляются почти все те произведения, которые, как писал Сидур, «я считаю достойными представлять меня перед людьми». Помимо созданных в традиционных материалах работ, наполненных новым трагическим и глобальным смыслом, он включал туда совершенно непохожие на них скульптурные циклы «Железные пророки» и «Гроб-Арт», сделанные им из ржавых канализационных труб, деталей автомобильных моторов и прочих отходов «второй природы» — человеческой цивилизации.

Год вынужденного простоя из-за болезни Сидур посвящает активным занятиям живописью и графикой, осваивая новую для себя область. «Лежа осенью и зимой 1961-62 года, — вспоминал он, — я нарисовал большие циклы рисунков: «Больница», «Алабино», «Воспоминание о мастерской», сделал массу других графических работ, темы и формальные находки которых до сих пор не исчерпаны мною». До самых заморозков художник жил у родителей в подмосковном Алабине, его обиталищем была пристроенная к деревенскому дому веранда. «Алабино стало для меня тем, чем Болдино — для Пушкина», — не раз говорил он впоследствии.

Итог всем нашим рассуждениям кратко и емко подвел сам Валим Сидур: «Думаю, что как художник я созрел до инфаркта... Художнику, видимо, все на пользу, даже горе и болезни».

Последнее абсолютно справедливо, во всяком случае, по отношению к Вадиму Сидуру. Обратить любые внешние обстоятельства, даже самые негативные на пользу своему творчеству — еще одна характерная черта его личности художника, ярко проявившаяся в его взаимоотношениях с властями.

Еще со второй половины 50-х Сидур идет своим собственным путем в искусстве. Широкие «оттепельные» рамки официально разрешенных творческих экспериментов становятся для него явно тесны, однако пока еще оставались надежды на их расширение. Жирную точку в заигрывании властей с «леваками» поставила открывшаяся в Манеже 1 декабря 1962 года выставка к 30-летию МОСХа, по месту проведения вошедшая в историю как «манежная». На ней «академистами» при поддержке партаппаратчиков (рядом с главой правительства неотступно находился новоиспеченный президент Академии художеств В.А.Серов, сопровождавший показ соответствующими комментариями) был дан «последний и решительный бой» представителям «новой волны» в искусстве. Демонстрацией впечатляющей победы реакционеров стал разнос, устроенный Хрущевым за «формализм» молодым участникам выставки и положивший конец и без того куцей свободе предыдущих лет. Ставшая поворотным пунктом в развитии всего советского искусства «манежная» выставка оказала непосредственное влияние и на дальнейшую судьбу Сидура, хотя участия в ней художник не принимал: его работы были с ходу отвергнуты худсоветом.

Одновременно Сидур отвечает отказом на предложение принять участие в выставке «белютинцев», открывавшейся на четыре дня раньше в Доме учителя на Таганке. Творческая студия живописи под руководством художника Э.М.Белютина, уволенного к тому времени «за пропаганду абстракционизма» с преподавательской работы в Полиграфическом институте, объединяла его сторонников и бывших учеников. По указанию партийных властей эта экспозиция была перенесена на второй этаж Манежа, где проходила параллельно с выставкой к 30-летию МОСХа. Как тут же стало ясно, это была заранее спланированная провокация: «обход» Манежа Хрущеву предложили начать сразу с «антресолей»; реакцию подзуживаемого «свитой» премьера на «формализм» предсказать было несложно. Оттуда и начался начальственный погром всей выставки.

На выставке «30 лет МОСХа» были показаны две скульптуры В. Лемпорта, бывшего товарища Сидура по распавшемуся к тому времени творческому коллективу. Нам неизвестно, эспонировались ли там неши В. Лемпорта «по старинке» под тремя фамилиями, или это была сознательная провокация со стороны вла-

стей, но факт остается фактом. Присутствие работ В.Лемпорта на выставке навлекло на «без вины виноватого» Сидура огонь публичной критики: ругань Хрущева была «закреплена» и детализирована в многочисленных статьях. «Веяниями модернизма, манерничанья отмечено и творчество молодых скульпторов В.Лемпорта, В.Сидура, Н.Силиса... Трудно даже сказать, чего здесь больше — дурного вкуса или бездумной погони за «модными» формами?» — писала в те дни газета «Советская культура»³. Ей вторила «Комсомольская правда»: «На выставке «30 лет МОСХа группа молодых и не очень молодых художников — братья Никоновы, Н.Андронов, А.Пологова, В.Лемпорт, В.Сидур, Н.Силис и некоторые другие — всячески подчеркивали то обстоятельство, что они «продолжают», развивают самые «плодотворные» традиции 20-х годов — традиции Д.Штеренберга, А.Древина, В.Татлина и других «левых» художников. Но что это за традиции? Отказ от полноты цвета, от выразительной формы во имя подчеркивания убогости человеческого естества, ограниченности его духовного мира, тоскливой никчемности существования. Умышленно не замечать богатство внутренней жизни человека, издеваться над его обликом, видеть во всем только уныние и скуку — нет, это не те традиции, которые способны звать на большие дела!»⁴. Последняя цитата весьма показательна: «изничтожение» молодых художников осуществили, показав преемственность их творчества с «убогим» искусством 1910–1920-х годов (которому была посвящена значительная часть экспозиции), а заодно успешно пресекли на корню попытки реабилитации русского авангарда.

К тому времени Сидур уже испытал на себе ту степень коварства и подлости, на которые готова пойти власть для достижения своих целей. Задолго до «манежной» выставки, в 1956 году, состоялся широко разрекламированный конкурс на лучший памятник 300-летию воссоединения Украины с Россией. Порядок его проведения регламентировался соответствующим постановлением, которое предусматривало, в частности, воплощение победившего проекта на набережной Тараса Шевченко в Москве. Для объективности при подведении итогов, под проектами стояли не имена авторов, а девизы. После раскрытия «псевдонимов» выяснилось, что впервые в конкурсе такого уровня победили не сталинские зубры, а коллектив из трех молодых скульпторов: В. Лемпорта, В. Сидура и Н. Силиса — чьи фамилии скрывались под девизом «Звезда». Результаты конкурса немедленно отменили. Первый приз не получил никто; участникам раздали почетные грамоты, а сам памятник установлен так и не был.

Вопиющая несправедливость произошедшего стала для Сидура шоком. Со временем обиды забылись. Много позже в столь резком повороте событий он явственно увидел непосредственное вмешательство судьбы в его жизнь. Получение заказа такого масштаба открыло бы ему соблазнительно прямой путь на самый верх художественного официоза, с которо-

го — по его собственному предположению — он мог и не найти в себе силы свернуть, все больше увязая в реализации «ленинского плана монументальной пропаганды». Судьба же направила его на выполнение своей собственной миссии в искусстве.

В декабре 62-го иллюзий по поводу случайности произошедшего, возможности что-либо исправить у Сидура уже нет. Есть четкое осознание того, что свежее дыхание «оттепели» оказалось на деле всего лишь «глотком свободы». Он прекрасно понимает, что отныне воздух перекрыт и время свободы в искусстве, пусть даже весьма ограниченной, закончилось в одночасье. Своей неожиданностью, силой и единовременностью удар, нанесенный на превращенном в поле битвы Мансже, напоминает инфаркт, случившийся на сей раз у всего советского искусства. Для Сидура событие, если уместно так выразиться, произошло как нельзя более вовремя, совпав с его относительным выздоровлением после своего собственного инфаркта. Он, полный новых идей и замыслов, буквально начинает жить заново, и ему предстоит определить, как именно выстраивать свою новую жизнь. Этот второй «инфаркт» окончательно укрепляет его в правильности принятого им за год до этого решения: работать без оглядки на власть и не идти ни на какие компромиссы в творческом плане.

Много позже, находясь в опале, Сидур с ностальгией вспоминал то упоительное чувство единения с Властью, которое он испытывал и в начале «оттепели», и раньше, когда он, молодой и искренне верящий в коммунистическую идею член партии, был «комсомольским вожаком» и профсоюзным лидером в Строгановском училище. Рубец от разрыва с ней, не оправдавшей его (если бы только его!) надежд, остался в душе художника на всю жизнь.

Кстати сказать, такого резкого поворота в художественной политике, сопровождавшегося к тому же неприкрытым хамством, Сидур Хрущеву так и не простил. Ни реабилитация жертв репрессий, ни раздача паспортов крестьянам, освободившая их от крепостной зависимости от председателей колхозов, не перевесили в его душе тот зимний день, определивший всю дальнейшую судьбу советского, а, может, и постсоветского искусства.

Безусловно, тотальный возврат к сталинскому «академизму» был невозможен. Но и дальнейшее развитие творческих поисков в разрешенных рамках было остановлено. Часть художников, «вышедших» из «манежной» выставки, в том числе и хороших, «остались» в официальном искусстве: многие из них, волей-неволей подлаживаясь под установленные каноны, постепенно становились своими собственными эпигонами; искренность и свежесть, ставшая отличительной чертой начала их творческой жизни, в последующих работах полностью выхолостилась. Другие, названные позже «нонконформистами», не пожелали смириться с новой ситуацией и постепенно ушли в подполье, пытаясь восстановить искус-

венно прерванный в 30-е годы естественный путь развития русского авангарда и продолжая традиции своих великих предшественников. Сидур пошел своим путем. Двигаться «в сторону освобождения от идеологического давления» ему уже не было необходимости: он ощущал себя абсолютно свободным. Затормозить процесс его творческого развития власть не могла. Сидур — в отличие от нонконформистов — не пытался восстановить «связь поколений». Он творил собственное искусство.

Принятое решение сделало Вадима Сидура внутренне абсолютно свободным. Власть, того не желая, способствовала раскрытию в полной мере его мощного таланта и возникновению «феномена Сидура» в том виде, в каком он останется в истории. Сидуру не надо идти ни на какие компромиссы: свои вещи он делает исключительно «в стол». В отличие от западных коллег он также независим от навязчивой конъюнктуры рынка, еще более безликого и неумолимого, чем советская власть, и сломавшего немало талантов. Вспоминает писатель Марк Харитонов: «Ты работой безнадёжно, — не раз повторял Сидур. — То есть не думая о возможности напечататься ни здесь, ни «там», это тоже непросто. Тогда будет настоящее»⁵. Этот принцип стал главным и для самого скульптора. Достигнутая Сидуром полная раскрепощенность в самовыражении позволила ему говорить на любые, пусть даже запретные темы, воплощать свои самые тайные фантазии и страшные, доходящие до болезненности видения в потрясающие своей откровенностью яркие и сильные образы. Он независим от любых условностей, концепций и общепринятых норм, кроме одного: верности себе и законам своего искусства. Это — осознанная позиция, которую скульптор позже сформулировал так: «Художник может быть свободным и несвободным в любых внешних условиях. Мне приходилось слышать от многих своих коллег слова: «Если бы мне разрешили...» и даже «Если бы я разрешил себе...» Смешно и страшно ждать разрешения, ибо, когда оно наступит, художник уже не будет художником, а станет, как всякий ожидающий и получивший разрешение, просто человеком, делающим и говорящим дозволенное. Я считаю, что это относится ко всем общественным системам и частям нашей планеты. Ни одному художнику нельзя безнаказанно наступать «на горло собственной песне», это неизбежно приводит к самоудушению».

Твердая и бескомпромиссная позиция Сидура вызывала глубокое уважение. Через «железный занавес» ему протянул руку его коллега, крупнейший западногерманский художник-концептуалист Йозеф Бойс: «Я приветствую Вадима Сидура, который знает, что свобода предназначена не только для искусства, она необходима для всей культурной жизни. Только свобода делает возможным образование будущих обществ, ослабление систем угнетения и их исчезновение»⁶.

За нежелание сотрудничать с ней власть платит Сидуру взаимностью. Его работы полностью исчезают с выставок. Единственным исключени-

ем — вплоть до «перестроечного» 1987 года — стала небольшая (чуть более 10 работ) однодневная экспозиция графики В. Сидура, организованная для узкого писательского круга 20 марта 1968 г. в Центральном Доме литераторов. Все создаваемое им отныне оседает в его Подвале. Он становится для художника и мастерской, и музейным запасником, и выставочным залом.

Стометровая мастерская, поначалу казавшаяся Сидуру такой огромной, с невероятной быстротой наполняется все новыми скульптурами. Отсутствие возможности естественным образом рассредоточить свои вещи по музеям и коллекциям, дать им выход «наверх», «на волю» с годами превращается для Сидура в настоящую трагедию. И это при том, что у него — в отличие от многих других художников — никогда не возникало желание «очистить» рабочее место от собственных творений. «Еще один стимул, побуждающий к творчеству — пустое помещение, в которое попадаешь по тем или иным причинам, — сказал о себе Вадим Сидур. — Сразу же пытаешься воссоздать свой мир, заполняя пустоту своими собственными порождениями». Среди них он чувствовал себя комфортно; их окружение вдохновляло его на новые «творческие подвиги». В то же время, как пишет Сидур, «за тридцать лет <я> наработал «в стол», вернее, «в подвал» столько, что мои собственные произведения погребут меня... Это кажется смешным, но гораздо больше мировой славы... меня занимает *отсутствие места в моем подвале* и не только для относительно больших скульптур, но и мелких. Это сейчас главная проблема в моей жизни! Я вынужден после фотографирования разрушать мои новые скульптуры. Так я уничтожил почти весь цикл «Люди-лопаты», «Портрет Бойса»... цикл «Дань времени», а теперь придется разрушать одну из лучших скульптур последнего периода — «Сговор», где удивительным образом сочетаются чугунные трубы с мягким фетром шляп». По счастью, последняя из упомянутых вещей — «Сговор» — сохранилась буквально чудом и сейчас занимает почетное место в Московском государственном музее Сидура. Что же касается «традиционных» материалов, то желание скульптора создавать в них работы пусть даже относительно большого размера абсолютно неосуществимо. Подвал в состоянии вместить только мелкую пластику, да и ее с годами становится так много, что она оставляет своему создателю лишь маленький пятак для работы.

Еще одним серьезным наказанием явилось для Сидура отлучение его от государственных заказов, следствием чего стало лишение его не только заработка, но и столь важной и радостной для любого скульптора возможности видеть свои работы установленными в монументальном размере на улицах и площадях родной страны. Правда, здесь опять не обошлось без исключений. Ими стали цементные скульптуры «Структура № 1» и «Структура № 2», возведенные в 70-е годы в качестве дополнительного украшения перед только что построенными тогда зданиями двух

*А.Каплан. Скрипач на крыше.
Керамика.*

А.Каплан. Старик с козой. Керамика.

*А. Каплан. Под брачным
балдахином.. Керамика.*

*А. Каплан. Корчмарь. Цветная
литография.*

*А. Каплан. Скрипач при
лунном свете. Керамика.*

А. Каплан. Женщина со свечами. Керамика.

А. Каплан. Дедушка и внук. Керамика.

А. Каплан. Танцующая пара. Керамика.

*А.Каплан. Лунная ночь.
Керамика.*

*А.Каплан. Предостережение.
Керамика.*

*Буква "Я" (як). Буква "К"
("кемл" - верблюд)*

А.Каплан. Бабушка. Рисунок.

А.Каплан. Менахем-Мендл с женой и тещей. Литография.

А.Каплан. Коза куплена. Цветная литография.

А.Каплан. Дерево. Цветная литография.

А.Каплан. Тайбеле. Цветная литография.

А.Каплан. Столовая. Цветная литография.

*Вадим Сидур в своей мастерской,
1980-е гг.*

*Из цикла "Влюбленные",
1984 г., акварель, тушь, перо*

*Вадим Сидур. Райская жизнь в коридоре. 1980 г., дсп, масло, 324x234 см
(из 16 частей)*

В. Сидур. Графика.

*В. Сидур. Взывающий, 1979 г.,
34,7x8,2x8,5 см (бронза)*

*В. Сидур. Святое семейство, 1964
г., 33,5x22,х20 см (медь)*

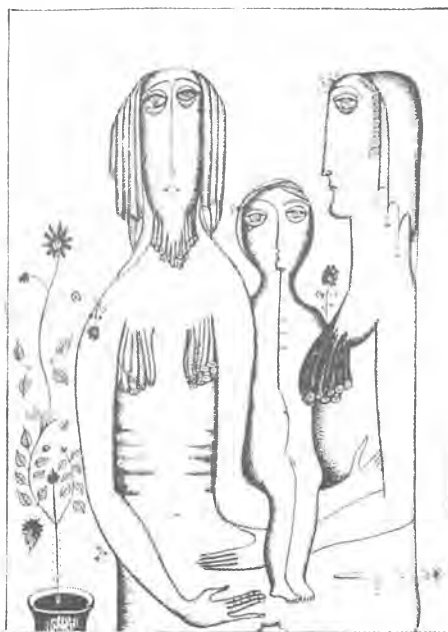
В. Сидур. Памятник оставшимся без погребения. 1972 г., 35x23x15 см (бронза)

Инвалид с палкой, 1962 г., 32x16,5x16 см (бронза).

Пророк / Иллюзионист / Улыбка века, 1969 г., 64x55,5x33 см (гипс, металл, пластмасса)

В. Сидур. Без названия. Графика.

*Памятник погибшим детям, 1968 г.,
35,5x20,5x15 см (тон. алюминий),*

Из цикла “Неосалон”:

*Конструктор для взрослых, 1980 г.,
19,3x10x1,8 см (бронза)*

*Поцелуй, 1981 г., 12,5x27,2x4,3 см
(бронза)*

*Загорающая, 1981 г., 18,5x20,7x3,5 см
(бронза)*

*Моющая ногу, 1981 г., 32x10,2x3,7 см
(бронза)*

Нимфа, 1981 г., 33x9x4 см (бронза)

Диана, 1970 г., 27,3x6x4,2 см (бронза)

Детские рисунки из концлагеря Терезин

московских научно-исследовательских институтов. Обе работы, а также нереализованные, существующие лишь в небольшом размере варианты и эскизы к ним — единственные произведения Сидура в абстрактном стиле. Естественно, неприличное, ругательное слово «абстрактные» на художественных советах не произносилось. Оно было заменено на вполне проходное понятие «декоративные». Установка обих «Структур» стала возможной благодаря настойчивости директоров институтов; «физикам», работавшим на оборону, в отличие от «лириков», позволялись определенные вольности, тем более, что работы считались предназначенными, так сказать, для «внутреннего употребления». Они устанавливались не на улице, а во дворах; предполагалась их жесткая привязка к архитектурному ансамблю.

«Одновременно с ежедневной работой в подвале, — пишет Сидур, — я для заработка начал заниматься книжной графикой, областью, где все места уже были заняты и где в то время царили нравы еще более ортодоксальные, чем в скульптуре. Несмотря на все трудности, я с удовольствием занимался бы этим делом и сейчас, но меня из книжной графики через несколько лет выперли, причем всерьез и надолго (а точнее, как потом выяснилось, навсегда. — М.С.). Ни в одном издательстве меня не принимали, поскольку, как заявил мне об этом главный художник «Прогресса», я «неразоружившийся формалист».

Эту работу, которой Сидур еще мог заниматься до начала 70-х, он — в отличие от многих других — считал «халтурой» лишь в переносном смысле. Лучшими в этом жанре были, по его мнению, иллюстрации к двум романам И. Мераза, изданным одной книгой: «Ничья длится мгновение» и «На чем держится мир» — пронзительно-трагический в своей правдивости рассказ о еврейском гетто. В условиях усиливавшегося государственного антисемитизма публикация на запретную еврейскую тему, состоявшаяся буквально чудом в 1966 году, стала одним из последних событий уже канувшего в Лету «великого десятилетия». К тому времени уже входило в правило говорить о том, что жертвами нацистских концлагерей были «люди самых различных национальностей», а само слово «еврей» было переведено в официальной лексике в разряд «неприличных» и полностью исчезло из печати. Столь же честными, как и сама книга, были украшавшие ее черно-белые рисунки Сидура — будь то обреченно бредущие сквозь строй эсэсовцев обнаженные мужчины, женщины и дети, или изображения отдельных персонажей, одетых в арестантские робы с нашитыми на них могоендовидами.

Можно привести несколько примеров. В 1970-е гг. воспроизведенный чуть ли не в человеческий рост рисунок из книги (по понятным причинам, без упоминания автора) в течение нескольких недель украшал фойе главного здания МГУ, где был главной частью грандиозной стенгазеты к очередной антифашистской дате; изображение воздевшего вверх руки человека с обложки книги было использовано в качестве эмблемы Между-

народной конференции по геноциду (шоа), проходившей в Москве 29-30 апреля 1992 г. С припиской «Помни шоа!» превращенный в эмблему рисунок был опубликован, в частности, в газете «Вечерняя Москва»⁷; многие рисунки из книги были взяты в качестве иллюстраций к опубликованным в журнале «Панорама Израиля» воспоминаниям некоей Б. Цин⁸; хотя фамилия автора иллюстраций в первоисточнике указана, а запрета на ее упоминание уже нет, в обоих случаях художник не назван — как говорится, «музыка и слова народные»; репринтное переиздание книги И. Мераса было осуществлено уже в постсоветской России в 1994 г.⁹

К теме концлагерей Сидур возвращался снова и снова в различных графических и скульптурных произведениях. Так, опубликованный в 1944 году очерк В. Гроссмана «Треблинский ад», с протокольной точностью описывающий функционирование этой фабрики смерти, не только произвел на Сидура колоссальное впечатление, но и дал ему документальный материал для создания одной из лучших работ серии «Памятники». Установленная в Западном Берлине «Треблінка» представляет собой поленницу из человеческих тел, приготовленных к сожжению. Почти с фотографической точностью скульптура воспроизводит бездыханные останки людей, уложенные штабелями так, чтобы в соответствии со специально разработанной нацистскими инженерами технологией создать лучшую тягу при горении.

Одним из символов трагического двадцатого века стало изображение характерного силуэта вытянутых в линию столбов, как бы надломленных в верхней части и соединенных вместе натянутой на них колючей проволокой. Этот легко узнаваемый «опознавательный знак» эпохи концлагерей Сидур переводит в художественный образ. Одухотворение происходит за счет привнесения в чисто схематичное обозначение «фабрики смерти» человеческого начала. Бетонные опоры превращаются в скорбные человеческие фигуры, ограничивающие ничтожно малую «территорию лагеря». Стоящие на его противоположных сторонах люди-столбы придвинуты почти вплотную друг к другу. Их тела и соприкасающиеся склоненные головы ограждают внутреннее пространство — подобие длинного узкого зала, чьи своды теряются где-то в вышине. Место страдания и гибели оказывается готическим собором, а сама скульптура становится воплощением скорбной памяти о бесчисленных безымянных жертвах, став «Памятником концлагерю». Три пары фигур образуют собой «коридор от бытия к небытию для з/к — и коридор от небытия к бытию для сегодняшнего зрителя. От безбожия к богу»¹⁰.

Впоследствии единственной оставшейся у Сидура работой, приносящей какие-то деньги, стало выполнение частных заказов по созданию надгробий, к которым он относился весьма серьезно: это была уникальная возможность установить свои работы на родине. Работа с мемориальной скульптурой, напрямую предполагающей отражение столь близ-

ких его творчеству тем горя и страдания, делается для Сидура любимой. На эти запретные в советском искусстве темы художник говорит «подпольно» у себя в мастерской; здесь же — в силу «законов жанра» — он может высказаться открыто и свободно. Решительно отказавшись от портретирования (вопрос заранее обговаривался с родственниками), Сидур вкладывает в свои надгробия пронзительную обнаженность чувств, где тесно переплетаются вечные как мир трагедия ухода человека и бесконечная скорбь оставшихся в живых. Лаконизм формы и напряженная внутренняя эмоциональность делают их подлинными символами горя и страдания, точно так же, как и сделанные «для себя» работы, органически «вписывая» их в другие серии. Надгробия естественным образом продолжают цикл «Памятники», став его частью.

Работа над скульптурой, стоящей на могиле родителей художника в Перedelкино (где впоследствии был похоронен и он сам), привела Сидура к созданию трехфигурного «Памятника оставшимся без погребения», каждая часть которого представляет собой один из вариантов этого надгробия. Стоящие полукругом стилизованные фигуры высоких женщин с печально склоненными головами образуют подобие часовни. «Скорбящие матери», как их уже окрестили в народе, что-то безмолвно нашептывают друг другу, ограждая своими телами внутреннее сакральное пространство. Впечатление усиливают контррельефы крестов на груди каждой из них, придавая композиции законченность образа. «Памятник» был установлен после смерти Вадима Сидура в Москве, неподалеку от его музея, и посвящен солдатам, погибшим на афганской войне.

Три работы Сидура — надгробные памятники академику Е. Варге, И. Тамму и А. Фрумкину — чудом оказались на привилегированном Новодевичьем кладбище с его бесчисленными бюстами отошедших в мир иной «видных советских деятелей». В этом месте вечного упокоения царит совершенно неподобающая ему атмосфера первомайской Красной площади. Оказавшись за воротами, словно попадаешь на чудовищный парад, где вместо живых людей застыли в строю — вдоль аллей — brave покойники — все при орденах, а многие и при погонах с бесчисленными звездами. Каждый из руководителей отмечен соответствующим его рангу размером изображения и качеством материала. Одинаково суровое выражение лиц лишней раз напоминает о том, что умершие при жизни занимали недостижимо высокое положение и, даже оказавшись на погосте, не забывают о долге перед страной, оставаясь навечно «при исполнении». Творения Сидура смотрятся дико среди царящего вокруг бравурного официоза.

Сидуровское направление в этой разновидности скульптуры напрямую связано с богатейшими традициями русской классической мемориальной пластики, которые художник продолжил и развил в XX веке. Определенное созвучие ощущается между надгробиями В.А.Сидура и И.П.Мартоса, ставшим в этой области «первооткрывателем» для своего

времени. Сидур, видевший истоки своего искусства в греческой архаике, высоко ценил и любил творчество Мартоса, который как представитель классицизма напрямую апеллировал к античной традиции. Монументальность форм, замкнутость композиции, лаконичную выразительность силуэта, ставшие отличительной чертой творчества Мартоса, Сидур, «говорящий» на совсем ином пластическом языке, сумел пронести сквозь века, сохранив их в своих условно-обобщенных надгробиях. Как и надгробия Сидура, многие памятники Мартоса являют собой символы; однако он использовал уже «готовые» и понятные всем «пиктограммы» (урна с прахом, склоненный ангел, фигуры плакальщиц). Сидур создавал собственную семантику. Придуманые им символы-знаки «прочитываются» так же легко, как и общепринятые, складываясь в особый иероглифический язык. Уронивший голову на колени человек превратился в «Формулу скорби». Эта скульптура из цикла «Памятники», установленная в 1991 году на месте массовых расстрелов в Царском селе в память о евреях — жертвах нацистского геноцида, увековечила память о величайшей трагедии в истории еврейского народа. Человеческая фигура здесь лишена и намека на индивидуальность; она не вызывает ассоциаций с определенным человеческим типажем, а уж тем более с конкретной личностью. Обобщенность формы, а вместе с ней и «обобщенность» эмоций достигли абсолюта. «Как и в русской иконописи, первым впечатлением становится ощущение крайней простоты, — напишет позже о работах Сидура шестидесяти лет известный австралийский искусствовед С. Гришин¹¹, — однако при внимательном рассмотрении возникает образ необычайной символической и композиционной сложности. Лаконично-емкая форма оказалась с филигранной точностью «подогнанной» под заложенную в работу глобальную идею. «Я считаю, — написал о цикле «Памятники» через много лет после их создания Сидур, — что они обладают той вечной скульптурностью, которая дошла до нас с самых архаических времен, и, надеюсь, не исчезнет с появлением новых материалов и новых направлений в искусстве».

Тонкая одухотворенность и чувство просветленной скорби мартосовских надгробий создают впечатление гармоничности мироздания, которую не нарушает пусть печальный, но естественный уход человека из жизни, а точнее — просто его переход в «мир иной». Та же линия прослеживается и в ряде сидуровских работ (памятники И. Габаю, Е. Варге, И. Звереву, С. Андрееву, М. Гельштейну и пр.). Отметим стоящий на Донском кладбище в Москве «Памятник Лиле Тумаркиной». Высеченная в граните фигура подростка обращена к зрителю спиной. Слабый ветер в последний раз всколыхнул ее короткие волосы. Исполненная легкого, почти призрачного движения, девочка медленно вступает в подобие массивного портала, образуемого грубыми сколами каменной глыбы, навсегда уходя из нашего мира в небытие. Путь ей печально озаряет маленькая

звезда Давида, светящая с большого, напоминающего нимб полукружья над головой ребенка.

В то же время в других надгробиях просматривается иная тенденция: здесь эмоции достигают пронзительности и надрыва. Смерть тут противостественна, после нее человек — невосполнимая в своей уникальности частица вселенной — исчезает навсегда. Гранитный человек с бессильно опущенной головой, стоящий на могиле академика И. Е. Тамма, пытается прикрыть рукой рваную сквозную рану в своей груди. Каждая смерть пробивает брешь в живой ткани мироздания, заделать которую невозможно. Всеобщая гармония разрушена: «Народ без меня неполон», как сказал герой А. Платонова.

Эти две линии сошлись вместе за пределами «надгробной» серии в «Памятнике погибшим детям», ставшим символом родительского горя. На первый взгляд — это обычное и столь любимое Сидуром изображение семьи. Однако, некая парадоксальность в трактовке темы заставляет задуматься, так ли это, особенно, если не знать заранее подсказку-название. Постепенно начинаешь понимать, что ребенок умер. Его ножки-спичечки беспомощно обращены к небу, куда он вот-вот вознесется. Отец и мать, напротив, твердо стоят на «грешной земле». Перевернутая фигура маленького покойника опирается головой на согбенные головы родителей. Его неожиданно массивное туловище буквально вдавливают в землю тела родителей, по сравнению с ним кажущиеся совсем маленькими — яркое олицетворение непомерной тяжести утраты. Звездообразное расположение фигур напоминает молекулу, где тела-атомы удерживаются вместе лишь легким соприкосновением голов. Впечатление нестабильности, случайности касания иллюзорно: могучая сила взаимного притяжения соединила всех троих в единое целое. Без одного из них семья-молекула, первооснова бытия, будет разрушена; возникнет зияющий провал в живой ткани мироздания (об этом же говорит и сама форма скульптуры: фигуры родителей кажутся самодостаточными; однако без третьей, связующей их составляющей форма окажется разорванной, между ними будет выпирать «неработающая» пустота пространства). Образующаяся брешь «заделана» с помощью, казалось бы, навсегда утраченного элемента. В прежнем виде он уже не существует, поэтому вернуть его назад и поставить на прежнее место стало возможным, лишь изменив его «полярность». Шатко балансирующий вверх ногами на собственной голове ребенок-частица, отлетающий в небытие, словно притянут обратно, поменяв в какой-то момент знак «плюс» на «минус». Первоначальная «химическая формула» восстановлена, а вместе с ней и разрушенная гармония.

С конца шестидесятых годов мастерскую Сидура начинают посещать иностранцы. Одними из первых были чехи, сторонники и творцы «Пражской весны». В чешской прессе появляются первые — за много лет — статьи о творчестве художника. Эти публикации за границей положили

начало поистине мировому признанию Вадима Сидура. За несколько лет тоненький ручеек превратился в целый шквал событий: пространные статьи выходят в ФРГ, Англии, Америке... В 1972 году в Австралии выходит первая посвященная Сидуру монография с многочисленными иллюстрациями. В 1974-м на центральной площади западногерманского Касселя происходит торжественное открытие сидуровского «Памятника погибшим от насилия», увеличенного без участия скульптора по небольшой работе, созданной им в 1965-м без всякой надежды на установку. Такая же судьба ожидала и многие другие его произведения: «Треблинка» ныне стоит в Берлине, «Взывающий» — в Дюссельдорфе, «Портрет Альберта Эйнштейна» — в Чикаго, «Памятник современному состоянию» — в германском городе Констанце — вот лишь неполный перечень установленных работ Сидура. Одна за другой на Западе проходят персональные выставки художника, почти каждая из которых сопровождается каталогом и обширными откликами в средствах массовой информации. В своих передачах западные радиостанции приравнивают Сидура к классикам. Немецкое телевидение снимает о нем фильм. Сидур дает многочисленные интервью западным журналистам, выступая перед камерами у себя в мастерской: советская граница для него так и осталась навсегда «на замке». До конца своих дней он оставался, по тогдашней терминологии, «невъездным», приравненный в этом качестве властью к самым высокопоставленным носителям государственных тайн, работавшим над сверхсекретным оружием.

Вполне возможно, что искусство Сидура, о чем он знает, естественно, не мог, действительно было «секретным оружием» советской власти. С начала 70-х в отношениях с Западом набирала обороты «политика разрядки напряженности». Советский Союз был заинтересован в расширении контактов с развитыми странами, особенно в области науки и бизнеса, а для этого надо было «показать товар лицом» многочисленным высокопоставленным иностранцам. Разумеется, Большой театр пользовался заслуженным уважением, но достижения «социалистического реализма» заграничные гости признавать отказывались начисто. Надо было показать, что кроме классики у нас есть еще современное искусство, причем не хуже чем «у них». К тому же, неформальная обстановка мастерской как нельзя лучше способствовала «укреплению дружбы между народами». Вероятно, поэтому власти не чинили особых препятствий советским ученым, искренне хотевшим познакомить зарубежных коллег со своим любимым художником. На посетителей Подвала, среди которых было немало известных профессоров, писателей, журналистов и бизнесменов, работы скульптора производили впечатление буквально шоковое: почти никто из них не предпологал, что в Советском Союзе может быть искусство, соответствующее, по их мнению, лучшим мировым образцам. «Я оказываюсь среди скульптур, которые могли бы стоять в Нью-Йоркском

Музее современного искусства, — написала в 1971 году западногерманская писательница Луиза Ринзер¹² под впечатлением от посещения мастерской Сидура, добавив при этом: — Пришедшему в этот подвал прямо из Третьяковской галереи кажется, что именно здесь он попадает в Россию. В Россию с ее магической силой: тоска, мощь, терпение, настойчивость, теплота, религиозность, «широкая душа». «48-летний Вадим Сидур — один из самых самобытных художников, которых я когда-либо встречал», — нечто подобное этому восклицанию норвежского критика искусства Э. Эгеланда¹³ говорили многие. Сам того не желая, Сидур придавал малоприятному «лицу» брежневского социализма человеческие черты, в чем, возможно, была одна из причин, по которой ему позволялось жить и даже работать в своей стране.

Сам художник, кстати, прекрасно осознавал значение им созданного. «Я имею в достаточной степени аналитически-скептический ум для того, чтобы совершенно трезво оценивать собственную работу и свое место в искусстве, — писал он. — Место это вполне достойное, тем более если учесть, что я, как ни странно и ни парадоксально, единственный скульптор в нашей двухсотсемидесятимиллионной стране, по-настоящему уже более четверти века выражаю свои неортодоксальные идеи на языке нашего времени. И я думаю, что этим феноменом еще заинтересуются будущие исследователи. Ко мне иногда заходят любители и знатоки скульптуры, побывавшие в Прибалтике, Армении и других «свободных» точках нашей необъятной державы, и с полной уверенностью утверждают, что нигде не происходит ничего подобного тому, что создается в моем подвале. Их всегда потрясает несоответствие мира и духа моего подвала с тем, что творится на поверхности. Идейная и формальная глубина моего подвального искусства, по-видимому, определяется удаленностью от земной поверхности».

Отношение властей к Сидуру, позволявшему себе неслыханные «вольности» в виде несанкционированных контактов с Западом, было резко отрицательным. Реакцией на выставки становились полные злости начальственные окрики, содержащие порой неприкрытые угрозы; некоторые из них доходили до Сидура через иностранных друзей. Ведь работы попадали за границу нелегально, просачиваясь туда различными путями благодаря помощи все тех же иностранцев. По этой причине демонстрировалась «живьем» только мелкая пластика, более-менее крупные вещи увидеть можно было только на фотографиях. Так, случайно попавший на одну из таких персональных экспозиций крупный советский чиновник в сердцах воскликнул: «Мы еще разберемся, как работы Сидура оказались на Западе!» До разбирательства, слава богу, дело не дошло.

Не только показывать работы, но даже упоминать публично само имя художника было строжайше запрещено. Иногда дело доходило до анекдота. В 1984 году на Малой Грузинской должна была открыться выставка фотографий Э. Гладкова. Среди портретов писателей и поэтов — Б. Окуд-

жавы, Ю.Крелина и других — автор поместил снимок Вадима Сидура, который начальство, разумеется, потребовало немедленно убрать. После длительной перебранки был найден «разумный» компромисс: портрет Сидура разрешили оставить, поскольку главный «криминал», как оказалось, был в малюсенькой этикетке с фамилией художника. В итоге все изображения представителей творческой интеллигенции, многие из которых были внешне знакомы публике, остались без подписей, превратившись в анонимные «Портрет мужчины» или «Портрет женщины». От греха подальше была удалена и фотография сидуровского памятника, стоящего на могиле его родителей: на гранитной плите, попавшей в кадр, можно было ясно прочесть фамилию усопших.

Даже в разносных статьях, которыми изобиловала пресса того времени, имя Сидура было упомянуто дважды: авторы и их вдохновители хорошо понимали, что подобные публикации лишь способствовали популярности «героев» за рубежом. Последняя из них, появившаяся в 1986 году в газете «Московская правда» буквально за два месяца до смерти скульптора, содержала полную скрытых угроз критику ряда художников за публикации в журнале «А-Я». Выходившее во Франции издание было посвящено советскому неофициальному искусству и автоматически считалось антисоветским. Для Сидура, в отличие от других «фигурантов», эта статья последствий не имела, более того, не произвела на него никакого впечатления: ему, уже тяжело больному и стоящему на пороге смерти, было абсолютно все равно.

С предыдущей дело обстояло иначе. 12 января 1974 года на страницах «Советской России» появилась статья «Миша Скамейкин из Лондона» за подписью «И.Юрченко», обвинявшая Л.К.Чуковскую, Л.З.Копелева, Е.Г.Эткинда и В.А.Сидура в «антиобщественной деятельности». Предлогом для публикации стало общение «фигурантов» с английским журналистом М. Скэммелом, которого они в телефонных разговорах для конспирации называли «Скамейкиным». Факт был более чем неприятным: за любым упоминанием в прессе немедленно следовали «оргвыводы» и «исправление ошибок». К тому же через месяц, 13 февраля, «Правда» помещает целый подвал, озаглавленный «Путь предательства» и посвященный А.И.Солженицыну, положив тем самым начало его травле. Становится ясно, что обе статьи готовились заранее, исходили из одного источника и, похоже, были как-то связаны между собой.

Широкомасштабная кампания борьбы с «антисоветчиной», в центре которой находился Солженицын, производила на Сидура все более угнетающее впечатление, которое усугублялось полным неведением насчет своей собственной дальнейшей судьбы. Возможно, последней каплей, переполнившей чашу терпения властей и спровоцировавшей появление имени Сидура в газете, стал его «Портрет А.Солженицына», сделанный в 1967 году сразу после встречи с писателем на даче К.И.Чуковского. Рису-

нок фломастером построен на резком контрасте. Скупые черные линии, которыми едва обозначено лицо писателя, создают впечатление суровой аскетичности, а ярко сияющие голубые глаза выдают мощный темперамент и живую эмоциональность натуры. Самому Солженищину рисунок не понравился, однако сильный образ и внешнее сходство изображения сделали его одним из наиболее удачных портретов писателя. Почти сразу он был опубликован в целом ряде журналов, выходящих в странах социалистического лагеря («Mogućnost» (Югославия), 1968 г.; «Telegram» (Югославия), 1968 г.; «Literarni listy» (Чехословакия), 1968 г.), где его воспроизвели с маленьких фотографий, подаренных художником своим иностранным друзьям. Оттуда рисунок — без ведома и согласия автора — был перепечатан рядом западных издательств, считавшихся в СССР антисоветскими. Сотрудничество с подобными организациями, а, тем более, получение от них денег (объяснить, что на самом деле этого не было — задача для того времени практически невозможная) сразу делало из человека врага режима. Это было доказательством лояльности перед Западом, своего рода «предоплатой» за трудоустройство и процветание за рубежом, более того, особым пропуском в эмигрантскую элиту. Для властей по обе стороны границы это был вполне понятный знак того, что вступивший на этот путь был готов, пройдя через «чистилище» репрессий и отказ от гражданства, получить «билет в один конец». Этим концом пути была эмиграция. Сидуру, который намеревался прожить остаток дней на родине, такая «слава» была абсолютно не нужна.

Иногда в день Сидур просчитывал в уме все возможные варианты — от высылки на Запад до ареста и лагеря. Вызов в партком Союза художников для участия в разборе его «личного дела» было для него логическим развитием событий. Взяв на всякий случай больничный, Сидур от похода в МОСХ категорически отказался: он прекрасно понимал, что от него ждут устного и письменного покаяния, чего он не стал бы делать ни при каких обстоятельствах. Естественно, такая единственно приемлемая для художника пассивная форма защиты ни в малейшей мере не могла повлиять на «процесс исключения». Иллюзий на этот счет у Сидура не было никаких. «Дело» в итоге рассмотрели без его участия; скульптора по-быстрому вышибли из «родной партии», заявление о приеме в которую он подал еще на фронте. Неясным оставался сакраментальный для того времени вопрос: «с какой формулировкой» он был исключен «из рядов»? От указанной в официальной бумаге конкретной причины, по которой бывший фронтовик был лишен «почетного звания» коммуниста, напрямую зависела степень дальнейших репрессий. Получить ответ на этот главный для него вопрос Сидур попытался у двух парткомовских деятелей, приехавших к нему домой для «конфискации» партбилета. Проявив настойчивость (оба дружно ссылались на забывчивость), Сидур добился в итоге лишь того, что один из них выдал из себя буквально следующее: «То ли

за неучастие в общественной жизни, то ли за антисоветскую деятельность». Такой ответ оставлял поистине безграничный простор для дальнейших догадок. Однако, ситуация потихоньку начинала проясняться. Наверху уже что-то переигралось; Солженицына, вместо казавшегося неизбежным ареста, к тому времени выслали за границу, и кампания постепенно сменяла обороты. Горком партии, утвердивший в августе принятое решение парткома об исключении Сидура из КПСС, требовал «всего лишь» изгнать художника из МОСХа, что автоматически лишило бы его права на мастерскую и — как следствие — возможности дальнейшей работы.

То, что это так и не произошло, по тем временам было чудом, свершиться которому помогло стечение обстоятельств. 15 сентября нонконформисты устраивают несанкционированный показ своих работ на открытом воздухе, картины сгребают в кучу и уничтожают при помощи оборочной техники, за что выставка получила потом название «бульдозерной». Разражается скандал, внимание властей полностью переключается на новую, взращенную ею самую «проблему», а Сидура, в акции не участвовавшего, оставляют в покое.

Дышать затхлым воздухом «застоя» становилось невозможно. В барокамеру, ограждавшую Сидура от внешнего давления, превратился его Подвал. Там он генерировал свою собственную атмосферу, которой мог дышать легко и свободно. Двигаться «в сторону освобождения» от идеологического прессинга ему к тому времени не было никакой надобности: для него это был уже пройденный этап. Разрыв с властью стал полным и окончательным.

Художник шел к нему десятилетиями, этот путь был отмечен этапными и мелкими, кажущимися незначительными событиями, однако общее направление было неизменным. Пелена с глаз спадала медленно и тяжело: вера в Сталина, поддерживавшая его во время войны, сменялась сомнениями в непогрешимости вождя, возникшими из-за кампании борьбы против «космополитов», а затем и вообще в правильности «ленинского пути», завершившимися жгучим стыдом за родную страну во время оккупации Чехословакии в 1968 году. Трезвое понимание античеловеческой сущности коммунистического режима не мешало ему, как это ни покажется странным, оставаться патриотом своей советской родины, причем в самом лучшем значении слова, в чем была одна из причин, по которой он никогда не хотел покинуть ее пределы. Он любил свою страну невзирая на все, порой чудовищные, черты режима и ощущал себя, как он не раз повторял, советским человеком.

«Лично я очень остро осознаю, что мои корни — в земле моей страны... Особенно ясно все это осознаешь в связи с появлением большого количества эмигрантов из нашей страны, занимающихся искусством. Работа и жизнь в метрополии проходит в силовом поле особого рода, энер-

гии, складывающейся из страха, давления, запретов, отсутствия информации и т. д. Это создает *особое* состояние понимания значительности того, что делаешь. Противопоставить этому силовому полю можно только свою внутреннюю свободу и талант (Платонов, Гроссман). Лишенные всего этого эмигранты, «отлетевшие души», шелестят что-то, о чем-то, как привидения из своего потусторонья (мы узнаем об этом по радио сквозь вой глушения). Оторвавшиеся от своей «матери-мачехи» и не слившиеся с Западом... они вынуждены убеждать себя и оставшихся в метрополии, что настоящая жизнь и настоящие события происходят в местах их нового проживания, а в стране, оставленной ими, вообще больше ничего не происходит и произойти не может, т.к. все «лучшие» представители культуры уже отбыли. Постепенно количество переходит в качество, начинается то, что можно назвать «эмигрантским междусобойчиком». Эмигранты работают для эмигрантов. Показывают свои произведения на эмигрантских выставках, публикуются в эмигрантских изданиях, критикуются или восхваляются своей собственной эмигрантской критикой. Устанавливается своя эмигрантская шкала ценностей. Пока что опыт показывает, что те писатели и художники, которые до отъезда создали довольно значительные произведения на родине, теряют качество или в лучшем случае не прибавляют. Они вынуждены питаться великими мертвецами своей родины, грызут трупы Достоевского, Шостаковича... Мне кажется, что это происходит из-за того, что те, кто уехал без внутренней свободы, тот и не сможет ее обрести на новом месте жительства. Недаром один художник, опубликованный в «А-Я», сказал: «Я не состоялся на родине из-за запретов, на Западе — из-за того, что надо зарабатывать деньги», — писал В. Сидур.

Сидур всегда ценил относительную мягкость брежневской власти, оставлявшей ему возможность заниматься собственным делом. С особым одобрением Сидур отмечал то, что новый Генеральный секретарь, в отличие от предыдущего, никогда не пытался лично руководить искусством. По мнению художника, «Леонид Ильич», как он неизменно ласково называл его в разговорах, был политиком даже более прогрессивным, разумеется, с учетом узких рамок своей системы, чем многие его коллеги на Западе. Почти не менявшиеся «правила игры» стабильного «застоя» позволили Сидуру выработать раз и навсегда линию поведения по отношению к власти и найти свою нишу, где он ощущал себя в относительном комфорте. Он кожей чувствовал, что изменений в лучшую сторону при его жизни ожидать не приходится. На аргумент западного слависта, что он специально изучал историю партии в университете, Сидур, которого тот пытался поучать, в сердцах ответил: «А я изучал ее на собственной шкуре!» Этот жизненный опыт, оставивший глубокие раны на теле и в душе художника, подсказывал ему, что от добра добра не ищут; главное — чтобы не было хуже. «Мы все время подспудно ощущаем, даже в самые

хорошие времена, что в любую минуту все может закончиться: могут забрать подвал, уничтожить скульптуры и рисунки, хотя времена, конечно, изменились, но нравы, к сожалению, остались прежними. Лучше всего сидеть тихо и не привлекать вниманис... <Иначе> речь, возможно, пойдет уже не только об уничтожении произведений, но и ликвидации самого автора. Хотя, повторяю, времена изменились, и я беру, так сказать, самый худший вариант, — писал Сидур, добавляя при этом: — Я чувствую себя одним из немногих, а возможно, даже единственным, кто может роскошествовать, творя вне политики и социального заказа и вне заказа вообще. Не знаю, считать ли это за счастье, но это произошло, потому что в силу стечения обстоятельств, я в течение более четверти века мог творить, что моей душе угодно, независимо от рынка, критики, законов спроса и предложения. А стечение обстоятельств произошло только потому, что умер Сталин, и наступила другая, совершенно новая историческая эпоха. Людям, при всей суровости нашей системы, перестали физически отрывать головы. Дали право думать по-своему и творить в стол (в подвал). Это огромное достижение! Для тех, кто делает искусство для искусства, удовлетворяясь отсутствием выставок, публикаций и т. д. Короче говоря, для тех, кто верит в приоритет внутренней свободы и самодельность искусства, появилась возможность творить. Человек, который при Сталине боялся даже подумать, получил возможность даже зафиксировать свою мысль. Я постоянно благодарю судьбу за то, что начало моей настоящей работы приходится на постсталинский период». Отказавшись от любого участия в общественной жизни, как «советской», так и «анти-советской», Сидур ничего не просил и, тем более, не требовал у власти. Он стремился прекратить любые контакты с государством, чего в конце концов и добился. «Право творить и право выставляться — две разные вещи, — не раз повторял Сидур. — А право творить у нас в стране есть».

В советском искусстве 60-80-х годов подобная позиция уникальна. Она превращает Сидура в фигуру полностью одиночную. В этом заключается одна из причин, выводящих его за рамки не только советского, но и т. н. «другого» (т. е. неконформистского) искусства, ибо главное, чего добились художники-неконформисты, было право на публичный показ своих произведений. Сидур не желает участвовать в этой коллективной борьбе, стремясь сохранить немногие оставшиеся у него силы для выполнения своей творческой миссии. К этому, чисто внешнему и отнюдь не главному, отличию Сидура от прочих представителей «андеграунда» добавляется его космическое одиночество в творческом плане. Его наследие — уникальный, не вписывающийся ни в какие рамки и существующие концепции феномен. Вадим Сидур — полный аутсайдер как «советского», так и «антисоветского» искусства.

Живо интересуясь всем происходящим во внутренней и внешней политике, Сидур охотно высказывался на этот счет в кругу друзей, однако в

своих многочисленных интервью неизменно обходил подобные темы стороной. И это при том, что он — в отличие от большинства художников — говорил не только о себе и о своем творчестве. Некоторые из интервью он готовил заранее, воспринимая этот жанр как еще один, новый вид искусства, в котором можно выразить свое отношение к окружающему миру. Нежелание дразнить власть предрержащих и провоцировать их на вспышки гнева было отнюдь не главной — как может показаться на первый взгляд — причиной того, что в своих публичных высказываниях он уклонялся от каких бы то ни было оценок «первого в мире социалистического государства». Скорее, это было результатом эволюции во взглядах художника на жизнь в целом. Коммунистическая власть, в которой он разочаровался уже давно, и окружавшая его убогая советская действительность стали для Сидура лишь частным проявлением несправедливости мирового устройства вообще. Свои раздумья на эту тему он — в спорах с друзьями и близкими, питавшими иллюзии насчет идилической жизни на Западе — суммировал с присущей ему образностью так: «Весь мир — говно». Расшифровку этой краткой мысли мы находим в одной из его записей: «Блаженны верующие в то, что в несчастьях человечества виновата та или иная политическая система. И что с изменением знака «+» на «—», или наоборот, все изменится. Меня же угнетает несовершенство человеческого существования вообще». В последней фразе — ключ к пониманию творчества Сидура в целом, а соответственно, и того, о чем он говорил на страницах западных изданий. Здесь — так же, как в скульптуре, графике или стихах, — художник реализовывал свою внутреннюю потребность высказываться исключительно на «вечные» темы, что делает его слова столь же актуальными сегодня, как и четверть века назад. Рассказ о событиях своей жизни, собственном творческом развитии и своем видении искусства логично и естественно переплетается с раздумьями о проблемах жизни и смерти, любви и насилия, в которых отчетливо звучит неподдельная эмоциональность и страх за судьбу «рода людского».

Какой же вывод можно сделать из этого избыточного деталями, но далеко не полного жизнеописания? У читателя, да и у самого автора этих строк остается впечатление неоднозначности происшедшего; некоей двойственности, под знаком которой протекала жизнь Вадима Сидура, по крайней мере, двух последних десятилетий. Сам он об этом высказался так: «Как человек и художник, я считаю свою жизнь и судьбу очень счастливой, но в то же время в ней постоянно присутствует *трагедия*». Он был рад тому, что власть, собственное здоровье, да и просто судьба дали ему возможность не только состояться как художнику, но и создать огромное количество произведений, сотворить свой неповторимый мир скульптуры и графики, ставший его создателя в один ряд с классиками изобразительного искусства двадцатого века. В то же время он постоянно испытывал, как писал сам, «трагедию нереализованных возможностей,

<проистекавшую> из-за отсутствия места, нехватки физических сил, из-за невозможности работать в моем подвале электросваркой. в граните, в мраморе и т.д., хотя бы из-за простой тяжести этих материалов. Ведь их потом просто не вытащишь на поверхность. С одной стороны, совершенно фантастическая удача, о которой я не мог даже мечтать, — уже сейчас почти полностью установлен в Германии цикл памятников, модели которых я создал двадцать лет назад. В то же время я сам ни одного из них не видел и, скорее всего, никогда не увижу... Я серьезно отношусь к форме своих скульптур, упорно работаю над тем, чтобы довести ее до совершенства. Только я один знаю, насколько эта форма сложна при кажущейся ее простоте. И вот мои лучшие произведения увеличиваются *чужими руками*, людьми, которые при всем желании не могут постигнуть моего замысла... Я глубоко страдаю, как любящий отец, знающий каждое пятнышко, каждую шербинку на своих детищах. Отсюда постоянная боль и ощущение полного бессилия, невозможность участвовать в работе по окончательному воплощению своих замыслов, подсказать, как нужно сделать, что исправить, потребовать в конце концов необходимого качества. Хотя наше будущее невероятно зыбко и неопределенно, скульптуры ставятся на века. По ним будут судить о нас и нашем времени. Вот что постоянно мучит и занимает меня... <Я> постоянно угнетен тем, что в обозримом будущем самое важное из <созданного мной>: «Железные Пророки», «Гроб-Арт» и т. д. не смогут вырваться на поверхность ни в нашей стране, ни на Западе, т. к. совслужащие Зайшевы (в то время зам. министра культуры СССР. — М.С.), ведающие культурой у нас, вроде собак на сене: сам не гам и другому не дам! О том, что случится с моими железными порождениями, когда меня не будет, я стараюсь не думать. Скорее всего, они погибнут, а может быть, и выживут... Теперь, когда они созданы, у них своя судьба!»

И все же, один вывод, однозначный и не подлежащий сомнению, напрашивается сам собой. Главной страстью, поглощавшей Сидура почти целиком, стал акт творения. Он превратился в «человека-фабрику», неустанно работая — как и положено при социализме — не ради получения прибыли, а для выполнения плана. Этот план, разработанный им самим, или данный ему свыше, Сидур старался выполнить на пределе физических возможностей, подчинив его воплощению всю свою жизнь. Для этого он стал «человеком-оркестром», игравшим одновременно на многих инструментах, которыми были для него различные материалы, техники и виды искусств, одну бесконечную мелодию. Сохранившиеся с юношеских лет элементы романтизма и некоторая наивность, свойственная цельным натурам, сочетались в характере Сидура с жестким прагматизмом в делах. К мировому признанию он относился достаточно утилитарно, видя в нем некую гарантию того, что судьба его произведений сложится более-менее счастливо. «Мой интерес к выставкам, каталогам,

установке скульптур, --- писал он, — это отнюдь не забота о собственной славе, это желание сохранить свои детища, добиться для них лучших условий существования... Произведение и его качество не меняются от того, прославлено оно или нет, хотя известность автора до какой-то степени облегчает «жизнь» произведениям искусства. Так богатство родителей облегчает жизнь их потомкам. Ведь большинство «знатоков» ценят и собирают имена, а не их произведения». Собственная слава накладывала на Сидура тяжкую для него обязанность посещать многочисленные приемы в зарубежных посольствах и регулярно принимать у себя высоких иностранных гостей. Это отнимало все больше драгоценного времени, предназначенного для работы, вызывая у художника раздражение, которое он порой не мог скрыть: «Я даже не ожидал, что во мне так мало тщеславия. Я сыт по горло своей маленькой славой. Я плевал на нее. Я был в тысячу раз более знаменит, когда иллюстрировал фельетоны в журнале «Юность», выходящем двухмиллионным тиражом». Естественное признание для человека, добровольно поменявшего осязаемое во всех смыслах признание на родине на виртуальную для него известность за «железным занавесом».

Симпатии зарубежных поклонников воплощаются в конкретные действия. Одна за другой на Западе устанавливаются скульптуры Сидура, проходят многочисленные персональные выставки. В разработке концепций экспозиций художник принимает активное участие; он лично макетирует каталоги и альбомы с репродукциями своих работ. Сидур ведет интенсивную деловую переписку. Одновременно он выражает на бумаге свою благодарность многочисленным добровольным помощникам. Однако, вся эта бурная деятельность напоминает столь модную ныне «любовь» по компьютеру: осязаемые результаты своих усилий и усилий своих западных друзей он ни увидеть, ни пощупать руками не может: «Я не был ни на одной из своих выставок в Германии. Все они для меня нечто призрачное, мираж, как и установленные <там> мои скульптуры, как «Эйнштейн» в Чикаго. Реальность всех этих событий — только фотографии... и каталоги».

С годами биография Сидура делается все более скудной внешними событиями. Но чем скорее это происходит, тем богаче и насыщеннее протекает его творческая жизнь. Полностью отказавшись от участия в общественной жизни страны, он уходит все глубже и глубже в подполье, как в метафорическом, так и в самом прямом смысле слова. Там, в расположенном ниже уровня мостовой и недоступном враждебным посторонним взглядам своем Подвале-мастерской, опальный художник скрылся от отторгнувшего его внешнего мира, с маниакальным упорством создавая изо дня в день свой собственный мир, ставший для него более реальным, чем тот, что остался снаружи. Подобно кроту, он зарылся глубоко под землю, где отныне проходит большая часть его жизни и где он обрел

естественную «среду обитания». Ее созданием Сидур с успехом компенсировал себе «нормальное» существование в условиях «советской действительности». Цементным раствором, намертво скрепившим все произведения художника в единый мир, стала философская система Сидура, представляющая собой совершенно особый феномен. Однако его рассмотрение уже выходит за рамки этой статьи.

Примечания:

¹Здесь и далее: высказывания В.А. Сидура цитируются по интервью с художником, данным им в 1980 г. (цит. по: «Творчество», № 12, 1987; 1983 г.) и в 1983 г. (цит. по: «А-Я», № 5, 1983), предисловию В.А. Сидура к каталогу персональной выставки в Констанце, ФРГ, 1975 г. (Vadim Sidur. Plastik-Grafik-1957-1974. Eine Ausstellung der Universität Konstanz vom 30.4.-20.5.75. — Каталог выставки), по рукописям В.А. Сидура из архива Московского государственного музея Вадима Сидура (МГМ В. Сидура).

²Герчук Ю. Искусство «оттепели». 1954-1964. // Вопросы искусствоведения. № 8 (1). 1996, с.52.

³«Современный стиль»?... — Советская культура, 5 января 1963 г.

⁴Нехорошев Юр. Традиция подвига // Комсомольская правда. 10 апреля 1963.

⁵Харитонова М. // «Вернусь с того света...» // «Нева», 1991 № 3.

⁶Бойс Й. Из письма от 8 октября 1974 г. по поводу открытия «Памятника погибшим от насилия» В.А. Сидура в Касселе, ФРГ. Цит. по: Eimermacher K. Vadim Sidur. Skulpturen — Graphik. Konstanz. Universitätsverlag, 1978. Перевод на русский язык из архива МГМ В. Сидура.

⁷«Вечерняя Москва», 27.04.92.

⁸Б. Цин. Все круги ада // Панорама Израиля, 1992 № 273-274, 25 марта.

⁹И. Мерас. На чем держится мир. Вечный шах. Иллюстрации В.А. Сидура. — Иерусалим (Тарбут) — Тверь («Россия-Великобритания», 1994, 286 с.,ил.

¹⁰N.G. Vadim Sidurs Formenshrache — Vadim Sidur: Skulpturen (каталог персональной выставки в Бохуме, Касселе, Констанце и Тюбингене, ФРГ, 1984. Цит. по русскому оригиналу: Гребнева Н. Вадим Сидур и его зритель (архив МГМ В. Сидура).

¹¹Grishin S. Vadim Sidur: A Study in Modern Soviet Sculpture. Adelaide, South Australia, 1972. P.21. Цит. по русскому переводу из архива МГМ В. Сидура.

¹²Rinser L. Grenzübergänge/ Tagebuch Notizen. Frankfurt/Main, 1972; также опубликовано в: Vadim Sidur. Plastik. Grafik. 1957-1974. Ausstellung. Studio Galerie der Universität Konstanz. Konstanz, 1975 (каталог персональной выставки В.А. Сидура). Цит. по русскому переводу из архива МГМ В. Сидура.

¹³Av Erik Egeland/ Fribetens og lidelsens skulptor i Sovjet-Unionen. — Aftenposten, 12. juli 1973, p.4.

Москва, 2001 г.

Олег Сидор-Гибелинда

ВСЕ КАПЛИ ДОЖДЯ ЕГО

В еврейском изобразительном искусстве XX ст., скажем прямо, есть имена более бросающиеся в глаза, более знаковые, чем это. Однако «Неяркость» Анатолия Каплана — особого оттенка. Что с того, что не было в его авторской биографии стремительных взлетов-падений, творческих парадоксов или хотя бы удобной — для нашего восприятия — привязки к историческому моменту, течению, группе... (Горе одиночкам!). Остаются работы, которые все перевесят; их много; каждая по-своему заметна и замечательна. Существенны в этой связи некоторые, казалось бы, посторонние соображения.

Сам «графический жанр», традиционно сравниваемый-притесняемый живописью (как и керамика — ее «соседками» по «лестнице искусств»), возможен лишь в режиме естественной неброскости, сдержанности, немногословности. Быть в стороне — ее удел. Шелест — тембр ее голоса. Рисункам, эстампам не посвящают од, как изваяниям и картинам. Графика, коль удалось ей избежать задач агитации, всегда «тихая». Существует на белом свете несколько тысяч лет, а лишь меньше чем полсотни лет тому назад появился термин — на гребне явления, взлелеянного шестидесятниками¹. (Те вроде бы и тяготели к публицистике, а вот, полюбуйте, взалкали «тихой гавани»). Творчество Каплана здесь подразумевается, ведь именно в годы 60-е создает он свои лучшие произведения. Кстати, и тогда же обращается к керамике, своей «поздней любви».

Но есть у него иное свойство — ненавязчивой — тихой? — неотступности. В отличие от многих современных художников, имя которых в памяти потомства нередко предшествует их артефакту, здесь мы можем и не вспомнить сразу фамилии автора, но увидев хотя бы фрагмент чего-либо, вышедшего из-под его рук, так просто уже от него не отделаемся, не сможем смахнуть с весов культурной памяти. Не из-за одного лишь благородного чувства подаренного катарсиса (природа которого своевольна): этому противится сама плоть его листов, даже в их парадном состоянии хранящих ощущение влаги — как пассажира, «пришедший с дождя». И таких же естественно-певучих, гармонично повторных, умеренно не-

Дождик. 1928

уютных и скрыто изысканных, как струи вечернего летнего ливня. Идет долго и, кажется, вечно — перебегая из ночи в день, один, другой, вопреки всем заверениям календаря. Смещению временных координат сопутствует дифракция пространственного поля, в котором человеческая персона брезжит неприкаянным рейнменом, а натура созерцателя неотделима от расшалившейся стихии. Как там у раннего Рильке: «А дождь всю ночь. В рассвет нам заустенье, когда тревожным мостовым тоскливо...»

Однако можно вспомнить и другое: «Накрапывал теплый дождик — это небо оплакивало семью Хаима Хосида»². Цитата из повести Шолом-Алейхема «Мошкеле-вор», сочетающая философию с погодой, а быт с метафизикой, «высокое» и «низкое», небо и прах, дождь и тлен — вовсе не случайна: классик еврейской литературы не просто был иллюстрируем Капланом охотно и часто, но со временем обратился для него в незатухающий маяк... Для полноты метафоры надо бы здесь добавить: «в грозах жизни», но, повторяю, не было у Анатолия Львовича резких катаклизмов, как, впрочем, не было особой идиллии: долгая счастливая жизнь. О *Genios Losi* упомянуть следует особо — о его «персональной Касриловке», позиционируемой с местечком Рогачев Могилевской губернии. Местечком, с названием сколь неприметным, столь и распространенным в Российской империи: два «других Рогачева» отмечены в Новгород-Волынском уезде и в Минском воеводстве (во времена незапамятные). «Каплановский» от них отличался общиной хасидов, одной из наиболее древних на территории Белоруссии³. (Влияние мистической ветви религии иудаизма на творчество мастера еще предстоит исследовать, хотя уже сейчас можно предположить, что художник, судя по его произведениям, не мог не проникнуться чисто хасидским стремлением к соединению с Богом через индивидуальную молитву — разумеется, исходя из специфики художественного образа).

Переход от Рогачева к «Касриловке» (серии 1937–40-х гг.), а от нее — к Питеру состоялся почти незаметно и безболезненно. Оттого «первый» не уставал живописать до седых волос, не забывая о «второй» («Северная Пальмира», место последующего обитания, так и осталась эпизодом в его творчестве), пока в реальном городке не засквозило нечто возвышенное,

поэтическое, «шолом-алейхемское» — как в «утренней», тем более «предгрозовой», зарисовках 1953 г. А ведь четверть века назад ударение ставилось на мелкотравчатых нелепостях глубинки: муха-прохожий, согбенный ездок, тшедушный возница, домишки — непременно раскоряченные, с покосившимися крышами и балконами...

Сегодня можно сказать откровенно: за истекшие на тот час 35 лет советской власти Рогачев практически не изменился — поручкою этому рисунки Анатолия Каплана, или же автора мало интересуют краеведческие подробности, тем более в их футуро-оптимистическом аспекте. Время для него не остановилось: оно просто не существует для художника. Подобно мандельштамовскому Батюшкову, он мог бы на вопрос «Который час?» — точно так же простодушно и неспесиво ответить: «Вечность...» Растворенная в быту и повседневности — быт и повседневность облагораживающая.

Традиционный для бедолаги-провинциала отправной пункт деятельности — художественное ремесло — справедлив и в случае с Капланом. Вместе с другом, поэтом Самуилом Галкиным, малевали они вывески для рогачевских сапожников, причем на долю будущего художника доставались... буквы (что в будущем принесет немалые плоды, вспыхнув каллиграфическими созвездиями «Заколдованного портного», 1953-63, «Еврейских народных песен», 1962, «Козочки», 1957-61, да и не только там). Но вспомним хотя бы аскетические вывески в тексте «Новой Касриловки» (1901 г.) — безо всякого намека на визуальный декор, написанные прямо на голой стене здания, идет ли речь об отеле «Туркалия», о захудалой харчевне-погребке или о т. н. ресторане «Сора Индик», которые по очереди обходит герой рассказа, alter ego писателя. Надо заметить, что творческий продукт двух молодых авторов в то время представлял из себя не только срез раннеурбанистического сознания начала XX ст., но и продукт потенциальных авангардистских инспираций, затронувших, в первую очередь, мастеров «Бубнового Валета» — и примерно в то же время. Другое дело, что «на местах» об этом и не догадывались, вяло третируя образцы «низкого жанра», подтверждение этому — словно об улицах Рогаче-

Балагула

ва-Касриловки — звучат строки среднего писателя в средней новелле из среднего журнала «серебряной эпохи»: «Иногда на этих домиках чернела такая же грязная, покосившаяся вывеска, вышедшая из-под кисти домо-рошенного живописца. Она говорила о товарах, продававшихся в лавчонке, или о профессии владельца и, порой, вызывала улыбку безграмотностью и наивностью содержания»⁴. Нынче мы вправе улыбнуться наивности самого новеллиста: на то время состоялось ни много ни мало шесть выставок «бубновалетовцев», вдохновленных отчасти и «безграмотными вывесками» в Москве и Питере, куда отправится Каплан вскоре после гражданской войны — во время, неумолимо актуализировавшее совсем иные художественные ценности, чем те, которые могли предложить даже самые наши радикальные последователи Сезанна, впрочем, на время оставленные в покое.

Тем не менее, учителями Анатолия Каплана оказались преподаватели Академии художеств Рылов и Петров-Водкин — живописцы маститые, вроде бы ничем друг с другом не перекликающиеся. Кроме главного: 1) уважения к наличному быту, 2) претворения быта в бытие — в самых неблагоприятных для этого условиях. Настоящий художник, верно, тот, кто может сосчитать все капли дождя; все морщины лица; все трещины калитки; изображать всех их отнюдь не обязательно, хотя понимание этого появляется не сразу. Первые рисунки Каплана старательны, порой чрезмерно, а уже следующие, хотя бы «Дождь» с двумя сентиментально нахлывшимися воробьями на ветке — выказывают благотворное влияние первых набросков Кузьмы Сергеевича, который в своем творчестве гораздо больше вдохновлялся родимым Хлыневском-Хвалынском, нежели Италией, Францией, Африкой, где провел не день и не год. Каплан в это время — еще «молод-зелен», но путь свой нащупывает безошибочно. В центре внимания — дрожь земли и неба, слезящийся воздух, зверьки в тумане, а не отвлеченные сферические конструкции. (Забавно, что на фасаде традиционно покосившейся избушки бросается в глаза табличка с надписью, из которой прочитываются лишь две больших, шегольски выписанных Б и Ф. — кровное не отпускает!) Горизонт низок, да надежен, а сам рисунок тепл, интимен и чуть насмешлив, открыт и приятно сдержан в проявлении неподдельных эмоций; одновременно простодушен и «у себя на уме». Не будем придиричивы к молодому художнику, еще только обучающемуся — в других своих работах — элементарной лепке лица, где ему преуспеть пока мудрено, не то что на территории городского пейзажа. Менее чем чрез 10 лет «жанровый счет» уравнивается в пользу... обоих жанров.

Решающим в его творческой биографии стал выбор техники, в которой братья Гонкуры еще в 1857 г. прозревали — на примере обожаемого им Гаварни — «свет как будто от утреннего солнца»⁵. Молодой, едва перевалившей за 100-летний рубеж — и наиболее приспособленной для

передачи состояний, не ситуаций, настроений, не фабул, эмоциональных пульсаций. не конкретно очерченных в эпохе и социуме характеров. По верному наблюдению Б.Р. Виппера: «Литография не обладает острой и точной линией, которая присуща офорту и ксилографии. Литографии свойственно другое — мягкие, бархатистые, тающие переходы, глубокий черный тон, зернистые, широкие линии штриха, дымка... Туман ближе литографии, чем дневной свет. Ее язык построен на переходах и умалчиваниях»⁶. Написано будто о произведениях Анатолия Каплана. (Дабы избежать обвинения в голословности, приведу выдержки из монографии Б.Суриса, посвященные каплановской интерпретации «Степеню»: «... разительное мастерство, с которым художник всего лишь из черного, белого и тонко нюансированных промежуточных градаций выделяет ту колдовскую ткань, в которую на наших глазах всякий раз преобразается поверхность его литографий, становясь то легчайшей пеленой полупрозрачной вуали, то куском тяжелого черного бархата, то искристой россыпью драгоценных камней»⁷). Однако, тогда, около 1940 г. — когда Анатолий Львович уже успел создать зрелые образцы литографий — исследователь все же упоминает другие имена из «советской обоймы», практиковавшей эту технику. Из группы ленинградских мастеров в конце 30-х годов, учивших подопечных на эстампах Серова, Домье, Гаварни... Более того, в 1958 г. «старший» создаст портрет «младшего», который в свою очередь надолго сохранит благодарное уважение к учителю.

Гроза, 1939

Здесь, однако, каверзный вопрос — почему именно во времена Великого Террора вдруг была вызвана к жизни столь «двусмысленная», дымчатая, «классово-ненадежная» техника? Отчего была забыта — и протоптака скомпрометирована ксилография, все расставлявшая по своим местам? Да и корифеями литографии были не одни лишь «критические реалисты», но и представители модернистских направлений в искусстве, от Тулуз-Лотрека до Ларионова и Нольде с Кирхнером. — Случайность, прихоть Истории? Потребность отдушины? Доказательство латентного су-

веренитета отдельных очагов культуры — даже под самым «проливным дождем»? Думаю, без допущения необходимой доли иррациональности этого явления, любой ответ будет ушербен. Предполагать наличие последовательного эскейпизма в сознании художника того времени так же рискованно, как и категорически отрицать его, хотя очевидно, что на иных участках «культурного фронта», а лучше сказать, «культурного тыла», он «имел место» — например, в художественном переводе, детской иллюстрации. Последние, по своему статусу весьма отличаются от литографического творчества, мало способного к автономизации. С другой стороны, «тихая революция жанров» как раз совпадает с необходимым, но не состоявшимся реабилитансом почти всего корпуса гуманистической литературной классики XIX ст. И проку от них вроде никакого, искусство копится не по дням, и после дождя пребывает, а вот люди эти... Без них никуда.

Как бы то ни было, а ниша была найдена, и стены ее оказались не столь уж тесны; разумеется, потому и состоялся этот творческий порыв, что предшествовала ему незаурядная художественная потенция, позволявшая плодотворно работать при условии некоторых ограничений. В эпоху инструкций намек, нюанс возможны на уровне штриха, пятна... Чем же еще силен художник-график? Собственно, профессиональные средства, применяемые автором для создания образа ставят под сомнение целесообразность принятой ранее иерархии искусств (однажды обнаружившей дефект в вопросе, куда же все-таки приткнуть гуашь и акварель, к какому такому ведомству — графическому или живописному?). Ибо в моно-, а тем более полихромных листах Анатолия Каплана нет ничего от духа аскезы, они не менее «живые», чем то, что исполнено на холсте или дереве кистями и мастихином. (Тем более, что сам автор нередко прибегает к смешиванию гуаши с типично мал-арт-ской темперой, скажем, в иллюстрациях к музыкальным переложениям еврейских песен Д. Шостаковичем, 1962-63 годах). Поэтому искусствовед, представив читателю три выставленных в зале гуаши Каплана — «Свечи», «У фотографа», «Цветы в золотой воде» — в качестве «насыщенных по свету, подлинно живописных»⁸, не оговорился. Как доподлинный мастер кисти, автор работает с массами воздуха, кусками плоти и фрагментами реального мира, властно внедряя их на плоскости бумаги. Условность «blanc et noir» осознается созерцающим несколько позже; гораздо легче предположить ему парадоксальную цветовую ограниченность определенных жизненных зон, вполне компенсируемую в рекреациях праздника, радости, любви. Тогда изумруд буйствует весенней зеленью холмов, презрев, что действие разворачивается в интересере («Тойбеле», 1958). Петухом исходит песня оранжевых тонов («Веселитесь, веселитесь», 1960). Как на сковородке, торжественно пришепелетьвает огромный желток («Свадебная», 1958). К графике Каплан приходит через живопись, но время от времени, совершая

«обратный ход», он уже насквозь пропитан графическим изыском — даже в том случае, когда есть повод для безудержности.

Можно ли догадаться, взирая на «Песнь Песней», «юношеский роман» Шолом-Алейхсма, проиллюстрированный художником в возрасте далеко не-юношеском (на 61-м году жизни), но также, что финал этого «романа» неподдельно «скорбен»? Тончайшие, ювелирные вкрапления светло-зеленого или бледно-бежевого в пределах портретных картушей, сочавшихся доброй иронией, свойственной силуэтам сценок будущего-прошедшего времени, подобно ажурным шрифтовым композициям убеждают нас в том, что счастье было так возможно, так близко, но, ах... Настораживает, правда, паутинность линий, из которых слагаются фигуры героев — столь же уязвимых, как и их судьбы. Пятна вкусно-серого цвета выступают в двойной ипостаси — «по прямому предназначению» и в своей нежно-серебристой реинкарнации — волнуясь, огибают боковые участки изображения, служащие аккомпанементом «страстям сердечным», кроме того, композиционно «ограждая» эти самые «страсти» от посторонних воздействий. Конечно, это все же графика — хотя не в формальном определении дело.

Приемля рожевошекую полноту бытия, Анатолий Каплан не прочь довериться также капризам посещающих его бытие стихий со всеми протекающими отсюда последствиями: зыбкость, мгла, туман, сомнения. Что для природы совсем не «благодать», то в искусстве — нередко «благо», да еще какое. Штрих, подобный журчанию воды — или журчанию слова: витиеватые монологи персонажей, разделяющиеся ритмическими интервалами, плоть большинств повестей и рассказов Шолом-Алейхсма, где высказанного вслух так много, что оно обретает дрожащую от намеренного недооволощения плоть. Отсюда частое отсутствие развернутых портретных описаний (даже облик Тевье-молочника знаком нам не из текста повести, а благодаря авторскому комментарию): лицо, колеблясь, облекается ручьем слов. Есть беседы, наводящие на мысль о погодных неурядицах (неспроста бытует непочтительный термин: «словоизвержение»), но только благодаря им возможно познание жизненных изломов: слова забиваются в почерневшие складки катастроф. Смывает ли дождь все следы? Скорее, напротив.

И для писателя он — не редкость, а настроенческую нагрузку вряд ли можно назвать положительной. В лучшем случае — эмоциональной амальгамой действия или затянущимся, досадным антрактом между сценами «человеческой комедии». «Жду полчаса, час, жду два. Дождь льет, как из ведра» («Железнодорожные рассказы»). «Накрапывал мелкий дождик, улица была покрыта жидкой грязью» («Новая Касриловка»). «На дворе сыכותь, льет, как из ведра» («Берл-Айзик»). «Дул ветер, моросил дождь» («Мошкеле-Вор»). И как итог сказанному: «А ехать морем сейчас самое лучшее время, потому что потом начинаются ветры, снега, бури...» («Тевье-мо-

лочник»). А в «Золотопрядах» даже приведен каламбур, полностью демистифицирующий романтизм стихийной метафоры: «А то вдруг *«запускают дождь»*, то есть поднимают такую пыль, что задохнуться можно, а на улице становится темно». (Здесь и ранее, возможно, подсознательная парафраза библейских стихов о Всемирном Потопе: «... разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей», Быт. 7. 11-12).

Нет сомнений, что между литографиями Каплана и повестью Шолом-Алейхема, главы которой печатались «в двух городах», «на рубеже веков» — и на протяжении без малого 20 лет — такая же разница, как между литературным первоисточником и мюзиклом 1964 г., между «Скрипачом на крыше» и его экранизацией Норманом Джунсоном. Но магия прозы столь велика, что даже самые волюнтарные и многоуровневые ее разночтения хранят отблеск его искрящегося таланта. В первую очередь — в графическом образе, тем более убедительном, что художнику удается читать «между строк», пользуясь знанием других произведений Шолом-Алейхема. Зазор между «написанным» и «написанным» (на бумаге и на камне) весьма ощутим, но далеко не антагонистичен. Переводчик, может быть, и соперник литератора, но художник — его верный и буйный союзник, а иначе он не достоин звания самостоятельного художника.

Поэтому один из центральных листов графического цикла Анатолия Каплана, созданного по мотивам «Тевье-молочник», — «Балагула» — откровенно лишен иллюстративной определенности. Это, скорее, эмоциональный эквивалент текста, сконцентрированный, опять-таки, в образе дождя: всё изображение кажется пропитанным льющей сверху влагой, оно добела исчеркано неровными диагоналями, пригибающими к земле и старую лошадь, и ее хозяина, бредущих рядом. Фактурный этот прием более привычен для «жестко-гравюрных» техник, уверенно рифмующих между собою линии стихии, более податливые движению резца, полномочия которого становятся поистине «космогоническими». Литографии не дано «брать на себя слишком много», ее порождение — всего лишь *косохлест-подстёта*, не более, да только ужас обыденности тем более *реален* в испарениях *реального* дождя. Кажется, погодного ненастья в «Тевье-молочнике» не так и много (а при желании можно вычитать совсем обратное, как-то: «Самый крупный богач у вас в городе мог бы пожелать себе иметь такое голубое небо, такой зеленый лес, такие пахучие сосны, такую чудесную траву»...). Ненастье, как роса или туман оседает в судьбах героев, достоинство которых — в противостоянии стихии, не говоря уже о кознях социально-бытового толка. Отрадой наполнены все «лунные сцены» графической серии («Домой», «Венчание»), скрыто оппонирующие картине изнуряющей мряки («Дом портного»), в которой удельный вес «белой подкладки» — жизнь до костей выбелена дождем! — почти равен весу темно-серого, распространяющегося на все телесно-теплое.

Когда тепла и тела становится больше привычного — плоскость вздувается портретным ликом. Каждый раз его явление подобно чуду, словом, нет и не может быть у Каплана «отрицательных типов», даже там, где повесть дает для этого повод. А главный герой, как ни странно, почти дословно списан с шолом-алейхемской экспликации: «Возраст его определить трудно. Тевье — здоровенный мужчина, коренастый, смуглый, волосатый <...> бог весть откуда взявшийся и нелепый картузик, который сидит у него на самой макушке и словно так и хочет оттуда прыгнуть»⁹. «Богачи» — надо полагать, Егупецкие — в своей нелености столь элегантны, что и не поворачивается язык дурное слово о них молвить. «Маклер» нежен, аки красна девица. «Биржа» лучится энергией непоказного, изнутри клокочущего движения, заставляя вспомнить хрестоматийные иллюстрации Леонида Пастернака к «Воскресению» Льва Толстого, точно так же не желяющие размениваться на «медный грош классового обличения». Все прочие — обаятельны и, может быть, немного незадачливы («Мотл»). Даже мясник Лейзер-Волор — у Шолом-Алейхема, «сердитый, мечет громы и молнии...» (правда, окказиально), причина симулятивных кошмаров героя-молочника (неспроста в вольной, но довольно впечатляющей голливудской экранизации «Fiddler The Roof» им был придан оттенок хорора, решенный подчеркнуто монохромно, «графически» в целиком цветной киноленте). Анатолий Каплан увидел — и воссоздал его — незлым и ни в какой мере не сердитым: клубящаяся огромная борода, улыбка, которая напрасно прятается в кустах усов ... грустные глаза, только человек одержимый духом подозрения выловит в их зрачках тень корысти. «Поздняя любовь»? Книга дает нам смутные основания подозревать Лейзер-Волора в «лучших чувствах». Каплан подтверждает это подозрение...

И здесь нам впору предположить автобиографический момент: отец Анатолия, говорится в его жизнеописании, был мясником, вначале владел лавкой, потом стал рабочим на скотобойне. Детей в семье любили. Анатолия называли — «Тахум», «утешитель». Как на меня — идеальное имя для художника...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹См.: *Гречук Ю.* Тихая графика // Творчество. — 1971. — №4.

²Здесь и далее цитаты из произведений Шолом-Алейхема приводятся по изданию: *Собрание сочинений в 6-ти томах.* — М.: Худ. литература. 1988-1990.

³Еврейская энциклопедия. — т. 13. — СПб.: Изд.Общества для Научных Еврейских Исследований и Изд. Брокгауз-Ефрон, б/г — С. 561.

Авторитетный исследователь наследия А.Л.Каплана — Борис Давыдович Сурис (Очерк творчества. Лг.: Художник РСФСР. 1972), собственно, и начинает рассказ о мастере с энциклопедической справки о его «родном городишке» (с. 6).

Насколько традиционным является метод географической индукции для изучения авторского феномена «провинциального гения рубежа веков» доказывает опыт самого автора этих строк, который — не зная вышеупомянутой монографии — некогда точно так же попытался интерпретировать творчество А.Тышлера, имеющее немало не одних лишь тематических точек соприкосновения с каплановским (Между Волком и Михоэлсом // *День*. — 1998. — № 141 (26 июля). — с. 7).

⁴*Гарин С.* Ее Голгофа // *Пробуждение*. — 1916. — № 12. — С. 361.

⁵*Гонкуры Э и Ж.* Дневник. — т. 1 — М.: Худ литература, 1964. — с. 148.

⁶*Ваннер Б.Р.* Введение в историческое изучение искусства. — М.: Изобр. искусство, 1985. — с.57.

⁷*Сурис Б.* Анатолий Львович Каплан: Очерк творчества. — Лг.: Художник РСФСР, 1972. — С. 65.

⁸*Левитин Г.* Ленинградская выставка из частных собраний. В кн.: Советская графика. 78. — М.: Сов. писатель, 1959, — С. 166.

⁹Цит. по изд.: *Серебряный И.А.* Шолом-Алейхем и народное творчество. — М.: Сов. писатель, 1959. — с. 166.

Вера Солодова

СУДЬБА МУЗЕЯ

«Организаци: этого музея была последним всплеском внимания со стороны властей к делам еврейской культуры... В какой инстанции было решено создать такой музей, кто из «руководящих» деятелей поддержал эту идею и способствовал ее осуществлению — я не знаю...» — так писал спустя несколько десятилетий в своих мемуарах одесский ученый Саул Боровой¹. Музей еврейской культуры им. Менделе-Мойхер-Сфорима был открыт в Одессе 6 ноября 1927 г.

На самом деле появление Музея еврейской культуры — это отражение, называвшееся «достижением», той политики, которую проводило Советское государство, когда культура должна была быть национальной по форме и социалистической по содержанию².

Новому музею — в условиях хронического острого недостатка помещений — был отведен двухэтажный особняк на ул. Бебеля, 2, с большим количеством залов и подсобных площадей.

Поиском помещения для будущего музея городские власти занялись сразу же, как только Окрполитсоветом был поставлен вопрос о его организации, т.е. еще в 1925 г.³

Музейную экспозицию предполагалось разместить в здании на ул. Зиновьева, 1 (совр. Троицкая)⁵, но остановились на ул. Бебеля⁶ — бывшем детском доме для еврейских детей.

К моменту открытия одесского музея в СССР насчитывалось 563 музея, из них 73 — с этнографическими отделами, 12 этнографических (Караимский в Евпатории; Восточный в Ялте, Крымско-Татарский в Бахчисарае, Историко-этнографический музей, Музей антропологии и этнографии Российской Академии наук (в Ленинграде и т.д.) и только 2 еврейских музея — в Самарканде и Ленинграде при Еврейском историко-этнографическом обществе⁷.

Организацию нового «мусейона» поручили П.Сегалу. Ему было выдано специальное удостоверение⁸ и предоставлены широкие полномочия Инспектурой национального меньшинства и музейным отделом Окрнарпроса для осмотра всех учреждений культуры «с целью выявления предметов, имеющих музейное значение для Еврейского музея»⁹.

За месяц до открытия музея П.Сегала на посту директора сменил Б.Рубштейн¹⁰ (имевший опыт преподавательской и редакторской работы). Он очень много сил и энергии отдал формированию фондов музея.

Новый директор поставил перед собой цель — наполнить музей подлинными и уникальными экспонатами. Ему и его сотрудникам это удалось благодаря экспедициям в Киев, Каменец-Подольский, Проскуров,

Канев, Черкассы, Златополь, Николаев, Кременчуг¹¹. В течение нескольких лет они изучали еврейские библиотеки и синагоги юго-западной части Украины. Но в конце 20-х годов не только Одесский музей ставил себе задачу сохранения и изучения гибнущих памятников еврейской культуры.

В 1927 г. сотрудники Подольского краевого музея сделали выставку предметов еврейского культа (около 100 экспонатов). Она привлекла внимание «широких масс и показала, что еврейская молодежь или мало, или совсем незнакома с культом и бытом своих предков»¹².

В 1928 г. в научную ассоциацию Востоковедения Академии наук Украины обратился член этой же ассоциации некто И. Маневич. Он уже несколько лет занимался изучением памятников еврейской старины, «являющихся наиболее ценными с научной и художественной стороны»¹³. Исследователь просил профинансировать его поездку по «глухим местечкам» западной Украины.

Музей в Одессе, существуя за счет дотаций из городского бюджета¹⁴, был единственным в Советском Союзе такого рода «сокровищницей памятников еврейской культуры», к тому же и Наркомпрос Украины обязал все учреждения всячески ему помогать в его работе (Приказ от 10/1-29г. № 843-95 опубликован в Бюллетене Наркомпроса)¹⁵.

В России и Белоруссии создавались многочисленные «кружки содействия» музею, в результате был собран великолепный этнографический материал. Ярким примером может служить деятельность подобного «кружка друзей» музея в Ленинграде под руководством А. Брамсона, который за три года передал в Одессу 1500 редких экспонатов¹⁶.

Благодаря Брамсону в конце 1932 г. одесситы узнали, что можно приобрести работы современных еврейских художников с только что закрывшейся Ленинградской выставки, и руководство музея обратилось в Наркомат просвещения Украины с просьбой о выделении для этой цели 5 тыс. рублей¹⁷.

Экспонаты поступали из Москвы: из Музея революции и Музея народов; из Ленинграда: Музея революции и Музея Еврейского этнографического общества (по обмену). Делились и одесситы — архив, Еврейская академическая библиотека, Музей революции, Музей санпросвета, Антирелигиозный музей и др.¹⁸ Студенты Одесского Художественного института во время летней практики в Подолии сделали много эскизных набросков, а потом передали их в музей.

Сотрудники музея собрали материалы по сельскохозяйственным колониям Одесщины и Херсонщины, а также по «индустриализации еврейского населения», по истории еврейской литературы, по еврейскому революционному движению. Неизменным оставался интерес к предметам культового значения, еврейскому театру, искусству и еврейской археологии¹⁹.

Музей еврейской культуры принимал семейные реликвии и фотографии, театральные костюмы и афиши из Нью-Йорка, Парижа, Вены, Копенгагена, Буэнос-Айреса, Стокгольма, Мельбурна, Антверпена.

Музей обладал литературными архивами еврейских писателей. Мемориальная экспозиция самого большого зала отражала жизнь и творчество человека, чье имя носил музей — Менделе-Мойхер-Сфорима. В ней были представлены его изображения, документы, книги, старинная мебель, среди которой уносился в мечтаниях Вениамин III и где предавался уничтожающей насмешке город Глупск, в котором «даже у самых высоких людей фуражка оказывается забрызганной грязью»²⁰.

Славился музей и собранием живописи. Это были произведения М. Шагала, А. Тышлера, Н. Алтмана, Б. Крюкова, С. Кишиневского, А. Нюрнберга, Н. Рыбака, А. Маневича, И. Пайвеля и многих других мастеров. Это собрание составили поступления из Киевской художественной профшколы в 1932 году²¹ и из Москвы — от профессора Якова Фабиановича Каган-Шабшай. Я. Ф. Каган-Шабшай передал свою художественную коллекцию (где кроме картин были еще гравюры и скульптура) в Одессу на условиях ее постоянного экспонирования²². На момент передачи коллекции — 19.03.1932 г., ее оценивали в 60 тыс. рублей золотом²³.

Не меньшую ценность представляла коллекция пинкусов (летописей и уставов) ремесленных братств и синагогальной утвари, часть которой поступила из Одесского музейного фонда в 1930 г.²⁴

Уникальными считались и архивы Богуславской самообороны, Одесского Евобщесткома, Общества распространения просвещения среди евреев²⁵.

Наличие экспонатов позволило создать четыре отдела: исторический, антирелигиозный, театрально-художественный и литературный.

Из всех довоенных одесских музеев (а их число колебалось от 18 до 23) только Музей еврейской культуры отличался мощной поддержкой общественности в лице сотен корреспондентов и друзей музея по всему Советскому Союзу. В результате на 1 января 1928 г. в музее насчитывалось 8 тыс. экспонатов²⁶, через год — 15 тыс.²⁷, в 1933 г. — более 25 тыс.²⁸, в 1937 г. — более 30 тыс.²⁹

Сотрудники музея занимались не только сбором экспонатов, но и строили масштабные планы (при наличии финансирования и увеличения штатов), им очень хотелось:

- завершить экспозицию всех отделов;
- проводить ежегодные экспедиции сбора материалов по еврейской экспозиции, фольклору, истории погромов и самообороны;
- взять под свою охрану и присмотр исторические и историко-революционные захоронения на кладбищах Одессы;
- издать путеводитель по музею;
- сделать этнографические манекены;

- построить типовую еврейскую провинциальную хату (во внутреннем дворе музея);
- открыть отдел истории еврейского образования;
- провести в Одессе совет всех еврейских музеев Союза с целью объединения и рационализации работы и т.д.³⁰

Но планы претерпели изменения. В 1933 г. музейная площадь сократилась из-за подселения детского сада № 23³¹. В июне 1934 г. Всеукраинский Музей еврейской культуры был закрыт, его экспонаты оказались в одной комнате и подвалах³².

И только 9 августа 1940 г. газета «Большевистское знамя» сообщила одесситам, что «на днях открылся музей еврейской культуры». Теперь 9 залов экспозиции отражали жизнь трудящихся еврейских масс XIX в., а также жизнь и творчество классиков еврейской литературы — Менделеев-Мойхер-Сфорима, Линецкого и Шолом-Алейхема. Произведениям живописи, скульптуры, графики здесь также нашлось место.

То, что музей был закрыт — не удивительно, удивительно то, что его открыли вновь. Потому что судьбу некоторых довоенных одесских музеев можно сравнить с судьбой людей. Людей, которые жили во времена репрессий... Так и музеи, появившись на свет, не успевали прожить и нескольких лет, как начинали «болеть». Механизм был прост — в газетах появлялись разгромные статьи на заведующих музейными отделами, на плохую экспозицию, не соответствующую очередным идеологическим установкам. В 1931 г. в газете «Черноморська комуна» была опубликована статья «За музеї, проти живих експонатів у них», где Музей еврейской культуры с Музеем степной Украины подвергались критике за то, что «вони від самого початку існування прийняли від колишніх «загальнонародних музеїв» погані традиції минулого «народництва», етнографічності та аполітичності, і до сьогодні нема будь-якого політичного наладу в цих музеях, вони ідеологічно безхребетні»³³.

В 1997 г. был издан «Одесский мартиролог», куда попали имена четырех из 14 сотрудников Музея еврейской культуры, работавших там в разное время с 1927 г. Это научные сотрудники — Л. Стрижак³⁴ (расстрел), М. Гарбер³⁵ (3 года исправительно-трудовых лагерей), художник А. Мерхер³⁶ (10 лет исправительно-трудовых лагерей), бухгалтер С. Кит³⁷ (10 лет исправительно-трудовых лагерей). Такова судьба людей, которые создавали музей, его экспозицию и фонды. Что касается фондов, то оказалось, что проследить их судьбу очень трудно, хотя и были попытки³⁸. Здесь много неясностей, в которых еще предстоит разобраться.

В Одесском историко-краеведческом музее находятся три рукописные описи:

1. «Опись предметов, хранящихся в ящике № 1/8» (значит, были ящики 1/1-1/7) на 77 предметов³⁹;
2. «Опись предметов, хранящихся в ящике № 2» на 74 предмета⁴⁰;

3. «Список вещей, вложенных в ящик № 3» на 44 предмета⁴¹.

Под каждым таким перечнем стоит подпись последнего директора музея Б.Мардера и печать «Музей єврейської культури ім. Менделе-Мойхер-Сфорім. У.Р.С.Р. Наркомосвіта».

Обстоятельства, видно, очень торопили составителей. Об этом свидетельствуют сами описи, сделанные на листах, вырванных из инвентарной книги, разным почерком, с названием предмета, но без определения его техники, материала, веса, размера, состояния и т. д.

По воспоминаниям Лилии Абрамовны Бужевич — дочери бывшего научного сотрудника Музея еврейской культуры Абрама Осиповича Бужевича, получалось, что «изъятием экспонатов занимались люди в военной форме...» Но Бужевич работал в музее с 1932 по 1937 годы⁴² А Б.Мардер был директором с 1939 г.⁴³ Следовательно, могло быть несколько изъятий. В связи с этим вопрос о судьбе экспонатов бывшего музея становится еще запутанней.

В результате поисков удалось восстановить местонахождение только 230 предметов декоративно-прикладного искусства, которые были когда-то составной частью собрания Музея еврейской культуры. Что это за предметы? Это бсамимы, короны Торы, кубки, ханукальные лампы, указки, выполненные лучшими ювелирами Украины, России, Польши в XIX — нач. XX веков из золота, серебра и меди. Они находились в Одесском археологическом музее до 1952 г.

Что касается последнего, то на общем фоне культурной революции, музеев, основанный еще при Императорском обществе истории и древностей, остался этаким «вечным городом»... Из его безразмерных фондов создавались новые музеи, а когда их закрывали, то за ненадобностью все уцелевшее отдавали обратно.

Поэтому естественно, что пересеклись пути Музея еврейской культуры и Археологического музея, куда накануне войны, а может, и раньше, поступила коллекция синагогальной утвари с улицы Бебеля. Она была обнаружена там только 8 декабря 1951 г. — во время очередной плановой проверки Одесской инспекцией пробирного надзора состояния и учета, сохранности и хранения экспонатов из драгоценных металлов.

4 января 1952 г. директор Археологического музея А.Есипенко получил от проверяющих Предписание⁴⁴ с грифом «Секретно», из которого следовало, что «экспонаты из серебра (нумизматика) хранятся не в нестораемых шкафах, а в деревянных ящиках», и что «9 серебряных монет ни в инвентарной книге, ни в топографической описи не числятся». При этом сундуки не были даже упомянуты! На музей наложили штраф в размере 50 рублей. Исполнителем со стороны Инспекции был Л.Цобарь.

8 января 1952 года по Областному отделу культпросветработы был издан Приказ⁴⁵ о создании комиссии для проверки «временно хранящихся в Одесском археологическом музее экспонатов бывшего Музея

им. Менделе-Мойхер-Сфорима и определения целесообразности дальнейшего их хранения в музеях по делам культпросветучреждений».

В комиссию включили 6 человек, причем трое из них — от Археологического музея: М.Болтенко — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник; Н.Фройберг — старший научный сотрудник и С.Панасюк — хранитель фондов. А.Бужевич был старшим научным сотрудником Музея обороны Одессы, а А.Шистер — старшим инспектором областного отдела культпросветучреждений; представителем от Инспекции пробирного надзора был уже знакомый по плановой проверке Л.Цобарь.

Проработав три дня, с 12 по 15 января 1952 г., члены комиссии осмотрели, взвесили, опробировали и составили описи⁴⁶ на 230 экспонатов Музея еврейской культуры, находившихся в двух больших и одном малом сундуках.

При сравнении этих описей с довоенными (на листах из инвентарной книги) стали выявляться некоторые несовпадения.

Из 195 предметов, находившихся в ящиках, только 105 вошли в новые списки. Причем, больше всего недоставало экспонатов из ящика № 1/8. Уцелевшие предметы были разложены в другом порядке. Например, короны Торы, находившиеся во втором ящике, были размещены уже по трем сундукам. И короны, и светильники, и подносы, и кубки, видно, «изучали» неоднократно, и возможно, не только «румынские специалисты», иначе чем объяснить замену инвентарных номеров у некоторых экспонатов? С какой целью это было сделано?

Например, если по старым описям «табачница Переца», находившаяся в ящике № 1/8, значилась под инв. № 1306, то в описи первого сундука серебряная «табакерка писателя Переца» проходила уже под инв. № 324. Что же скрывалось под этим номером раньше? Оказывается, под этим номером, согласно «списку вещей, вложенных в ящик № 3», значился «Адас-Годес» или бсамим — сосуд для благовоний. Кому-то он приглянулся своей неповторимостью, а «табачница», наверно, имела выгравированную именную надпись, поэтому ее и оставили.

В новые описи были включены предметы, совершенно разные по назначению, даже находившиеся в разных сундуках, но при этом имевшие одинаковые инвентарные номера. Что могло быть общего между короной Торы и указкой, торашилд и ханукальной лампой?

Все, что находилось в сундуках, члены комиссии разделили на три категории⁴⁷. К первой категории отнесли «предметы еврейского культа, в основном синагогальной принадлежности, как фабричного изготовления, так и ремесленного». XIX век был определен основным временем изготовления, хотя отдельные экспонаты «почти в равной степени можно было отнести как и к более позднему происхождению, вплоть до 1916 г.»

Ко второй категории отнесли «бытовые вещи». В последнюю, третью, попали всего «три предмета мемориального характера». Это книга в

серебряной ажурной обложке с золотыми накладками, преподнесенная писателю Абрамовичу (Менделе-Мойхер-Сфориму) к его 75-летию от общины Торонто (Канада), а также табакерки писателей И.Переца и И.Линецкого.

Тогда же пришли к выводу: «Комиссии не представляется ни целесообразным, ни возможным экспонирование всей этой группы в массе в каком бы то ни было музее, независимо от его профиля». Но при этом вынуждены были признать, что такие предметы могли бы храниться в фондах Музея еврейской культуры или Музея культов или же в Этнографическом музее. Но в 1952 г. музеев такого профиля в системе Комитета Культпросветучреждений при Совете Министров УССР не было!

Работа Комиссии проходила в обстановке строгой секретности, рукописные черновики протоколов, актов, описей были уничтожены. Автору этой статьи посчастливилось быть знакомой с Ольгой Михайловной Ржепишевской-Болтенко, дочерью одного из членов тогдашней комиссии — М.Ф.Болтенко. Ей тогда было 30 лет. И если бы тема «трех сундуков» обсуждалась с отцом, то она бы об этом обязательно вспомнила и описала в своих мемуарах, которыми занимается в последние годы. Но кроме того, что Михаил Федорович был членом комиссии, она ничего добавить не смогла. А если принять во внимание, что М.Ф.Болтенко прошел через Гулаг в 1934–1939 годах, то становится понятно, почему в доме сотрудника Археологического музея эта тема была закрыта.

Документация по итогам работы комиссии была отправлена в Киев в Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров УССР.

Ровно месяц понадобилось на то, чтобы чиновники Комитета принять «судьбоносное» решение. Это был приказ № 155 от 15 февраля 1952 г.⁴⁸ о передаче «экспонатов музея еврейской культуры им. Менделе-Мойхер-Сфорим Государственному банку — Одесскому областному отделению Госбанка», означавший окончательное уничтожение музейного собрания!

Неожиданно 19 февраля на имя директора Археологического музея А.Есипенко из Киева пришла правительственная телеграмма: «Воздержитесь исполнением приказа Комитета 155 передаче ценностей банку. Сирченко». Одеситы воздержались и дождались новых указаний 8 мая 1952 г.: «Во изменение приказа № 155 об экспонатах бывшего Музея еврейской культуры, предлагаю отослать специальной почтой все эти экспонаты в адрес Киевского Государственного исторического музея»⁴⁹.

Вновь заработала комиссия, созданная уже только из сотрудников музея — Ф.Рудина, М.Болтенко, С.Панасюка, Н.Александровой. В течение недели они заново подготовили «описи ценностей»⁵⁰, составили Акт, упаковали экспонаты, пронумеровали сундуки изнутри по нижним сторонам крышек красной краской. Затем их обшили парусиной, предварительно вложив в каждый из них опись, обвязали тонким канатом, кото-

рый местами был продет под парусину. На куске картона закрепили концы каната и опечатали сургучной музейной печатью: «Одесский Государствен. Археологическ. Музей».

Сохранились документы, подтверждающие факт отправки из Одессы в Киев 31 мая 1952 г. в 17.05 трех посылок весом две по 60 кг и одна — 30 кг, а также Реестр № 20/с⁵¹ «на корреспонденцию, сделанную по Одесскому областному отделению спецсвязи».

Итак, из Одессы были отправлены редчайшие музейные экспонаты, которые иначе как «предметы» не называли, а ценность определяли только наличием содержащегося в них драгметалла, по следующей схеме⁵²:

«...серебро с золотом	1 предмет
серебро с медью	6
серебро	184
серебро с железом	2
медь	37

25 июля 1991 г. в газете «Правда Украины» была опубликована небольшая заметка под названием «Раскопки без археологов». В ней описывалось, как в запасниках Музея исторических драгоценностей УССР обнаружили «большую коллекцию еврейского серебра» XVIII — нач. XX вв., пролежавшую там несколько десятилетий. Всего было выявлено около 400 экспонатов из «бывших музеев Киева и Одессы». Их осмотрели специалисты и единодушно пришли к заключению: «Все предметы в этом собрании мирового уровня!»

В 1993 г. этим же музеем в издательстве «Ковчег» (г. Киев) был выпущен комплект из 18 открыток под названием «Иудаика». Внимательно рассматривая цветные изображения музейных реликвий и боясь соблазна принять желаемое за действительное, я невольно стала сравнивать увиденное с экспонатами, вошедшими в описи 1952 г. И если при сравнении корон Торы, которые были запечатлены на открытках, еще возникали какие-то сомнения, то в отношении двух следующих экспонатов можно точно утверждать, что они из собрания Музея еврейской культуры им. Менделе-Мойхер-Сфорима.

Это бсамимы, выполненные в виде фигурок животных. Использовались бсамимы («адас», «годес») только как специальные сосуды для благовоний и были непременно атрибутом в прощальной молитве, отделяющей субботу и праздники от будней. Искусство ювелиров при их изготовлении не знало границ, этому способствовал не только материал — драгоценные камни и металлы, но и техника, особенно золочение и скань.

Бсамим в виде охотничьей длинношерстной собаки был необычно решен мастером, который усадил ее на небольшую круглую подставку. На нее собака и опиралась передними лапами, словно пытаясь удержать в зубах добычу — извивающееся растение с бутонном-сосудом. В довоенном «списке вещей, вложенных в ящик № 3» значился подобный бсамим, как

«Годес собачка»⁵³. В 1952 г. он оказался уже во втором сундуке и по описи проходил как «Собачка на подставке с «Годесом» в зубах»⁵⁴!

В том же сундуке находился и бсамим «Баранчик на колесах»⁵⁵, значившийся по старой описи как «Барашек»⁵⁶. Маленький серебряный барашек, запечатленный на открытке, стоял на хрупких тонких ножках. Фантазия художника поставила это создание на легкую перекладину, соединившую две пары колес. Цветущее растение, украшенное цветными стеклами, и птица, задержавшаяся на секунду около цветка, запечатлевали ее образ в памяти навсегда.

Вот так, по воле чиновников, строго следовавших идеологической доктрине, Одесса лишилась прекрасной коллекции иудаики, которая явилась бы уникальным источником для изучения еврейского искусства. Утешает лишь то, что эти редчайшие шедевры ювелирного искусства не отправили на переплавку, а оставили в музейном собрании Украины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Боровой С. Воспоминания. М., 1993. С.228.

²По местным музеям // Советский музей. 1937. № 8. С.44.

³Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). Ф.р134. Оп.1.Д.1470.Л.195; Д.1475. Л.42.

⁴ГАОО. Ф.р134. Оп.1. Д.1470. Л.202.

⁵Там же. Л.195.

⁶ГАОО. Ф.р134. Оп.1. Д.1594.Л52.

⁷Краеведческие учреждения СССР. Ленинград, 1925.

⁸ГАОО. Ф.р134. Оп.1. Д.1594. Л.49.

⁹Там же. Л.51.

¹⁰ГАОО. Ф.р134. Оп.1. Д.1595. Л.104.

¹¹ГАОО. Ф.р134. Оп.1. Д.1643. Л.36, 42 об.

¹²Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее ЦГАВО Украины). Ф.166. Оп.6. Д.1775. Л.15.

¹³ЦГАВО Украины. Ф.166. Оп.6. Д.8233. Л.33

¹⁴ГАОО. Ф.р134. Оп.1. Д.1595. Л.100.

¹⁵Архив Российского института истории искусства. Ф.42. Д.77.

¹⁶Там же.

¹⁷ЦГАВО Украины. Ф.166. Оп.10. Д.1393. Л.279.

¹⁸ГАОО. Ф.р134. Оп.1. Д.1643. Л.43.

¹⁹ЦГАВО Украины. Ф.166. Оп.10. Д.1393. Л.279.

²⁰Б.К. Музей имени Менделеева (к 10-летию со дня смерти Менделеева-Мойхерсфорим) // Шквал. 1928. № 3 (136).

²¹ЦГАВО Украины. Ф.166. Оп.10. Д.1393. Л.279.

²²Там же. Л.27.

²³По местным музеям // Советский музей. 1937. № 8. С.43.

²⁴ЦГАВО Украины. Ф.166. Оп.6. Д.8912. Л.185.

²⁵ГАОО. Ф.р36. Оп.1. Д.26. Л.12.

²⁶ГАОО. Ф.р134. Оп.1. Д.1642. Л.42.

²⁷Там же.

²⁸Архив Российского института. Указ. источник.

²⁹По местным музеям // Советский музей. 1937. № 8. С.44.

³⁰ЦГАВО Украины. Ф.166. Оп.6. Д.8912. Л.186.

³¹Одесська область на 1933 р. Одеса, 1933. С.268.

³²По местным музеям // Советский музей. 1937. № 8. С.44.

³³Б.Г. За музеї, проти живих експонатів у них // Чорноморська комуна. 22.05.1931.

³⁴Одесский мартиролог. Данные о репрессированных в Одессе, Одесской области за годы Советской власти. Одесса, 1997. Т.1. С.507.

³⁵Там же. С.112.

³⁶Там же. С.356.

³⁷Там же. С.254.

³⁸*Боровой С.* Указ. соч.; *Островский Г.* Мартиролог еврейских музеев // Окна. 22.02.1996; *Бужевич Л.* Музей еврейской культуры // Одесский листок. Октябрь. 1997.

³⁹Одесский историко-краеведческий музей (далее ОИКМ). Инв.№ Д-11387.

⁴⁰Там же.

⁴¹Там же.

⁴²*Бужевич Л.* Музей еврейской культуры // Одесский листок.

⁴³ЦГАВО Украины. Ф.166. Оп.11. Д.447. Л.2.

⁴⁴ОИКМ. Инв. № Д-11397.

⁴⁵ОИКМ. Инв. № Д-11388.

⁴⁶ОИКМ. Инв. № Д-11389.

⁴⁷ОИКМ. Инв. № Д-11392.

⁴⁸ОИКМ. Инв. № Д-11400.

⁴⁹ОИКМ. Инв. № Д-11402.

⁵⁰ОИКМ. Инв. № Д-11394; 11395; 11396.

⁵¹ОИКМ. Инв. № Д-11401.

⁵²ОИКМ. Инв. № Д-11393.

⁵³ОИКМ. Инв. № Д-11387.

⁵⁴ОИКМ. Инв. № Д-11389.

⁵⁵Там же.

⁵⁶ОИКМ. Инв. № Д-11387.

ЗМІСТ — СОДЕРЖАНИЕ
ПОЗА РУБРИКАМИ — ВНЕ РУБРИК

ДО ЧИТАЧА

3

Юліан Тувім

МИ, ПОЛЬСЬКІ ЄВРЕЇ...

4

ПРОЗА

Ирина Хорошунова

ВТОРОЙ ГОД ВОЙНЫ

10

Януш Корчак

НА САМОТІ З БОГОМ

Молитви тих, котрі не моляться

74

Инна Лесовая

ЛИБРЕТТО

107

Станіслав Єжи Лец

НЕЗАЧЕСАНІ ДУМКИ

127

Микола Рябчук

МОРЕ-АМОРЕ

140

ПОЕЗИЯ — ПОЭЗИЯ

Дж.Г.Байрон

ЄВРЕЙСЬКІ МЕЛОДІЇ

147

Рина Левинзон

СТИХИ

163

Марк Вейцман

165

НАШІ ПУБЛІКАЦІЇ — НАШИ ПУБЛІКАЦІЇ

Йоханан Петровський-Штерн
 РУССКИЙ «ДИБУК»:
 ОБРАЗЫ И ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ
 167

Семен Ан-ський
 МЕЖ ДВУХ МИРОВ
 («Дибук»)
 184

КРИТИКА ТА ПУБЛІЦИСТИКА — КРИТИКА И ПУБЛІЦИСТИКА

Марк Соколянський
 ОБЩИЕ КОРНИ
 248

Зоя Рожченко
 НЕ ХОЧУ, ЩОБ ВІН ПОМИРАВ!
 265

Давид Харис
 ИЗРАИЛЬ И АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ
 273

ЕПІСТОЛЯРІЯ—ЭПИСТОЛЯРІЯ

«БУБЛИКИ» ДЛЯ ПРОКУРОРА
 Письмо Якова Ядова А.Я.Вышинскому
 289

Григорій Кочур
 ЛИСТИ З ІНТИ
 294

МЕМУАРИ — МЕМУАРЫ

Рабин Давид Кахане
 СЕРЕД НЕЗНАЙОМИХ ЛЮДЕЙ: ПЕРЕХОВУВАННЯ
 В РЕЗИДЕНЦІЇ МИТРОПОЛИТА ШЕПТИЦЬКОГО
 317

МИСТЕЦТВО – ИСКУССТВО

Ирина Климова
ЛУЧИК СВЕТА У КРАЯ БЕЗДНЫ
348

Михаил Сидур
ВРЕМЯ И ЕГО ХУДОЖНИК
Творческая биография Вадима Сидура
354

Олег Сидор-Гибелинда
ВСЕ КАПЛИ ДОЖДЯ ЕГО
384

В. Солодова
СУДЬБА МУЗЕЯ
395

CONTENTS
BEYOND HEADLINES

TO THE READER

3

Julian Tuwim
WE, POLISH JEWS

4

PROSE

Irina Khoroshunova
THE SECOND YEAR OF THE WAR

10

Janusz Korczak
ALONE WITH GOD
Prayers for those who don't pray

74

Inna Lesovaya
LIBRETTO

107

Stanisław Jerzy Lec
UNCOMBED THOUGHTS

127

Mykola Ryabchuk
MORE-AMORE

140

POETRY

George G. Byron
HEBREW MELODIES
Translated by V. Boguslavska

147

Rina Levinson
POEMS

163

Mark Weitzmann

POEMS

165

OUR PUBLICATIONS

Johanán Petrovsky-Stern

RUSSIAN «DIBBUK»:

IMAGES AND TRANSFORMATIONS

167

Semen An-sky

BETWEEN THE TWO WORLDS

(«DIBBUK»)

184

CRITICS AND PUBLICISM

Mark Sokolyansky

COMMON ROOTS

248

Zoia Rozhchenko

I DON'T WANT HIM TO DIE

265

David Harris

ISRAEL AND ARAB-ISRAELI CONFLICT

273

EPISTOLARY

«BAGELS» FOR PROSECUTOR

Letter from Jacob Jadov to A. Vyshinsky

289

Grigory Kochur

LETTERS FROM INTA

294

MEMOIRS

Rabbi David Kakhane
AMONGST UNFAMILIAR PEOPLE:
HIDING IN METROPOLITAN SHEPTIZKY'S RESIDENCE
317

ARTS

Irina Klimova
A RAY OF LIGHT AT THE EDGE OF ABYSS
348

Mikhail Sidur
TIME AND ITS ARTIST
Creative biography of Vadim Sidur
354

Oleg Sidor-Gibelinda
ALL THE DROPS OF HIS RAIN
385

Vera Solodova
A FORTUNE OF THE MUSEUM
395

Інститут юдаїки

спеціалізується на організації досліджень та координації зусиль вчених у галузі вивчення єврейської історії та культури в Україні

Основні форми роботи Інституту:

- ✧ виконання дослідницьких проектів;
- ✧ організація та проведення конференцій, семінарів, лекторіїв;
- ✧ збирання архівів;
- ✧ видавнича діяльність;
- ✧ організація мистецьких виставок;
- ✧ бібліографічні розвідки

Дослідницькі проекти

Історико-архівні програми

- ✧ опис єврейських фондів та документів в архівах України;
- ✧ вивчення історії репресій проти євреїв та єврейської культури за матеріалами архівів ДПУ, НКВС, КДБ;
- ✧ формування фотоархіву «Єврейський світ» (фотографії кінця XIX — початку XX ст.);
- ✧ відродження організованого єврейського життя в Україні: 1987-2001 рр. ;
- ✧ вивчення історії КАТАСТРОФИ;
- ✧ формування кіноархіву: єврейська тема у кінематографі України XX ст.;
- ✧ створення енциклопедії «Українське єврейство».

Соціологічні, демографічні та політологічні програми

- ✧ проект «Долі євреїв України у XX столітті» — запис усних історій людей старшого віку;
- ✧ моніторинг проблем міжнаціональних відносин;
- ✧ моніторинг ксенофобських, антисемітських акцій, публікацій, виступів. Розробка програм сприяння толерантності та багатокультурності в українському суспільстві;
- ✧ демографічний прогноз чисельності єврейства України;

Мистецькі програми

- ✧ організація виставок: єврейська тема у живопису, графіці, скульптурі художників України;
- ✧ дослідження історії арт-юдаїки в Україні.

Конференції, семінари, лекторії

Починаючи з 1993 року, *Інститут* щорічно організує та проводить міжнародну наукову конференцію «Єврейська історія та культура в країнах Центральної та Східної Європи».

Видавнича діяльність

Інститут видав:

- ✧ Художньо-публіцистичний альманах «Єгупець» (№1-9, 1995-2002 рр.). Ред. Г.Аронов;
- ✧ Матеріали міжнародних наукових конференцій «Єврейська історія та культура в країнах Центральної та Східної Європи» (1994-2001 рр.). Ред. Г.Аронов;
- ✧ Матеріали Єрусалимської конференції 1993 р. «Україно-єврейські взаємини» («Філософська і соціологічна думка», №№ 1-2, 5-6, 1994 р.). Ред. Л.Фінберг;
- ✧ «Jews and Slavs» v.5, Jerusalem, 1996. Ред. В. Москович, Л.Фінберг та ін.;
- ✧ С.Рос. Легальные средства борьбы против антисемитизма. Ред. В.Миндлин. 1996;
- ✧ «Поле відчаю й надії». Ред. та упорядник Р.Корогодський. 1994;
- ✧ Шимон Маркиш. Бабель и другие. Ред. Л.Финберг. 1996;
- ✧ Новые реалии Украины: украинско-еврейский диалог. Ред. Л.Финберг. 1997;
- ✧ М.Кальницький. Синагога Киевской иудейской общины. 5656-5756. Исторический очерк. 1997;
- ✧ Підготовчі матеріали для популярної енциклопедії «Українське єврейство». Вип. 3 - 1998, вип. 4 - 1999 (репринти статей до тому «Україноюдаїка. Українсько-єврейські взаємини»). Ред. М.Феллер;
- ✧ Карта-схема «Єврейські адреси Києва». Упорядники О.Школяренко, М.Кальницький, З.Чечик. 1998. Вид. друге, доповнене. 1999; Вид. третє, 2001.
- ✧ Ж.Ковба. Людяність у безодні пекла. Поведінка місцевого населення Східної Галичини в роки «остаточного розв'язання єврейського питання». 1998; Вид. друге, доповнене. 2000;
- ✧ М.Мицель. Общины иудейского вероисповедания в Украине (Киев, Львов: 1945-1981 гг.). 1998;
- ✧ Труды еврейской историко-археографической комиссии 20-30-х годов. Сост. В.Хитерер. 1999.
- ✧ Живыми остались только мы. Свидетельства и документы. Ред. та упорядник Б.Забарко. 1999;
- ✧ Гелий Аронов. Как я был... 2000;
- ✧ Перец Маркіш. Наречений завірюхи. Вірші і поеми. Переклад з їдиш В.Богуславської. 2000;
- ✧ И.Зисельс. Если я только для себя... 2000. Ред. М.Петровский;
- ✧ В.Скуратовский. Проблема авторства «Протоколов сионских мудрецов». Ред. М.Петровский. 2000;
- ✧ «Jews and Slavs», v.7, ред. В. Москович, Л.Фінберг, М.Феллер. 2000;
- ✧ В.Хитерер. Документы по еврейской истории в киевских архивах (XVI-XXвв.). 2001;
- ✧ М.Береговский. Пуримшпили. Еврейские народные музыкально-театральные представления. 2001;
- ✧ Р.Метельницький. Деякі сторінки єврейської забудови Луцька. Ред. М.Петровский. 2001;
- ✧ Родной голос. Страницы русско-еврейской литературы конца XIX-начала XX вв. Составитель Шимон Маркиш, 2001.
- ✧ Поза межами розуміння. Богослови та філософи про Голокост. Ред. Л.Фінберг 2001.

- ✘ Перец Маркіш. Вибране. Перекладач та упорядник В.Богуславська.
- ✘ Хонигсман Я. Благотворительность евреев Врсточной галицини / Ред. М.Феллер. Совместно с институтом социально-общинних работников «Джойнт», дир. Забарко.

Образотворчі видання:

- ✘ Ілюстрований єврейський календар на 5757-5758 (1998-1999 рр.). /Єврейське ритуальне срібло/. 1997;
- ✘ Єврейський календар на 1999-2000. /Єврейська книжкова графіка/. 1999;
- ✘ Еврейский календарь-справочник на 5760 (1999-2000). 1999;
- ✘ Єврейські поздоровчі листівки (Песах, Пурим, Рош-а-шана, Симхат Тора, Ханука). 1999;
- ✘ Єврейський календар на 2000-2001. /Сучасна арт-юдаїка України/. 2000;
- ✘ Еврейский календарь-справочник на 5761 (2000-2001). 2000;
- ✘ Еврейский календарь на 2000-2001. /Єврейские сказки/. 2000;
- ✘ Єврейський календар на 2001-2002. /Єврейська тема в творах українських майстрів XIX-XX ст./. 2001;
- ✘ Б.Лекарь. /Альбом репродукцій/. Предисл: М.Петровский, Г.Островский. 2001.

Інститут готує до видання:

- ✘ Художньо-публіцистичний альманах «Єгупець» № 11;
- ✘ Електронний варіант Енциклопедії «Українське єврейство». Редактор М. Феллер;
- ✘ Путівник «Єврейська історія та культура України». Ред. М.Кальницький;
- ✘ Олександр Круглов. Документи по історії Холокоста. Ред. Р.Ленчовский
- ✘ Матеріали ІХ міжнародної наукової конференції 2001 р. «Єврейська історія та культура в країнах Центральної та Східної Європи» — Доля єврейської духовної та матеріальної спадщини у ХХ столітті.
- ✘ Ковба Ж. Рабини і греко-католицькі священики в роки Голокосту.
- ✘ Мозес С. Любовь и Тора (Библия). Ред. В.Каденко.
- ✘ Щоденник рабина Кохане. Ред. Ж.Ковба.
- ✘ Редлих Ш. Разом і нарізно у Бжезанах. Ред. М.Петровський.
- ✘ Єврейські календарі 5763 (2002-2003).
- ✘ Буклет «Абрам Маневич».

Адреса Інституту:

Україна, 03049, Київ, вул. Курська, 6
 тел./факс. 38 (044) 248-89-17
 E-mail: judaica@svitonline.com;
 Internet: <http://www.judaica.kiev.ua>

Institute of Jewish Studies

*Specializes on organization of research and coordination of efforts of scientists
in the field of Jewish history and culture in Ukraine*

Institute's Main Activities:

- ✧ research projects;
- ✧ organization of conferences, seminars, lectures;
- ✧ collection of archives;
- ✧ publications;
- ✧ organization of artistic exhibitions;
- ✧ bibliographic explorations

Research Projects

Historical-Archival Programs

- ✧ Description of Jewish funds and documents in the archives of Ukraine;
- ✧ Study of the history of repression against Jews and Jewish culture according to the archives of DPU, NKVD, KGB;
- ✧ Formation of the «Jewish World» photo-archive (photographs dated the end of the 19th – beginning of the 20th centuries);
- ✧ Revival of the well-organized Jewish life in Ukraine. 1987-1998;
- ✧ Study of the history of the HOLOCAUST;
- ✧ Formation of a film archive: Jewish theme in Ukraine's cinematography of the 20th century;
- ✧ Creation of the «Ukrainian Jewry» Encyclopedia.

Programs in Sociology, Demography and Political Science

- ✧ Project «Fates of Jews of Ukraine in the 20th century» – recording of oral stories of older people;
- ✧ Monitoring of problems in ethnic relations;
- ✧ Monitoring of xenophobic, anti-Semitic actions, publications, and statements. Development of programs for promotion of tolerance and multiculturalism in the Ukrainian society;
- ✧ Demographic forecast of the number of Jews in Ukraine;

Arts Programs

- ✧ Organization of exhibitions: Jewish theme in pictorial, graphic and plastic arts of Ukrainian artists;
- ✧ Studies in Ukrainian art-Judaic.

Conferences, Seminars, Lectures

Since the year of 1993, the *Institute* organizes and annually holds International Scientific Conferences on the subject «Jewish History and Culture in Central and Eastern Europe».

Publishing Activities

The Institute has published:

- ✂ The literary-sociopolitical almanac «Yehupets» (#1-8, 1995-2001). Editor G. Aronov.
- ✂ Materials of the International Scientific Conference «Jewish History and Culture in Central and Eastern Europe» (1994-2000). Editor G. Aronov;
- ✂ Materials of the Jerusalem conference in 1993 on the subject «Ukrainian-Jewish Relations» («Philosophical and Sociological Thought», ##1-2, 5-6 1994. Editor L. Finberg);
- ✂ «Jews and Slavs» v/5, Jerusalem, 1996/ Editors V. Moskovich, L. Finberg, etc.;
- ✂ S. Ros. Legal Means of Fight Against Anti-Semitism. Editor V. Mindlin, 1996;
- ✂ «The Field of Despair and Hope», editor and compiler R. Korogodsky, 1994.
- ✂ Shimon Markish Babel and Others. Editor L. Finberg, 1996.
- ✂ «New Realities of Ukraine: Ukrainian-Jewish Dialogue», editor L. Finberg, 1997.
- ✂ M. Kalnytsky, Synagogue of the Kiev Jewish Community. 5656-5756. Historical Review, 1997.
- ✂ Preparatory materials for the popular Encyclopedia «Ukrainian Jewry», third issue (preprints of the articles for the volume on «Ukrainian-Jewish Studies. Ukrainian-Jewish Relations»). Editor Martin Feller, 1997, 1998.
- ✂ A tour map «Jewish Addresses of Kyiv» compiled by O. Shkoliarenko, M. Kalnytsky, Z. Chechyk, 1998, 1999.
- ✂ Zh. Kovba. Humanity in the Precipice of Hell. Conduct of the Local Population in Western Galitsia during the Years of the Ultimate Solution of the Jewish Problem, 1998; Second edition – 2000.
- ✂ M. Mitsel. Jewish Religious Communities in Ukraine (Kiev, Lvov, 1945-1981), 1998.
- ✂ «Works of the Jewish Historical-Archeographic Commission of the 1920-30-ies», compiled by V. Khiterer. 1999.
- ✂ «Only We Survived. Testimonies and Documents», editor and compiler B. Zabarko, 1999.
- ✂ Geliy Aronov. How I Was..., 2000.
- ✂ Peretz Markish. Narecheny Zaviriukhy, Poems. Translation from Yiddish by Bohuslavka, Editor M. Petrovsky. 2000.
- ✂ Joseph Zisels. If Only for Myself... Editor M. Petrovsky. 2000.
- ✂ V. Skuratovsky. Problem of Authorship of «The Protocols of the Elders of Zion», Editor M. Petrovsky. 2000.
- ✂ «Jews and Slavs» v.7, editors V. Moskovich, L. Finberg, M. Feller, 2000.
- ✂ V. Khiterer. Documents on the Jewish History in Archives of Kiev (the 16th-20th centuries). 2001.
- ✂ M. Beregovsky. Purimshpils. Jewish folk musical-theatre performance. 2001.
- ✂ R. Meterlnytsky. Some Aspects of Jewish Construction in Lutsk. Editor M. Petrovsky. 2001.
- ✂ Native Voice. Pages of the Russian-Jewish Literature of the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. Compiler Shimon Markish. 2001.
- ✂ Beyond the frontiers of understanding. Editor L. Finberg. 2001.
- ✂ Perets Markish. Selected Works. Compiled and translated by V. Boguslavka

- ✂ Yakov Khonigsman. Jewish Charity in Eastern Galitsia.// Editor M. Feller/Jointly with the Institute of Social Community Workers («Joint», director – B.Zabarko).

Arts Publications:

- ✂ The Illustrated Jewish Calendar for 5757-5758 – 1998-1999. /Jewish Ritual Silver/. 1997.
- ✂ Jewish Calendar for 1999-2000. /Jewish Book Graphics/. 1999.
- ✂ Jewish Reference Calendar for 5760 (1999-2000), 1999.
- ✂ Jewish Holiday Leaflets (Passover, Purim, Rosh Hashanah, Simhat-Torah, Hanukah), 1999.
- ✂ Jewish Calendar for 2000-2001. /Modern art-Judaic of Ukraine/. 2000.
- ✂ Jewish Reference Calendar for 5761 (2000-2001). 2000.
- ✂ Jewish Calendar for 2000-2001. /Jewish Fairytales/. 2000.
- ✂ Jewish Calendar for 2001-2002. /The jewish theme in picture of Ukranian artists XIX-XX cen./. 2001.
- ✂ Boris Lekar. /An Album of Reproductions/. 2001.

The Institute Is Preparing for Publication:

- ✂ The artistic-publicist almanac «Yehupets» #11.
- ✂ Encyclopedia «Ukrainian Jewry», editor M. Feller.
- ✂ Guide «Jewish History and Culture of Ukraine», editor M. Kalnytsky.
- ✂ Olexander Kruglov. Documents on the History of the Holocaust, editor R.Lenchovsky.
- ✂ Materials of The Ninth International Scientific Conference «Jewish History and Culture in Countries of Central and East Europe — «Fates of Jewish Spiritual and Material Heritage in the 20th Century».
- ✂ Zh. Kovba. Rabbis and Greek-Catholic Priests during the Holocaust
- ✂ S.Moses. Love and Torah (Bible) /edited by V. Kadenko
- ✂ Dairy of Rabbi M. Kochan / edited by Zh. Kovba
- ✂ Sh.Redlich. Bzhesane-Bzhesane /edited by M. Petrovsky
- ✂ Booklet «Abram Manevich»
- ✂ Jewish calendars for 5763 (2002-2003)

Address of the Institute:

6, Kurska Street, Kiev 03049 Ukraine
 Tel./ Fax. 38 (044) 248-89-17
 E-mail: judaica@svitonline.com;
 Internet: <http://www.judaica.kiev.ua>

ДРУЗИ ТА ПАРТНЕРИ ІНСТИТУТУ ЮДАЇКИ

Університети та науково-дослідницькі центри: Національний університет «Кієво-Могилянська Академія», Міжнародний Соломонів Університет, Інститут соціології Національної Академії Наук України, Інститут політичних та етнонаціональних досліджень Національної Академії Наук України, Інститут філософії Національної Академії Наук України, Гете-інститут, Донецький Державний університет, Львівська Богословська Академія, Державний музей театрального та кіномистецтва України, Санкт-Петербурзький єврейський університет, Незалежний центр соціологічних досліджень (Санкт-Петербург), Центр єврейських досліджень Російської Академії Наук, Центр наукових працівників і викладачів юдаїки у ВУЗах «Сефер», Науково-освітній центр «Голокост» (Москва), Центр біографічних досліджень «CENTROPA» (Австрія), Музей Голокосту (Вашингтон), Музей «Яд Вашем», Центрально-європейський університет, ОБТА, Jerusalem Center for Public Affairs Іерусалимський університет, Тель-Авівський університет, Гарвардський університет та інші.

Посольства, з якими співпрацює Інститут: Австрії, Аргентини, Нідерландів, Сполучених Штатів Америки, Франції, Чехословаччини.

Медіа-партнери: Радіо «Свобода», телевізійна студія «1 + 1», газети — «Критика», «Єврейський обозреватель», «Хадашот», журнали: «І», «Сучасність».

Єврейські організації: Асоціація єврейських організацій та общин України Ваад, Об'єднання єврейських релігійних організацій та общин України, Київське відділення Американського Єврейського Об'єданого Розподільчого Комітету «ДЖОЙНТ», Єврейська Конфедерація України, Євроазіатський єврейський конгрес, Київська міська єврейська громада, Сохнут України, Єврейський общинний центр «Соняшник», «Гілель», Інститут общинних і соціальних працівників «Джойнт», Ваад Росії, Російський Єврейський Конгрес та ін.

Організації загально-демократичного спрямування: Харківське правозахисне бюро, Українська Гельсінкська група, Конгрес національних організацій та громад України та інші.

Видавництва: «Дух і літера», «Задруга», «Соборна Україна», «Сфера», «Гешарим» (Ізраїль), «Мосты культуры» (Москва).

Галереї: «Тадзіо», «Дім Миколи», Музей Івана Каваларідзе, «Гончари».

Спонори: Київське відділення Американського Єврейського Об'єданого Розподільчого Комітету «ДЖОЙНТ», Асоціація єврейських організацій та общин України Ваад, Conference on Jewish materials Claims against Germany (USA), Memorial Foundation for Jewish Culture (USA), American Jewish Committee (USA), The Jewish Communities Development Fund, Hanadiv Charitable Foundation, Міжнародний фонд «Відродження» (Україна), Єврейська Конфедерація України, Євро-Азіатський Єврейський Конгрес, Research Support Scheme (Prague), American Jewish World Service (USA).

видавництво
«ДУХ і ЛІТЕРА»

м. Київ

пропонує твори гуманітарної класики

Михайлина Коцюбинська. Зафіксоване і нетлінне – К.: Дух і Літера, 2001 — 300 с.

Мирон Пертровський. Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова – К.: Дух і Літера, 2001 – 367 с.

Гелій Сиегирев. Автопортрет 66 – К.: Дух і Літера, 2001 – 120 с.

Вадим Скуратовський. Проблема авторства «Протоколов сносских мудрецов» – К.: Дух і Літера, 2001 – 241 с.

Ростислав Метельницький. Деякі сторінки Єврейської забудови Луцька — К.: Дух і Літера, Інститут юдаїки, 2001 – 178 с.

Родной голос: Страницы русско-еврейской литературы конца 19 – начала 20 в. /Сост. Шимон Маркиш – К.: Дух і Літера, 2001 – 468 с.

Кліффорд Гіри. Інтерпретація культур – К.: Дух і Літера, 2001 – 542 с.

Сергей Авериццев. София-Логос. Словарь / Изд. 2-е, испр. и доп. – К.: Дух і Літера, 2001. – 450 с.

Антоній (Блум), митрополит Сурожський. Пути христианской жизни – К.: Дух і Літера, 2001. – 280 с.

Сергей Авериццев. Стихи духовные. – К.: Дух і Літера, 2001. – 146 с.

Алексис де Токвиль. Старый Порядок и Революция / Пер. с фр. – К.: Дух і Літера, 2001 – 300 с.

Готуються до друку

Ханна Арендт «Між минулим і майбутнім», Костянтин Сігов «Європейський палімпсест», Поль Рікер «Про справедливість», Чарлз Тейлор «Етика автентичності», Еліседа Макінтайр «За чеснотою», Христос Яннарас «Свобода етосу», нові числа часопису «Дух і літера»

З питань замовлення та придбання літератури звертатися:

Видавництво «Дух і Літера»

Національний Університет Києво-Могилянська Академія
4 корпус кім.210

вул. Волоська, 8/5, м.Київ, 04070, Україна
Тел.: (044) 416-60-20 Факс: (044) 213-91-49
e-mail: franc@roller.ukma.kiev.ua

Надасмо послуги «Книга-поштою»

